

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2013 № 1 (53)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А., д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Бабищ М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Сербия).
Дружинин В. Г., д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Сербского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., главный редактор, председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, доцент.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редактор выпуска – Л. С. Старикова
Компьютерная верстка – В. А. Шерина

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2013 № 1 (53)

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
K. E. Afanasyev, Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Babic, Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Serbia).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich, Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic, Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa, Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin, Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor – *L. S. Starikova*
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1212.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150
Каталог российской прессы «Почта России» – 51944

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1212.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue “The Press of Russia”
51944 – in the Catalogue of the Russian press “The Post of Russia”

Free access to the Bulletin is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Bulletin is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 8 **Великанова Е. А., Головкин А. С., Мухамедияров Р. А., Торопова Я. Г., Лисаченко Г. В.** Депонирование липосом, содержащих VEGF, после интрамиокардиального и системного введения при экспериментальном инфаркте миокарда
- 12 **Волков А. Н., Мартынюк А. И., Ларионов А. В., Шишкова Д. К., Минина В. И., Тимофеева А. А., Дружинин В. Г.** Полиморфизм двух генетических маркеров *LIG4* у представителей коренного и пришлого населения Кемеровской области
- 16 **Ковалевский А. В., Ильяшенко В. Б., Гурина А. А., Костюнин А. Е.** Осенняя миграция мухоловок в среднем течении р. Томь
- 23 **Ковригина Л. Н., Степанюк Г. Я.** Особенности строения стебля и продуктивности шестирядных и двурядных сортов ячменя
- 31 **Ковригина Л. Н., Степанюк Г. Я.** Сопряженность элементов продуктивности с признаками структуры стебля у сортов и гибридов ячменя
- 34 **Минина В. И.** Вклад полиморфизма генов ферментов репарации ДНК в хромосомный мутагенез в лимфоцитах крови человека (обзор литературы)
- 39 **Солопёкин Н. В., Лавряшина М. Б., Ульянова М. В., Толочко Т. А., Ларионов А. В., Мейер А. В., Минина В. И., Дружинин В. Г.** Исследование риска подверженности алкоголизму коренного населения юга Западной Сибири по данным молекулярно-генетических маркеров

ИСТОРИЯ

- 44 **Баев О. В., Волчек В. А.** Производительные силы Кузбасса в освещении конференции академии наук СССР 1948 года
- 48 **Батурич А. П.** «Свой» и «чужой», образ друзей и врагов в испанской литературе XVII в. (к вопросу о формировании национального самосознания в испанском обществе в раннее новое время)
- 55 **Ковалев А. С.** Повседневная жизнь нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в 20-х гг. XX в. (по материалам сибирских архивов)
- 61 **Тихонов В. В.** Этнографические музеи под открытым небом Сибири
- 66 **Хрипкова Е. А.** Визуализация темы евхаристии в иконографической программе западного фасада базилики Сен-Дени XII века

МАТЕМАТИКА

- 73 **Чекменев В. А., Чекменева Т. Д.** Многокритериальная оптимизация систем обслуживания с отказами, функционирующих в условиях конкуренции входящих потоков

BIOLOGY

- 8 **E. A. Velikanova, A. S. Golovkin, R. A. Mukhamadiarov, Yu. G. Toropova, G. V. Lisachenko.** Liposomal VEGF deposition after intramyocardial and systemic administration in experimental myocardial infarction
- 12 **A. N. Volkov, A. I. Martinyuk, A. V. Larionov, D. K. Shishkova, V. I. Minina, A. A. Timofeeva, V. G. Druzhinin.** Polymorphism of two *LIG4* genetic markers in the indigenous and migrant population of Kemerovo region
- 16 **A. V. Kovalevsky, V. B. Ilyashenko, A. A. Gurina, A. E. Kostyunin.** Autumn flycatchers migration in the middle reaches of the Tom River
- 23 **L. N. Kovrigina, G. Ya. Stepanyuk.** Features of stalk structure and crop producing power in six-row and two-row barley cultivars
- 31 **L. N. Kovrigina, G. Ya. Stepanjuk.** Correlation between crop producing power and stalk structure features in barley cultivars and hybrids
- 34 **V. I. Minina.** Contribution of DNA repair enzymes genes polymorphism to chromosomal mutagenesis in human lymphocytes (review)
- 39 **N. V. Solopekin, M. B. Lavryashina, M. V. Ulyanova, T. A. Tolochko, A. V. Larionov, A. V. Meyer, V. I. Minina, V. G. Druzhinin.** The study of alcohol addiction risk in the indigenous people of Southwest Siberia according to molecular markers

HISTORY

- 44 **O. V. Baev, V. A. Volchek.** Kuzbass productive forces and their interpretation in the conference held by the USSR academy of sciences in 1948
- 48 **A. P. Baturin.** «Friend» and «foe», the image of friends and enemies in the Spanish literature of the 17th century (on the national identity formation in Spanish society in the early modern period)
- 55 **A. S. Kovalev.** Everyday life of the disabled in resthouses in the 1920s. (as revealed in the Siberian archives)
- 61 **V. V. Tihonov.** Ethnographic open-air museums in Siberia
- 66 **E. A. Khripkova.** Visualization of the eucharistic theme in the 12th century iconographic program for the West façade of the Saint-Denis basilica

MATHEMATICS

- 73 **V. A. Chekmenev, T. D. Chekmeneva.** Multi-criterial optimization for queuing systems with refusals operating at competitive input flows

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- 81 **Шапарев Н. Я.** Лесные ресурсы России и Беларуси в показателях устойчивого развития

ПЕДАГОГИКА

- 87 **Добрыдина Т. И., Лежнина Г. В., Лымарева М. С.** Роль педагогических технологий в формировании общекультурных и профессиональных компетенций бакалавров-религиоведов
- 92 **Казин Э. М., Касаткина Н. Э., Коваленко Н. В.** Научно-теоретические аспекты подготовки педагога физической культуры к реализации здоровьесберегающего образования
- 96 **Крежан А. И., Касаткина Н. Э.** Подготовка студентов сельскохозяйственного вуза к условиям будущей профессиональной деятельности в регионе
- 99 **Ерёмин В. В.** Организация профессионально-ориентированной исследовательской деятельности будущих специалистов в вузе
- 103 **Фомичев Р. С.** Организация исследовательских практик школьников в процессе профильного обучения

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 107 **Асауляк В. В.** Участие региональных отделений политических партий в избирательных кампаниях в Кемеровской области (1990 – 2008 гг.)
- 114 **Воробьев В. В.** Проблема интеграции в экономической сфере в рамках СНГ в 1990-е гг.
- 119 **Митин А. А.** Пути оптимизации взаимодействия левых молодёжных организаций с государством и институтами гражданского общества
- 124 **Шиллер В. В., Шелудков Н. Н.** Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «одноклассники» и «ВКонтакте»)

ПСИХОЛОГИЯ

- 129 **Алонцева А. И., Морозова И. С.** Самоосуществление личности студентов на этапе вхождения в вуз
- 134 **Немолот Е. В.** Ценностно-смысловые составляющие профессиональной деятельности психолога образования

ФИЛОЛОГИЯ

- 141 **Андреева О. Н.** Репрезентация личностных конструктов в эпистолярных текстах (на материале писем в защиту)
- 146 **Бушмина И. В.** Поэтика зеркал-масок в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны»
- 150 **Вильчикова Е. В., Рябова М. Ю.** Иконичность в медиадискурсе (графический уровень)
- 155 **Гуняшова Г. А.** Социальный концепт *FAMILIE* в немецкой языковой картине мира

EARTH SCIENCE

- 81 **N. Ya. Shaparev.** Forest resources of Russia and Belarus in sustainable development indices

PEDAGOGY

- 87 **T. I. Dobrydina, G. V. Lezhnina, M. S. Ly-mareva.** The role of pedagogical techniques in forming bachelor's cultural and professional competences under the *Religious Studies* programme
- 92 **E. M. Kazin, N. E. Kasatkina, N. V. Kovalenko.** Scientific and theoretical aspects of preparing physical education teachers to the realization of health protection in education
- 96 **A. I. Kretsan, N. E. Kasatkina.** Preparing agricultural university students to the future professional activity in the region
- 99 **V. V. Eremin.** The organisation of the professional-oriented research activity for future specialists at the higher educational institution
- 103 **R. S. Fomichev.** The organization of secondary school students research activities in the course of subject-oriented education

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 107 **V. V. Asaulyak.** Participation of the political parties' regional offices of in the election campaigns in Kemerovo region (1990 – 2008)
- 114 **V. V. Vorobiev.** The problem of economic integration in the CIS in the 1990 s
- 119 **A. A. Mitin.** Ways of improving interaction between the left-wing youth organizations and the state and civil society institutes
- 124 **V. V. Shiller, N. N. Sheludkov.** Russian social networks as potential danger for national security of Russia (as exemplified by *Odnoklassniki* and *Vkontakte*)

PSYCHOLOGY

- 129 **A. I. Alontseva, I. S. Morozova.** Self-fulfillment of a student's personality of at the stage of entering high school
- 134 **E. V. Nemolot.** Value-oriented and semantic components in an education psychologist's activity

PHILOLOGY

- 141 **O. N. Andreeva.** Personal constructs representation in the epistolary texts (as revealed in defense letters)
- 146 **I. V. Bushmina.** The poetics of mirror-masks in *Satan's Diary* by L. Andreev
- 150 **E. V. Vilchikova, M. Yu. Riabova.** Iconicity in mediadiscourse (graphical level)
- 155 **G. A. Gunyashova.** The social concept of *FAMILY* in the German linguistic picture of the world

- 163 **Денисенко М. В.** Сопоставительный анализ типологии значений прилагательного *grey* / *серый* на примере художественных произведений
- 170 **Завьялова Г. А.** Прецедентный текст как средство пародирования детективного дискурса
- 174 **Иванова Е. В.** Принципы аранжировки одорических прилагательных в адъективной цепочке (на материале английского языка)
- 178 **Ильина Е. В.** Модальная организация текста и пресуппозитивная стратегия регулирования отношений между содержанием и смыслом
- 184 **Калинина Е. И.** Стратегическая составляющая модели речевого жанра «diary»
- 187 **Константинова Н. А.** Морфо-семантические особенности немецких производных эмотивных глаголов в древне-, средне- и нововерхне-немецком периоде развития языка
- 192 **Макарова Е. Н.** Межъязыковое взаимодействие на супrasegmentном уровне речи
- 195 **Павленкова О. Н.** Когнитивный подход к изучению семантики литотных конструкций в англоязычных блогах Интернета
- 200 **Рытова Т. А.** Мотив хранения и передачи опыта в романах А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» и П. Алешковского «Рыба. История одной миграции»
- 206 **Тваржинская О. В.** Обыденная и профессиональная интерпретация текста (на материале лингвистического эксперимента)
- 212 **Торчакова Н. В.** Словообразовательные модели заимствований в современном китайском языке (на примере технической терминологии)
- 216 **Уканакова Н. В.** Медиа́текст как средство создания стратегий восприятия текста (на материале текстов жанра фанфикшен как зрительских проекций медиа́текста)
- ФИЛОСОФИЯ**
- 223 **Корягин В. В.** Диалектическая логика как методологическая база изучения природы информации
- 227 **Корягин В. В.** Формальная логика как методологическая база изучения природы информации
- 231 **Красиков В. И., Сандаг Энхтуяа.** Религиозная философия средневековых социумов христианско-исламского ареала
- 238 **Просветов С. Ю., Самойлов С. Ф.** Теория историко-философского эксперимента
- 245 **Просветов С. Ю.** Генезис античной философии: антропогенный, социогенный и цивилизационный подходы
- ЭКОНОМИКА**
- 251 **Косинский П. Д., Абраменко О. А.** Реформа местного самоуправления: опыт, проблемы, перспективы развития
- 256 **Кулебакина О. И.** Современные подходы к исследованию качества рабочей силы
- 163 **M. V. Denisenko.** Comparative analysis of the typology of meanings of the adjectives *grey* / *серый* illustrated by examples from fiction works
- 170 **G. A. Zavyalova.** Precedent text as a means of parodying detective discourse
- 174 **E. V. Ivanova.** Principles of arranging olfactory adjectives in a chain of adjectives (in the English language)
- 178 **E. V. Il'ina.** Modal organisation of the text and presupposition strategy of its contents-sense interaction
- 184 **E. I. Kalinina.** Strategies in modeling diary as a speech genre
- 187 **N. A. Konstantinova.** Morphological and semantic features of the German emotive verbs derivatives of in the Old, Middle and New High German periods
- 192 **E. N. Makarova.** Cross language interference on the suprasegmental speech level
- 195 **O. N. Pavlenkova.** Cognitive approach to the lites semantics studies in the english blogs
- 200 **T. A. Rytova.** The motif of keeping and sharing experience in A. Chudakov's *Mist falls on the old stairs* and P. Aleshkovsky's *Fish. The history of a migration*
- 206 **O. V. Tvarzhinskaya.** Everyday and professional interpretations of the text (the data of a linguistic experiment)
- 212 **N. V. Torchakova.** Word-formation models of loanwords in the contemporary Chinese language (case study of technical terms)
- 216 **N. V. Ukanakova.** Mediatext as an instrument for creating readers' perception strategies (as revealed in fanfiction used as text projections)
- PHILOSOPHY**
- 223 **V. V. Koryagin.** Dialectical logic as the methodology base for studying the nature of information
- 227 **V. V. Koryagin.** Formal logic as the methodology base for studying the nature of information
- 231 **V. I. Krasikov, Sandag Enkhtuya.** Religious philosophy in the Middle ages Christian and Islamic societies
- 238 **S. Yu. Prosvetov, S. F. Samoylov.** Historico-philosophical experiment theory
- 245 **S. Yu. Prosvetov.** Genesis of ancient philosophy: anthropogenic, sociogenic and civilization approaches
- ECONOMICS**
- 251 **P. D. Kosinskiy, O. A. Abramenko.** Local self-government reform: experience, problems and development perspectives
- 256 **O. I. Kulebakina.** The modern approaches to researching work force capacity

261	Мандрик Н. Ю. Контроллинг маркетинга на предприятии: роль, место, функции	261	N. Yu. Mandrik. Marketing controlling in a company: its role, position, and functions
265	Прошкин Б. Г. О трех методологических принципах мотивации трудовой деятельности персонала	265	B. G. Proshkin. Three methodological principles of personnel motivation
269	Прошкин Б. Г., Кленикова Н. В. Опыт оценки преподавателей студентами на экономическом факультете Кемеровского государственного университета	269	B. G. Proshkin, N. V. Klenikova. The experience of students' assessing teachers at the Economical Faculty of Kemerovo State University
276	Ростовский Р. В. Влияние демографических процессов на систему образования в России	276	R. V. Rostovskiy. The influence of demographic processes on the system of education in Russia
279	Резник С. Д., Фомин Г. Б. Организация деятельности ректора высшего учебного заведения	279	S. D. Reznik, G. B. Fomin. Organisation of the university rector's activity
283	Смирнова Т. Л. Активная политика занятости и национальные модели рынка рабочей силы	283	T. L. Smirnova. Active employment policy and national models of labour market
287	Стратиенко Л. А. Товары под собственной торговой маркой и розничные сети	287	L. A. Stratienko. Retail and private labels
291	Трифонов В. А. Факторы и принципы формирования промышленно-инновационных кластеров	291	V. A. Trifonov. Factors and principles influencing formation of industrial innovative clusters
295	Урбан О. А., Урбан Н. А. Инновационный потенциал предприятий малого и среднего бизнеса Кузбасса	295	O. A. Urban, N. A. Urban. The innovative potential of small and medium-sized business in Kuzbass
300	Щербакова Л. Н. Категория экономического развития как самостоятельный объект экономического анализа	300	L. N. Shcherbakova. The category of economic development as the object of economic analysis
	ЮРИСПРУДЕНЦИЯ		JURISPRUDENCE
306	Драпезо Р. Г., Сергеев О. Д., Жариков Е. В., Лященко И. В., Быданцев Н. А. Краткий обзор ИТ-технологий, используемых в юридической деятельности	306	R. G. Drapezo, O. D. Sergeev, E. V. Zharikov, I. V. Lyashchenko, N. A. Bydantsev. A short review of Information Technologies (IT) used in legal activity
313	Ломовских Н. Н. Субъекты качества труда	313	N. N. Lomovskikh. The parties to labour quality control
317	Информация для авторов	317	Information for authors
319	Подписка на «Вестник КемГУ»	319	Subscribe to Bulletin of KemSU

БИОЛОГИЯ

УДК: 577.115:616.127-005.8:616-092.9:599.323.4

ДЕПОНИРОВАНИЕ ЛИПОСОМ, СОДЕРЖАЩИХ VEGF, ПОСЛЕ ИНТРАМИОКАРДИАЛЬНОГО И СИСТЕМНОГО ВВЕДЕНИЯ ПРИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ИНФАРКТЕ МИОКАРДА

Е. А. Великанова, А. С. Головкин, Р. А. Мухамадияров, Я. Г. Торопова, Г. В. Лисаченко

LIPOSOMAL VEGF DEPOSITION AFTER INTRAMYOCARDIAL AND SYSTEMIC ADMINISTRATION IN EXPERIMENTAL MYOCARDIAL INFARCTION

E. A. Velikanova, A. S. Golovkin, R. A. Mukhamadiarov, Yu. G. Toropova, G. V. Lisachenko

Проведена оценка органного распределения липосом разного диаметра, содержащих VEGF, после их системного и интрамиокардиального введения на фоне моделированного инфаркта миокарда. Показано, что при местном введении в область моделированного инфаркта миокарда липосомы задерживаются в миокарде. Липосомы меньшего диаметра поглощаются клетками более интенсивно.

Liposomal VEGF of various diameter were examined for their organ distribution following intramyocardial and systemic administration in a model of myocardial infarction. Liposomes were found to stay in the myocardium after intramyocardial administration. Besides, smaller liposomes were more intensively absorbed by cells. No liposomal deposition in the brain was observed.

Ключевые слова: липосомы, VEGF, инфаркт миокарда.

Keywords: liposomes, VEGF, myocardial infarction.

Введение

Несмотря на достижения медицины и биологии последнего времени, остается актуальной проблема терапии ишемических заболеваний. В том числе значимой является проблема доставки лекарственных веществ к ишемизированным областям. Одним из возможных путей решения этой проблемы является использование липосом в качестве средства доставки, обладающего собственной мембраностабилизирующей активностью.

Известно, что свойства липосом связаны с их физическими характеристиками: размером, составом липидной оболочки, зарядом поверхности [1]. Изменяя эти параметры, можно влиять на степень поглощения липосом различными органами, осуществляя, таким образом, пассивную направленность препарата.

Перспективным направлением в области терапии ишемических повреждений миокарда, в частности инфаркта миокарда, признается использование сосудисто-эндотелиального ростового фактора (VEGF). Являясь основным фактором активации и регуляции ангиогенеза, VEGF успешно применяется в ряде экспериментальных и клинических исследований [2]. Однако непродолжительное время существования фактора роста в кровотоке (15 мин) [8]), а также возможная токсичность в высоких концентрациях [6] ограничивают использования VEGF в терапевтических целях. Известно, что липосомы эффективно сохраняют включенные вещества от разрушения в кровотоке, а также за счет направленной доставки к клеткам позволяют использовать более низкие концентрации ростового фактора.

Поскольку распределение липосом в организме зависит от включенных в их состав веществ [9], необходима оценка органного распределения липосом с VEGF и возможности их использования для направленной доставки к миокарду.

Цель: определить особенности органного распределения липосом различного диаметра, содержащих VEGF после интрамиокардиального и системного введения при моделированном инфаркте миокарда.

Материалы и методы

Липосомы получали методом гидратации липидной пленки с последующей экструзией через поликарбонатные фильтры заданного размера. Изготавливались липосомы диаметром 50 нм и 100 нм. Липидная фаза состояла из лецитина и холестерина в соотношении 7:3. Для визуализации липосом в их состав вводили люминесцентный краситель. Для этого в липидную оболочку включали флуоресцентный краситель PKH2 в молярном соотношении краситель:липид 1:15000. Во внутреннюю фазу включали VEGF в концентрации 5 нг/мл. Липосомы перед применением разводили физиологическим раствором до рабочей концентрации 2,5 мг/мл в пересчете на липиды.

Эксперимент проводили на 30 самцах крыс линии Вистар массой 300 – 350 г. Инфаркт миокарда моделировали лигированием диагональной ветви коронарной артерии.

Липосомы вводили на 3 сутки после операции моделирования инфаркта миокарда. Использовали два варианта введения липосомальных композиций – интрамиокардиальное и системное. При интрамиокардиальном введении на 3 сутки животным проводили повторную операцию и выполняли 3 – 4 местные инъекции липосом в область верхушки сердца вблизи зоны инфаркта. Суммарный объем введенной субстанции составлял 0,5 мл. При системном введении делали инъекцию липосомального препарата аналогичного объема в хвостовую вену. Животных выводили из эксперимента на 3 сутки после повторной операции. Извлекали сердце, легкие, печень, почку, селезенку, головной мозг; замораживали в жидком азоте. Для оценки распределения липосом криостатные срезы органов тол-

щиной 8 мкм анализировали с помощью люминесцентного микроскопа AxioImager.A1.

Результаты

На 3 сутки после интрамиокардиального введения липосом диаметром 100 нм свечение флуоресцентной

метки сохранялось в миокарде (рис. 1). Наблюдалось выраженное свечение красителя в межклеточном пространстве. Также отмечалось окрашивание кардиомиоцитов.

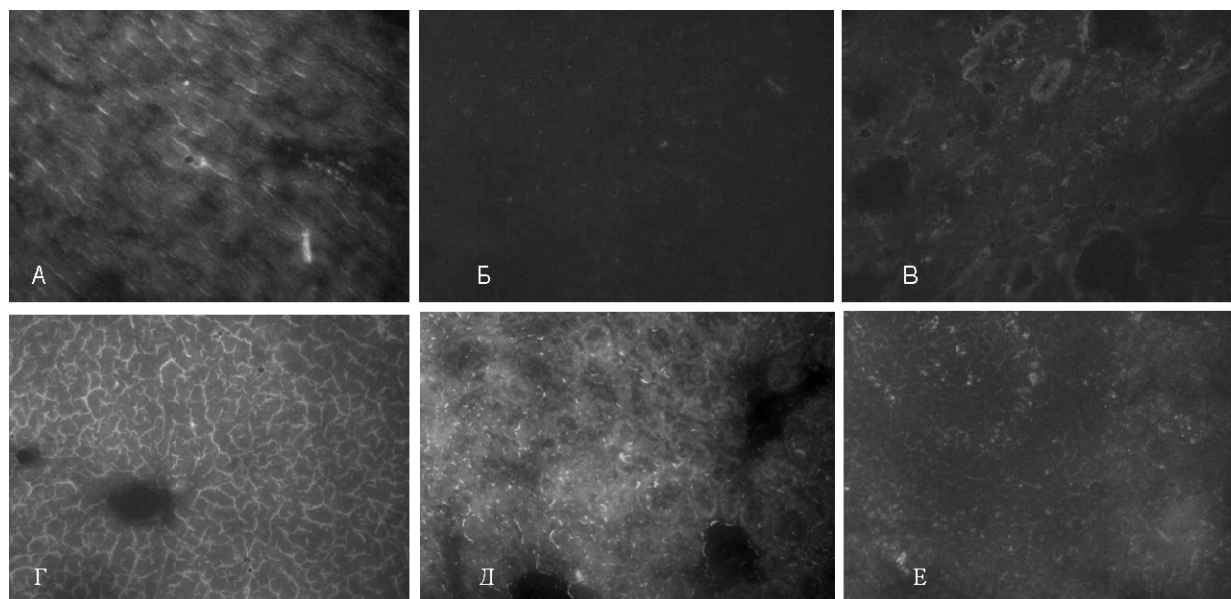

Рис. 1. Органное распределение флуоресцентно меченных липосом размером 100 нм через 3 суток после местного введения. Ув. x200

A – миокард, Б – головной мозг, В – легкие, Г – печень, Д – почка, Е – селезенка

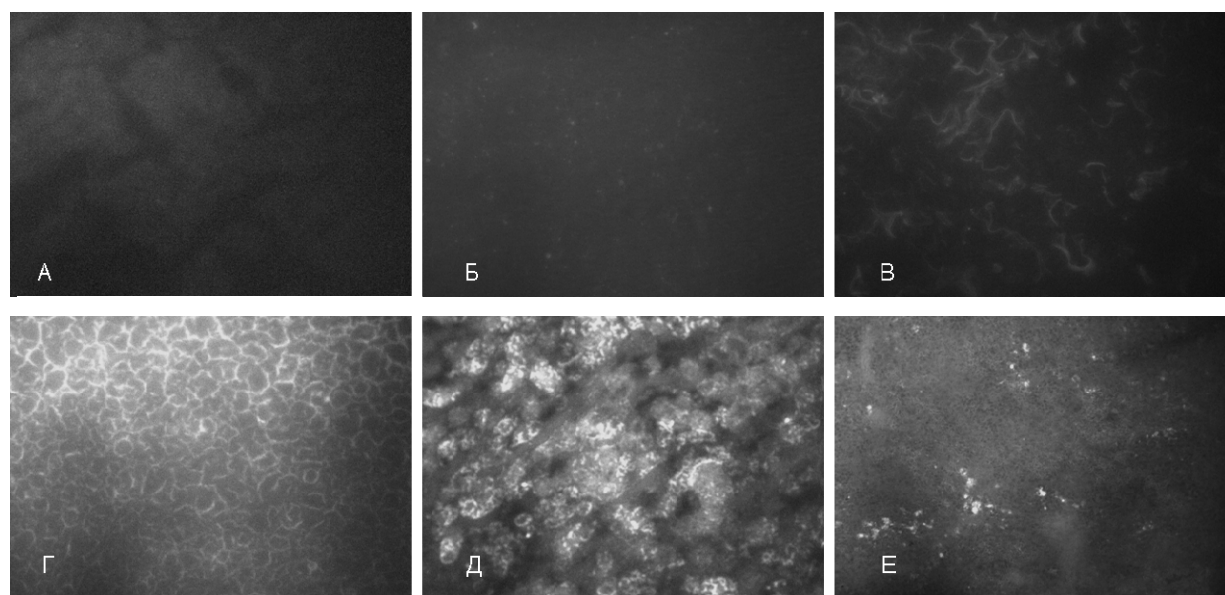

Рис. 2. Органное распределение флуоресцентно меченных липосом размером 100 нм через 3 суток после системного введения. Ув. x 200

A – миокард, Б – головной мозг, В – легкие, Г – печень, Д – почка, Е – селезенка

При исследовании других органов после интрамиокардиального введения меченых липосом наиболее выраженная концентрация флуоресцентной метки наблюдалась в печени и в почках. Менее выраженная флуоресценция наблюдалась в селезенке. В легких обнаруживались отдельные включения флуоресцентной метки, прокрашивался преимущественно эндоте-

лий сосудов. В головном мозге свечение метки не отмечалось.

После системного введения липосом диаметром 100 нм их органное распределение несколько отличалось от картины, наблюдавшейся после интрамиокардиального введения (рис. 2). Наибольшая выраженность свечения также наблюдалась в печени, почках,

селезенке, однако концентрация метки заметно превышала таковую при местном введении липосом. В легких наблюдались отдельные включения флуоресцентной метки. В головном мозге метка не обнаруживалась. Однако при системном введении липосом не отмечалось содержание метки в миокарде.

Через 3 суток после местного введения липосом диаметром 50 нм в миокарде было замечено свечение

флуоресцентной метки, значительно менее выраженное, чем при введении липосом размером 100 нм (рис. 3). При этом не наблюдалось накопления метки в межклеточном пространстве, окрашивались только кардиомиоциты. Также флуоресцентная метка обнаруживалась в легких, печени. Свечение большей интенсивности наблюдалось в почках и селезенке.

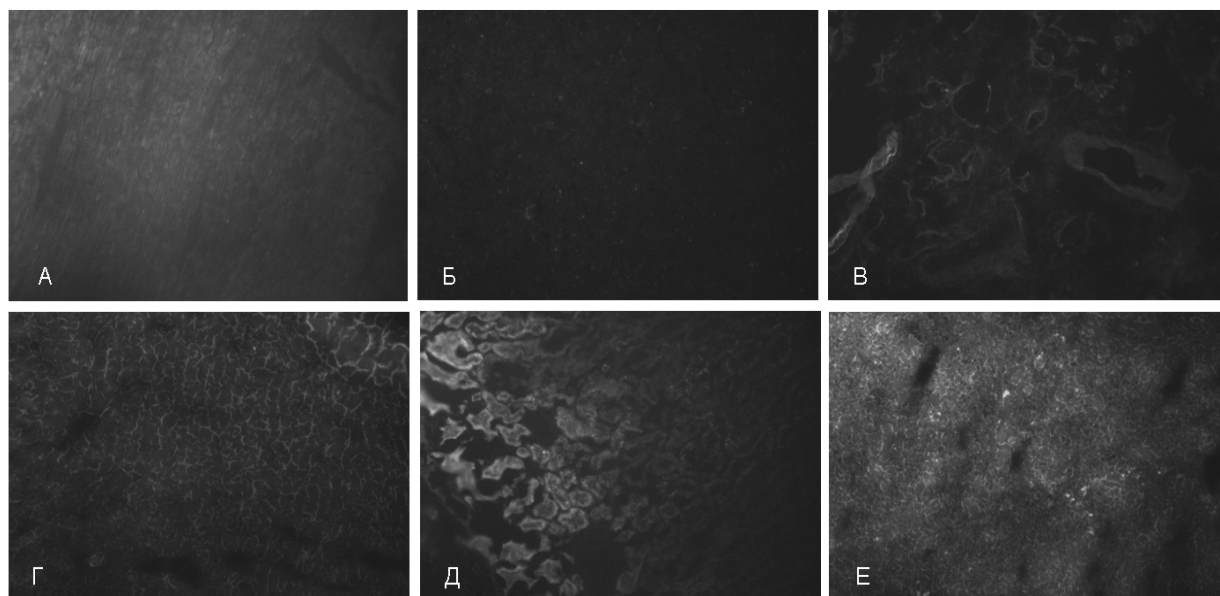

Рис. 3. Органное распределение флуоресцентно меченных липосом размером 50 нм через 3 суток после местного введения. Ув. x 200
А – миокард, Б – головной мозг, В – легкие, Г – печень, Д – почка, Е – селезенка

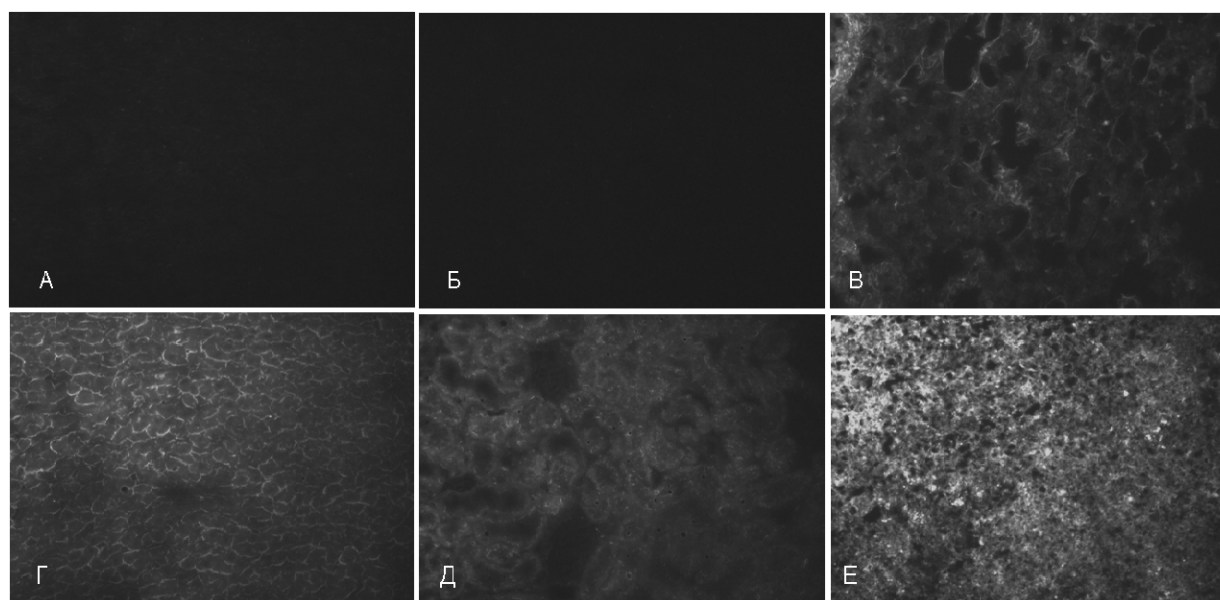

Рис. 4. Органное распределение флуоресцентно меченных липосом размером 50 нм через 3 суток после системного введения. Ув. x 200
А – миокард, Б – головной мозг, В – легкие, Г – печень, Д – почка, Е – селезенка

Распределение метки после системного введения липосом размером 50 нм отличалось от местного введения более выраженным накоплением метки в селе-

зенке и печени; при этом в миокарде свечения не было отмечено (рис. 4).

В головном мозге свечение метки не наблюдалось как при местном, так и при системном введении липосом.

Обсуждение

При добавлении красителя РКН2 к смеси лецитина и холестерина он специфически связывается с липидами, оставаясь закрепленным в оболочке липосом. Таким образом, при визуализации флуоресцентной метки можно судить об органном распределении и накоплении липосом. Кроме того, по интенсивности окрашивания мембран клеток можно сделать вывод о включении липосом в клетку.

По данным научной литературы, липосомы быстро поглощаются из кровотока и выводятся клетками ретикулоэндотелиальной системы [7; 10]. В нашем эксперименте было отмечено, что максимальное накопление меченных липосом происходит в печени, селезенке и почках независимо от способа введения (интрамиокардиальное/системное) и размера липосом (50 нм, 100 нм). При системном введении липосомы, по-видимому, полностью выводятся из кровотока и в других органах не обнаруживаются. Однако при местном введении часть липосом задерживается в миокарде.

Высказывались предположения, что внутримышечное введение липосом может приводить к их депонированию на срок до 6 суток [4]. Также существует мнение о сохранении липосомальной субстанции в межклеточном пространстве. Наши эксперименты также показали, что при интрамиокардиальном введении липосом размером 100 нм на 3 суток наблюдения отмечалось их накопление в межклеточном пространстве. За счет этого при местном введении липосом возможно осуществление пролонгированного эффекта включенного в их состав VEGF.

В случае введения липосом размером 50 нм не отмечено их накопления в межклеточном простран-

стве. Практически вся люминесценция наблюдалась в клеточных мембранах и цитоплазме кардиомиоцитов. Вероятно, липосомы этого размера интенсивнее поглощаются кардиомиоцитами.

В тканях легких отмечалось лишь незначительное включение липосом, преимущественно окрашивался эндотелий сосудов. Различий между группами с использованием липосом разного размера не наблюдалось.

Высказывались предположения, что липосомы должны хорошо проникать через гематоэнцефалический барьер и могут быть использованы для решения проблемы доставки лекарственных веществ в головной мозг [3]. Однако некоторые исследователи считают, что системное введение липосом недостаточно эффективно, так как количество попадающего в мозг препарата очень невелико. При этом местное введение не дает возможность получить равномерное распределение препарата в ткани головного мозга [11]. Отмечается, что эффективная доставка липосом в головной мозг достигается лишь при перфузии сонной артерии иммунолипосомами [5].

В данном эксперименте накопления липосомального препарата в головном мозге не наблюдалось как при местном, так и при системном введении липосом разного размера. Таким образом, негативного воздействия включенного в липосомы препарата на головной мозг не ожидается.

Вывод

При интрамиокардиальном и системном введении значительная часть липосомального препарата поглощается печенью и селезенкой. При местном введении в область моделированного инфаркта миокарда липосомы задерживаются в миокарде, а липосомы меньшего диаметра поглощаются клетками более интенсивно.

Литература

1. Барсуков, Л. И. Липосомы / Л. И. Барсуков // Соровский образовательный журнал. – 1998. – № 10.
2. Парфенова, Е. В. Терапевтический ангиогенез: достижения, проблемы, перспективы / Е. В. Парфенова, В. А. Ткачук // Кардиологический вестник. – 2007. – Т. 2. – № 2.
3. От липосом семидесятых к нанобиотехнологии XXI века / В. И. Швец [и др.] // Рос. нанотехнол. – 2008. – № 3.
4. Шраер, Т. И. Применение взвеси липосом при экспериментальном локальном гнойном процессе / Т. И. Шраер, В. М. Крейнс, Н. А. Голубчикова // Хирургия. – 1988. – № 4.
5. Schnyder, A. Drug Transport to Brain with Targeted Liposomes / A. Schnyder, J. Huwyler // NeuroRx. – 2005. – Т. 2. – № 1.
6. Angiogenesis therapy: amidst the hype, the neglected potential for serious side effects / S. E. Epstein [et al.] // Circulation. – 2001. – № 104.
7. Pharmacokinetics and organ distribution of cyclosporin A incorporated in liposomes and mixed micelles / M. K. Lee [et al.] // Int J Pharm. – 1999. – Т. 191. – № 2.
8. Gene transfers of VEGF-A, VEGF -B, VEGF -C and VEGF -D have now effects on atherosclerosis in hypercholesterolemic LDLR/APOB48-deficient mice / P. Leppanen [et al.] // Circulation. – 2005. – № 112.
9. Effective targeting of liposomes to liver and hepatocytes in vivo by incorporation of a Plasmodium amino acid sequence / K. J. Longmuir [et al.] // Pharm Res. – 2006. – Т. 23. – № 4.
10. Distribution of liposome-encapsulated antimony in dogs / M. Lee [et al.] // International Journal of Pharmaceutics. – 1999. – № 191.
11. Distribution of liposomes into brain and rat brain tumor models by convection-enhanced delivery monitored with magnetic resonance imaging / R. Saito [et al.] // Cancer research. – 2004. – № 64.

Информация об авторах:

Великанова Елена Анатольевна – младший научный сотрудник лаборатории клеточных технологий НИИ комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний СО РАМН, 64-46-50, velikanova_ea@mail.ru.

Elena A. Velikanova – junior researcher at Cell Technology Laboratory, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases under the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences.

Головкин Алексей Сергеевич – кандидат медицинских наук, заведующий отделом экспериментальной и клинической кардиологии НИИ комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний СО РАМН, 64-41-56.

Alexey S. Golovkin – Candidate of Medicine, Head of Experimental and Clinical Cardiology Department, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases under the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences.

Мухамадияров Ринат Авхадиевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории ультраструктурных исследований тканей НИИ комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний СО РАМН.

Rinat A. Mukhamadiarov – Candidate of Biology, leading researcher at Laboratory for Ultrastructural Tissue Studies, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases under the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences.

Торопова Яна Геннадьевна – научный сотрудник лаборатории клеточных технологий НИИ комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний СО РАМН.

Yana G. Toropova – researcher at Cell Technology Laboratory, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases under the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences.

Лисаченко Геннадий Васильевич – доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой патологической физиологии ГОУ ВПО Кемеровская государственная медицинская академия, 73-48-56.

Gennady V. Lisachenko – Doctor of Medicine, Professor, Head of the Department of Pathological Physiology, Kemerovo State Medical Academy.

УДК 577.213

ПОЛИМОРФИЗМ ДВУХ ГЕНЕТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ *LIG4* У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО И ПРИШЛОГО НАСЕЛЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**А. Н. Волков, А. И. Мартынюк, А. В. Ларионов, Д. К. Шишкова,
В. И. Минина, А. А. Тимофеева, В. Г. Дружинин**

POLYMORPHISM OF TWO *LIG4* GENETIC MARKERS IN THE INDIGENOUS AND MIGRANT POPULATION OF KEMEROVO REGION

**A. N. Volkov, A. I. Martinyuk, A. V. Larionov, D. K. Shihkova,
V. I. Minina, A. A. Timopheeva, V. G. Druzhinin**

Работа поддержана государственным контрактом ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 – 2012 годы» № 16.512.11.2062; грантом РФФИ, 10-04-00497-а.

Работа выполнена на кафедре генетики биологического факультета КемГУ.

Изучены популяционно-генетические характеристики двух полиморфных маркеров *LIG4* среди коренного (шорцы) и пришлого (русские) населения Кемеровской области. Частоты генетических вариантов полиморфизма Ala3Val достоверно не отличались в двух группах. В то же время выявлено достоверное отличие распределений генотипов и аллелей полиморфизма Thr9Ile между этническими когортами. Среди представителей пришлого населения частота минорного аллеля Ile почти втрое превышала показатель, характерный для коренного этноса.

The population genetic characteristics of two *LIG4* polymorphic markers were examined in the indigenous (the Shors) and migrant (the Russians) population of Kemerovo region. The frequencies of genetic variants of Ala3Val polymorphism did not differ significantly between the two groups. At the same time a significant difference of the genotypes and allele polymorphism of Thr9Ile distributions between the ethnic cohorts was revealed. Minor allele Ile frequency among the representatives of the migrant population was almost three times as high as that of the indigenous ethnic group.

Ключевые слова: *LIG4*, генетический полиморфизм.

Keywords: *LIG4*, genetic polymorphism.

Лигаза-4 является ключевым ферментом механизма негомологичного воссоединения концов ДНК (NHEJ), задействованным в репарации двунитевых разрывов этой молекулы у млекопитающих [3, с. 185 – 211]. К настоящему времени в гене лигазы-4 (*LIG4*) человека идентифицированы несколько мутаций, приводящих к снижению активности фермента в результате аминокислотных замен в функционально значимых доменах [2, с. 2369 – 2376]. Гомозиготное состояние одновременно по нескольким из этих замен может иметь патологическое проявление в виде «синдрома *LIG4*» (OMIM 606593), что связано с панцитопенией, микроцефалией, задержкой развития.

Среди клинически значимых мутаций *LIG4* заметной вариабельностью в различных популяциях человека обладают лишь две в 3 (*rs1805389*) и 9 (*rs1805388*) кодонах. Оба полиморфизма связаны с нуклеотидными заменами (*C4044T* и *C4062T*) и приводят к изменению аминокислотного состава Ala3Val и Thr9Ile в зрелом белке. Каждая из указанных мутаций самостоятельно не является причиной каких-либо заметных патологических изменений в организме, но при этом не исключается возможность снижения активности фермента. В такой ситуации интенсивное лучевое воздействие в ходе медицинских процедур или проживания в экологически неблагоприятных условиях может спровоцировать появление клинического эффекта, как это было показано в отношении еще одной мутации *LIG4* в 278 кодоне [8, с. 699 – 702].

Отдаленным эффектом некорректного восстановления ДНК после ее повреждений у индивидуумов с мутациями в *LIG4* может являться повышение риска возникновения различных онкопатологий. В связи с этим в настоящее время ведется интенсивное изучение отдельных полиморфных вариантов данного гена как возможных предикторов различных форм рака [1, с. 2440 – 2446; 5, с. 2366 – 2373; 7, с. 5150 – 5160; 9 – 12].

Неодинаковая распространенность полиморфизмов *LIG4* у различных этносов может приводить к появлению отличий в чувствительности к средовым мутагенам в популяциях человека. В связи с этим целью исследования стало изучение частоты отдельных генетических вариантов двух полиморфных участков *LIG4* (*rs1805388* и *rs1805389*) среди коренного (шорцы) и пришлого (русские) населения Кемеровской области.

Материалы и методы

Были сформированы две группы обследованных, представляющие коренное и пришлое население юга Западной Сибири (Кемеровская область) и включающие шорцев и русских. Шорцы – тюркоязычный народ, имеющий официальный статус «коренного малочисленного народа Севера». Основная территория расселения шорцев – Горная Шория – бассейн среднего течения р. Томи и ее притоков – Кондомы и Мрассу. Выборка шорцев ($n = 119$) включала мальчиков и девочек, проживающих на территории Таштагольского района Кемеровской области, в возрасте 8 – 18 лет при среднем значении показателя $11,7 \pm 0,17$ лет.

В отличие от шорцев (коренное население) русские могут рассматриваться в качестве пришлого населения Сибири как представители белой расы (европеоиды). Выборка русских ($n = 186$) включала маль-

чиков и девочек в возрасте 8 – 19 лет (среднее значение показателя $13,7 \pm 0,23$ года) из различных территорий Кемеровской области.

Материалом для получения образцов ДНК послужила цельная кровь, забираемая в асептических условиях в вакуумные пробирки с ЭДТА. На каждого обследуемого ребенка был оформлен протокол информированного согласия, подписанный родителями либо лицами, осуществляющими опеку над несовершеннолетними.

Геномную ДНК выделяли хлороформ-фенольным методом. Для генотипирования полиморфизмов *rs1805388* и *rs1805389* гена *LIG4* использовали коммерческие наборы реагентов «SNP-экспресс» производства НПФ «Литех» г. Москва. Осуществляли аллель-специфическую ПЦР с последующей визуализацией результатов в 3 % агарозном геле с добавлением бромистого этидия. Статистический анализ первичных данных выполняли с помощью ППП «STATISTICA v. 6». Сопоставление распределений аллелей и генотипов в сравниваемых группах проводили методом χ^2 с поправкой Йетса на непрерывность. Генетическое равновесие по изучаемым полиморфным системам оценивали по их соответствию уравнению Харди-Вайнберга. Статистически значимыми считали отличия при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

При оценке распределения генотипов маркеров *rs1805388* и *rs1805389* *LIG4* как среди обследованных шорцев, так и русских не было выявлено статистически значимого отличия от ожидаемого в соответствии с уравнением Харди-Вайнберга. Этот факт может свидетельствовать о состоянии генетического равновесия по исследованным полиморфизмам, сформировавшегося в изученных этнических группах при отсутствии интенсивной метисации между коренным и пришлым населением на данной территории.

Соотношение генотипов маркера *rs1805389* у изученных представителей шорского и русского населения Кемеровской области было практически идентичным и достоверно не отличалось. В обеих группах существенно преобладало сочетание Ala/Ala, составляя 86,73 % и 86,15 % в двух выборках соответственно (таблица 1). Минорным в двух этнических группах являлся аллельный вариант Val, его частота совпадала в сравниваемых когортах.

Сопоставление полученных данных с результатами ранее проводившихся исследований позволяет заключить, что установленные закономерности распространения генотипических и аллельных вариантов изучаемого сайта в выборке европеоидов юга Западной Сибири схожи с характеристиками, отмеченными у европеоидов Старого Света. Повсеместно значительно преобладает генотип Ala/Ala, а частота минорного аллеля составляет 0,07 – 0,08 [6, с. 997 – 1007; 9, с. 900 – 905] (таблица 1).

В ранее изучавшейся выборке азиатов (тайваньские китайцы) наблюдалось значительное повышение частоты минорного аллеля Val полиморфного маркера *rs1805389*, что приводило к увеличению доли гетерозигот за счет снижения встречаемости гомозиготного сочетания Ala/Ala [1] (таблица 1). Изученная нами выборка азиатского происхождения не характеризо-

валась указанной тенденцией, приближаясь по характеристикам к европеоидным группам. Вместе с тем цитированная работа оказалась единственным доступным источником для сравнения, что не позволяет

вынести окончательное суждение о генетическом полиморфизме Ala3Val гена *LIG4* у различных групп коренного населения Азии.

Таблица 1

Полиморфизм Ala3Val (*rs1805389*) гена *LIG4* в различных этнических группах

Объем выборки	Генотип n, %			Частота минорного аллеля q (Val)	Группа	Источник
	Ala/Ala	Ala/Val	Val/Val			
N=113	98 (86,73)	14 (12,39)	1 (0,88)	0,07	Шорцы КО	СД
N=130	112 (86,15)	18 (13,85)	0	0,07	Русские КО	СД
N=845	748 (88,5)	66 (7,8)	31 (3,7)	0,08	Европеоиды (Западная Европа в целом)	[6]
N=220	189 (85,9)	31 (14,1)	0	0,07	Европеоиды (Великобритания)	[9]
N=379	284 (74,9)	87 (23,0)	8 (2,1)	0,14	Китайцы (Тайвань)	[1]

Примечание: КО – Кемеровская область; СД – собственные данные (здесь и далее).

В ходе дальнейшего изучения полиморфизма Thr9Ile (*rs1805388*) в двух группах обследованных выявлено достоверное отличие распределений генотипов данного маркера между этническими когортами ($\chi^2 = 19,9$ $p < 0,001$). В выборке шорцев частота основного генотипа Thr/Thr достигала 85,7 %, в то время как среди русских составляла 62,4 % (таблица 2). При этом в первой группе заметно снижена доля гете-

розигот и отсутствовали гомозиготы Ile/Ile. Установленная закономерность объясняется спецификой соотношения аллельных вариантов изучаемого полиморфизма в двух группах. Среди представителей пришлого населения (русские) частота минорного аллеля Ile почти втрое превышала показатель, характерный для представителей коренного этноса (шорцы) ($\chi^2 = 18,0$ $p < 0,001$).

Таблица 2

Полиморфизм Thr9Ile (*rs1805388*) гена *LIG4* в различных этнических группах

Объем выборки	Генотип n, %			Частота минорного аллеля q (Ile)	Группа	Источник
	Thr/Thr	Thr/Ile	Ile/Ile			
N = 119	102 (85,7) ***	17 (14,3) ***	0 ***	0,07 ***	Шорцы КО	СД
N = 186	116 (62,4)	67 (36,0)	3 (1,6)	0,20	Русские КО	СД
N = 805	570 (70,8)	211 (26,2)	24 (3,0)	0,16	Европеоиды (Западная Европа в целом)	[6]
N = 220	149 (67,7)	58 (26,4)	13 (5,9)	0,19	Европеоиды (Великобритания)	[9]
N = 91	62 (68,1)	27 (29,7)	2 (2,2)	0,17	Европеоиды (Нидерланды)	[4]
N = 376	198 (52,7)	150 (39,9)	28 (7,4)	0,27	Китайцы (Тайвань)	[1]

Примечание: *** – отличия достоверны при $p < 0,001$ в сравнении с аналогичными показателями у русских КО.

Частотные характеристики генетических вариантов полиморфизма Thr9Ile гена *LIG4* среди европеоидов Старого Света были установлены в ряде независимых исследований (табл. 2). Генотип Thr/Thr преобладал с частотой 67,7 % – 70,8 %, а гомозиготы Ile/Ile в разных выборках составляли 2,2 % – 5,9 %. Частота минорного аллеля Ile во всех случаях не превышала 0,19 [4; 6; 9]. Установленные характеристики в целом сопоставимы с полученными нами данными.

Среди азиатских этносов может отмечаться заметное повышение частоты минорного аллеля Ile полиморфизма Thr9Ile. Так, среди китайцев, проживающих на Тайване, эта величина достигает 0,27, что

приводит к относительному повышению доли редкого генотипа Ile/Ile [1; 10, с. 2939 – 2948]. На этом фоне неожиданной кажется противоположная тенденция, установленная в нашем исследовании и связанная со снижением частоты аллеля Ile по сравнению с изученной группой европеоидов. Вместе с тем данные международной базы данных dbSNP показывают, что для отдельных выборок жителей Азии может быть характерна очень высокая частота аллеля Thr (до 94,4 %), что определяет резкое возрастание доли генотипа Thr/Thr (до 88,9 %) и исчезновение генотипа Ile/Ile (<http://www.ncbi.nlm.nih.gov/projects/SNP>).

Завершая обсуждение полученных результатов, следует констатировать значимость этнического фактора в формировании популяционной частоты генотипических и аллельных вариантов полиморфизма Thr91le (*rs1805388*) гена *LIG4*. Это может иметь важ-

ное практическое значение, например, при оценке устойчивости представителей различных этносов к действию средовых факторов, нарушающих целостность генома человека.

Литература

1. Breast cancer risk associated with genotypic polymorphism of the nonhomologous end-joining genes: a multigenic study on cancer susceptibility / Y.-P. Fu [et al.] // *Cancer Research*. – 2003. – V. 63.
2. Analysis of DNA ligase IV mutations found in LIG4 syndrome patients: the impact of two linked polymorphisms / P.-M. Girard [et al.] // *Human Molecular Genetics*. – 2004. – V. 13.
3. Jeggo, P. A. DNA breakage and repair / P. A. Jeggo // *Adv. Genet.* – 1998. – V. 38.
4. Explorative study to identify novel candidate genes related to oxaliplatin efficacy and toxicity using a DNA repair array / D. M. Kweekel [et al.] // *British Journal of Cancer*. – 2009. – V. 101.
5. Genetic susceptibility to renal cell carcinoma: the role of DNA double-strand break repair pathway / V. Margulis [et al.] // *Cancer Epidemiol. Biomarkers Prev.* – 2008. – V. 17.
6. DNA repair polymorphisms and cancer risk in non-smokers in a cohort study / G. Matullo [et al.] // *Carcinogenesis*. – 2006. – V. 27(5).
7. Etiologic heterogeneity among non-Hodgkin lymphoma subtypes / L. M. Morton [et al.] // *Blood*. – 2008. – V. 112 (13).
8. Identification of a defect in DNA ligase IV in a radiosensitive leukaemia patient / E. Riballo [et al.] // *Curr. Biol.* – 1999. – V. 19.
9. Genetic variants of NHEJ DNA ligase IV can affect the risk of developing multiple myeloma, a tumour characterised by aberrant class switch recombination / P. L. Roddam [et al.] // *J. Med. Genet.* – 2002. – V. 39.
10. Lung cancer susceptibility and prognosis associated with polymorphisms in the nonhomologous end-joining pathway genes / R.-C. Tseng [et al.] // *Cancer*. – 2009. – № 1.
11. Bladder cancer predisposition: a multigenic approach to DNA-repair and cell-cycle-control genes / X. Wu [et al.] // *American Journal of Human Genetics*. – 2006. – V. 78. – С. 464–479.
12. Genetic polymorphisms in double-strand break DNA repair genes associate with risk of oral premalignant lesions / H. Yang [et al.] // *Eur. J. Cancer*. – 2008. – V. 44(11). – С. 1603–1611.

Информация об авторах:

Волков Алексей Николаевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики КемГУ, старший научный сотрудник центральной научно-исследовательской лаборатории КемГМА, (384-2)580166, 89059493285, volkov_alex@rambler.ru.

Aleksey N. Volkov – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University; senior researcher at the Central Research Laboratory, Kemerovo State Medical Academy.

Мартынюк Александр Игоревич – аспирант кафедры генетики КемГУ.

Aleksander I. Martinyuk – post-graduate student at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Ларионов Алексей Викторович – инженер кафедры генетики КемГУ.

Alexey V. Larionov – engineer at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Шишкова Дарья Кирилловна – студентка 5 курса биологического факультета КемГУ.

Darya K. Shishkova – 5th-year student at the Biological Faculty, Kemerovo State University.

Минина Варвара Ивановна – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики КемГУ, старший научный сотрудник учреждения Российской академии наук Института экологии человека СО РАН.

Varvara I. Minina – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University; senior researcher at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

Тимофеева Анна Александровна – аспирант кафедры генетики КемГУ, инженер-технолог учреждения Российской академии наук Института экологии человека СО РАН.

Anna A. Timofeeva – post-graduate student at the Department of Genetics, Kemerovo State University; engineer at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

Дружинин Владимир Геннадьевич – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой генетики, проректор по НИР КемГУ, ведущий научный сотрудник учреждения Российской академии наук Института экологии человека СО РАН, druzhinin_vladim@mail.ru.

Vladimir G. Druzhinin – Doctor of Biology, Professor, Head of the Department of Genetics, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University; leading researcher at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

ОСЕННЯЯ МИГРАЦИЯ МУХОЛОВОК В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ТОМЬ

А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко, А. А. Гурина, А. Е. Костюнин

AUTUMN FLYCATCHERS MIGRATION IN THE MIDDLE REACHES OF THE TOM RIVER

A. V. Kovalevsky, V. B. Ilyashenko, A. A. Gurina, A. E. Kostyunin

В статье анализируется осенняя миграция мухоловок в долине среднего течения р. Томь. Для некоторых видов приводятся данные по срокам окончания периода гнездования и начала миграции. Анализируется изменение суточной активности, половозрастной составляющей во время миграции и послегнездовых кочёвок.

The article examines the autumn migration of flycatchers in the valley of the Tom River. Data on the nesting periods duration and initial migration of several species are provided. The paper presents an analysis of daily activity changes, as well as sex and age variations during migration and post-nesting movement.

Ключевые слова: орнитология, мухоловки, пёстрые мухоловки, осенняя миграция, кольцевание птиц.

Keywords: ornithology, flycatchers, ficedula, autumn migration, birdbanding.

Несмотря на то что миграция птиц является ежегодно повторяющимся процессом, вызывающим оживлённый интерес орнитологов, степень её изученности остаётся довольно невысокой, особенно остро эта проблема стоит на территориях, удалённых от крупных научных центров.

В основу работы положены результаты отловов пёстрых мухоловок *Ficedula* и настоящих мухоловок *Muscicapa* в Крапивинском районе Кемеровской области на биостанции КемГУ «Ажандарово» (54°45' с. ш.; 87°02' в. д.) в 2008 – 2010 гг., всего за это время была отловлена 1401 особь изучаемой группы видов (табл. 1); в качестве дополнения использовались данные отловов за 1978; 1981 – 1982; 1984; 2005 – 2007 гг.

Отлов птиц проводился паутинными сетями, установленными в зарослях ивняка, используемого птицами в качестве миграционных коридоров, на левом берегу р. Томь и её левого притока р. Ажандарка, а также на прилегающей крапивной пустоши, используемой птицами в качестве кормовой станции. Проверка сетей проходила с интервалом не реже чем раз в 2 часа с рассвета до окончания навигационных сумерек. Длина дня была принята за 100 % независимо от длины в часах. Для анализа суточной активности светлое время суток было условно разбито на четыре равные части: утро, 1-я часть дня, 2-я часть дня, вечер; сумерки и начало ночи рассматривались отдельно. По истечении 2-х часов после захода солнца не было зарегистрировано ни одной поимки.

Таблица 1

Объём исследованного материала

	<i>Мухоловка-пеструшка</i>	<i>Таёжная мухоловка</i>	<i>Малая мухоловка</i>	<i>Серая мухоловка</i>	<i>Ширококлювая мухоловка</i>
2008	52	0	22	34	3
2009	85	0	17	33	2
2010	66	1	24	29	3
Итого:	219	1	73	112	8

1. Мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca*

По области малочисленный, местами обычный гнездящийся вид. По данным А. Ф. Белянкина широко распространена в лесостепных рощах и сосновых борах на равнинной части области, реже гнездится по окраинам тайги; также он отмечает, что в 70-х гг. XX века была довольно редка на гнездовании, а в 90-х – стала весьма обычной [2, с. 14 – 43]. В Яшкинском районе (север области) А. Ф. Белянкин отмечает её в качестве обычного перелётного гнездящегося вида [1, с. 70 – 78; 5, с. 311 – 333]. В Кузнецком Алатау по данным Т. Н. Гагиной и А. А. Васильченко встречаются редко в средней и нижней части горно-лесного пояса Кузнецкого Алатау в высокогорье не встречается [8; 10, с. 5 – 18; 11, с. 1 – 11]. В качестве редкого перелётного гнездящегося вида для Шорского национального природного парка приводится Л. К. Ваниче-

вой и А. Ф. Белянкиным [4, с. 63 – 80; 7, с. 90 – 93]. На Салаирском кряже Т. Н. Гагина приводит её в качестве редкого гнездящегося вида [10, с. 5 – 18].

Гнездится в окрестностях биостанции «Ажандарово» и является обычным видом в сетевых отловах. Обычно наиболее массовые перемещения шли в третьей декаде июля – начале августа, к середине августа полностью исчезает в сетевых отловах (рис. 1) [12, с. 75 – 87]. Наиболее поздняя поимка произошла 16 сентября 2010 г.

Исходя из динамики численности и возрастной составляющей на пролёте в 2010 г., а также данных немногочисленных повторных поимок окольцованных птиц, отлёт мухоловки-пеструшки можно условно разделить на несколько волн: в первой идёт отлёт взрослых птиц местной гнездящейся фауны. После них (в конце первой декады июля) сразу начинаются

массовые перемещения молодняка. Последние ювенильные мухоловки-пеструшки отлавливаются до конца июля. В третьей волне, вероятно, проходит «транзитный» пролёт птиц с сопредельных территорий, в это время возраст большинства птиц был не определён. Обычно птицы, отловленные в июле, к началу августа повторно больше не регистрируются; однако некоторая часть мухоловок, неготовых покинуть места гнездования в первой волне, может задержаться до прихода второй волны (рис. 1).

Значительного увеличения веса у пеструшек с конца периода гнездования до конца миграции (в районе исследования) не отмечено (рис. 3). Для мухолов-

ки-пеструшки, как и для других мухоловок, характерно отсутствие шлейфа редких единичных поимок после пика (рис. 1). Вероятно, это объясняется тем, что пик пролёта приходится на время относительного изобилия летающих насекомых, и даже больные и ослабленные птицы без труда находят корм для пополнения жировых запасов.

Во время гнездования мухоловка-пеструшка, как и большинство видов, проявляет наибольшую суточную активность в первой половине дня (рис. 4). С наступлением периода миграции птицы начинают регистрироваться даже после захода солнца (табл. 2).

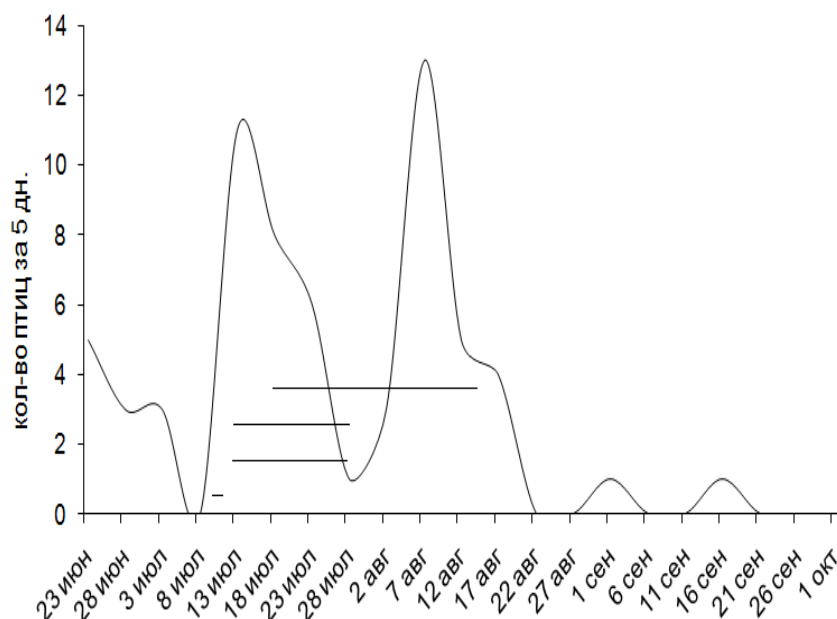

Рис. 1. Динамика пролёта мухоловки-пеструшки в 2010 г., линиями показаны даты первых и повторных поимок окольцованных птиц

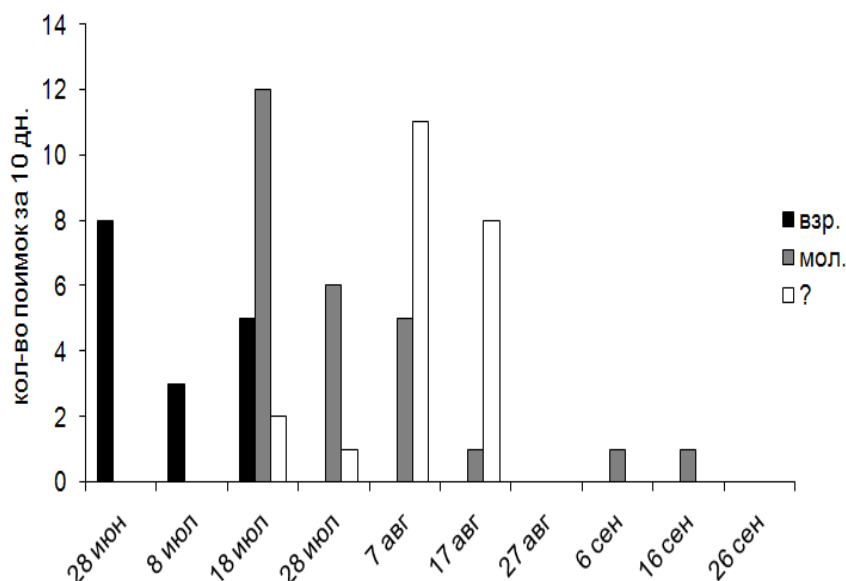

Рис. 2. Сравнительная динамика пролёта взрослых и молодых мухоловок-пеструшек в 2010 г.

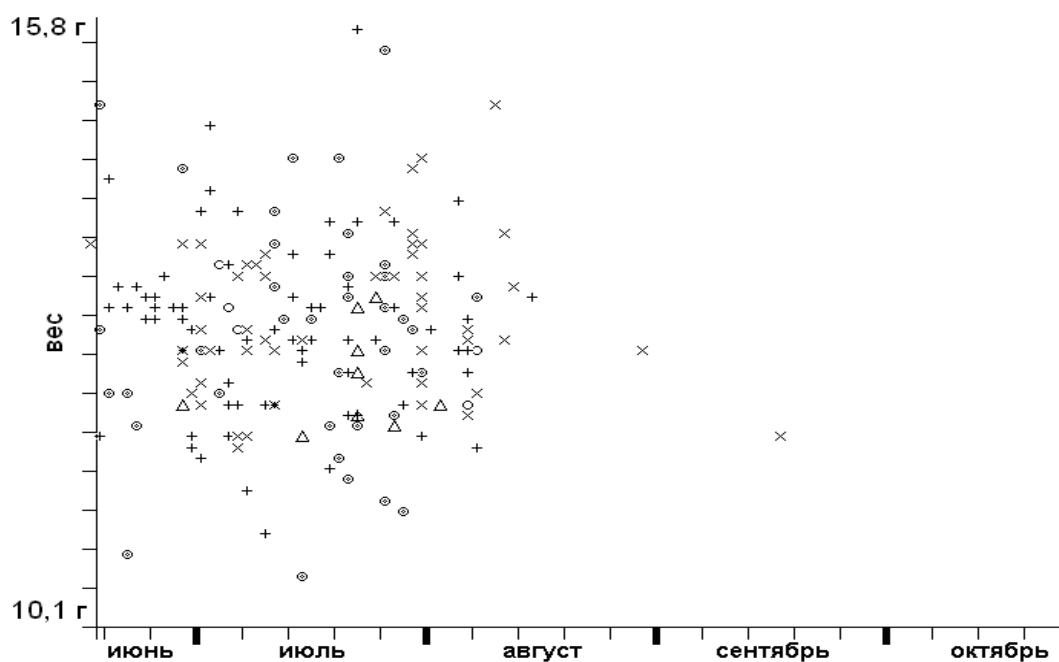

Рис. 3. Динамика веса мухоловки-пеструшки Δ – 2007 г., $\odot$ – 2008 г., + – 2009 г., $\times$ – 2010 г.

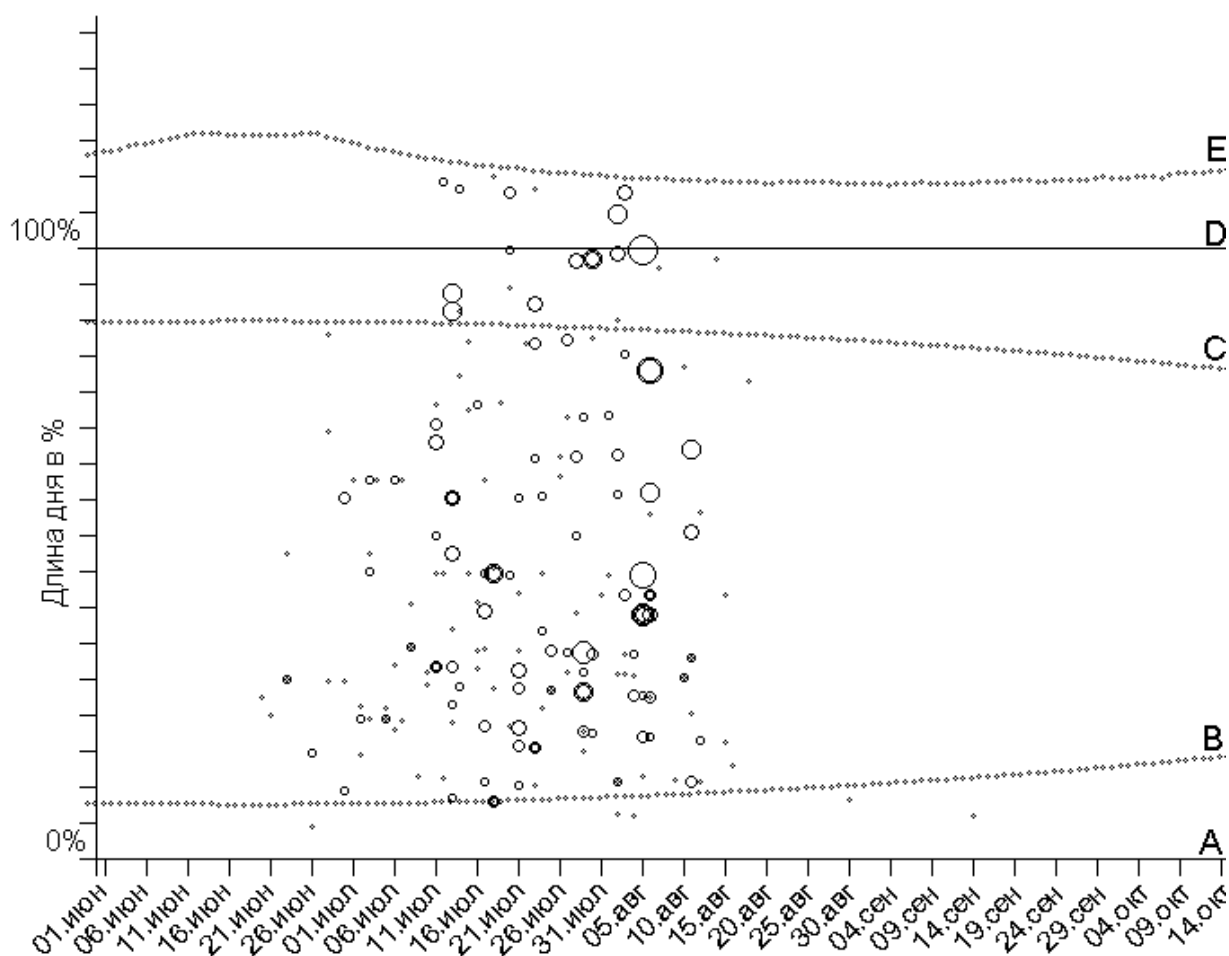

Рис. 4. Динамика суточной активности мухоловки-пеструшки по данным сетевых отловов в 2008 – 2010 гг. Условные обозначения: А – время восхода солнца (ось абсцисс), В – 2 часа после восхода солнца, С – 2 часа до захода солнца, D – время захода солнца, E – конец сумерек. Размер символов прямо пропорционален количеству отловленных птиц в течение 30 мин.

Суточная активность мухоловки-пеструшки по данным сетевых отловов в 2010 г.

	N	Утро	1-я часть дня	2-я часть дня	Вечер	Сумерки
19 июня – 10 июля	11	27 %	46 %	27 %	0 %	0 %
11 июля – 2 октября	53	24 %	36 %	19 %	15 %	6 %

2. Таёжная мухоловка *Ficedula mugimaki*

Ранее считался редким видом в Кемеровской области, обитающим на западной границе ареала [13]. По уточнённым данным местами обычный гнездящийся вид. По равнинной части области найдена на гнездовании в заболоченной пойме р. Томь в Черневой тайге Крапивинского района, этот факт даёт основание полагать, что таёжная мухоловка является редким гнездящимся видом в подходящих биотопах равнины [2, с. 14 – 43]. В Яшкинском районе (север области) в качестве очень редкого возможно гнездящегося вида приводится А. Ф. Белянкиным [5, с. 311 – 333]. В Кузнецком Алатау – обычный гнездящийся вид, обитает от средней части горно-лесного пояса до высокогорий (до отметки 1100 м) [3, с. 25 – 31; 6, с. 25 – 27; 8; 9, с. 45 – 103; 11, с. 1 – 11]. В Горной Шории она широко распространена в смешанных и темнохвойных лесах, но плотность её населения очень неравномерна [3; 4; 5]. Данных о гнездовании на Салаирском кряже нет.

На биостанции за все годы отловлено всего две особи: 24 августа 1978 г. и 22 августа 2010 г.

3. Малая мухоловка *Ficedula parva*

По области малочисленный гнездящийся вид. На равнинной части области спорадично и редко гнездится в таёжной зоне [2]. В Яшкинском районе (север области) в качестве редкого пролётного, возможно

гнездящегося вида приводится А. Ф. Белянкиным [5]. В предгории Кузнецкого Алатау А. А. Васильченко отмечает как обычный вид по берегу оз. Малый Берчикуль и в пойме р. Дудет [8; 9, с. 45 – 103]. В качестве обычного перелётного гнездящегося вида для Шорского национального природного парка приводится А. Ф. Белянкиным [4], однако Т. Н. Гагина отмечает её как редкий, возможно гнездящийся вид [10, с. 5 – 18]. На Салаирском кряже Т. Н. Гагина приводит её в качестве гнездящегося вида [10].

Является обычным видом в сетевых отловах. В 2008 – 2010 г. пролёт проходил с конца июля до начала сентября, пик миграции пришёлся на середину августа; в целом по всем годам пики пролётов проходили в пределах августа (рис. 5). Самая поздняя поимка зарегистрирована 7 сентября 1981 г. [12].

Значительного изменения веса птицы во время миграции не отмечено (рис. 6).

Изменение суточной активности малой мухоловки в течение лета подобны изменениям мухоловки-пеструшки. Во время гнездования малая мухоловка проявляет наибольшую суточную активность в первой половине дня (рис. 7). С наступлением периода миграции птицы начинают регистрироваться даже после окончания сумерек (табл. 3).

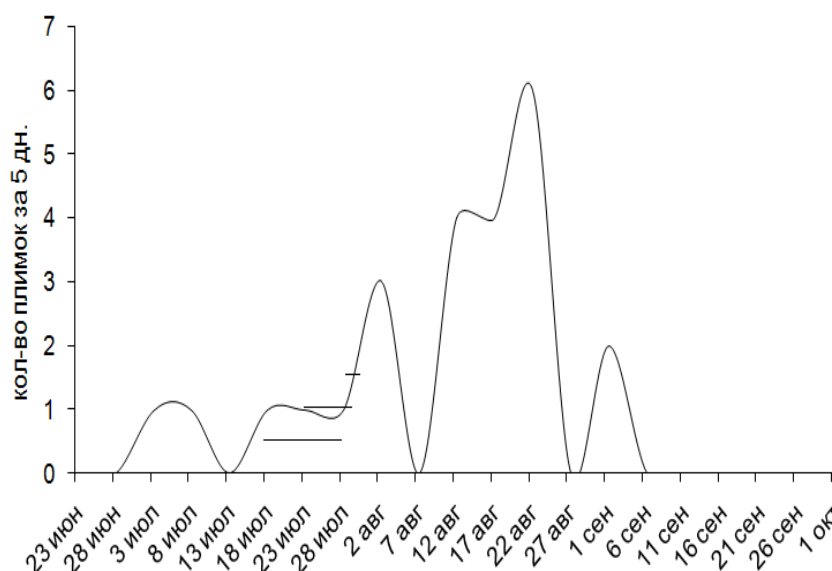

Рис. 5. Динамика пролёта малой мухоловки в 2010 г., линиями показаны даты первых и повторных поимок окольцованных птиц

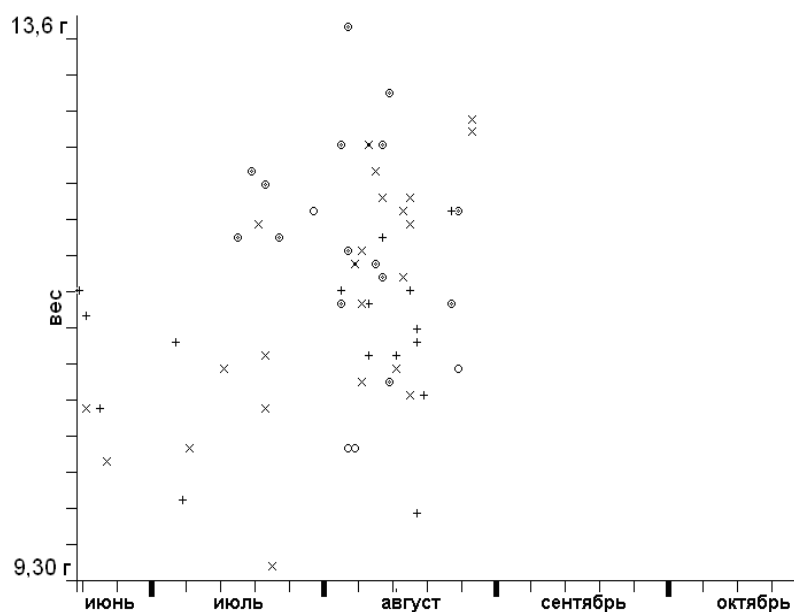

Рис. 6. Динамика веса малой мухоловки: Δ – 2007 г., $\odot$ – 2008 г., + – 2009 г., $\times$ – 2010 г.

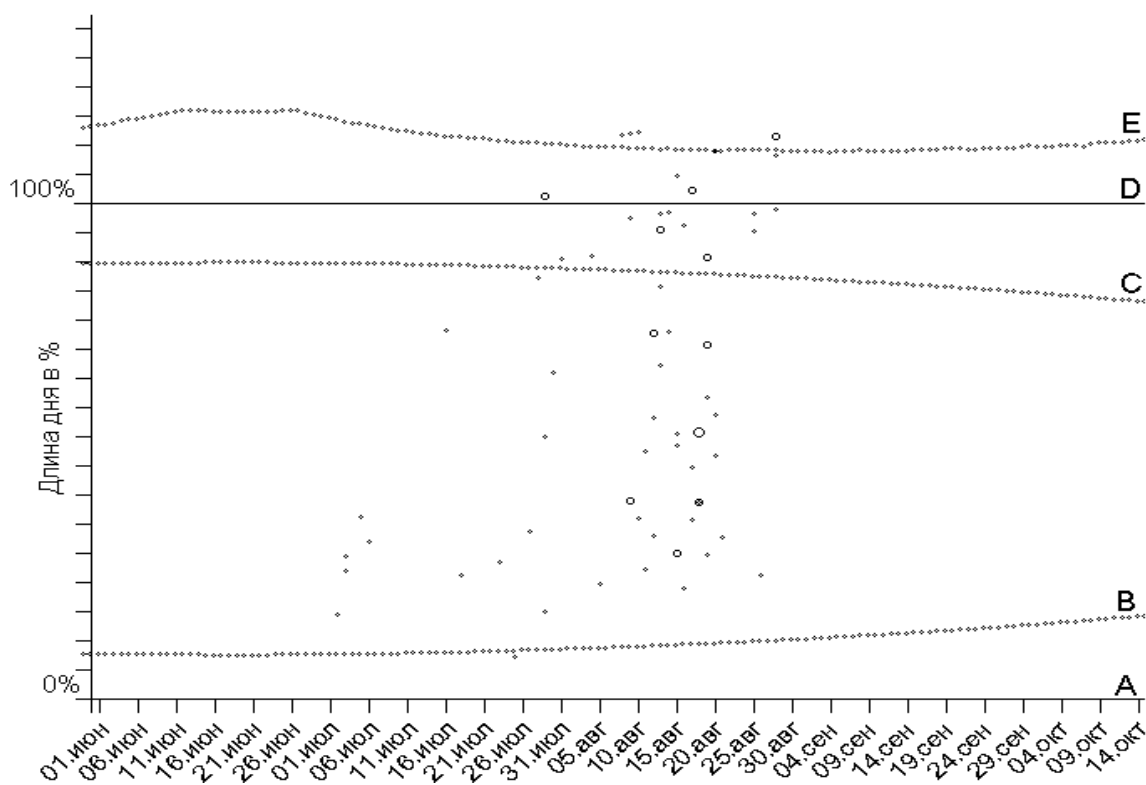

Рис. 7. Динамика суточной активности малой мухоловки по данным сетевых отловов в 2008 – 2010 гг. (условные обозначения см. рис. 3)

Таблица 3

Суточная активность мухоловки-пеструшки по данным сетевых отловов в 2008 – 2010 г.

	<i>N</i>	<i>Утро</i>	<i>1-я часть дня</i>	<i>2-я часть дня</i>	<i>Вечер</i>	<i>Сумерки</i>
19 июня – 26 июля	9	22 %	67 %	0 %	11 %	0 %
27 июля – 13 октября	67	4 %	27 %	27 %	25 %	9 %

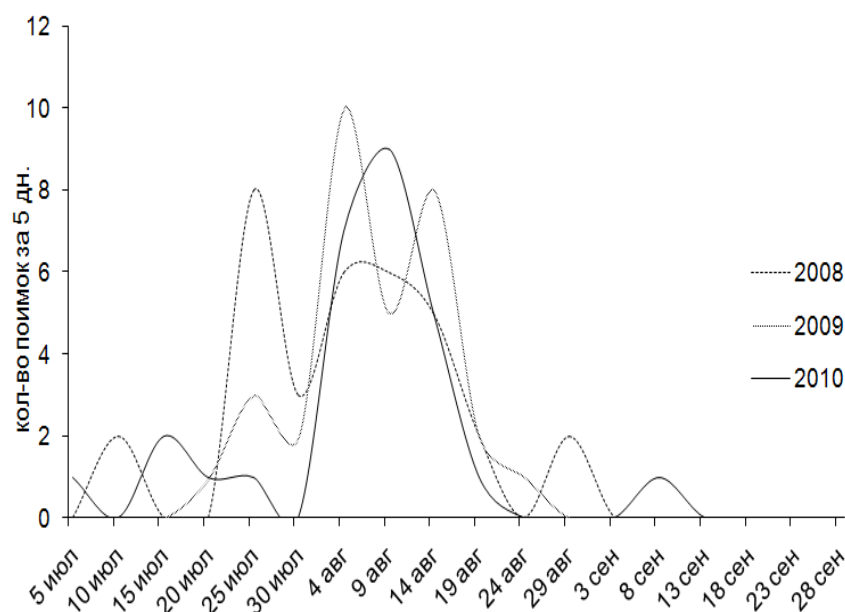

Рис. 8. Динамика полёта серой мухоловки

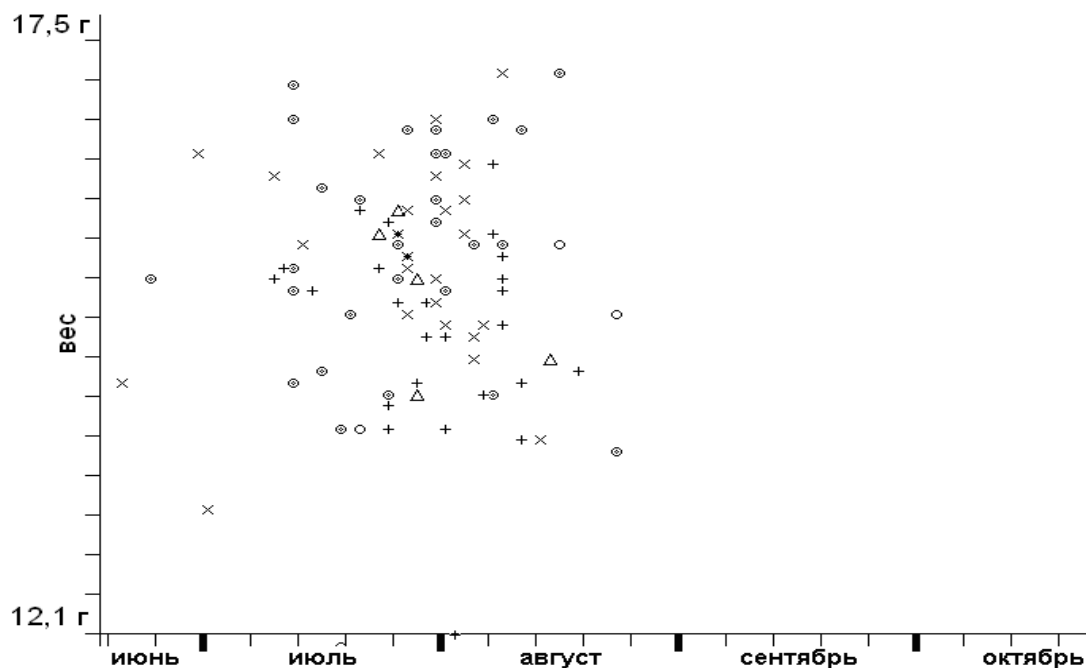

Рис. 9. Динамика веса серой мухоловки: Δ — 2007 г., ⊗ — 2008 г., + — 2009 г., × — 2010 г.

4. Серая мухоловка *Muscicapa striata*

Обычный гнездящийся вид в области. По равнинной части области многочисленный гнездящийся вид. Широко распространена в лесах различных типов по всей территории [2; 10]. В Яшкинском районе (север области) в качестве обычного перелётного гнездящегося вида приводится А. Ф. Белянкиным [1; 5]. В Кузнецком Алатау обычная птица, встречается по всему горно-таёжному поясу [6; 8; 9; 11]. В Горной Шории является обычным перелётным гнездящимся видом в лесах различных типов [2; 4; 7; 8; 9; 10]. На Салаирском кряже Т. Н. Гагина приводит её в качестве гнездящегося вида [10].

Является обычным видом в сетевых отловах. Миграция птиц обычно начинается в 3-й декаде июля, достигает пика в середине августа и к началу сентября почти не регистрируется в сетевых отловах (рис. 8). Наиболее поздняя поимка отмечена 7 сентября 2005 г. [12].

Повторных поимок (кроме поимок на следующий день) не зарегистрировано, что свидетельствует об отсутствии задержки птиц на пролёте и наличии преимущественно только транзитных птиц, хотя эти птицы гнездятся в окрестностях биостанции.

Значительного изменения веса птицы во время миграции не отмечено (рис. 9).

5. Ширококлювая мухоловка *Muscicapa dauurica*

Редкий гнездящийся вид в области. По равнинной части области редкий, спорадично распространённый гнездящийся вид в долине р. Томь [2; 10]. В Яшкинском районе (север области) в качестве очень редкого пролётного, возможно гнездящегося вида приводится А. Ф. Белянкиным [5]. А. А. Васильченко также отмечает её редкость в северных и северо-восточных районах области. В Кузнецком Алатау редкий гнездящийся перелётный вид, предпочитающий гнездиться в нижнем и среднем течении рек Кузнецкого Алатау [8; 9; 11]. В Горной Шории в качестве редкого перелётного гнездящегося вида для Шорского национального природного парка приводится А. Ф. Белянкиным [4]. На Салаирском кряже на гнездовании и пролёте не отмечена.

На биостанции было отловлено всего 8 особей ширококлювой мухоловки, пролёт птиц проходит во 2-й половине июля – 1-й половине августа.

Обсуждение результатов

У большинства видов мухоловок определение пола и возраста затруднительно. Кроме того, некоторые виды не гнездятся в окрестностях биостанции, что не позволяет выявить детали пролёта у отдельно взятых видов, но исходя из принципа, что близкородственные виды в схожих экологических ситуациях вырабатывают похожие механизмы выживания (в том числе и миграционные) можно предположить, что механизм миграции мухоловок схож как внутри этой группы, так и с близкородственной им группой соловьиных.

Сроки миграции в рассматриваемый период, несмотря на различия в погодных условиях различных лет, оставались стабильными, отклонения составляли не более одной недели. Столь незначительные изменения в сроках миграции, скорее всего, связаны с фактической погодой на момент начала миграции. Подобная стабильность позволяет суммировать дан-

ные отловов различных лет для дальнейшей математической обработки.

На примере мухоловки-пеструшки перемещения мухоловок можно разделить на два этапа: это послегнездовые кочёвки, отражающие перераспределение птиц по биотопам, и миграцию. После гнездования отлавливаются преимущественно взрослые птицы, и только потом массово регистрируются молодые. Скорее всего так происходит из-за того, что после окончания гнездового периода взрослые птицы покидают гнёзда, тем самым вынуждая молодых окончательно перейти к самостоятельному образу жизни. С началом миграции количество отлавливаемых птиц резко увеличивается. Первыми обычно отлетают местные гнездящиеся птицы, чаще всего они заканчивают регистрироваться после наиболее крупной миграционной волны, хотя в целом миграция может продолжаться ещё длительное время, но в это время регистрируются уже преимущественно транзитные птицы. Дифференциации в пролёте как по половой, так и по возрастной принадлежности для этого времени не выявлено.

Мухоловки относятся к группе ночных мигрантов. Если во время послегнездовых кочёвок птицы регистрируются преимущественно в дневное время, то во время миграции они начинают часто регистрироваться после захода солнца. Такое перераспределение, видимо, связано с тем, что в вечерние часы отлавливаются птицы, готовые к миграционному броску. Подобное поведение наблюдается у соловьёв.

Наиболее стабильным параметром миграции независимо от изменения сроков миграции в разные годы является последовательность пролёта. Из массовых видов первыми начинают отлетать мухоловки-пеструшки, далее следуют серые мухоловки, за ними малые мухоловки. Кроме сроков, других принципиальных различий между рассматриваемыми видами в стратегии миграции не выявлено, аналогичная стратегия наблюдается и у соловьёв.

Литература

1. Белянкин, А. Ф. Летнее население музея-заповедника «Томская писаница» / А. Ф. Белянкин // Природа. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – Вып. 1.
2. Белянкин, А. Ф. Птицы равнинной части Кемеровской области / А. Ф. Белянкин // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1999.
3. Белянкин, А. Ф. Новые данные о редких и малоизученных видах птиц Кемеровской области / А. Ф. Белянкин // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Академкнига, 2002.
4. Белянкин, А. Ф. Птицы Шорского парка / А. Ф. Белянкин // Шорский национальный природный парк: природа, люди, перспективы / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2003.
5. Белянкин, А. Ф. Птицы Яшкинского района / А. Ф. Белянкин, Н. В. Климова // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2004. – Т. 1.
6. Белянкин, А. Ф. К фауне птиц окрестностей кордона «Безыманный» заповедника «Кузнецкий Алатау» / А. Ф. Белянкин // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 2007.
7. Ваничева, Л. К. К орнитофауне Шорского национального парка / Л. К. Ваничева // Вопросы орнитологии. – Барнаул, 1995.
8. Васильченко, А. А. Птицы Кемеровской области / А. А. Васильченко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 488 с.
9. Васильченко, А. А. Орнитофауна Северо-Востока Кемеровской области / А. А. Васильченко // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2005.

10. Гагина, Т. Н. Птицы Салаиро-Кузнецкой горной страны (Кемеровская область) / Т. Н. Гагина // Вопросы экологии и охраны природы. – Кемерово, 1979.
11. Гагина, Т. Н. Орнитофауна заповедника «Кузнецкий Алатау» / Т. Н. Гагина, А. А. Васильченко // Биоценотические исследования в заповеднике «Кузнецкий Алатау». – Новосибирск, 1996.
12. Ковалевский, А. В. Материалы по осеннему пролёту мелких воробьинообразных птиц в долине среднего течения реки Томь / А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. университета, 2010. – Вып. 15.
13. Красная книга Кемеровской области: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных. – Кемерово: Кн. изд-во, 2000. – 280 с.

Информация об авторах:

Ковалевский Александр Викторович – ассистент кафедры зоологии и экологии КемГУ, 8(3842)580746, passer125@yandex.ru.

Alexander V. Kovalevsky – Lecturer at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Ильяшенко Вадим Борисович – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии КемГУ, 8(3842)580746, vadilj@kemsu.ru.

Vadim B. Ilyashenko – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Гурина Анна Александровна – студентка кафедры зоологии и экологии КемГУ.

Anna A. Gurina – student at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Костюнин Александр Евгеньевич – студент кафедры зоологии и экологии КемГУ.

Alexander E. Kostyunin – student at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

УДК 633.16; 581.144

**ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ СТЕБЛЯ
И ПРОДУКТИВНОСТИ ШЕСТИРЯДНЫХ И ДВУРЯДНЫХ СОРТОВ ЯЧМЕНЯ**
Л. Н. Ковригина, Г. Я. Степанюк

**FEATURES OF STALK STRUCTURE AND CROP PRODUCING POWER IN
SIX-ROW AND TWO-ROW BARLEY CULTIVARS**
L. N. Kovrigina, G. Ya. Stepanyuk

В статье сопоставляется строение стебля и продуктивность двурядных и шестьюрядных ячменей. Выделены образцы с оптимальным сочетанием признаков.

The stalk structure and crop producing power of two-row and six-row barley cultivars are compared in the article. Samples with an optimum features combination are indicated.

Ключевые слова: ячмень, продуктивность, строение стебля.

Keywords: barley, crop producing power, stalk structure.

Ячмень – ценная зернофуражная культура, занимающая по валовым сборам зерна в Сибири и Кемеровской области второе место после пшеницы [5, с. 4 – 5].

Культурные ячмени рассматриваются как один вид – *Hordeum vulgare* L., в котором выделены два подвида: subsp. *vulgare* L. – ячмень многорядный (шестьюрядный) и subsp. *distichum* (L.) A. Trof. – ячмень двурядный [6]. В начале и середине XX в. в северных районах СССР преобладали многорядные, в центральных районах Нечерноземной и Черноземной зон, на юге Западной Сибири – двурядные формы, аборигенные ячмени Восточной Сибири – преимущественно многорядные [9]. Однако в настоящее время в производстве преобладают двурядные сорта как более технологичные. В основу модели сорта для лесостепи Кемеровской области также положен двурядный тип

[2, с. 11 – 17]. В то же время многорядные ячмени Сибири обладают рядом преимуществ: высокопластичны, высокопродуктивны, устойчивы к поздним весенним заморозкам и пониженным температурам во время созревания зерна, имеют много зерен в главном колосе, являются существенным резервом в увеличении производства фуражного зерна в Кемеровской области [7] и могут широко использоваться в региональных селекционных программах.

В научной литературе активно обсуждаются особенности продуктивности и биологии шестьюрядных ячменей [9; 3; 8, с. 153 – 154], но мало данных об особенностях структуры их стебля. Так в «Культурной флоре ...» [6] упоминается, что некоторые образцы многорядных ячменей отличаются оптимальной в плане обеспечения прочности архитектоникой стебля. Г. Н. Гудкова [1], изучившая обширную коллекцию

ВИР различного эколого-географического происхождения, отмечает превосходство шестирядных ячменей по некоторым анатомическим признакам: диаметру стебля, толщине его стенок, числу проводящих пучков в паренхиме.

Цель работы: сравнить двурядные и шестирядные образцы ячменя по структурным признакам стебля и

продуктивности и оценить возможности их использования в селекционных программах для условий Западной Сибири.

Изученная коллекция была представлена тридцатью образцами сибирской селекции (табл. 1). Среди них было 22 сорта, 4 перспективных селекционных линии и 4 староместных образца.

Таблица 1

Перечень изученных образцов ячменя

Происхождение	Название образца	
	многорядные	двурядные
Омская область	к-4967 местный, к-8399 местный, Омский 85, Тарский 1	Новоомский, Омский 80, Омский 86, Омский 13709, Сибирский 2
Томская область	к-4210 местный, к-4211 местный	-
Новосибирская область	-	Ача, Баган, Обской
Красноярский край	Агул, Агул 2, Енисей, А 253611, А 793369	Кедр, Красноярский 1, Лазурит, Красноярский 80, Ц 282528, Ц 462677
Иркутская область	Заларинец, Иркут, Неван	Неполегающий

Исследования были проведены в 1997 г. с благоприятным сочетанием тепла и влаги.

Образцы выращивали на опытном поле Кемеровского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Полевые опыты заложены и проведены в селекционном трехпольном севообороте с предшественником – сидеральный пар. Почва – чернозем выщелоченный, тяжелосуглинистый. Агротехника – принятая в зоне исследований.

Морфоанатомические исследования проведены на кафедре ботаники Кемеровского госуниверситета.

При изучении структуры стебля у 20 – 25 растений каждого образца, убранных в фазу полной спелости, измеряли длину соломины от верхней границы зоны кущения до колоса (D_l), верхнего ($D_{лв}$), двух нижних ($D_{л1}$, $D_{л2}$) и суммарную длину средних междоузлий ($D_{лср}$) в см, диаметр нижних междоузлий (D_1 , D_2 , D_3) в мм. Затем рассчитывали предложенные И. Н. Гальченко (D_l/D_1) и В. А. Горшковой ($D_{л2}/D_2$) индексы устойчивости к полеганию [10, с. 53 – 60].

Строение первого надземного междоузлия изучали на постоянных препаратах поперечных срезов, сделанных в средней части. Под микроскопом («Биолам Р-16») подсчитывали число проводящих пучков внешнего и внутреннего круга и их общее число (P_c , P_n , P). Затем при помощи рисовального аппарата РА-7 зарисовывали схемы срезов, на которых измеряли толщину склеренхимы, паренхимы и стенки соломины (T_c , T_n , $T_{ст}$) и выражали в мм. Площадь междоузлия, полости, стенки стебля, склеренхимы, паренхимы, проводящих пучков внешнего и внутреннего круга и всех вместе (S_m , $S_{пл}$, $S_{ст}$, S_c , S_n , S_c^n , S_n^n , S^n) определяли весовым методом с использованием торсионных весов типа ВТ и выражали в $мм^2$.

После этого рассчитывали выполненность стебля ($S_{ст}/S_m$, %), долю склеренхимы и проводящих тканей в выполненной части стебля ($S_c/S_{ст}$, $S^n/S_{ст}$, %).

Продуктивность растений оценивали по следующим показателям: длина колоса ($D_{лк}$, см), число (Z_k , шт.) и масса (M_k , г) зерен в колосе, масса 1000 зе-

рен (М). Кроме того была проведена оценка густоты продуктивного стеблестоя (Пр, шт/ $м^2$) и определен урожай зерна с единицы площади (У, г/ $м^2$).

Для характеристики образцов вычисляли средние по образцам значения признаков (М), ошибки средних (m), коэффициенты вариации (Cv, %). Для оценки различий между образцами и подвидами использовали дисперсионный анализ. Долю влияния фактора (H^2) вычисляли как процент от суммарной дисперсии. С целью группировки взаимосвязанных признаков и сравнения образцов в пределах группы проводили факторный анализ (метод главных компонент) по средним значениям. Причем показатели размеры стебля и анатомические признаки анализировали отдельно. Ординация образцов в пространстве выделенных компонент представлена на рис. 1 – 5. Математическую обработку проводили с помощью программ Statistica 6.0 и Excel.

Кузнечная котловина – зона с ограниченными ресурсами тепла и резким проявлением различных неблагоприятных факторов, поэтому в стабилизации урожая ячменя первостепенное значение имеет скороспелость. Максимальная продолжительность вегетации в моделях сортов, разработанных для региона, составляет 86 дней [3; 7].

Большинство изученных образцов отнесены к группе среднеспелых, так как продолжительность вегетации у них колебалась от 84 до 88 дней. У шестирядных ячменей период «всходы – восковая спелость» был достоверно короче (85,0 дней), чем у двурядных (87,0 дней), что совпадает с данными других авторов [8, с. 153 – 154]. Продолжительность вегетации более 85 дней у нескольких многорядных (Агул-2, Омский 85) и большинства двурядных образцов (Кедр, Красноярский 1, Красноярский 80, Ц 282528, Ц 462677, Омский 80, Омский 86, Новоомский, Обской) ограничивает в нашем регионе возможности получения физиологически спелого зерна в годы с ранними заморозками.

Изучаемые группы не отличались по урожайности, которая составляла в среднем у двурядных форм $452,5 \text{ г/м}^2$, а у шестирядных – $487,60 \text{ г/м}^2$ (табл. 2). Известно, что позднеспелые формы более продуктивны,

чем скороспелые. В нашем опыте высокоурожайные образцы выделены среди ячменей с различным периодом вегетации.

Таблица 2

Выраженность и изменчивость (CV) элементов продуктивности у подвидов ячменя

Элементы продуктивности	Двурядные		Многорядные		Влияние фактора «подвид»
	$M \pm m$	Cv, %	$M \pm m$	Cv, %	
Урожайность, г/м^2	$452,5 \pm 39,82$	32,9	$487,6 \pm 46,41$	36,9	0,04
Густота продуктивного стеблестоя, шт./ м^2	$562,3 \pm 36,97$	23,7	$366,6 \pm 15,22$	16,1	49,6*
Масса зерна с колоса, г	$0,84 \pm 0,046$	19,4	$1,33 \pm 0,109$	31,8	34,9*
Масса 1000 зерен, г	$52,4 \pm 1,16$	8,3	$40,2 \pm 1,17$	11,2	78,8*
Длина колоса, см	$8,1 \pm 0,25$	11,7	$7,3 \pm 0,23$	11,9	32,3*
Число зерен в колосе, шт.	$22,2 \pm 0,60$	9,7	$45,8 \pm 2,17$	17,7	91,1*

Примечание: * – достоверно при $p \leq 0,05$.

У изученных нами двурядных образцов формируется более густой продуктивный стеблестой (в 1,5 раза), более крупное (в 1,3 раза) зерно и длинные колосья (на 0,8 см). Однако они уступают многорядным по числу (в 2,1 раза) и массе зерна с колоса (в 1,6 раза). Формирование более густого стеблестоя у первых компенсируется продуктивностью отдельного колоса у вторых, что подтверждают научные источники [8, с. 153 – 154]. Высокая генотипическая изменчивость по урожайности ($Cv = 32,9 - 36,9 \%$), массе зерна с колоса ($Cv = 19,4 - 31,8 \%$), густоте продуктивного стеблестоя ($Cv = 16,1 - 23,7 \%$) в обеих группах свидетельствует о возможности выбора перспективных по отдельным показателям продуктивности генотипов.

В модели двурядных среднеспелых сортов для северной лесостепи Кузнецкой котловины заложена урожайность на уровне 6,0 – 7,0 т/га, густота продуктивного стеблестоя – 450 – 500 стеблей на 1 м^2 , масса зерен в колосе – 1,0 – 1,2 г, число зерен в колосе – 22 – 24 шт., масса 1000 зерен – 48 – 52 г [2].

Требованиям модели по урожайности ($612,5 - 650 \text{ г/м}^2$) отвечают образцы Обской, Красноярский 1, Красноярский 80, Ц 462677, по продуктивности колоса (массе и числу зерен) – сорта Красноярский 1, Обской, Сибирский 2, Омский 80. Для большинства изученных образцов характерна высокая густота продуктивного стеблестоя (более 500 стеблей на 1 м^2). Ближе всего по этому показателю к региональной модели образцы Омский 13709, Сибирский 2, Ц282528, Баган (446 – 500 стеблей на 1 м^2). У большинства двурядных образцов формируется крупное зерно (от 53,3 до 61,1 г), у Лазурита масса 1000 зерен минимальная (45,0 г). Модели сорта по крупности зерна соответствуют Неполегающий, Красноярский 1, Красноярский 80, Омский 13709, Обской, Ача.

Для шестирядных ячменей региональная модель сорта предусматривает следующие уровни продуктивности и ее элементов: урожайность – 4,5 – 6,0 т/га, число зерен в колосе – 40 – 42 шт., густота продуктивного стеблестоя – 450 – 550 шт./ м^2 , масса 1000 зерен – 42 – 43 г [7].

Урожайность у большинства образцов данного подвида составляла свыше 500 (до 800) г/м^2 . Невысо-

кой урожайностью ($225,0 - 325,0 \text{ г/м}^2$) отличались местные ячмени из Томской (к-4210, к-4211) и Омской (к-8399, к-4967) областей и довоенный сорт из Иркутской области Заларинец, у которых была снижена продуктивность колоса ($0,73 - 0,97 \text{ г}$) и отдельные элементы структуры урожая. В то же время для местных сортов характерны высокие значения некоторых показателей: масса 1000 зерен на уровне 50,0 г (8399), число зерен в колосе от 42,1 до 50,8 шт. (к-4210, к-4211, к-4967). Высокой продуктивностью колоса (масса зерна – 1,9 г, число зерен – 53,3 шт., длина колоса – 7,8 см), крупным зерном (масса 1000 зерен – 47,2 г) отличается селекционный образец А 253156. Высокая озерненность ($46,6 - 49,0 \text{ шт.}$) и масса зерна с колоса ($1,5 - 1,9 \text{ г}$) характерна для Нарымчанина, Енисея, Омского 85, Тарского 1. Иркут, Агул 1 и Агул 2 отличаются высокой урожайностью ($525 - 800 \text{ г/м}^2$) и продуктивностью колоса ($1,3 - 1,6 \text{ г}$). По массе 1000 зерен ($44,3 \text{ г}$) отвечает модели сорт Неван. У него и селекционного образца А 793369 масса зерна с колоса выше средней по группе значения и составляет $1,4 - 1,6 \text{ г}$.

Высота растений выше 90 см приводит к снижению устойчивости ячменя к полеганию [7], а слишком низкий стеблестой – к потерям при механизированной уборке, поэтому для условий Кузнецкой котловины предусмотрено использование и выведение сортов с длиной соломины от 70 до 80 см [2, с. 11 – 17; 3]. В плане устойчивости к полеганию представляют интерес формы с короткими нижними и верхними междоузлиями, низкими значениями показателей устойчивости (В. А. Горшковой и Н. И. Гальченко) [4, с. 53 – 60]. Между подвидами обнаружены достоверные различия только по толщине нижних междоузлий и соотношению их длины и толщины. Двурядные формы, хоть и незначительно (на $0,19 - 0,38 \text{ мм}$), но уступают шестирядным по диаметру первого-третьего междоузлий (табл. 3), у них выше индекс, предложенный В. А. Горшковой (36,6 против 32,5). По длине соломины и отдельных междоузлий и индексу Гальченко подвиды не отличались между собой. В обеих группах были выявлены достоверно отличающиеся генотипы.

Размеры стебля и индексы устойчивости у подвидов ячменя

Признаки	Двурядные		Многорядные		Влияние фактора «подвид», %
	$M \pm m$	H^2 , %	$M \pm m$	H^2 , %	
Длина, см:					
соломины	65,4 ± 1,00	21,0*	67,4 ± 1,19	19,8*	5,7
междоузлий:					
первого	4,1 ± 0,19	14,58	4,3 ± 0,14	8,8	3,2
второго	8,3 ± 0,32	21,5*	8,3 ± 0,30	20,1*	0,0
средних	30,1 ± 0,98	20,7*	31,3 ± 1,10	22,0*	2,4
верхнего	22,9 ± 0,58	15,7*	23,5 ± 0,94	26,8*	0,9
Диаметр междоузлий, мм:					
первого	1,8 ± 0,04	20,9*	2,0 ± 0,06	38,3*	19,2*
второго	2,3 ± 0,06	25,1*	2,6 ± 0,09	47,1*	21,4*
третьего	2,8 ± 0,07	34,7*	3,1 ± 0,09	45,3*	25,5*
Индексы:					
Горшковой, %	36,5 ± 1,64	29,9*	32,4 ± 0,83	9,4*	15,4*
Гальченко	377,5 ± 10,33	19,9*	349,3 ± 9,48	20,8*	12,7

Примечание: * – достоверно при $p \leq 0,05$; H^2 – степень влияния фактора «генотип».

Длина соломины была близка к региональной модели сорта только у пяти двурядных образцов: у Сибирского 2, Багана, Неполегающего, Красноярского 80 и селекционной линии Ц 282528.

По длине и толщине нижних междоузлий главного стебля, выраженности индексов устойчивости группа двурядных образцов неоднородна (рис. 1). Среди них выделяются Ача, Баган, Омский 80 и Красноярский 80, характеризующиеся короткими (2,6 – 3,7 см – первое, 6,3 – 7,7 см – второе) и толстыми нижними междоузлиями (1,8 – 1,8 мм – первое, 2,3 – 2,5 мм – второе, 2,9 – 3,0 – третье), оптимальными значениями индексов устойчивости ($D_{L2}/D_2 = 26,5 – 32,6$; $D_L/D_1 = 303,3 – 412,8$). Представляют интерес в селекции на неполегаетость сорта Красноярский 1, Неполегающий, Омский 86 и Сибирский 2 как формы с утолщенными нижними (1,8 – 2,2 мм – первое, 2,3 – 2,8 мм – второе, 2,8 – 3,1 мм – третье) междоузлиями и низкими значениями индекса Гальченко (316,8 – 382,5), а также образцы Ц 462677, Лазурит, Кедр и Омский 13709, характеризующиеся относительно короткими (4,0 – 4,99 см – первое, 7,4 – 8,8 см – второе) междоузлиями.

Образцы сравнивали между собой также по длине средних и верхнего междоузлий (рис. 2). В качестве перспективных выделяются Неполегающий, Ача, Баган, Обской, Омский 80, Омский 13709, Красноярский 80, Красноярский 1, Лазурит, Кедр, Ц 462677, Ц 282528 с относительно короткими колосоножками

(от 19,5 до 23,9 см). Вытянутая средняя часть стебля (более 30,0 см) характерна для сортов Неполегающий, Баган, Красноярский 80, что объясняет их превосходство по длине соломины.

Среди многорядных ячменей выделяются образцы, близкие по длине соломины к региональной модели: Тарский 1, к-4967 местный, А 253165, А 793369, Агул, Агул 2, Заларинец, Иркут. Кроме того, выявлены образцы с оптимальным сочетанием отдельных признаков, обеспечивающих устойчивость к полеганию (рис. 3). Короткими (3,4 – 4,3 см) вторым и верхним (18,2 – 24,9 см) междоузлиями в сочетании с низкими значениями (28,2 – 31,6) индекса, предложенного В. А. Горшковой, характеризуются Тарский 1, Омский 85, Агул 2, к-8399 местный, к-4211 местный. У образцов Иркут и А 253165 формируются самые толстые нижние междоузлия (2,2 – 2,5 см – первое, 2,8 – 3,6 см – второе, 3,4 – 4,1 см – третье), значения индекса устойчивости – самые низкие ($D_{L2}/D_2 = 27,8 – 28,0$).

Относительно утолщенные нижние междоузлия (1,9 – 2,2 мм – первое, 2,5 – 2,8 мм второе, 2,9 – 3,1 мм – третье) выявлены также у сортов Агул, Енисей, Неван, Нарымчанин, к-4967 местный, А 793369.

У семи образцов (Иркут, Заларинец, Агул, Агул 2, Омский 85, к-4967 местный, к-4211 местный) длина средней части стебля больше среднего по группе значения (31,3 см) и составляет от 32,1 до 38,0 см.

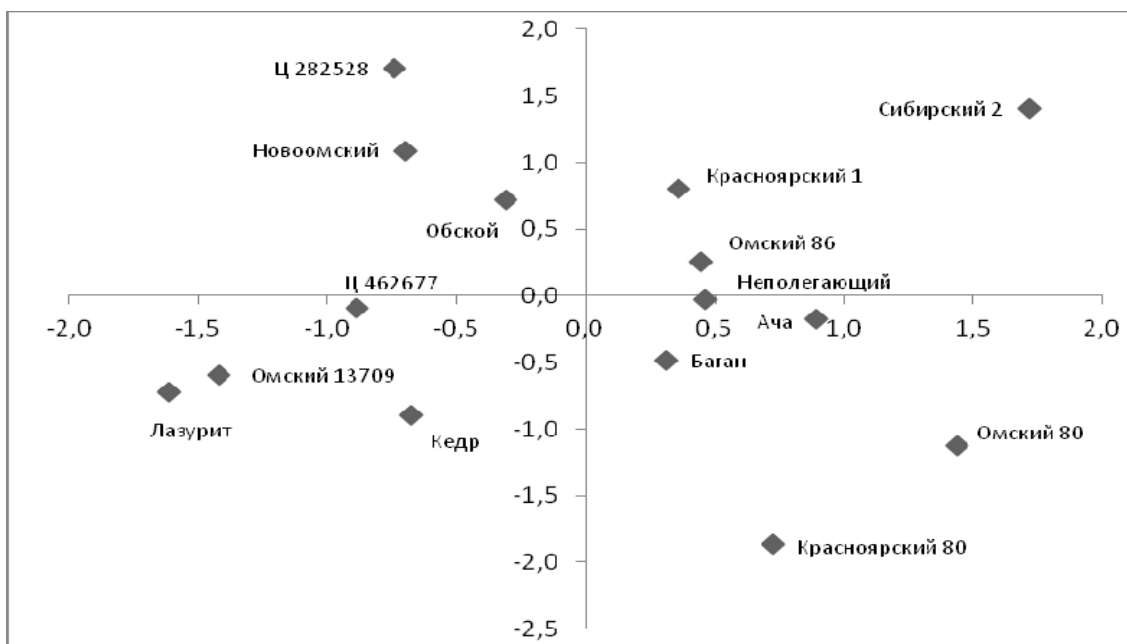

Рис. 1. Размеры нижних междоузлий и выраженность индексов устойчивости к полеганию у двурядных образцов ячменя

Примечание: слева направо увеличивается толщина нижних междоузлий, снижаются значения индексов устойчивости; снизу вверх увеличивается длина нижних междоузлий.

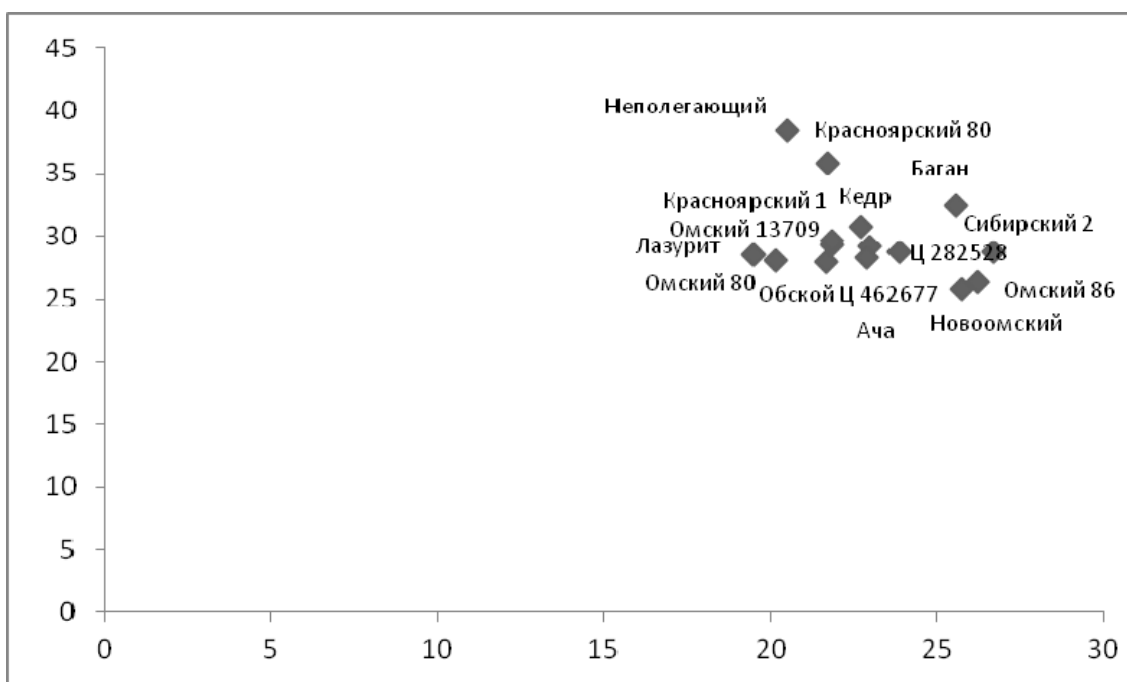

Рис. 2. Длина верхнего (по горизонтали) и средних (по вертикали) междоузлий у двурядных образцов ячменя

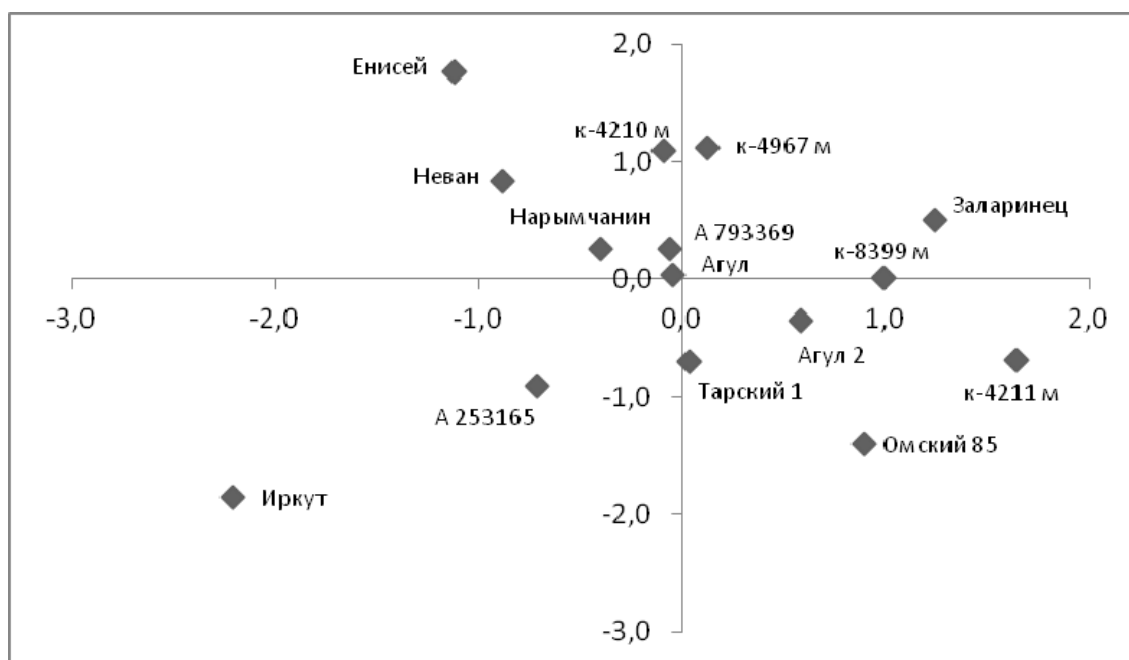

Рис. 3. Размеры междоузлий и выраженность индексов устойчивости к полеганию у шестирядных образцов ячменя

Примечание: слева направо уменьшается длина второго нижнего и верхнего междоузлий, толщина нижних междоузлий, снизу вверх увеличивается длина первого снизу междоузлия и значения индекса, предложенного В. А. Горшковой.

Таблица 4

Анатомическое строение стебля у подвидов ячменя

Признаки	Двурядные		Многорядные		Влияние фактора «подвид», %
	$M \pm m$	$H^2, \%$	$M \pm m$	$H^2, \%$	
Площадь полости, мм ²	$2,5 \pm 0,28$	52,6*	$2,4 \pm 0,29$	67,8*	0,4
Толщина стенки, мм	$0,54 \pm 0,03$	60,7*	$0,54 \pm 0,030$	54,2*	0,1
Толщина склеренхимы, мм	$0,11 \pm 0,01$	60,2*	$0,10 \pm 0,004$	35,9*	5,2
Толщина паренхимы, мм	$0,44 \pm 0,023$	56,7*	$0,44 \pm 0,026$	58,3*	0,1
Число пучков в склеренхиме, шт.	$18,7 \pm 0,82$	59,3*	$19,0 \pm 0,40$	20,5*	0,2
Число пучков в паренхиме, шт.	$22,6 \pm 0,57$	40,6*	$24,1 \pm 0,82$	52,7*	6
Общее число пучков, шт.	$41,4 \pm 1,13$	57,3*	$43,2 \pm 1,08$	45,5*	3,3
Площадь пучков в склеренхиме, мм ²	$0,06 \pm 0,005$	64,8*	$0,06 \pm 0,003$	43,0*	0
Площадь пучков в паренхиме, мм ²	$0,28 \pm 0,026$	77,3*	$0,27 \pm 0,025$	73,6*	0,3
Общая площадь пучков, мм ²	$0,34 \pm 0,031$	79,5*	$0,33 \pm 0,028$	72,7*	0,2
Выполненность междоузлия, %	$61,4 \pm 1,54$	32,1*	$61,1 \pm 1,99$	47,1*	0,1
Доля склеренхимы, %	$23,7 \pm 0,76$	40,5*	$22,6 \pm 0,54$	39,6*	5,4
Доля проводящей ткани, %	$9,4 \pm 0,37$	61,7*	$9,7 \pm 0,44$	65,9*	1,3

Примечание: * – достоверно при $p \leq 0,05$; H^2 – степень влияния фактора «генотип».

Развитие тканей стебля определяет его устойчивость к механическим нагрузкам. Известно, что формы с более толстыми, выполненными нижними междоузлиями, с большим числом крупных проводящих пучков, высоким отношением объема прочных тканей (склеренхимы, проводящих тканей) к общей площади стенки стебля, менее подвержены полеганию [1, 6]. Изученные нами группы двурядных и многорядных образцов по анатомическому строению стебля не от-

личались между собой, в то время как уровень межсортовой изменчивости в пределах каждого подвида был высоким, а влияние фактора «сорт» – достоверным.

Среди двурядных ячменей (рис. 4) выявлена группа с узкой полостью ($1,4 - 2,5 \text{ мм}^2$) и повышенной долей склеренхимы ($23,4 - 26,3 \%$) на поперечном срезе стебля (Новоомский, Омский 13709, Красноярский 80, Ц 462677), с высокой выполненностью стеб-

ля (63,4 – 75,0 %) при небольшой (1,4 – 2,2 мм²) ме-
дуллярной лакуне (Баган, Обской, Омский 86). Ос-
тальные образцы (Красноярский 1, Кедр, Лазурит,
Ача, Неполегающий, Сибирский 2, Ц 282528) харак-
теризуются выраженным строением стенки стебля:
широким кольцом склеренхимы (0,11 – 0,15 мм) и па-

ренхимы (0,43 – 0,61 мм), повышенным числом про-
водящих пучков в паренхиме (22,1 – 27,2 шт.), боль-
шой площадью проводящих тканей (0,35 – 0,56 мм²) и
поперечного сечения междоузлия в целом. Однако
увеличение размеров междоузлия у них сопровожда-
ется разрастанием сердцевинной полости.

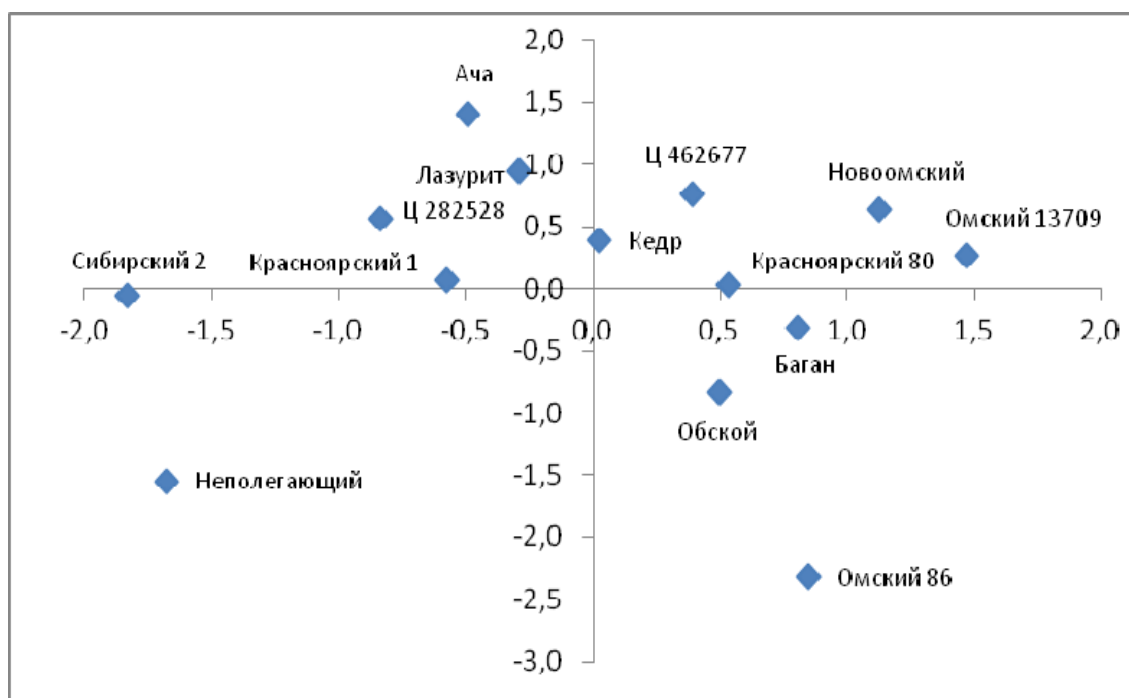

Рис. 4. Строение междоузлия у двурядных образцов ячменя

Примечание: слева направо уменьшается площадь полости и проводящих тканей, толщина стенки стебля, склеренхимы и паренхимы, число проводящих пучков в паренхиме; снизу вверх уменьшается выполненность стебля, увеличивается доля склеренхимы.

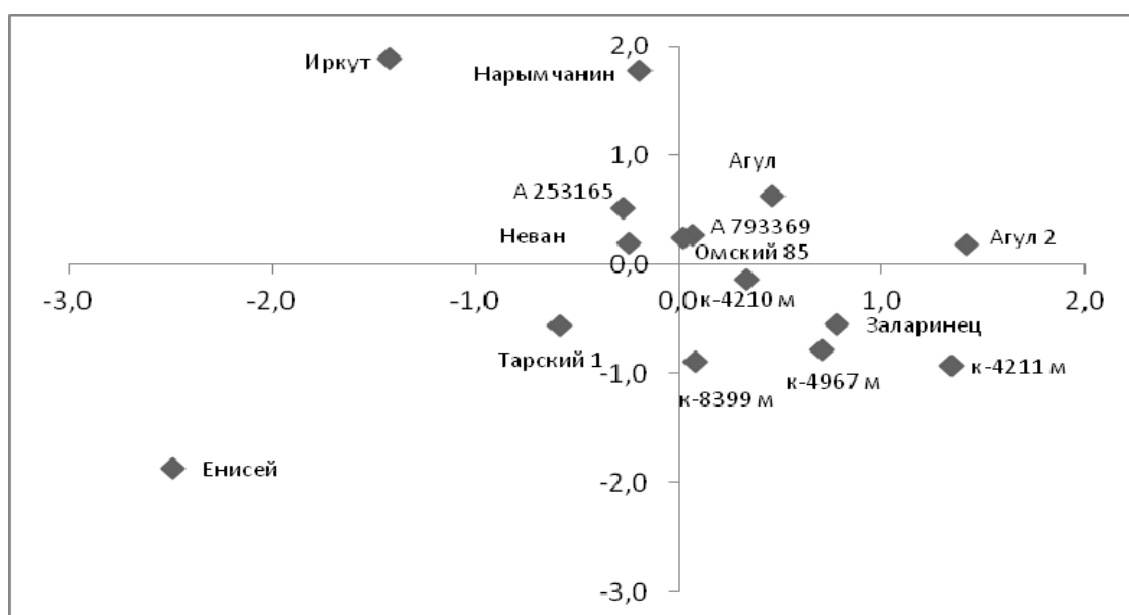

Рис. 5. Строение междоузлия у шестирядных образцов ячменя

Примечание: слева направо увеличивается доля склеренхимы, уменьшается толщина стенки стебля, скле-
ренхимы и паренхимы, площадь проводящих тканей; снизу вверх уменьшается выполненность соломины, уве-
личивается число проводящих пучков.

Среди шестирядных образцов (рис. 5) выделяются формы с повышенной выполненностью стебля (66,5 – 73,4 %), которая у местных сортов к-8399, к-4967, к-4211, Заларинца и Тарского 1 сочетается с небольшими размерами полости (1,0 – 1,6 мм²), а у Енисея – с утолщенной стенкой стебля (0,6 – 0,9 мм), с большим объемом проводящих тканей (0,61 мм²) и самой большой площадью поперечного сечения междоузлия (10,9 мм²). Увеличение толщины стебля выше среднегруппового значения (2,8 мм) у образцов Тарский 1, Неван, Нарымчанин, Иркут, А 253165 сопряжено с возрастанием размеров полости (3,3 – 5,4 мм²).

Сопоставление селекционных и местных сортов с селекционными линиями показало, что в группе шестирядных ячменей новые перспективные линии выделяются максимальной (750 г/м²), а местные сорта – минимальной (262,5 г/м²) урожайностью. Среди дву-

рядных образцов селекционные линии имели преимущества перед селекционными сортами только по числу проводящих пучков в склеренхиме (24,6 и 18,2 шт., соответственно). Не обнаружено достоверных отличий между образцами из разных областей Сибири.

Таким образом, изученные нами двурядные и шестирядные ячмени сибирского происхождения отличаются друг от друга только по продуктивности и толщине соломины.

В обеих группах выделяются образцы, которые могут использоваться в качестве источников в селекционных программах, направленных на повышение продуктивности, прочности стебля и устойчивости к полеганию. Причем среди шестирядных ячменей больше выделено источников с оптимальным сочетанием элементов продуктивности, а среди двурядных – структуры стебля.

Литература

1. Гудкова, Г. Н. Анатомо-морфологические особенности *Hordeum L.*, *Secale L.*, *Triticum L.* применительно к проблемам селекции: автореф. дис. ... д-ра биол. наук / Г. Н. Гудкова. – СПб., 1999. – 34 с.
2. Заушинцева, А. В. Обоснование параметров модели сортов ячменя и способы ее реализации в процессе селекции / А. В. Заушинцева // Селекция, семеноводство и технология возделывания сельскохозяйственных культур: сб. науч. тр. КемНИИСХ РАСХН. – Кемерово, 2001.
3. Заушинцева, А. В. Селекция ярового ячменя в условиях Кузнецкой котловины Западной Сибири: автореф. дис. ... д-ра биол. наук / А. В. Заушинцева. – Кемерово, 2001. – 47 с.
4. Ковригина, Л. Н. Морфологические показатели устойчивости ячменя к стеблевому полеганию / Л. Н. Ковригина // Вестник КемГУ. – 2002. – Вып. 2(10).
5. Кондратенко, Е. П. Динамика производства зерновых в Кемеровской области / Е. П. Кондратенко, Л. Г. Пинчук, Ш. Б. Шайдулина // Зерновое хозяйство. – 2001. – № 1(4).
6. Культурная флора СССР: ячмень / М. В. Лукьянова [и др.]. – Л.: Агропромиздат, ЛО, 1990. – Т. 2. – Ч. 2. – 421 с.
7. Пакуль, В. Н. Технологические приемы интенсификации возделывания озимой ржи и ярового ячменя в лесостепи Кузнецкой котловины: автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук / В. Н. Пакуль. – Барнаул – 2009. – 33 с.
8. Парфенова, В. А. Селекционная оценка шестирядных и двурядных форм ячменя / В. А. Парфенова // Селекция сельскохозяйственных культур на скороспелость, холодостойкость, зимостойкость: мат. научно-метод. конф. – Новосибирск, 2008.
9. Сурин, Н. А. Селекция ячменя в Сибири / Н. А. Сурин, Н. Е. Ляхова. – Новосибирск: РАСХН СО; Енисей, 1993. – 292 с.

Информация об авторах:

Ковригина Любовь Никифоровна – кандидат биологических наук, доцент, заведующая кафедрой ботаники КемГУ, 8(3842)580166, lnkovrigina@mail.ru.

Lyubov N. Kovrigina – Candidate of Biology, Associate Professor, Head of the Department of Botany, Kemerovo State University.

Степанюк Галина Ямгудиновна – кандидат биологических наук, ассистент кафедры ботаники КемГУ, (83842)580166, gstepanjuk@ngs.ru.

Galina Ya. Stepanyuk – Candidate of Biology, Lecturer at the Department of Botany, Kemerovo State University.

СОПРЯЖЕННОСТЬ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОДУКТИВНОСТИ С ПРИЗНАКАМИ СТРУКТУРЫ СТЕБЛЯ У СОРТОВ И ГИБРИДОВ ЯЧМЕНЯ

Л. Н. Ковригина, Г. Я. Степаныук

CORRELATION BETWEEN CROP PRODUCING POWER AND STALK STRUCTURE FEATURES IN BARLEY CULTIVARS AND HYBRIDS

L. N. Kovrigina, G. Ya. Stepanyuk

В статье приведены данные об изменчивости корреляций между признаками продуктивности и анатомического строения стебля у сортов и гибридов ярового ячменя.

The article provides the data on variability of correlations between crop producing power and anatomic stalk structure in summer barley cultivars and hybrids.

Ключевые слова: ячмень, продуктивность, строение стебля.

Keywords: barley, crop producing power, stalk structure.

Связь признаков структуры растения с его продуктивностью подтверждена многочисленными исследованиями как в России [4, с. 36 – 39; 7; 8; 5], так и за рубежом [9, с. 131 – 136; 10, с. 35 – 45; 11, с. 532 – 536]. Особое значение эти взаимосвязи имеют при работе с хозяйственно-ценными видами. Возможность выделения морфологических маркеров высокой продуктивности у зерновых культур объясняет интерес исследователей к изучению корреляций между признаками строения целого растения или отдельных его органов и элементами структуры урожая. Наличие таких маркеров позволяет значительно снизить объемы измерений в селекции.

В литературе достаточно сведений о взаимосвязях между отдельными показателями продуктивности или между элементами урожайности и морфологическими параметрами побега [1, с. 654 – 664; 7]. Имеются многочисленные публикации о корреляциях между признаками морфоанатомического строения стебля [3, с. 60 – 63; 6]. Однако данных о корреляциях между анатомическими признаками стебля и продуктивностью у злаков мало.

Цель нашей работы: изучить корреляции между элементами продуктивности и признаками структуры побега у ячменя в условиях Кемеровской области.

Объекты исследования – четыре сорта ячменя из мировой коллекции ГНУ ГНЦ «Всероссийский научно-исследовательский институт растениеводства им. Н. И. Вавилова»: Баган (Новосибирская область), Неполегающий (Иркутская область), Эльф (Московская область), Brenda (Германия), а также гибриды второго поколения, полученные в результате скрещиваний по полной диаллельной схеме. Образцы выращивали в 1999 и 2000 гг. на опытном поле Кемеровского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Уборка проведена в фазу полной спелости. Морфоанатомический анализ проведен на кафедре ботаники Кемеровского государственного университета.

Продуктивность растений оценивали по пяти признакам: число генеративных побегов (N_{pb}), масса зерна с растения (M_z), длина главного колоса (L_{kol}), число зерен в главном колосе (N_{Zkol}), масса зерен главного колоса (M_{Zkol}). При изучении определяли параметры структуры главного стебля: его длину

(L_{pb}), длину (L_M) и толщину (H_M) первого префлорального (второго от поверхности почвы) междоузлия, площадь полости (S_{pol}), выполненной части – стенки стебля (S_s), склеренхимы (S_c), паренхимы (S_{par}), проводящей ткани (S_{pp}) и число проводящих пучков (N_{pp}) в нем.

Математическую обработку проводили с помощью программы «Statistica 6.1». В ходе анализа числяли средние значения признаков, а затем, используя их, рассчитали коэффициенты парной корреляции ($r_{0,05}$) и детерминации ($R^2_{0,05}$). При обсуждении полученных результатов особое внимание уделяли сильным связям ($r_{0,05} > 0,7$), т. к. при этом степень детерминированности переменной влиянием другой переменной составляет более 50 %.

Продуктивная кустистость – один из важнейших показателей продуктивности ячменя.

В нашем опыте повышенной продуктивной кустистостью характеризовались относительно низкорослые сорта западно-европейского экотипа Эльф и Brenda ($r_{0,05} = -0,54 \dots -0,92$) (табл. 1). Сила связи между длиной стебля и числом генеративных побегов растения была ниже в 1999 г., когда складывались благоприятные для кущения условия и различия между сортами по этому показателю нивелировались. У гибридов (табл. 2) корреляция между этими признаками была слабее и изменялась по годам ($r_{0,05} = 0,30$ в 1999 г., $r_{0,05} = -0,11$ в 2000 г.).

Взаимосвязи между длиной первого префлорального междоузлия и продуктивной кустистостью в группе сортов и гибридов – отрицательные и невысокие ($r_{0,05} < 0,7$), особенно в 1999 г.

Саранчиным Е. П. [7] в группе короткостебельных сортов ячменя отмечена положительная связь продуктивной кустистости с толщиной междоузлия. В нашем опыте корреляция между этими показателями у сортов была высокой, но ее знак изменялся по годам ($r_{0,05} = 0,85 \dots -0,94$), потому что у западно-европейских сортов число генеративных побегов в кусте было максимальным, независимо от относительных размеров поперечного сечения стебля. Повышенной продуктивной кустистостью отличались в 2000 г., в основном толстостебельные гибридные комбинации. В 1999 г. зависимость между этими показателями была ниже ($r_{0,05} = 0,37$).

Таблица 1

Межсортные корреляции между признаками продуктивности и структуры стебля у ячменя

Признак	L_{Pb}	L_M	H_M	S_{Pol}	S_S	S_C	S_{Par}	S_{PP}	N_{PP}	$R^2_{0,05}$
N_{Pb}	$\frac{-0,54}{-0,92}$	$\frac{-0,03}{-0,60}$	$\frac{0,85}{-0,94}$	$\frac{0,96}{-0,85}$	$\frac{0,83}{-0,96}$	$\frac{0,84}{-0,17}$	$\frac{0,81}{-0,97}$	$\frac{0,61}{-0,58}$	$\frac{0,56}{-0,40}$	$\frac{0,52}{0,58}$
M_Z	$\frac{-0,90}{-0,84}$	$\frac{-0,87}{-0,92}$	$\frac{0,70}{-0,67}$	$\frac{0,70}{-0,78}$	$\frac{0,88}{-0,67}$	$\frac{0,83}{-0,73}$	$\frac{0,89}{-0,70}$	$\frac{0,34}{-0,10}$	$\frac{0,69}{0,26}$	$\frac{0,60}{0,46}$
L_{Kol}	$\frac{0,74}{0,37}$	$\frac{0,65}{0,28}$	$\frac{-0,39}{-0,45}$	$\frac{-0,13}{0,53}$	$\frac{-0,40}{0,41}$	$\frac{-0,41}{-0,57}$	$\frac{-0,43}{0,37}$	$\frac{0,55}{0,81}$	$\frac{-0,70}{0,61}$	$\frac{0,27}{0,26}$
N_{ZKol}	$\frac{0,72}{0,19}$	$\frac{0,99}{-0,22}$	$\frac{-0,34}{0,42}$	$\frac{-0,30}{0,28}$	$\frac{-0,58}{0,41}$	$\frac{-0,50}{-0,91}$	$\frac{-0,60}{0,37}$	$\frac{-0,17}{0,89}$	$\frac{-0,44}{0,96}$	$\frac{0,32}{0,35}$
M_{ZKol}	$\frac{-0,23}{-0,50}$	$\frac{-0,88}{-0,73}$	$\frac{-0,17}{-0,28}$	$\frac{-0,08}{-0,41}$	$\frac{0,16}{-0,29}$	$\frac{0,05}{-0,96}$	$\frac{0,18}{-0,33}$	$\frac{0,35}{0,37}$	$\frac{-0,13}{0,64}$	$\frac{0,12}{0,30}$
$R^2_{0,05}$	$\frac{0,44}{0,40}$	$\frac{0,59}{0,37}$	$\frac{0,30}{0,36}$	$\frac{0,30}{0,37}$	$\frac{0,40}{0,36}$	$\frac{0,36}{0,52}$	$\frac{0,41}{0,36}$	$\frac{0,19}{0,38}$	$\frac{0,30}{0,39}$	$\frac{0,37}{0,39}$

Примечание:

1. Расшифровка признаков дана в тексте.
2. В числителе представлены данные за 1999 г., в знаменателе – за 2000 г.
3. $R^2_{0,05}$ – коэффициенты детерминации признаков.

Таблица 2

Межгибридные корреляции между признаками продуктивности и структуры стебля у ячменя

Признак	L_{Pb}	L_M	H_M	S_{Pol}	S_S	S_C	S_{Par}	S_{PP}	N_{PP}	$R^2_{0,05}$
N_{Pb}	$\frac{0,30}{-0,11}$	$\frac{-0,03}{-0,23}$	$\frac{0,37}{0,51}$	$\frac{0,35}{0,52}$	$\frac{0,14}{0,51}$	$\frac{0,29}{0,44}$	$\frac{0,31}{0,47}$	$\frac{0,33}{0,68}$	$\frac{0,28}{0,47}$	$\frac{0,08}{0,22}$
M_Z	$\frac{0,07}{0,61}$	$\frac{-0,32}{0,39}$	$\frac{0,08}{0,89}$	$\frac{0,04}{0,83}$	$\frac{0,27}{0,59}$	$\frac{0,01}{0,88}$	$\frac{0,34}{0,60}$	$\frac{-0,06}{0,60}$	$\frac{-0,10}{0,77}$	$\frac{0,05}{0,57}$
L_{Kol}	$\frac{0,04}{0,54}$	$\frac{-0,25}{0,27}$	$\frac{0,17}{0,89}$	$\frac{0,12}{0,80}$	$\frac{0,33}{0,64}$	$\frac{0,13}{0,93}$	$\frac{0,44}{0,66}$	$\frac{0,02}{0,60}$	$\frac{0,05}{0,70}$	$\frac{0,05}{0,48}$
N_{ZKol}	$\frac{0,08}{0,50}$	$\frac{-0,28}{0,26}$	$\frac{0,10}{0,94}$	$\frac{0,05}{0,84}$	$\frac{0,29}{0,66}$	$\frac{0,05}{0,93}$	$\frac{0,39}{0,67}$	$\frac{-0,05}{0,68}$	$\frac{-0,04}{0,81}$	$\frac{0,04}{0,53}$
M_{ZKol}	$\frac{0,12}{0,50}$	$\frac{-0,31}{0,27}$	$\frac{0,18}{0,92}$	$\frac{0,13}{0,88}$	$\frac{0,27}{0,73}$	$\frac{0,11}{0,91}$	$\frac{0,38}{0,72}$	$\frac{0,12}{0,76}$	$\frac{0,04}{0,83}$	$\frac{0,04}{0,49}$
$R^2_{0,05}$	$\frac{0,02}{0,24}$	$\frac{0,07}{0,08}$	$\frac{0,04}{0,71}$	$\frac{0,03}{0,62}$	$\frac{0,07}{0,40}$	$\frac{0,02}{0,71}$	$\frac{0,14}{0,40}$	$\frac{0,03}{0,44}$	$\frac{0,02}{0,53}$	$\frac{0,05}{0,46}$

Примечание:

1. Расшифровка признаков дана в тексте.
2. В числителе представлены данные за 1999 г., в знаменателе – за 2000 г.
3. $R^2_{0,05}$ – коэффициенты детерминации признаков.

У сортов нами выявлены тесные (прямые – в 1999 г., обратные – в 2000 г.) корреляции между числом генеративных побегов в кусте ячменя, размерами полости и тканей выполненной части стебля (кроме проводящей). В 1999 г. у образцов с высокой продуктивной кустистостью (Эльф и Brenda) сформировалось более толстое второе нижнее междоузлие (3,1 – 3,2 мм) с крупной полостью (4,0 – 4,6 мм²), большой площадью стенки стебля (3,6 – 3,7 мм²), склеренхимы (0,68 мм²) и паренхимы (2,5 мм²). В 2000 г. уровень развития анатомических признаков оказался выше у сортов с небольшим числом продуктивных побегов (Баган, Неполегающий). Между числом генеративных

побегов и характеристиками проводящей ткани (общая площадь и число пучков) наблюдалась связь средней силы, прямая в 1999 г. ($r_{0,05} = 0,56...0,61$), обратная – в 2000 г. ($r_{0,05} = -0,40... 0,58$).

Между числом колосьев и признаками структуры главного стебля у гибридов выявлена положительная зависимость средней силы. В 2000 г. отмечено повышение уровня связи данного показателя продуктивности с анатомическими признаками стебля ($R^2_{0,05} = 0,22$) в сравнении с 1999 г. ($R^2_{0,05} = 0,08$).

Сопряженность продуктивной кустистости с комплексом структурных признаков у сортов ($R^2_{0,05} =$

= 0,52...0,58) выше, чем у гибридов второго поколения ($R^2_{0,05} = 0,08...0,22$).

Масса зерна с растения – важный показатель урожайности. Между этим признаком и длиной стебля в литературе отмечается положительная связь различной силы [7]. Максимальной продуктивностью растения в наших исследованиях характеризовались низкорослые сорта (Эльф, Brenda) с коротким первым префлоральным междоузлием ($r_{0,05} = -0,84...-0,92$). Среди гибридных комбинаций наиболее высокая продуктивность растений была характерна в 2000 г. для более высокорослых образцов ($r_{0,05} = 0,61$) с удлинённым первым префлоральным междоузлием ($r_{0,05} = 0,39$), в 1999 г. связь между этими показателями была низкой.

В 1999 г. были отмечены прямые, а в 2000 г. – обратные, в большинстве случаев высокие ($r_{0,05} > 0,70$), межсортные корреляции между массой зерна с растения и анатомическими признаками (кроме проводящих тканей). Независимо от уровня выраженности структуры стебля, более высокая продуктивность растений была характерна для сортов европейского происхождения. Зависимость между продуктивностью растения и развитием проводящих тканей у сортов была невысокой и варьировала по годам исследований.

Степень сопряженности массы зерна с растения с признаками структуры стебля у сортов высока в оба года ($R^2_{0,05} = 0,46...0,60$), тогда как у гибридов F_2 она зависит от погодных условий ($R^2 = 0,05...0,57$).

Показатели продуктивности главного колоса у рекомбинантов в основном были слабо скоррелированы с признаками анатомического строения стебля в 1999 г. ($r_{0,05} = -0,10...0,44$). В 2000 г. с более жесткими условиями уровень связи заметно повышался ($r_{0,05} = 0,59...0,94$).

Исследованиями Л. В. Козленко [4, с. 36 – 39] была показана положительная корреляция между признаками продуктивности метелки и длиной побега у овса, которая наблюдалась в течение двух лет.

По нашим данным корреляционная зависимость между показателями, характеризующими продуктивность главного колоса, и длиной стебля изменялась по годам. В 1999 г. наиболее длинным, высоко озерненным колосом характеризовались относительно высокорослые сорта с удлинённым нижним междоузлием ($r_{0,05} = 0,65...0,99$). В 2000 г. степень и направление корреляций изменялись. Тесная связь между этими признаками обнаруживалась только у сортов в 1999 г.

Уровень взаимосвязи признаков продуктивность главного колоса и структуры стебля у сортов в основном был низким и нестабильным. При этом масса зерна в главном колосе, независимо от года исследований, была выше ($r_{0,05} = -0,88...-0,73$) у образцов с укороченными нижними междоузлиями: Багана и Brenda в 1999 г., Эльфа и Неполегающего – в 2000 г.

Литература

1. Гужов, Ю. Л. Закономерности корреляционных связей между хозяйственно-важными количественными признаками у яровой пшеницы при их генотипической и модификационной изменчивости / Ю. Л. Гужов, М. А. Шуман // Изв. АН СССР. Серия: Биология. – М., 1981. – № 5.

У сортов сопряженность структуры стебля с показателями продуктивности колоса была намного ниже, чем с показателями продуктивности всего растения, а у гибридов почти не отличалась.

В отдельные годы у сортов отмечены корреляции, негативные с точки зрения устойчивости к полеганию. Например, в 2000 г. колос был тяжелее у сортов с меньшей площадью склеренхимы ($r_{0,05} = -0,96$). В гибридном потомстве таких зависимостей не обнаружено.

В отдельные годы судить об уровне продуктивности у сортов можно было по длине междоузлия (в 1999 г. степень его сопряженности с элементами продуктивности составила 59 %), по числу проводящих пучков, толщине междоузлия, площади полости, площади склеренхимы ($R^2 \geq 0,52$ – в 2000 г.).

В 2000 г. более высокопродуктивные гибридные комбинации отличались высокой выраженностью анатомического строения на поперечном срезе первого префлорального междоузлия, а также варьированием по длине междоузлия и длине побега. В 1999 г. выявлено большое разнообразие гибридов по сочетанию продуктивности, размеров стебля и структуры первого префлорального междоузлия. В связи с изменчивостью связей по годам успешность отбора может быть различной.

Таким образом, у сортов во взаимосвязях признаков, характеризующих продуктивность растения и строение главного стебля, отражаются особенности разных агроэкологических групп, к которым они относятся. Преимущества европейских образцов по продуктивной кустистости и связанной с ней урожайности растения реализуются независимо от условий года, размеров междоузлия и тканей, входящих в его состав.

Признаки структуры стебля и показатели продуктивности растения и главного колоса варьируются относительно независимо друг от друга. Для селекционной практики этот факт может быть использован при выведении высокопродуктивных сортов с оптимальной структурой стебля, обеспечив надежную основу для продуктивного колоса.

Выявлены различия в характере корреляционных связей между признаками стебля и показателями продуктивности и степени их сопряженности у сортов и гибридов ячменя в зависимости от сложившихся условий вегетации.

Сопряженность структуры стебля с элементами структуры урожая в 1999 г. была меньше, а в 2000 г. – больше в гибридном потомстве, по сравнению с родительскими сортами почти по всем показателям продуктивности.

Изменчивость коэффициентов корреляции и детерминации по годам не позволила выделить надежных маркеров высокой продуктивности среди признаков анатомического строения стебля.

2. Заушинцева, А. В. Обоснование параметров модели сортов ячменя и способы ее реализации в процессе селекции / А. В. Заушинцева // Селекция, семеноводство и технология возделывания сельскохозяйственных культур: сб. науч. тр. КемНИИСХ РАСХН. – Кемерово, 2001. – С. 11 – 17.
3. Ковригина, Л. Н. Корреляционный анализ структуры стебля *Hordeum Vulgare* L. / Л. Н. Ковригина, Г. Я. Степанюк // Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии: сб. науч. ст. по мат. X Междунар. науч.-пр. конф. – Барнаул, 2011.
4. Козленко, Л. В. Характер корреляционных связей у образцов овса США и Канады / Л. В. Козленко // Бюллетень ВНИИР им. Н. И. Вавилова. – Л., 1973. – № 36.
5. Комарова, Е. А. Особенности анатомического строения стебля и колосового стержня сортов тритикале в связи с продуктивностью колоса и устойчивости к полеганию: автореф. дис. ... канд. биол. наук / Е. А. Комарова. – М., 2007. – 20 с.
6. Лазаревич, С. В. Эволюция анатомического строения стебля пшеницы / С. В. Лазаревич. – Минск: Хата, 1999. – 296 с.
7. Саранчин, Е. П. Морфологические особенности побега, характер изменчивости и наследования признаков у короткостебельных сортов ячменя в связи с устойчивостью к полеганию: автореф. дис. ... канд. биол. наук / Е. П. Саранчин. – СПб., 2005. – 21 с.
8. Цильке, Р. А. Генетические основы селекции мягкой яровой пшеницы на продуктивность в Западной Сибири / Р. А. Цильке // НГАСУ. – Новосибирск, 2005. – 321 с.
9. Iyamabo, O. E. Effects of selection and opportunities for recombination in doubled – haploid populations of barley (*hordeum vulgare* L.) / O. E. Iyamabo, P. M. Hayes // Plant Breeding 114. – 1994.
10. Kudła, M. M. Genetyczne możliwości wzrostu plonowania jęczmienia jarego / M. M. Kudła, M. Kudła // Biul. Inse. Hodowli i aklimatyzacji Roslin. – 1985. – Nr 193.
11. Vazquez, J. F. Correlations, epistasis and heterosis of plant height and internode length in barley / J. F. Vazquez, E. Sanchez-Mange // Genome. – 1987. – Vol. 29. – N 4.

Информация об авторах:

Ковригина Любовь Никифоровна – кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой ботаники КемГУ, 8(3842)580166, lnkovrigina@mail.ru.

Lyubov N. Kovrigina – Candidate of Biology, Associate Professor, Head of the Department of Botany, Kemerovo State University.

Степанюк Галина Ямгудиновна – кандидат биологических наук, ассистент кафедры ботаники КемГУ, (83842)580166, gstepanjuk@ngs.ru.

Galina Ya. Stepanyuk – Candidate of Biology, Lecturer at the Department of Botany, Kemerovo State University.

УДК: 575:224. 23: 577.213

ВКЛАД ПОЛИМОРФИЗМА ГЕНОВ ФЕРМЕНТОВ РЕПАРАЦИИ ДНК В ХРОМОСОМНЫЙ МУТАГЕНЕЗ В ЛИМФОЦИТАХ КРОВИ ЧЕЛОВЕКА (обзор литературы) *В. И. Минина*

CONTRIBUTION OF DNA REPAIR ENZYMES GENES POLYMORPHISM TO CHROMOSOMAL MUTAGENESIS IN HUMAN LYMPHOCYTES (review) *V. I. Minina*

Работа поддержана государственным контрактом ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 – 2012 годы» № 16.512.11.2062; грантом РФФИ, 10-04-00497-а.

Проведен обзор научных публикаций, посвященных анализу взаимосвязи между хромосомными aberrациями и полиморфизмом генов ферментов репарации ДНК у здоровых лиц и онкологических больных. Показана перспективность использования SNP в генах ферментов репарации ДНК в качестве маркеров повышенной чувствительности к воздействию кластогенов. Обсуждается значимость проведения подобных исследований для жителей промышленного региона.

A review of scientific publications on the analysis of the correlation between chromosome aberrations and DNA repair enzymes genes polymorphism in healthy individuals and cancer patients is provided. The paper presents prospects of using SNP in the DNA repair enzymes genes as markers of increased sensitivity to clastogenes. The importance of such studies for the residents of the industrial region is proved.

Ключевые слова: хромосомные aberrации, гены ферментов репарации.

Keywords: chromosomal aberrations, DNA repair enzymes genes.

Хромосомные aberrации (повреждения хромосом) в лимфоцитах крови человека являются признанным и хорошо стандартизованным маркером действия мутагенов и отражают степень индивидуальной чувствительности клеток организма к генотоксической нагрузке. Основными механизмами защиты клеток от мутагенов являются системы репарации ДНК, антиоксидантной защиты, детоксикации ксенобиотиков, а также механизмы апоптоза и контроля клеточного цикла [1, с. 583 – 599]. Гены, отвечающие за функционирование этих защитных систем, являются основными кандидатами на роль наследственных факторов индивидуальной чувствительности.

Полиморфизмы генов репарации ДНК приводят к значительным различиям в эффективности репарации повреждений ДНК. Известно, что тонкие изменения специфических белков, функционирующих в репаративных системах, потенциально способны приводить к мутагенезу [13, с. 320 – 328]. В связи с этим активно ведется изучение роли полиморфизма генов ферментов репарации в формировании спонтанных хромосомных aberrаций (ХА) у здоровых доноров. Значительно реже проводились подобные исследования у больных различными онкологическими заболеваниями, хотя необходимость и перспективность таких работ очевидна.

Среди большого числа известных генов, кодирующих ферменты репарации, наиболее часто в связи с ХА изучаются полиморфные варианты генов: *XpD*, *XRCC1*, *APE1*, *hOGG1*, *ADPRT*.

Ген *XpD/ERCC2* (excision repair crosscomplementing rodent repair deficiency, complementation group 2 [xeroderma pigmentosum D]) локализован на хромосоме 19q32.2 и кодирует АТФ-независимую хеликазу. Это ключевой белок эксцизионной репарации нуклеотидов, который узнает и исправляет различные мутации (сшивки оснований, тиминовые димеры, аддукты ДНК, окислительные повреждения ДНК и др.), образующиеся, например, после УФ-облучения или оксидативного стресса. В составе ТФИИ транскрипционно-го комплекса хеликаза *XpD* раскручивает цепь ДНК, обеспечивая доступ эндонуклеаз к поврежденному участку. Полиморфизм T2251G, приводящий к замене *Lys751Gln*, меняет конфигурацию белка и может влиять на его взаимодействие с хеликазным активатором p44, приводя к уменьшению репаративной способности и повышению риска онкозаболеваний [7, с. 1 – 14].

Ген *hOGG1* (human 8-oxoguanine DNA glycosylase) кодирует ключевой фермент эксцизионной репарации оснований, удаляющий из ДНК остатки 8-оксогуанина, образующегося под действием активных форм кислорода. Один из полиморфизмов гена *hOGG1*, приводящий к замене Ser на Cys в 326 положении, ассоциирован со сниженной активностью фермента 8-оксогуанин-ДНК-гликозилазы [11], и как следствие с высоким риском возникновения рака легкого, пищевода, гортани, желудка и простаты у носителей Cys-аллеля [19, с. 127 – 141].

Ген *APE1* кодирует специализированный фермент – апуриновую/апиридиновую (AP-эндонуклеазу), удаляющую из ДНК так называемые AP-сайты. В результате ее работы в ДНК образуется брешь в один нуклеотид, которая ограничена гидроксильной группой на 3'-конце и остатком фосфорной кислоты на 5'-конце. Полиморфный вариант гена *APE1*, несущий трансверсию T→G в положении 2573 в 5 экзоне, приводит к замене Asp на Glu в положении 148 (Asp148Glu; rs3136820). Установлено, что носители Glu-аллеля имеют более высокий риск развития рака легкого, чем носители Asp-аллеля [6, с. 2417 – 2420; 9, с. 917 – 922].

Ген *ADPRT* (adenosine diphosphate ribosyl transferase) кодирует ассоциированный с хроматином фермент поли-АДФ-рибозилполимеразу (PARP), которая модифицирует различные ядерные белки. Аллель гена *ADPRT*, который несет трансверсию T→C в 40676 положении, приводящую к аминокислотной замене Val762Ala в кодируемом белке, ассоциирован с пониженной способностью связывать XRCC1 и другие белки, сниженной функциональной активностью фермента и высоким риском возникновения рака [12, с. 6344 – 6348].

Весь процесс эксцизионной репарации оснований координирует и регулирует белок *XRCC1* (X-ray repair cross-complementing group 1), который взаимодействует с рядом белков, включая гликозилазу OGG1, AP-эндонуклеазу APE1, (poly-ADP-ribose-polymerase) PARP1 и PARP2 и другие. Клетки с дефектом гена *XRCC1* имеют более высокую чувствительность к действию ионизирующей радиации, ультрафиолета, перекиси водорода и митомицина. Ген *XRCC1* характеризуется высоким полиморфизмом. В популяции обнаружено множество аллелей этого гена, несущих различные однонуклеотидные замены (SNP), но наибольшее внимание исследователи уделяют следующим вариантам: *Arg194Trp*, *Arg280His* и *Arg399Gln*. Было установлено, что данные полиморфные варианты влияют на эффективность репарации ДНК и ассоциированы с повышенным риском рака различных локализаций [15, с. 119 – 123; 14, с. 2860 – 2868].

Учитывая функциональную значимость полиморфных маркеров в вышеперечисленных генах репарации, их потенциальную способность определять структурную целостность хромосом и модифицировать индивидуальный онкориск, целью данной работы стал обзор научных публикаций по проблеме оценки влияния генотипов репарации ДНК на ХА у здоровых лиц и онкологических больных.

Материалы и методы

В обзор включали:

- 1) рандомизированные, оригинальные исследования и обзоры;
- 2) исследования, в которых проводился анализ ассоциаций уровня спонтанных ХА и полиморфных вариантов генов репарации ДНК: *XPB*, *XRCC1*, *APE1*,

hOGG1, *ADPRT* в лимфоцитах крови взрослых здоровых доноров и онкологических больных.

Поиск исследований проводился в базах данных ScienceDirect и MEDLINE (2000 – 2012) с использованием стратегии поиска, принятой в организации Кокрановского Сотрудничества, с использованием запросов по темам: chromosomal aberrations & *XpD*, & cancer; chromosomal aberrations & *XRCC1* & cancer; chromosomal aberrations & *APE1* & cancer и т. д. по всем анализируемым парам ХА – ген. Кроме того, проводился поиск с использованием данных научной электронной библиотеки eLibrary.ru.

Не соответствовали критериям включения в обзор и исключались работы, в которых:

- изучали не *Homo sapiens*, а другие биологические объекты;
- исследовали не лимфоциты крови, а другие соматические клетки;
- в качестве показателя геномной нестабильности использовались не ХА, а другие маркеры: микроядра, сестринские хроматидные обмены, разрывы ДНК (ДНК-кометы), TCR-мутантные лимфоциты;
- зарубежные работы, полный текст которых был опубликован не на английском языке;
- работы, опубликованные до 2000 года.

Анализ работ, посвященных изучению роли генетического полиморфизма ферментов репарации ДНК в формировании ХА у здоровых доноров

За последние 12 лет было опубликовано значительное число работ, посвященных анализу влияния полиморфизма генов репарации на ХА в условиях генотоксической нагрузки (воздействие радиации, отдельных химических мутагенов или их комплексов в условиях производства). В данном случае изучалось взаимодействие «генотип-среда» и их совместное влияние на темпы хромосомного мутагенеза. При отсутствии выявленного влияния мутагенов говорят о спонтанном мутационном процессе, приводящем к формированию фонового, базового уровня ХА. В данном обзоре мы приводим результаты изучения ассоциаций между генотипом и ХА в условиях спонтанного мутационного процесса.

В результате анализа ХА у 145 здоровых жителей Финляндии в связи с полиморфизмом генов репарации: *XRCC1* (кодоны 194, 280, 399), *XRCC3* (241 кодон), – а также и генов ферментов метаболизма ксенобиотиков: *GSTM1*, *GSTT1*, *NAT2*-Jarno [Tuimala](#) с коллегами установили, что высокая частота разрывов хромосомного типа наблюдалась у доноров с генотипом *GSTT1 null* (в группе курящих) и у *NAT2* медленных ацетиляторов (у некурящих). Носители вариантных аллелей генов *XRCC1* (кодон 280 и 194) демонстрировали сниженный уровень хромосомных разрывов. Эффекты влияния генотипов *GSTM1* и *XRCC1* кодон 399 на частоту хромосомных aberrаций модифицировались курением [17, с. 319 – 352].

В популяциях белых жителей США Affatato с коллегами (2004) проверяли гипотезу о том, что полиморфизм в гене *XpD/ERCC2* (Asp312Asn в 10 экзоне и Lys751Gln в 23 экзоне) ограничивает эффективность репарации ДНК, что приводит к возрастанию частоты ХА. Наблюдали возрастание риска высокой

частоты ХА in vivo в ассоциации с аллелем 312Asn (OR = 2.57; CI: 0.88-7.50; P = 0.10). Риск был более выраженным у курящих доноров (OR = 4.67; 95 % CL = 1.04-20.90; P = 0.04) и у всех субъектов старше 48 лет (OR = 7.33; 95 % CL = 1.53-35.10; P = 0.01) [5, с. 65 – 73].

В Чехии [Vodicka](#) с коллегами [18, с. 757 – 763] изучали ассоциации между генетическим полиморфизмом в генах *XpD* (экзон 23 A --> C, K751Q), *XpG* (экзон 15 G --> C, D1104H), *XpC* (экзон 15 A --> C, K939Q), *XRCC1* (экзон 10 G --> A, R399Q) и *XRCC3* (экзон 7 C --> T, T241 M) и уровнем ХА и односторонних разрывов (single-strand breaks-SSB). Частота ХА была значимо выше у доноров с генотипами *XpD* экзон 23 AA и AC (F = 3.6, P = 0.028, ANOVA). При многофакторном анализе переменных этот полиморфизм выступал как основной фактор, влияющий на ХА (F = 4.2, P = 0.017). SSB модулировались полиморфизмами в генах *XpD* (F = 4.3, P = 0.023), *XpG* (F = 4.3, P = 0.024) и *XRCC1* (F = 3.0, P = 0.064).

В Словакии [Kazimirová](#) и другие исследователи при сравнении выборок молодых лиц (20 – 25 лет, 151 человек) и доноров старшего возраста (65 – 70 лет, 140 человек) наблюдали не только статистически значимое возрастание уровня ХА в старшей возрастной группе (P < 0.001), но и отмечали, что у гомозигот Lys/Lys по гену *XpD* (751) и гомозигот C/C или A/A по гену *XpC* (IVS11) из старшей возрастной группы чаще встречались разрывы хроматидного типа (P < 0.05) [10, с. 35 – 40]. При подразделении выборки на две подгруппы (без вариантных аллелей и с одной или двумя вариантными аллелями) наблюдали достоверно значимое возрастание числа хромосомных обменов в группе с одним или двумя вариантными аллелями *XpCin9* (P = 0.04), *XPC IVS11* (P = 0.004) или *XpCex15* (P = 0.001).

На выборке жителей Норвегии (651 человек) [Skjelbred](#) с соавторами (2006) показали, что индивиды с аллелями *hOGG1 326Cys* или *XRCC1 399Gln* имеют высокий риск хромосомных повреждений, а носители *XRCC1 194Trp* или *ERCC2 751Gln* имеют сниженный риск, независимо от возраста и курения [16, с. 133]. Доноры с *XRCC1 280His* аллелем имеют возросший риск aberrаций хромосомного типа, который проявляется только у некурящих, независимо от возраста. В 2007 году теми же авторами были представлены результаты ревизии ранее представленных данных (использовались другие подходы к статистической обработке результатов). После пересчета данных подтвердилась статистическая значимость ассоциаций аллеля *hOGG1 326Cys* и повышенного риска aberrаций хроматидного типа. Риск статистически значимо возрастал у курящих лиц и в младшей возрастной группе. Лица с *ERCC2 751Gln* аллелем имели риск, значимый только в отношении хроматидных пробелов в старшей возрастной группе.

В исследовании Л. Е. Сальниковой с соавторами (2010) на выборке из 99 добровольцев показано, что частота спонтанных aberrаций хромосомного типа аддитивно возрастала при увеличении числа копий минорных аллельных вариантов *XpD * 2251G* и *XpD * 862A* (p = 0.025) [4, с. 29 – 38].

При исследовании жителей Кемерово впервые была показана значимость генотипа *ADPRT* в формировании хромосомных нарушений у взрослых здоровых доноров в условиях спонтанного мутагенеза. Показатели хромосомного мутагенеза: доля aberrантных метафаз, доля aberrаций на 100 клеток, aberrаций хромосомного типа – были статистически значимо выше у носителей генотипа TC гена *ADPRT*, по сравнению с генотипом TT [3, с. 121 – 124].

Таким образом, в условиях спонтанного мутагенеза у здоровых доноров были выявлены положительные ассоциации между ХА и аллелями генов репарации в популяциях: Норвегии (для аллелей: *hOGG1* 326Cys, *XRCC1* 280His, *XRCC1* 399Gln, *XRCC1* Arg194, *XpD* Lys751), Финляндии (*XRCC1* Arg194, Arg280), Чехии (*XpD* Lys751), Словакии (*XpD* Lys751) и США (*XpD* 312Asn), России (*XRCC1* 399Gln, *XpD* 751Gln, *ADPRT* TC).

Анализ работ, посвященных изучению роли генетического полиморфизма ферментов репарации ДНК в формировании ХА у онкологических больных

Значительно меньшее число работ было посвящено изучению влияния полиморфизма в генах репарации на формирование ХА в лимфоцитах крови онкологических больных.

С. Harms (2004) с коллегами при изучении частоты спонтанных ХА и полиморфизмов генов *XpD*, *XRCC1*, *XRCC3*, *GSTM1*, *GSTT1*, *MPO* и *EPHX1* в группах больных с первичным раком легкого (79 пациентов) и контрольных доноров (69 человек) наблюдали ассоциацию высокого уровня ХА с вариантными генотипами *XpD* Lys/Gln + Gln/Gln ($P = 0.046$) как в группе больных раком легкого, так и у здоровых доноров. Пациенты чаще имели более высокий уровень ХА, по сравнению с контролем, при сопоставлении сходных генотипов системы репарации ДНК и сходного статуса курения ($<$ или $= 40$ пачек в год или > 40 пачек в год). Значимое возрастание ХА при различных комбинациях генотипов чаще наблюдалось у пациентов курящих $<$ либо $= 40$ пачек в год, но не среди курящих более 40 пачек в год [8, с. 74 – 82].

Г. Н. Мансурова с коллегами из Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск) и Северского биофизического научного центра изучали генетический полиморфизм в генах *XRCC1* (Arg280His, Arg399Gln), *hOGG1* Ser326Cys, *XpD* Lys751Gln, *XpG* Asp1104His и ХА у работников Сибирского химического комбината, подвергавшихся воздействию ионизирующего излучения: у 155 больных различными формами злокачественных новообразований и 148 здоровых лиц. Было установлено статистически значимое превышение уровня ХА в группе больных ($5,31 \pm 1,03 \%$), по сравнению с группой здоровых ($1,79 \pm 0,09\%$; $p=0,000002$). Отмечен эффект в отношении развития онкологических заболеваний для гомозиготного генотипа *hOGG1* 326*CC: величина отношения шансов составила 2,11 (95 % ДИ 1,09 – 4,08; $p = 0,02$). Для гетерозиготного генотипа по гену *hOGG1* показана его протективная роль в отношении развития онкологических заболеваний: величина отношения шансов составила 0,41 (95 % ДИ

0,21 – 0,81; $p = 0,007$). Результаты, свидетельствующие о наличии взаимосвязи между изученными генотипами и уровнем ХА как у больных, так и здоровых доноров, авторы в своей работе не приводят [2, с. 84 – 85].

В настоящее время в Институте экологии человека СО РАН (г. Кемерово) активно ведется работа по изучению хромосомного мутагенеза в лимфоцитах крови и полиморфизма генов ферментов репарации ДНК у больных раком легкого, проживающих в Кемеровской области. При исследовании 215 больных РЛ и 152 здоровых жителей Кемерово был зафиксирован повышенный уровень хромосомных aberrаций в лимфоцитах крови больных РЛ ($2,88 \pm 0,13 \%$), по сравнению со здоровыми – $1,79 \pm 0,13 \%$ ($U_{M-W} = 21253$; $p = 0,00001$). Увеличение частоты aberrаций хромосом достигается преимущественно за счет одиночных фрагментов. На уровне тенденции было отмечено повышение доли метафаз с ХА у носителей гетерозиготных генотипов CG гена *hOGG1*. Убедительных доказательств существования влияния полиморфизма генов *APE1* и *ADPRT* на хромосомный мутагенез у больных раком легкого получено не было. Однако было отмечено, что уровень хромосомных aberrаций (показатели: доля aberrантных метафаз, доля aberrаций на 100 клеток, aberrаций хромосомного типа) у больных РЛ был статистически значимо выше у носителей генотипов TG и GG гена *XpD*, по сравнению с генотипом TT [3, с. 121 – 124]. Следовательно, было подтверждено значимое влияние полиморфизма гена *XpD* на формирование хромосомных aberrаций у больных РЛ, выявленное ранее С. Harms.

Таким образом, результаты, полученные к настоящему времени в отношении онкологических больных немногочисленны, но свидетельствуют о перспективности подобного поиска маркеров индивидуальной чувствительности.

Заключение

Выполненный обзор научных работ позволил установить существование значимого влияния генетического полиморфизма в системе репарации ДНК на формирование хромосомных нарушений в лимфоцитах крови человека. Оказалось, что повышенный уровень поломок хромосом у здоровых и онкологических больных связан с разными полиморфными локусами генов репарации. Особенно интересен тот факт, что полиморфные локусы, связанные, как было установлено, с высокой повреждаемостью хромосом, являются также тесно связанными с повышенным риском рака различных локализаций. Это касается SNP в генах *XpD*, *XRCC1*, *APE1*, *hOGG1*, *ADPRT*, а также и других вариантов, не включенных в данный обзор. Это совершенно логично, т. к. замены, приводящие к снижению эффективности репарации, будут способствовать накоплению повреждений ДНК, что, как следствие, повышает вероятность злокачественной трансформации клеток.

Особенно значимы подобные исследования для жителей промышленно развитого региона, такого, как например, Кузбасс, где генотоксическое давление среды особенно велико. Выявление лиц с маркерами повышенного генотоксического риска позволит выде-

лить группы населения, нуждающиеся в особом внимании со стороны онкологов и генетиков. Для таких лиц должны составляться индивидуальные программы антимутагенной терапии и даваться рекомендации относительно способов снижения генотоксической нагрузки.

Для реализации подобных программ на данном этапе требуется научное обоснование выбора генети-

ческих маркеров, способных значимо влиять на темпы хромосомного мутагенеза у населения с учетом региональной специфики действующих мутагенов и канцерогенов. Обзор данных литературы свидетельствует о перспективности учета SNP в генах ферментов репарации ДНК в подобных системах.

Литература

1. Засухина, Г. Д. Генетический полиморфизм в защите клеток человека от мутагенов / Г. Д. Засухина, Н. С. Кузьмина // Молекулярный полиморфизм человека / под ред. С. Д. Варфоломеева. – М.: РУДН, 2007.
2. Хромосомные aberrации и полиморфизм генов эксцизионной репарации у работников СХК с онкологическими заболеваниями / Г. Н. Мансурова [и др.] // Сибирский онкологический журнал. – 2008. – Приложение № 1.
3. Исследование взаимосвязи между полиморфизмом генов репарации ДНК и частотой хромосомных aberrаций в лимфоцитах крови больных раком легкого / В. И. Минина [и др.] // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. – 2012. – № 3 (85). – Ч. 2.
4. Сальникова, Л. Е. Полиморфизм генов репарации и цитогенетические эффекты облучения / Л. Е. Сальникова, А. Г. Чумаченко, И. Н. Веснина // Радиационная биология. Радиоэкология. – 2010. – Т. 50. – № 6.
5. Effect of XPD/ERCC2 polymorphisms on chromosome aberration frequencies in smokers and on sensitivity to the mutagenic tobacco-specific nitrosamine NNK / A. A. Affatato [et al.] // Environ Mol Mutagen. – 2004. – Vol. 44(1). – С. 65 – 73.
6. Apurinic/apyrimidinic endonuclease (APE1) gene polymorphisms and lung cancer risk in relation to tobacco smoking / B. Agachan [et al.] // Anticancer Res. – 2009. – V. 29(6).
7. Benhamou, S. ERCC2/XPD polymorphisms and lung cancer / S. Benhamou, A. Sarasin // Am J Epidemiol. – 2005. – Vol. 161.
8. Polymorphisms in DNA repair genes, chromosome aberrations, and lung cancer / C. Harms [et al.] // Environ Mol Mutagen. – 2004. – Vol. 44(1).
9. Case LD: amino acid substitution variants of APE1 and XRCC1 genes associated with ionizing radiation sensitivity / J. J. Hu [et al.] // Carcinogenesis. – 2001. – V. 22.
10. Micronuclei and chromosomal aberrations, important markers of ageing: possible association with XPC and XPD polymorphisms / A. Kazimirová [et al.] // Mutat Res. – 2009. – Vol. 661(1–2).
11. Genetic polymorphisms and alternative splicing of the hOGG1 gene, that is involved in the repair of 8-hydroxyguanine in damaged DNA / T. Kohno [et al.] // Oncogene. – 1998. – V. 16. – С. 3219 – 3225.
12. The ADPRT V762A genetic variant contributes to prostate cancer susceptibility and deficient enzyme function / K. Lockett [et al.] // Cancer Research. – 2004. – V. 64.
13. Nemec, A. Variant base excision repair proteins: Contributors to genomic instability / A. Nemec, S. Wallace, J. Sweasy // Seminars in Cancer Biology. – 2010. – Vol. 20.
14. XRCC1 genotype and breast cancer: functional studies and epidemiologic data show interactions between XRCC1 codon 280 His and smoking / B. F. Pachkowski [et al.] // Cancer Res. – 2006. – V. 66.
15. Polymorphisms of the DNA Repair Gene XRCC1 and Lung Cancer Risk / D. Ratnasinghe [et al.] // Cancer Epidemiology, Biomarkers & Prevention. – 2001. – V. 10.
16. Influence of DNA repair gene polymorphisms of hOGG1, XRCC1, XRCC3, ERCC2 and the folate metabolism gene MTHFR on chromosomal aberration frequencies / C. F. Skjelbred [et al.] // Mutat Res. – 2006. – Vol. 602(1–2). Erratum in Mutat Res. – 2007. – Vol. 624(1-2).
17. Genetic polymorphisms of DNA repair and xenobiotic-metabolizing enzymes: effects on levels of sister chromatid exchanges and chromosomal aberrations / J. Tuimala [et al.] // Mutat Res. – 2004. – Vol. 554(1-2).
18. Genetic polymorphisms in DNA repair genes and possible links with DNA repair rates, chromosomal aberrations and single-strand breaks in DNA / P. Vodicka [et al.] // Carcinogenesis. – 2004. – Vol. 5.
19. Polymorphic variation in hOGG1 and risk of cancer: a review of the functional and epidemiologic literature / J. M. Weiss [et al.] // Mol. Carcinog. – 2005. – V. 42(3).

Информация об авторе:

Минина Варвара Ивановна – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики КемГУ, зав. лабораторией цитогенетики ИЭЧ СО РАН, vminina@mail.ru.

Varvara I. Minina – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University; Head of Cytogenetics Laboratory at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

УДК 375.17

ИССЛЕДОВАНИЕ РИСКА ПОДВЕРЖЕННОСТИ АЛКОГОЛИЗМУ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ

*Н. В. Солопёкин, М. Б. Лаврышина, М. В. Ульянова, Т. А. Толочко,
А. В. Ларионов, А. В. Мейер, В. И. Минина, В. Г. Дружинин*

THE STUDY OF ALCOHOL ADDICTION RISK IN THE INDIGENOUS POPULATION OF SOUTHWEST SIBERIA ACCORDING TO MOLECULAR GENETIC MARKERS

*N. V. Solopekin, M. B. Lavryashina, M. V. Ulyanova, T. A. Tolochko,
A. V. Larionov, A. V. Meyer, V. I. Minina, V. G. Druzhinin*

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 12-16-42006, администрации Кемеровской области соглашению № 3 от 25.05.2012 и проекта Минобрнауки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (шифр: «2012-1.4-12-000-1001-007»).

Изучено распределение частот аллелей и генотипов генов биотрансформации алкоголя: *rs 1229984 ADH1B* (полиморфизм G→A в 3 экзоне, замена Arg47His), *rs 671 ALDH2* (полиморфизм G→A в 12 экзоне, замена Glu487Lys) и *rs 3813867 CYP2E1* (полиморфизм G→C в 5'-регионе) у шорцев Таштагольского района Кемеровской области. Обследовано две группы шорцев (221 человек): группа больных, страдающих хроническим алкоголизмом и группа популяционного контроля. Показано, что характер распределения частот аллелей генов *ADH1B*, *ALDH2* и *CYP2E1* у шорцев группы популяционного контроля в целом соответствует распределению частот у народов Восточной Азии. Выявлены статистически значимые различия между группами «Контроль» и «Больные ХА» по частотам генотипов и аллелей генов *ADH1B* и *CYP2E1*. Отмечено, что гомозиготные генотипы *ADH1B*AA*, *CYP2E1*CC* и *ALDH2*AA* генов биотрансформации алкоголя *ADH1B*, *ALDH2* и *CYP2E1* чаще регистрируются у больных хроническим алкоголизмом по сравнению с группой популяционного контроля ($OR = 4.81$; $OR = 2.03$ и $OR = 4.18$ соответственно).

The distribution of allele and genotype frequencies of alcohol biotransformation genes of *rs 1229984 ADH1B* (G → A polymorphism in exon 3, Arg47His substitution), *rs 671 ALDH2* (G → A polymorphism in exon 12, Glu487Lys substitution) and *rs 3813867 CYP2E1* (G → C polymorphism in the 5' region) was studied in the Shors of Tashtagol, Kemerovo region. The study involved two groups of Shors (221 people total): a group of patients suffering from chronic alcoholism genes and a population control group. The article shows that the distribution of allele frequencies of *ADH1B*, *ALDH2* and *CYP2E1* in the Shors control group generally corresponds to the distribution of frequencies in the peoples of East Asia. Statistically significant differences in the frequencies of *ADH1B* and *CYP2E1* genes genotypes and alleles between the two groups were found. The *ADH1B*AA*, *CYP2E1*CC* and *ALDH2*AA* homozygous genotypes of of *ADH1B*, *ALDH2* and *CYP2E1* alcohol biotransformation genes are more frequently detected in patients with chronic alcoholism than in the control group ($OR = 4.81$; $OR = 2.03$ and $OR = 4.18$, respectively).

Ключевые слова: человек, полиморфизм, алкоголизм, гены биотрансформации алкоголя, шорцы.

Keywords: human, polymorphism, alcoholism, alcohol biotransformation genes, the Shors.

Алкоголизм – острейшая социальная и медицинская проблема международного масштаба. Показатели злоупотребления алкоголем существенно различаются в разных странах. В целом распространенность алкоголизма в мире варьируется от 3 – 5 % у женщин до 10 % у мужчин [8]. Согласно данным официальной статистики в большинстве районов Российской Федерации количество больных алкоголизмом составляет 1000 – 1500 человек на 100 тысяч населения. Известны отличия показателей распространенности алкоголизма в регионах РФ (в Ненецком автономном округе в 2008 году – 5542,0, в Камчатском крае – 2683,2, в Магаданской области – 5097,9, в Чукотском АО – 3990,3, в Ивановской области – 3377,8, в республике Карелия – 2546,9 [9] и среди представителей разных этнических групп [3]. Эти различия могут объясняться как биомедицинскими, так и этнокультурными факторами.

Шорцы – монголоидный тюркоязычный народ, имеющий статус коренного малочисленного народа Севера (КМНС). КМНС – это народы, проживающие

на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», ст. 1, п. 6]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года общая численность шорцев в Российской Федерации составляла 12 тыс. 888 человек, из них в Кемеровской области проживало 10 тыс. 672 [10].

Численность шорцев согласно переписям населения 1989, 2002 и 2010 годов неуклонно снижается. Если в 1989 году численность шорцев в Российской Федерации составляла 16 тыс. 600 человек, то в 2002 году зафиксировано ее уменьшение на 15,8 % (13 тыс. 975), а по данным на 2010 год шорцев в РФ осталось 12 тыс. 888 человек. То есть за 20 лет демографические потери шорцев составили 3712 – почти четверть населения (22,8 %) [10, 11]. Наблюдается также постепенное исчезновение традиционной шор-

ской культуры. Происходит это в силу нарастания урбанизации (шорцы – один из наиболее урбанизированных народов России, более 80 % представителей данного коренного народа являются городскими жителями), приводящей к интенсификации процессов ассимиляции и аккультурации. Все выше обозначенное негативным образом влияет на шорский этнос, приводя, в том числе, и к росту распространенности алкоголизма в среде шорцев.

Возникновение и характер течения алкоголизма сложным образом зависят от многих факторов как биологической, так и социальной природы. Следует отметить, что ни один из них не является достаточной причиной или единственным условием возникновения алкоголизма [1]. Подверженность хроническому алкоголизму проявляется как вероятность развития заболевания, которая детерминирована всей совокупно-

стью внешних и внутренних факторов. При определении факторов риска заболевания алкоголизмом закономерно встает вопрос о выявлении (выделении) определенных маркеров данного состояния. Среди многочисленных параметров обращает на себя внимание различие в индивидуальных спектрах ферментов метаболизма этанола, таких как алкогольдегидрогеназа, альдегиддегидрогеназа и цитохром P4502E1 (табл. 1). Комбинаторика и полиморфизм вышеперечисленных генов может обуславливать индивидуальную переносимость алкоголя. Поэтому целью настоящей работы было изучение полиморфизма генов биотрансформации этанола *ADH1B*, *ALDH2* и *CYP2E1* у шорцев Таштагольского района Кемеровской области, страдающих алкогольной зависимостью («Больные ХА») и в группе популяционного контроля («Контроль»).

Таблица 1

Гены биотрансформации этанола: хромосомная локализация, биологическая роль, полиморфизм, активность продуктов генов

Фермент, символ	Хромосомная локализация	Биологическая роль	Полиморфизм		Активность продуктов
			мутация	номенклатура	
Алкоголь-дегидрогеназа, <i>ADH</i>	4q21-q23	Окисление этанола до ацетальдегида	G→A в 3 экзоне, замена Arg47His	<i>ADH1B*47Arg</i> ;	Нормальная активность фермента
				<i>ADH1B*1</i> ; <i>G</i>	Высокая активность фермента
Альдегид-дегидрогеназа, <i>ALDH</i>	12q24.2	Окисление альдегидов до ацетата	G→A в 12 экзоне, замена Glu487Lys	<i>ADH1B*47His</i> ;	Нормальная активность фермента
				<i>ADH1B*2</i> ; <i>A</i>	Сниженная активность фермента
Цитохром P4502E1, <i>CYP2E1</i>	10q24.3-qter	Окисление этанола до ацетальдегида и ацетата	G→C в 5'-регионе	<i>ALDH2*487Glu</i> ;	Нормальная активность фермента
				<i>ALDH2*1</i> ; <i>G</i>	Сниженная активность фермента
				<i>ALDH2*487Lis</i> ;	Нормальный уровень транскрипции
				<i>ALDH2*2</i> ; <i>A</i>	Высокий уровень транскрипции
				<i>CYP2E1*PstI-</i> ;	Нормальный уровень транскрипции
				<i>CYP2E1*CI</i> ; <i>G</i>	Высокий уровень транскрипции
				<i>CYP2E1*PstI⁺</i> ;	Высокий уровень транскрипции
				<i>CYP2E1*C2</i> ; <i>C</i>	Высокий уровень транскрипции

Таблица 2

Объемы выборок и половозрастная структура обследованных групп шорцев

Показатели Группы	N	Средний возраст, ($\Sigma \pm \sigma$)	Пределы варьирования
«Больные ХА»	50	38.39 ± 1.58	19 – 54
Мужчины	28	39.00 ± 2.16	19 – 49
Женщины	22	35.78 ± 2.32	27 – 54
«Контроль»	171	13.79 ± 0.31	11 – 18
Мужчины	81	15.82 ± 0.43	12 – 18
Женщины	90	13.93 ± 0.46	11 – 14

Обследованы две группы шорцев. Группа «Больные ХА» включала лиц с установленным диагнозом хронический алкоголизм (ХА) 1 и 2 степени. Диагностика заболевания осуществлялась специалистами МУЗ «Центральная городская больница г. Таштагол». Вторая группа – «Контроль» – была сформирована из шорцев, проживающих в г. Таштагол и Таштагольском районе Кемеровской области и является по сути популяционным контролем. Суммарно обследован

221 человек. Половозрастная структура обследованных групп и объем выборок приведены в таблице 2.

Материалом для исследования послужили образцы ДНК, выделенные из цельной крови методом фенол-хлороформной экстракции. Получение образцов крови сопровождалось информированным согласием волонтеров к участию в исследовании, утвержденном Комиссией по Биоэтике Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения выс-

шего профессионального образования «Кемеровский государственный университет». Генотипирование полиморфизмов *rs* 1229984 гена *ADH1B*, *rs* 671 гена *ALDH2* и *rs* 3813867 гена *CYP2E1* проводили методом полимеразной цепной реакции с использованием комплекта реагентов для амплификации «SNP-экспресс» (НПФ «Литех», г. Москва). Результаты амплификации оценивали в 2 % агарозном геле. Для детекции ДНК использовали окраску гелей бромистым этидием с последующей визуализацией ДНК в УФ-свете.

На основе результатов генотипирования рассчитывали аллельные частоты. Сравнение частот аллелей в группах проводили на основании использования критерия χ^2 , частоты генотипов сопоставляли при помощи Т-критерия Стьюдента для выборочной доли. Для оценки риска развития заболевания вычисляли показатель отношения шансов (odds ratio, *OR*) с 95 % доверительными интервалами (confidence interval, *CI*). Величина *OR* = 1 указывает на отсутствие ассоциации (т. е. одинаковую частоту признака у больных и здоровых лиц), *OR* > 1 (положительная ассоциация) оз-

начает, что признак чаще встречается у больных, *OR* < 1 (отрицательная ассоциация) указывает на снижение частоты признака у больных. Доверительный интервал (*CI*) представляет собой интервал значений, в пределах которого с вероятностью 95 % находится ожидаемое значение рассматриваемого параметра – в данном случае, значение *OR*.

Данные, характеризующие распределение частот аллелей генов *ADH1B*, *ALDH2* и *CYP2E1* в обследованных группах шорцев, представлены в таблице 3. Отметим, что частота *ADH1B*47His(A)* *rs* гена 1229984 *ADH1B* у шорцев группы «Контроль» оказалась выше (0.392), чем у таких монголоидных народов Сибири, как алтайцы (0.229), буряты (0.197) [4, с. 89 – 92], и близкой к частоте у монголов (0.389) [6]. Что касается популяционной частоты *ALDH2*487Lys(A)* *rs* гена 671 *ALDH2* и *CYP2E1*PstI⁺(C)* *rs* гена 3813867 *CYP2E1*, то у шорцев группы популяционного контроля она сопоставима с частотами большинства народов Восточной Азии, приведенными в базе ALFRED [12].

Таблица 3

Частоты аллелей *rs* 1229984 *ADH1B*, *rs* 671 *ALDH2* и *rs* 3813867 *CYP2E1* в обследованных группах шорцев Кемеровской области

Группа	<i>ADH1B</i>		<i>ALDH2</i>		<i>CYP2E1</i>	
	<i>G</i>	<i>A</i>	<i>G</i>	<i>A</i>	<i>G</i>	<i>C</i>
«Больные ХА»	0.400*	0.600*	0.490	0.510	0.560***	0.440***
«Контроль»	0.608	0.392	0.623	0.377	0.830	0.170

Примечание: индекс показывает наличие статистически значимых (критерий – χ^2) отличий между группами шорцев (* – $p < 0.05$; *** – $p < 0.001$).

Сравнительный анализ частот аллелей в группе шорцев, страдающих хроническим алкоголизмом, и в группе «Контроль» выявил статистически значимые различия между ними. По *rs* 1229984 *ADH1B* и *rs* 3813867 *CYP2E1* у шорцев группы «Больные ХА» достоверно чаще регистрируются варианты *ADH1B*47His(A)* и *CYP2E1*PstI⁺(C)* ($\chi^2 = 2.44$; $p < 0.05$ и $\chi^2 = 3.79$; $p < 0.001$ соответственно). Частота аллеля *ALDH2*487Lys(A)* гена *rs* 671 *ALDH2* у шорцев, страдающих хроническим алкоголизмом, оказалась почти в 1.5 раза выше, чем в группе «Контроль», однако, выявленные отличия не являются статистически значимыми.

Сопоставление генотипических частот *rs* 1229984 гена *ADH1B* показало, что в группе шорцев «Больные

ХА» достоверно чаще регистрируется гомозиготный генотип *ADH1B*AA* ($T = 3.59$; $p < 0.001$) по сравнению с группой популяционного контроля (табл. 4). Гомозиготный генотип *ADH1B*GG* и гетерозиготный генотип *ADH1B*GA*, напротив, встречаются чаще в группе «Контроль». Полученное значение показателя отношения шансов ($OR = 0.57$ и 0.47 соответственно) для носителей гомозиготного генотипа *ADH1B*GG* и гетерозиготного генотипа *ADH1B*GA* свидетельствует об отрицательной ассоциации (сниженный риск развития заболевания), а для носителей гомозиготного генотипа *ADH1B*AA*, напротив, выявлена положительная ассоциация ($OR = 4.81$).

Таблица 4

Частоты генотипов *rs* 1229984 *ADH1B* в обследованных группах шорцев

Генотипы	Группы		Показатели			
	«Больные ХА»	«Контроль»	χ^2	<i>P</i>	<i>OR</i>	<i>CI</i>
<i>GG</i>	24.00 ± 12.32	35.67 ± 6.13	21.09	0.00003	0.57	0.28 – 1.17
<i>GA</i>	32.00 ± 11.66	50.29 ± 5.39			0.47	0.24 – 0.90
<i>AA</i>	44.00 ± 10.58***	14.04 ± 7.10			4.81	2.38 – 9.75

Примечание: индекс показывает наличие статистически значимых (Т-критерий) отличий между группами (*** – $p < 0.001$); *OR* – показатель отношения шансов; *CI* – доверительными интервалами.

Таблица 5

Частоты генотипов *rs 671 ALDH2* в обследованных группах шорцев

Генотипы	Группы		Показатели			
	«Больные ХА»	«Контроль»	χ^2	P	OR	CI
GG	28.00 ± 12.00	38.01 ± 6.02	7.60	0.02	0.92	0.11 – 0.40
GA	42.00 ± 10.77	48.53 ± 5.48			0.71	1.36 – 5.30
AA	30.00 ± 11.83*	13.46 ± 7.11			2.03	1.74 – 10.04

Примечание: индекс показывает наличие статистически значимых (Т-критерий) отличий между группами (* – $p < 0.05$); OR – показатель отношения шансов; CI – доверительными интервалами.

Таблица 6

Частоты генотипов *rs 3813867 CYP2E1* в обследованных группах шорцев

Генотипы	Группы		Показатели			
	«Больные ХА»	«Контроль»	χ^2	P	OR	CI
GG	36.00 ± 11.31	73.09 ± 3.96*	24.91	0.000004	0.21	0.48 – 1.77
GC	40.00 ± 10.95	19.88 ± 6.84**			2.69	0.37 – 1.34
CC	24.00 ± 12.32	7.03 ± 7.38**			4.18	0.93 – 4.45

Примечание: индекс показывает наличие статистически значимых (Т-критерий) отличий между группами (* – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$); OR – показатель отношения шансов; CI – доверительными интервалами.

Анализ генотипических частот *rs 671* гена *ALDH2* продемонстрировал, что гомозиготный генотип *ALDH2*GG* и гетерозиготный генотип *ALDH2*GA* у шорцев группы популяционного контроля встречаются чаще, чем у шорцев больных алкоголизмом (табл. 5). Частота гомозиготного генотипа *ALDH2*AA* оказалась выше в группе «Больные ХА» ($T = 2.0$, $p < 0.05$). Значение показателя OR у носителей гомозиготного генотипа *ALDH2*AA* свидетельствует об отрицательной ассоциации данного признака с риском развития заболевания, а у носителей гомозиготного генотипа *ALDH2*GG* и гетерозиготного генотипа *ALDH2*GA*, наоборот, отмечена положительная ассоциация ($OR = 2.03$).

Сравнительный анализ частот генотипов *rs 3813867* гена *CYP2E1* также выявил различия между шорцами группы «Контроль» и группы «Больные ХА» (табл. 6). Частота гомозиготного генотипа *CYP2E1*GG* в контрольной группе превышает таковую в группе больных алкоголизмом. Выявленные различия статистически значимы ($T = 2.47$, $p < 0.05$). Что касается частот гетерозиготного генотипа *CYP2E1*GC* и гомозиготного генотипа *CYP2E1*CC*, то они выше среди шорцев группы «Больные ХА» ($T = 2.85$, $p < 0.01$ и $T = 3.21$, $p < 0.01$ соответственно). Расчет показателей отношения шансов развития заболевания иллюстрирует повышенный уровень риска развития алкоголизма у шорцев, носителей гетерозиготного генотипа *CYP2E1*GC* ($OR = 2.69$). Однако самые высокие значения показателя OR выявлены у носителей гомозиготного генотипа *CYP2E1*AA* по гену *CYP2E1* ($OR = 4.81$).

По данным литературы [6, 8] сочетание в геноме человека быстрой формы фермента *ADH1B*47His* или

*CYP2E1*PstI⁺* и медленной формы *ALDH2*487Lys* приводит к быстрому накоплению в организме токсических продуктов метаболизма этанола (flush-синдром), что должно определять негативную реакцию на алкоголь и, как результат, меньшую предрасположенность к развитию хронического алкоголизма. Однако полученные нами результаты демонстрируют иную картину, что говорит о необходимости продолжения исследования генов биотрансформации алкоголя у шорцев по более широкому спектру маркеров и при более обширной выборке.

В целом проведенное исследование свидетельствует о генетическом своеобразии исследованных групп шорцев по генам *ADH1B*, *ALDH2* и *CYP2E1* и позволяет более детально оценить особенности распределения частот генов биотрансформации этанола у представителей коренного населения юга Западной Сибири в контексте подверженности развития хронического алкоголизма. На основании результатов исследования можно сделать заключение о том, что характер распределения частот генов биотрансформации алкоголя *ADH1B*, *ALDH2* и *CYP2E1* в группе шорцев популяционного контроля в целом соответствует таковому у большинства народов Восточной Азии. Более высокая частота генотипов *ADH1B*47His*, *CYP2E1*PstI⁺* и *ALDH2*487Lys* генов биотрансформации алкоголя *ADH1B*, *ALDH2* и *CYP2E1* ($OR=4.81$; $OR=2.03$ и $OR=4.18$ соответственно) в группе «Больные ХА» по сравнению с группой «Контроль» отражает повышенный риск развития алкоголизма у шорцев, являющихся носителями данных генотипических вариантов.

Литература

1. Билибин, Д. П. Патология физиология алкогольной болезни и наркоманий / Д. П. Билибин, В. Е. Дворников. – М.: УДН, 1991. – 104 с.

2. Полиморфизм генов алкогольдегидрогеназ в русских популяциях Сибирского региона / А. В. Марусин [и др.] // Мол. Биология. – 2004. – Т. 38. – № 4. – С. 625 – 631.
3. Сухарев, А. В. Этнофункциональная психология: исследования и психотерапия / А. В. Сухарев. – М.: ИЭА РАН, 1998. – 221 с.
4. Distribution of the alcohol dehydrogenase ADH1B*47His allele in Eurasia. Am J Hum Genet / S. Borinskaya [et al.]. – 2009. – № 84. – С. 89 – 92.
5. Lee, Sh-L. Functionality of allelic variation dehydrogenase gene family assessment of a functional window for protection against alcoholism / Sh-L. Lee, Höö J-O., Yip Sh-J // Pharmacogenetics. – 2004. – V. 14. – № 11. – P. 725 – 732.
6. Li, H. Speed WC, Pakstis AJ, Golub EI, Kidd JR, Kidd KK "Ethnic Related Selection for an ADH Class I Variant within East Asia." PLoS ONE / H. Li, S. Gu, X. Cai. – 2008. – № 3. – 1881 p.
7. High incidence of ADH2*1/ALDH2*1 genes among Japanese alcohol dependents and patients with alcoholic liver disease / F. Tanaka [et al.] // Hepatology. – 1996. – V. 23. – № 2. – С. 234 – 239.
8. Режим доступа: <http://alkogolizm.info> (дата обращения: 01.09.2012).
9. Режим доступа: <http://www.luga47region.ru> (дата обращения: 01.09.2012).
10. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.09.2012).
11. Режим доступа: <http://www.perepis.2002.ru> (дата обращения: 01.09.2012).
12. Режим доступа: <http://alfred.med.yale.edu/alfred/index.asp> (дата обращения: 01.09.2012).

Информация об авторах:

Солопёкин Николай Валерьевич – аспирант кафедры генетики биологического факультета КемГУ, nikolai_solopeki@mail.ru.

Nicholay V. Solopekin – post-graduate student at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Лавряшина Мария Борисовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики биологического факультета КемГУ, imb2001@mail.ru.

Mariya B. Lavryashina – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Ульянова Марина Владиславовна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры генетики биологического факультета КемГУ, ulmar2003@mail.ru.

Marina V. Ulyanova – Candidate of Biology, Senior Lecturer at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Толочко Татьяна Андреевна – старший преподаватель кафедры генетики биологического факультета КемГУ, tta1956@mail.ru.

Tatyana A. Tolochko – Senior Lecturer at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Ларионов Алексей Викторович – кандидат биологических наук, ассистент кафедры генетики биологического факультета КемГУ, alekseylarionov09@gmail.com.

Alexey V. Larionov – Candidate of Biology, Lecturer at the Department of Genetics of Kemerovo State University.

Мейер Алина Викторовна – аспирантка кафедры генетики биологического факультета КемГУ, shapoalina@yandex.ru.

Alina V. Meyer – post-graduate student at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Минина Варвара Ивановна – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики биологического факультета КемГУ, заведующая лабораторией цитогенетики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экологии человека СО РАН, vminina@mail.ru.

Varvara I. Minina – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University; Head of Cytogenetics Laboratory at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

Дружинин Владимир Геннадьевич – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой генетики, проректор по НИР КемГУ, ведущий научный сотрудник учреждения Российской академии наук Института экологии человека СО РАН, druzhinin_vladim@mail.ru.

Vladimir G. Druzhinin – Doctor of Biology, Professor, Head of the Department of Genetics, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University; leading researcher at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

ИСТОРИЯ

УДК 331.101.5 (571.17) «1948»

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ КУЗБАССА
В ОСВЕЩЕНИИ КОНФЕРЕНЦИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР 1948 ГОДА***О. В. Баев, В. А. Волчек***KUZBASS PRODUCTIVE FORCES AND THEIR INTERPRETATION IN THE CONFERENCE HELD
BY THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN 1948***O. V. Baev, V. A. Volchek*

Статья посвящена причинам проведения, подготовке и непосредственному содержанию конференции по изучению производительных сил Кемеровской области, проведённой АН СССР в ноябре 1948 г. Целью исследования является определение роли данного мероприятия в развитии производительных сил крупнейшего индустриального региона Сибири. Рассматривается основное содержание докладов участников конференции, её итоги. Делается вывод о необходимости и перспективности обращения интересов академической науки к проблемам развития такого индустриального региона, как Кузбасс.

The article is devoted to the factors which caused the preparing, convening as well as the immediate content of the conference on Kemerovo region productive forces analysis held by the USSR Academy of Sciences in November 1948. The purpose of this article is to find out the role of this event in the productive forces development in the biggest industrial region of Siberia. The article runs on the subject matter of the reports and the results of the conference. The conclusion made by the conveners was as follows: it is necessary and promising to pay attention to the problems of Kuzbass industrial region development.

Ключевые слова: Кузнецкий бассейн, Академия наук СССР, производительные силы.

Keywords: Kuznetsky coal-mining field, USSR Academy of Sciences, productive forces.

В 30 – 40-е гг. промышленность Кузбасса в результате масштабного строительства в годы первых пятилеток и перебазирования промышленности из западных областей СССР в период Великой Отечественной войны достигла значительных высот. При этом произошли не только количественные, но и качественные изменения: КМК был переведён на собственную железорудную базу Горной Шории, на нижних горизонтах угольных шахт появился в больших количествах метан, внедрялось новое оборудование [9, л. 3, 4].

В то же время состояние научно-исследовательских работ в горной промышленности Западной Сибири находилось в определённом кризисе. Это было связано как с утратой высококвалифицированных кадров, так и свёртыванием научных исследований. Член-корреспондент АН СССР М. А. Усов в 1939 г. умер, академики В. А. Обручев и Л. Д. Шевяков покинули Томск. Новосибирский институт механообр в 1942 г. был ликвидирован. Кузнецкий угольный НИИ в 1941 г. был переведён из Новосибирска в Прокопьевск, за время войны растерял высококвалифицированные кадры и после занимался только решением мелких текущих вопросов производства [9, л. 12, 23].

11 февраля 1948 г. в АН СССР состоялось совещание, на котором было решено провести 13 сентября 1948 г. конференцию по изучению производительных сил Кемеровской области [3, л. 1]. 11 марта 1948 г. Президиум АН СССР издал распоряжение № 195, в котором поручил Совету по изучению производи-

тельных сил АН СССР организовать и провести совместно с Кемеровским облисполкомом в сентябре 1948 г. конференцию по изучению производительных сил Кузбасса с привлечением Западно-Сибирского филиала Академии наук и институтов АН СССР. Подобные конференции были проведены по Молотовской области в 1945 году и по Иркутской области в 1947 году. Оргкомитет конференции возглавил академик И. П. Бардин, его заместителями стали академик Л. Д. Шевяков и секретарь Кемеровского обкома ВКП(б) Е. Ф. Колышев. Кандидатура председателя оргкомитета конференции была выбрана неслучайно. Именно в 1948 г. в статье «Пути промышленного развития Кузбасса» И. П. Бардин поставил задачу превратить Кузбасс в промышленный комплекс, сосредоточивающий 1/6 – 1/5 всей тяжёлой промышленности СССР [1]. В оргкомитет также вошли 15 академиков и 8 членов-корреспондентов АН СССР. Предполагалась работа 10 секций конференции: угольной, чёрной металлургии, химической, цветных металлов, энергетической, машиностроительной, транспортной, сельскохозяйственной, лесной и градостроительства. На подготовку и проведение конференции у Министерства финансов просили 275 тыс. руб., а у МПС – 5 вагонов (1 спальный, 2 мягких и 2 купейных) для проезда участников конференции до Кемерово и обратно [14, л. 1, 3, 6, 48].

20 мая 1948 г. заместитель председателя Госплана СССР А. Панов предложил бюро Совета Министров возложить руководство подобными конференциями

на Госплан, так как Академии наук «непосильно правильно определить перспективы развития производительных сил областей Советского Союза исходя из задач развития народного хозяйства СССР в целом» [14, л. 48]. 2 июня 1948 г. вышло постановление Совета Министров СССР, возлагающее проведение подобных конференций на Госплан и президиум Академии наук [13, л. 1]. В связи с этим был расширен состав заместителей председателя оргкомитета: ими стали заместитель председателя Госплана СССР А. Н. Лаврищев, член Госплана СССР Г. М. Сорокин, академик А. А. Скочинский, члены-корреспонденты А. С. Ильичёв и И. Н. Плаксин, председатель Кемеровского облисполкома В. А. Москвин. Госплан должен был подготовить доклад о генеральном плане развития Кузбасса, а академику И. П. Бардину было предложено ограничиться изучением роли и места чёрной металлургии [14, л. 109, 110].

Уже 2 сентября 1948 г. Госплан предложил вместо конференции по изучению производительных сил Кузбасса провести через 3 месяца конференцию по изучению производительных сил всей Западной Сибири [14, л. 137]. Правда, уже 10 сентября Госплан вышел с предложением: ограничиться переносом конференции на вторую половину ноября 1948 г. [13, л. 7].

30 сентября 1948 г. оргкомитет постановил: начать работу конференции 15 ноября 1948 г., объединить секции чёрной и цветной металлургии, секцию градостроительства преобразовать в секцию культуры и городского хозяйства и организовать две дополнительные секции — строительной индустрии и строительных материалов, лёгкой и пищевой промышленности [14, л. 110].

8 ноября 1948 г. И. В. Сталин подписал постановление Совета Министров СССР № 4173 о созыве конференции [13, л. 31], которая и прошла в Кемерово в установленные сроки.

Учёные АН СССР приняли активное участие в конференции, выступив с докладами практически на всех секциях и предложив перспективные пути развития производительных сил Кузбасса на несколько десятилетий вперёд.

В своём совместном с канд. экон. наук В. В. Рикманом докладе академик И. И. Бардин отметил, что в условиях осуществления принципа равномерного размещения промышленности в СССР зона потребления кузнецких углей ограничивается участием в шихте для коксования и покрытием временных дефицитов энергетических углей, поэтому главная масса кузнецких углей должна найти потребителей в пределах Западной Сибири. На основе использования энергетических углей, отходов углеобогащения и гидроэнергетических ресурсов Кузбасс должен был стать энергетическим центром региона, охватывающим Новосибирск, Томск и Барнаул. В связи с освоением Нижне-Ангарского железорудного района предлагалось построить к 1965 году 3 – 4 металлургических завода, в том числе на Мысковской площадке [10, с. 24 – 28].

Бывший тогда главным инженером комбината «Кузбассуголь» Т. Ф. Горбачёв сделал доклад о путях

совершенствования систем разработки мощных крупнопадающих пластов с целью минимизации потерь угля, исключения возникновения подземных пожаров и механизации угледобычи. Вопрос об этом являлся актуальным прежде всего для Прокопьевско-Кислёмского района. Горбачёв сделал вывод о необходимости отказаться от работы с обрушением на нижних горизонтах и перейти на работу с закладкой выработанного пространства, которую считал технической необходимостью вне зависимости от экономической целесообразности [10, с. 44 – 46].

Директор Горно-геологического института Западно-Сибирского филиала АН СССР Н. А. Чинакал доложил о рациональных схемах вскрытия разработки мощных сближенных пологопадающих пластов Томь-Усинского района, который был необходим для дальнейшего развития Кузбасса, но резко отличался по горно-геологическим условиям от других районов региона. Учёный предложил вскрывать Томь-Усинское месторождение крупными штольнями с годовой производительностью 1 – 2 млн тонн в год и сроком существования 30 – 50 лет [10, с. 55, 56].

Заместитель директора Института горного дела, член-корреспондент АН СССР И. Н. Плаксин выступил с сообщением об обогащении полезных ископаемых, в котором отметил комплексность состава руд Салаирского, Шерегешского и Темир-Тауского месторождений и указал на потери цветных металлов при извлечении железа из руды. Он предложил при переработке железных руд Темир-Тау использовать метод флотации, что позволило бы не только повысить качество железного концентрата, но и выделить цинковый концентрат, который мог бы использоваться на Беловском цинковом заводе, работавшем на привозном сырье [10, с. 102 – 105].

Член-корреспондент АН СССР Д. М. Чижилов с целью рационализации получения цинка побывал на Беловском цинковом заводе во главе бригады «Минцветметзолото» из 8 человек ещё в апреле-июне 1939 г. [8, л. 2]. На конференции же он рассказал о новых методах в области металлургии цинка, используемых на Беловском цинковом заводе. Основой технической реконструкции завода были названы вертикальные реторты непрерывного действия с карбонированными стенами. Основным способом интенсификации производства был предложен обжиг концентратов во взвешенном состоянии с применением воздуха, обогащённого кислородом. Для нагрева брикетированных обожжённых концентратов в процессе дистилляции предлагалось использовать индуцированные токи. Кроме того, отходы производства было предложено использовать для получения побочных продуктов (цинковые белила, цинковый купорос, хлористый цинк, серная кислота, хлористый свинец). Ещё одним направлением реконструкции БЦЗ было названо кооперирование производства с химической промышленностью, в результате которого БЦЗ мог стать химико-металлургическим комбинатом по производству цинка, кадмия и их производных [10, с. 122].

Заместитель директора Института общей и неорганической химии академик Г. Г. Уразов сделал док-

лад о хлорном методе переработки полиметаллических руд, цветных и редких металлов, который позволил бы извлекать из руды всё ценное с минимальными потерями [10, с. 127 – 129]. В частности, сотрудник Института общей и неорганической химии И. С. Морозов сообщил о создании схемы переработки хлорным методом бедных оловянных концентратов, которая могла быть внедрена в промышленную практику [10, с. 130, 131].

Член-корреспондент АН СССР Л. М. Сапожников ещё в июле 1935 г. во главе бригады ГУМПа и «Главугля» работал в Кузбассе с целью оптимизации использования коксующихся углей и уже тогда предложил увеличить в производстве кокса долю углей Осинниковского, Киселёвского и Ленинского месторождений [6; л. 3, 5, 6]. Теперь же учёный сообщил, что экспериментальным путём определено качество кокса, которое может дать различное сочетание кузбасских (в том числе недефицитных) углей, установлены оптимальные составы шихты [10, с. 143, 144].

Член-корреспондент АН СССР А. Б. Чернышёв уделил внимание газификации углей Кузбасса. Для осуществления газоснабжения городов предлагалось использовать коксовый газ от мощных заводов Кемерово и Сталинска. При этом производство коксового газа могло сопровождаться производством искусственного жидкого топлива, синтетического аммиака, этилового спирта. Отмечалась и возможность подземной газификации угля практически во всех районах Кузбасса [10, с. 151 – 153].

Заведующий кафедрой пирогенных производств Московского института химического машиностроения член-корреспондент АН СССР Н. М. Караваев основной упор сделал на путях развития в Кузбассе коксохимического производства. Одним из направлений улучшения бытовых условий населения учёный назвал замену дров и угля газообразным топливом. С другой стороны, им был поставлен вопрос о строительстве завода для переработки каменноугольного дёгтя и сырого бензола, производимых на коксохимических заводах в Кемерово и Сталинске с целью получения новых ценных продуктов [10, с. 162, 163].

Заведующий лабораторией промежуточных продуктов и красителей Института органической химии АН СССР академик А. Е. Порай-Кошиц сделал доклад о перспективах развития анилинокрасочной промышленности в Кузбассе, богатом ароматическим сырьём в виде полупродуктов коксохимического производства. Учёный предлагал развить на Кемеровском коксохимическом заводе выделение высших каменноугольных углеводов (антрацена, карбазола, пирена, кризена, коронена и др.). На основе антрацена можно было организовать производство прочных красителей разнообразных цветов. Кроме того, в Кузбассе имелся в достаточном количестве нафталин, из которого можно было производить азоткрасители [10, с. 164, 165].

Заведующий лабораторией Института органической химии, член-корреспондент АН СССР А. Д. Петров сформулировал задачи промышленного органического синтеза в Кузбассе, которые сводились к организации производства синтеза высокооктанового

бензина, искусственного волокна, спиртов, силиконов и других кремнеорганических соединений [10, с. 167, 168].

Заместитель академика-секретаря Отделения химических наук АН СССР академик С. И. Вольфович, входивший в 1947 г. в состав экспертной комиссии по рассмотрению проектного задания строительство Новокемеровского химкомбината [12, л. 2], изложил перспективы производства в Кузбассе минеральных удобрений, необходимых как собственно Кемеровской области в связи с развитием в ней сельского хозяйства, так и соседним регионам. В связи с наличием соответствующих сырьевых (синтетический и коксовый аммиак) и энергетических ресурсов в Кемеровской области предлагалось развивать азотно-туковую промышленность, а именно – производство аммиачной селитры. В то же время фосфорные удобрения или их полуфабрикаты предполагалось завозить из других регионов СССР. При этом предлагалось форсировать геологические поиски фосфатных руд в Горной Шории. Был поставлен вопрос об использовании в качестве удобрения углекислоты, отходящей от печей и топок [10, с. 178 – 182].

Руководитель лаборатории гетероциклических соединений Института органической химии АН СССР академик В. М. Родионов осветил перспективы развития в Кузбассе химико-фармацевтической промышленности, которую уже нецелесообразно было сосредотачивать в центральных районах. Кемеровская область с её запасами угля, производством красочных и фармацевтических полупродуктов имела большое преимущество перед другими областями Западной Сибири. Например на Анжеро-Судженском заводе предлагалось увеличить производство сульфамидных препаратов, фенаcetина и акрихина [10, с. 186, 187].

Сотрудники Энергетического института академик Г. М. Кржижановский и член-корреспондент АН СССР В. И. Вейц представили доклад об энергетических ресурсах и развитии энергетики Кузбасса, который был охарактеризован ими как «уникальный энерго-индустриальный центр страны». По своей структуре энергетическая система Кузбасса должна была на 1/2 состоять из конденсационных станций, ориентированных на отходы углеобогащения и низкосортные энергетические угли, на 1/3 – из ТЭЦ и на 1/6 – из ГЭС. При этом основные промпредприятия должны были располагать собственными ТЭЦ (иногда использующими вторичные энергоресурсы промышленного производства) и снабжать теплом прилегающие города. Первоочередные задачи: строительство Бычье-Горловской ГЭС, которая окупилась бы в течение пяти лет, составление схемы ГЭС по Томи [10, с. 192 – 197].

Заведующий отделом горной механики Института горного дела АН СССР А. С. Ильичёв и канд. экон. наук М. Г. Школьников говорили об основных направлениях и перспективах развития металлообрабатывающей промышленности Кузбасса, который обладал рядом природных и экономических предпосылок для создания собственной машиностроительной базы, способной обеспечивать и другие районы Востока СССР. Кузбасс, прежде всего, нуждался в развитии

производства отраслевого оборудования, здесь предлагалось развивать металлоёмкие и энергоёмкие производства (горнорудное, обогащительное, металлургическое, химическое, электрическое, транспортное оборудование, промышленные средства связи, производство стройматериалов и металлоконструкций). В качестве площадок для размещения предприятий металлообрабатывающей промышленности намечались Кемерово, Юрга, Мыски и Анжерский район [10, с. 216 – 221].

Член-корреспондент АН СССР А. О. Спиваковский наметил технические задачи горного машиностроения Кузбасса. Основной машиной для работ в лавах должен был стать горный комбайн, производящий «крупный скол» угля и погрузку его на скребковый или ленточный конвейер. Особое внимание следовало уделить внедрению передвижного механического крепления. Открытые работы предполагалось вести мощными драглайнами с глубиной до 40 – 60 м, мехлопатами, автосамосвалами и думпкарами [10, с. 227 – 230].

Основные проблемы транспортного комплекса Кузбасса осветил академик В. Н. Образцов. Кузбасс должен был стать одним из первых районов сплошной электрификации железнодорожного транспорта; намечалось создание сети крупных базовых аэропортов дальнего действия [10, с. 247 – 252].

Результаты работы конференции получили достаточно высокую оценку руководства страны. Так, 24 декабря 1948 г. Госплан СССР предложил учиты-

вать труды конференции при составлении проекта генерального хозяйственного плана СССР [14, л. 38].

Академическая наука не обходила стороной проблемы Кузбасса и в последующие годы. 27 октября 1950 г. на учёном совете Института горного дела Л. Д. Шевяков сделал доклад о «Временном положении по переводу шахт Кузнецкого бассейна на работу с закладкой» [5]. 12 февраля 1951 г. в письме в отдел тяжёлой промышленности ЦК ВКП(б) И. П. Бардин поддержал идею строительства второго Кузнецкого завода и предложил возвести его на Мысковской площадке при слиянии рек Мрассу, Уса и Томь [4]. Л. М. Сапожников предложил новый метод испытания качества кокса, который использовался на КМК [7]. А. О. Спиваковский совместно с А. Е. Смолдыревым и И. Ф. Гончаревичем выполнил исследование по механизации закладочных работ на шахтах Кузбасса, неоднократно выезжая на места для участия в конференциях, посвященных изучению вопросов разработки мощных крутопадающих пластов. Полученные ими результаты были использованы при проектировании шахт Кузбасса [11, с. 14]. В 1953 г. академик И. П. Бардин выступил на КМК с докладом об интенсификации металлургических процессов [2, с. 33].

Конечно, не все предложения конференции в отношении развития производительных сил Кузбасса оказались реализованными, но обращение академической науки к решению проблем развития промышленного региона было, безусловно, перспективным.

Литература

1. Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). – Ф. 661. – Оп. 1. – Д. 181.
2. АРАН. – Ф. 661. – Оп. 2. – Д. 49.
3. АРАН. – Ф. 661. – Оп. 2. – Д. 90.
4. АРАН. – Ф. 661. – Оп. 2. – Д. 138.
5. АРАН. – Ф. 1501. – Оп. 1. – Д. 135.
6. АРАН. – Ф. 1736. – Оп. 1. – Д. 61.
7. АРАН. – Ф. 1736. – Оп. 1. – Д. 96.
8. АРАН. – Ф. 1831. – Оп. 1. – Д. 153.
9. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 469.
10. Конференция по изучению производительных сил Кузбасса [17 – 23 ноября 1948 г.]: тезисы докладов. – М.: АН СССР, 1948. – 323 с.
11. Материалы к библиографии ученых СССР. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1958. – Серия: Технические науки. Горное дело. – Вып. 6: Александр Онисимович Спиваковский. – 46 с.
12. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 4372. – Оп. 47. – Д. 1015.
13. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 48. – Д. 301.
14. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 48. – Д. 345.

Информация об авторах:

Баев Олег Валериевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, 8-904-375-88-96, baev@history.kemsu.ru.

Oleg V. Baev – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Волчек Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории КемГУ, 8-906-924-48-98, volcheksnd@mail.ru.

Vladimir A. Volchek – Doctor of History, Professor, Head the Department of Russian History, Kemerovo State University.

УДК 94 (460.05)

**«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ», ОБРАЗ ДРУЗЕЙ И ВРАГОВ В ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII В.
(к вопросу о формировании национального самосознания в испанском обществе в раннее новое время)**
А. П. Батури

**«FRIEND» AND «FOE», THE IMAGE OF FRIENDS AND ENEMIES IN THE SPANISH LITERATURE
OF THE 17TH CENTURY (on the national identity formation in the Spanish society in the early modern period)**
A. P. Baturin

В статье делается попытка анализа литературных памятников испанского барокко с целью проследить отражение в них характера и особенностей национального самосознания испанцев на переломе двух эпох. Основными вопросами являются оценки авторами состояния современной им Испании, ее роли и места в регионе, и национальных особенностей испанцев.

The article attempts to analyze literary works of Spanish Baroque to trace in them the reflection of the nature and characteristics of the Spanish national identity at the turn of the two eras. The major feature of the article is the author's characterization of the state of contemporary Spain, its role and place in the region, and national peculiarities of the Spanish.

Ключевые слова: культура испанского барокко, испанская гуманистическая литература, испанская нация в XVI – XVII вв.; «свой» и «чужой».

Keywords: culture of the Spanish Baroque, Spanish humanist literature, the Spanish nation in the 16th-17th centuries; «own» and «alien».

Процесс образования наций и формирования национального самосознания в Европе был во многом связан с формированием централизованных государств в регионе. При этом темпы и характер этого процесса в разных странах были различными и зависели от ряда факторов, среди которых решающее значение имели степень и характер контактов данной нации (народа) с соседями. В условиях таких контактов у того или иного народа появляется стремление определить свое место среди окружающих народов (чаще позитивное), сравнить себя с другими, нередко противопоставить. Следует также отметить, что тот или иной народ (нация) более обостренно и глубоко начинает чувствовать свое отличие от окружающих в нестандартных условиях кризиса и войны: экономической, социальной, политической нестабильности. Сказанное в полной мере можно отнести к Испании в первые столетия раннего Нового времени.

В настоящей статье делается попытка посмотреть, какой видели свою страну и какими чертами и качествами наделяли себя сами испанцы на переломе эпох, в чем видели отличие испанца от других народов. Предварительно следует заметить, что, исходя из факта многообразия дефиниций, определений и характеристик понятий «нация», «национальное самосознание», «национализм», используемых в социологии, этнологии, психологии, политологии, социальной антропологии (прим. автора: см., например: Гринфельд, Л. *Национализм. Пять путей к современности*. – М.: ПЕР СЭ, 2008; Оль П. А., Ромашов Р. А. *Нация (генезис понятия и вопросы правосубъективности)*. – СПб., 2002; Тишков В. А. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. – М., 2003; Элиас Н. *О процессе цивилизации. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада*. – М.: СПб., 2001; Шоню П. *Цивилизация Просвещения*. – Екатеринбург, 2008) и применяя междисциплинарный подход в исторической нау-

ке, понятие и структуру нации будем рассматривать как триединое начало:

1 – национальный менталитет (склад ума, «стиль мышления», в целом внутренний мир человека, состоящий из представлений и чувств о мире окружающим и о себе);

2 – национальный характер (особенности поведения, национальные чувства и стереотипы);

3 – национальное сознание, т. е. осмысленный прагматический уровень, включающий в себя традиции, обычаи, интересы и т. д.

Особенности исторического развития Испании в XVI – XVII вв. (место и роль в Великих географических открытиях; специфика испанского абсолютизма; особенности и роль испанской католической церкви в условиях европейской Реформации; колониальная политика и перманентная борьба с соседними странами и т. д.) способствовали относительно быстрому по сравнению с другими европейскими странами формированию национальной идентичности в испанском обществе. Уже в конце XV – начале XVI в. испанцы начинают позиционировать себя как представители самой могущественной мировой державы. И это мнение о себе как о лидирующей нации будет сохраняться даже в XVII столетии, когда Испания, застывшая в своем имперском, никак не обоснованном экономически и политически величии, начнет отставать от других европейских стран. Уже в начале XVII в. наблюдается политическая и социально-экономическая деграция испанского общества, утрата политического престижа, ориентация на изоляцию страны от влияния извне, усиление роли церкви и иезуитского контроля над идеологической и культурной жизнью испанцев. Это былое величие, сохранившееся в исторической памяти испанца переходной эпохи и не подкрепленное реалиями XVII в., внесет сумятицу в национальное самосознание общества, посеет разочарование,

тоску по минувшему «золотому веку», пессимизм во взглядах на будущее.

Все это, как в зеркале, находит яркое отражение в литературе испанского барокко. В основе сочинений переходной эпохи не столько история, сколько поучительные размышления и наставления, сатирические зарисовки окружающего мира. Практически во всех сочинениях эпохи преобладает мотив трагического разочарования, смятения, интонаций мрачно-пессимистического ощущения мира и человека, тяготение к ушедшим идеалам. Мы везде находим противопоставление скверного настоящего и великого прошлого, поиск ответа на вопрос: почему так обмельчали люди и вся некогда великая держава? Особенно отчетливо и ярко это нашло отражение в сочинениях писателя-гуманиста, иезуита Бальтасара Грасиана (1601 – 1658). Грасиан – патриот своей страны, он глубоко чувствует упадок некогда великой державы, пытается определить причины свалившихся на страну несчастий и бед. Так, на страницах своего главного сочинения «Критикон» автор утверждает, что «прошлое было не в пример лучше», восклицая при этом: «О, когда же возвратятся те прежние гиганты, сыны славы!» [1, с. 457 – 458]. Эти «гиганты» и «сыны славы» жили и творили великие дела, по мнению писателя, в судьбоносные для Испании и всей Европы XV и XVI столетия. Сетую на то, что современный мир и современное общество несовершенны, Грасиан во всем винит самих людей: «Бог сотворил мир полный порядка и совершенства, – замечает он, – а человек все смешал», «люди сами все испортили, все вверх дном перевернули, вот и получился ералаш, от коего поныне страдаем» [1, с. 388]. Убежденный патриот, умный и внимательный наблюдатель, Грасиан не мог не видеть этих перемен и не переживать за свою страну. Он пишет, что «Фортуна отвернулась от Испании, которую ранее одарила всякими благами, обеими Индиями и многими другими странами и победами» [1, с. 162]. Как писатель-моралист основные причины случившегося он видел в людях, прежде всего, в перерождении элиты общества. Он считает, что в условиях общего благоденствия (в осн. в XVI в., когда в Испанию хлынули потоки драгоценных металлов и различных богатств из Америки и других открытых и завоеванных ею территорий) многие устремились к личному обогащению, к роскоши, предав забвению интересы государства. «Где больше роскоши, там сильнее власть порока», – замечает автор «Критикона» [1, с. 101].

И все же и у Грасиана, и у других писателей первой половины XVII в. Испания – величайшая держава мира, сравнимая, по мнению писателя, с такими великими империями прошлого, как Римская эпохи Константина Великого и Франкская империя Карла Великого. В испанском абсолютизме, пусть и на закате своего могущества и славы, он видел наиболее совершенную форму правления. Это особенно отчетливо проявилось в трактате «Политик» (полное название «Фердинанду Католику Политику»), посвященном завершителю объединения Испании Фердинанду II Католику (1452/53 – 1516). Здесь автор утверждает, что королевская чета Фердинанд и Изабелла, а также Филипп II (1556 – 1598) создали для Испании «золотой

век и обеспечили самое счастливое царствование» [2, р. XIII]. Именно этих монархов автор славит и награждает самыми лестными эпитетами. Перечисляя достоинства и достижения своего кумира Фердинанда Католика, он пишет, что тот «основал самую большую до сегодняшнего дня монархию, что касается религии, образа правления и богатства» [2, р. XIII]. По мнению автора трактата, Фердинанд являлся воплощением лучших черт как человек и лучших качеств как правитель. «Ставлю одного короля над всеми прошлыми, предлагаю одного короля всем грядущим», «это великий учитель искусства правления, самый большой оракул государственного разума» [2, р. III]. Грасиан приписывает Фердинанду заслуги в создании мировой державы посредством активной внешней политики: «Он стремился к тому, чтобы украсить свое чело восточными камнями, также, как и западными жемчугами. И если не достиг этого в свои дни, он указал путь своим преемникам». Автор «Политика» называет Фердинанда «универсальным правителем», т. к. он «ревнитель и защитник католической веры, благоразумный, отважный, великодушный политик, благородный, мудрый, любимый и справедливый человек, универсальный герой» [2, р. XV]. Трактат исходит из само собой разумеющейся всемирно исторической роли Испании, католической («вселенской») державы, из божественной ее миссии, налагающей на королей австрийского дома, наследников Римской империи, спасительный для всего человечества, поистине единственный в своем роде героический долг.

О богатстве Испании и о величии ее правителей пишут и другие современники Грасиана. Так, читаем в романе «Жизнь Маркоса де Обрегон» (1618) Висенте Эспинеля: «Такой богатой монархии, как испанская, не сыщешь, тех крошек, какие выбрасываются со стола государя, с излишком хватит не только, чтобы возвеличить фамилии, уже существующие и высокие, но и на то, чтобы поднять их из самой глубокой нищеты» [4, с. 484].

Следует заметить, что на страницах рассматриваемых сочинений, где речь заходит об испанских королях, мы нигде не встретим ни критического отношения к кому-либо из них, ни, тем более, осуждения или порицания. Испанская монархия и испанские короли – гордость и объект поклонения практические всех писателей рассматриваемого периода. В романе Луиса Велеса де Гевара «Хромой Бес» (1641) рисуется обобщенный образ испанского монарха, явно выделяющегося среди других королей Европы: «Король Испании – это борзой благородных кровей, который гордо шествует по улице, и пусть все шавки, сколько там их ни есть, выскочат полаять на него, он и ухом не поведет..., но если хоть одна посмеет хотя бы приложиться к его хвосту, он бьет лапой направо и налево, и все шавки, обезумев от страха, пускаются наутек. То же происходит со всеми врагами Испании – королями, наместниками, вельможами, – все они шавки супротив его величества, и горе тому, кто посмеет цапнуть его за хвост!» [8, с. 666 – 667], – заключает автор. В романе Эспинеля «Жизнь Маркоса де Обрегон» король Филипп II называется «величайшим в

мире монархом» [4, с. 477]. Один из героев романа утверждает, что «Испания всегда питала к своим королям любовь и повиновение». В драме Лопе де Вега «Звезда Севильи» читаем:

Слова для смертного простого
Важны. Монарху нет границ,
В его устах одно желанье
Уже закон: без колебанья
Пред ним все упадет ниц [6, с. 201].

Олицетворением лучших качеств испанца, по мнению всех писателей эпохи, являются дворяне. Испанский дворянин – соль земли, образец для подражания. Так, один из героев «Саламейского алькальда» Педро Кальдерона Дон Мендо гордо заявляет, что он благодарен своему отцу только за то, что тот родил его идалго. «Да я себя бы не позволил во чреве матери зачать не дворянину, об заклад хоть он побейся» [9, с. 590] – заявляет он. В романе Висенте Эспинеля «Жизнь Маркоса де Обрегон» находим не только пространный характеристику испанского кабальеро, но и рассуждения относительно принципов его воспитания: «Воспитание кабальеро должно быть похоже на воспитание соколов, ... они должны быть не взаперти, а на воле, на чистом воздухе и на высоком месте, чтобы видеть птиц, которых должны будут бить. Кабальеро уже по своему рождению должны быть господами и обладать соответствующими качествами: «подражать величию своих предков..., быть добродетельными и скромными, гордыми без тщеславия, вежливыми и осмотрительными». «Кабальеро есть совершенный герой или совершенный сеньор» [4, с. 301] – заключает автор. Мужество, отвага, воинское мастерство – неотъемлемые качества испанского дворянина.

Вместе с тем, отмеченное, скорее, идеал, к которому следует стремиться. Многие дворяне: как мелкие рыцари – идалго, так и крупные – гранды – герои романов первой половины XVII в., далеко не всегда соответствуют описанным идеалам. Так, Бальтасар Грасиан, критически относясь к современным правителям, подчеркивает: «ныне политики и военачальники обмельчали..., раньше короли сами сражались». «Героический правитель, – замечает далее автор, – должен находиться в гуще событий, лично участвовать в предприятиях, руководить армией, а не созерцать их со стороны» [1, с. 462 – 463]. Обращаясь к славному прошлому Испании, писатель прежде всего восхваляет ее военные достижения, а его герои – прежде всего блистательные воины: «Гонсало Фернандес, завоевавший неаполитанское королевство; герцог де Альба, покоривший Португалию, и Фернандо Кортеса – Индию (так Грасиан называет Америку – А. Б.); Карл VIII, захвативший Неаполь; католический король Фердинанд, взявший Гранаду, и его внук Карл V, – всю Германию» [1, с. 463].

В литературе XVII в. мы нередко находим образ бедного дворянина-идалго, которому, впрочем, присущи все свойственные этому сословию качества: честь, благородство, чувство собственного достоинства. Таков хрестоматийный образ Дон Кихота Сервантеса. Таким рисуется бедный дворянин, у которого служил герой романа «Жизнь Ласарильо с Термеса»:

«У этого дворянина, – пишет автор, – не было ничего, кроме чести и шпаги» [5, с. 68 – 69].

Особо важным и интересным в контексте поднятой темы является вопрос: какими, собственно, предстают перед нами в литературе рассматриваемой эпохи испанцы, какие черты и особенности характера и поведения присущи им и чем они отличаются от представителей других народов? Здесь попытаемся говорить о некоей обобщенной личности, а не о представителях отдельных сословий и социальных групп испанского общества. Обобщенный образ испанца в литературных памятниках эпохи весьма колоритен и разнообразен. Здесь читатель встречается как с явно идеализированными образами, так и с образами во многом несимпатичными, даже гротескными. Вместе с тем, как отмечает С. Пискунова, характеризуя особенности плутовского романа: «Герой романа, даже герой отрицательный, – это личность, индивидуальность, а персонажи большинства пикаресок – это антителичности или личности – фантомы, персонажи-оборотни, или просто своего рода «фигуры речи» [10, с. 8].

В целом испанцы – герои романов – находчивы, умны, деятельны, всегда находят выход из самого сложного положения. Маркос де Обрегон во время своих скитаний по разным странам всегда оказывался выше представителей местного населения, он редко давал возможность себя обмануть, всегда оказывался на высоте, благодаря своему уму и находчивости всегда находил выход из сложной ситуации. После того, как ему удалось разоблачить одного итальянского лже-прорицателя, тот заметил, что «испанцы недоверчивы и проницательны» [4, с. 520]. Герой романа уверен, что «испанцы могут научить учтивости все народы света» [4, с. 461]. Побывав во всех соседних странах, де Обрегон нашел, что там люди довольно скучны и менее общительны, нежели испанцы: «Никто так не умеет праздновать, как испанцы» [4, с. 478 – 479], – замечает он. Учитель танцев Альдемаро из одноименной пьесы Лопе де Вега считает испанцев утонченными и грациозными: «грация – любимый, лучший дар испанцев» [6, с. 229].

Наиболее пространные, точные, хотя порой и противоречивые, характеристики своим соотечественникам дает Бальтасар Грасиан. Особо часто он подчеркивает их воинственность. Касаясь испанской истории и историков и отмечая, что «испанскую нацию все прочие обзывают неполитичной, варварской и попрекают, что у нее не нашлось пера латинского, дабы достойно ее украсить», писатель вкладывает в уста одного из персонажей «Критикона» Нимфы следующее оправдание: «испанцам милее орудовать шпагой, нежели пером; совершать подвиги, нежели их восхвалять...». Приведем наиболее часто встречающиеся характеристики испанцев в «Критиконе»: они «чванливы», «горды, любят похвастаться своими древними родами», «самолюбивы и с презрением относятся к другим», «желают всеми повелевать и никому не хотят служить», для них характерны «щегольство, самохвальство, пусторечие и важничанье». Также автор замечает, что «этими качествами владеют все и дворяне, и простолюдины». В то же время

довольно часто Грасиан наделяет испанцев качествами, соответствующими их великой страны. Показателен в этом отношении раздел «Завещание Мужества» главы VIII «Критикона». Здесь в притче рассказывается о том, как Мужество раздавало свою долю каждой нации. Испанцы пришли последними и им ничего не досталось. Тогда Мужество сказал: «поскольку вас беспокоят все прочие народы, обратитесь против них, повторите то, что прежде вас сделал Рим: ударьте на всех и с моего позволения надерите всем вихры. Так испанцы и поступили, наловчившись так, что вряд ли в мире найдется народ, которому они не дали бы трепки; хватило у одного, хватило у другого – и вскоре все Мужество с головы до ног оказалось у испанцев».

В литературных памятниках эпохи испанцы довольно четко и безоговорочно противопоставляются другим народам, прежде всего соседям, которые чаще представлены в сочинениях как противники или даже враги. «Опасность грозит испанцам во всей Европе» [7, с. 114], – заявляет один из героев Лопе де Вега. Самыми непримиримыми врагами для испанцев остаются арабы, с которыми велась многовековая ожесточенная борьба в рамках Реконксты. Врагами арабы, или мавры, остались и в исторической памяти испанца XVII столетия. В драматической пьесе Педро Кальдерона «Стойкий принц» мавританский король и его окружение называются «варварами». В борьбе с ними (за Сеуту и Танжер) испанцы солидаризуются даже со своими противниками в колониальной политике – «гордыми» португальцами. Португальский принц Фернандо представлен в пьесе героем, который предпочел унижения в плену и смерть сдаче маврам Сеуты. Интересна мотивация походов испанцев и португальцев в Северную Африку. Во время одного из походов против Танжера его предводитель дон Фернандо видит его главную цель не столько в завоевании данной территории, сколько в распространении христианства:

Мы просвещенные, мы - христиане, идем
Не с тем, чтобы победой щегольнуть
И славой увенчать завоеванье,
Но для распространения веры в бога
Подставим мы ударам вражьи груды [9, с. 67].

Врагами испанцев продолжают оставаться не только мавры, живущие в Северной Африке, но и мориски – арабы, принявшие христианство и оставшиеся по окончании Реконксты в Испании. Против морисков ополчилась прежде всего обосновавшаяся в Испании инквизиция, под давлением которой в 1609 году королем Филиппом III был принят указ об изгнании морисков из пределов страны с конфискацией имущества. Лживость ссылки на нелояльность морисков была очевидна всякому здравомыслящему человеку, тем более, что на их труде держалась экономика и торговля во всей Андалусии. Не случайно тема морисков находит отражение в сочинениях многих писателей XVII в. Причем чаще всего авторы относятся к ним с пониманием и сочувствием. Сервантес рассказал историю мавра Рикоте в 54 главе II тома «Дон-Кихота». Лопе де Вега рисует судьбу «мученика чести» – лояльнейшего из морисков Фели-

сардо – потомка благороднейшего рода Абенсераджей, заставляя его бежать и погибнуть от руки турок. Повествуя о горькой судьбе своих родителей, вынужденных жить вдали от родины, и о причине своего отъезда из Испании, Фелисардо говорит: «здесь не может жить человек, которому ежечасно могут бросить в лицо оскорбление» [7, с. 121 – 123]. У того же Кальдерона в драматической пьесе «Любовь после смерти, или Осада Альпухарры» рисуется драматическое положение морисков, которые «живут сегодня в Гранаде как пленники в горьком горе», «оклеветанные, оболганные, с запретами на традиции и обряды» [9, с. 249]. Неравноправное, униженное положение морисков признают даже некоторые испанские дворяне. Например, один из героев пьесы Хуан Малек восклицает:

Сегодня мориски – лишь пепел
От прежнего гордого пламени [9, с. 252].

А другой – испанский военачальник при Доне Хуане Австрийском, возглавившем карательную экспедицию против восстания морисков в Альпухарре (1569 г.) – Дон Хуан де Мендоса даже пытается оправдать их борьбу:

А может стать, мориски,
Уже угнетенные прежде,
Отчаялись, с ужасом видя,
Что каждый день из Мадрида
Приходит указ за указом,
И множит обида обиду;
Но, как бы там ни было, вместе
Решили они взбунтоваться [9, с. 282].

Только у одного из писателей – иезуита Бальтасара Грасиана-мориски безоговорочно отнесены к врагам испанцев. Так, в «Критиконе» Грасиан хвалит короля Филиппа Счастливого за то, что тот «очистил Испанию от морисков» [1, с. 214].

Тема друзей и врагов, «своих» и «чужих» наиболее отчетливо, как мы видели, просматривается в сюжетах, касающихся религии. Во всех без исключения рассматриваемых литературных памятниках эпохи Испания считается оплотом католической веры, а испанцы – верными и последовательными католиками, борцами на истинную веру. Так, Моркос де Обрегон, герой Висенте Эспинеля, не только остается верен своей стране и католической вере, оказавшись в плену в Алжире, но ведет там, рискуя жизнью, миссионерскую деятельность. Под его влиянием даже у его хозяина испанца – ренегата, богатого пирата и купца, проснулась совесть, и он кается, что в свое время принял ислам, а его дети вообще решили вернуться на родину в Испанию и креститься [4, с. 488 – 490, 586 – 587]. Тот же мотив находим в драматическом сочинении Лопе де Вега «Гусман Смелый», где под влиянием героя даже еврейка Сусанна готова отказаться от своей религии: «Я в Испании поняла ложность нашей веры, наше заблуждение» [7, с. 254], – заявляет она.

Практически все авторы привлеченных для исследования сочинений через своих героев резко порицают Реформацию и язвительно отзываются о ее идеологах. В споре о чистоте религии в одном из трагитуров Турина Маркос де Обрегон язвительно заявляет: «Хороша, должно быть, религия, реформиро-

ванная двумя столь великими еретиками (Мартинотом Лютером и Хуаном Кальвином). Почему вы зовете святыми и реформаторами религии Иисуса Христа двух людей, которые всем и во всем, в жизни и нравах, были против учения Христа и его Евангелий, которые были людьми распущенными, порочными, бесстыдными, лживыми, обманщиками, возмутителями государств, врагами всеобщего спокойствия?» [4, с. 516]. Автор «Хромого Беса» предрекает «бесплатные билеты а ад» лютеранам, кальвинистам и протестантам [8, с. 695].

Еще более яростно отстаивая чистоту католической веры, противопоставляет испанцев «народам-отступникам» Бальтасар Грасиан. Испорченность нравов современного общества он во многом связывает с неуважением к религиозным традициям. Главным врагом в данном случае он считает протестантизм. Взгляды Грасиана-иезуита здесь вполне естественны в условиях продолжающейся в Европе католической реакции и заключаются в резком порицании «еретиков-реформаторов». Идея защиты католицизма и порицание сторонников реформированной церкви прослеживается практически во всех работах писателя. Например, в «Политике» он считает, что «более знаменитым Фердинанда сделало не столько установление своей монархии, сколько создание инквизиторского трибунала и то, что он выгнал из Испании евреев» [2, р. IV]. В «Критиконе», как уже было отмечено выше, Грасиан хвалит короля Филиппа Счастливого за то, что тот «очистил Испанию от морисков», замечая при этом: «будь такие короли в других странах, пришел бы конец безбожию и ересям, схизме и язычеству, садомии и другим мерзостям» [1, с. 214]. В противовес названным испанским королям-хранителям веры Грасиан с неприкрытой ненавистью и сарказмом пишет о так называемых «королях-отступниках» – англичанах Генрихе VIII и Карле Стюарте. Так, читаем в «Критиконе» о Генрихе VIII: «проплыв большой путь с попутным ветром хвалы и снискав славное прозвище Защитника веры Католической, он разбился о риф распутства и потонул в ереси вместе со всей злосчастной страной». «При Карле же, – продолжает автор, – ересь показала чудовищную свою слепоту и король погиб слепцом, и подданные обезглавили его, ослепленные; даже трудно решить, кто был более слеп – подданные ли, с беспримерной свирепостью казня своего короля, или он сам, не желая признать себя католиком. Возлюбив причинившую ему столько бед ересь, потерял он обе жизни, потерял оба венца – временный и вечный – и, хоть легко мог достичь бессмертия, объявив себя католиком, погиб в обоих смыслах: и еретики его казнили, и католики не похвалили» [1, с. 487].

В бытовых зарисовках испанских писателей иностранцы всегда выставлены в негативном и неприглядном свете. Например, в «Хромом Бесе» в кабаке подвыпившие француз, итальянец, англичанин и немец за то, что начали хулить испанского короля и испанцев, были наказаны самим Бесом, который «зашвырнул француза на крышу трактира, итальянца – в нужник, англичанина – головой в котел с кипятком, а немца забросил в Пуэрто-де-Санта-Мария...» [8,

с. 667]. В уста того же Беса, главного персонажа своего романа, Луис Велес де Гевара вложил следующие высказывания, касающиеся отдельных стран и народов: «турецкое платье поганит одежды всех народов», «в Вальтелине (долина на севере Ломбардии, на границе со Швейцарией – А. Б.) и в Женеве делать нечего, тамошние жители – сущие дьяволы, и недаром их земля считается у нас в аду надежнейшей нашей вотчиной, разумеется, после обеих Индий» [8, с. 663]. Маркос де Обрегон называет жителей Алжира «варварским народом, который говорит, что держать слово пристало лишь купцам, а не рыцарям» [4, с. 488]. «Турки – дикие варвары» в новелле Лопе де Вега «Мученик чести» [7, с. 130].

Более частые и пространные характеристики различным странам и народам Европы мы находим в сочинениях Бальтасара Грасиана. При этом сама критическая направленность сочинений писателя-моралиста предопределила форму и содержание характеристик и оценок. Во-первых, пороки людские и культуры в целом у него национально локализованы и часто персонифицированы, во-вторых, Грасиан акцентирует в национальном характере его отличительные недостатки или пороки чаще, чем достоинства. Эту особенность сочинений писателя можно объяснить самой политической обстановкой в Испании и Европе в целом. Грасиан писал в годы Английской революции, которую порицал, как и ее деятелей в лице Кромвеля («сын пивовара... недостойный, случайный человек у власти»), писал, находясь под впечатлением беспрецедентной для европейцев казни короля Карла I; в разгар пуританского религиозного и социального экстремизма. Не могла не оказать влияния на писателя-гуманиста и сама эпоха господства меркантилизма в экономической политике, стремление к обогащению, охватившее европейские страны, и, наконец, современная Грасиану политическая нестабильность, вражда с Францией и другими странами в рамках 30-летней войны и т. д. В силу отмеченного Грасиан в характеристике испанцев и окружающих Испанию народов часто оказывался в плену некритически усвоенных стереотипов. Отметим еще то, что автор даваемых характеристик нигде не стремится их развернуть и обосновать. Они представлены как штамп или ярлык. Больше других от язвительного писателя достается англичанам и французам – извечным противникам Испании. Свою нелюбовь к Франции и французам Грасиан объясняет ее агрессивностью по отношению к своей родине. «Францию можно было бы почитать за великую страну, если бы она довольствовалась собой и не зарилась на чужое», – замечает писатель. Его конкретное отношение к французам отражает диалог двух героев «Критикона» – Стосердечного и Критило, где первый называет положительные стороны Франции и французов, а второй их оспаривает. Обратимся к некоторым из характеристик:

Как просторны и приятны равнины!

Но по ним гуляют ветры, отсюда и ветреность обитателей

Сколько изобретательности!

Но лишь в ремеслах.

Сколько трудолюбия!

Но только в делах пошлых, это самый вульгарный народ на свете.

Как воинственны и храбры ее жители!

Но суетливы: это домовые Европы, пакостят на море и на суше.

Весьма бойки.

Но нестойки.

Старательны.

Но ничтожны, они – рабы других народов.

Многое замышляют.

Но мало свершают и ничего не сохраняют; на все зарятся и все теряют.

Как остроумны, быстры, поворотливы!

Но поверхностны.

Глупых среди них не встретишь.

И умных также, их удел – посредственность.

Любят труд.

Это так, но заодно и деньги.

Вы не отрицаете, что у них были великие короли.

Но от этих великих толку было очень мало.

Бережливы.

Еще как! Унция серебра им дороже кинтала чести. В первый день они – рабы, на второй – хозяева, а на третий – тираны несносные. Середины не знают, только крайности, то человечны, то бессердечны.

У них великие достоинства.

И столько великих пороков, что нелегко указать главный. Короче, они – антиподы испанцев [1, с. 276 – 277].

Поскольку Критило является главным героем Грасиана, в уста которого автор чаще всего вкладывает свои собственные взгляды и оценки, его отношение к Франции очевидно. В главе XIII «Критикона», где автор дает краткие характеристики ряду европейских стран, он еще более резко и категорично высказывается о французах: «Алчность поселилась на всей ее территории, от Гаскони до Пикардии и повсюду рассадил своих бедных родственников: Скупость, Малодушие, Трусость, Рабскую приниженность перед другими народами и готовность исполнять за гроши самую черную работу, оборотистое Торгашество, Привычку ходить голыми и босыми, держа башмаки под мышкой...», французы – это две крайности, без середины» [1, с. 181 – 182]. Непримируемый Грасиан считает, что сама «прозорливая Природа навсегда разделила Пиренеями Испанию и Францию – два главных государства Европы, укрепив первую против второй стеною суровости и сделав их столь же далекими в политике, сколь близкими в пространстве» [1, с. 222 – 223].

Рассуждения об Англии и англичанах менее пространны, хотя столь же резки, как и относительно Франции и французов. В этой стране, как считает писатель, «обосновалось Непостоянство», англичане «суетливы», они «столь же уродливы душой, сколь красивы телом». Въезжающий в эту страну должен опасаться вероломства и обмана. Черными страницами в истории этой страны Грасиан считает Реформацию, в самых резких выражениях порицая «безбожника» Генриха VIII и буржуазную революцию, осуждая террор Оливера Кромвеля и казнь короля Карла I [1, с. 455].

Германия и немцы также не входят в круг друзей Испании. Эту страну писатель считает богатой и сытной, а главной ее проблемой называет раздробленность. «Простору много, но толку мало, взяла количеством, не качеством», – замечает один из героев «Критикона». «Там не одно государство, – продолжает другой, – а много, составляющих одно; коль приглядеться, каждый князь – почти король; каждый город – столица; каждый дом – дворец; каждый замок – цитадель; и вся она – собрание многолюдных городов, блестящих столиц, пышных храмов, прекрасных зданий и неприступных крепостей» [1, с. 364]. Автор считает, что раздробленность Германии причиняет ей наибольший вред и приведет к гибели: «больше княжеств, больше голов; больше голов, больше причуд; больше причуд, больше раздоров». Далее, опять же на примере диалога двух героев «Критикона» «Удачника» – почитателя Германии – и «Критило» – ее критика, посмотрим, какими характеристиками награждает Грасиан немцев:

Прочие нации ошибаются, называя немцев скотами.

Смею утверждать, что немцы – самые большие люди в Европе.

О да, но не самые великие.

В теле каждого немца уместятся два испанца.

Да, но только половина испанского сердца.

Какие хладнокровные!

И холодные.

Какие храбрые!

Даже жестокие.

Какие красивые!

Но отнюдь не изящные.

Какие высокие!

Но ничуть не возвышенные.

Какие сильные!

Но не мужественные. Телом гиганты, духом карлики.

Скромны в одежде.

Но не в еде.

Умеренны в расходах на домашнее убранство и утварь.

Но не умеренны в питье.

Они говорят на самом древнем языке.

И на самом варварском.

У них великие мастера ремесла.

Но нет великих ученых.

Даже пальцы у них поразительно искусны.

Лучше бы мозги.

Ни одно войско без них не обходится.

Как тело без желудка.

Их знать славится древностью.

Добро бы благочестием! Но беда Германии в том, что, в отличие от прочих стран Европы, ставших славными матерями знаменитых патриархов, учредителями Священных орденов, Германия, напротив...» [1, с. 365].

С большим почтением Грасиан отзывается об Италии, называя ее «культурной, нарядной, учтивой, политической, разумной». Здесь писатель сравнивает Италию со своей родиной Испанией, отмечая при этом, что Италия более подвержена изменениям: «Ис-

пания донны пребывает все в том же виде, какую бог ее сотворил, и тамошние обитатели ни в чем ее не улучшили... Италия, напротив, настолько изменилась и улучшилась, что первые ее обитатели, кабы пришли теперь, ее бы не узнали: горы выровнены и превращены в сады, реки судоходны, на морских побережьях выросли дивные города с молами и гаванями; все города, как на подбор, славятся нарядными зданиями, храмами, дворцами и замками, площади украшены фонтанами и бассейнами; деревни – сады Элизима; словом, в одном итальянском городе больше есть чем полюбоваться и насладиться, нежели в целой области другой страны» [1, с. 450]. В большей степени Грасиан-гуманист превозносит Италию как центр науки и культуры, называя ее «разумной матерью наук и искусств», где «процветает изящная словесность, которой в помощь самый нежный, богатый и выразительный язык». «Здесь все достигло зрелости и почета: политика, поэзия, история, философия, риторика, ученость, музыка, живопись, зодчество, ваяние». Особый восторг у Грасиана вызывает Рим – «воплощение всего лучшего, что есть во всех столицах мира». Рим – это «вершина знания и благочестивый вход на небо...», мастерская великих людей, здесь куются умы, оттачиваются таланты, здесь люди становятся личностями» [1, с. 443]. Отмеченные дифирамбы в адрес Италии – очевидная натяжка со стороны Грасиана. Писатель-гуманист явно находился в плену устаревших представлений об этой стране как о родине гуманизма и культуры Возрождения, не замечая или не желая замечать ее довольно плачевного экономического и политического состояния в тот период, когда он жил и писал.

Относительно других стран и народов мы находим у Грасиана лишь отдельные реплики и эпитеты. Называя саму Европу «прекрасным лицом мира», лица разных стран Европы писатель определяет следующим образом: «в Испании – важное; в Англии – смазливое; во Франции – игривое; в Италии – рассудительное; в Германии – румяное; в Швеции – дерзкое; в Польше – добродушное; в Греции – изнеженное; в Московии – хмурое» [1, с. 374]. Далее он рассуждает о том, чего должен опасаться приезжающий в ту или иную страну: «в Испанию – злобы; во Францию – подлости; в Англию – вероломства; в Германию – грубости; в Италию – мошенничества» [1, с. 400].

В заключении разговора об отражении испанского национального самосознания в литературе так называемого «золотого века», следует подчеркнуть, что в Испании в силу отмеченных особенностей ее исторического развития глубоко внедрились в народное сознание принципы католицизма и монархизма, осмыслившиеся как символы национального и политического единства страны. Отсюда – известного рода догматизм и морализм испанского национального мышления, породившие очевидные националистические тенденции как в оценке самих себя, так и в оценке соседних народов (что, впрочем, во многом приложимо к формированию национальной идентичности у народов других европейских стран в рассматриваемый период времени). К середине XVII столетия, особенно после Вестфальского мира 1648 года, «своими» и друзьями в Испании останутся собственно только сами испанцы. Все остальные представители окружающих Испанию стран будут восприниматься либо как «чужие», либо чаще как враги.

Литература

1. Бальтасар, Г. Карманный оракул. Критикон / Г. Бальтасар. – М.: Наука, 1984. – 632 с.
2. Baltasar, G. El. Politico / G. El. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes. – Режим доступа: <http://bib.cervantesvirtual.com> (дата обращения: 26.07.2011).
3. Baltasar, G. El. Heroe / G. El. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes. – Режим доступа: <http://bib.cervantesvirtual.com> (дата обращения: 26.07.2011).
4. Винсенте, Эспинель. Жизнь Маркоса де Обрегон / Э. Винсенте // Испанский плутовской роман. – М.: Эксмо, 2008.
5. Жизнь Ласарильо с Термеса, его невзгоды и злоключения // Испанский плутовской роман. – М.: Эксмо, 2008.
6. Лопе де Вега. Звезда Севильи. Учитель танцев / Лопе де Вега // Лопе де Вега. Драмы и комедии. – М.: Правда, 1991.
7. Лопе де Вега. Мученик чести. Гусман Смелый / Лопе де Вега. // Лопе де Вега. Новеллы. – М.; Л.: Издательство художественной литературы, 1960.
8. Луис Велес де Гевара. Хромой Бес / Луис де Гевара // Испанский плутовской роман. – М.: Эксмо, 2008.
9. Кальдерон, П. Саламейский алькальд. Стойкий принц. Любовь после смерти, или Осада Альпухарры / П. Кальдерон // Пьесы: [пер. с исп.]. – М.: Искусство, 1961. – Т. 1.
10. Пискунова, С. Исповеди и проповеди испанских плутов / С. Пискунова // Испанский плутовской роман. – М.: Эксмо, 2008.

Информация об авторе:

Батури́н Алексей Петро́вич – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории средних веков исторического факультета КемГУ, 8 908 945 77 99, rinutab@mail.ru.
Alexey P. Baturin – Candidate of History, Professor at the Department of Medieval History, Kemerovo State University.

УДК 94(57)

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ ГРАЖДАН
В УСЛОВИЯХ ИНВАЛИДНОГО ДОМА В 20-Х ГГ. XX В.**

(по материалам сибирских архивов)

А. С. Ковалев

EVERYDAY LIFE OF THE DISABLED IN RESTHOUSES IN THE 1920s.

(as revealed in the Siberian archives)

A. S. Kovalev

В статье на основе авторской методики анализируется содержание повседневной жизни нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома, определяется эффективность государственной социальной политики в отношении инвалидов и пожилых людей в 1920-х гг. Использование ранее не публиковавшихся архивных материалов позволило изучить проблемы организации питания в инвалидных домах, развитие автономии и самостоятельности нетрудоспособного населения, вопросы религиозной свободы. Автор делает вывод о низком уровне повседневной жизни в инвалидных домах, поскольку она являлась прямым отражением идеологии и социальной политики советского государства, которое фактически отказало инвалидам и пожилым людям в праве на самостоятельность.

The article uses the author's methods for analysing the daily life of the disabled in resthouses for the disabled. The efficiency of the state social policy for the disabled and the elderly in the 1920-s is analyzed. The use of previously unpublished archives allowed studying the problems of organizing meals in resthouses for the disabled, the issues of their autonomy and independence, and some of problems in the conscience freedom field. The author makes a conclusion about the low level of everyday life in resthouses for the disabled. The main reason was the impact of Soviet ideology and social policy. They debarred the disabled's and the elderly's rights for independence.

Ключевые слова: инвалиды, инвалидный дом, повседневная жизнь, пожилые люди, самостоятельность, социальная активность, социальное обеспечение.

Keywords: the disabled, resthouses, everyday life, the elderly, autonomy, social activity, social welfare.

Сегодня перед Россией стоит важнейшая задача – превращение в подлинно социальное государство. Одним из показателей «социальности» является создание эффективной системы предоставления социальных услуг нетрудоспособным гражданам – инвалидам и пожилым людям. Вместе с тем, если в западных странах наблюдается отказ от изоляции нетрудоспособных граждан в учреждениях социального обслуживания, то в России стационарное социальное обслуживание по-прежнему остается приоритетным направлением государственной социальной политики. Во многом это обусловлено историческими особенностями системы социальной защиты населения, которая сложилась в условиях социалистического выбора. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать эффективность практики социальной помощи в инвалидных домах Сибири в 20-х гг. XX в., поскольку в этот период на смену стихийной благотворительности впервые приходит организованная социальная политика. При этом изучение особенностей функционирования инвалидных домов осуществляется сквозь призму повседневной жизни проживающих в них инвалидов и пожилых людей.

Важность исследования повседневной жизни нетрудоспособного населения в инвалидных домах в 1920-х гг. заключается в том, что оно позволяет раскрыть социальные проблемы, с которыми сталкивались инвалиды и старики, изолированные в специальных учреждениях. Кроме того, исследование призвано способствовать пониманию сущности советской модели социального обеспечения в 1920 – 1930-х гг., а также для более глубокого представления о соци-

альной политике большевистского государства в целом.

Научная новизна представленных в статье материалов определяется тем, что на сегодняшний день в исторической науке нет ни одного исследования, посвященного проблемам функционирования инвалидных домов (тем более изучения повседневного опыта их обитателей). Существует ряд исследований, где в той или иной степени рассматриваются исследования государственной социальной политики в РСФСР [19; 22]. Например, Ш. Фицпатрик говорит о ведущей роли государства при проведении социальной политики [27, с. 9]. Также можно выделить публикации, посвященные проблемам социального обеспечения и социального страхования [18, с. 120 – 122; 24; 25, 26]. Например, О. В. Капустина [18] говорит о том, что пенсии были основным источником средств к существованию для пожилых и инвалидов. Но прочие направления социального обеспечения, в том числе помещение нетрудоспособных в инвалидные дома, не рассматриваются. К третьей группе исследований можно отнести работы, посвященные проблемам социальной практики в отношении инвалидов и престарелых. В трудах Д. С. Кошкина, Н. П. Крыкова, Г. А. Хорохориной [17; 21; 29] освещаются вопросы социальной и медицинской помощи пожилым людям, профессиональной реабилитации инвалидов войны и труда. Однако инвалидным домам и судьбам тех, кто нашел в них приют, авторы также внимания практически не уделяют.

Что же касается исследований по истории советской повседневности, то здесь проблемы инвалидов и

пожилых людей и способов их реализации средствами государственной социальной политики также не нашли отражения. Та же Ш. Фицпатрик посвящает целый раздел «униженным и оскорбленным», но среди них нетрудоспособное население, изолированное в инвалидных домах, не упоминается [27, с. 141 – 168]. Й. Хелльбек, изучающий «советскую субъективность», не рассматривает особенности самосознания советского инвалида, закрытого в четырех стенах убежища социального обеспечения [28]. Только Н. Б. Лебина справедливо упоминает о том, что «бытовые практики многих пожилых... в конце 30-х гг. оставались связанными с религией» [23, с. 123].

Исходя из актуальности и степени изученности вопроса была поставлена основная цель исследования – проанализировать содержание повседневной жизни нетрудоспособных граждан в инвалидном доме и оценить эффективность государственной социальной политики в отношении инвалидов и пожилых людей в 1920-х гг.

Автором статьи разработана и в настоящее время апробируется методика исторического анализа условий проживания в учреждениях социального обслуживания [20, с. 73 – 83], где повседневная жизнь инвалидов и пожилых людей рассматривается в следующих аспектах:

1. Организация питания (достаточное количество приемов пищи (3 – 4 раза в день); разнообразие, полноценность, питательность и аппетитность пищи; соответствие питания индивидуальным потребностям и состоянию здоровья; частота обновления меню с правом выбора блюд, наличие горячих блюд).

2. Автономия и самостоятельность (комфортный для проживающих распорядок повседневной жизни и деятельности в учреждении; свобода выбора способов социальной активности, отдыха и удовлетворения культурных запросов; комфортность во взаимоотношениях проживающих в учреждении между собой; отсутствие вмешательства в сексуальную жизнь и интимные отношения проживающих в учреждении; возможность отправления религиозных обрядов).

3. Наличие контактов с внешним миром (наличие контактов с семьей, друзьями, представителями местного сообщества; возможность свободно принимать посетителей; возможность участия родственников, друзей и членов местного сообщества в жизни проживающего).

Основное внимание сосредоточено на вопросах ежедневного проживания нетрудоспособных граждан в инвалидном доме в 20-х гг. XX в. Документальную базу исследования составили ранее не вводимые в научный оборот материалы Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Томской области. В качестве основных источников были использованы акты обследования инвалидных домов, жалобы инвалидов и пожилых людей в органы социального обеспечения, отзывы об организации обслуживания.

В заявленный исторический период инвалиды и пожилые люди организаторами социальной помощи были отнесены к единой группе «нетрудоспособных». Для тех, кто мог трудиться, были организованы про-

изводственные мастерские и артели, они получали небольшое пособие. Тех же, кто по причине своего физического состояния не мог быть полноценным работником, государство помещало в инвалидные дома.

Самой острой для инвалидов домов в этот период была проблема организации питания. Результаты регулярных обследований, проводимых Енисейским губернским отделом социального обеспечения в 1921 – 1922 гг. показали, что в Красноярских инвалидных домах пища готовилась всего 1 раз в день (это был всего лишь суп без мяса из капусты, картофеля и моркови). В Инвалидном доме № 1 кормили только брюквой, в соседнем приюте проживающие получали суп из картофельных очистков. Заметно отличалось лишь питание в «Инвалидном доме по улице Советской», где помимо хлеба и супа призреваемым выдавали немного мяса, варили кашу, делали «чай на три заварки» и даже раз в месяц выдавали кусочек масла.

С января 1923 г. месячная норма для проживающих в инвалидных домах была окончательно утверждена: муки – 1 ф., мяса – 7,5 ф., жиров – 1,5 ф., соли – 1,5 ф., крупы – 5 ф., овощей – 45 ф., 8 золотников чая. Первое же апрельское обследование инвалидных домов в Красноярске выявило, что нормы эти соблюдаются и даже перевыполняются [7, л. 46 – 47, 306]. Однако акт освидетельствования инвалидного дома в Иркутске показывал, что «питание среднее. Обед состоит из супа горохового с куском мяса и каша с постным маслом и полторы фунтов хлеба... был случай выдачи горького масла и рыбы с душиком... стол инвалидов несколько не лучше тюремного николаевского и колчаковского времени» [3, л. 41]. В Томский губсобес также регулярно поступали жалобы инвалидов, где инвалиды и вовсе не стеснялись в выражениях, сетуя на то, что «получают плохой обед, как помои», «кормят г...ном и завдомом забирает инвалидные куски» [9, л. 28, 80 об].

Серьезной проблемой при организации питания было то, что инвалиды ставились на продуктивное довольствие по разным нормам. В 20-х гг. в стране существовала идеологически обоснованная и закрепленная самим государством дифференциация инвалидов. Так, были привилегированные группы инвалидов войны и труда, которые, по мнению большевиков, заслуживали лучшего к себе отношения вследствие своего «пролетарского прошлого», и все остальные, «беспризорные» инвалиды, численность которых была гораздо больше, но в новом государстве они были бесправны.

Неравноправие в инвалидном доме выражалось в доступе к так называемому «котлу». «Беспризорные» постоянно жаловались, что «инвалидам войны и труда... мяса больше... отпускается... трудовики получают мяса, черного хлеба, сахару, гороху, крупы, соли полностью, а им пшеничный хлеб... выдавали за все время 2 – 3 раза... Чай дают суррогат». Сторонние наблюдатели в ходе регулярных обследований отмечали, что «...пища приготавливается для беспризорных по уменьшенной раскладке... беспризорные получают... меньше в половину». Да и сами инвалиды нередко возмущались, что «пища варится двумя поварами, одна варит для беспризорных, а другая – для инвалидов войны и труда» [3, л. 41, 42, 45, 89, 120].

Положение «беспризорных» инвалидов было настолько плачевным, что на 1925 г. перед собесами была поставлена задача «изыскать средства для увеличения питания беспризорным и доведения нормы питания им до нормы военного и трудового инвалида». О том, что эта задача была выполнена, свидетельствует доклад месткома инвалидного дома в Иркутске: «...прибавили 30 %... Масла... получают полфунта коровьего, полфунта растительного, чаю 12 зол., а также прибавлен пшеничный хлеб на четверть фунта, прибавлено овощей... взамен каши... получают... жареное мясо 1 раз в месяц...» [4, л. 32].

Кроме того, отдельным инвалидам с «ослабленным здоровьем» стало выдаваться так называемое «усиленное питание»: еще полфунта сахара или хлеба, сало, бутылка молока в день. Также в инвалидных домах стал практиковаться «праздничный рацион» (к 1 мая или 7 ноября) – каждому инвалиду выдавали в два раза больше белого хлеба, мяса, чая, бутылку молока, и «деликатес» – картофель [3, л. 4; 4, л. 61].

К концу 1925 г. ситуация с продовольственным обеспечением в инвалидных домах стабилизировалась, а в 1927 – 1928 гг. нормы питания в инвалидных домах были еще раз увеличены: появляется мясо двух видов, гречка, перловка, пшено, горох, картофель, капуста, приправы, вермишель. Молоко становится обязательным. Впрочем, недельное расписание не составлялось, меню придумывалось самой кухаркой из того, что ей выдавали на руки, и блюда были самыми простыми [2; 6, л. 13 – 13 об; 8, л. 100; 11, л. 81].

Акт обследования краевого дома инвалидов в г. Томске в сентябре 1929 г. засвидетельствовал, что «обед состоит из мясного супа с приправами: картофель, капуста, свекла и крупы и каши гречневой или просовой, вареной на воде». Инвалидам отпускалась полпорция супа «и по маленькому кусочку мяса приблизительно 50 – 55 гр. вместе с костями». Правда, порой поступали жалобы от инвалидов: «Бывают дни, что мяса совсем не дают и очень часто в картофельном пюре или каше нет никаких жиров, [был] случай [когда] мяса совсем не было, а только один суп картофельный» [11, л. 81; 14, л. 53].

Следующий блок для анализа повседневной жизни – это автономия и самостоятельность проживающих. Автономия в контексте настоящего исследования понимается автором как возможность человека максимально реализовывать свои личные права на выбор образа жизни, на независимость, возможность заниматься любой деятельностью в свою пользу, насколько позволяет это делать физическое и психическое здоровье. Однако следует принять во внимание тот факт, что вокруг человека в учреждении находятся другие люди, которые имеют равное с ним право на автономию и независимость, поэтому администрации учреждения следовало разработать такие правила внутреннего распорядка, чтобы они соблюдались всеми проживающими в учреждении, при этом не нарушая их независимости, самостоятельности и права на выбор.

Для примера можно привести правила внутреннего распорядка для инвалидных домов [10, л. 8 – 9], утвержденные Томским окрсобесом в 1926 г. Согласно правилам, каждому в инвалидном доме предоставля-

лось определенное место, «которое он не может менять самостоятельно». Призываемым надлежало «в полной мере сами себя обслуживать, кроме тех, которые нуждаются в постороннем уходе или больны по заключению врача, и... принимать участие в работах инвалидного дома». Призываемые были обязаны соблюдать чистоту в помещениях, опрятно содержать выданные им вещи, отвечая за их целостность и сохранность. Запрещалось ложиться на кровать в одежде и обуви, воспрещались «шум, пение и бесцельное хождение по палатам, карточная игра на деньги, употребление спиртных напитков и ругань» под страхом немедленного исключения из инвалидного дома. Не разрешались самовольные отлучки из инвалидного дома, но к обитателям дома посетители допускались ежедневно с разрешения заведующего инвалидным домом на «передачу подарков». Самим инвалидам приносить что-либо в инвалидный дом, как и выносить что-то из него, также запрещалось.

Очевидно, что при таких требованиях можно говорить только об ограниченной автономии. Тем любопытнее проследить, насколько повседневная жизнь инвалидов соответствовала предъявляемым к ним правилам. В своей докладной окружному собесу о состоянии краевого дома инвалидов Томский отдел сообщал: «В палатах обедают, в палатах на койке инвалид проводит все время дня и ночи за неимением помещения, где бы он мог провести время и чем-либо развлечься» [13, л. 42].

По любому поводу в инвалидном доме мог вспыхнуть конфликт. Например, в Барнауле «инвалидами Титаренко и Голиковым был оставлен на ночь в коридоре инвалид Коленов за то, что он не наколот дров, будучи занят починкой обуви». И подобный самосуд был не редкостью. В Томске причиной драк, которые регулярно устраивали инвалиды, несмотря на постоянные угрозы со стороны администрации об отчислении, был «антагонизм» между инвалидами – «трудовиками» и «беспризорными» из-за неравномерного распределения пищи. Сыграли свою роль и тяжелые условия проживания «беспризорных» инвалидов, которые действительно были лишены в инвалидном доме самых элементарных прав: отсутствие белья, одежды, пищи вынуждало стариков зарабатывать попрошайничеством [1, л. 25 об; 4, л. 33; 14, л. 56].

Крайне остро стоял вопрос с самообслуживанием инвалидов и привлечением последних к труду. Вот один показательный пример. В ноябре 1925 г. председатель Комитета дома инвалидов в г. Томске Богданов обратился в собес с заявлением, что «инвалиды, могущие двигаться без посторонней помощи и костылей, должны по мере сил своих производить хозяйственные работы и не отказываться... без уважительных причин». Однако один из инвалидов возразил, что «никто не вправе заставить его работать, и что он ни на какие работы не пойдет и исполнять их не будет, хотя бы даже и мог». Администрация инвалидного дома усмотрела в подобном отказе «саботаж и подрыв распоряжений», требуя примерно наказать отказников. Но представители Томского горсобеса эту идею не поддержали, а рекомендовали «больше действовать порядком убеждения инвалидов», и не заставлять

их работать, поскольку действительно никто был не вправе принудить инвалида к труду [9, л. 34 – 34 об]. Тем не менее, многие инвалиды, несмотря на возраст и состояние здоровья, действительно занимались некоторыми работами. Одни продавали лотерейные билеты, другие клеили капсулы для махорочных фабрик, слепые музыканты объединялись в артели и играли на летних эстрадах.

Что же касается самообслуживания, то обычно организация работ не выходила за рамки воскресников, на которые выходили все инвалиды, способные работать. Работы были самими простыми: уборка из коридора мусора, оставшегося после ремонта здания, сооружение выгребной ямы, очистка двора и крыш здания от снега, колка дров и т. п. Если среди инвалидов оставались работоспособные ремесленники, они отдавали свой труд на пользу всему инвалидному дому. Например, Томский краевой инвалидный дом был обеспечен кожаненными изделиями, потому что всю работу по ремонту кожаной обуви выполнял старик-инвалид [3, л. 41 об-42; 9, л. 45 – 45 об; 15, л. 35].

Близко к проблеме автономии и права выбора находится вопрос о сексуальном поведении в инвалидном доме. С одной стороны, всяческие половые связи в учреждении были запрещены, с другой же стороны, независимо от состояния здоровья, возраста и степени нетрудоспособности для многих инвалидов половой вопрос оставался актуальным. В официальной переписке этот вопрос именовался не иначе как вопрос «ненормальности в инвалидном доме». В собесы нередко поступали сведения о том, что инвалид «держал в своей комнате проституток» или «часто ночью пристает к инвалидкам, нанося... грязные назойливые приставания к сожительству с ним». В другой раз возмущенный заведующий сообщал: «Был случай, когда инвалидку беременную пришлось отправить для родов в дом матери и ребенка, что... ложится пятном на дом инвалидов» и требовал принять к женщине и к остальным «развратникам» самые суровые меры [1, л. 35; 13, л. 42 об, 120 – 121].

Долгое время вышестоящие органы не обращали внимания на подобную информацию, полагая, что вмешиваться в личную жизнь они не должны, отписываясь и перелажая ответственность на месткомы, которые «плохо выполняют» свою работу. И только когда в Томске зимой 1929 г. комиссия Горсовета «вскрыла недопустимое поведение и взаимоотношение с инвалидами со стороны женского персонала... систематические половые связи вплоть до открытого сожительства», органы Сибкрайсобеса забили тревогу. Вопросы сексуального характера вышли за пределы отношений между самими инвалидами: «Некоторые... заделались женами инвалидов... и наделяли их лучшей одеждой, обедом, вниманием» [14, л. 90]. После разбирательства всех участников ситуации немедленно изгнали из инвалидного дома, но «половая проблема» не исчезла. Несмотря на всяческие запреты и угрозы, инвалиды продолжали тайно встречаться.

Надо сказать, что при рассмотрении этого деликатного вопроса многие руководители собесов, полагали, что «половая распущенность» есть не что иное, как следствие неорганизованности свободного време-

ни. Поэтому далее имеет смысл остановиться на досуговой деятельности.

Большинство проживающих в учреждении не были людьми, особо склонными к занятию какой-либо творческой деятельностью, их понятие свободного времени ограничивалось повышенным вниманием к спиртным напиткам. Вот всего несколько примеров того, как «развлекались» обитатели инвалидного дома: «Инвалид Анисимов, как гармонист, зачастую приглашается играть на различные вечеринки, причем... возвращается часто в нетрезвом виде»; «Березнев... является в дом в пьяном виде, нянек ругает нериличной бранью, не соблюдает внутреннего распорядка»; «Рожнев неоднократно напивался... и от чего производил скандал, ругался и дрался с инвалидами» [9, л. 57; 11, л. 34 – 34 об; 16, л. 129].

Пьянство в инвалидных домах было названо органами социального обеспечения самым большим злом, искоренить которое надлежало при помощи культурно-просветительской работы. Правда, если в начале 20-х гг. тот же Енисейский губсобес настаивал, что «ввиду того, что инвалиды в большинстве случаев престарелого возраста, проведение культурно-просветительной работы считать нерациональным» [7, л. 22 об], то к середине десятилетия ситуация коренным образом поменялась: «Организовать Красный Уголок для ведения культурно-просветительной работы... пригласить постоянного политрука и просить... РКСМ о выделении представителя для ведения регулярной культурной работы среди инвалидов» [1, л. 42]. В связи с этим сразу появился другой вопрос – какой должна быть культурная работа, будет ли она интересна проживающим, особенно старикам, более склонных к обсуждению новостей, нежели к активному участию в каких-то постановках, и насколько эта работа будет соответствовать идеологическим рамкам.

Первые же обследования показали, что культурно-просветительская работа в различных инвалидных домах ведется с переменным успехом. Из красноярского приюта для инвалидов сообщали, что «культурная работа совершенно отсутствует за неимением работников и литературы». Из Барнаула доходили сведения, что инвалидным домом «получается лишь один экземпляр газеты “Власть Труда”. Больше никакой литературы нет». Зато в Иркутске был «организован Красный Уголок вблизи корпуса. Большая и светлая комната: тепло, светло и чисто, уютно, по стенам портреты вождей, на столах книги, журналы, газеты столичные, посещают в день от 3 до 5 призреваемых, 2 раза в неделю [проходят] школы политграмоты» [1, л. 45; 3, л. 45 об; 7, л. 21 об].

О том, как изменилась культурно-просветительская работа во второй половине 20-х гг., свидетельствует отчет клуба им. Семашко при доме инвалидов в г. Томске. Здесь всего за полгода были организованы две группы для ликвидации неграмотности, проходили громкие чтения на научно-популярные темы и доклады на общественно-политические темы. Также был организован политкружок, выпускалась стенгазета и печатная газета, приобретена библиотека-передвижка, представлены четыре постановки, ре-

гулярно проводились концерты, вечера самодеятельности и т. п. [9, л. 74].

К тому времени «шагнула далеко вперед» культурно-просветительская работа в Иркутске. Здесь проходили беседы о национальной политике и сельхозналоге (хотя совершенно непонятно, зачем это нужно было городским инвалидам), регулярно проводились доклады о революционном движении в России, о международном положении, о промышленности и связи города с деревней.

Безусловно, многое в этой области зависело от того, кто руководил инвалидным домом, потому что часто случалось и так, что после ухода того или иного заведующего прекращалась и любая культурная работа. В том же Томске с приходом нового начальника инвалиды говорили: «Красный уголок пустой, нет журналов и газет, и собрания... бывают редко». Пришлось местному самому выпрашивать газеты, журналы, канцелярские приборы, мебель для оборудования клуба [14, л. 105].

Наиболее активные инвалиды были готовы самостоятельно организовывать свой досуг, своими силами они добивались через заведующих установки радиоприемника, организовывали драматические и хоровые кружки и секции по игре в шахматы и шашки. Однако с началом в стране «культурной революции» их самостоятельность была сильно ограничена, и уже в 1928 – 1929 гг. для организаторов досуга в инвалидных домах появляются четкие инструкции: «ставить спектакли два раза в месяц с танцами не более двух часов, с подбором пьес, которые имеют определенную тенденцию», «ликвидация неграмотности поставлена в определенные рамки, занятия ведутся по плану и выработанной программе», «усилить культурно-просветительскую работу среди инвалидов путем вовлечения их в кружки». Культурно-просветительская работа в инвалидных домах проводилась силами студентов и комсомольцев. И теперь, когда все было поставлено в идеологические рамки, определенные государством, в отчетах стали появляться сухие фразы: «культурно-просветительская работа налаживается, ставятся постановки еженедельно, газеты поступают своевременно, кроме газет, выписано в достаточном количестве журналов» [9, л. 70 – 71; 12, л. 17 об; 13, л. 42 об; 15, л. 35].

Наконец, долгое время открытым оставался вопрос о свободе совести и вероисповедания. Чиновники в «безбожном» государстве не хотели признавать тот факт, что в инвалидных домах основной контингент составляли «инвалиды старости», воспитанные в патриархальных традициях, для которых вера являлась частью привычного образа жизни. К тому же для позднего возраста в любом случае характерно повышенное внимание к вопросам религии, но для советских руководителей официальная идеология, отрицающая Бога, была понятней и ближе, нежели знание психологических особенностей пожилого человека. И поэтому члены комиссии по обследованию инвалидных домов г. Иркутска в апреле 1924 г. были сильно возмущены тем, что «некоторые из инвалидов есть народ набожный... верующие во Христа», и что еще хуже, «веруют не как-нибудь, а по настоящему, по-христиански». Под настоящей верой чиновники по-

нимали то, что у стариков в палатах размещались образки «и целые аршинные образа, да еще с неугасимой лампадочкой». Самое интересное, что комиссию угораздило провести обследование на пасхальной неделе, и ее представители негодовали, что верующие «позаботились изыскать средств, и у них появились в палатах и красные (только не революционные) яички и разукрашенные куличики, а может еще что-нибудь запретное», и что «не все Господа забывают» [3, л. 120 об].

Инвалиды действительно не собирались отказываться от своих религиозных учреждений даже под страхом отчисления из заведения и регулярно требовали допустить священника в инвалидный дом. Власть сначала пошла на уступки и даже разрешала местному батюшке появляться в заведении «для исполнения треб», но он должен был находиться в отдельной комнате и в строго определенное время. Правда, старики все равно приводили священников без разрешения заведующего, упирая на то, что «это предусмотрено законом Советской власти и... внутренними правилами посещения» [10, л. 181; 16, л. 129]. Действительно, посещать обитателей инвалидного дома разрешалось любому человеку, но уже очень скоро посещение инвалидов священниками разрешалось только с позволения заведующего.

Параллельно с этим по всем инвалидным домам было разослано «Особое приложение о культработе» из Сибирского отдела социального обеспечения, которым предписывалось проводить антирелигиозные доклады «об истинном происхождении религии, о празднике Пасхи», чтение вслух газеты «Безбожник» и т. д. [4, л. 48]. Можно по-всякому относиться к религии, но не учитывать ее психологическое значение невозможно и ситуацию, когда старым, больным, а порой и умирающим людям пытались доказать, что Бога нет и после жизни ничего не будет, кроме как циничной, неэтичной и кощунственной назвать нельзя.

Наступление на религиозную свободу инвалидов и престарелых продолжилось в 1927 – 1928 гг., когда задача бороться с верующими и с посещением заведения священниками была поставлена уже перед правильно подобранными комитетами инвалидов. Местком составлял особые протоколы, в которых указывалось, что «инвалидный дом посетил... священник для выполнения обрядов культа», и «предлагал составить акт... для привлечения его к ответственности». Так было, например, в Томске, где подобный акт ушел к старшему помощнику Прокурора по Томскому округу, и в отношении священника было заведено уголовное дело «за совершение в инвалидном доме священником Оглоблиным обрядов культа» [10, л. 129 – 131].

Подводя итоги, можно сказать следующее. Повседневная жизнь инвалидов и пожилых людей в инвалидных домах являлась прямым отражением государственной идеологии и социальной политики советского государства. Дифференцированный подход органов социального обеспечения и социального страхования к инвалидам разных категорий привел к появлению «двойных стандартов» в обеспечении. Прежде всего, это коснулось питания, которое распре-

делялось неравномерно среди инвалидов, имевших заслуги перед советской властью, и теми, кто ими не обладал. Несправедливый, неравный доступ к социальным услугам способствовал росту конфликтности в инвалидных домах.

В то же время, утверждение пролетарской идеологии существенно ограничило свободу выбора в отношении отдыха и развлечений, социальной активности и удовлетворения культурных запросов. Наиболее ярко это проявилось в запрете на интимные отношения и совершение религиозных обрядов. Культурно-просветительская работа долгое время была фрагментарной, во многом не соответствующей возможностям инвалидов и пожилых людей, а со временем приобрела ярко выраженный политический оттенок.

К сожалению, следует признать, что у органов социального обеспечения на этой стадии не сформировалось профессиональное чувство ответственности за этих людей, для большинства из которых привычным стал такой образ жизни, где их интересы и потребности стоят на последнем месте. А поскольку эффективность реализации государственной социальной политики в отношении инвалидов и пожилых людей во многом определяется тем, насколько ее меры способствуют сохранению или восстановлению их сил, для ее оценки следует обратиться к выделенным автором статьи показателям.

Организация питания, которое получали обитатели инвалидного дома, — один из важнейших факторов оценки эффективности социальной политики, поскольку оказывает существенное влияние на состояние их и так не слишком «сильного» здоровья. Нерешенность вопроса о питании в инвалидных домах Сибири приводила к тому, что из-за недостаточной, неподходящей и неаппетитной пищи многие из призреваемых недоедали, а это могло привести к истощению и ослаблению организма. Количество приемов пищи было ограничено в лучшем случае завтраком и обедом, сама еда не отличалась разнообразием и не соответствовала индивидуальным потребностям и состоянию здоровья. Имеющие потребность в диетическом питании его не получали, а отсутствие разнообразного меню не способствовало восстановлению жизненных сил инвалидов. Таким образом, по этому критерию государственной социальной политики можно было бы назвать ее не эффективной. Однако стоит заметить, что в условиях послевоенной разрухи и финансирования социальной сферы по остаточному принципу органы социального обеспечения и социального страхования приложили максимум усилий для того, чтобы поддержать минимальный уровень обеспеченности нетрудоспособных граждан в «закрытом» учреждении.

Самым успешным показателем эффективности государственной социальной политики следует считать наличие контактов с внешним миром, поскольку возможность общения, участия местного сообщества в жизни инвалидов и стариков практически не ограничивалась.

А вот что касается автономии и самостоятельности инвалидов и пожилых людей, то здесь результаты оказались самыми плачевными. Нетрудоспособным, а значит, с точки зрения государства, ненужным гражданам было отказано в полноценной, комфортабельной, независимой жизни. Их труд уже нельзя было «утилизировать», выжать последние трудовые силы, поэтому им просто предоставили место для того, чтобы они доживали свой век. Распорядок повседневной жизни в инвалидных домах фактически навязывался администрацией учреждения, не обсуждался самими проживающими в нем людьми, а потому слабо удовлетворял их ожидания, предпочтения и возможности. Социальная активность ограничивалась вовлечением инвалидов и стариков в трудовую деятельность, предписанную в рамках «самообслуживания».

Таким образом, уровень повседневной жизни нетрудоспособного населения в инвалидных домах в 20-х гг. XX в. следует признать низким, поскольку инвалиды и престарелые, фактически изолированные от общества, перестали быть создателями своей повседневности, и за них все решали официальные лица из собеса, органов соцстраха, администрации инвалидного дома и послушного ей месткома.

Литература

1. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф.р-18. Оп. 3. Д. 63.
2. ГААК. Ф.р-92. Оп. 2. Д. 38.
3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф.р-558. Оп. 1. Д. 60.
4. ГАИО. Ф.р-558. Оп. 1. Д. 90.
5. ГАИО. Ф.р-558. Оп. 1. Д. 91.
6. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф.р-241. Оп. 1. Д. 18.
7. ГАКК. Ф.р-270. Оп. 1. Д. 44.
8. ГАКК. Ф.р-271. Оп. 1. Д. 28.
9. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф.р-198. Оп. 1. Д. 8.
10. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 20.
11. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 35.
12. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 59.
13. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 60.
14. ГАТО. Ф.р-198. Оп. 1. Д. 72.
15. ГАТО. Ф.р-252. Оп. 1. Д. 114.
16. ГАТО. Ф.р-252. Оп. 1. Д. 120.

17. Галискарова, А. С. Исторический опыт деятельности государственных органов России и Кабардино-Балкарии по социальной защите пожилых людей и инвалидов: 1850 – 2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. С. Галискарова. – Пятигорск, 2004. – 194 с.
18. Капустина, О. В. Пенсионное обеспечение инвалидов войны и приравненных к ним лиц, определенное постановлениями ВЦИК и СНК в 30-х годах XX в. / О. В. Капустина // Гражданственность и патриотизм. Всероссийская научно-практическая конференция ЛГОУ им. А. С. Пушкина. – СПб., 2007.
19. Кармазин, А. С. Историография социальной политики Советского государства в отношении рабочего класса в 1921 – 1941 гг.: на материалах Уральского региона: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Кармазин. – Тюмень, 2006.
20. Ковалев, А. С. К вопросу о методологии исторического анализа качества жизни в учреждениях социального обслуживания / А. С. Ковалев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3.
21. Кошкин, Д. С. Государственная политика и практика социальной работы с инвалидами в 20 – 30-е годы XX века: на материалах РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. С. Кошкин. – М., 2001. – 266 с.
22. Крюков, Н. П. Преемственность социальной поддержки населения в России / Н. П. Крюков / под ред. А. Н. Кочетова. – Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 2002. – 344 с.
23. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920 – 1930 годов / Н. Б. Лебина // Нева. – СПб.: Летний Сад, 1999. – 316 с.
24. Некрасов, А. В. Система социального обеспечения в РСФСР в 1920-е годы: на примере Дона, Кубани и Ставрополя: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Некрасов. – Новочеркасск, 2009. – 227 с.
25. Новиков, А. А. Эволюция пенсионной системы России: дис. ... д-ра экон. наук / А. А. Новиков. – М., 2008. – 380 с.
26. Рослякова, О. А. Деятельность органов социального обеспечения Южного Урала по реализации социальной политики правительства с октября 1917 года по май 1941 года: дис. ... канд. ист. наук / О. А. Рослякова. – Оренбург, 2006. – 190 с.
27. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.
28. Хелльбек, Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме / Й. Хелльбек // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4(72). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2-pr.html>
29. Хорохорина, Г. А. Политика государства в области социального обеспечения и реабилитации инвалидов войны и труда в период 1941 – 1945 гг.: на материалах РСФСР: дис. ... канд. ист. наук / Г. А. Хорохорина. – М., 2005.

Информация об авторе:

Ковалев Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы, докторант кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 8 (391)252-94-20, alexkovaleff@yandex.ru.
Aleksander S. Kovalev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Social Pedagogics and Social Work, doctoral student, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

УДК 391(571.53)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ СИБИРИ

В. В. Тихонов

ETHNOGRAPHIC OPEN-AIR MUSEUMS IN SIBERIA

V. V. Tihonov

В статье анализируется сеть действующих этнографических музеев под открытым небом Сибири резервационного и транслоцированного типов. Анализируется история создания музеев, их экспозиционная инфраструктура, перспективы развития экспозиционной инфраструктуры.

The net of ethnographic open-air museums functioning in Siberia is analyzed in the paper. The author considers the history of founding, the structure and the development perspectives of the open-air museums.

Ключевые слова: «Тальцы», «Ангарская деревня», «Томская писаница», «Березовка», «Шушенское», «Черкехский», «Дружба».

Keywords: Taltsy, Angarskaya village, Tomskaya pisanitsa, Beryozovka, Shushenskoye, Cherkekhsky, Druzhba.

В конце 60-х гг. XX в. в Советском Союзе, в том числе в Сибири, на волне хрущевской оттепели на-

блюдался всплеск в создании новой для Сибири формы сохранения традиционной народной культуры –

этнографических музеев под открытым небом как коллекционной, так и этнографической классификации. Данному процессу способствовало много факторов: увеличение внутрисююзного и зарубежного туристического потока в Сибирь, относительная открытость общества, способствовавшая увеличению интереса к народной культуре, в частности к такому уникальному явлению, по большей части свойственному только Скандинавским странам и России, как деревянное зодчество. Стремление сохранить именно уникальное деревянное зодчество и способствовало созданию в Сибири сети этнографических музеев под открытым небом резервационного и транслационного типов. При этом большая их часть до сих пор находится в стадии развития.

Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»

В Сибири старейшим музеем архитектурно-этнографического профиля можно считать государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» [1]. Такое название он стал носить с 1993 г., когда из музея в буквальном смысле политического его без особых трудов переформировали в архитектурно-этнографический комплекс.

Формирование музейной коллекции Шушенского музейного комплекса началось в 1925 г., когда был выкуплен дом крестьянки Петровой, в котором в ссылке жил В. И. Ленин [8, с. 39 – 40]. В 1928 г. был выкуплен еще один дом – крестьянина Зырянова. 7 ноября 1930 г. открыли экспозицию в доме Петровой, а в 1940 г. экспозиция появилась и в доме Зырянова [6].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 275 от 24 апреля 1968 г. в связи с 100-летием со дня рождения В. И. Ленина в Шушенском был создан музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Его открыли 12 апреля 1970 г. За основу был взят старый квартал пос. Шушенское, где уже размещались дома Петровой и Зырянова. Пустующие пространства заполнили типичными для эпохи и местности постройками из других мест. В итоге получился великолепный архитектурно-этнографический комплекс конца XIX – начала XX в., резервация с элементами транслационного, воссоздавшая естественную историко-культурную среду данной местности конца XIX – начала XX в. Переход от музея политического к музею архитектурно-этнографического профиля произошел практически безболезненно посредством переориентации акцентов в экскурсионном процессе за счет уменьшения объема экскурсионного времени на элемент мемориальности, ранее имевшей доминирующее значение, на архитектурно-этнографическую тематику.

При формировании данного музея средств на его создание не жалелось. К его проектированию были привлечены лучшие специалисты музейного дела в СССР, имеющие возможность знакомства с зарубежным опытом создания музеев такого типа. В итоге историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» из всех музеев данного типа в России стал наиболее полно отвечать своему предназначению и соответствовать мировым концептуальным основам

создания архитектурно-этнографических комплексов. 29 домов в музее находятся в постоянной сборке, имеют круглогодичное отопление. Создана система пожарной безопасности, дорожные, электро- и телефонные коммуникации, инфраструктура административных зданий позволяет обеспечить комфортные условия как для приема посетителей, так и для работы персонала и хранения коллекций.

Экспозиционное пространство представляет собой сохранившуюся часть застройки населенного пункта, сформировавшегося на начало XX в., в виде двусторонней центральной улицы с отходящими от нее проулками. Утраченные элементы застройки в конце 60-х гг. XX в. заменили путем транслации объектов конца XIX – начала XX в. из других, рядом расположенных населенных пунктов.

Администрацией историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» ведутся работы по увеличению резервных земельных территорий, созданию зон охраняемого ландшафта, исключающего видимость из экспозиций современных каменных зданий, – одно из условий воссоздания естественной исторической среды. Что касается создания дополнительных экспозиционных зон, включая вывозку недвижимых памятников истории и архитектуры, то, по мнению автора, это не совсем целесообразно. Музейный комплекс «Шушенское» – уже вполне сформированный и цельный. Дальнейшее его развитие должно идти по пути увеличения турпотока и совершенствования форм его обслуживания. Сохранение деревянного зодчества в данном регионе страны и планируемые на это финансы вполне целесообразно использовать для формирования новых музейных комплексов на наиболее перспективном в отношении турпотока направлении, например, вблизи крупного административно-промышленного центра на перекрестке железнодорожного, авиационного и автомобильного сообщения.

Этнографический музей народов Забайкалья «Верхняя Березовка»

Идея создания этнографического музея под открытым небом в Бурятии была выдвинута учеными Бурятского филиала СО АН СССР и поддержана академиком А. П. Окладниковым. Создание музея определило в канун 50-летия республики Постановление бюро обкома КПСС, Совета Министров Бурятской АССР от 12 мая 1968 г. Этнографический музей культуры и быта народов Забайкалья был открыт в г. Улан-Удэ в июле 1973 г. [9]. Место под музей выбрали в пригороде Улан-Удэ (10 км) в живописной долине Верхняя Березовка. Площадь, занимаемая музеем, 23 га. По концепции создания музея ему отводилась роль научно-просветительного центра по изучению и сохранению материальной культуры народов, населяющих Байкальский регион: эвенков, бурят, русских. Музейный комплекс территориально музейфицировал Иркутскую область и Бурятию. Генеральным планом развития музея предусматривалось создание комплексов: археологического, эвенкийского, бурятско-забайкальского, бурятско-предбайкальского, русского старожильческого, старообрядческого, го-

родского, культового, рыбацкого, отдела живой природы [9; 11, с. 3 – 14; 13, с. 32 – 33].

В настоящее время в музее имеются: экспозиция эвенкийского шамана; две бурятских усадьбы-зимника из Предбайкалья; забайкальский бурятский комплекс (характеризует материальную культуру забайкальских бурят), бурятский улус-летник из трех юрт, вывезенных из Тункинской долины; Никольская церковь; городской дом; старообрядческая экспозиция, состоящая из трех усадеб – Зайцева, Красикова, Борисова; русская старожильческая экспозиция, сформированная из усадьбы пашенного крестьянина и усадьбы казачьего атамана. Есть еще археологическая экспозиция в виде реконструкции плиточных могил эпохи бронзы. Живой уголок представлен зоопарком. Археологический комплекс являет собой группу памятников бронзового века (II – I вв. до н. э.). Эвенкийский сектор реконструирует стойбище, основу которого формируют чумы с различным покрытием – березовой и лиственничной корой, а также ровдугой. Эвенкийское стойбище по концепции создателей носит рыболовно-оленоводческую направленность и характеризует жизнь эвенков Забайкалья, в основном проживавших в Баунтовском, Северобайкальском и Курумканском районах.

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

При строительстве Усть-Илимской ГЭС в начале 60-х гг. XX в. встала задача сохранения объектов уникального деревянного зодчества XVII – XVIII вв. г. Илимска, сыгравшего в свое время значительную роль в процессе освоения русскими Сибири и Дальнего Востока. Для спасения памятников истории и архитектуры XVII в. – Спасской проезжей башни Илимского острога (1667 г.) и Казанской привратной часовни Илимского острога (1679 г.) – было решено их разобрать и перевезти в создающийся музей под открытым небом под г. Иркутском.

Постановление Иркутского облисполкома о создании музея народного зодчества под Иркутском вышло 9 января 1966 г. Строительство музейного комплекса началось в 1970 г. Музейный комплекс «Тальцы» занимает сегодня 67 га, вокруг него создана временная охранная зона. В музее работает для осмотра 15 экспозиций по материальной и духовной культуре народов Предбайкалья.

18 июля 1980 г. «Тальцы», тогда еще музей деревянного зодчества, принял первых посетителей. Для осмотра открыли экспозицию «Деревня-малодворка», состоящую из трех разновременных усадеб с характерной для данного типа деревень планировкой. В состав экспозиции вошли усадьба Непомилуева конца XVIII в., усадьба Серышева середины XIX в. и усадьба Прокопьева конца XIX в.

В 1984 г. в музее завершилась реставрация уникального памятника деревянного оборонного зодчества XVII в. – Спасской проезжей башни Илимского острога. Башня была вывезена в музей в 1969 г. из г. Илимска, попавшего в зону затопления Усть-Илимского водохранилища.

В состав экспозиции «Волостное село» входит Казанская привратная часовня Илимского острога. Официальная дата ее постройки – 1679 г.

Здание церковноприходской школы вывезено в музей из с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области в 1988 г. Памятник был построен в 1884 г. крестьянским обществом как церковноприходская школа. Усадьба-одноколок конца XIX в. вывезена из д. Едарма Усть-Илимского района в 1988 г., реставрация ее завершена в 1994 г. Усадьба Сотова, конец XVIII в., вывезена в музей в 1973 г. из с. Бельск Черемховского района Иркутской области, реставрация завершена в 1995 г. Усадьба Московского – рубеж XVIII – XIX вв. – вывезена из д. Антонова Братского района в 1970 г. В 2000 г. завершена реставрация усадьбы Зарубина, построенной в д. Едарма Усть-Илимского района в 1929 г. и вывезенной в музей в 1990 г.

Одной из интереснейших экспозиций музея стала экспозиция «Каскад водяных мельниц». Три водяные мельницы вывезены в музей из д. Владимировки Братского района Иркутской области в 1974 г. Экспозиция сдана в эксплуатацию в 1982 г. Формирование экспозиции «Сенокосная заимка Среднего Приангарья конца XIX в.» началось с вывоза в 1989 г. в музей с острова Куренной из д. Паново Кежемского района Красноярского края двух избышек и амбара. Реставрационные работы велись с 1992 по 2000 г.

В 2008 г. завершены реставрационные работы на экспозиционном комплексе «Волостная управа», здание волостного правления (1904 г.) вывезено в музей в 2000 г. из с. Бельск Черемховского района. Создание бурятской экспозиционной зоны ведется с 1990 г. Практически полностью сформирован улус-летник, состоящий из шести деревянных юрт-оригиналов XIX в. и вспомогательной инфраструктуры (печь для выпечки хлеба, навесы и т. д.), выполненной в новоделе. В состав бурятской экспозиционной зоны входит и маломорский бурятский рыболовецкий стан, реконструкция которого завершена в 2011 г.

Архитектурно-этнографический музей деревянного зодчества «Ангарская деревня», г. Братск

Музей был открыт в 1982 г. Созданию его предшествовало решение Министерства культуры РСФСР (1975 г.). Были определены источники финансирования создающегося музейного комплекса в виде долевого участия центра и региона. Научным руководителем проекта стал А. В. Ополовников. Проектирование велось с 1976 г. и закончилось в ноябре 1977 г. принятием эскизного проекта с небольшими поправками.

Место строительства музейного комплекса было определено на берегу Братского водохранилища в 12 км от г. Братска на мысу между заливами Солдатским и Пионерским. Под музей выделили земельный участок в 35 га. Территориально музей музейфицирует северо-западную часть Предбайкалья. Это территория трех историко-культурных зон: русской старожильческой ангаро-илимской, эвенкийской и частично бурятской. А пока в музее созданы экспозиции только двух этносов – русского и эвенкийского [7, с. 33 – 38]. Экспозиция русского старожильческого сектора – это однорядная сибирская деревня с окнами

домов красной линией дворов на улицу в сторону реки. Шесть крестьянских усадеб XIX в. с огородами, через улицу спускающимися к морю, ретроспективно-фрагментарно воссоздают сибирскую деревню среднего течения р. Ангары [12, с. 33 – 39].

За основу первого усадебного комплекса, заканчивающего однорядную застройку музея, была взята усадьба Скрипова второй половины XIX в. из д. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области. Вторым усадебным комплексом в музее является усадьба С. Б. Погодаева второй половины XVIII в. из д. Гарманка Усть-Илимского района Иркутской области. Третий усадебный комплекс воссоздает усадьбу Б. А. Пастухова первой трети XIX в. из с. Старо-Батурино. В 1980 г. изба перевезена в музей. В 1991 г. в музее была сформирована усадьба Непомилуева из д. Нижняя Шаманка Усть-Илимского района Иркутской области, перевезенная в музей в 1974 г. Усадьба датируется 1880 г. Пятый усадебный комплекс находится в стадии строительства. Основу его составляет однодворная усадьба с домом-связью, выполненным полностью в новоделе по аналогу дома Каморникова из д. Подъеланка.

Через дорогу напротив усадьбы Пастухова (№ 3) расположился торговый амбар конца XIX в. из д. Климово Нижне-Илимского района Иркутской области, перевезенный и смонтированный в музее в 1988 – 1989 гг. Напротив усадьбы купца Каморникова (№ 5), также через дорогу, расположилась кузница конца XIX в. из д. Христофорово Жигаловского района Иркутской области.

Продолжением деревни на запад стали: юго-западная башня Братского острога, построенная в 1654 г., церковь Михаила Архангела (1883 г.) из деревни Нижнекарелина Киренского района Иркутской области со звонницей на столбах, выполненная в новоделе по аналогу звонницы постройки 1910 г., перевезенная в музей и восстановленная в 1987 – 1991 гг.

Северо-восточную окраину русского сектора завершает мангаза конца XIX в. из д. Тушама Братского района Иркутской области.

На север от русского сектора в лесном массиве расположился эвенкийский этнический сектор, состоящий из летнего, осеннего, зимнего эвенкийского стойбищ, чума шамана и экспозиций эвенкийских захоронений. Во всем эвенкийском комплексе единственным строением-оригиналом является русский лабаз, сооруженный на дереве, перевезенный в музей с р. Каты [7].

Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН

В 1968 г. по инициативе А. П. Окладникова в качестве одного из подразделений Института истории, филологии и философии СО АН СССР был создан Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока [2, с. 40 – 42]. К началу 70-х гг. XX в. стало ясно, что для целого ряда памятников, планируемых к перевозке в музей, прежде всего архитектурных, требуются открытые площадки. Тогда и возникла идея создания музея под открытым небом. 14 июня 1979 г. постановлением Новосибирского областного Совета народных депутатов для музея под

открытым небом был выделен земельный участок площадью 46,5 га, располагающийся приблизительно в 4 км от Новосибирского научного центра. Музей задумывался как всесибирский, его экспозиции должны были формироваться на основе памятников уникального деревянного зодчества народов Сибири. Зонирование экспозиций предусматривалось провести по территориальному признаку. В музее планировалось создать западносибирскую и восточносибирскую экспозиции.

Постепенно концепция создания экспозиционных зон поменялась. В настоящее время концепция предполагает развитие музейного комплекса в двух направлениях. Первое – это организация исторического ядра с уже реставрированными архитектурными памятниками. В состав этой довольно небольшой экспозиционной зоны входят уже отреставрированные уникальные памятники деревянного зодчества: Спасо-Преображенская церковь XVIII в. из Зашиверска (в обиходе у специалистов называется просто Зашиверская церковь) с отдельно стоящей звонницей и вывезенный из Тюменской области фрагмент Казымского острога XVIII в. с р. Казым. Казымский острог отреставрировали в виде двух башен и части стены. В стадии реставрации находится усадьба русского крестьянина Восточной Сибири.

Второе направление предусматривает создание этнографических зон Западной и Восточной Сибири. Для этого в экспозиционную зону должны быть перевезены некоторые деревянные постройки народов Сибири, характерные для музеефицируемых территорий. При невозможности перевоза отдельных памятников деревянного зодчества в Новосибирский музей под открытым небом предполагается строительство полноразмерных макетов-копий. Скорее всего, последнее направление комплектования экспозиций новоделами при ныне существующей в РФ законодательной базе, запрещающей перевозку с исторических мест историко-культурных объектов, будет более реальным.

Официального открытия музея не проводилось, его посещение экскурсантами началось с 1980-х гг. Структурно он теперь входит в состав Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН.

Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница»

Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» представляет собой природный парк-музей, в состав которого входят: единственный в Сибири музеефицированный памятник-резерват древнего наскального искусства 4 – 1 тыс. до н. э.; архитектурно-этнографический комплекс транслированного типа – шорский улус Кезек; экспозиция-интерпретация жилищ древнего человека «Археодом»; Музей наскального искусства Азии и экспозиции-вариации на разные темы: «Время и календари»; «Мифология и эпос»; «Славянский мифологический лес»; архитектурно-этнографический комплекс «Русское сибирское село» [3, с. 126 – 129]. Основная идея музея – соединить музейными средствами историю, культуру и природу.

Размещение музейного комплекса в районе д. Писаная Кемеровской области на берегу р. Томи оказалось неслучайным. Это место уже более 300 лет привлекает исследователей, ученых и любознательных людей наскальными рисунками, которые датируются 4 – 2 тыс. до н. э. С исследованиями наскальных рисунков Томской писаницы связаны имена таких известных России и миру ученых, как Д. С. Мессершмидт, Ф. И. Табберт (Страленберг), Г. Ф. Миллер, В. Н. Татищев, С. П. Крашенинников, Г. И. Спасский, А. Брем, О. Финш, И. Т. Савенков, А. П. Окладников, А. И. Мартынов [4, с. 6 – 10; 5, с. 5 – 58].

Варварское отношение многочисленных неорганизованных туристов к наскальным рисункам Томской писаницы вынудило ученых и представителей общественности сформировать инициативную группу во главе с заведующим кафедрой археологии Кемеровского университета профессором А. И. Мартыновым по спасению уникальных рисунков, вернее, того, что от них осталось. Наилучшим вариантом в данном случае было создание музейного комплекса. С середины 80-х гг. XX в. началась проработка вариантов музейного комплекса. Результатом работы инициативной группы, поддержанной местной администрацией и Министерством культуры РСФСР, стало Постановление Совета Министров РСФСР № 51 от 16 февраля 1988 г. «О создании природного и историко-культурного музея-заповедника “Томская писаница” Управления культуры Кемеровского облисполкома». Под музейный комплекс выделили земельный участок лесопарковой зоны площадью 140 га.

В 1995 г. музей-заповедник «Томская писаница» официально принял своих первых посетителей. Основная идея музейного комплекса-парка как музея «открытого типа» – соединить в едином показе разнохарактерные элементы материальной и духовной культуры человека (археология, архитектура, этнография и т. д.) и уникальную природную среду. При этом на современном этапе функционирования музейный комплекс состоит из десяти самостоятельных экспозиционных комплексов.

В музее-заповеднике «Томская писаница» архитектурно-этнографический комплекс представлен четырьмя экспозициями, ретроспективно-фрагментарно моделирующими историко-культурную среду начала XX в. малой народности России шорцев, проживающей на юге Кемеровской области в Горной Шории: жилой поселок с транслоцированными постройками, промысловый стан и кладбище, комплекс «Русское сибирское село».

Первая экспозиция – «Поселок Кезек» – представлена одной шорской усадьбой. В состав экспозиции входит также дом шамана. Основные объекты экспозиции – оригиналы, вспомогательная инфраструктура – наполовину новоделы. Вторая экспозиция – «Шорское кладбище» – выполнена в новоделе.

Третья экспозиция под названием «Охотничье-промысловый стан» продолжает раскрытие темы материальной культуры шорцев. Данная экспозиция, как и первая, построена по методу транслоцирования в основном из построек, вывезенных из Горной Шории. Четвертая экспозиция – «Ясачное зимовье» – является

составной частью будущей экспозиции «Русское сибирское село».

Черкёхский мемориальный музей «Якутская политическая ссылка»

Создание музейных комплексов под открытым небом в Якутии неотделимо от имени народного писателя Якутии, Героя Социалистического Труда, общественного деятеля Дмитрия Кононовича Сивцева (Суоруна Омоллона). Вынашиваемая им идея сохранения исторической среды края в виде музея под открытым небом на значительном удалении от крупного города в 70-х гг. XX в., в принципе, была утопической. Проявив смекалку, Д. К. Сивцев тем не менее свою идею реализовал через вариант музея политической ссылки, в то время однозначно поддерживаемый властью. В 1977 г. в далеком якутском улусе Таттинском, на родине писателя, по его инициативе и при его непосредственном участии открывается черкёхский мемориальный музей «Якутская политическая ссылка». Фактически это архитектурно-этнографический комплекс транслоцированного типа с единственным экспонатом-резерватом – Никольской церковью [10, с. 32 – 34]. Музей располагается на территории в 11,5 га. В нем реставрировано 12 памятников деревянного зодчества. Все объекты музея были перенесены и восстановлены силами общественности улуса. Назовем эти экспозиционные объекты: дом революционера Т. Акимова (конец XIX в.), Таттинская Никольская церковь (1912 г.) – единственное здание, стоящее на своем месте, без переноса, Владимирская часовня (середина XIX в.), сибирка (конец XIX в.), юрта Э. К. Пекарского (середина XIX в.), юрта В. М. ИONOва (конец XIX в.), ураса деревянная (1867 г.), юрта-олонхо (конец XIX в.), летник семигранный с амбаром (конец XIX в.), поварня восьмигранная (конец XIX в.), крепость-амбар (середина XIX в.), мельница-топчанка (1932 г.) и другие реконструированные объекты. Несмотря на отдаленность музейного комплекса от крупных городских центров (от г. Якутска 270 км), его посещаемость составляет 2,5 тыс. человек в год.

Ленский историко-архитектурный музей-заповедник «Дружба»

В 1987 г. Д. К. Сивцев начал работу над новым проектом – созданием Ленского историко-архитектурного музея-заповедника «Дружба» в с. Сотинцы Усть-Алданского улуса. Постановление Совета Министров Якутии (№ 93) о создании историко-архитектурного музея-заповедника «Дружба» вышло 23 марта 1983 г. Музей открылся в 1994 г. Расположился он на месте первоначального основания русскими землепроходцами Ленского острога, будущего г. Якутска.

Территория музейного комплекса составляет 45 га. Экспозиционная концепция музея базируется на всестороннем освещении через памятники народной архитектуры и внутриобъектные экспозиции истории содружества и тесной связи русского и якутского народов. В музее 23 памятника и реконструированных (выполненных в новоделе) объекта. Это Спасо-Преображенская Зашиверская церковь (новодел), балаган, ураса, коч, дом купца Басова, шестиугольная изба-поварня, кумысный амбар, амбар Коньрина (1790 г.),

осадный амбар И. Пономарева (XVIII в.), здание школы (1872 г.), осадный амбар Кычкина, ветряная мельница, охотничья избушка и т. д. Концептуально музей является типичным архитектурно-этнографическим

комплексом транслоцированного типа. Годовая посещаемость музея составляет более 6 тыс. человек в год при его удаленности от г. Якутска на 70 км.

Литература

1. Букшпан, П. Я. Шушенское: путеводитель / П. Я. Букшпан. – М., 1984. – 202 с.
2. Майничева, А. Ю. К вопросу формирования музея под открытым небом в городе Новосибирске / А. Ю. Майничева // Пути сохранения и методы реставрации памятников деревянного зодчества. – Архангельск, 1990.
3. Мартынов, А. И. Музей-заповедник «Томская писаница» / А. И. Мартынов // Проблемы этнографического музееведения. – Омск, 1987.
4. Мартынов, А. И. Писаница на Томи / А. И. Мартынов. – Кемерово, 1988. – 55 с.
5. Мартынова, Г. С. Исследователи Томской писаницы / Г. С. Мартынова, А. Ф. Покровская. – Кемерово, 2000. – 68 с.
6. Никишин, Н. А. Концепция развития государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» / Н. А. Никишин. – Шушенское, 1983. – 124 с.
7. Павлов, А. А. Экспозиция эвенкийского сектора музея «Ангарская деревня» / А. А. Павлов // Тальцы. – 1998. – № 1(3).
8. Терентьева, В. И. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» / В. И. Терентьева // Тальцы. – 1998. – № 1(3).
9. Тиваненко, А. В. Этнографический музей народов Забайкалья: путеводитель / А. В. Тиваненко. – Улан-Удэ, 1984. – 64 с.
10. Тишина, Т. Музей-заповедник в селе Черкех / Т. Тишина // Декоративное искусство СССР. – 1980. – № 7.
11. Хомосов, С. Р. Этнографический музей-заповедник народов Забайкалья / С. Р. Хомосов, Р. Г. Савельева // Материальная культура и искусство народов Забайкалья. – Улан-Удэ, 1982.
12. Шевгенина, Л. А. Ангарская деревня / Л. А. Шевгенина, В. М. Семенов // Тальцы. – 1997. – № 1(2).
13. Янгутова, Е. Е. Этнографический музей народов Забайкалья / Е. Е. Янгутова // Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях. – Иркутск, 1995.

Информация об авторе:

Тихонов Владимир Викторович – кандидат культурологи, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», Иркутск, 89041123508, eukolganova@gmail.com.

Vladimir V. Tihonov – Candidate of Culturology, Head of the *Taltsy* Architectural and Ethnographic Museum, Irkutsk.

УДК 7.033.5(44)1+7.046.3:246

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ТЕМЫ ЕВХАРИСТИИ В ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ЗАПАДНОГО ФАСАДА БАЗИЛИКИ СЕН-ДЕНИ XII ВЕКА

Е. А. Хрипкова

VISUALIZATION OF THE EUCHARISTIC THEME IN THE 12th-CENTURY ICONOGRAPHIC PROGRAMME FOR THE WEST FAÇADE OF THE SAINT-DENIS BASILICA

E. A. Khripkova

В статье рассматривается репрезентация темы Евхаристии в иконографической программе западного фасада базилики Сен-Дени двенадцатого века – первого памятника готической эпохи.

Автор анализирует иконографическое решение образа Христа тимпана центрального портала западного фасада, высказывает гипотезу о путях создания этой иконографии и показывает, что главной особенностью программы центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени, проясняющей специфику представления образа Господа в тимпане, стала попытка визуализации евхаристической молитвы.

The article is devoted to the representation of the eucharistic theme in the 12th-century iconographic program for the west facade of the Saint-Denis basilica – the first monument of the Gothic epoch. The author analyzes the iconographic decision for the Christ's image of the central portal on the West facade and states the hypothesis about the ways of creating this piece of iconography. The author also shows the main feature of the central portal programme explaining the specificity of representation of the Lord's image in the tympan which is an attempt to visualize the Eucharistic Prayer.

Ключевые слова: базилика Сен-Дени, аббат Сугерий, образ Христа, иконографическая программа, евхаристическая молитва.

Keywords: Saint-Denis basilica, abbot Suger, Christ's image, iconographic programme, the Eucharistic Prayer.

Аббатская церковь Сен-Дени, перестройка которой, задуманная и частично осуществленная аббатом Сугерием во Франции в 40-е годы XII столетия, известна в истории искусства как место рождения готического стиля, положившего начало новой эпохе в культуре западноевропейского Средневековья. Надо отметить, что в течение многих десятилетий исследования базилики Сен-Дени вызывают живой интерес и порождают научные дискуссии [1, с. 183 – 198; 2; 3; 4, с. 209 – 266; 7, с. 317 – 349; 8, с. 568 – 595]. Однако, несмотря на пристальное внимание, уделяемое данному памятнику западноевропейскими и американскими исследователями, вопросы интерпретации иконографической программы Сугерия не разрешены [1, 2].

Одной из интереснейших проблем при этом остается программа трех порталов западного фасада, перед которым как перед «вратами Неба» останавливался каждый входящий в храм [3, р. XVIII, 109, 113]. Образ Господа в центральном портале западного фасада является при этом одним из самых загадочных элементов сугериевской программы и одновременно ключом к ее пониманию.

В центре тимпана центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени (рис.1) представлен Господь, восседающий на странном невидимом троне. Нижняя часть его фигуры окружена полумандорлой, верхняя же распростерта на кресте. Рядом под горизонталью креста с двух сторон от Иисуса, стоят Богоматерь и Св. Иоанн подобно тому, как они изображаются обычно в сцене Распятия. С двух сторон от Богоматери и св. Иоанна располагаются апостолы, разбитые на небольшие группы и общающиеся между собой. П. Джерсон рассматривает их в контексте Страшного Суда как готовящихся судить 12 колен Израилевых [1], С. М. Кросби и П. Блам расценивают эту сцену как апостольскую беседу [4]. Руки Христа раскинуты по горизонтали креста и держат развернутые свитки с надписями: в правой руке: «VENITE

BENEDICTI PATRIS MEI», в левой – «DISCEDITE A ME MALEDICTI». Как указывают С. М. Кросби и П. Блам, эти надписи на свитках относятся к XIX веку [4]. Тимпан разделен на ярусы, в верхней части – ангелы, один из которых держит терновый венец, который также является вставкой XIX века [4, р. 218]. В нижней части тимпана располагается узкий фриз восстающих из гробов, где с левой стороны у ног Христа мы видим коленопреклоненного аббата Сугерия. В центре первого архивольта представлено как «Христос принимает две души», которые подносят ему ангелы [2, р. 37], в центре второго архивольта сразу над изображением Христа – трубящие ангелы. Над ними изображена композиция Троицы: в третьем архивольте Бог – Отец держит диск с Агнцем, за которым возникает образ креста, в четвертом архивольте парит голубь Св. Духа в окружении ангелов, венчая всю композицию портала.

Общепризнанная интерпретация иконографии центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени – сцена Страшного суда. Однако также хорошо известно, что это не есть «Страшный Суд» в его классическом представлении, а достаточно сложная композиция, «обогащенная другими иконографическими элементами» [7]. При этом ряд иконографических формул, использованных Сугерием в этой сцене, так и не был понят до конца [1, 2]. Особую проблему составляла интерпретация образа Христа, сидящего на странном невидимом троне в полумандорле, и повторение его образа в архивольте сразу над Христом тимпана (рис. 1).

П. Джерсон была предложена интерпретация иконографии центрального портала на основании текстов Нового Завета. Для объяснения образов центрального портала она использует Евангелие от Матфея, Евангелие от Иоанна и Апокалипсис, традиционно полагая, что визуальные образы портала представляют Страшный суд в конце времен [1].

Рис. 1. Тимпан и архивольты центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени (фрагмент)

Рис. 2. Св. Троица. Иконографический тип «Престол благодати», Вена, Библиотека Альбертина (Cod. Vind. 775, f. 1v), после Ф. Бозспфлюга и И. Залуски

Указанная работа П. Джерсон не потеряла своей актуальности и в настоящее время, хотя при этом она сама признает недостаточность предложенных ею интерпретаций для полного объяснения иконографической схемы Сугерия [1].

К. Рудольф в своих работах [2; 8] пытается показать связи программы Сугерия, и в частности, центрального портала и всего скульптурного ансамбля западного фасада с идеями и произведениями Гуго Сен-Викторского, однако ввиду отсутствия документов, подтверждающих возможные контакты аббата Сугерия и монаха аббатства Сен-Виктор, участие Гуго в создании программы базилики Сен-Дени обречено оставаться в области гипотез.

Э. Браун, описывая иконографию центрального портала, тоже признает в нем доминирующую тему Страшного Суда, восходящую к тексту Евангелия от Матфея [9, р. 91 – 103]. Однако, отмечая отсутствие ряда характерных особенностей иконографии Страшного Суда, она выдвигает предположение, что в тимпане изображен момент перед его началом. В любом случае интерпретации, предложенные западными учеными, оставляют это иконографическое решение дискуссионным [1; 2; 8; 9].

В результате ряда исследований нами было предложено дополнить интерпретацию образа Господа в тимпане на основе новозаветных текстов, предложенную П. Джерсон [1], фрагментами ветхозаветного текста Книги пророка Исайи, что позволило прояснить ряд непонятных фрагментов иконографии портала [10, с. 32 – 41; 11, с. 179 – 190]. Кроме того, при подробном рассмотрении его иконографической программы стало понятно, что фигуративное поле портала практически все прошито типологическими связями, создающими сложную многоуровневую смысловую структуру этой программы, составленной на основе типологически взаимосвязанных текстов Священного Писания. Именно на них следует опираться при анализе “странных” иконографических формул Сугерия, “странность” которых как раз и позволяет выявить соответствие между образом и текстом. При этом было показано, что Страшный суд не является единственной и доминирующей темой в иконографии этого портала, а представляет собой всего лишь одну из иконографических линий этой сложной «синтетической» монументальной программы [10; 11].

Целью настоящей работы является обоснование представления о том, что главной особенностью программы центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени, окончательно проясняющей специфику представления образа Господа в тимпане, стала попытка визуализации литургического процесса, а именно последовательных этапов евхаристической молитвы.

В основу настоящей работы положены результаты изучения манускриптов, использовавшихся в аббатстве в период административной деятельности Сугерия [12, с. 163 – 180], выявленные Ф. Боэспфлюгом и И. Залуской тенденции в формировании тринитарных иконографических схем [13, с. 181 – 240], а также результаты изучения литургии аббатства Сен-Дени [14] и сопоставления образов портала с иллюстрациями и

содержанием текстов молитв, которые регулярно использовались при проведении Евхаристии.

Исследование процессов формирования тринитарной иконографии показало, что период создания программы базилики Сен-Дени (40-е годы XII века) относится ко времени особого интереса к проблеме визуализации образа Господа «в Троице воспеваемого» [15, с. 301]. Поиск иконографического решения образа Троицы в конце XII – начале XIII века привел к созданию ряда устойчивых тринитарных иконографических типов, одним из которых является композиция «Престол Благодати» («Trône de grace») – представление Восседающего Отца, держащего в руках крест с распятым Сыном, между которыми парит Голубь Св. Духа [13] (рис. 2). Следует отметить, что в процессе формирования западной тринитарной иконографии долгое время два Лица Троицы – Отец и Сын – изображались без Голубя Св. Духа, образуя композицию, названную Бинитэ Псалтири (Binité du Psautier). Эта композиция постепенно догматизировалась добавлением Голубя между Отцом и Сыном, образуя Троицу Псалтири [13].

Исследования Ф. Боэспфлюга и И. Залуски показали, что группа образов «Бинитэ Псалтири» проявляет ряд тенденций, которые позволяют проследить ход иконографической мысли: объединение фигур, представляющих Отца и Сына внутри одной мандорлы, тенденция к соединению этих фигур в один образ, работа с верхней и нижней частью фигуры Христа, демонстрация полуобнаженного тела Спасителя [13]. Учитывая эти тенденции при рассмотрении иконографического решения образа Господа в композициях, созданных Сугерием в программе декорации базилики Сен-Дени, было выявлено, что тринитарный характер носит не только представление образа Господа в двух внешних архивольтах центрального портала (композиция, известная как «Троица в архивольтах») и образа Господа в витражном панно «Квадрига Аминодава», как считалось ранее [13; 16], но и, как показали результаты исследования, репрезентация образа Господа в тимпане центрального портала западного фасада [17, с. 1 – 14].

Таким образом, применение результатов исследования тринитарной иконографии IX – XIII веков к иконографической программе базилики Сен-Дени показало, что репрезентация Образа Господа в тимпане центрального портала также может рассматриваться как вклад Сугерия в формирование тринитарной иконографии, в частности в создание иконографического типа «Престол Благодати» [17].

Как было отмечено Ф. Боэспфлюгом и И. Залуской [13, р. 202 – 207], иконографическая схема «Престол Благодати» оставляет по меньшей мере две нерешенные проблемы: что считать первым примером этого иконографического типа и каким образом этот тип сформировался? Э. Маль отдавал пальму первенства витражу «Квадрига Аминодава» из Сен-Дени (ок. 1144) [16, р. 183], созданному на три года позднее композиции центрального портала западного фасада Сен-Дени. Однако он указывал также, что близкой по времени витражу Сен-Дени можно считать миниатюру Евангелия из муниципальной библиотеки Труа (Troyes, BM, ms.2251, f. 2v), происходящего из аббат-

ства Нотр-Дам-о-Нонен. Л. Гродески считал, что миниатюра Евангелия из Сен-Мишель де Кюкса (Perpignan BN, ms.1, f. 2 v.) возникла намного раньше (ок. 1100) [18, р. 66 – 67]. Третьим претендентом на роль первого образца является миниатюра из миссала Камбрэ (Cambrai, BM, ms.234, f.2), который датируется первой половиной XII столетия [13, р. 202].

По вопросу генезиса иконографического типа «Престол Благодати» у исследователей нет единого мнения [13, р. 202 – 207]. Некоторые считают, что он возник в результате эволюции композиции «Маэста» или трансформации иконографического типа «Отечество», другие рассматривают его как наиболее вероятную версию получения этого типа в результате наложения композиций «Маэсты» и «Распятия», часто следующих друг за другом в тексте сакраментариев и миссалов, а точнее «размещения Христа на кресте между коленями Восседающего» и последующей адаптации рук последнего [13, р. 205]. Но при этом, как отмечают Ф. Боэсплюг и И. Залуска, промежуточных примеров такого рода не найдено [13, р. 202 – 207].

Следует отметить, что обычно в композиции «Престол Благодати» при полном сохранении смысловой нагрузки образов масштабы изображений сильно отличаются. Отец, или Господь Восседающий, почти вдвое больше распятого Сына (рис. 2). Однако в иконографической схеме тимпана центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени эта разница масштабов практически отсутствует (рис. 1). Поэтому в данном случае версия о формировании образа Господа посредством наложения композиций «Маэсты» и «Распятия» является еще более вероятной, чем в случае иконографической схемы «Престол Благодати» классического типа.

Ход литургического процесса подтверждает эту гипотезу, поскольку возгласение *Sanctus* и молитва

Te igitur, которые иллюстрируют листы миссалов, также следуют одна за другой в структуре евхаристической молитвы в Римской литургии [19, с. 1771 – 1773; 20]. При этом сначала читается молитва *Praefatio*, за которой следует возгласение *Sanctus* (иллюстрируемое обычно композицией «Господь во Славе»), затем следует молитва к Отцу *Te igitur* (иллюстрируемая сценой Распятия), в которой священник просит Бога стать главным совершителем таинства Евхаристии [20].

Важно отметить, что идея соединения следующих друг за другом композиций в миссалах и сакраментариях, иллюстрирующих ход евхаристической молитвы, не относится к числу собственных изобретений Сугерия. Она всего лишь оказывается в русле уже существовавшей тенденции, проявлявшей себя на протяжении нескольких столетий. Существование подобной тенденции отмечено западными исследователями в контексте изучения генезиса тринитарного иконографического типа «Престол Благодати» [13]. Эту тенденцию мы можем проследить на примерах, относящихся к периоду с IX по XII века. При этом композиция «Господь во славе» (Маэста), как правило, иллюстрирует ангельский гимн *Sanctus*, а сцена Распятия – молитву *Te igitur* (рис. 3).

Однако наряду с изображением *Te igitur* в виде сцены Распятия существовали и другие способы представления этой молитвы. В сакраментарии св. Максимиана X века, например, для иллюстрации *Te igitur* отводится два листа (Sacramentaire de Saint Maximin de Trèves; Paris, BN, Ms. lat. 10.105, f. 8 и f. 9).

На первом листе (f. 8) изображен инициал «Т» и начало молитвы (*Te igitur, clementissime Pater*), следующий лист (f. 9) представляет продолжение текста (*per Iesum Christum Filium tuum Dominum nostrum, supplices rogamus*) и иллюстрирован сценой Распятия.

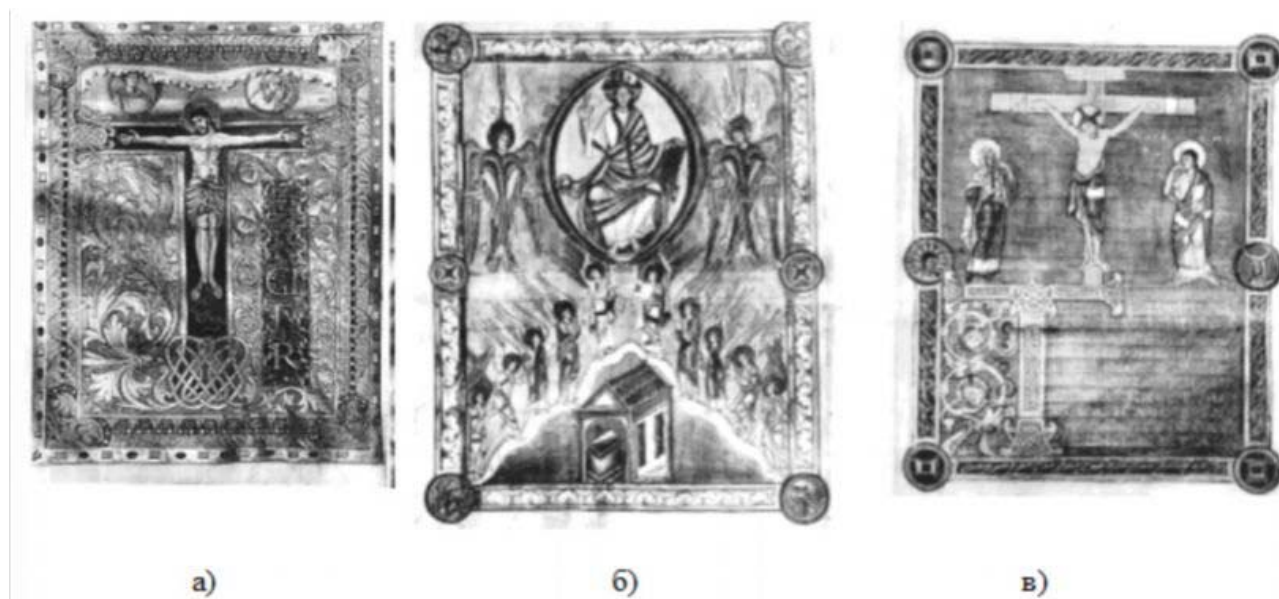

Рис. 3. Представление молитвы *Te igitur* и возгласения *Sanctus*:
 а - *Te igitur*, Сакраментарий Карла Лыского, IX в., (Paris, BN, Ms. lat.1.141, f.6 v°);
 б - *Sanctus*, Сакраментарий Сен-Дени, XI в. (Paris, BN, ms. lat. 9.436, f.15 v°);
 в - *Te igitur*, Сакраментарий Сен-Дени, XI в. (Paris, BN, ms. lat. 9.436, f.16)

Сакраментарий аббатства Сен-Дени (*Sacramentaire de Saint-Denis*, Paris, BN, ms. lat. 9.436, XI в.), который довольно часто использовался в аббатстве в период администрации Сугерия [14], содержит страницу (f. 15v), где возгласие *Sanctus* иллюстрировано видением Исайи (Исайя 6:1-3) [5, с. 1233; 6]. В этой иллюминации фигура Господа во славе в окружении херувимов занимает только верхнюю половину листа (рис. 3б), а престол Господа напоминает изображение полумандорлы в тимпане центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени. На следующем листе (f. 16) в той же верхней половине и в том же масштабе расположена сцена Распятия, а в нижней части этого листа размещен текст *Te igitur*, начинающийся инициалом «Т» (рис. 3в). Таким образом, в этом случае текст молитвы представлен уже на одном листе, но двумя различными изображениями. При этом положение провисающих рук Спасителя в сцене Распятия, изображенной на листе 16 этой рукописи, отличается от такового в тимпане центрального портала Сен-Дени и требует адаптации. Но эта задача вряд ли представляла сложность, так как в момент создания тимпана Сен-Дени существовало немало примеров иллюстрации молитвы *Te igitur* в виде сцены Распятия (рис. 3а) среди знаменитых каролингских [21, р. 42, 81, 119, 210] и оттоновских рукописей [22, р. 42, Pl. XVII]. В этих изображениях руки Спасителя были раскинуты строго по рукам креста (*Sacramentaire de Gellone*, BNF, ms. Lat. 12048, f. 143v., *Sacramentaire de Charles le Chauve*, BNF, ms. Lat. 1.141, f. 6 v° и др.). Хорошо известно, что с начала христианской эры знак «Т» (греческая буква «тау») ассоциировался с крестом и распятием. Но «для средневековой образности не было ничего более естественного, как трансформировать геометрический абстрактный знак в изображение антропоморфное» [22, р. 42].

Следует отметить, что сакраментарий Сен-Дени (*Sacramentaire de Saint-Denis*, Paris, BN, ms. lat. 9.436) включает также миниатюру, представляющую сцену приращения Христом Св. Дионисия в тюрьме накану-

не казни, которая также является важнейшим сюжетом в программе западного фасада базилики Сугерия. Вряд ли можно утверждать, что миниатюры из сакраментария Сен-Дени послужили буквальными образцами для создания скульптурных образов западного фасада, но то, что эта рукопись могла стать источником идейного вдохновения Сугерия и существенным подспорьем в создании его программы – вполне вероятно.

Среди возможных вариантов иллюстрации молитвы *Te igitur* существуют иконографические схемы, включающие в себя и представление *Sanctus*. В иллюминации из миссала муниципальной библиотеки Дуэ (*Missel d'Anchin*, Bibl. mun., ms. 90, t. I, fol. 60 v°) визуальное представление *Sanctus* и *Te igitur* соединяется на одном листе посредством изображения Маэсты и начальных строк текста молитвы *Te igitur* (рис. 4).

Особенно интересный пример соединения иконографических схем, иллюстрирующих *Sanctus* и *Te igitur* демонстрирует Сакраментарий из Совиньи XII века (*Sacramentaire de Souvigny*, Bibl. mun. de Moulins, ms. 14, f. 33) (рис. 5). Иллюминация представляет инициал Тау («Т»), начинающий текст *Te igitur*, в верхнюю половину которого вписана композиция Господа во славе, в виде полной мандорлы с фигурой восседающего и благословляющего Господа, держащего книгу в руке. В нижней части инициала изображен шестикрылый серафим, поддерживающий мандорлу, а в четырех медальонах, расположенных по двое в руках креста, размещены фигуры, символизирующие четырех евангелистов.

Кроме того, как отмечают Ф. Боэспflug и И. Залуска, существуют примеры (хотя они немногочисленны), когда представления тринитарного иконографического типа «Престол Благодати», тесно связанные с Евхаристией, соединяются с инициалом «Т» и также служат для иллюстрации молитвы *Te igitur* [13, р. 204]. К таким примерам относятся изображение из миссала Камбрэ (*Cambrai*, BM, ms. 234, f. 2) и иллюминация в манускрипте, хранящемся в Вене (Альбертина, Cod. Vind. 755, f. 1v) (рис. 2).

Рис. 4. Господь во славе (*Missel d'Anchin*, Douai, Bibl. mun., ms. 90, t. I, fol. 60 v)

Рис. 5. Соединение иллюстраций *Sanctus* и *Te igitur* (*Sacramentaire de Souvigny*, Bibl. mun. de Moulins, ms. 14, f. 33)

Возвращаясь к тимпану центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени, следует отметить, что основная идея наложения образов Господа во славе и Распятия при создании тимпанной композиции могла возникнуть именно в связи с главной задачей – идеей визуализации евхаристической молитвы, которая «носит ярко выраженный тринитарный характер, так как в молитве перед эпиклесисом упоминаются все ипостаси Пресвятой Троицы и их роль в деле спасения» [19].

В композиции западного фасада Сен-Дени в явном виде присутствуют обе темы – тема Троицы в двух верхних архивольтах центрального портала и тема Евхаристии в правом портале. Однако композиция тимпана центрального портала соединяет в себе обе эти темы, представляя хорошо узнаваемые для посвященных этапы евхаристической литургии: *Sanctus* и *Te igitur*.

При этом содержание ангельского гимна *Sanctus* составляет не что иное, как соединенные в единое целое фрагменты из текстов Книги Пророка Исайи (6:3) и Евангелия от Матфея (21:9), следующие друг за другом [23]. Первая часть гимна «Свят, Свят, Свят

Господь Бог Саваоф. Полны небеса и земля славы Твоей» восходит к третьему стиху шестой главы Книги Пророка Исайи (Исайя 6:3): «И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» [5, с. 1233; 6]. Вторая фраза «Осанна в вышних! Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» представляет собой переработанную цитату из Евангелия от Матфея (Матфей 21:9): «народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!» [5; 6].

Дальнейшая разработка композиции тимпана, по всей видимости, была выполнена с опорой на оба эти текста, что позволило создателю программы визуализировать не только основные точки библейской истории, но и буквальное определение типологии в соответствии с пониманием Св. Августина: «Quapropter in veteri Testamento est occultatio novi, in novo Testamento est manifestatio veteris» («В ветхом Завете скрывается новый, в новом Завете проявляется ветхий») [24, с. 309 – 348].

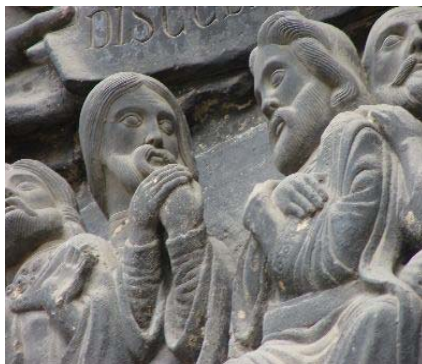

Рис. 6. Фрагмент тимпана центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени: апостолы, ожидающие Причастия Св. Тайн

При этом связь образов тимпана с евхаристической молитвой однозначно демонстрируют жесты апостолов, сидящих вокруг Христа, поскольку руки некоторых из них сложены в ожидании причастия Христовых Тайн (рис. 6). Следует отметить, что в своей работе, посвященной изучению языка средневековых жестов, Ф. Гарнье указывает [25, р. 184 – 185], что жест рук, сложенных на груди, следует интерпретировать в зависимости от ситуации как искренность, чистосердечность, углубленность в себя, согласие или готовность к восприятию чего-либо. При этом жест рук, скрещенных на груди, однозначно интерпретируется как готовность принять что-либо. Отсюда можно предположить, что в тимпане центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени мы сталкиваемся с попыткой представления темы вневременной небесной литургии и разработкой латинского варианта репрезентации темы «Причастия апостолов», получившей с XI века широкое распространение в программах, украшающих апсиды византийских, славянских и грузинских храмов [26, с. 107].

Рис. 7. Фрагмент тимпана правого портала западного фасада базилики Сен-Дени. Христос протягивает облатку Св. Дионисию

Завершая перестройку нового хора и крипты своего храма, Сугерий мечтал о том, что во время церемонии освящения базилики повторится событие, которое, согласно легенде (очень почитаемой в аббатстве), произошло при освящении старой базилики Сен-Дени во времена короля Дагоберта. Согласно этой легенде Христос спустился с небес и освятил храм, благодаря чему каждый камень этого строения почитался как величайшая реликвия.

Сцена в правом портале западного фасада базилики Сугерия представляет сюжет из жития Св. Дионисия, где Господь, спустившись с небес на облаке в окружении ангелов, вручает облатку Св. Дионисию. Таким образом Христос Сам проводит таинство Евхаристии, как бы буквально отвечая на прошение священника *Te igitur* (рис. 7). В левом портале была представлена сцена небесная (согласно гипотезе П. Блам – Коронование или Триумф Девы), которая символизирует торжество Церкви на небе и на земле [27, с. 199 – 227].

Вполне вероятно, что таким способом аббат Сугерий буквально визуализирует идеи, выраженные им в

De Consecratione, о том, что при освящении его новой базилики (как некогда при короле Дагоберте) Господь Сам примет участие в литургической церемонии [28, р. 114 – 115]. При этом аббат отмечает, что два хора, которые пели одновременно в крипте и в верхнем хоре, звучали в такой единой гармонии, что их пение напоминало «скорее симфонию ангельскую, нежели человеческую». Подобная гармония, как известно, есть проявление присутствия Господа, который, по словам Сугерия, посредством таинства Евхаристии соединяет «материальное и нематериальное, телесное с духовным, человеческое с Божественным», объединяя «нас и природу ангелов, Небеса и землю в единое Государство» [28, р. 120 – 121].

Таким образом, хотя присутствие фрагментов из Книги пророка Исайи весьма существенно для визуализации идеи типологии (под термином «типология» в данном случае подразумевается библейская типология, или типологическое сопоставление текстов Ветхого и Нового заветов, демонстрирующее одну из важнейших идей христианской доктрины – идею согласия двух заветов, составляющих Священное Писание) в программе базилики Сугерия и позволяет пред-

ставить в программе западного фасада три важнейшие точки библейской истории: ее Начала в образе Господа-Творца, развернувшего небеса «как свиток книжный» (Исайя 34:4) [5, с. 1233], ее Конца в виде Страшного Суда и важнейшего переломного момента этой истории – крестной жертвы Христа – оно лишь является необходимым дополнением библейской текстуальной основы этой сложной монументальной программы. Однако необычное представление образа Господа в тимпане центрального портала, как следует из результатов выполненных исследований, объясняется соединением образов, иллюстрирующих последовательность текстов евхаристической молитвы, по аналогии с тем, как это происходило в иллюминациях миссалов и сакраментариев, по которым проводилось богослужение.

Таким образом, можно констатировать, что именно визуализация важнейшего фрагмента евхаристического богослужения стала квинтэссенцией программы западного фасада базилики Сен-Дени и разгадкой уникального представления образа Господа в тимпане его центрального портала.

Литература

1. Gerson, P. L. Suger as Iconographer: The Central Portal of the west facade of Saint-Denis / P. L. Gerson // A Symposium / Ed. P. L. Gerson. – 1987.
2. Rudolph, C. Artistic Change at St-Denis. Abbot Suger's program and the early twelfth-century controversy over art / C. Rudolph. – Princeton: New Jersey: Princeton University Press, 1990. – 119 p.
3. Simson, O. von. The gothic cathedral. Origins of Gothic architecture and the medieval concept of order / O. von Simson. – Princeton: Princeton University Press, 1989. – 282 p.
4. Crosby, S. McK. Le Portail central de la facade occidentale de Saint-Denis / S. McK. Crosby, P. Z. Blum // Bulletin Monumental. – 1973. - V. 131.
5. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета (канонические) // Синодальный перевод 1876 г., сверен с еврейским текстом Ветхого Завета и греческим текстом Нового Завета. – М.: Российское библейское общество, 2002.
6. Vulgata // La Bible online [Electronic resource]. – Electronic data. – Lyon: Premium, 1990 – 2004. - 1 el. optical disk (CD-ROM): Premium.
7. Klein, P. Programmes eschatologiques, fonction et réception historiques des portails du XIIe s.: Moissac - Beaulieu - Saint-Denis / P. Klein // Cahiers de Civilisation Médiévale. – 1990. – T. XXVIII.
8. Rudolph, C. Inventing the Gothic Portal: Suger, Hugh of Saint Victor, and the Construction of a New Public Art at Saint-Denis / C. Rudolph // Art History. – 2010. - V. 33. - N 4.
9. Brown, E. A. R. Saint-Denis, la basilique / E. A. R. Brown trad. de l'anglais par Divina Cabo. - Zodiaque, 2001. – 470 p.
10. Хрипкова, Е. А. Авторское право и создание иконографических программ. Анализ некоторых аспектов его использования / Е. А. Хрипкова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2007. - № 12.
11. Хрипкова, Е. А. Слово и Образ: опыт реконструкции иконографической программы западного фасада базилики Сен-Дени / Е. А. Хрипкова // Вестник РГГУ. – 2009. - № 15.
12. Stabl, H. The problem of Manuscript Painting at Saint-Denis During the Abbacy of Suger / H. Stabl // A Symposium / Ed. P. L. Gerson. - 1987.
13. Boespflug, F. Le dogme trinitaire et l'essor de son iconographie en Occident de l'époque carolingienne au IVe Concile du Latran (1215) / F. Boespflug, Y. Zaluska // Cahiers de Civilisation Médiévale. - 1996. – T. XXXVII. - № 3.
14. Walters, A. E. Music and Liturgy at the Abbey of St.-Denis, 567 – 1567: A Survey of the Primary Sources: Ph. D. diss / A. E. Walters; Yale University. - New Haven, 1984. - 585 p.
15. Деяния вселенских соборов: в 7 т. / изд. в рус. переводе при Казанской Духовной Академии. –3-е изд.. – Казань: Центральная типография, 1909. - Т. 7. - 332 с.
16. Mâle, É. L'art religieux du XII siècle en France. Étude sur les origines de l'iconographie du Moyen Âge / Émile Mâle. – Paris: ed. A. Colin, 1998. – 526 p.
17. Хрипкова, Е. А. Визуализация догматических концепций в иконографической программе западного фасада базилики Сен-Дени XII века / Е. А. Хрипкова // Артикульт. – 2011. - № 1. – Режим доступа: <http://articult.rsuh.ru/article.html?id=1555133>

18. Grodecki, L. Études sur les vitraux de Suger à Saint-Denis (XII siècle) / Louis Grodecki; Éd.C.Grodecki. – Paris: Presses de l'Université de Paris. – Sorbonne, 1995. – 151 p.
19. Лупандин, И. Евхаристическая молитва / И. Лупандин, Т. Шишова // Католическая энциклопедия. – М.: Изд-во Францисканцев, 2002. – Т. 1. – Режим доступа: http://www.toletanus.ru/?id=bibliotheca.read.2.Evxaristicheskaia_molitva
20. Fortescue, A. Canon of the Mass / Adrian Fortescue // The Catholic Encyclopedia. – Electronic data. – New York: Robert Appleton Company, 1908. – Vol. 3. – Mode access: <http://www.newadvent.org/cathen/03255c.htm>
21. Laffite, M.-P. Trésors carolingiens. Livres manuscrits de Charlemagne à Charles le Chauve / M.-P. Laffite, Ch. Denoël, M. Besseyre. – Paris: Bibliothèque nationale de France, 2007. – 239 p.
22. Pächt, O. L'enluminure médiévale / O. Pächt. – Paris: Macula, 1997. – 224 p.
23. Fortescue, A. Sanctus / Adrian Fortescue // The Catholic Encyclopedia. – New York: Robert Appleton Company, 1912. – Vol. 13. – Mode access: <http://www.newadvent.org/cathen/13432a.htm>
24. Sancti Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi, Opera omnia. De Catechizandis Rudibus / Aurelii Augustini, Hipponensis // Patrologiae cursus completus. Series Latina. in 217 tom. / ed. J. P Migne. – Paris : n. p., 1845. – Т. 40.
25. Garnier, F. Le langage de l'image au Moyen Âge. Signification et Symbolique / F. Garnier. – Paris: Le Léopard d'Or. – 1982. – 263 p.
26. Лазарев, В. Н. Мозаики Софии Киевской / В. Н. Лазарев. – М.: Искусство, 1960. – 212 с.
27. Blum, P. Z. The Lateral Portals of the west Facade of the Abbey Church of Saint-Denis. Archeological and iconographical considerations / P. Z. Blum // A Symposium / ed. P. L. Gerson. – 1987.
28. Suger. Libellus alter de consecratione ecclesiae Sancti Dionysii (De Consecratione) / Suger; trans. E. Panofsky // Abbot Suger on the Abbey Church of St. Denis and Its Art Treasures / Éd. E. Panofsky. – Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1979. – 285 p.

Примечание: ксероксы миниатюр для рис. 3, 4, 5 взяты из сборника: Lerouguais V. Les sacramentaires et les missels manuscrits des bibliothèques publiques de France. – Paris: de Protat frères, 1924. – Т. 4, рис. 3 – pl. XV, XXX, XXXI, рис. 4 – pl. XLIII, рис. XLI.

Информация об авторе:

Хрипкова Елена Авенировна – преподаватель кафедры всеобщей истории искусства факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета, Москва, 8-903-212-56-97, elenasamary@gmail.com, samary@inbox.ru.

Elena A. Khripkova – Lecturer at the Department of Art History, Russian State University for the Humanities, Moscow.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.248: 519.6

МНОГОКРИТЕРИАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМ ОБСЛУЖИВАНИЯ С ОТКАЗАМИ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ВХОДЯЩИХ ПОТОКОВ

В. А. Чекменев., Т. Д. Чекменева

MULTICRITERIAL OPTIMIZATION FOR QUEUEING SYSTEMS WITH REFUSALS OPERATING AT COMPETITIVE INPUT FLOWS

V. A. Chekmenev, T. D. Chekmeneva

В статье рассматривается подход к оптимизации функционирования систем обслуживания, основанный на принципах устойчивости, выгодности и справедливости при распределении заявок на обслуживание от разных клиентов. Ставится задача многокритериальной оптимизации, для решения которой применяются методы теории игр. Получены аналитические решения для ряда систем обслуживания с отказами.

The article describes an approach to optimizing of the functioning of queueing systems based on the principles of sustainability, profitability and equity in the allocation of support requests from different clients. The main goal is multicriterial optimization by methods of the theory of games. Analytical solutions for some of queueing systems with refusals have been obtained.

Ключевые слова: системы массового обслуживания, многокритериальная оптимизация, теория игр.

Keywords: queueing systems, multicriterial optimization, theory of games.

Введение

При исследовании информационных систем различного назначения и их оптимизации традиционно руководствуются принципом однозначности цели, т. е. качество функционирования рассматриваемой системы описывается только одной целевой функцией. Однако существование конкуренции между входящими потоками информации, наличие неопределенностей, порождаемых стохастической природой поступающих в систему потоков, неполнотой знаний о состоянии каналов передачи, наличием нескольких целевых функций и т. п. требует новых подходов к исследованию и оптимизации таких систем. При этом основными чертами оптимальности следует считать интуитивные представления об устойчивости, выгоды и справедливости принимаемых решений для всех пользователей информационной или обслуживающей системы [1].

В данной работе даётся постановка и аналитическое решение задачи анализа и оптимизации ряда математических моделей информационных систем, описываемых системами массового обслуживания (СМО) с отказами, с точки зрения новых подходов, предложенных в нашей работе «Оптимизация управления СМО с конкурирующими потоками» [2].

Постановки задач для разных типов систем отличаются числом каналов (рассматриваются двух- и многоканальные системы), а также законами распределения времени обслуживания (экспоненциальным и произвольным с известными первыми моментами). Общим для всех задач является предположение о входящих потоках, которые образуются разными пользователями. Приведем общую часть постановки задачи оптимизации распределения заявок по каналам обслуживания с точки зрения минимизации числа отказов.

Постановка задачи. Рассмотрим систему массового обслуживания (СМО) с отказами с m (в общем случае), параллельно функционирующими обслуживающими приборами (каналами). На вход СМО поступают n независимых простейших потоков интенсивности λ_i ($i=1, \dots, n$). Будем считать, что требования (заявки) каждого потока генерируются отдельным лицом (пользователем) A_i ($i=1, \dots, n$). Пользователь A_i направляет свои требования на каждый обслуживающий прибор с определённой вероятностью x_{ij} (j – номер прибора). Задача оптимизации состоит в определении оптимального распределения $(x_1^*, \dots, x_n^*)$ заявок для каждого пользователя в условиях конкуренции пользователей за средства обслуживания. В качестве показателей эффективности L_i распределения заявок по приборам берётся среднее число отказов в обслуживании за единицу времени для каждого пользователя A_i ($i=1, \dots, n$), которое очевидно зависит от выбора всех пользователей, т. е. $L_i = L_i(x_1, \dots, x_n)$. Таким образом, получаем задачу оптимизации, которая формулируется как задача теории игр.

Так как пользователи формируют свои потоки независимо друг от друга и каждый стремится минимизировать число отказов в обслуживании, то задачу оптимизации можно сформулировать в виде бескоалиционной игры n лиц:

$$\Gamma = \langle I, \{X_i\}_{i \in I}, \{L_i\}_{i \in I} \rangle,$$

где I – множество игроков (пользователей),

$$X_i = \left\{ x_i = (x_{i1}, \dots, x_{im}) : x_{ij} \in [0, 1], \sum_{j=1}^m x_{ij} = 1 \right\}$$

– множество стратегий i -го игрока, $i = 1, \dots, n$;

$X = \prod_{i=1}^n [0, 1]$ – множество стратегий всех игроков,

$L_i(x_1, \dots, x_n)$ – функция потерь i -го игрока, $x_i \in X_i$, $i = 1, \dots, n$.

Оптимальное решение бескоалиционной игры определяется в виде ситуации равновесия. Ситуация $x^* = (x_1^*, \dots, x_n^*)$ называется равновесной, если ни один из игроков не заинтересован отклониться от нее, т. е. для любых $i \in I$ и $x_i \in X_i$ справедливо:

$$L_i(x_1^*, \dots, x_i^*, \dots, x_n^*) \leq L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*), \quad i = 1, \dots, n.$$

Для нахождения ситуации равновесия можно использовать необходимые и достаточные условия экстремума в предположении, что точка равновесия является внутренней точкой множества стратегий, и функции потерь $L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)$ непрерывно дифференцируемы по $x_i \in X_i$.

Рассмотрим задачу оптимизации шире, опираясь на вышеуказанные представления об устойчивости, выгоды и справедливости оптимальных решений. Очевидно, что ситуация равновесия характеризует устойчивость принимаемых решений. Свойства выгоды принимаемого решения отражают его оптимальность по Парето. Справедливость понимается как равенство функций потерь игроков в ситуации равновесия. Для рассматриваемых СМО это эквивалентно равенству интенсивностей λ_i входящих потоков ($i \in I$).

Ситуация $x^* = (x_1^*, \dots, x_n^*)$ называется Парето-оптимальной, если не существует другой ситуации x :

$$x \in X = \prod_{i=1}^n [0, 1], \text{ для которой имеет место вектор-}$$

ное неравенство $L_i(x^*) \geq L_i(x)$, $i = 1, \dots, n$. Для поиска Парето-оптимальной ситуации можно воспользоваться следующим утверждением [3].

Утверждение. Если для некоторых

$\alpha_i > 0$, $i \in I$, $x^* \in X$ имеет место равенство:

$$\min_{x \in X} \sum_{i=1}^n \alpha_i L_i(x) = \sum_{i=1}^n \alpha_i L_i(x^*), \quad (1)$$

то ситуация x^* оптимальна по Парето.

Для определения оптимальности по Парето (в предположении, что все $\alpha_i > 0$, $i \in I$ равны между собой) составляется функция

$$L(x) = \sum_{i=1}^n \alpha_i L_i(x) = \alpha \sum_{i=1}^n L_i(x) \text{ и определяется}$$

её минимум. Далее показывается, что полученная ситуация равновесия является также Парето-оптимальной.

Данной постановке задачи удовлетворяют многоканальные марковские и полумарковские СМО с отказами, рассмотренные ниже.

1. Марковские СМО с отказами

Постановка задачи [4, с. 333 – 334]. Рассмотрим m -канальную СМО (с m параллельно функционирующими обслуживающими приборами) с отказами. Пусть на вход системы поступают n независимых простейших потоков заявок интенсивности λ_i ($i = 1, \dots, n$). Время обслуживания заявки на каждом приборе есть случайная величина, подчиненная показательному распределению с параметрами μ_j ($j = 1, \dots, m$). В качестве показателя эффективности распределения заявок по приборам выберем среднее число отказов в обслуживании за единицу времени для каждого пользователя:

$$L_i(x_1, \dots, x_n) = \lambda_i \sum_{j=1}^m x_{ij} P_j(x_1, \dots, x_n), \quad i = 1, \dots, n,$$

где $x_i = (x_{i1}, \dots, x_{im})$ – вектор вероятностей распределения заявок i -го пользователя по m приборам, $P_j(x_1, \dots, x_n)$ – стационарные вероятности того, что занят j -й прибор ($j = 1, \dots, m$).

На основании теоремы просеивания и объединения простейших потоков по полиномиальной схеме образуется m простейших потоков к обслуживающим приборам с интенсивностями $\Lambda_j = \sum \lambda_i x_{ij}$ ($j = 1, \dots, m$). Это позволяет провести декомпозицию СМО на m однолинейных марковских СМО. Опираясь на известные результаты для однолинейных СМО с отказами, получим выражения для вероятностей состояний $P_j(x_1, \dots, x_n)$:

$$P_j(x_1, \dots, x_n) = \Lambda_j / (\mu_j + \Lambda_j), \quad j = 1, \dots, m,$$

откуда

$$L_i(x_1, \dots, x_n) = \lambda_i \sum_{j=1}^m x_{ij} \Lambda_j / (\mu_j + \Lambda_j), \quad i = 1, \dots, n,$$

Ставится задача: найти оптимальное распределение $(x_1^*, \dots, x_n^*)$ заявок по каналам для каждого пользователя в условиях конкуренции пользователей за средства обслуживания. Рассмотрим задачу оптимизации СМО, опираясь на представления устойчивости, выгодности, справедливости.

Оптимизация. Ситуация равновесия

$x^* = (x_1^*, \dots, x_n^*)$ определяется из следующих условий:

$$1) \quad \left. \frac{\partial L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_{ij}} \right|_{x_i^*} = 0; \quad (2)$$

$$j = 1, \dots, m; \quad i = 1, \dots, n;$$

2) матрица Гессе функции

$$L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*), \text{ в которой производные}$$

$$\frac{\partial^2 L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_{ij} \partial x_{ik}} \quad (3)$$

х ($j, k = 1, \dots, m; i = 1, \dots, n$)

найжены при условии $\sum_{j=1}^m x_{ij} = 1, \quad i = 1, \dots, n$, – положительно определена;

$$3) \quad \sum_{j=1}^m x_{ij} = 1, \quad i = 1, \dots, n, \quad (4)$$

$$x_{ij} \geq 0, \quad i = 1, \dots, n, \quad j = 1, \dots, m$$

Для нахождения ситуации равновесия (т. е. минимизации функций L_i при наличии ограничений) воспользуемся методом множителей Лагранжа. Для функций Лагранжа вида:

$$Z_i(x_1, \dots, x_n) = L_i(x_1, \dots, x_n) - \beta_i (\sum_{j=1}^m x_{ij} - 1) \quad (i = 1, \dots, n),$$

где β_i – множители Лагранжа, условия (2)-(4) приводят к системе:

$$\frac{\partial Z_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_{ij}} = 0,$$

$$j = 1, \dots, m, \quad i = 1, \dots, n,$$

$$\frac{\partial Z_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)}{\partial \beta_i} = 0, \quad i = 1, \dots, n.$$

Для рассматриваемой СМО эти условия представляют собой систему нелинейных уравнений по переменным x_{ij} , β_i ($i = 1, \dots, n, j = 1, \dots, m$):

$$\left[\frac{\Lambda_j^2 + \mu_j \Lambda_j + x_{ij} \lambda_i \mu_j}{(\mu_j + \Lambda_j)^2} \right] = \frac{\beta_i}{\lambda_i}, \quad (5)$$

$$j = 1, \dots, m, \quad i = 1, \dots, n$$

$$\sum_{j=1}^m x_{ij} - 1 = 0, \quad i = 1, \dots, n. \quad (5')$$

Суммируя уравнения (5) по $i = 1, \dots, n$, получим систему уравнений в виде:

$$\frac{n \Lambda_j^2 + (n+1) \Lambda_j \mu_j}{(\mu_j + \Lambda_j)^2} = \sum_{i=1}^n \frac{\beta_i}{\lambda_i}, \quad j = 1, \dots, m, \quad (6)$$

$$\sum_{j=1}^m x_{ij} = 1, \quad i = 1, \dots, n.$$

Так как левые части уравнений (6) равны одному и тому же числу, то систему можно переписать в виде:

$$\frac{n \Lambda_1^2 + (n+1) \Lambda_1 \mu_1}{(\mu_1 + \Lambda_1)^2} =$$

$$= \frac{n \Lambda_j^2 + (n+1) \Lambda_j \mu_j}{(\mu_j + \Lambda_j)^2}, \quad j = 2, \dots, m, \quad (7)$$

$$\sum_{j=1}^m x_{ij} = 1, \quad i = 1, \dots, n.$$

После преобразований система (7) принимает вид:

$$C_{0j}\Lambda_j^2 + C_{1j}\Lambda_j + C_{2j} = 0, \quad j = 2, \dots, m, \quad (8)$$

где коэффициенты C_{0j} , C_{1j} , C_{2j} являются функциями от Λ_1 :

$$C_{0j} = n\mu_1^2 + (n-1)\Lambda_1\mu_1, \quad j = 2, \dots, m,$$

$$C_{1j} = (n+1)\mu_1^2\mu_j - (n-1)\Lambda_1^2\mu_j, \quad j = 2, \dots, m,$$

$$C_{2j} = -\mu_j^2[n\Lambda_1^2 + (n+1)\Lambda_1\mu_1], \quad j = 2, \dots, m.$$

Решая квадратные уравнения системы (8) и учитывая, что интенсивности Λ_j неотрицательны, получим:

$$\Lambda_j = \frac{-C_{1j} + \sqrt{C_{1j}^2 - 4C_{0j}C_{2j}}}{2C_{0j}}, \quad (9)$$

$$j = 2, \dots, m.$$

Просуммируем выражения (9) по $j = 2, \dots, m$. С учетом очевидного равенства $\sum_{j=1}^m \Lambda_j = \sum_{i=1}^n \lambda_i$ получим уравнение относительно Λ_1 :

$$\sum_{i=1}^n \lambda_i = \Lambda_1 + \sum_{j=2}^m \frac{-C_{1j} + \sqrt{C_{1j}^2 - 4C_{0j}C_{2j}}}{2C_{0j}}.$$

Подставляя в это уравнение выражения для C_{0j} , C_{1j} , C_{2j} , найдем:

$$\sum_{i=1}^n \lambda_i = \Lambda_1 + \sum_{j=2}^m \mu_j \frac{\Lambda_1}{\mu_1},$$

откуда получаем единственное решение:

$$\Lambda_1 = \mu_1 \frac{\sum_{i=1}^n \lambda_i}{\sum_{j=1}^m \mu_j}. \quad (10)$$

Подставляя (10) в (9), можно найти все Λ_j ($j = 2, \dots, m$), которые равны между собой и равны Λ_1 .

Для определения ситуации равновесия выразим x_{ij} из системы (5) через неизвестные коэффициенты β_i ($i = 1, \dots, n$):

$$x_{ij} = \beta_i \frac{(\mu_j + \Lambda_j)^2}{\lambda_i^2 \mu_j} - \frac{(\mu_j + \Lambda_j)\Lambda_j}{\lambda_i \mu_j}, \quad (11)$$

$$i = 1, \dots, n, \quad j = 1, \dots, m$$

и, подставляя их в (5'), получим систему:

$$\begin{aligned} & \frac{\beta_i}{\lambda_i^2} \sum_{j=1}^m \frac{(\mu_j + \Lambda_j)^2}{\mu_j} - \\ & - \frac{1}{\lambda_i} \sum_{j=1}^m \frac{(\mu_j + \Lambda_j)\Lambda_j}{\mu_j} = 1, \quad i = 1, \dots, n, \end{aligned}$$

из которой с учетом (10) найдем:

$$\beta_i = \frac{\lambda_i^2 \mu}{(\mu + \lambda)^2} + \frac{\lambda_i \lambda}{\mu + \lambda},$$

$$i = 1, \dots, n, \quad \lambda = \sum_{i=1}^n \lambda_i, \quad \mu = \sum_{j=1}^m \mu_j.$$

Выражения, полученные для β_i ($i = 1, \dots, n$) и Λ_j ($j = 1, \dots, m$), подставляем в (11), откуда получаем координаты ситуации равновесия:

$$x_{ij} = \frac{\mu_j}{\sum_{j=1}^m \mu_j}, \quad j = 1, \dots, m, \quad i = 1, \dots, n. \quad (12)$$

Чтобы убедиться, что решение (12) представляет собой ситуацию равновесия, проверим выполнение условий (3). Для каждой функции

$L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)$ ($i = 1, \dots, n$) найдем вторые производные и, подставляя в них значения (12), получим:

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2 L_i(x_1, \dots, x_n)}{\partial x_{ij}^2} &= \frac{\mu_j \Lambda_j (\mu_j + \Lambda_j - x_{ij} \lambda_i)}{(\mu_j + \Lambda_j)^3} = \\ &= \frac{\lambda(\mu + \lambda - \lambda_i)}{\mu(\mu + \lambda)} > 0, \quad j = 1, \dots, m, \end{aligned}$$

$$\frac{\partial^2 L_i(x_1, \dots, x_n)}{\partial x_{ij} \partial x_{ik}} = 0, \quad j, k = 1, \dots, m, \quad j \neq k.$$

Очевидно, матрица Гессе положительно определена, следовательно, решение (12) является ситуацией равновесия. При этом значения целевых функций

$L_i(x_1^*, \dots, x_n^*)$ равны:

$$L_i(x_1^*, \dots, x_n^*) = \frac{\lambda_i \sum_{j=1}^m \lambda_j}{\sum_{j=1}^m \lambda_j + \sum_{i=1}^n \mu_i}, \quad i = 1, \dots, n.$$

Рассмотрим теперь оптимальность с точки зрения выгоды решения для всех пользователей. Для рассматриваемой СМО покажем, что найденная ситуация равновесия $x^* = (x_1^*, \dots, x_n^*)$ является также и Парето-оптимальной. Опираясь на утверждение (1) и полагая все $\alpha_i > 0$, $i \in I$ равными между собой, рассмотрим функцию $L(x) = \sum \alpha L_i(x_1, \dots, x_n)$, $x \in X$.

Покажем, что функция $L(x)$ достигает минимума в точке $x^* = (x_1^*, \dots, x_n^*)$, где x_{ij}^* определены по формуле (12). Это соответствует выполнению равенства (1).

Так как $x_{i1} = 1 - \sum_{j=2}^m x_{ij}$ ($i = 1, \dots, n$), то

$$\Lambda_1 = \sum_{i=1}^n (1 - \sum_{j=2}^m x_{ij}) \lambda_i;$$

$$\Lambda_j = \sum_{i=1}^n x_{ij} \lambda_i, \quad j = 2, \dots, m;$$

$$\begin{aligned}
L_i(x_1, \dots, x_n) &= \\
&= \lambda_i \left[(1 - \sum_{j=2}^m x_{ij}) \frac{\Lambda_1}{\mu_1 + \Lambda_1} + \sum_{j=2}^m x_{ij} \frac{\Lambda_j}{\mu_j + \Lambda_j} \right], \\
i &= 1, \dots, n, \\
L(x) &= \alpha \sum_{i=1}^n \left[\lambda_i (1 - \sum_{j=2}^m x_{ij}) \frac{\Lambda_1}{\mu_1 + \Lambda_1} \right] + \\
&+ \alpha \sum_{i=1}^n \left[\lambda_i \sum_{j=2}^m x_{ij} \frac{\Lambda_j}{\mu_j + \Lambda_j} \right].
\end{aligned}$$

Для нахождения минимума функции $L(x)$ воспользуемся необходимыми условиями экстремума и получим систему уравнений:

$$\frac{\partial L}{\partial x_{ij}} = \alpha \lambda_i \left[\frac{\Lambda_j (2\mu_j + \Lambda_j)}{(\mu_j + \Lambda_j)^2} - \frac{\Lambda_1 (2\mu_1 + \Lambda_1)}{(\mu_1 + \Lambda_1)^2} \right] = 0,$$

$$j = 2, \dots, m; \quad i = 1, \dots, n,$$

которая приводится к уравнениям вида:

$$\mu_1^2 \Lambda_j^2 + 2\mu_1^2 \mu_j \Lambda_j - \Lambda_1 \mu_j^2 (2\mu_1 + \Lambda_1) = 0, \quad j = 2, \dots, m.$$

Решение полученных квадратных уравнений относительно Λ_j запишется в виде:

$$\Lambda_j = -\mu_j + \sqrt{\mu_j^2 + \frac{\Lambda_1 \mu_j^2 (2\mu_1 + \Lambda_1)}{\mu_1^2}} = \frac{\mu_j \Lambda_1}{\mu_1}, \quad j = 2, \dots, m.$$

Суммируя полученные решения по $j = 1, \dots, m$, найдем:

$$\sum_{j=1}^m \Lambda_j = \sum_{j=2}^m \frac{\mu_j \Lambda_1}{\mu_1} + \Lambda_1 \quad \text{или} \quad \sum_{i=1}^n \lambda_i = \sum_{j=1}^m \frac{\mu_j \Lambda_1}{\mu_1},$$

$$\text{откуда } \Lambda_1 = \frac{\mu_1 \sum_{i=1}^n \lambda_i}{\sum_{j=1}^m \mu_j} = \frac{\mu_1 \lambda}{\mu}.$$

$$\text{Тогда } \Lambda_j = \frac{\mu_j \Lambda_1}{\mu_1} = \frac{\mu_j \lambda}{\mu}, \quad j = 1, \dots, m. \quad \text{Зная}$$

Λ_j ($j = 1, \dots, m$), можем определить координаты точки экстремума из системы линейных уравнений:

$$\sum_{i=1}^n \lambda_i x_{ij} = \Lambda_j, \quad j = 1, \dots, m,$$

решение которой получаем в виде:

$$x_{ij} = \frac{\mu_j}{\mu}, \quad i = 1, \dots, n, \quad j = 1, \dots, m.$$

Видим, что данное решение совпадает с координатами точки равновесия. Таким образом, ситуация равновесия является Парето-оптимальной.

Частный случай. В частном случае $m = 2$ (двухлинейной СМО) пользователь A_i направляет свои тре-

бования на 1-й прибор с вероятностью x_i ($0 \leq x_i \leq 1$), на второй – с вероятностью $(1 - x_i)$. Время обслуживания требования на каждом приборе подчиняется показательному распределению с параметрами μ_1 и μ_2 соответственно. Среднее число отказов в обслуживании заявок каждого клиента за единицу времени:

$$\begin{aligned}
L_i(x_1, \dots, x_n) &= \lambda_i x_i P_1(x_1, \dots, x_n) + \\
&+ \lambda_i (1 - x_i) P_2(x_1, \dots, x_n) \quad (i = 1, \dots, n),
\end{aligned}$$

P_1 и P_2 – стационарные вероятности того, что занят первый или второй прибор соответственно.

Так как образуется два простейших потока к обслуживающим приборам с интенсивностями

$$\Lambda_1 = \sum_{i=1}^n \lambda_i x_i \quad \text{и} \quad \Lambda_2 = \sum_{i=1}^n \lambda_i (1 - x_i),$$

то функция потерь каждого игрока принимает вид:

$$\begin{aligned}
L_i(x_1, \dots, x_n) &= \lambda_i x_i \frac{\Lambda_1}{\mu_1 + \Lambda_1} + \\
&+ \lambda_i (1 - x_i) \frac{\Lambda_2}{\mu_2 + \Lambda_2} \quad (i = 1, \dots, n).
\end{aligned}$$

Ситуация равновесия также определяется из условий (2)-(4), где $x_{i1} = x_i$, $x_{i2} = 1 - x_i$, $i = 1, \dots, n$. В результате получается система нелинейных уравнений:

$$\begin{aligned}
&\frac{\Lambda_1}{\Lambda_1 + \mu_1} - \frac{\Lambda_2}{\Lambda_2 + \mu_2} + \\
&+ \lambda_i \left[\frac{\mu_1 x_i}{(\Lambda_1 + \mu_1)^2} - \frac{\mu_2 (1 - x_i)}{(\Lambda_2 + \mu_2)^2} \right] = 0, \quad (13)
\end{aligned}$$

$$i = 1, \dots, n,$$

которая сводится к одному уравнению относительно переменной Λ_1 :

$$a \Lambda_1^3 + b \Lambda_1^2 + c \Lambda_1 + d = 0,$$

где

$$a = (1 - n)(\mu_1 + \mu_2),$$

$$\begin{aligned}
b &= (n - 1)\lambda\mu_1 - \lambda(\mu_1 + \mu_2) + \\
&+ n(\mu_1 + \mu_2)(\mu_2 - \mu_1 + \lambda),
\end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
c &= (n + 1)\mu_1\mu_2(\mu_1 + \mu_2) + \\
&+ (1 - n)\lambda^2\mu_1 + 2n\lambda\mu_1^2,
\end{aligned}$$

$$d = -\lambda\mu_1^2(\mu_2 + n\mu_2 + n\lambda).$$

Действительным решением данного уравнения является:

$$\Lambda_1 = \frac{\lambda\mu_1}{\mu_1 + \mu_2} \quad (\text{тогда } \Lambda_2 = \frac{\lambda\mu_2}{\mu_1 + \mu_2}).$$

Подставляя полученные значения Λ_1 и Λ_2 в (13), найдем:

$$x_i = \frac{\mu_1}{\mu_1 + \mu_2}, \quad i = 1, \dots, n.$$

Данное решение совпадает с решением (12), полученным в общем случае. Проверка выполнения условий (3)

$$\frac{\partial^2 L_i}{\partial x_i^2} = 2\lambda_i^2 \left[\frac{\mu_1 \left(\sum_{k \neq i} \lambda_k x_k + \mu_1 \right)}{(\Lambda_1 + \mu_1)^3} + \frac{\mu_2 \left(\sum_{k \neq i} \lambda_k (1 - x_k) + \mu_2 \right)}{(\Lambda_2 + \mu_2)^3} \right] > 0$$

подтверждает, что каждая функция L_i строго выпукла по «своей» переменной x_i . Следовательно, найденное решение является единственным и представляет собой ситуацию равновесия. То есть каждый пользователь посылает заявку на первый прибор с одной и той же вероятностью $\mu_1 / (\mu_1 + \mu_2)$, а на второй прибор – с вероятностью $\mu_2 / (\mu_1 + \mu_2)$.

При этом

$$L_i(x_1^*, \dots, x_n^*) = \lambda_i \sum_{j=1}^n \lambda_j / \left(\sum_{j=1}^n \lambda_j + \mu_1 + \mu_2 \right), \quad i = 1, \dots, n.$$

Также можно показать, что данное решение является Парето-оптимальным. Опираясь на утверждение (1) и полагая все $\alpha_i > 0, i \in I$ равными между собой, рассмотрим функцию:

$$L(x) = \sum_{i=1}^n \alpha_i L_i(x) = \alpha \sum_{i=1}^n L_i(x) \alpha \left[\frac{\Lambda_1^2}{\Lambda_1 + \mu_1} + \frac{\Lambda_2^2}{\Lambda_2 + \mu_2} \right].$$

Матрица Гессе H данной функции положительно полуопределена, так как для любого $x \in X$ и любого ненулевого вектора y размерности n квадратичная форма

$$\begin{aligned} < Hy, y > = \\ &= \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \frac{\partial^2 L}{\partial x_i \partial x_j} y_i y_j = 2\alpha \left[\frac{\mu_1^2}{(\Lambda_1 + \mu_1)^3} + \frac{\mu_2^2}{(\Lambda_2 + \mu_2)^3} \right] \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \lambda_i \lambda_j y_i y_j = \\ &= 2\alpha \left[\frac{\mu_1^2}{(\Lambda_1 + \mu_1)^3} + \frac{\mu_2^2}{(\Lambda_2 + \mu_2)^3} \right] \left(\sum_{i=1}^n \lambda_i y_i \right)^2 \geq 0. \end{aligned}$$

Следовательно, функция $L(x)$ выпукла на множестве $X = \prod_{i=1}^n [0, 1]$, а её минимум определяется из

системы уравнений: $\frac{\partial L}{\partial x_i} = 0, \quad i = 1, \dots, n$. Данная

система сводится к одному уравнению:

$$\frac{\mu_1^2}{(\Lambda_1 + \mu_1)^2} - \frac{\mu_2^2}{(\Lambda_2 + \mu_2)^2} = 0,$$

решение которого имеет вид:

$$\Lambda_1 = \frac{\lambda \mu_1}{\mu_1 + \mu_2}, \quad \Lambda_2 = \frac{\lambda \mu_2}{\mu_1 + \mu_2}.$$

Такие значения Λ_1 и Λ_2 получаются при $x_i = \mu_1 / (\mu_1 + \mu_2), i = 1, \dots, n$, представляющими собой координаты ситуации равновесия. Таким образом, ситуация равновесия является Парето-оптимальной.

2. Полумарковские СМО с отказами

Постановка задачи. Рассмотрим СМО с m параллельно функционирующими приборами. На вход СМО поступают n независимых простейших потоков интенсивности $\lambda_i (i = 1, \dots, n)$. Пользователь A_i с вероятностью $x_{ij} (0 \leq x_{ij} \leq 1, \sum x_{ij} = 1)$ направляет свои требования на j -й прибор. Время обслуживания требования на каждом приборе есть случайная величина с произвольным законом распределения с известным первым моментом $\tau_j (j = 1, \dots, m)$.

В результате объединения простейших потоков по полиномиальной схеме и декомпозиции получаем следующее выражение для среднего числа отказов в обслуживании за единицу времени, характеризующего эффективность распределения заявок по приборам для каждого пользователя:

$$L_i(x_1, \dots, x_n) = \lambda_i \sum_{j=1}^m x_{ij} \frac{\Lambda_j \tau_j}{1 + \Lambda_j \tau_j}, \quad i = 1, \dots, n.$$

Ставится задача: найти оптимальное распределение $(x_1^*, \dots, x_n^*)$ заявок по каналам для каждого пользователя в условиях конкуренции пользователей за средства обслуживания.

Оптимизация. Ситуация равновесия $x^* = (x_1^*, \dots, x_n^*)$ определяется из условий (2)-(4). Для нахождения ситуации равновесия воспользуемся методом множителей Лагранжа. Для функций Лагранжа вида

$$Z_i(x_1, \dots, x_n) = L_i(x_1, \dots, x_n) - \beta_i \left(\sum_{j=1}^m x_{ij} - 1 \right), \quad i = 1, \dots, n,$$

где β_i – множители Лагранжа, условия (2)-(4) приводят к системе нелинейных уравнений по переменным $x_{ij}, \beta_i (i = 1, \dots, n; j = 1, \dots, m)$:

$$\left[\frac{\Lambda_j^2 \tau_j^2 + \Lambda_j \tau_j + x_{ij} \lambda_i \tau_j}{(1 + \Lambda_j \tau_j)^2} \right] = \frac{\beta_i}{\lambda_i}, \quad (14)$$

$$j = 1, \dots, m, \quad i = 1, \dots, n;$$

$$\sum_{j=1}^m x_{ij} - 1 = 0, \quad i = 1, \dots, n. \quad (14')$$

Решая данную систему по аналогии с системой (5) п. 1, получим:

$$\Lambda_1 = \sum_{i=1}^n \lambda_i / \tau_1 \sum_{j=1}^m \frac{1}{\tau_j}; \quad (15)$$

и затем:

$$x_{ij} = \left(\tau_j \sum_{j=1}^m \frac{1}{\tau_j} \right)^{-1}, \quad j=1, \dots, m, \quad i=1, \dots, n. \quad (16)$$

Чтобы убедиться, что решение (16) представляет собой ситуацию равновесия, проверим выполнение условий (2)-(4). Для каждой функции $L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)$, $i=1, \dots, n$, найдем вторые производные:

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2 L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_{ij}^2} = \\ = \frac{\Lambda_j \tau_j (1 + \Lambda_j \tau_j - x_{ij} \lambda_i \tau_j)}{(1 + \Lambda_j \tau_j)^3} > 0, \quad j=1, \dots, m, \end{aligned}$$

$$\frac{\partial^2 L_i(x_1^*, \dots, x_{i-1}^*, x_i, x_{i+1}^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_{ij} \partial x_{ik}} = 0,$$

$$j, k=1, \dots, m, \quad j \neq k.$$

Очевидно, матрица Гессе положительно определена, следовательно, решение (16) является ситуацией равновесия. Потери каждого игрока в ситуации $(x_1^*, \dots, x_n^*)$ равны:

$$L_i(x_1^*, \dots, x_n^*) = \lambda_i \sum_{i=1}^n \lambda_i / \left(\sum_{i=1}^n \lambda_i + \sum_{j=1}^m \mu_j \right), \quad i=1, \dots, n.$$

Аналогично п.1 для рассматриваемой СМО можно показать, что ситуация равновесия (16) является Парето-оптимальной.

Частный случай. Рассмотрим СМО с двумя параллельно функционирующими приборами. На вход СМО поступают n независимых простейших потоков

$$\lambda_i x_i = \frac{\lambda_i \tau_2 (1 + \Lambda_1 \tau_1)^2 + (1 + \Lambda_1 \tau_1)(1 + \Lambda_2 \tau_2)[\Lambda_2 \tau_2 (1 + \Lambda_1 \tau_1) - \Lambda_1 \tau_1 (1 + \Lambda_2 \tau_2)]}{\tau_1 (1 + \Lambda_2 \tau_2)^2 + \tau_2 (1 + \Lambda_1 \tau_1)^2} \quad (17)$$

и суммируя их по $i=1, \dots, n$, получим одно уравнение относительно неизвестного Λ_1 ($\Lambda_2 = \lambda - \Lambda_1$):

$$a \Lambda_1^3 + b \Lambda_1^2 + c \Lambda_1 + d = 0,$$

где

$$\begin{aligned} a &= \frac{(1-n)(\tau_1 + \tau_2)}{\tau_1 \tau_2}, \\ b &= (n-1) \frac{\lambda}{\tau_1} - \frac{\lambda(\tau_1 + \tau_2)}{\tau_1 \tau_2} + \\ &+ \frac{n(\tau_1 + \tau_2)(\tau_1 - \tau_2 + \lambda \tau_1 \tau_2)}{\tau_1^2 \tau_2^2}, \end{aligned}$$

интенсивности λ_i ($i=1, \dots, n$). Пользователь A_i с вероятностью x_i ($0 \leq x_i \leq 1$) направляет свои требования на 1-й прибор, а с вероятностью $(1 - x_i)$ – на второй. Время обслуживания требований на каждом приборе суть случайная величина с произвольным распределением с известными первыми моментами τ_1 и τ_2 соответственно. Среднее число отказов в обслуживании за единицу времени (функции потерь игроков A_i):

$$\begin{aligned} L_i(x_1, \dots, x_n) &= \lambda_i x_i \frac{\Lambda_1 \tau_1}{(1 + \Lambda_1 \tau_1)} + \\ &+ \lambda_i (1 - x_i) \frac{\Lambda_2 \tau_2}{(1 + \Lambda_2 \tau_2)}, \quad i=1, \dots, n. \end{aligned}$$

Ставится задача: найти оптимальное распределение $(x_1^*, \dots, x_n^*)$ заявок для каждого пользователя в условиях конкуренции пользователей за средства обслуживания.

Оптимизация. Для определения ситуации равновесия снова воспользуемся условиями (2)-(4) при $x_{i1} = x_i$, $x_{i2} = 1 - x_i$, $i=1, \dots, n$, которые приводят к системе нелинейных уравнений по переменным $(x_1, \dots, x_n)$:

$$\begin{aligned} \frac{\Lambda_1 \tau_1}{1 + \Lambda_1 \tau_1} - \frac{\Lambda_2 \tau_2}{1 + \Lambda_2 \tau_2} + \\ + \lambda_i \left[\frac{\tau_1 x_i}{(1 + \tau_1 \lambda_1)^2} - \frac{\tau_2 (1 - x_i)}{(1 + \Lambda_2 \tau_2)^2} \right] = 0, \end{aligned}$$

$$i=1, \dots, n.$$

Данную систему можно свести к уравнению относительно одной переменной Λ_1 . Представляя уравнения системы в виде:

$$c = \frac{(1-n)\lambda^2}{\tau_1} + \frac{2n\lambda}{\tau_1^2} + \frac{(n+1)(\tau_1 + \tau_2)}{\tau_1^2 \tau_2^2},$$

$$d = - \frac{\lambda(1 + n + n\lambda\tau_2)}{\tau_1^2 \tau_2}.$$

Действительным решением данного уравнения является: $\Lambda_1 = \frac{\lambda \tau_2}{\tau_1 + \tau_2}$ (тогда $\Lambda_2 = \frac{\lambda \tau_1}{\tau_1 + \tau_2}$).

Подставляя полученные значения Λ_1 и Λ_2 в (17), найдем:

$$x_i = \frac{\tau_2}{\tau_1 + \tau_2}, \quad i=1, \dots, n. \quad (18)$$

Нетрудно показать, что данное решение действительно является ситуацией равновесия. Проверка выполнения условий (3), получим:

$$\frac{\partial^2 L_i}{\partial x_i^2} = 2\lambda_i^2 \left[\frac{\tau_1 \left(1 + \tau_1 \sum_{k \neq i} \lambda_k x_k \right)}{(1 + \Lambda_1 \tau_1)^3} + \frac{\tau_2 \left(1 + \tau_2 \sum_{k \neq i} \lambda_k (1 - x_k) \right)}{(1 + \Lambda_2 \tau_2)^3} \right] > 0.$$

Это означает, что L_i строго выпукла по «своей» переменной x_i . Следовательно, найденное решение является единственным и представляет собой ситуацию равновесия. Таким образом, каждый пользователь посылает заявку на первый прибор с одной и той же вероятностью, равной $\tau_2 / (\tau_1 + \tau_2)$, а на второй прибор – с вероятностью $\tau_1 / (\tau_1 + \tau_2)$. При этом значения функций L_i равны:

$$L_i = \lambda_i \tau_1 \tau_2 \sum \lambda_i / (\tau_1 + \tau_2 + \tau_1 \tau_2 \sum \lambda_i) \quad i = 1, \dots, n.$$

Покажем, что найденная ситуация равновесия (18) является также и Парето-оптимальной. Рассмотрим функцию

$$L(x) = \sum_{i=1}^n \alpha_i L_i(x) = \alpha \sum_{i=1}^n L_i(x) = \alpha \left[\frac{\Lambda_1^2 \tau_1}{1 + \Lambda_1 \tau_1} + \frac{\Lambda_2^2 \tau_2}{1 + \Lambda_2 \tau_2} \right]$$

и найдём её минимум. Так как для любого $x \in X$ и любого ненулевого вектора y размерности n квадратичная форма:

$$\langle Hy, y \rangle =$$

$$= \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \frac{\partial^2 L}{\partial x_i \partial x_j} y_i y_j = 2\alpha \left[\frac{\tau_1}{(1 + \Lambda_1 \tau_1)^3} + \frac{\tau_2}{(1 + \Lambda_2 \tau_2)^3} \right] \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \lambda_i \lambda_j y_i y_j =$$

$$= 2\alpha \left[\frac{\tau_1}{(1 + \Lambda_1 \tau_1)^3} + \frac{\tau_2}{(1 + \Lambda_2 \tau_2)^3} \right] \left(\sum_{i=1}^n \lambda_i y_i \right)^2 \geq 0,$$

то функция $L(x)$ выпукла на множестве:

$$X = \prod_{i=1}^n [0, 1],$$

а её минимум определяется из системы уравнений:

$$\frac{\partial L}{\partial x_i} = -\alpha \lambda_i \left[\frac{1}{(1 + \Lambda_1 \tau_1)^2} - \frac{1}{(1 + \Lambda_2 \tau_2)^2} \right] = 0, \quad i = 1, \dots, n.$$

Данная система сводится к одному уравнению:

$$\frac{1}{(1 + \Lambda_1 \tau_1)^2} - \frac{1}{(1 + \Lambda_2 \tau_2)^2} = 0$$

решением которого является:

$$\Lambda_1 = \frac{\lambda \tau_2}{\tau_1 + \tau_2}, \quad \Lambda_2 = \frac{\lambda \tau_1}{\tau_1 + \tau_2}.$$

$$\text{Такие значения } \Lambda_1 = \sum_{i=1}^n \lambda_i x_i$$

$$\text{и } \Lambda_2 = \sum_{i=1}^n \lambda_i (1 - x_i)$$

получаются при $x_i = \frac{\tau_2}{\tau_1 + \tau_2}, i = 1, \dots, n$, представля-

ющими собой координаты ситуации равновесия (18). Таким образом, ситуация равновесия является Парето-оптимальной.

Литература

1. Воробьев, Н. Н. Теория игр / Н. Н. Воробьев. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
2. Чекменев, В. А. Оптимизация управляемых СМО с конкурирующими потоками / В. А. Чекменев, Т. Д. Чекменева // Проблемы теоретической кибернетики. – Горький, 1988.
3. Вилкас, Э. И. Оптимальность в играх и решениях / Э. И. Вилкас. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
4. Чекменев В. А. Анализ и оптимизация систем связи, функционирующих в условиях конкуренции / В. А. Чекменев, М. В. Сарычев // Информ. технол. и матем. моделирование: мат. Всерос. науч.-практ. конфер. – Томск: Твердыня, 2002. – 368 с.

Информация об авторах:

Чекменев Владимир Алексеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизации исследований и технической кибернетики математического факультета КемГУ, 8-923-612-48-90, chtd42@eandex.ru.

Vladimir A. Chekmenev – Candidate of Technical Science, Associate professor, Assistant Professor at the Department of Automation of Studies and Technical Cybernetics, Kemerovo State University.

Чекменева Татьяна Дмитриевна – кандидат технических наук, доцент кафедры общей и региональной экономики экономического факультета КемГУ, 8-923-612-4890, chtd42@yandex.ru.

Tatyana D. Chekmeneva – Candidate of Technical Science, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of General and Regional Economics, Kemerovo State University.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 502:330.15

ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ПОКАЗАТЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Н. Я. Шапарев

FOREST RESOURCES OF RUSSIA AND BELARUS IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT INDICES

N. Ya. Shaparev

Работа выполнена в рамках проекта СО РАН «Устойчивое развитие, природно-техногенная безопасность, ГИС и риски территорий (Беларусь и Сибирь)» (руководитель: д-р физ.-мат. наук Н. Я. Шапарев).

На основе сформированной автором ранее системы показателей устойчивого природопользования представлено состояние и использование лесных ресурсов России и Беларуси.

The state and use of forest resources in Russia and Belarus are revealed on the basis of the developed system of sustainable nature use indices.

Ключевые слова: лесные ресурсы, устойчивое развитие, Россия, Беларусь.

Keywords: forest resources, sustainable development, Russia, Belarus.

Мониторинг природных ресурсов позволяет судить об их состоянии и возможности использования. В данной работе предлагается это делать на основе системы показателей устойчивого природопользования, которая была разработана автором [10, с. 291 – 300; 11, с. 1 – 10; 12, с. 37 – 43; 13] на основе системы показателей ООН [5], системы отчетности лесопользования в Российской Федерации [3] с опорой на уровень современных знаний о природопользовании. Целью работы было представление и сопоставление лесных ресурсов Российской Федерации и Республики Беларусь.

Критерий 1. Поддержание и сохранение продуктивной способности лесов

В Республике Беларусь на 01.01.2010 г. лесные земли занимали 8539 тыс. га (41,1 %). С 2006 по 2010 гг. общая площадь лесного фонда выросла с 9182 до 9264 тыс. га (на 0,22 %), площадь, покрытая лесом, увеличилась с 7952 до 8064 тыс. га, а лесистость с 38,3 до 38,8 % (по прогнозу на 2015 г. она может превысить 40 %). Лесопокрытая площадь увеличилась в основном за счет искусственного и естественного облесения малопродуктивных и неудобных для сельскохозяйственного производства земель [7]. Все леса в Беларуси являются исключительной собственностью государства.

Распределение земель лесохозяйственных организаций на 01.01.2010 г., в том числе лесных земель и их распределение по областям республики, представлено на рис. 1.

Леса Беларуси делятся на две группы. Первую группу составляют леса, выполняющие преимущественно водоохранные, защитные, санитарно-гигиенические и оздоровительные функции, доля их составляет 49,8 %. Во вторую группу включены леса, которые наряду с экологическим имеют эксплуатационное

значение и в структуре лесного фонда они занимают 50,2 %. Рекреационное лесопользование в настоящее время проводится на площади 1,3 млн га (17,8 % всей лесопокрытой территории) и в перспективе расширится до 2,5 млн га.

Общая площадь земель Российской Федерации, на которых расположены леса, составляет 1181,9 млн га (табл. 1). Площадь, покрытая лесной растительностью, равна 796,2 млн га, из которых 38 % приходится на Дальний Восток, 41 % на Сибирь и 22 % на европейскую часть России. Лесные земли составляют 75 % от земель лесного фонда и занимают 52 % территории страны. Россия имеет 22 % мировой лесопокрытой территории (72 % из них – хвойные леса) и 21 % (76,9 млрд м³) общемирового расчетного запаса леса на корню, из них спелые и перестойные составляют 43,2 млрд м³. Площади лесов, которые располагаются на землях лесного фонда, занимают 1118,3 млн га и по целевому назначению подразделяются на защитные – 249,6 млн га (22,3 %), эксплуатационные – 590,6 млн га (52,8 %) и резервные – 278,1 млн га (24,9 %). Лесистость территории России составляет 45,4 % [8].

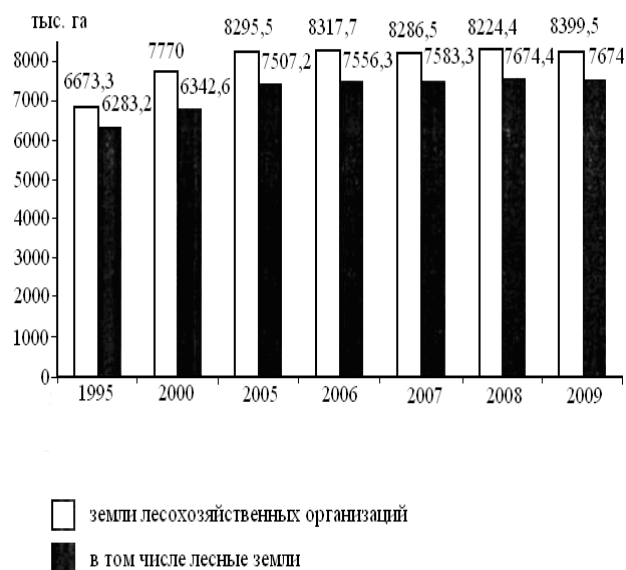
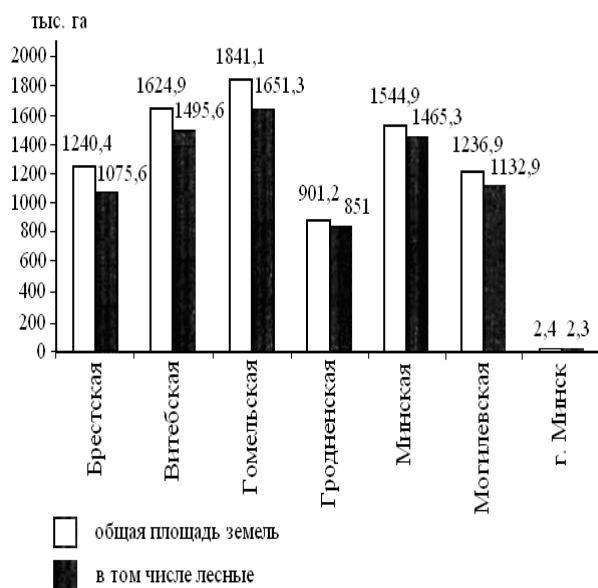

Рис. 1. Распределение земель по административным областям и динамика земель лесохозяйственных организаций по состоянию на 01.01.2010 г. [4]

Сведения о землях лесного фонда и землях иных категорий, на которых расположены леса [1]

Земли, на которых расположены леса	Общая площадь, тыс. га	Лесные земли, тыс. га	Покрытые лесной растительностью, тыс. га	Запас древесины, млн м ³
Леса Российской Федерации,	1181936,8	890796,1	796225,1	83298,20
из них:				
лесной фонд Российской Федерации;	1118352,9	838069,2	746309,7	76404,08
земли, не входящие в лесной фонд:				
обороны и безопасности,	4341,7	3593,3	3292,8	
населенных пунктов,	1382,0	1149,7	1022,0	
особо охраняемых природных территорий.	26602,6	17572,2	27938,4	
Минсельхоза России.	29383,9	29012,5	27938,4	
Иных категорий.	1873,7	1399,2	1063,5	

Общая площадь лесопокрытой территории в России за последние годы увеличивается. Так, с 1993 по 1998 гг. эта величина составила 12,9 млн га (3,9 млн га пришлось на Европейско-Уральскую часть России). Причем площади лесов I и II групп увеличились на 5,8 и 5,1 % соответственно, а площадь лесов III группы сократилась на 1,9 %. Площадь лесов I группы возросла за счет увеличения площади противоэрозийных лесов (5,3 млн га), запретных полос, защищающих нерестилища ценных промысловых рыб (на 4,5 млн га), и национальных парков (на 3,6 млн га).

Критерий 2. Поддержание приемлемого санитарного состояния и жизнестойкости лесов

В табл. 2 представлены данные по проведению основных работ в лесном хозяйстве Республики Беларусь.

Лесоустройство на территории республики выполняется ежегодно на территории около 1 млн га, что составляет около 13 % лесного фонда.

Лесовосстановление и лесоразведение с 1990 по 2009 гг. составляло ежегодно от 30 до 56,2 тыс. га (в среднем 0,5 % лесного фонда), подавляющая часть которого выполняется посадкой и посевом леса. Более 10 % этих работ выполняется селекционными посадочными и улучшенными посевными материалами. Благодаря лесовосстановлению в разные периоды на территории Беларуси создавались искусственные насаждения (лесные культуры), площади которых в данное время около 3 млн га (25 % лесопокрытой территории).

Лесная площадь, пройденная пожарами, составляет ежегодно около 1 – 1,7 тыс. га (около 0,01 %), а сгорает и повреждается лесов на корню ежегодно около 11 – 80 тыс. м³ (табл. 3).

Данные по охране и защите лесов в Беларуси представлены в табл. 4, из которой видно, что практически все леса охраняются от пожаров с помощью авиации.

Данные по лесовосстановлению в Российской Федерации приведены в табл. 5. В 2006 г. лесовосстановление было проведено на площади 877,3 тыс. га (0,1 %) лесного фонда; посев и посадка составили 194,5 тыс. га (22,5 %), естественное возобновление – 688,8 тыс. га. В 2006 г. площади лесовосстановления были более чем в два раза меньше площадей лесовосстановления в 1980-х гг. Если 20 – 30 лет назад ежегодно закладывалось по 100 – 150 тыс. га полезащитных лесных полос, насаждений на оврагах, балках, песках и других неудобных землях, то в 2006 г. было посажено только 5,5 тыс. га защитных лесонасаждений.

На 01.01.2008 г. фонд лесовосстановления на землях лесного фонда был равен 29445,7 тыс. га, который на 74 % представлен гарями.

В 1999 г. площадь погибших насаждений была равна 312 тыс. га (283 тыс. га – хвойные), причем 69 % этих площадей – в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Основная причина гибели – пожары, а также болезни леса, повреждения вредными насекомыми и дикими животными, антропогенные факторы, неблагоприятные погодные условия. В 2006 г. площадь, пройденная лесными пожарами, составила 1961 тыс. га (0,02 %), из них 68 % пришлось на Красноярский край, Амурскую и Иркутскую области.

Динамика лесных пожаров в Российской Федерации представлена в таблице 6.

Таблица 2

Проведение основных работ в лесном хозяйстве Республики Беларусь [7]

	1990	1995	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Лесоустройство, тыс. га	999	1194	1074	821	791	979	1096	1139	1179
Лесовосстановление и лесоразведение (тыс. га)	30,2	22,6	38,3	53,6	51,5	56,2	55,0	50,0	40,8
в том числе посадка и посев,	26,7	20,2	33,0	47,4	45,0	48,7	48,1	43,1	34,3
из них селекционным посадочным и улучшенным посевным материалом.	...	...	3,5	4,2	4,8	5,1	5,9	7,0	6,0
Ввод молодняков в категорию ценных древесных насаждений (тыс. га).	30,7	30,7	23,0	25,1	34,0	36,3	37,5	39,5	43,0
Посажено сеянцев в питомниках (млн шт.).	9,1	8,9	9,3	9,0	9,2	9,0	8,1	9,6	21,0
Заготовлено семян древесных и кустарниковых пород (т).	121,1	100,8	32,3	69,5	208,8	300,4	95,8	193,7	95,9
Вырублено всеми видами рубок:									
площадь (тыс. га),	398	415	415	409	441	452	520	488	403
ликвидная древесина (тыс. м ³).	10327	9302	10787	15530	14109	13499	14923	15056	13218
Рубки леса главного пользования:									
площадь (тыс. га),	3	21,8	20,4	23,3	25,1	25,3	28,5	24,4	22,4
ликвидная древесина (тыс. м ³).	5611	4377	4303	4876	5213	5447	6126	5460	5128

Таблица 3

Лесные пожары в Беларуси [7]

	1990	1995	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число лесных пожаров (количество случаев).	2471	3257	2569	1121	1114	3252	1079	673	1485
Лесная площадь, пройденная пожарами (га).	1022	3780	1760	560	322	2508	613	411	1684
Сгорело и повреждено леса на корню (тыс. м).	11,0	57,7	38,5	9,4	6,3	39,9	4,5	14,5	84,4

Таблица 4

Охрана и защита лесов (тыс. га) [7]

	1990	1995	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Защита лесов от вредителей и болезней биологическим методом.	14,1	42,4	19,3	22,6	21,6	22,3	22,7	22,6	22,6
Охрана лесов от пожаров с помощью авиации.	7136	6983	7277	8470	8753	9324	9335	9313	9326

Таблица 5

Лесовосстановление в Российской Федерации, тыс. га [6]

Год	Лесовосстановление – всего	В том числе	
		посев и посадка леса	содействие естественному возобновлению леса
1950	538	284	254
1960	1112	434	678
1970	1731	724	1007
1975	1809	775	1034
1980	1862	820	1042
1985	1875	719	1156
1990	1831	566	1265
1991	1562	521	1041
1992	1402	447	955
1993	1461	428	1033
1994	1562	391	1171
1995	1454	367	1087
1996	1110	305	805
1997	1092	267	825
1998	1019	260	759

Таблица 6

Динамика лесных пожаров и их последствий в Российской Федерации [1, 2, 6]

Показатель	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2003	2006	2008
Число случаев лесных пожаров, тыс. ед.	18	25,8	18,4	20,3	26,0	32,8	31,3	28,0	36,6	22,4	33,1	32,5	26,3
Лесная площадь, пройденная пожарами: всего тыс. га.	682	691,5	748,6	536,8	360,1	1853,5	726,7	4268,8	751,7	1328,6	2353	1494	2070
В расчете на 1 пожар, га.	38	26,8	40,7	26,4	13,9	56,5	23,2	152,6	20,5	59,3			
Сгорело и повреждено леса на корню, млн. м ³ .	10	11,1	22,3	10,2	8,5	55,9	21,8	143	21,9	39,6			

Федеральная служба лесного хозяйства России считает, что отсутствие необходимых мероприятий приводит к тому, что из-за пожаров, вредителей и болезней погибает 2 млн га (0,25 %) лесов в год. В последние два года ситуация с лесными пожарами ухудшилась.

Критерий 3. Использование лесных ресурсов

Лесопользование в Республике Беларусь осуществляется по принципу непрерывности и неистощимости. Согласно табл. 2 рубки леса главного пользования составляют площади 20 – 28 тыс. га ежегодно, на которых получают свыше 5 млн м³ ликвидной древесины. Общие заготовки ликвидной древесины составляют 10 – 15 млн м³ (1÷1,5 м³ на человека) ежегодно.

Среднегодовой объем лесопользования в последние годы составляет 1,5 – 1,7 м³ древесины с 1 га лесопокрытой площади, а это в 2,4 раза меньше ежегодного прироста древесины – 3,6 м³/га. К 2015 г. ожидается рост расчетной лесосеки главного пользования почти в 2 раза, а это позволит существенно расширить масштабы всех видов лесопользования и увеличить экспорт древесины. В последние годы расчетная лесосека по рубкам главного пользования использовалась на 70 – 80 %.

В 1988 г. Россия заготавливала 354 млн м³ древесины и занимала второе место после США (386 млн м³). В 2008 г. в системе Рослесхоза было заготовлено 166,4 млн м³ (1,1 м³ на человека) древесины. Размер ежегодного отпуска на участки лесного фонда, арендованные для заготовки древесины, эксплуатируются лишь на 50 %, но необоснованно наращиваются объемы сплошных санитарных рубок с целью увеличения внебюджетных доходов.

В страны Западной Европы в 1998 г. экспортировано: 12,3 млн м³ круглых лесоматериалов, 2,5 млн м³ пиломатериалов, 660 тыс. м³ целлюлозы и 392 тыс. м³ бумаги.

Поставки круглого леса из России в Китай составляли в 1998 г. 1,7 млн м³, 2001 г. – 8,6 млн м³, 2002 г. – 13,8 млн м³, а в 2004 г. – 15,4 млн м³. Стоимость экспортной продукции лесопромышленного сектора экономики в млрд долларов составляла: 2000 – 2002 гг. – Россия – 4,6; Китай – 6,5; 2005 – 2006 гг. – Россия – около 6, Китай – около 30. Итак, в 2000 г. Россия получала от экспорта продукции лесного сектора около 4 млрд долларов, Китай – 6,5 млрд долларов. Около 70 % лесного экспорта Китая сделано из российской древесины. Спустя 5 лет российский экспорт достиг 6 – 6,5 млрд долларов, а китайский – около 30 млрд долларов. Последний в несколько раз превышает всю прибыльность российского экспорта оружия в Китай [9, с. 2 – 7; 14].

Более половины лесов России находится на вечномёрзлотных почвах (Сибирь и Дальний Восток), в результате чего они имеют низкую продуктивность и фрагментарность. Для эксплуатации доступны лишь 45 % площади лесов, расположенных в основном на севере европейской части России, Урале и вдоль Транссибирской магистрали, однако они сильно истощены в результате интенсивной эксплуатации в прошлом столетии. Средний запас древесины на 1 га

составляет 132 м³, ежегодный прирост запаса древесины в лесах России – 936 млн м³, или 1,23 м³ на 1 га лесопокрытых земель [8, с. 3 – 20].

Критерий 4. Сохранение и поддержание биологического разнообразия лесов, и их вклады в глобальный углеродный цикл

Распределение покрытых лесом земель лесного фонда Республики Беларусь по преобладающим породам таково: сосна – 50,4, береза – 22,9, ель – 9,5 %. Из мягколиственных пород значительные площади занимают черноольшанники, осинники, сероольшанники. Среди твердолиственных пород значительная часть принадлежит дубравам, редко встречаются ясеневые и грабовые насаждения, кленовики и липняки встречаются еще реже. Средний возраст белорусских лесов около 51 года. По возрастным категориям они распределяются так: молодняки – 36,4 %, средневозрастные – 44,4 %, приспевающие – 14,2 %, спелые и перестойные – 4,7 %. Дефицит двух последних определяет возможность дальнейшей эксплуатации лесных ресурсов.

Леса России в основном являются бореальными (86 %). Главные лесобразующие породы лесного фонда: лиственница, сосна, ель, кедр, дуб, бук, береза, осина. Занимают они 89,8 % лесопокрытых земель, из которых хвойные группы – 69,6 %, твердолиственные – 2,4 %, мягколиственные – 17,8 %. Такие породы, как груша, каштан, орех грецкий, орех маньчжурский занимают менее 1 % лесопокрытых земель, остальную площадь занимают кустарники.

Леса России содержат 15 % расчетного наземного углеродного баланса. На Россию также приходится 75 % запаса связанного углерода в зоне бореальных лесных экосистем (на Канаду – 15 %, на Аляску – 2 %, на Скандинавию – 8 %).

В лесах России накоплено около 80 млрд т биомассы (40 млрд т углерода, в том числе 32,6 млрд т в живой и 7,4 млрд т в мертвой фитомассе). Депонирование углерода лесами России, рассчитанное по методике МГЭИК, составляет 610 млн т углерода в С/год. Уменьшение углерода за счет эмиссии CO₂ – около 100 млн т С/год. Соответственно, чистое ежегодное депонирование углерода в живой и мертвой биомассе лесов России – около 510 млрд т С/год. Величина эта составляет около 1/3 углеродного баланса, рассчитанного для всех лесов земного шара.

Заключение

Перспективная деятельность в лесах Беларуси определяется концепцией устойчивого развития лесного хозяйства Республики Беларусь до 2015 г. Главными ее направлениями являются следующие [4]:

- сохранение многогранной роли и разнообразных функций всех видов лесов;
- совершенствование мероприятий по охране, рациональному использованию и сохранению лесов, увеличению лесистости малолесных районов;
- содействие эффективному использованию всего комплекса товаров и услуг, получаемых за счет эксплуатации лесных угодий и лесных массивов.

В результате увеличивается площадь покрытых лесом земель, сохранена формационная структура и

видовое разнообразие лесов, повышается их устойчивость и продуктивность.

Россия производит очистку атмосферы от CO₂ для мирового сообщества примерно на два триллиона долларов. Мы имеем 21 % лесов, даем эмиссии CO₂ 7 %. США дает 23 % CO₂, а имеет 6 % лесного покрытия. Германия – 0,3 % лесов, 1 % населения, а вырабатывает 4 % CO₂.

В настоящее время леса России рассматриваются как огромный резерв древесины для своих потребностей и для мировой лесной промышленности. Однако надо учитывать, что значительная часть лесов России расположена в отдаленных районах, имеет малый потенциал роста и весьма чувствительную окружающую среду. На этой территории также проживает большое число коренных народностей, которые ведут традиционный образ жизни, используя охоту, рыбную ловлю, разводят северных оленей, а самое главное – используют лесные ресурсы. Их численность – около 190 тыс. человек.

Основные проблемы состояния и использования Российского лесного фонда таковы: аномальность возрастной структуры отечественных лесов, где преобладают спелые и перестойные насаждения; низкий уровень использования расчетной лесосеки; неразвитость инфраструктуры лесопромышленного комплекса и прежде всего достаточной сети современных лесных дорог; значительные потери лесных ресурсов, обусловленные пожарами, естественными вредителями леса и различного рода лесными правонарушениями; снижение уровня лесовосстановительных работ.

Площади лесов и запасы древесины на одного человека в Беларуси значительно ниже, чем в России, но в России они менее доступны. В Беларуси выше использование расчетной лесосеки, большая доля лесовосстановления, лучше охрана лесов, объемы заготовки древесины на человека в обеих странах примерно одинаковы.

Литература

1. Государственный доклад "О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2008 году". – М.: Министерство природных ресурсов, 2009. – 488 с.
2. Государственный доклад "О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2005 г.". – М.: Министерство природных ресурсов Российской Федерации, 2006.
3. Критерии и индикаторы устойчивого управления лесами Российской Федерации: Приказ Федеральной службы лесного хозяйства № 21 от 05.02.1998.
4. Национальная система мониторинга окружающей среды Республики Беларусь: результаты наблюдений, 2009 // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. – Минск, 2010. – 350 с.
5. Показатели устойчивого развития: структура и методология. ООН, Нью-Йорк, 1966 [пер. с англ.] / под общ. ред. В. Р. Цибульского. – Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2000. – 358 с.
6. Природные ресурсы и окружающая среда России (аналитический доклад) / под ред. Б. А. Яцкевича, В. А. Пака, Н. Г. Рыбальского // Министерство природных ресурсов Российской Федерации. – М.: НИА – Природа и РЭФИА, 2001. – 576 с.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – 2010.
8. Уткин, А. И. Углеродный цикл и лесоводство / А. И. Уткин // Лесоведение. – 1995. – № 5.
9. Шварц, Е. Лесной кодекс: невыполненные обещания и упущенные возможности / Е. Шварц // Устойчивое лесопользование. – 2006. – № 4(12).
10. Шапарев, Н. Я. Природные ресурсы Красноярского края / Н. Я. Шапарев // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. – № 4.
11. Shaparev, N. Water resources of the Krasnoyarsk Krai in sustainable development indices. International Journal of Sustainable Development and World Ecology / N. Shaparev, N. Astafiev. – 2008. – V. 15. – № 6.
12. Шапарев, Н. Я. Региональное устойчивое природопользование (Красноярский край) / Н. Я. Шапарев // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79. – № 10.
13. Шапарев, Н. Я. Введение в проблемы устойчивого развития / Н. Я. Шапарев. – Красноярск: РИО КГПУ, 2010. – 367 с.
14. Шапарев, Н. Я. Наш великий сосед Китай / Н. Я. Шапарев. – Красноярск: РИО КГПУ, 2006. – 163 с.

Информация об авторе:

Шапарев Николай Якимович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом ИВМ СО РАН, 8 391 243 8438, shaparev@icm.krasn.ru.

Nikolay Ya. Shaparev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Head of the Department at the Institute for Computational Modelling of the Siberian Branch of the RAS.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ-РЕЛИГИОВЕДОВ

*Т. И. Добрыдина, Г. В. Лежнина, М. С. Лымарева*THE ROLE OF PEDAGOGICAL TECHNIQUES IN FORMING BACHELOR'S CULTURAL AND PROFESSIONAL COMPETENCES UNDER THE *RELIGIOUS STUDIES* PROGRAMME*T. I. Dobrydina, G. V. Lezhnina, M. S. Lymareva*

В статье рассматривается, как использование педагогических технологий предоставляет широкие возможности для формирования у студентов-бакалавров общекультурных и профессиональных компетенций, предусмотренных Федеральным государственным стандартом ВПО по направлению подготовки «Религиоведение».

The article examines how the use of pedagogical techniques provides a vast range of opportunities to enable students to acquire Bachelor's cultural and professional competences specified by the Federal State Educational Standard of Higher Professional Education for the "Religious Studies" Programme.

Ключевые слова: религиоведение, общекультурные и профессиональные компетенции, педагогические технологии.

Keywords: religious studies, cultural and professional competences, pedagogical techniques.

«Религиоведение» – это сравнительно новое для российского образования направление подготовки бакалавриата. Введение этого направления в российских вузах вызвано острой необходимостью в высококвалифицированных кадрах, обладающих не только глубокими религиоведческими знаниями, но и теми компетенциями, которые позволят им грамотно, толерантно, логично и убедительно предлагать решения весьма непростых вопросов, которые, несомненно, будут вставать перед ними в их будущей профессиональной деятельности. И, как предусматривается в Федеральном государственном стандарте по данному направлению, объекты профессиональной деятельности бакалавров достаточно разноплановы: обучение учащихся среднего общего и среднего профессионального образования; организация, технологическое сопровождение, консультирование в учебном процессе; обработка и описание музейных экспонатов и ведение экскурсий; каталогизация религиозных и религиоведческих материалов и литературы в библиотеках и архивах; консультирование, обработка и предоставление материалов о религии в СМИ; общая и научная редакция религиозной и религиоведческой литературы в издательствах; осуществление взаимодействия с религиозными организациями в рамках деятельности соответствующих государственных и муниципальных органов.

Введение данного направления подготовки в вузах даёт возможность профессионально подготовить специалистов в области религиоведения, которые, работая в дальнейшем в учебных заведениях, в различных государственных и муниципальных учреждениях по взаимодействию с религиозными объединениями и т. п. и владея определенной базой научных знаний в этой сфере, смогут донести до подрастающего поколения, до широких масс населения, что в наше время глобальных природных катаклизмов, угрозы развязыва-

ния термоядерной войны во всемирном масштабе, во все увеличивающемся количестве террористических актов, происходящих преимущественно на религиозной почве, необходим диалог различных видов мировоззрения, что чрезвычайно актуально для нашей страны, которая является многонациональным и, соответственно, многоконфессиональным государством.

В последние несколько десятилетий со стороны огромного количества россиян наблюдается резкий подъем интереса к религии. Считается, что это связано, прежде всего, с экологическими и демографическими проблемами, с негативными явлениями затянувшегося социального кризиса и распадом существовавшей экономической и идеологической систем в России [1].

С другой стороны, в начале 90-х годов была создана новая модель отношений между церковью и государством, в стране законодательно была провозглашена полная свобода религиозного выбора, равенство всех религий и религиозных культов, признаны права на существование различных религиозных объединений. Всё это привело к появлению в России религиозных движений и объединений, которые предлагали проекты радикального переустройства мира, а также дало возможность импортирования новых религиозных объединений и групп иностранных миссионеров, поскольку после ликвидации атеистического образования появившаяся пустота не была заполнена даже слабым подобием какого-то религиозного образования. Эту пустоту стали самостоятельно заполнять религиозные организации самого различного толка внутри страны и из-за рубежа [3].

Современному человеку достаточно сложно разобраться в многообразии религиозных верований и сделать свой собственный мировоззренческий выбор. Чтобы иметь возможность сделать подобный выбор, человеку необходимы различные варианты решений.

В период обучения в вузе бакалавры-религиоведы смогут приобрести навыки ведения мировоззренческого диалога, овладеть искусством понимания других людей, чей образ мышления является иным, а также овладеть навыками образовательной и просветительской работы с населением в области религии, философии, культуры.

При обучении бакалавров-религиоведов от преподавателей требуется не только владение определенным минимумом религиозно-философских знаний, но и максимальная мировоззренческая нейтральность, свобода от идеологических пристрастий, так как кроме рассмотрения тем, связанных непосредственно с преподаванием соответствующих разделов их дисциплины, в ходе занятий могут обсуждаться вопросы, касающиеся, например, взаимоотношений церкви и государства, религиозного и нерелигиозного мировоззрения человека, соблюдения норм терпимости и уважительности к убеждениям окружающих, вопросы справедливости, мира и другие.

Одним из требований к условиям реализации основной образовательных программ бакалавриата на основе ФГОС является широкое использование в учебном процессе педагогических технологий с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью ООП, особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин.

В воспитательно-образовательном процессе в вузе преподаватель иностранного языка имеет широкие возможности использования современных педагогических технологий для того, чтобы вся студенческая аудитория была задействована в учебном процессе и стремилась активно применять знания, умения и навыки в различных видах деятельности. Поэтому на занятиях необходимо создавать такие условия, при которых процесс общения был бы постоянным, так как при традиционных формах проведения занятий общение в аудитории на иностранном языке весьма ограничено, не каждый студент имеет возможность высказаться, некоторые уклоняются от общения из-за боязни сделать ошибку при выполнении того или иного задания.

В качестве примера успешной формы актуализации имеющихся знаний, умений и навыков и приобретения новых можно предложить проведение деловой игры «Встреча представителей различных конфессий Кузбасса в департаменте образования Администрации области по проблемам нравственного воспитания школьников». Данная деловая игра позволяет решать задачи формирования таких компетенций, как владение одним из иностранных языков на уровне, необходимом для решения профессиональных задач выпускника бакалавриата (ОК-19); расовая, национальная и религиозная терпимость (ОК-12); способность понимать, критически анализировать и излагать базовую религиоведческую информацию (ПК-2.14); готовность к сотрудничеству с коллегами, умение работать в коллективе (ОК-14) и другие.

Рассматриваемая игра относится к играм дискуссионного типа; роли в ней могут быть постоянные и сменяемые, индивидуальные и командные. Для ее

проведения в группе из 10 – 15 студентов под руководством одного преподавателя необходимо примерно 90 минут.

На первом этапе происходит генерация идей. Участники индивидуально выявляют 3 – 4 проблемы, которые, по их мнению, являются определяющими в рамках заданной темы. Второй этап: командное обсуждение. Формируются команды. В командах проводится обсуждение, в результате которого должны быть выбраны и сформулированы две наиболее важные проблемы либо из числа проблем, предварительно выдвинутых членами команды на первом этапе, либо из числа выработанных в процессе обсуждения.

Третий этап: коллективное обсуждение. Все команды поочередно предлагают для обсуждения свои проблемы. После коллективного обсуждения выявляются, например, две основные проблемы.

Четвертый этап: выработка программы действий. Обсуждаются необходимые для решения выбранных проблем структурные роли (представители департамента Администрации, представители конфессий), которые распределяются между командами. Перед командами ставится задача выработать программу действий по решению заданных проблем.

Пятый этап: дискуссия. Проводится коллективное обсуждение отработанных программ действий. Для участников игры в составе команд используются индивидуальные роли (начальник департамента, директора школ и другие). В ходе обсуждения программы действий другим командам, выступающим в роли экспертов, могут быть даны дополнительные роли, например:

- оптимисты с тактикой видения преимуществ, выгоды в результатах действий;
- критики, в суждениях которых преобладает осторожность, истина, здравый смысл;
- творцы с тактикой исследований, предложений, новых идей, возможных альтернатив;
- «деловые люди», для которых важны только факты, цифры и информация;
- «чувственные натуры» с описанием их эмоций, чувств, с проявлением интуиции.

После этого докладчиком становится другая команда, и цикл обсуждения повторяется.

Шестой этап: оценка игровой деятельности. Система оценивания предусматривает сравнение действий команд по качеству доклада (язык и стиль изложения, содержание, форма презентации), по соблюдению ролевой функции команды и отдельных участников, по участию в обсуждении и поведению на игровой площадке.

Схема данной игры довольно универсальна и может быть использована при рассмотрении различных тем.

Общепризнанно, что одной из наиболее эффективных форм работы в Интернете со студентами, находящимися на продвинутом уровне изучения языка, являются Интернет-проекты. Проведение проектов с помощью Интернета придает им больший динамизм, меняет его временные рамки, позволяет одновременно развивать умения и навыки в различных областях знаний. Проекты могут выполняться как на занятиях, так и во внеурочное время.

Проекты носят междисциплинарный характер, способствуют формированию таких компетенций бакалавров-религиоведов, как способность использовать теоретические религиоведческие знания и методы религиоведческого исследования на практике (ОК-8); способность осуществлять научно-исследовательскую деятельность в составе научных коллективов, работа которых затрагивает религиоведческую проблематику (ПК-1.5); умение организовывать и выполнять книжные, журнальные, словарные и энциклопедические проекты, организовывать деятельность авторских коллективов (ПК-3.4) и другие.

Для организации Интернет-проектов необходимо проводить подготовительную работу: находить необходимые адреса в Интернете, определять, какие материалы, кроме сетевых, могут быть использованы, определять план действий, сроки промежуточных и итоговых результатов, оптимальную форму их представления, временные рамки проекта, состав групп для совместной работы и т. д. Во время выполнения проектов работа преподавателя может усложниться тем, что даже при самой тщательной подготовке результаты поиска в Интернете не всегда предсказуемы. Необходимо адекватно реагировать на вопросы студентов, помогать им, систематически контролировать и направлять их работу.

В качестве подобных проектов студентам-религиоведам можно предложить задание приготовить материалы для создания сайта по нравственному воспитанию молодежи или проанализировать и представить информацию о возможностях получения профессионального образования за рубежом.

Одной из профессиональных компетенций направления «Религиоведение» является умение пользоваться в процессе преподавания философских, обществоведческих и религиоведческих дисциплин в средней школе базовыми знаниями в области иностранного языка (чтение текстов). Для формирования у студентов данной компетенции (ПК-2.10) необходимо научить их грамотно работать с иностранным текстом. Обучающийся должен уметь понять общее содержание и основные факты, о которых сообщается в тексте, найти в нем необходимую информацию и точно озвучить ее. В связи с этим преподавателю необходимо обращать внимание на все этапы работы с текстом: предтекстовый, текстовый и послетекстовый. Правильная работа с текстом позволит расширить лексический запас студентов, сформирует умение понимать значения незнакомых слов из контекста, поможет закреплению различных разделов грамматики, совершенствованию речевых навыков. В соответствии с направлением подготовки «Религиоведение» корпус иностранных текстов должен состоять преимущественно из текстов религиозного характера, которые бы не только обогатили словарный запас студентов, но и способствовали формированию таких общекультурных компетенций, как готовность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия, способность развить в себе расовую, национальную и религиозную терпимость. Ключевыми темами таких текстов долж-

ны быть «религия в истории и современности», «национальные религии», «священные книги» и т. п.

Работа с текстовым материалом может выглядеть следующим образом: каждый студент или группа студентов получают микротексты на тему «Функции и роль религии в различных национальных культурах» (например, России, Китая, Германии, Израиля и т. д.). Данные тексты сопровождаются определенными предтекстовыми заданиями с целью снять лексико-грамматические трудности и расширить лексический запас, далее следуют притекстовые (заполнение таблицы, ориентированной на поиск главной информации), послетекстовые задания (обсуждение и сопоставление особенностей культуры представленных стран, принадлежность и отношение их жителей к религии). Использование на занятиях иностранного языка текстов с подобным содержанием позволяет преподавателю формировать у студентов умение уважительно относиться к культурным традициям разных стран, грамотно и толерантно вести дискуссии на религиозные вопросы на этапе обсуждения предложенной темы.

Помимо того, что хорошо подобранные оригинальные тексты должны помочь в ознакомлении с новым лексическим материалом и явиться хорошей базой для употребления ранее усвоенных лексических единиц, они должны быть интересны обучающемуся, затрагивать актуальные проблемы общества и способствовать формированию у студента собственного взгляда на предложенную ситуацию, то есть развивать и совершенствовать навыки и умения устной речи.

Очень полезным с точки зрения формирования навыков понимания иностранной речи на слух и владения устной речью представляется работа с подкастами (аудиотрэкками, профессионально озвученными носителями языка с множеством проверочных упражнений и ответами). Наиболее интересными с точки зрения затрагиваемых тем, а также полезными с точки зрения информативности, употребляемой лексики и грамматических особенностей, являются подкасты медиакомпании Deutsche Welle. Они охватывают разнообразные темы и помогают не только учить немецкий, но и получать знания об истории и культуре немецкоговорящих стран. Все треки имеют очень хорошее качество, различны по степени сложности подачи аудиоматериала, имеют различную степень длительности звучания, к каждому из них прилагается печатная версия, содержащая озвученный текст, необходимую лексику к нему, задания на понимание и творческое задание, направленное на формирование у обучаемого умения самостоятельно анализировать предложенную ситуацию, выражать свое мнение на иностранном языке и даже делать свой собственный проект.

Так, например, в подкасте «Zurück zur Kirche» («Назад в церковь») затрагивается такая актуальная тема, как снижение количества прихожан евангелистской церкви в некоторых землях Германии. После прослушивания аудиотрэкки, обсуждения проблемных (малоизвестных) мест записи и выполнения ряда заданий студенты могут зайти на сайт Евангелистской Церкви Германии (www.ekd.de) и посмотреть, каким

образом при помощи интернета церковь пытается привлечь внимание жителей, мотивировать их посещать церковные службы, крестить детей и т. п. Затем студентам можно предложить обсудить в группах следующий вопрос: какие еще есть возможности у церкви заинтересовать прихожан, какие советы можно дать разработчикам данного сайта? В заключении было бы интересно проанализировать данную ситуацию в России (обсудить, есть ли вообще сейчас в нашей стране такая проблема и как её решает православная церковь).

Мы живем в мультикультурном обществе и одной из важнейших на сегодняшний день задач, стоящих перед преподавателем, является воспитание молодежи в духе уважения ко всем народам, искоренение негативных представлений о людях других национальностей. В этой связи представляется интересной работа с подкастом «Gegen Rassismus im Klassenzimmer» («Против расизма в классной комнате»), в котором затрагивается тема дискриминации в немецких школах. В качестве успешного примера борьбы с данной проблемой приводится опыт одной из профессиональных школ немецкого города Кельн. В непригодной обстановке: рисуя, танцуя, общаясь с бывшими узниками концентрационных лагерей, – ребята поднимают тему расизма и борьбы с его проявлениями. Один из учителей данной школы использовал интересный прием: он поделил класс на две равные группы и дал им следующее задание: в течение целого дня одна группа школьников должна высказывать недовольство внешним видом другой группы класса. Целью такого радикального метода должно было стать осознание учениками того ужаса, который испытывает на себе жертва дискриминации. Данный подкаст позволит студентам не только обсудить все плюсы и минусы такого «погружения» в ситуацию, но и разработать самостоятельно или при помощи преподавателя свой проект на тему борьбы с любыми формами проявления расизма в университете. В качестве дополнительного задания студентам можно предложить придумать слоганы (например, для нанесения их на футболки). Такая работа на уроке иностранного языка поможет развитию у обучающихся толерантности к представителям других этнических культур, внесет определенный вклад в формирование компетенций в сфере межкультурной коммуникации.

Видео объединяет звуковое изображение и анимацию в единое целое, становясь тем самым полифункциональным средством обучения. Демонстрация фильмов положительно воздействует на результативный, личностный и процессуальный аспекты мотивационной сферы обучаемых. Однако, преподавателю следует помнить, что видео как техническое средство обучения эффективно только в том случае, если оно используется в органической связи со всем учебным материалом занятия и строго подчинено его целевым установкам. Планируя уроки с использованием видеоматериалов, преподавателю следует тщательно продумывать коммуникативные задачи, нацеленные на совершенствование навыков аудирования и развитие речевой активности студентов. Все упражнения или обсуждение увиденного должны быть направлены на закрепление фонетического, грамматического и

лексического материала, на отработку речевых образцов, на развитие навыков говорения. Только в этом случае видео будет эффективным средством обучения иностранному языку.

Использование видео, которое можно отнести к нетекстовым видам информации, позволило бы формировать у студентов-религиоведов такие компетенции, как понимание ценности культуры и науки (ОК-9), понимание необходимости постоянного процесса обучения, владение навыками самостоятельной работы (ОК-11), расовая, национальная и религиозная терпимость (ОК-12), владение культурой мышления, способность в письменной и устной речи правильно и убедительно оформить результаты мыслительной деятельности (ОК-13), готовность к сотрудничеству с коллегами, умение работать в коллективе (ОК-14), владение одним из иностранных языков на уровне, необходимом для решения профессиональных задач выпускника бакалавриата (ОК-19).

При работе с видеофильмом преподавателю целесообразно придерживаться соблюдения определенных этапов: 1 – преддемонстрационный этап, 2 – демонстрационный этап, 3 – последедемонастрационный этап.

На первом этапе снимаются языковые трудности, которые могут возникнуть при просмотре: вводятся и закрепляются новые слова, например: *sin, blessing, worship, resurraction* (грех, благословение, культ, воскресение) и т. п.; анализируются непривычные для обучаемых аутентичные разговорные формулы, лингвострановедческие реалии, например: *parson, moolah, archimandrite, rabbi, Wahabiism* (насмотр, мулла, архимандрит, раввин, ваххабизм) и т. д.

Студентам могут предлагаться следующие предфильмовые ориентиры:

- 1) вопросы по содержанию;
- 2) вопросы и варианты ответов к ним для выбора правильного варианта (multiple choice);
- 3) задания, связанные с последующим пересказом содержания видеофрагмента;
- 4) составление самими студентами списка возможных вопросов по теме фильма с последующим просмотром видео и нахождением ответов на эти вопросы.

Второй этап должен сопровождаться активной учебной деятельностью зрителей – обучаемых. Студенты могут делать заметки по ходу видеофрагмента. Задача преподавателя – четко сформулировать коммуникативную задачу, например: *Watch the 1st episode of the film "Science and Islam" and fill in the following table (Посмотрите первый фрагмент фильма "Наука и ислам" и заполните следующую таблицу).*

Если видеофрагмент занимает более 20 – 25 минут, то лучше организовать его пошаговый просмотр: студенты смотрят фрагмент, обсуждают его, потом смотрят следующий фрагмент и т. д. Подобный прием обеспечивает более глубокое проникновение в сюжет фильма, способствует лучшему запоминанию основных фактов.

Различают несколько видов просмотров видео: глобальный, интенсивный и селективный. При глобальном просмотре нужно понять только центральную тему фильма, ситуацию, действующих лиц. Во время интенсивного просмотра вся информация важ-

на, не следует игнорировать детали. Селективный (выборочный) просмотр предполагает работу только с определенной информацией, на что преподаватель обращает внимание перед просмотром, например: *While watching the following extract of the film make up a plan to help you retell the topic "New religions in Russia"* (Во время просмотра следующего видеофрагмента составьте план, который поможет вам пересказать тему "Новые религиозные направления в России").

На последнем этапе можно проверить эффективность использования обучаемыми предложенных им на преддемонстрационном этапе ориентиров восприятия фильма. Целесообразно использовать вопросно-ответную работу (при этом вовлекая как можно больше студентов в дискуссию), ролевое воспроизведение текста (особенно диалогов), расширение показанных в фильме ситуаций общения, их дополнение, перенос ситуации в обыденную жизнь обучаемых. Преподаватель может дать такие задания, как *Describe... (Опишете...), Comment on ... (Прокомментируйте...), Reproduce the dialogue between... (Воспроизведите диалог между...), Characterize ... (Охарактеризуйте ...), Prove that ... (Докажите, что) ..., How would you act if you were... (Как бы вы поступили, если бы вы...)* и т. д. Желательно ставить проблемные вопросы, чтобы провоцировать студентов на инициативную речь, например: *Do you believe in life after death? (Верите ли вы в жизнь после смерти?)*.

Особое внимание на этом этапе стоит уделить различным видам пересказа (сжатого, избирательно-коммуникативно-ориентированного), можно попросить студентов придумать предысторию сюжета или продолжение фильма, написать аннотацию или краткое резюме, обработать дополнительный материал по теме и представить его в виде доклада, прочи-

тать краткое резюме по содержанию фрагмента и найти во время просмотра те его части, которые неверны, не соответствуют действительности; выявить основную проблему сюжета и сравнить ее с собственной ситуацией и др.

Использование видеоматериалов на занятиях по иностранному языку, безусловно, необходимо. Однако, преподавателю следует тщательно и продуманно осуществлять подбор фильмов для просмотра. В них, на наш взгляд, должна объективно и беспристрастно освещаться важнейшая и неоспоримая роль в жизни общества как религии, так и науки. Мировоззренческий выбор и в пользу религии, и в пользу атеизма должен быть добровольным и осознанным.

Следовательно, при использовании таких педагогических технологий, как ролевые игры и Интернет-проекты, при работе с различными источниками информации: текстами, аудио и видеоматериалами, – при соблюдении принципов взаимодействия, активности обучаемых, опоры на групповой опыт, обязательной обратной связи создается образовательная среда, которая характеризуется открытостью, желанием участников общаться, накоплением совместного знания, возможностью взаимной оценки и контроля.

Подводя итог вышесказанному, можно предположить, что систематическое использование в процессе обучения в вузе совокупности педагогических технологий и включение в содержание изучаемых учебных дисциплин тематических разделов, содержание которых также позволяет формировать целый ряд общекультурных и профессиональных компетенций, будет способствовать овладению бакалаврами-религиоведами готовностью и способностью к выполнению задач будущей профессиональной деятельности и эффективной жизнедеятельности в обществе.

Литература

1. Писманик, М. Г. Религиоведение: его предмет и структура / М. Г. Писманик // Теоретические и прикладные исследования в религиоведении: сб. статей. – Барнаул, 2009. – Вып. 1 – 2.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 31 06 – религиоведение. – Режим доступа: <http://umo.msu.ru/docs/projects/religion.pdf>
3. Яблоков, И. Н. Философия религии. Актуальные проблемы / И. Н. Яблоков. – М.: ПАГС, 2007. – 248 с.

Информация об авторах:

Добрыдина Татьяна Ильинична – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, 8 (3824) 580586, tdobrydina@rambler.ru.

Tatiana I. Dobrydina – Candidate of Pedagogics, Head of the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University

Лежнина Галина Викторовна – доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, 8 (3824) 580586, galina.lezhnina@yandex.ru.

Galina V. Lezhnina – Assistant Professor at the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Лымарева Марина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, 8 (3824) 580586, abrikol13@mail.ru.

Marina S. Lymareva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
К РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ***Э. М. Казин, Н. Э. Касаткина, Н. В. Коваленко***SCIENTIFIC AND THEORETICAL ASPECTS OF PREPARING PHYSICAL EDUCATION TEACHERS
TO THE REALIZATION OF HEALTH PROTECTION IN EDUCATION***E. M. Kazin, N. E. Kasatkina, N. V. Kovalenko*

В статье представлен анализ состояния здоровья детей и подростков в современной образовательной системе и рассмотрены актуальные научно-теоретические аспекты подготовки педагога физической культуры к реализации здоровьесберегающего образования на основании системного, динамического, личностно-ориентированного и практико-деятельностного и ценностного подходов.

The article presents the analysis of the state of children's and adolescents' health in the modern educational system and considers theoretical issues of preparing of physical education teachers to the realization of healthy education on the basis of consistent, dynamic, student-oriented and activity and value approaches.

Ключевые слова: здоровьесберегающее образование, системный, динамический, личностно-ориентированный и практико-деятельностный и ценностный подходы, оздоровительные, образовательные, воспитательные и развивающие задачи, ценностный потенциал физической культуры.

Keywords: health protection in education; systematic, dynamic, student-oriented, activity and value approaches; recreational, educational and developmental objectives; the value potential of physical education.

Актуальность подготовки педагога физической культуры к реализации здоровьесберегающего образования в современных условиях социальной, экономической и политической нестабильности нашего общества подтверждается как многочисленными исследованиями здоровья детей и возможностями его сохранения, так и социально-экономическими условиями, влияющими на общее снижение здоровья нации.

Состояние здоровья российских школьников вызывает серьезную тревогу специалистов. Наглядным показателем неблагополучия является то, что здоровье школьников уменьшается по сравнению с их сверстниками двадцать лет назад. При этом наибольшее увеличение частоты всех классов болезней происходит в возрастные периоды, совпадающие с получением школьником общего среднего образования [4].

По данным всероссийской диспансеризации 2000 г. к 7 – 10 годам доля детей с 3-й группой здоровья увеличивается в 1,7 раза и составляет 14,9 %, а в возрасте 15 – 17 лет – 22 %, т. е. увеличивается в 2,5 раза по отношению к детям в возрасте до 1 года. В подростковом возрасте каждый пятый ребенок имеет хроническое заболевание или является ребенком-инвалидом [8].

Идеи приоритетности и значимости здоровья и здорового образа жизни для развития цивилизации для всех очевидны. Необходимость формирования духовного, нравственного, психического и физического здоровья является звеном, где переплетаются интересы системы образования, семьи, государства и общества в целом. Не случайно одним из направлений модернизации современного российского образования обозначено сегодня укрепление и сохранение здоровья школьников.

В национальной доктрине развития образования, в «Концепции долгосрочного социально-экономиче-

ского развития РФ до 2020 года», в основных направлениях правительства РФ на период до 2012 года», национальном проекте «Наша новая школа» отмечается, что сегодня одной из приоритетных задач системы образования в нашей стране является воспитание человека в духе ответственного отношения к собственному здоровью и здоровью окружающих, как к наивысшей социальной ценности, формирование высокого уровня здоровья детей и учащейся молодежи во всех его аспектах: духовном, психическом и физическом, – которая получила отражение в новых федеральных государственных стандартах образования в начальной и основной школе. С введением ФГОС впервые в истории образования здоровье рассматривается не как условие успешного освоения обучающимися учебных программ, а как результат образования.

Таким образом, представляется необходимым обеспечить организацию воспитательно-образовательного процесса, при котором не наносится вреда здоровью учащихся и педагогов, посредством проектирования и реализации принципов, условий, средств, методов и форм обучения и воспитания, которые способствуют формированию ценностной ориентации детей на здоровый образ жизни, готовности ребенка к безопасной жизнедеятельности.

Содержание понятия «здоровьесберегающее образование» мы понимаем как совокупность управленческих, психологических и организационно-педагогических условий, направленных на сохранение, укрепление и формирование социального, физического, психического здоровья и адаптацию субъектов образовательного процесса на основе психолого-педагогических и медико-физиологических средств и методов сопровождения образовательного процесса, профилактики факторов «риска» и реализации комплекса

межведомственных оздоровительных мероприятий [5, с. 189 – 220].

Одним из наиболее важных условий формирования здоровьесберегающего образования в школе является, на наш взгляд, качество организации физической культуры и спорта.

Ключевой фигурой здоровьесберегающего воспитательно-образовательного процесса является педагог физической культуры, эффективность деятельности которого во многом определяется не только профессиональной компетентностью, но и духовным, психическим и физическим благополучием, отношением к собственному здоровью и здоровью обучающихся.

Главная отличительная особенность здоровьесберегающего образования – это высокая зависимость успешности его реализации от уровня профессиональной подготовки педагога физической культуры. Общество запрашивает педагога не только знающего в совершенстве свой предмет, но и способного создать необходимые психолого-педагогические и здоровьесберегающие условия для развития личности обучающегося и воспитанника средствами физической культуры и спорта.

Методологическую основу концепции подготовки педагога физической культуры к реализации здоровьесберегающего образования составляют философские положения о единстве телесного, интеллектуального и духовного в структуре личности, теория и практика, сущность и явления, формы и содержание о природе деятельности.

Системный, динамический, личностно-ориентированный и практико-деятельностный подходы выступают методологическими ориентирами, позволяющими представить образовательный результат как формирование мотивированной компетентной личности педагога физической культуры, способной быстро ориентироваться в динамично развивающемся и обновляющемся информационном пространстве, получать, использовать и создавать разнообразную информацию, принимать обоснованные решения и решать жизненные проблемы на основе полученных знаний, умений и навыков, содействующих развитию и самореализации личности педагога и обучающихся.

По мнению В. К. Бальсевича, М. Я. Виленского, В. И. Ильинич, Л. И. Лубышевой и др. направленность на развитие и самореализацию человека определяет содержание физической культуры, ее ценностные ориентации – человек и его физическое, социальное, психическое и нравственное здоровье как первейшая и наиболее значимая ценность для самого человека (ребенка, взрослого), семьи, общества и государства [1, с. 56 – 60]. Содержанием физической культуры являются деятельность, обеспечивающая двигательную активность, соматическое и психическое здоровье, нормальное физическое развитие и одновременно развивающая самостоятельность, инициативу, волю, мыслительные способности, нравственные качества; традиции: приверженность здоровому образу жизни, двигательной активности, состязательности, физическому труду; инновации: современные способы организации и психофизические средства тренировки, диагностики, медицинского и

педагогического контроля, – но главное – возрождение традиций здоровьеразрушающего поведения, здорового образа жизни и отказ от вредных привычек.

Указанные положения делают целесообразным и необходимым комплексный культурно-оздоровительный развивающий подход к физическому воспитанию в теории и практике образовательной и оздоровительной работы. Он требует объединения усилий исследователей: физиологов, медиков, валеологов, психологов, педагогов, специалистов по физической культуре, – а также единства устремлений и действий ученых и практиков [8].

Здоровьесберегающая деятельность педагога физической культуры должна быть направлена на комплексное решение оздоровительных, образовательных, воспитательных и развивающих задач, вписанных в контекст ценностного развития личности. Решение *оздоровительных* задач способствует укреплению здоровья школьников посредством развития физических качеств и повышению функциональных возможностей жизнеобеспечивающих систем организма, формированию гармоничного телосложения и правильной осанки, совершенствованию деятельности сердечно-сосудистой и дыхательной систем, увеличению резистентности организма к неблагоприятным воздействиям, развитию умения приспосабливаться к меняющейся нагрузке и внешним условиями, нормализации психосоматического развития, профилактики заболеваний, стрессовых состояний. Реализация *образовательных* задач предусматривает формирование культуры движений, обогащение двигательного опыта физическими упражнениями с общеразвивающей и корригирующей направленностью, техническими действиями и приемами базовых видов спорта; освоение знаний о физической культуре и спорте, их истории и современном развитии, роли в формировании здорового образа жизни; обучение навыкам и умениям самостоятельной организации физкультурно-оздоровительной и спортивно-оздоровительной деятельности.

Воспитательные задачи позволяют решить проблемы формирования мотивационно-потребностной сферы личности в области ценности здоровья, физкультурно-оздоровительной и спортивной активности; формирования нравственного сознания и поведения, волевых качеств, трудолюбия, способности к самовоспитанию; гармоничного сочетания нравственных, физических и интеллектуальных качеств личности, организаторских способностей учащихся, инициативности, социализированности личности; воспитания дисциплинированности, доброжелательного отношения к товарищам, честности, отзывчивости, смелости во время выполнения физических упражнений, воспитания положительных качеств личности, норм коллективного взаимодействия и сотрудничества в учебной и соревновательной деятельности.

Решение развивающих задач в здоровьесберегающей деятельности педагога физической культуры предполагает содействие развитию психических процессов (представления, памяти, мышления и др.) в ходе двигательной деятельности, а также психомоторных способностей, развитию личности посредством

приобщения к ценностному потенциалу физической культуры.

Вопросы физической культуры, вписанные в контекст ценностного развития личности, должны стать основополагающими в системе образования. Для этого еще очень многое нужно сделать и в отношении совершенствования содержания образования, насыщения его культурологическим содержанием, и в охвате физкультурным просвещением и занятиями физической культурой широких слоев населения, и в подготовке кадров, способных осуществить поставленные задачи.

Нам близок подход В. А. Сластенина, заключающийся в том, что личностно-педагогические ценности выступают как социально-психологические образования, в которых отражаются цели, мотивы, идеалы, установки и другие мировоззренческие характеристики личности учителя, представляющие систему его ценностных ориентаций [9].

Наряду с педагогическими ценностями важное значение имеет понимание ценностного потенциала физической культуры, поскольку профессиональное развитие учителя предусматривает не только знание педагогических теорий, принципов и методов, но и всестороннее знание своего предмета «физическое воспитание», владение спортивной техникой, оздоровительными методиками и стремление быть для учеников образцом физического развития.

По мнению Н. Ф. Головановой «для воспитания в рамках аксиологического подхода чрезвычайно важно понимание того, что мир ценностей объективен, это сама социокультурная реальность, жизнь человека и общества. Ценности жизни становятся содержанием воспитания; образно говоря, воспитание изучает подрастающее поколение и разрешает проблему «как жить». Однако ценности имеют и личные проявления: ценностные ориентации (установки, убеждения, интересы, стремления, желания, намерения). Именно ценностные ориентации детерминируют отношения личности к окружающему миру и к самому себе». Автор убежден в том, что аксиологический подход основан на процессе понимания и освоения разных ценностей [3, с. 38 – 47].

Как указывает В. К. Бальсевич, «к общественным ценностям физической культуры мы относим накопленные человечеством специальные знания, спортивную технику, технологии спортивной подготовки, методики оздоровления, лучшие образцы двигательной активности, спортивные достижения – все то, что создано людьми для физического совершенствования, оздоровления и организации здорового образа жизни» [2].

Ю. М. Николаев в области физического воспитания выделяет такие ценности: формирование двигательных навыков, умений, знаний, восстановление духовных и телесных сил, формирование личности, умственное развитие, эстетичное, этическое воспитание. Ученый подчеркивает, что физическое воспитание формирует мотивационную, познавательную, двигательную сферы личности, и обращает внимание на то, что в результате развития мотивационной сферы осуществляется достижение таких ценностей, как

нравственность личности, ее целесообразная деятельность [7, с. 9 – 15].

Вопросу формирования разнообразных ценностей в области физического воспитания посвящены научные труды Л. И. Лубышевой, которая рассматривает процесс физического воспитания как важный компонент социальной культуры и возможность формирования двух категорий ценностей: педагогических ценностей и ценностей физического воспитания. Ученый подчеркивает, что формирование социально-значимых ценностей средствами физического воспитания должно осуществляться в рамках следующих видов воспитания: государственно-патриотическое воспитание, социально-патриотическое воспитание, социально-психологическое воспитание, гуманистическое воспитание, этическое воспитание и профессиональное воспитание [6].

А. В. Тимушкин и соавторы вводят такое понятие, как структура ценностей физической культуры, которая включает интеллектуальные ценности – знание о методах и средствах развития физического потенциала человека (общеобразовательные и специальные знания); ценности двигательного характера – лучшие образцы мышечной деятельности, личные достижения в двигательной подготовленности человека, физический потенциал (спортивная техника, умение и навыки, физическое состояние); ценности педагогической технологии – разные комплексы методического руководства (методика физического воспитания, методика спортивной подготовки), практические рекомендации здорового образа жизни и закаливания, программы, планы тренировочных занятий и тому подобное; интенционные ценности (от лат. intention – стремление) – сформированность общественного мнения, престижность физической культуры в данном обществе, ее популярность, желание и готовность людей к постоянному развитию и совершенствованию потенциала своей физической культуры; мобилизационные ценности – способность к рациональной организации своего бюджета времени, внутренняя дисциплина, собранность, скорость оценки ситуации и принятие решений, настойчивость в достижении цели [10].

Состав ценностного потенциала физической культуры остается относительно стабильным, но содержательные аспекты ценностей постоянно обновляются, дополняются, совершенствуются по мере того, как развиваются знания и повышается уровень общественной культуры [7, с. 9 – 15].

Качественно новая стадия осмысления сущности физической культуры связывается с ее влиянием на духовную сферу человека как действенного средства интеллектуального, нравственного, эстетического воспитания. И если нет особой надобности доказывать огромное влияние занятий физическими упражнениями на биологическую сущность человека: на его здоровье, физическое развитие, морфофункциональные структуры, – то ее влияние на развитие духовности требует особых пояснений и доказательств.

Сегодня необходимы признание идеи «человеческой сущности физической культуры» (Ю. М. Николаев) на уровне массового сознания, изменение отношения педагогического сообщества к

«физической культуре» как к «второстепенному» предмету и построение здоровьесберегающего воспитательно-образовательного процесса на основе формирования ценности здоровья [7].

Несомненно, актуальность подготовки педагога физической культуры к реализации здоровьесберегающего образования определяет ценностное отношение к здоровью как личностное качество каждого человека, которое может сформироваться только благодаря активной здравотворческой деятельности самого человека. Но мы считаем, что о сформированности данного качества можно говорить только в том случае, когда культурные здравотворческие традиции будут проявляться всегда, независимо от обстоя-

тельств. Ценностное отношение к здоровью – это не только знание человеком своего внутреннего (физического, психического, социального, духовного) мира, но и осознание своего морального облика, своей оценки внешнего мира и других людей, своего положения в природе и социуме. Формирование ценностного отношения к здоровью, физической культуре связано с развитием самостоятельности, субъектности человека. Эта позиция представляется нам наиболее целесообразной, так как рассматривает ценностное отношение к здоровью, физической культуре как сложный результат внутренней и внешней активности человека.

Литература

1. Новые векторы модернизации массового физического воспитания детей и подростков в общеобразовательной школе / В. К. Бальсевич [и др.] // Теория и практика физической культуры. – 2003. – № 4.
2. Бальсевич, В. К. Физическая культура для всех и для каждого / В. К. Бальсевич. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 208 с.
3. Голованова, Н. Ф. Подходы к воспитанию в современной отечественной педагогике / Н. Ф. Голованова // Педагогика. – 2007. – № 10.
4. Доклад о состоянии здоровья детей в Российской Федерации (по итогам Всероссийской диспансеризации 2002 г.). – Режим доступа: <http://www.fzr.ru/doc>
5. Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика: учебное пособие / под науч. ред. Э. М. Казина; ред. коллегия: Н. Э. Касаткина [и др.]. – 2-е изд., доп. и переработ. – Кемерово: КРИП-КиПРО, 2011.
6. Лубышева, Л. И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие / Л. И. Лубышева. – М.: Академия, 2001. – 240 с.
7. Николаев, Ю. М. Общая теория и методология физической культуры: контуры нового – человеческого измерения / Ю. М. Николаев // Теория и практика физической культуры. – 2005. – № 11.
8. Образование и здоровье: сб. науч. ст. / ред. В. И. Загвязинский, В. М. Чимаров. – Тюмень: ТюмГУ, 2005.
9. Сластенин, В. А. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, Г. И. Чижикова. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
10. Тимушкин, А. В. Физическая культура и здоровье: учеб. пособие / А. В. Тимушкин, Н. Н. Чесноков, С. С. Чернов. – М.: СпортАкадемПресс, 2003. – 139 с.

Информация об авторах:

Казин Эдуард Михайлович – доктор биологических наук, заслуженный деятель науки, профессор кафедры теории и методики общего образования МАОУ ДПО ИПК, 8(3842)58-35-15.

Eduard M. Kazin – Doctor of Biology, Honored Scientist, Professor at the Department of Theory and Methodology of Education, Institute of Professional Retraining, Novokuznetsk.

Касаткина Наталья Эмильевна – доктор педагогических наук, заслуженный работник высшей школы РФ, зав. кафедрой межвузовской общей и вузовской педагогики КемГУ, 8(4842)58-29-55, Kasatkina@kemsu.ru.

Natalia E. Kasatkina – Doctor of Pedagogics, Honoured Worker of High School of the Russian Federation, Head of the Inter-University Department of General and High School Pedagogics, Kemerovo State University

Коваленко Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Новокузнецкого филиала КемГУ, 8(3843)74-88-49, knv-nvk-3754@mail.ru.

Natalia V. Kovalenko – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Psychology, Novokuznetsk branch of Kemerovo State University.

УДК 378.

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ВУЗА К УСЛОВИЯМ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

А. И. Крецан, Н. Э. Касаткина

PREPARING AGRICULTURAL UNIVERSITY STUDENTS TO THE FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE REGION

A. I. Kretsan, N. E. Kasatkina

В статье рассмотрена проблема подготовки студентов сельскохозяйственных вузов к условиям будущей профессиональной деятельности в регионе на примере трех аграрных учебных заведений страны. Показаны перспективы создания системы непрерывного образования на протяжении всей жизни путем объединения учебных заведений различного уровня вокруг головного вуза.

The paper considers the problem of training the students of agricultural universities for the conditions of the future professional activity in the region on the example of three agrarian educational institutions in Russia. The authors shows the prospects of establishing a system of lifelong education through the association of educational institutions of various levels around the head university.

Ключевые слова: подготовка кадров для АПК, непрерывное образование, взаимодействие учебных заведений и работодателей.

Keywords: training for the agro-industrial complex, lifelong education, interaction of educational institutions and employers.

В проекте стратегии инновационного развития аграрно-промышленного комплекса (АПК) Российской Федерации до 2020 года поставлены достаточно амбициозные задачи в развитии сельскохозяйственного производства. Достичь качественного подъема в аграрном секторе без кардинальных изменений в подготовке специалистов практически невозможно.

После административной ликвидации колхозно-совхозной системы российскую аграрную сферу покинуло по тем или иным причинам большинство агрономов, зоотехников, инженеров, ветеринаров, экономистов, квалифицированных механизаторов, других работников. Сложилась такая ситуация, что если правительство решит выделить селу значительные финансовые средства на развитие аграрной сферы, то их невозможно будет использовать на инвестиции непосредственно в новые технологии производства, поскольку за один год нельзя привлечь в сельское хозяйство, сельскохозяйственное машиностроение, другие виды деятельности, связанные с селом, достаточное количество подготовленных специалистов. Требуется время, чтобы восстановить воспроизводство качественной рабочей силы на селе. Из этого следует вывод: на первом этапе долгосрочной стратегии развития аграрной сферы необходимо резко увеличить долю капитальных вложений, связанных с воспроизводством квалифицированных работников для всех видов деятельности – от фермерства до органов управления [1].

Проблема качества кадров в АПК страны стоит очень остро. За последние 10 лет число специалистов с высшим образованием сократилось вдвое. Лишь 67,5 % руководителей и 53,4 % специалистов сельскохозяйственных организаций имеют профессиональное высшее образование. По обеспеченности специалистами высшей квалификации аграрная сфера отстает от промышленности на 24 %. Только на каждом втором сельскохозяйственном предприятии рабо-

тает квалифицированный специалист. Выражают желание работать в АПК лишь около 36 % от общего числа выпускников аграрных вузов [2, с. 3].

Действительно, переход сельского хозяйства на инновационные рельсы невозможен без наличия подготовленных кадров.

Сделаем исторический экскурс в недавнее прошлое. Система подготовки кадров начиналась со школьной скамьи. В большинстве сельских школ действовали учебно-производственные бригады, где с младших классов прививался интерес к сельскому труду, к той или иной профессии. Соревнование между учебно-производственными бригадами в районе, регионе позволяло выявлять лучших, проводить постоянный обмен опытом, на этом начальном этапе профориентации определять наиболее способных мальчишек и девчонок для обучения в высших и средних сельскохозяйственных учебных заведениях. Обучаясь в институте, студенты не знали проблем с прохождением производственных практик. За учебным заведением директивно были закреплены базовые предприятия. В итоге в советской системе плановой подготовки кадров для совхозов и колхозов практически каждый выпускник получал рабочее место в соответствии со своей специальностью.

Распределение выпускников высших и средне-специальных учебных заведений позволяло закрепить подготовленные кадры на селе, а затем в процессе адаптации молодых специалистов выявлять среди них перспективных, творческих, наделенных даром администрирования кадров для их дальнейшего роста.

С переходом экономики на рыночные рельсы, ликвидацией совхозно-колхозной системы проявились две парадоксальные тенденции в системе кадров для сельского хозяйства. С одной стороны произошел массовый исход специалистов в другие отрасли экономики, с другой – в течение последних 20 лет в несколько раз увеличилось число студентов аграрных

вузов. Казалось бы, из огромной массы выпускников можно без проблем укомплектовать хозяйства всех форм собственности высококвалифицированными специалистами, отбирать лучших из лучших. К сожалению этого не происходит. Для молодого человека стоит цель – получить высшее образование – не с точки зрения получения специальности, а диплома как документа для статуса человека в социуме. Система подготовки специалистов развивается как бы в двух плоскостях: для студентов – обретение вожделенного диплома, неважно какой ценой, для вуза – доведение студента до получения диплома, а за это получение финансирования учебного заведения, неважно из бюджета государства или семьи. Вопрос качества подготовки специалиста, его трудоустройства и реализации полученных знаний и умений отходит на задний план. К сожалению, обе стороны этого процесса, получив требуемый результат, не решают основной задачи – подготовка высококвалифицированных кадров, имеющих спрос в экономике и в сельском хозяйстве в частности. С таким подходом к подготовке кадров говорить о переходе на инновационный путь аграрного сектора экономики контрпродуктивно.

Рассматривая проблему адаптации студентов сельскохозяйственных вузов к будущей профессиональной деятельности, мы обозначили негативные тенденции, определявшие в последнее время систему подготовки кадров для сельского хозяйства. Вместе с тем целый ряд аграрных учебных заведений смогли адаптировать лучшее из опыта советской системы образования к рыночным условиям, наработать новые формы и методы подготовки и переподготовки кадров.

В качестве примера возьмем три высших учебных заведения в европейской и азиатской части РФ: Белгородская государственная сельскохозяйственная академия – учебное заведение, которому чуть больше 40 лет [3]. За последние годы из простого сельхозинститута превратилось оно в мощный центр подготовки кадров, появились новые структурные подразделения и службы:

- центр непрерывного аграрного образования, объединяющий все аграрные образовательные структуры области в единый многоуровневый комплекс и включающий систему агроклассов (17 классов в 10-и школах), профильных классов, лицейских групп, учреждений начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования;
- учебно-методическое управление, включающее учебно-методический отделы высшего и дополнительного профессионального обучения, профессиональной подготовки, лабораторию управления качеством образования, службы довузовской подготовки, профориентационной работы, целевой контрактной подготовки, организации практического обучения и содействия трудоустройству выпускников;
- факультет заочного профессионального образования;
- факультет среднего профессионального образования;
- информационно-аналитический центр,
- комбинат рабочих профессий, в котором ежегодно проходят обучение более 700 студентов;

– сеть базовых хозяйств с 28 аудиториями на производстве;

– учебно-научный инновационный центр УНИЦ "Агротехнопарк", включающий инновационные предприятия по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, учебно-выставочный и информационно-консультационный центры, бизнес-инкубаторий;

– сеть представительств (5) академии на базе учебных заведений среднего и начального профессионального образования;

– методические кабинеты факультетов;

– лингвистический образовательный центр «Лингва-БелГСХА»;

– студенческий и спортивный клубы с 17 спортивными секциями, 7 коллективами художественной самодеятельности и командой КВН и др.

В 2007 году в структуру вуза вошёл Институт переподготовки и повышения квалификации кадров агробизнеса, что фактически замкнуло цепь непрерывного аграрного образования и значительно расширило возможности академии по подготовке высококвалифицированных специалистов.

При академии создан и успешно функционирует **комбинат рабочих профессий**, осуществляющий подготовку студентов по программам 27 рабочих профессий. Каждый студент в ходе обучения в нашем вузе, помимо основной специальности, овладевает несколькими рабочими профессиями, связанными с сельскохозяйственным производством, к примеру, тракториста, оператора машинного доения, пчеловода, осеменатора и т. д. Это позволяет значительно увеличить практическую составляющую обучения и его эффективность.

Об успешном функционировании системы непрерывного аграрного образования свидетельствуют следующие факты: из выпускников дневного отделения 2009 года, обучавшихся за счет средств госбюджета, было трудоустроено в сельскохозяйственные организации 78 %, в 2011 году – 79 %, в том числе 35 % получили направления на работу в рамках целевой контрактной подготовки. В 2009 году доля сельской молодежи в общем числе зачисленных на 1-й курс обучения составила 72,6 %, в 2011 – более 80 % [3].

Несмотря на сложную демографическую ситуацию (если в 2007 году выпускников школ здесь было более 12 тысяч, в 2009 – лишь немногим более 8 тысяч, в 2011 году – 7,8 тысяч), образование в Белгородской ГСХА продолжает пользоваться большим спросом среди абитуриентов. В 2009 году в Белгородской ГСХА не только не сократилось количество обучающихся, но и увеличилось по сравнению с прежними годами. В 2011 году количество студентов, обучающихся на бюджетной основе, также возросло. Конкурс в 2010 г. составил по дневному отделению – 3,8, в 2011 – 4,5, по заочному – 4,5 и 4,0 человека на место соответственно [4].

В Оренбургском государственном аграрном университете учебный процесс обеспечивают 7 факультетов (агрономический, лесохозяйственный, ветеринарной медицины и биотехнологий, информационных технологий, механизации сельского хозяйства, экономический, юридический), 4 института (Институт

управления, Институт дополнительного профессионального образования, Институт управления рисками и БЖД в АПК, Институт непрерывного профессионального образования), Таможенный колледж и 39 филиалов кафедр на производстве [5].

Отбор абитуриентов и их профориентация ведётся через Центры довузовской подготовки (ЦДП), Ассоциацию учебных заведений непрерывного аграрного образования, в которую входят 30 учебных заведений различного уровня (профтехучилища, колледжи, техникумы, вузы).

Общий контингент студентов университета составляет 8928 человек, в т. ч. 6464 – по очной форме обучения.

С 2002 года университет участвует в выполнении областного заказа по целевой подготовке специалистов для конкретных районов области (губернаторский набор). Каждый образовательный цикл студентов целевого набора непосредственно связан с тем сельскохозяйственным предприятием, в котором они будут работать после окончания обучения. Усилению связи с предприятиями различных районов области способствуют проводимые Дни районов в университете и Дни университета в районах, в которых кроме студентов активное участие принимают ведущие преподаватели вуза.

Интересным опытом, заслуживающим распространения, является работа «Ассоциации учебных заведений непрерывного аграрного образования». Учебные заведения разного подчинения и уровня подготовки специалистов объединены единой целью – развитие многоуровневой непрерывной системы инновационной подготовки высококвалифицированных специалистов.

В концепции развития этого учебного заведения записано: «НАША МИССИЯ – формирование инновационного кластера высокопрофессиональной сельской интеллигенции как локомотива и гаранта устойчивого развития экономики аграрно-индустриального приграничного региона» [5].

Кемеровский сельхозинститут ежегодно проводит дни открытых дверей для выпускников, прежде всего сельских школ, сотрудники кафедр выезжают в школы для проведения встреч с потенциальными студентами, ежегодно представители учебно-производственных бригад съезжаются в сельхозинститут для подведения итогов работы. За небольшой срок своего существования Кемеровский сельхозинститут смог добиться интересных достижений в отдельных направлениях. Особенно перспективной является деятельность проблемной научно-исследовательской лаборатории рекультивации нарушенных земель (зав. лабораторией М. А. Яковченко – канд. хим. наук, доцент). Это направление в перспективе может стать тем звеном, на основе которого будут развиваться все остальные направления работы института. Кузбасс с перспективой увеличения добычи угля нуждается в комплексе природоохранных мероприятий. Более на-

полненной может стать деятельность лаборатории агробiotехнологий (руководитель М. Г. Курбанова – канд. тех. наук, доцент) [6].

В целом делается немало. Но, к сожалению, ряд сельскохозяйственных вузов, к которым относится и Кемеровский сельскохозяйственный институт, не смогли в период перехода экономики на рыночные рельсы объединить вокруг себя учебные заведения сельскохозяйственного профиля. Причиной стали проблемы объективного и субъективного характера. Мы полагаем, Кемеровский сельхозинститут может стать методическим центром для учреждений образования сельскохозяйственного профиля, центром сосредоточения научных знаний в области современных агротехнологий и животноводства, природопользования в регионе.

На современном этапе подготовки специалистов для сельского хозяйства одной профориентации и выпуска агрономов и ветеринаров с дипломом о высшем образовании явно недостаточно. Инновационное развитие экономики, в том числе и сельского хозяйства, требует совершенно иных подходов к обучению и воспитанию будущих проводников новых идей, новых взглядов на развитие аграрного сектора и условия жизни социума в селе.

Учебные заведения сельскохозяйственного профиля должны иметь в своей материальной базе самую современную технику, самые передовые технологии, лучший семенной материал, элитные породы скота и т. п. Только на основе действительно лучшего из имеющегося можно привить у молодежи интерес к развитию сельского хозяйства. Нынешние выпускники аграрных университетов должны стать своего рода «декабристами в Сибири», несущими новые знания, умения и навыки сельским труженикам.

Возникает вопрос, какие шаги должны сделать учебные заведения, готовящие кадры для села.

Основным шагом при переходе на уровневые программы высшего образования и появлением возможности для студентов чередовать обучение и работу должно стать постепенное формирование в массовом сознании философии обучения на протяжении всей жизни.

В современных условиях рыночной экономики роль координатора во взаимодействии учебных заведений и работодателей (сельхозпредприятий, фермерских хозяйств) должны взять на себя общественные объединения – ассоциации фермерских хозяйств, сельских товаропроизводителей и т. п. Обсуждая в своих профессиональных сообществах проблемы развития своей отрасли, они смогут выступать в роли заказчика на те или иные группы специалистов, программы обучения, повышения квалификации и переподготовки кадров. Учебные заведения должны взять на себя миссию методического, научного сопровождения своих выпускников, консультационного центра для всех сельхозпроизводителей региона.

Литература

1. Амосов, А. Стратегия развития аграрной сферы: экономический портал. – Режим доступа: <http://institutions.com/strategies/1132-strategiya-razvitiya-agrarnoj-sfery.html>

2. Погоньшева, Д. А. Оптимизационное моделирование профессиональной подготовки студентов аграрного вуза: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Д. А. Погоньшева. – М., 2010.
3. Турьянский, А. В. Модернизация аграрного образования / А. В. Турьянский // Ваш успех. – 2008. – № 6.
4. Официальный сайт Белгородской сельскохозяйственной академии. – Режим доступа: <http://www.bsaa.edu.ru/>
5. Официальный сайт Оренбургского государственного сельскохозяйственного университета. – Режим доступа: <http://www.orensau.ru/>
6. Официальный сайт Кемеровского государственного сельскохозяйственного института. – Режим доступа: <http://www.ksai.ru/>

Информация об авторах:

Креца́н Александр Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, Кемерово, akretsan@mail.ru.

Alexander I. Kretsan – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Finance and Credit, Kemerovo State Agricultural Institute.

Касаткина Наталья Эмильевна – доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ и АПСН, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, kasatkina@kemsu.ru.

Natalia E. Kasatkina – Doctor of Pedagogics, Honoured Worker of High School of the Russian federation, Head of the Inter-University Department of General and High School Pedagogics, Kemerovo State University.

УДК 001.891-057.875:378

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ

В. В. Ерёмин

THE ORGANISATION OF THE PROFESSIONAL-ORIENTED RESEARCH ACTIVITY FOR FUTURE SPECIALISTS AT THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

V. V. Eremin

В статье рассматриваются современные требования к исследовательской деятельности будущих специалистов, предлагается авторская методика профессионально-ориентированной исследовательской деятельности обучающихся в высшем учебном заведении. В статье также приводятся результаты эксперимента по разработанной методике.

This article deals with modern requirements to the research activity of the future specialists and the author proposes a procedure of professional-oriented research activity for people trained at higher educational institutions. Besides, some results of an experiment are given in this article according to the elaborated procedure.

Ключевые слова: профессионально-ориентированная исследовательская деятельность, профессиональные компетенции, профессиональные задачи, мотивация.

Keywords: professional-oriented research activity, professional competences, professional tasks, motivation.

Как известно, в числе основных задач высшего учебного заведения указывается необходимость развивать науки посредством научных исследований. В связи с этим особое внимание уделяется в вузах организации исследовательской деятельности будущих специалистов в области их профессиональных интересов.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) предусматривают в числе видов подготовки к профессиональной деятельности студентов-бакалавров и магистров научно-исследовательскую деятельность. Мы провели обзор стандартов по направлениям подготовки, с которыми работаем, и выделили профессиональные задачи в части научно-

исследовательской работы студентов, которые могут быть реализованы при изучении иностранного языка.

Профессиональные задачи:

- изучение новых научных результатов, научной литературы и научно-исследовательских проектов;
- поиск информации, сбор и анализ данных;
- разработка научных обзоров, составление рефератов и библиографии;
- анализ, оценка процессов и явлений как в России, так и за рубежом, интерпретация полученных результатов и обоснование выводов;
- проведение статистических обследований и обработка результатов;
- участие в разработке проектных решений;
- участие в работе научных семинаров, научно-тематических конференций, симпозиумов;

– подготовка научных и научно-технических публикаций.

Научно-исследовательская деятельность также отражена в профессиональных компетенциях. Эти компетенции предполагают осуществление глобальной коммуникации. Вот примеры таких компетенций.

Профессиональные компетенции:

– способность осуществлять целенаправленный поиск информации о новейших научных и технологических достижениях в сети Интернет, способность взаимодействовать и сотрудничать с профессиональными сетевыми сообществами и международными консорциумами;

– способность анализировать и интерпретировать данные отечественной и зарубежной статистики, выявлять тенденции изменения показателей;

– способность собирать необходимые данные, анализировать их, подготовить информационный обзор и/или аналитический отчет при использовании отечественных и зарубежных источников информации.

Далее нас заинтересовало, какие современные научные выводы существуют в вопросе организации научно-исследовательской деятельности студентов?

Первый вопрос, который обращает на себя внимание: что подразумевается под исследовательской деятельностью студентов в контексте их профессиональной подготовки?

Ответ на этот вопрос дает Ю. А. Шурыгина в своем исследовании на примере педагогического вуза: «Профессионально-ориентированная исследовательская деятельность студентов педагогического вуза представляет собой процесс поиска объективно или субъективно новых знаний, направленных на решение педагогических проблем в процессе профессиональной подготовки, результатом которой является усвоение знаний методологии и методики педагогических исследований, формирование умений организации и регуляции собственного исследования и исследований учащихся» [3, с. 143].

Второй вопрос, который возникает: в чем выражается готовность осуществлять исследовательскую деятельность?

Ответ на этот вопрос в своем исследовании дает С. М. Тутарищева: «Готовность к профессионально ориентированной научно-исследовательской деятельности является профессионально значимым личностным качеством современного специалиста, определяющим его способность и стремление эффективно осуществлять научные исследования в профессиональной сфере. Ее структура и содержание определяются сущностью научно-исследовательской деятельности и включают содержательно-процессуальный (исследовательские знания и умения) и мотивационный (познавательные интересы) компоненты» [2, с. 124].

Мы синтезировали требования ФГОС ВПО, представленные выводы исследователей и разработали методику профессионально-ориентированной исследовательской деятельности обучающихся:

– развитие мотивации к исследовательской деятельности;

– овладение методами исследовательской деятельности;

– организация исследовательской работы обучающихся на занятиях;

– активизация самостоятельной исследовательской работы обучающихся;

– анализ деятельности и результатов исследовательской работы обучающихся.

Развитие мотивации к исследовательской деятельности

– Учет направления подготовки и личных интересов обучающихся.

Данное положение подразумевает следующее. Выбор студентом определенного направления подготовки уже подразумевает наличие определенной мотивации к освоению будущей профессии. Поэтому будет целесообразным увязывать организуемую исследовательскую работу в области межкультурной коммуникации с профессиональными дисциплинами или отдельными темами, к которым студент проявляет интерес.

– Исследование мотивации обучающихся.

Речь идет об установлении объективной картины предрасположенности студентов к исследовательской деятельности. Для этого применяется ряд диагностических средств. Например, тесты на определение преобладания у студентов определенных мотивов, уровня мотивации достижения.

– Создание на занятиях ситуаций новизны и актуальности.

Студентам предлагается сделать краткие сообщения о сфере своих профессиональных интересов. В нескольких предложениях нужно постараться отразить следующее: сущность выбранной сферы, её роль или польза в современном обществе, перспективы её дальнейшего развития и роль межкультурного сотрудничества.

Овладение технологиями и методами исследовательской деятельности

Чтобы осуществлять исследовательскую деятельность, обучающиеся должны знать, какими способами можно выполнять ту или иную работу, и уметь соблюдать организационно-процессуальные требования в ходе выполнения работы.

В связи с этим на преподавателя возлагается ответственность по ознакомлению обучающихся с технологиями и методами исследования в плане раскрытия их цели, задач, правил, регламента, ролей и т. д.

Организация исследовательской работы обучающихся на занятиях

Первые шаги в исследованиях обучающиеся делали под непосредственным руководством и контролем преподавателя на занятиях. Это помогает им осмыслить теоретические основы методов исследования и связать их с практическими шагами.

На занятиях по иностранному языку мы взяли за основу реферирование профессионально-ориентированных и научных зарубежных статей, поскольку такой вид работы позволяет обучающимся приобрести и развить многие знания и умения в научно-исследовательской деятельности, заложенные в образовательных стандартах. Речь идет, в частности, об уме-

нии находить, собирать, анализировать, интерпретировать информацию и давать ей собственную оценку.

Активизация самостоятельной исследовательской работы обучающихся

После того как у обучающихся появилось стабильное умение находить нужную информацию и анализировать ее на занятиях, была организована их самостоятельная исследовательская работа по принципу «от простого к сложному».

Так, сначала обучающиеся делали доклады, представляя информацию по существу вопроса или исследования применительно к данной ситуации. Затем они составляли рефераты, содержащие творческое или критическое осмысление реферируемых источников по определенной теме.

После того как были сформированы основные навыки поиска, анализа и интерпретации информации, студенты выполняли проектные работы. Данные работы предполагали решение какой-то проблемы, предусматривающей, с одной стороны, использование разнообразных методов, средств обучения, а с другой стороны – интегрирование знаний, умений из различных областей науки.

Обучающимся, демонстрирующим наибольший прогресс в исследовательской работе, мы предлагали написание тезисов или научных статей.

Анализ деятельности и результатов исследовательской работы обучающихся

Цель анализа деятельности и результатов исследовательской работы заключается в том, чтобы проверить сформированность профессиональных компетенций в части НИР, заложенных во ФГОС ВПО.

Сформированность данных компетенций можно констатировать, на наш взгляд, при следующих условиях:

- наличие устойчивой мотивации и активное участие обучающихся в исследовательской деятельности;
- владение обучающимися технологиями и методами исследования;
- умение анализировать информацию и получать необходимые знания при выполнении разных видов исследовательских работ;
- умение интерпретировать полученные данные и оформлять их в материалах научно-исследовательского характера.

На основе разработанной нами методики мы организовали профессионально-ориентированную исследовательскую деятельность будущих специалистов. Участников такой работы мы выделили в три группы по направлениям и уровням подготовки: студенты неязыковых факультетов (НФ), студенты факультета романо-германской филологии (РГФ) и слушатели «Президентской программы подготовки управленческих кадров для предприятий и организаций Российской Федерации» (ППУК).

Первое направление педагогической деятельности – развитие мотивации к исследовательской деятельности. Здесь мы исследовали мотивацию обучения студентов и слушателей в вузе. Для этого мы применили одноименный тест Т. И. Ильиной, где мотивация обучения оценивалась по шкалам «Приобретение знаний», «Овладение профессией» и «Получение диплома».

В тестировании приняли участие 504 человека, это составляет 100 % от участников эксперимента. Результаты опрошенных мы распределили по трем основным группам: студенты факультета РГФ (РГФ), студенты неязыковых факультетов (НФ) и слушатели Президентской программы подготовки управленческих кадров (ППУК) (таблица 1).

Таблица 1

Результаты определения мотивации обучения в вузе участников эксперимента

Мотивы	РГФ		НФ		ППУК	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Приобретение знаний	23	22	92	27	20	42
Овладение профессией	52	50	201	57	24	50
Получение диплома	29	28	61	17	4	8

Согласно результатам теста большая часть опрошенных мотивирована на овладение выбранной профессией. Значительно меньше тех, кто нацелен на приобретение знаний. Меньше всего оказалось респондентов, которых интересует главным образом получение диплома об образовании.

Тем не менее мотивы «Приобретение знаний» и «Овладение профессией» имеют определяющее значение, поскольку по итогам интерпретации результатов теста их преобладание у респондентов свидетельствует об адекватном выборе профессии и удовлетворенности ею.

По нашему мнению, одной удовлетворенности выбранной профессией недостаточно, чтобы судить о готовности студентов осуществлять исследовательскую деятельность. По нашим наблюдениям важным

условием еще является стремление к улучшению результатов, неудовлетворенность достигнутым, настойчивость в достижении своих целей. Такие качества рассматриваются в психологии в структуре мотивации достижения и оцениваются, в частности, в тесте А. Карелина «Шкала оценки потребности в достижении». Поэтому мы использовали данный тест в нашем исследовании.

Результаты данного тестирования показали, что во всех группах наблюдается общая тенденция – большая часть респондентов показала средний уровень потребности в достижении, а высокий уровень продемонстрировала меньшая часть (таблица 2).

Данные обоих тестов свидетельствовали о необходимости закрепления и дальнейшего развития мотивации студентов в исследовании в области своих профес-

сиональных интересов. Для этого мы предлагали обучающимся делать краткие сообщения о сфере своих профессиональных интересов, что способствовало в целом созданию на занятиях ситуации новизны и акту-

альности. Это достигалось за счет того, что студенты и слушатели делали небольшие сообщения о сущности выбранной сферы, её роли и пользе в современном обществе, перспективах её дальнейшего развития.

Таблица 2

Результаты оценки потребности в достижении участников эксперимента

<i>группы</i>	<i>Оценка</i>					
	<i>Уровень мотивации достижения</i>					
	<i>низкий</i>		<i>средний</i>		<i>высокий</i>	
	<i>чел.</i>	<i>%</i>	<i>чел.</i>	<i>%</i>	<i>чел.</i>	<i>%</i>
РГФ	33	32	58	56	14	12
НФ	92	26	232	65	30	9
ППУК	3	7	29	60	16	33

На следующем этапе в ходе ознакомления с методами научного исследования осуществлялась исследовательская работа обучающихся на занятиях, которая представляла собой реферирование статей из зарубежных периодических изданий. Эта работа выглядела следующим образом. Обучающиеся готовили предварительно презентацию выбранной темы статьи в сфере своих интересов, где, так или иначе, прослеживалось социокультурное влияние на события или проблему. Затем на занятии они выступали перед аудиторией.

Дальнейший ход работы зависел от уровня подготовленности обучающихся по иностранному языку и рассматриваемой темы. Если уровень подготовки был низкий, то после презентации статьи аудитории предлагалось передать общее содержание статьи, а докладчикам – поделиться своими впечатлениями о выполненной работе (в чем были трудности и как они преодолевались).

Если уровень подготовки был продвинутый, то на основе представленных статей разворачивалась дополнительная работа в виде дискуссии по проблеме статьи.

После выступления оратору задавали вопросы. Затем присутствующие высказывали собственное мнение по проблеме статьи, о роли социокультурных особенностей в деятельности людей. По ходу дискуссии осуществлялся сбор высказанных мнений, проводилось их сравнение, анализ и в конце дискуссии подводился итог.

Самостоятельная исследовательская работа студентов и слушателей реализовывалась в ходе подготовки докладов, рефератов и проектов. Основным видом исследовательской работы все же стали проекты в силу их специфики – интегрирование знаний и умений из различных областей науки.

При организации проектных работ мы учитывали теоретические положения по методу проектов [1].

Особое внимание уделялось этапам подготовки проектных работ. Выполнение проектных работ оценивалось по 4-балльной шкале: 5 баллов (отлично), 4 балла (хорошо), 3 балла (удовлетворительно), 2 балла (неудовлетворительно). Результаты выполнения проектных работ представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты выполнения проектных работ

<i>РГФ</i>						<i>НФ</i>						<i>ППУК</i>					
<i>низкий чел. %</i>	<i>средний чел. %</i>	<i>высокий чел. %</i>	<i>низкий чел. %</i>	<i>средний чел. %</i>	<i>высокий чел. %</i>	<i>низкий чел. %</i>	<i>средний чел. %</i>	<i>высокий чел. %</i>	<i>низкий чел. %</i>	<i>средний чел. %</i>	<i>высокий чел. %</i>	<i>низкий чел. %</i>	<i>средний чел. %</i>	<i>высокий чел. %</i>	<i>низкий чел. %</i>	<i>средний чел. %</i>	<i>высокий чел. %</i>
9	9	71	68	24	23	74	21	265	75	15	4	7	13	33	72	8	15

В ходе групповых и индивидуальных бесед, связанных с подготовкой проектных работ, были выявлены ряд особенностей выполнения работ, характерных для каждой группы. Легче всего выполнение проектных работ далось студентам факультета РГФ. Хорошие языковые и страноведческие знания, сформированные по другим дисциплинам, доступ к различным источникам информации помогли им при выполнении работ.

Слушатели, имея уже опыт специалистов и руководителей, ставили перед собой цепочку конкретных проблемных задач, что создавало для них главную трудность в подготовке работы. Эта особенность отличала их от студентов обеих групп, которые из-за отсутствия личного профессионального опыта выражали лишь субъективные представления о своей будущей

профессии и делали большей частью общие выводы в своих работах.

Наибольшие трудности испытывали студенты неязыковых факультетов. Здесь был вскрыт ряд проблем. Во-первых, недостаточные языковые и страноведческие знания, что ограничивало поиск информации в первоисточниках на иностранном языке. Во-вторых, ограниченный доступ к источникам информации, прежде всего к Интернету, поскольку большинство студентов неязыковых факультетов проживают в общежитии. В-третьих, многие студенты выражали сомнение, что будут работать по своей специальности, в связи с этим у таких студентов сформировался слабый интерес к сфере профессиональной деятельности, которой они обучаются.

Литература

1. Современные образовательные технологии в учебном процессе вуза: методическое пособие / Н. Э. Касаткина [и др.] / отв. ред. Н. Э. Касаткина. – Кемерово: КРИПКиПРО, 2011. – 184 с.
2. Тутарищева, С. М. Формирование готовности будущих специалистов к научно-исследовательской деятельности в профессиональной сфере: на примере специальности – юриспруденция: автореф. дис. ... канд. пед. наук / С. М. Тутарищева. – Майкоп, 2006.
3. Шурыгина, Ю. А. Организация профессионально-ориентированной исследовательской деятельности как фактор профессионального становления студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ю. А. Шурыгина. – Пенза, 2011. – 23 с.

Информация об авторе:

Ерёмин Виталий Валерьевич – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-906-922-90-67, eremin_06@mail.ru.

Vitaly V. Eremin – Senior lecturer of the Chair of Foreign Languages at the Faculty Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University.

УДК 378.047:62

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Р. С. Фомичев

THE ORGANIZATION OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS' RESEARCH ACTIVITIES IN THE COURSE OF SUBJECT-ORIENTED TRAINING.

R. S. Fomichev

В статье исследуются приоритетные задачи современного образования, и как одним из путей их решения описывается опыт проведения исследовательских практик школьников в процессе профильного обучения и предпрофильной подготовки, актуальные проблемы проведения подобных практик и пути их решения.

In article investigates the problems of modern education, and in the way of a solution, describes the experience of organising secondary school students' research activities in the course of subject-oriented training and preparatory training. The problems of implementing this practice and the possible solutions are discussed.

Ключевые слова: профильное обучение, предпрофильная подготовка, исследовательская практика, модернизация образования, федеральный государственный образовательный стандарт.

Keywords: subject-oriented training, preparatory training, research activity, modernization of education, federal state educational standard.

Не существует сколько-нибудь
достоверных тестов на одаренность,
кроме тех, которые проявляются
в результате активного участия
хотя бы в самой маленькой
поисковой исследовательской работе.

А. Н. Колмогоров

Одной из приоритетных задач современной школы является создание необходимых и полноценных условий для личностного и познавательного развития каждого обучающегося, формирование активной позиции, субъективности обучающихся в учебном процессе.

Этому, на наш взгляд, способствуют:

- модернизация федеральных государственных образовательных стандартов, устанавливающих обновленный обязательный минимум содержания основных образовательных программ по дисциплинам основной школы;

- динамично развивающиеся новые информационные (в т. ч. компьютерные) технологии;

- возрастающие требования к уровню подготовки абитуриентов;

- повышение требований к уровню подготовки выпускника вуза по конкретной специальности со стороны потенциального работодателя;

- необходимость сформировать к окончанию образовательного учреждения умение ориентироваться на рынке труда, иметь представление о востребованных и высокооплачиваемых профессиях.

Таким образом, требования, предъявляемые к уровню подготовки выпускников образовательных учреждений, неуклонно возрастают.

Пути к достижению такой цели отражены в ФГОС основного общего образования и направлены на раз-

витие всех сфер личности: мотивационной, мыслительной, познавательной, практической, коммуникативной, нравственной, – а также на формирование качеств личности и способностей. Средством достижения такой цели является учебно-познавательная деятельность, а результатом – существенный вклад в формирование личности обучающегося [5].

Одним из путей повышения уровня мотивации обучающихся является включение их в исследовательско-проектную деятельность, реализующуюся в организации исследовательских практик школьников в процессе профильного обучения и предпрофильной подготовки [1, с. 81 – 90].

Идея использования исследования как метода обучения известна со времен Сократа. Организация целенаправленного обучения, при котором ученик ставился в положение исследователя определенной проблемы, должен был самостоятельно найти решение и сделать выводы, появилась в педагогике в конце XIX века (Р. Э. Армстронг, А. Я. Герд, М. М. Стасюлевич), а впоследствии широко использовалась в отечественной практике (Б. В. Всесвятский, И. П. Плотников, И. И. Срезневский, К. П. Ягодовский и др.).

В 1924 году Б. Е. Райков предложил термин «исследовательский метод», под которым он понимал метод умозаключения от конкретных фактов, самостоятельно наблюдаемых учащимися или воспроизводимых ими на опыте [цит. по: 1, с. 84].

В современной теории обучения это направление представлено как поисково-исследовательская технология обучения, сущность которой состоит в том, чтобы «построить учебное познание как систему задач и разработать средства (предписания, приемы) для того, чтобы:

- во-первых, помочь учащимся в осознании проблемности предъявляемых задач (сделать проблемность наглядной),
- во-вторых, найти способы сделать разрешение проблемных ситуаций (заключенных в задачах) личностно значимым для учеников,
- в-третьих, научить их видеть и анализировать проблемные ситуации, вычленять проблемы и задачи» [2, с. 35]

Целями исследовательских практик является последовательное формирование у обучающихся интереса к исследовательской работе в рамках системы непрерывного образования, а также овладение необходимыми исследовательскими умениями и навыками по избранному профилю обучения [3, с. 152 – 158].

Итогом практики, по нашему мнению, должно стать формирование устойчивых компетенций в вы-

бранной области знаний, приобретение навыков индивидуальной работы и навыков работы в коллективе, а также создание продуктов исследовательской деятельности, имеющих значение не только для самого исследователя, но и для других людей.

Так как предпрофильная подготовка и профильное обучение реализуется в основном в таких типах общеобразовательных учреждений, как гимназии и лицеи, то в данной статье мы рассмотрели опыт проведения исследовательских практик школьников на базе МБОУ Лицей № 62 г. Кемерово.

В лицее практики проводятся на протяжении пяти лет по основным профилям, действующим в настоящее время в образовательном учреждении: биология, информатика, физика, химия и экология.

Обучающиеся начинают исследовательскую работу в рамках предпрофильной подготовки, начиная с восьмого класса.

Начало организации практик осуществляется в летнее время (в середине июня – начале июля) и продолжается в течение учебного года.

В рамках практики обучающемуся предоставляется право выбора интересующего его направления исследовательской работы, а также более узкого направления по конкретному предмету. Обучающимся предоставляется право объединяться в группы до трех человек либо работать индивидуально.

За каждым направлением исследовательской работы закреплены научные руководители из числа педагогических работников данного образовательного учреждения либо из числа профессорско-преподавательского состава Кемеровского государственного университета.

Непосредственно практика проводится (в зависимости от выбранного направления) либо на материально-технической базе образовательного учреждения, либо на базе университета.

Результаты практики докладываются обучающимися лицея на научно-практических конференциях, конкурсах исследовательских работ муниципального, городского и всероссийского уровней. Разумеется, участвуют не все обучающиеся, а лишь те, которые получили положительные результаты в рамках своего исследования, достигли поставленных перед собой целей в работе.

Процент участия обучающихся в ряде подобных конкурсов с каждым годом увеличивается. Стабильно высокими (в процентном соотношении от общего числа участников) остаются показатели побед и призовых мест, занятых конкурсантами (таблица 1).

Таблица 1

Достижения в научных конференциях и конкурсах

Достижения	2007 – 2008	2008 – 2009	2009 – 2010	2010 – 2011	2011 – 2012
	<i>участники/призеры (чел.)</i>				
Городских	136/39	112/74	128/66	142/79	198/75
Областных	14/6	12/8	19/10	36/16	57/29
Российских	69/6	71/28	77/33	120/37	170/24

Как видно из таблицы, за последние пять лет количество обучающихся лица, занявших призовые места в городских конкурсах и научно-практических конференциях увеличилось, что подтверждает не только рост интереса обучающихся к исследовательской работе, но и степень углубленности их знаний в рамках предмета исследования. Так же растут показатели участия и побед обучающихся в конкурсах и научно-практических конференциях областного и российского уровней, что, в свою очередь, подтверждает рост уровня мотивации обучающихся к исследовательской работе, их желании не останавливаться на достигнутом.

По статистике образовательного учреждения за последние 5 лет в среднем 97,4 % выпускников образовательного учреждения, принимавших участие в исследовательских практиках и добившихся положительных результатов, поступили в высшие учебные заведения (в т. ч. в Москве и Санкт-Петербурге) на престижные и востребованные на рынке труда специальности.

Анализ накопленного опыта по организации исследовательских практик позволяет получить следующие результаты:

- учебные практики стимулируют познавательную активность и способствуют повышению интереса к предметам. Уроки по профильным предметам проходят более оживленно, ребята готовы к исследовательской деятельности. Прикладной характер, практическая направленность исследований привлекают и делают практики лично значимыми для обучающихся;

- практики имеют важное значение для разных по способностям обучающихся как для одаренных успешных учеников, так и для тех, которые не проявляют интереса к учебе;

- учебные практики развивают творческий потенциал, творческие инициативы обучающихся, их возможности и индивидуальные особенности.

Исследования этого вопроса проводились методом анкетирования, опроса, тестирования, беседы.

На вопрос: «Для чего обучающиеся выполняют исследовательские практики?» – были получены следующие ответы (рис. 1): Я выполняю учебные практики потому, что хочу:

1. Подняться в глазах своих одноклассников на более высокий уровень (28 %).
2. Узнать что-то новое, интересное, пополнить свои знания по данному вопросу (27 %).
3. Пообщаться со сверстниками (25 %).
4. Определиться в выборе профиля (13 %).
5. Другое (отдохнуть от родителей, заставляет учитель и т. д.) (7 %).

На вопрос: «Планируете ли Вы заниматься исследовательской деятельностью после прохождения практики?» – 48,5 % опрошенных ответили «Да», 24 % – «Скорее да, чем нет», 17,5 % – «Скорее нет, чем да» и лишь около 10 % ответили «Точно нет» (данные за 2011 – 2012 учебный год) (рис. 2).

Таким образом, можно сделать вывод, что исследовательская работа вызывает устойчивый интерес у обучающихся, мотивирует их на дальнейшее развитие.

На рисунке 3 представлены результаты опроса обучающихся на предмет затруднений, испытанных при прохождении исследовательской практики.

В первую очередь, 27 % обучающихся указывают на трудности при подготовке и оформлении отчета по практике, 25 % испытывают трудности при публичной защите проекта, 25 % затрудняются в планировании работы над проектом, 17 % не могут отобрать необходимую информацию, 7 % не могут дать оценку результатам своей деятельности.

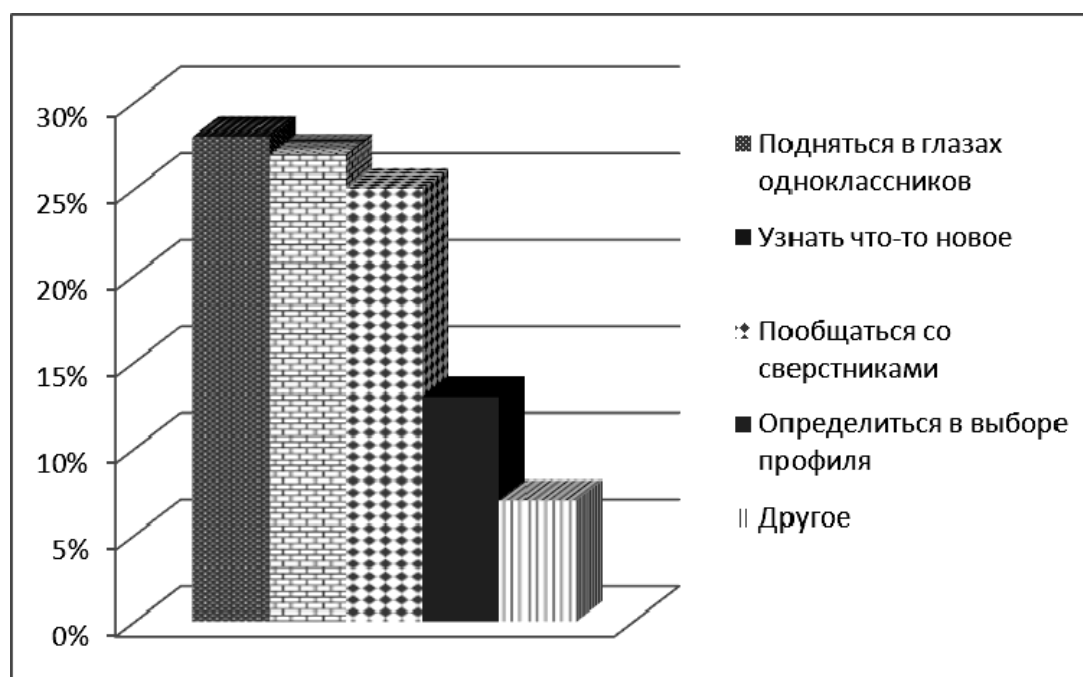

Рис. 1. Для чего обучающиеся выполняют исследовательские практики

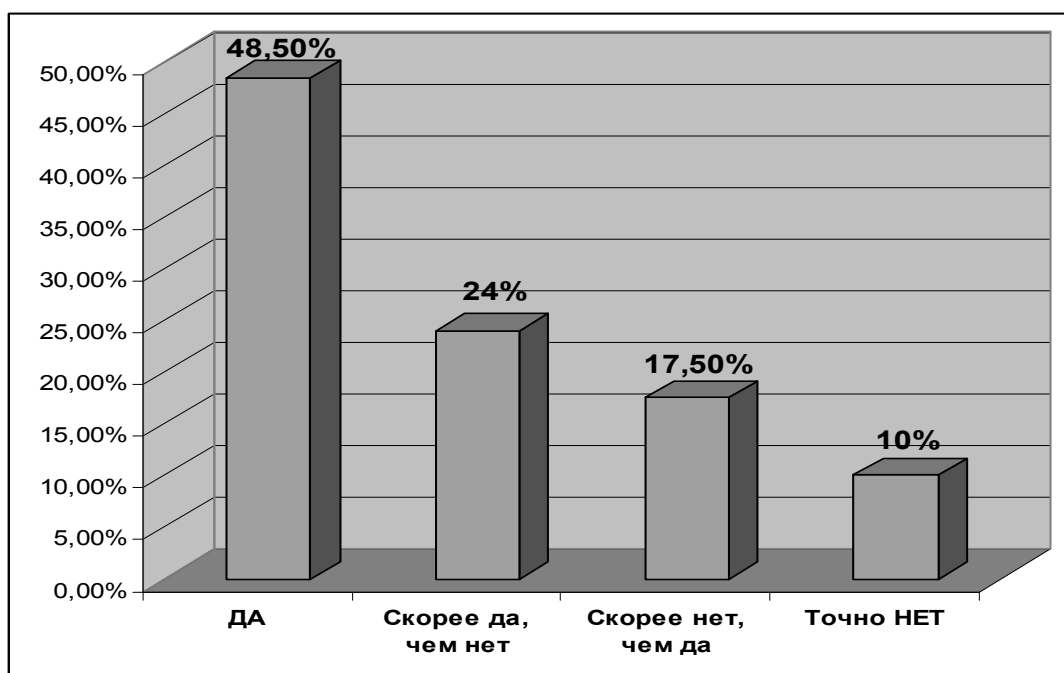

Рис. 2. Планируете ли Вы заниматься исследовательской деятельностью в дальнейшем

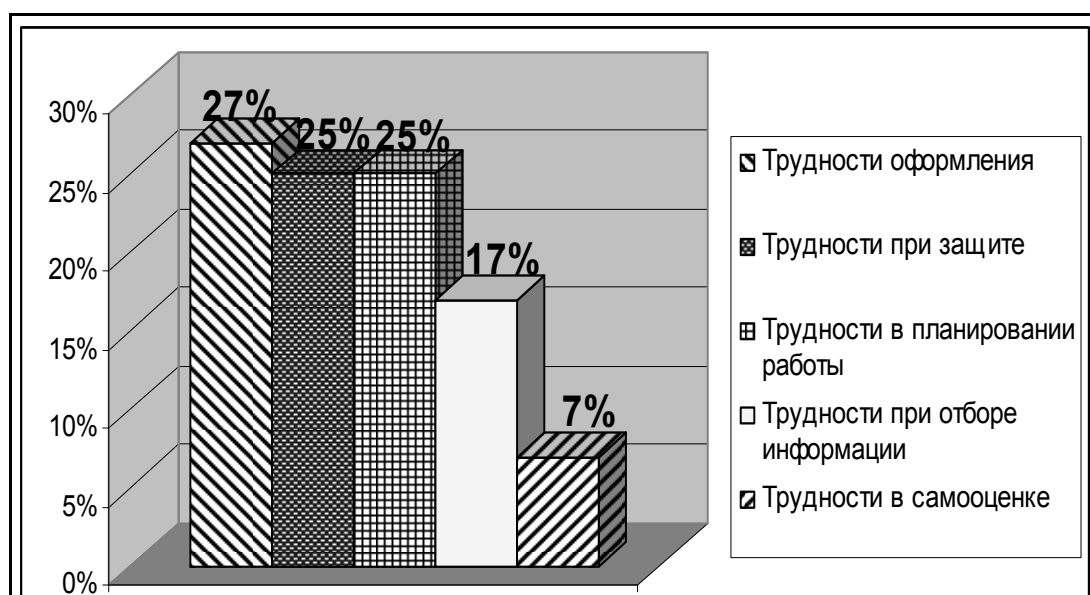

Рис. 3. Что оказалось наиболее трудным при прохождении практики

Таким образом, не смотря на то, что проведение летних исследовательских практик способствует развитию интереса обучающихся к исследовательской работе, анализ результатов опроса выявил ряд таких проблем:

- 1) проблема выбора темы исследования, т. е. недостаточное, по мнению обучающихся, количество направлений исследования;
- 2) проблема отсутствия лицензионного специализированного программного обеспечения, в особенности по направлениям «физика» и «информатика» (не всегда удавалось найти «бесплатный» аналог);
- 3) проблема контроля за деятельностью обучающихся (в случае, если научный руководитель не являлся педагогом образовательного учреждения);

4) правовая проблема: ответственность за неудовлетворительную работу обучающихся в рамках летних практик не закреплена в уставе образовательного учреждения.

Указанные проблемы успешно решаются в рамках организации летних практик: набор предоставляемых для выбора обучающихся тем исследований с каждым годом обновляется и расширяется; темы по техническим направлениям исследований корректируются с учетом наличия специальных программ, необходимых в работе; научные руководители из преподавателей университета работают в тесном контакте с учителями-предметниками, что позволяет более эффективно осуществлять контроль за деятельностью обучающихся; вводятся в практику сентябрьские отчетные

конференции по результатам исследовательской работы за лето.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, не смотря на возникающие трудности в процессе организации исследовательских практик, данное направление деятельности является перспективным, необходимым в рамках профильного обучения и предпрофильной подготовки и достаточ-

ным для решения определенных задач поставленных в рамках проекта ФГОС второго поколения. Исходя из результатов анкетирования и статистики, нельзя не отметить значительное повышение интереса обучающихся к исследовательской работе, к учебе в целом, а также стремления проявить себя в различных конкурсных испытаниях, что, в свою очередь, послужит фундаментом для создания будущей карьеры.

Литература

1. Борздун, В. Н. Исследовательская деятельность школьников как объект целенаправленного педагогического руководства / В. Н. Борздун, Е. Г. Овчинникова // Учитель Кузбасса. – 2006. – № 1.
2. Загвязинский, В. И. Теория обучения: современная интерпретация / В. И. Загвязинский. – М., 2001.
3. Леонтович, А. В. Учебно-исследовательская деятельность школьников как модель педагогической технологии / А. В. Леонтович // Народное образование. – 1999. – № 10.
4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. – М.: Академия, 2002. – 272 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897). – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/938>

Информация об авторе:

Фомичев Роман Сергеевич – аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, 89511657187, rf87@mail.ru.

Roman S. Fomichev – post-graduate student at the Inter-University Department of General and High School Pedagogics, Kemerovo State University.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК [329(1-32):324](571.17)

УЧАСТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1990 – 2008 гг.)

В. В. Асауляк

PARTICIPATION OF THE POLITICAL PARTIES' REGIONAL OFFICES IN THE ELECTION CAMPAIGNS IN KEMEROVO REGION (1990 – 2008)

V. V. Asaulyak

В статье определяется степень участия региональных отделений политических партий в выборных кампаниях, прошедших в Кемеровской области в период с 1990 по 2008 гг. Выделены три этапа партийного строительства в регионе на основе критерия их участия в электоральном процессе. Анализируются факторы, способствующие расстановке политических сил в результате проведенных избирательных кампаний.

The degree of participation of political parties' regional offices in the election campaigns which have taken place in Kemerovo region in 1990 – 2008 is considered in the article. Three stages of parties' formation in the region are allocated on the basis of their participation in the elections process. The factors promoting arrangement of political forces as a result of the carried-out election campaigns are analyzed.

Ключевые слова: политические партии, выборы в Кузбассе, региональный режим.

Keywords: political parties, elections in Kuzbass, regional regime.

Процесс формирования политических партий и их участие в политической жизни России является важной особенностью постсоветского развития. Развитие партийного строительства во многом отражает демократические тенденции. Сложности демократизации России в конце XX в. были связаны как с проблемами формирования политических партий, так и с объек-

тивной невозможностью исполнения ими тех функций, которые им присущи в теории. Начиная с 1990 г. партии в Российской Федерации прошли несколько этапов становления.

Участие отделений партий в региональном политическом процессе рассмотрим на примере Кемеровской области, так как она является стратегически

важным промышленным регионом РФ. Ее устойчивое развитие, обусловленное поступательным ростом добычи угля, стабильной работой металлургического и химического комплексов, обеспечивает эффективная власть. Значимость региона просматривается в нескольких аспектах: по территориальному положению, по организации социально-экономической сферы, по осуществлению политической жизни. Административно-политическая элита региона на протяжении 1990-х гг. была консолидирована, как и на уровне федерации, и обеспечивалась похожими приемами политического руководства (харизматический лидер, экономические рычаги давления на оппозицию, контроль над СМИ и др.). Становление региональной партийной системы началось несколько позднее, чем на федеральном уровне, – с первой половины 1990-х гг. Основным ориентиром выступали общероссийские партии. Перечень партийных организаций был многосоставным. В него входили отделения «Республиканской партии» [4, с. 1], «Демократического союза» [5], «Коммунистической партии» [6], «Яблока» [7], «Либерально-демократической партии» [8] и др. Однако следует отметить, что степень их участия в политической жизни Кузбасса была обусловлена сочетанием внешних и внутренних политических изменений. В зависимости от роли, которую играли партии в политической борьбе в Кемеровской области, можно выделить три основных этапа: 1) 1990 – 1996 гг.; 2) 1997 – 2001 гг.; 3) 2001 – 2008 гг.

Первый этап (1990 – 1996 гг.) – появление большого количества разных по идеологии и составу политических партий. Именно на этом этапе они играли значительную роль при формировании представительных органов власти в регионе и на выборах высших должностных лиц. Рабочее движение, неформальные организации, противоборство исполнительной и законодательной властей – все это в совокупности способствовало формированию региональных отделений общероссийских партий. Их деятельность во многом находилась в зависимости от политических предпочтений элиты. Например, членом депутатских групп «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы», а также избранным народным депутатом РСФСР весной 1990 г. был М. Б. Кислюк. В августе 1991 г. в дни ГКЧП он находился в числе защитников Белого дома, за что 27 августа 1991 г. и был назначен главой администрации Кемеровской области [24]. При вступлении в должность М. Б. Кислюк призывал к борьбе с административно-командной системой, выступал за поддержку рыночных реформ, расширение возможностей партий. В декабре 1992 г. глава администрации заявлял, что в «нашей политизированной и персонифицированной стране не так важно, кто возглавляет правительство, главное – влияющие на власть организации и деятели на местах» [13, с. 1]. В октябре 1993 г. им был распущен Кемеровский областной Совет, что привело к продолжительному кризису политической системы. Политическим соперником главы администрации был А. Г. Тулеев. На выборах в Совет Федерации в декабре 1993 г. он одержал уверенную победу – 77 % голосов избирателей. Вторым депутатом стал исполнительный директор «Нашей газеты» и известный представитель рабочего движения

А. В. Асланиди (19,9 % голосов) – один из руководителей шахтерского движения, опередивший бывшего народного депутата СССР Т. Г. Авалиани (12,3 %) и директора «Росугля» Ю. Н. Малышева (11,8 %). 27 марта 1994 г. на выборах в законодательное собрание Кемеровской области сформированный А. Г. Тулеевым блок «Народовластие» получил 63,3 % голосов [24]. Его созданием занимались – А. Г. Тулеев, в то время спикер Законодательного собрания Кузбасса, ряд его сподвижников из числа «Коммунистической партии РФ» (КПРФ), «Аграрной партии России» (АПР), «Российской коммунистической рабочей партии» (РКРП), а также местные ветеранские и профсоюзные организации [26, с. 284]. Движение формировалось и как объединенная оппозиция администрации М. Б. Кислюка, и как общая кузбасская политическая организация, выступающая против федерального правительства и Президента.

Наибольшее количество голосов протестного электората на первых выборах в Государственную думу в 1993 г. получил список ЛДПР – 29,42 % голосов. Этому способствовало сложное положение КПРФ, ставшей в ходе избирательной кампании основным объектом критики для других избирательных объединений. Тем не менее, коммунисты в Кузбассе оказались на четвертом месте – 9,57 % голосов. По федеральному округу КПРФ была на третьем месте – 12,40 % [20]. «Аграрная партия России» (АПР) получила 5,61 % голосов по области, а по Российской Федерации – 7,99 % [20]. Проправительственный блок «Выбор России» (образованный партиями «Демократическая инициатива», «Крестьянская партия России» и политическими движениями «Демократическая Россия», «Выбор России») занял в Кемеровской области вторую позицию – 13,74 % (по России – 15,51 %) [20]. Относительного успеха в Кемеровской области смогли добиться демократы. «Демократическая партия России» (ДПР) имела 7,45 % голосов избирателей, а «Яблоко» – 6,83 %. Значительную электоральную поддержку представителей демократической оппозиции кузбассовцами подтвердил и результат «Российского движения демократических реформ» (РДДР) – 6,47 %. Его программа согласовывалась с политикой администрации М. Б. Кислюка. По всем остальным субъектам РФ успех был менее значительным – 2,9 % [20]. Электоральную поддержку в регионе нашла также «Партия российского единства и согласия» (ПРЕС) – 5,71 %. Ее список в Кемеровской области включал представителей Правительства РФ и местных чиновников. Преодолево барьер в регионе политическое движение «Женщины России» – 10,65 %, заняв третье место (таб. 1). В числе последних в регионе оказались избирательные объединения, не имевшие четкой позиции: блок «Гражданский союз» – 1,64 %, блок «Будущее России – Новые Имена» – 1,25 %, Конструктивно-экологическое движение России «КЕДР» – 0,76 % [26, с. 285]. Таким образом, общие итоги голосования по партийным спискам 1993 г. продемонстрировали расстановку партийных сил в регионе. Значительная доля занятых в интеллектуальной и промышленной сфере людей, а главное, благосклонность администрации – повлияли

на поддержку либеральных и центристских организаций при низком проценте сторонников КПРФ и АПР.

На следующих выборах в Госдуму, прошедших 17 декабря 1995 г. «Народовластие. Блок А. Тулеева» (создан 11 мая 1995 г.) выступил успешно и провел троих из четверых кандидатов. Это стало важным этапом сотрудничества А. Г. Тулеева и КПРФ, принесшим коммунистам победу в Кузбассе с результатом в 52 % голосов, тогда как по стране коммунисты набрали всего 22 % голосов [21]. Прокоммунистическое влияние, существующее в Кемеровской области в середине 1990-х гг., являлось не столько следствием сложной социально-экономической ситуации, а скорее результатом того, что глава администрации А. Г. Тулеев использовал его в политических целях [1, с. 1]. Оно выступало в качестве ресурса для активизации избирателей и укрепления режима. После выборов А. Г. Тулеев отказался от депутатского мандата, заявив, что «его работа в Кузбассе принесет более весомые плоды» [24]. На втором месте по итогам выборов был список ЛДПР – 12,6 %. Разочарование было со стороны избирателей практической деятельностью ЛДПР и АПР. Они получили по сравнению с 1993 г. меньше голосов избирателей, что позволило КПРФ перераспределить большую часть их электората в свою пользу (таб. 1). На третьем месте оказалась Партия самоуправления трудящихся (7, 13 %, по федеральному округу – 3,98 %). Правоцентристское движение «Наш дом-Россия», занявшее по федеральному округу третье место, в Кемеровской области получило 3,53% голосов, а демократическое объединение «Яблоко» – 2,91 % [18]. В электоральном процессе Кемеровской области практически не были заметны представители демократов начала 1990-х гг. Так, движение «Вперед, Россия!» набрало 1,8 % голосов, а Республиканская партия РФ – 0,7 %. Процент голосов избирателей в Кемеровской области, поданных за блок «Демократический выбор России – Объединенные демократы», был 2,8 % [18]. Выделенные тенденции подтвердили и выборы в одномандатных избирательных округах. В Кемеровской области: депутатские мандаты получили два выдвиженца КПРФ (Ю. И. Чуньков и Т. Г. Авалиани), один представитель КПРФ и блока «Народовластие. Блок А. Тулеева» (Н. А. Останина), один «независимый» (В. Я. Медиков) [18]. М. Б. Кислюк до выборов рассчитывал приостановить большое влияние КПРФ в области, но рейтинг лидера коммунистов Г. А. Зюганова в регионе был вдвое выше, чем у представителей существующей тогда власти [14, с. 1]. Организационные структуры крупных партий (АПР, ЛДПР, «Трудовой России») оформились в Кузбассе в период с 1992 по 1995 гг. и активно проявили себя именно на выборах 1995 г. В то же время следует отметить, что большинство партийных организаций в регионе в этот период формировались как избирательные штабы, деятельность которых после избирательной кампании прекращалась. Тем не менее, в 1990-е гг. становление партий в Кемеровской области проходило динамично. Активность и результативность проявили левые оппозиционные партии. В Кемеровской области это были местные отделения Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Региональное отделение

КПРФ использовало связи, оставшиеся от советского прошлого. Его руководители в прежние времена занимали значительные посты и относились к местной политической элите. По этой причине они имели в своем распоряжении определенные организационные ресурсы, пользовались лояльностью многих лиц из органов власти. Выборы 1995 г. продемонстрировали стабильность партийной системы на федеральном и региональном уровне. В то же время они показывали присутствие на региональном уровне противников реформ. Важные выборы высших должностных лиц (Президента РФ, глав муниципалитетов Кузбасса) состоялись лишь в 1996 г. [17, с. 1 – 2]. До этого партии не могли претендовать на самую главную ветвь власти – исполнительную. К 1996 г. в Кемеровской области наблюдалась самая высокая по сравнению с другими территориями Сибири степень сосредоточения избирательных объединений. 34 объединения из 36 принявших участие в выборах вошли в 5 избирательных блоков, которые выдвинули 56 кандидатов из 126 [26, с. 286]. При этом число региональных общественных объединений на выборах многократно превосходило число общероссийских: Территориальный комитет Профсоюза работников угольной промышленности, Кемеровский областной фонд социальной защиты населения и сельских товаропроизводителей и др. [26, с. 287]. Из политических партий и движений в блоках были представлены региональные отделения «Конгресса русских общин» и «Демократического выбора России» (блок «Правда и порядок»), ЛДПР (блок «Новокузнецкое согласие»), Партии самоуправления трудящихся, «Яблоко», «Чести и Родины» (блок «Родина и справедливость»), АПР, КПРФ и Российской коммунистической рабочей партии («Народовластие. Блок А. Тулеева») [26, с. 288]. В результате в депутатском корпусе области (с учетом довыборов) 12 из 21 депутатов (57,1 %) являлись представителями избирательных блоков – «Народовластие. Блок А. Тулеева» (11 мандатов) и «Трудовой Новокузнецк» (1 мандат). По партийной принадлежности 5 депутатов были членами КПРФ, 2 – АПР и 1 – РКРП [12]. На следующих выборах в региональный парламент в 1999 г. принимали участие только 3 общественных объединения из 219 имеющих на это право. Два из них объединились в непартийный «Избирательный блок А. Тулеева» (выдвинул 35 кандидатов), третьим было избирательное объединение «Партия самоуправления трудящихся», выдвинувшее 1 кандидата. По итогам голосования губернаторский блок получил 34 мандата из 35 (97,1 %) [26, с. 288]. Рассматривая процесс политизации, наблюдавшейся в Кемеровской области, следует отметить ее условность. Все политические процессы в области стали подконтрольны А. Г. Тулееву.

Второй этап проходил с 1997 по 2001 гг. 3 июля 1997 г. Указом Президента главой администрации был назначен А. Г. Тулеев, к тому времени уже объявивший о намерении участвовать в выборах губернатора. 19 октября 1997 г. он был избран Губернатором Кемеровской области, получив при этом 94,54 % голосов избирателей [3, с. 107]. Его блок победил на выборах в Законодательное Собрание области в декабре 1997 г. Он активно участвовал в работе создан-

ного им движения. Именно с его помощью спикером Законодательного собрания области был избран А. А. Филатов, а его заместителем – С. А. Аленичев. Однако позже стало очевидно, что у А. Г. Тулеева получилось сформировать опору из собственного движения на непродолжительное время. Разошлись его позиции и двух депутатов Государственной думы РФ, избранных от блока «Народовластие» – Ю. И. Чунькова и Т. Г. Авалиани [3, с. 107]. Произошел внутренний раскол и очередной политический кризис в области.

К 1997 г. партийная система Кузбасса приобрела более четкую конфигурацию. В основном проявляли себя «левые» партии (КПРФ, АПР, РКРП), так как они в тот момент совпадали с политическими взглядами А. Г. Тулеева и не вызывали его противодействия. Попытки играть самостоятельную роль оборачивались для них «партийными чистками», сформировав таким образом псевдопартийную систему [9, с. 163]. Схожая ситуация была и при М. Б. Кислюке, только с ЛДПР [23, с. 1]. Ее развитие было затруднено, так как организация находилась в жесткой оппозиции к нему. Положение улучшилось к осени 1997 г. ЛДПР в Кемеровской области включала в себя в то время 14 городских и районных отделений. Установив связи с областными администрацией, она вела постоянную работу с электоратом, принимая участие в спортивных, культурных и историко-патриотических мероприятиях. Например, соревнования по военно-прикладным и силовым видам спорта (Открытый турнир Кузбасса по рукопашному бою, дзюдо, уроки мужества и др.) [23, с. 1]. Однако, когда на местных выборах представители ЛДПР стали конкурировать со сторонниками губернатора, ситуация обострилась. Были проведены внеочередные проверки всех отделений партии. Областная организация получила предупреждение за нарушения закона «Об общественных объединениях». Как следствие Березовская городская организация ЛДПР (стратегически важная) по решению суда была исключена из госреестра юридических лиц [23, с. 2]. И только к концу десятилетия произошло урегулирование конфликтной ситуации. В Кузбассе было сложно работать и региональному отделению «Союзу правых сил» (СПС). Оно не могло активно развиваться, действовать, потому что его возглавили редактор оппозиционной губернатору «Нашей газеты» Д. М. Шагиахметов и вице-губернатор из команды М. Б. Кислюка В. П. Найданов [26, с. 289]. Соответственно деятельность партии автоматически приобрела неоднозначный характер, вызвав противодействие администрации.

На парламентских выборах 1999 г. успех сопутствовал проправительственному блоку «Единство» («Медведь»). За него в Кузбассе проголосовало 33,67 % избирателей [26, с. 293]. В кампании 1999 г. избирательными объединениями считались только политические общественные объединения, зарегистрированные не позднее, чем за год до дня голосования, а их политический статус должен был быть закреплён в уставе. Прошли регистрацию и участвовали в выборах 26 федеральных списков. Лишь четыре избирательных объединения (КПРФ, объединение «Яблоко», движения «Наш дом-Россия» и «Женщины

России») участвовали в этих выборах в том же виде, что и на выборах 1995 г. «Блок Жириновского» (образованный объединениями «Партия духовного возрождения России» и «Российским союзом свободной молодежи») был формой ЛДПР, которая получила отказ в регистрации. Формирование «Блока Жириновского» привело к значительному падению уровня ее электоральной поддержки с 12,6 % до 5,45 %, что все же позволило ЛДПР преодолеть необходимый барьер [26, с. 293]. Участие в избирательной кампании 1999 г. приняли все четыре объединения, представленные в Думе второго созыва – КПРФ, «Яблоко», ЛДПР («Блока Жириновского») и движение «Наш дом-Россия». В Кемеровской области КПРФ заняла вторую позицию, ухудшив свой предыдущий результат почти на 20 %, получив в результате 24,29 % голосов (таб. 1). Объединение «Яблоко», занимавшее отдельную нишу политического спектра, выступило по сравнению с выборами 1995 г. намного лучше. Так, ему удалось достичь увеличения поддержки избирателей с 2,91 % до 4,62 % [19, с. 2]. Влияние на результаты выборов оказал успешный процесс объединения на правом фланге, где либеральные и правоцентристские партии и движения сумели объединиться в избирательный блок «Союз правых сил». Его образовали четыре избирательных объединения: партия «Демократический выбор России», движения «Новая сила» и «Россия молодая» и Общероссийская общественная политическая организация «Юристы за права и достойную жизнь человека». Список кандидатов СПС смог завоевать в Кемеровской области 7,69 % голосов избирателей, что в среднем приблизилось к 8,52 % голосов по федеральному округу [19, с. 2]. Заградительный барьер преодолели четыре избирательных объединения и блока (КПРФ, «Медведь», «Блок Жириновского» и СПС) (таб. 1). Движение «Единство» смогло провести в Госдуму двух своих представителей (П. Н. Рубежанского и И. А. Ивлева), КПРФ – одного (Н. А. Останину), а С. И. Неверов участвовал в выборах как «независимый» кандидат. Всего же по области в четырех избирательных округах участвовало в выборах 24 кандидата, 15 из которых были выдвинуты 9 партиями и движениями: три кандидата – НДР, по два кандидата – «Единством», КПРФ, «Яблоком», «Отечеством-Вся Россия», по одному – СПС, ЛДПР, «Блоком генерала А. Николаева, академика С. Федорова» и движением «В поддержку армии» [26, с. 265]. Таким образом, главной особенностью избирательной кампании 1999 г. в регионе стало то, что по сравнению с выборами 1993 и 1995 гг. ее результаты впервые показали рост уровня поддержки «партии власти». Однако была сохранена тенденция протестного голосования за оппозиционные партии. Изменения, прошедшие в избирательной кампании 1999 г. свидетельствовали о смене политического курса администрации А. Г. Тулеева, ранее поддерживавшего «левых» (КПРФ). На президентских выборах 2000 г. за А. Г. Тулеева проголосовало большинство, чуть менее 52 % избирателей Кемеровской области. Выстраивание с начала 2000-х гг. административно-властной вертикали Единой России привели к доминированию филиалов партии власти, ослаблению по-

зий ряда прежде влиятельных партийных образований [2, с. 195].

Начало третьего этапа (2001 – 2008 гг.) обусловлено принятием нового федерального закона «О политических партиях» [25]. Данный закон сделал партии более зависимыми от органов исполнительной и законодательной власти, а условия их образования и развития – более сложными. Изменения роли отделений политических партий в Кузбассе за этот период не происходило. В основном это были региональные отделения «Единой России», создаваемые при использовании административного ресурса. Как и в других субъектах РФ, она формировалась по инициативе сверху, а деятельность ее была направлена на бюрократический аппарат, представителей среднего и крупного бизнеса. В апреле 2001 г. А. Г. Тулеев вновь был избран губернатором Кемеровской области, набрав 93,5 % голосов. На думских выборах в декабре 2003 г. он возглавил региональный список «Единой России», благодаря чему в Кемеровской области партия получила 52,13 % голосов [9, с. 163]. За ЛДПР проголосовало 13,39 % избирателей, за КПРФ – 7,99 % (таб. 1). Выборы проходили в условиях партийной системы нового образца. Был завершен период перерегистрации политических партий в соответствии с федеральным законом, поэтому их численность резко сократилась. Так, в регионе только за 2006 г. количество действующих отделений политических партий сократилось с 23 до 14, а в 2007 г. было всего 10 организаций, причем одна из них явно преобладала. В ноябре 2005 г., накануне 6-го съезда «Единой России», А. Г. Тулеев вступил в её ряды. В октябре 2007 г. он возглавил региональный список кандидатов «Единой России» в Кемеровской области на выборах в Государственную Думу РФ пятого созыва. После победы партии он отказался от депутатского мандата. В состав политсовета «Единой России» вошла группа кузбасских политиков федерального уровня, поддерживающих А. Г. Тулеева. Это сенаторы С. Ю. Орлова, С. В. Шатилов, депутаты Госдумы А. М. Макаров, О. И. Аршба, А. И. Фокин, С. И. Неверов [16]. В Кемеровской области развился политический режим, который исследователи, в частности Н. Ю. Лапина и А. Е. Чирикова, назвали моноцентричной моделью власти [15, с. 268]. Она предполагает наличие сильного лидера и такой состав команды, когда остальные не претендуют на лидерство. «Народовластие – блок Амана Тулеева», как и последовавшие за ним «Избирательный блок А. Тулеева» (1999 г.) и блок «Служу Кузбассу» (2002 г.), носили непартийный характер и решали определенные задачи – обеспечение прохождения представителей губернатора в представительные органы власти. 20 апреля 2005 г. по представлению Президента РФ В. В. Путина А. Г. Тулеев был наделён полномочиями губернатора Кемеровской области сроком на пять лет.

К началу 2000-х гг. в Кемеровской области сложилась региональная партийная система. Определенную роль в этом сыграло и сокращение числа федеральных партий, и запрет на создание избирательных блоков. Внутрипартийная борьба наблюдалась на «левом» фланге регионального партийного пространства, традиционно представленном КПРФ и ее союз-

никами. Наиболее важные события проходили в Кемеровском обкоме КПРФ, возглавляемом депутатом Госдумы РФ Н. А. Останиной. Весной 2008 г. возникла кризисная ситуация, поводом для которой послужило окончание срока полномочий первого секретаря. Раскол коммунистов Кузбасса произошел еще в декабре 2004 г., когда А. Г. Тулеев перешел от сотрудничества с коммунистами к поддержке «Единой России», решил включить региональное отделение в новую партийную систему [26, с. 268]. В качестве метода ослабления организации было выбрано внутреннее противоборство. После избрания на освободившуюся должность первого секретаря Н. А. Останиной вместо А. М. Зайцева в областной организации появилась инициативная группа. Она выступала за отставку Н. А. Останиной, а возглавили ее депутат кемеровского горсовета А. И. Герасимова и член бюро обкома Т. Цориев. По их мнению, избрание проходило «по причине того, что облбизнесу нужна контролируемая оппозиция». В 2008 г. часть парторганизации во главе со вторым секретарем Ю. П. Скворцовым, поддерживая тактику администрации, заняла позицию очередной смены первого секретаря [26, с. 269]. Федеральное руководство партии придерживалось жесткой позиции противостояния губернатору. В результате работы в регионе комиссии ЦК КПРФ обком был распущен, из-за «потери им самостоятельности в принятии решений», а второй секретарь обкома исключен из партии [26, с. 270]. И политологи, и члены партии связывали произошедшие события с осенними 2008 г. выборами в областной Совет народных депутатов. В результате коммунисты не получили ни одного мандата.

В Кемеровской области для создания другой провластной партии – «Справедливой России» – не оказалось необходимых ресурсов [10, с. 3]. Она была создана 28 октября 2006 г. в Москве в результате объединения партии «Родина», «Российской партии Жизни» (РПЖ) и «Российской партии пенсионеров» [16]. Создание в Кузбассе ее регионального отделения осуществлялось местными властями. Новая партия вызывала интерес у бизнеса, не получившего ожидаемых мест в «Единой России». У «Справедливой России» финансовые, административные возможности оказались значительно выше, чем были прежде по отдельности у трех объединившихся партструктур. Областное отделение «Партии пенсионеров», на базе которого формировалась новая структура, было создано только 10 августа 2006 г. Возглавила его советник губернатора по социальным вопросам, председатель областного Совета ветеранов Н. П. Неворова [10, с. 3]. Основные кадровые ресурсы были сосредоточены в кемеровских отделениях «Родины» и РПЖ. В них состояло 679 и 730 членов и было по 6 местных отделений. Не изменились принципы деятельности Кемеровского отделения «Справедливой России» и после смены руководства в 2008 г. Его возглавила депутат Новокузнецкого городского Совета народных депутатов, лидер Женского Парламента Кузбасса Е. Н. Ямщикова [10, с. 3]. Однако степень влиятельности организации был минимальной. Основными показателями было как отсутствие в ней среднего бизнеса, так

и незначительная представленность в государственных и муниципальных органах власти.

«Аграрная партия России» (АПР), как и многие другие отделения политических партий, не являлась самостоятельной политической силой и активно себя не проявляла. Поэтому переход ее известных членов в «Единую Россию» (ЕР) начался весной 2006 г., когда лидер кузбасских «аграриев» Г. Т. Дюдяев вступил в «ЕР» [26, с. 287]. Региональное отделение АПР возглавил депутат областного Совета С. Г. Иткулов, но через год он тоже вступил в «Единую Россию», а затем получил мандат депутата Госдумы от «Единой России» [16]. В результате кемеровское региональное отделение АПР оказалось номинальной организацией. В целом анализ функционирования партийных организаций в Кемеровской области показал отражение в ней федеральных политических изменений.

Во-первых, реформы электоральных циклов В. В. Путина: отмена выборов глав исполнительной власти регионов, семипроцентный барьер на выборах в региональные законодательные органы, запрет на создание избирательных блоков партий, ужесточение процедуры регистрации кандидатов и партийных списков – способствовали сокращению количества отделений политических партий.

Во-вторых, произошло встраивание партийной системы во властную вертикаль политического пространства Кузбасса. В результате региональные отделения партий перешли под контроль губернатора и стали дополнительным инструментом его влияния. Например, на законодательную власть, которая еще в середине 1990-е гг. была относительно самостоятельной.

В-третьих, попытки региональных отделений увеличить свой электорат расширили объем их социальных обязательств, что особенно наблюдалось у ЛДПР, партии «Яблоко» и «Единой России». Ими применялась тактика социальных инициатив, которая включала проведение различных спортивных и культурно-массовых мероприятий для детей, подростков и взрослых, организацию приема граждан по юридическим вопросам, разработку информационно-методических материалов, бизнес-планов и др. [16]. Все это работало на формирование позитивного имиджа партий в глазах избирателей. Первая партийная фракция «Единой России» (ЕР) появилась в Совете народных депутатов 27 сентября 2006 г. Многолетняя монопольная деятельность регионального блока «Служу Кузбассу!» была нарушена. На момент создания в ЕР входило 26 депутатов, 20 из которых являлись членами партии и избирались ранее от указанного блока [12]. К членам «Единой России» принадлежал и спикер облсовета Г. Т. Дюдяев, являвшийся с лета 2006 г. секретарем регионального политсовета. Именно с его деятельностью по выполнению указаний центральных органов «Единой России» эксперты связывали образование фракции и рост ее численности, потому что до весны 2006 г. в облсовете заседало только 6 «единороссов» [18].

Выборы 2007 г. отличались от всех предыдущих переходом на пропорциональную систему формирования Государственной думы РФ, повышением загра-

дительного барьера до 7 %, а также запретом на создание избирательных блоков при общем сокращении числа политических партий. В результате свои списки зарегистрировали 11 из 14 уже действующих партий. Отказ в регистрации получили партия «Народный Союз», Российская экологическая партия «Зеленые» и Партия мира и единства [16]. В связи с отменой выборов по одномандатным округам основными стали региональные партийные списки. Был распространен временный союз между партийными организациями и предпринимателями. Еще одной тенденцией выборов по пропорциональной системе стало увеличение количества «парашютистов» – кандидатов, проживающих в других регионах. Они присутствовали в списках КПРФ, ЛДПР, Единой России. В Кемеровской области «парашютисты» возглавили 5 из 10 партийных списков [26, с. 287]. Кроме А. Г. Тулеева, в верхние строчки списков партии в Кемеровской области вошел председатель Совета народных депутатов с 1999 по 2007 гг. Г. Т. Дюдяев. По одному мандату получили КПРФ (Н. А. Останина) и ЛДПР (А. Н. Сви-стунов) в Кемеровской области, в то время как для «Единой России» это число равно девяти (О. И. Аршба, В. Г. Гридин, Г. Т. Дюдяев, Т. А. Ермакова, С. Г. Иткулов, Ю. А. Кауфман, А. М. Макаров, Л. К. Слиска, А. И. Фокин) [11]. Таким образом, прошедшие впервые по пропорциональной избирательной системе выборы депутатов Государственной Думы 2007 г. стали показательными для партийной системы Кузбасса. В Кузбассе, как и в целом по России, произошел рост голосования за «Единую Россию» – 76,82 %. В связи с этим ЛДПР и КПРФ было сложнее преодолеть необходимый барьер. ЛДПР получила 7,48 %, а КПРФ – 7,18 % [23]. КПРФ продемонстрировала значительное падение, что во многом было из-за смены приоритетов региональной власти. Результат «Справедливой России» оказался более низким (таблица 1). Списки всех остальных партий, кроме «Аграрной партии России» (1,25 %), получили менее 1 %.

В выборах нового состава региональной законодательной власти в октябре 2008 г. приняли участие отделения только парламентских партий. Их результаты оказались закономерными для Кемеровской области – 35 из 36 мандатов достались представителям «Единой России». Она набрала 84,8 % голосов избирателей по спискам и получила 18 мест одномандатников, 1 место получил представитель «Справедливой России» (5,6 % голосов) [12]. За другие две партии отдали голоса 8,1 % избирателей (таблица 2). В итоге, в Совете народных депутатов Кемеровской области была образована одна фракция – «Единой России». В ее составе было 33 депутата (2 мандата в связи с досрочным прекращением депутатами их полномочий распределили позднее).

Результаты выборов в Государственную думу РФ по Кемеровской области

<i>Партия</i>	<i>1993 г. %</i>	<i>1995 г. %</i>	<i>1999 г. %</i>	<i>2003 г. %</i>	<i>2007 г. %</i>
ЛДПР	29,42	12,64	5,45	13,39	7,48
КПРФ	9,57	48,05	24,29	7,99	7,18
Выбор России (Демократический выбор России с 1994 г.), Союз правых сил	13,74	2,8	7,69	2,28	0,81
Женщины России	10,65	4,31	1,92	–	–
Демократическая партия России	7,45	0,12	0,11	0,13	0,12
Яблоко	6,83	2,91	4,62	3,82	1,24
Родина (Народно-патриотический союз)	–	–	–	6,16	–
«Наш дом-Россия»	–	3,53	1,12	–	–
Партия самоуправления трудящихся (Союз народовластия и труда с 28 окт. 1998 г.)	–	7,13	0,19	–	–
Единая Россия (Единство)	–	–	33,67	52,13	76,82
Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости, Справедливая Россия	–	–	–	1,71	3,35

Таблица 2

Результаты выборов в Совет народных депутатов Кемеровской области (2008 год)

<i>Единая Россия</i>	<i>Справедливая Россия</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>КПРФ</i>
84,8 %	5,6 %	4,7 %	3,4 %

В целом следует отметить, что в ходе исследования было выделено три этапа участия отделений политических партий в избирательных кампаниях в Кузбассе. На каждом из них доминировали только те партии, которые отвечали политическим предпочтениям действующей власти. На первом этапе (1990 – 1996 гг.) сосуществовали две тенденции – появление либерального спектра, который поддерживался исполнительной властью, и создание новой коммунистической организации в регионе, схожей с политическими взглядами А. Г. Тулеева. На втором этапе (1997 – 2000 гг.) наблюдалось значительное сокращение избирателей, которые голосовали за либеральные политические партии, а также падение в два раза от-

данных за КПРФ голосов. На парламентских выборах 1999 г. успех сопутствовал проправительственному блоку «Единство» («Медведь»). Главной особенностью избирательной кампании 1999 г. в регионе стало то, что по сравнению с выборами 1993 и 1995 гг. ее результаты впервые показали рост уровня поддержки «партии власти» при сохранении тенденции протестного голосования за оппозиционные партии. Состояние региональных отделений политических партий на третьем этапе – с 2001 по 2008 гг. – имело несколько тенденций: создавалось общее партийное пространство, когда в распределении мандатов участвовали только парламентские партии; лидирующее положение как по численности, так и по контролю над структурами Совета народных депутатов занимала фракция «Единой России» (ЕР); А. Г. Тулеев стал активно ее поддерживать; КПРФ потеряла статус единственной оппозиционной силы ЕР. Наконец, законодательная власть перешла под контроль губернатора, что просматривалось как в его личном участии в формировании лояльного состава заксобраний, так и в итогах процесса законотворчества.

Литература

1. Березовский, Ю. Политическая мозаика под знаком левых сил / Ю. Березовский // Земля Кузнецкая. – 1995. – № 37.
2. Бирюков, С. В. Региональная политическая власть и механизмы ее осуществления / С. В. Бирюков. – Кемерово: Практика, 2006. – 226 с.
3. Бирюков, С. В. Регионализм в современной России: проблемы и перспективы / С. В. Бирюков. – М.: ТЕИС, 2011. – 136 с.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), Ф. П.-1228, Оп. 1, Д. 4, Лл. 12 – 18.
5. ГАКО, Ф. П.-1222, Оп. 1, Д. 3, Лл. 86 – 93.
6. ГАКО, Ф. П.-1311, Оп. 3, Д. 43, Л. 24.
7. ГАКО, Ф. П.-1296, Оп. 1, Д. 34, Л. 18.
8. ГАКО, Ф. П.-1346, Оп. 1, Д. 5, Л. 7.

9. Гаман-Голутвина, О. В. Региональные элиты современной России: портрет в изменившемся интерьере / О. В. Гаман-Голутвина // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004.
10. Гулик, О. Дело о младшем компаньоне / О. Гулик, С. Чистякова, Д. Тростников // Континент-Сибирь. – 2008. – 8 февраля.
11. Депутаты ГД ФС РФ 5 созыва. – Режим доступа: <http://kemerovo.izbirkom.ru/way/e954d1a5-f4d8-4cfb-a8fb-a91ba93977eo.html> (дата обращения: 06.05.11).
12. Депутатский корпус Совета народных депутатов Кемеровской области. – Режим доступа: <http://www.sovet.kem.ru/composition.html> (дата обращения: 24.03.12).
13. Кислюк, М. Б. Наше спасение – наша проблема / М. Б. Кислюк // Кузбасс. – 1992. – 12 дек.
14. Кислюк и Тулеев дали пресс-конференции // Наша газета. – Кемерово, 1996. – № 40. – 11 апреля.
15. Лапина, Н. Ю. Региональное измерение российской политической трансформации / Н. Ю. Лапина // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. Ежегодник РАПН. – 2004.
16. Макаркин, А. Избирательные списки и внутрипартийные конфликты. – Режим доступа: <http://politcom.ru/article.php?id=5089> (дата обращения: 04.10.11).
17. Наваева, О. Творческий подъем в коридорах власти / О. Наваева // Наша газета. – Кемерово, 1996. – № 40. – 11 апреля.
18. Погодаев, Н. Кемеровская область: декабрь 1995 года – январь 1996 года / Н. Погодаев, Е. Бояркина // Выпуски политического мониторинга Международного института гуманитарно-политических исследований. – 1996. – Январь. – Режим доступа: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1996/0196/42.html> (дата обращения: 22.10.11).
19. Правые за Уралом // Континент-Сибирь. – 2002. – 7 марта.
20. Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному округу 12 декабря 1993 г. – Режим доступа: http://cikrf.ru/newsite/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.jsp (дата обращения: 12.08.11).
21. Результаты выборов в Государственную думу II созыва. – Режим доступа: <http://politika.su/fs/gd2rezv.html> (дата обращения: 26.10.11).
22. Результаты выборов депутатов Государственной Думы РФ 02.12.2007. – Режим доступа: http://www.ako.ru/VIBOR/itog_part2007.asp?n=9&sn=1 (дата обращения: 09.05.12).
23. Сибирские «соколы Жириновского» // Континент-Сибирь. – 2002. – 31 мая.
24. Федеральный портал. Губернаторы Кемеровской области. – Режим доступа: http://protown.ru/russia/obl/articles/articles_319.html (дата обращения: 06.11.11).
25. Федеральный закон: от 11 июля 2001 г. N 95 – ФЗ «О политических партиях». – Режим доступа: <http://rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html> (дата обращения: 22.10.11).
26. Шашкова, Я. Ю. Партийная система в процессах политической трансформации и выборов в Российской Федерации (на примере Юго-Западной Сибири): дис. ... д-ра пед. наук (23.00.02) / Я. Ю. Шашкова. – Чита, 2011. – 416 с.

Информация об авторе:

Асауляк Валентина Викторовна – аспирантка кафедры политических наук КемГУ, 8-923-601-22-02, asaulyak_valentina@mail.ru.
Valentina V. Asaulyak – post-graduate student at the Department of Politology, Kemerovo State University.

УДК 327.7

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В РАМКАХ СНГ В 1990-Е ГГ.

В. В. Воробьев

THE PROBLEM OF THE ECONOMIC INTEGRATION IN THE CIS IN THE 1990 s

V. V. Vorobiev

Является ли Содружество Независимых Государств инструментом экономической интеграции постсоветского пространства и насколько эффективно оно выполняет эту функцию? Почему страны Содружества не смогли выработать взаимоприемлемую модель экономического сотрудничества, а предлагавшиеся «экономические проекты» отличались низкой степенью функциональности и оказывались малоперспективными? На эти, а также ряд других актуальных вопросов автор попытается дать ответ в своей статье.

Is the Commonwealth of Independent States the instrument of the economic integration of the post-Soviet space? How effectually does it perform this function? Why weren't the CIS countries able to work out the compromise model of economic cooperation? Why did the "economic projects" of the 1990s have a low functionality and why did they appear not promising? The author tries to come with response to the mentioned questions as well as some other issues.

Ключевые слова: СНГ, разнотемпная и многоформатная интеграция, сотрудничество, договор об экономическом союзе, зона свободной торговли, «интеграционные пояса», «форматирование», ГУУАМ.

Keywords: CIS, different speed and forms of integration, cooperation, the economic union agreement, the area of free trade, "integration zones", "formatting", GUUAM.

В 1990-е гг. на постсоветском пространстве странами Содружества Независимых Государств были предприняты попытки реализации различных моделей экономического сотрудничества. Страны СНГ прошли через создание экономического союза, что выражалось в формировании ЗСТ, платежного, таможенного, валютного союзов и общего рынка; предпринимались попытки реализации модели разнотемпной и многоформатной интеграции в виде СБР, ЕврАзЭС с одной стороны и ГУАМ, Сообщества демократического выбора с другой.

В развитии экономического сотрудничества стран СНГ в 1990-е гг. можно выделить два основных этапа. Первый относится к периоду 1991 – 1993 гг., он характеризовался попытками сохранить целостность постсоветского пространства: в основном был завершен раздел наследства бывшего СССР, происходил демонтаж уже в прошлом механизмов межреспубликанского сотрудничества, шёл процесс «выхода из социализма». Основным результатом первого этапа стало быстрое экономическое, правовое и политическое размежевание стран бывшего СССР.

В условиях распада постсоветского пространства на втором этапе, начало которого можно отнести к осени 1993 г. (завершение к 1996, а этапа в целом к 1999 гг.), страны Содружества приступили к поиску новых механизмов взаимодействия в различных областях, которые позволили бы сочетать интересы всех или большинства его участников.

Первоначально почти все республики были убеждены в том, что отделение от России, которая их «эксплуатировала» [4, с. 32], уже само по себе откроет перед ними возможности для экономического процветания. Для стран СНГ и Балтии характерен быстрый рост внешней государственной задолженности: по данным на 2000 г. они суммарно «должны» инвесторам почти 49 млрд \$. Однако абсолютным лидером в этой категории является Россия – её внешний долг равен почти 170 млрд \$. Но небезынтересен и тот факт, что Россия приняла на себя существенную часть долговых обязательств бывших союзных республик, а именно 69 млрд \$. Т. е. большинство стран «ближнего зарубежья» накопили свою внешнюю задолженность за недолгий период «суверенной демократии», а «Россия – эксплуататор» сегодня платит по «старым и общим» счетам. Вот такая была «эксплуатация». Однако вскоре обнаружилась необоснованность подобных надежд. Россия во всех отношениях, в том числе и экономическом, самодостаточна, чего нельзя сказать о ряде других постсоветских республик [1]. С этой точки зрения определенный интерес представляют результаты исследования, проведенного экспертами «Дойче банк» в конце 1993 года. Была поставлена цель – на основе анализа 12 важнейших экономических, социальных и геополитических параметров определить «степень жизнеспособности» каждой из бывших советских республик в качестве само-

стоятельных государств. Каждый из параметров оценивался по десятибалльной шкале, а максимальное суммарное количество баллов составляло 120. По этой методике Казахстан набрал 55 баллов, Узбекистан – 32, Туркменистан – 27, Кыргызстан – 24, Таджикистан – 18.

Особая роль России в Содружестве не оспаривается никем, но ее последствия противоречивы, а оценки нередко прямо противоположны. Очевидно, что Россия с самого начала была и продолжает оставаться системообразующим элементом политической и экономической структуры СНГ. На ее долю приходится свыше 3/4 территории и половина населения Содружества. В объеме ВВП стран Содружества в 2000 году российская доля составила 73,4 %, в 2005 – 77,6 %, в 2010 – 79,1 %. Россия занимает первое место по объему экспортно-импортных операций СНГ, является основным кредитором ННГ. Для большинства стран СНГ Россия – альтернативный рынок их традиционных товаров, услуг и труда; источник сырья и энергоресурсов, коридор для выхода на рынки третьих стран [1].

Тем не менее, все это не сделало Россию в глазах постсоветских правящих элит привлекательной для их стран. Напротив, антироссийская риторика и критика Содружества как неэффективного регионального объединения в последнее время стали проявляться все заметнее. В историческом плане предыдущее (в годы СССР) функционирование экономик бывших союзных республик имеет непосредственное влияние на их нынешнее состояние. В течение почти 70 лет союзные республики имели минимальные самостоятельные внешние связи, основные объемы внешней торговли проходили через Москву. Поэтому вполне объяснимо, что после получения независимости они пытаются диверсифицировать свои экономические отношения. Ведь в соответствии с популярной на Западе «гравитационной» теорией торговли экономические связи между странами являются функцией от двух основных переменных: расстояния между ними и объема их валового внутреннего продукта [4, с. 30].

В течение первой половины 1990-х гг. постсоветские республики обеспечили себе выход на мировые рынки, после чего экономическая ориентация на дальнее зарубежье оставалась доминирующей. К 2001 г. доля взаимной торговли внутри Содружества в совокупном объеме внешнеторговых операций его членов сократилась с 79 % в 1991 г. до менее чем 30 %; при этом падение товарооборота в 1,5 – 2 раза опережало сокращение производства [1].

Это ведет экономику СНГ к дальнейшему обособлению, ибо в однотипных хозяйствах сырьевого типа, как показывает мировой опыт, всегда и везде доминирует тенденция не к сотрудничеству, а к соперничеству за неизбежно ограниченные рынки сбыта, капиталов и инвестиций. Стремление индивидуальных производителей любой ценой максимизи-

ровать прибыль уже к середине 1990-х годов обернулось тем, что по многим товарным группам внутренние цены в Содружестве (насколько здесь можно говорить о внутренних ценах) в 1,5 – 2 раза превышали цены мирового рынка, что в корне разрушило торговлю по этим позициям [11, с. 58]. Как отмечается в литературе, «на внутреннем рынке Содружества цены на российский металл, лес, нефтепродукты, автомобили и другую продукцию оказались выше мировых в 1,3 – 1,8 раза. Например, в черной металлургии за счет начисления НДС на каждом производственном этапе цена металла на внутреннем рынке в 1,8 раз превышает экспортную цену. В результате металл в СНГ никто не покупает; 63 % его вывозят в дальнее зарубежье по демпинговым ценам» [11]. Поскольку более всего это касается продукции высокой степени обработки, разрушение торговли прямо ведет к деградации соответствующих производств – в структуре экономики увеличивается доля сырьевого компонента.

Вместе с тем у стран СНГ есть основания для дальнейшего развития и углубления хозяйственных связей внутри Содружества. Это признают и эксперты международных финансовых организаций: «энергетический комплекс Центральной Азии был создан с учетом сравнительных экономических преимуществ каждой страны: Туркменистан и Узбекистан располагают значительными запасами газа; Кыргызстан и Таджикистан располагают огромными гидроэнергетическими мощностями, а Казахстан обладает крупными запасами нефти и угля. После распада СССР страны проводили политику, направленную на достижение энергетической независимости, не учитывая эти сравнительные преимущества» [4, с. 30].

Летом 1993 г. в условиях окончательного распада рублевой зоны стал очевидным распад единого экономического пространства бывшего СССР, выразившийся, в частности, в резком снижении товарооборота между странами СНГ. Основу новой концепции экономической интеграции стран Содружества должен был составить подписанный в сентябре 1993 г. Договор об экономическом союзе стран СНГ [2, с. 273 – 281]. Поставленные договором цели, однако, оказались невыполненными, хотя с 1994 г. подписано немало соглашений, предусмотренных концепцией союза. Проблемой стало не только «хроническое» невыполнение подписанных соглашений, но и нарастающая дифференциация экономических интересов стран СНГ. В последние годы прослеживается тенденция переориентации стран Содружества на решение своих экономических задач вне рамок СНГ, с расчетом на возможность значительного расширения отношений со странами дальнего зарубежья. Так, удельный вес их экспорта в страны дальнего зарубежья по сравнению с общим объемом экспорта составил в 2001 году у Азербайджана 93 % против 58 % в 1994 году, Армении – 70 % и 27 % соответственно, Грузии – 57 % и 25 % и Украины – 71 % и 45 %. Соответствующим образом происходит и рост их импорта из стран дальнего зарубежья.

В столицах СНГ, судя по всему, пока не находит полного понимания та истина, очевидная с точки зрения общеэкономической теории, что если страны Со-

дружества и впредь будут искать свое место в международной системе разделения труда поодиночке, это заведомо обрекает их на роль сырьевых придатков этой системы.

Социально-экономическая неоднородность и политическая разнонаправленность стран-участниц СНГ представляют собой весьма серьезную проблему, временами перерастающую в препятствие их экономическому сближению. Если Россию считать центром интеграции (эффективным или нет – это другой вопрос), то допустимо условно отметить наличие «группировок» вокруг нее, выделяемых по различным основаниям. Например, по уровню интеграции, представленному несколькими интеграционными «поясами». Это ближнее интеграционное окружение, куда входят Белоруссия и Казахстан; «пояс лояльности», включающий Армению, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан; «альтернативное СНГ», состоящее из Украины, Молдавии и Грузии и примыкающего к ним Азербайджана.

Белоруссия находится в центре интеграционных процессов, являясь основателем и активным участником СНГ, ЕврАзЭС, СБР и ОДКБ [9]. По характеру торгово-экономической деятельности Республика Беларусь занимает в Содружестве особое место. Все ее внешнеторговые операции, в отличие от других членов Содружества, ориентированы главным образом на СНГ, где основным торговым партнером является Россия. В 2004 году 94 % объема импортных операций приходилось на Россию. Большинство высокотехнологичных производств в Белоруссии в значительной степени зависит от поставок оборудования, комплектующих изделий, сырья и полуфабрикатов из России. 95 % энергоносителей поступают в Белоруссию из России.

Другую позицию занимает Украина. Интеграционный потенциал Украины как члена СНГ на протяжении всего периода существования Содружества составлял (и продолжает составлять) весьма непростую проблему. Политика украинского руководства всегда характеризовалась стремлением занять «особое» положение [10], демонстрировать особое мнение, отказываться от членства в любых более тесных интеграционных объединениях внутри СНГ [7]. Так, Украина не является членом ни ОДКБ, ни ЕврАзЭС; она не входила в состав ни Экономического, ни Таможенного союзов. Украина занимает пассивную позицию в работе уставных органов СНГ и избирательную – в органах отраслевого сотрудничества. Членство Украины в Едином экономическом пространстве (ЕЭП) отягощено ее особой позицией, отказом подписывать полный пакет соглашений и документов, выдвижением особых инициатив и условий. Руководство Украины не скрывало, что главной целью ее вступления в ЕЭП являлось введение зоны свободной торговли (ЗСТ) без изъятий и ограничений. Без введения такой зоны украинское руководство фактически отказывалось продолжать движение в сторону интеграции, но сам факт появления этой зоны не являлся гарантией того, что Украина пойдет на дальнейшие интеграционные шаги.

Украина является одним из самых последовательных приверженцев идеи укрепления двусторон-

них межгосударственных отношений и минимизации своих обязательств в рамках СНГ. Белорусский и украинский опыт лишь демонстрирует, но отнюдь не исчерпывает противоречия в СНГ. В длинном ряду таких противоречий, тормозящих интеграционные процессы, самостоятельное место занимает проблема Грузии, Молдавии, Киргизии и Таджикистана. Всех их роднит низкий экономический потенциал и отсутствие значительной ресурсно-сырьевой базы, но разделяет уровень политической лояльности и готовности к участию в интеграционных проектах внутри Содружества. Грузию и Молдавию трудно отнести к числу приверженцев интеграции, при этом представляется, что Грузия наиболее близка к выходу из Содружества. Однако критическая взаимозависимость удерживает страны от резких шагов, направленных в сторону необратимых поступков.

Очевидно, что процесс «форматирования», создания «клубов по интересам» – это процесс объективный. То же самое происходит и в международных организациях, например, в ООН и ЕС. В СНГ проблема состоит в том, чтобы формирование различных группировок не разрушило Содружество. При этом важно, чтобы они взаимодополняли друг друга, а не противостояли на постсоветском пространстве. То, что отдельные группировки могут не только развиваться, но и постепенно утрачивать свое значение, демонстрировал в 2000 – 2001 гг. ГУУАМ.

Группа ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) оформилась в 1998 г. с целью согласования и координации политики участников объединения в отношении СНГ и в отношении других внешнеполитических и экономических вопросов. Весной 1999 г. после присоединения Узбекистана эта группа превратилась в ГУУАМ. Первоначально организация носила «неформальный» характер, концентрируясь на проблеме «новых транспортных коридоров»; с 2000 г. здесь обсуждается формализация структур сотрудничества и расширение их на страны Восточной Европы, где желание присоединиться к ГУУАМу уже изъявили Болгария и Румыния. По мере развития ГУУАМ все яснее определяются линии его размежевания с Евразийским экономическим сообществом, прежде всего, по составу участников и общей направленности их политики: отдельные аналитики уже говорят не столько о размежевании, сколько о противостоянии двух объединений.

В том, что СНГ ожидают нелегкие времена, мало кто сомневается. Политические события последних лет продемонстрировали, что постсоветское пространство становится полем жесткого геополитического соперничества и международной военно-политической и экономической конкуренции.

Внутри Содружества не нашел понимания тот факт, что в системе мировой экономики интеграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве в 1990-е гг., относятся к модели экономической интеграции развивающихся стран. Такой тип интеграционных процессов характеризуется существенно меньшей по сравнению с развитыми странами эффективностью экономического взаимодействия, более низким уровнем взаимной торговли. При создании и функционировании интеграционных союзов большое

значение приобретают политические факторы, а замедленность процессов интеграции обуславливается внутренними особенностями экономики каждой страны-участницы.

Все эти положения относятся к разряду очевидных истин. Однако складывается такое впечатление, что государства Содружества оказались не готовыми признать статус «развивающихся стран». Соответственно, анализ, планирование и прогноз ориентированы на столь высокую планку, перепрыгнуть которую оказалось неспособным ни одно из интеграционных объединений, сложившихся в рамках СНГ. Примеров тому множество: и затянувшийся переход Белоруссии на российский рубль или так и не состоявшееся окончательное присоединение Украины к Единому экономическому пространству. Эти и подобные им процессы нередко приводят к мысли об экономической несостоятельности СНГ.

Интеграционный пакет предложений наиболее полно представлен Белоруссией и Казахстаном, тогда как другие страны предпочитают в большей степени настаивать на развитии системы двухсторонних отношений в режиме преференций и разрешения наиболее болезненных для собственной экономики вопросов. Вместе с тем противоположные взгляды конвертируются в реальную политику, характеризующуюся высоким уровнем конфликтности.

В большинстве стран СНГ усилилась многовекторность политики, при которой СНГ-вектор оказывается зачастую далеко не самым важным. Страны-члены Содружества демонстрируют слабую политическую волю и низкую экономическую мотивацию недостаточную для реализации полномасштабной экономической и институциональной интеграции. Ни одна из стран не намерена поступиться ни граммом собственного суверенитета и при явном экономическом дисбалансе настаивает на безусловном равенстве и партнерстве во взаимоотношениях.

Тенденции последнего времени свидетельствуют о том, что фактор времени играет скорее «против», чем «за» СНГ-интеграцию в ее нынешнем виде. Динамические вариации поддержки СНГ или отказа от этой поддержки в зависимости от возраста опрашиваемых социологическими службами свидетельствуют о том, что ресурс сохранения единого сбалансированного постсоветского пространства заметно иссякает [12, с. 70].

Сейчас СНГ значительно уступает другим интеграционным организациям как по степени консолидированности национальных экономик, так и по общему потенциалу. По ряду ключевых показателей Содружество существенно отстает от Европейского Союза, Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и др. [7, с. 154]. Вместе с тем очевидно, что в 1990-е гг. Содружество сочетало некоторые черты региональной организации и интеграционного объединения. Поэтому было бы неверно ни «подтягивать» Содружество к «идеальной» региональной организации, ни форсировать его трансформацию в интеграционное объединение.

В условиях изменения конфигурации Содружества партнеры по СНГ остро ощущают потребность по-

иска своего места вне организации. К тому же им приходится определяться, испытывая целенаправленное воздействие многочисленных центров силы – США, Западной Европы, Китая, Японии, Юго-Восточной и Восточной Азии.

Это свидетельствует о чрезвычайно малых возможностях СНГ участвовать в формировании динамики мировой экономики. Вместе с тем потенциально возможная емкость рынков стран Содружества оценивается примерно в 1600 млрд долларов, достигнутый уровень производства ВВП – 580 – 600 млрд долларов в ценах 1997 года (после кризиса 1998 года – 470 миллиардов долларов) [6, с. 155]. Видимо, на этом основываются оптимистические ожидания ряда исследователей относительно «включения СНГ в мировой рынок в качестве не сырьевого придатка, а равноправного партнера, четвертого центра мирового хозяйства, наряду с Северной Америкой, Европейским сообществом и Юго-Восточной Азией» (прим. автора: например, материалы *Круглых столов: «Россияне и соседние народы» (Среднерусский консалтинговый центр, г. Владимир, 2006 г.); «Возможно ли единое экономическое пространство в рамках СНГ» (Фонд «Единство во имя России», г. Москва, 2004 г.). Журнал «Экономическое обозрение ЕвразЭС+». 2006. № 3(8); материалы некоммерческих фондов «Наследие Евразии» и «Центр развития» за 2005 – 2008 гг.). Подобные ожидания связаны с вполне реалистичными расчетами, в соответствии с которыми доля Содружества в ключевых мировых показателях – в ВВП (по паритету покупательной способности), экспорте и инвестициях – может достичь к 2015 году 4 %, а к 2030 – 7 – 8 % [6].*

Экономический фактор многие исследователи считают основным в деле интеграции постсоветского пространства. Во многом такой подход вполне оправдан. От того, насколько эффективно будет развиваться экономическая интеграция государств СНГ, зависит благосостояние народов, финансовые возможности стран ближнего зарубежья по продвижению других направлений интеграционного процесса. Лидеры СНГ не раз отмечали, что реальная интеграция – это не построенные из песка замки, а конкретные мероприятия, результаты которых будут ощутимы для простых людей наших стран.

Объективная основа для торгово-экономического взаимодействия в рамках Содружества пока сохраняется – до 80 % товаров стран СНГ производится и потребляется в пределах его границ. Именно поэтому специалисты утверждают, что нужен разумный протекционизм в отношении взаимной торговли, кото-

рый будет направлен на то, чтобы стимулировать торгово-экономические режимы – зону свободной торговли и таможенный союз.

Экономически «проект СНГ» остается потенциально перспективным. Вместе с тем усиливавшееся экономическое обособление постсоветских республик друг от друга несло в себе препятствия на пути интеграционного процесса. Реальная практика интеграции демонстрирует пример того, что экономика в СНГ существует и развивается под мощным воздействием политики [3, с. 30], того, что кажется целесообразным и необходимым; отстает под давлением субъективных причин или сталкивается с трудностями связанными с отношением к прошлому [13, с. 65 – 67].

В свете подобных фактов становится очевидным, что странам СНГ гораздо выгоднее работать сообща с целью найти наиболее целесообразные пути интеграции в мировую экономику. В настоящее время между странами ближнего зарубежья часто возникают противоречия по поводу производства однотипной продукции не самого высокого качества. Такая продукция вряд ли найдет спрос на мировом рынке. Очевидно, что только совместное производство достойной продукции, способной выдержать суровую конкуренцию, позволит странам Содружества прочно обосноваться на мировом рынке.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в значительной степени зависят от согласованности государственной политики и стратегии крупных корпораций стран СНГ. Противоречия между государством и частным бизнесом препятствуют развитию взаимовыгодных отношений между государствами-участниками Содружества.

В научных дискуссиях об экономическом сотрудничестве стран СНГ нередко встречается мысль о том, что разный уровень их реформирования препятствует эффективной интеграции. Действительно, частные компании одного государства, уже привыкшие к определенному уровню свободы действий у себя дома, в условиях более жесткого регулирования другого государства могут рассматривать подобную ситуацию как препятствие для активной работы на его рынке.

Таким образом, развитие интеграции (в том числе в экономической сфере) на постсоветском пространстве происходит одновременно на нескольких уровнях: в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества, в рамках регионального сотрудничества и на уровне субрегиональных интеграционных объединений. Поэтому ожидать быстрого и эффективного решения экономических противоречий в рамках всего Содружества вряд ли возможно.

Литература

1. Исполнительный комитет СНГ // Аналитический доклад «Итоги деятельности СНГ за 10 лет и задачи на перспективу». – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3147> (дата обращения: 13.01.2006).
2. Договор об экономическом союзе стран СНГ: от 24 сентября 1993 г. – М.: Юрист, 2004. – 34 с.
3. Документ Международного валютного фонда и Всемирного банка. – Вашингтон, 4 февраля 2002. – 30 с.
4. Евзеров, Р. Я. Мировые процессы и СНГ / Р. Я. Евзеров // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 11.
5. Зиновьев, В. П. Страны СНГ и Балтии: учеб. пособие / В. П. Зиновьев. – Томск: ТГУ, 2004. – 294 с.
6. ИМЭПИ РАН. Центр проблем интеграции (2005 – 2006). Центр проблем интеграции: информационно-аналитический бюллетень. – М.: ИМЭПИ РАН. – № 1 – 4.
7. Исингарин, Н. 10 лет СНГ. Проблемы, поиски, решения / Н. Исингарин. – СПб.: Нева, 2001. – 304 с.

8. Исполнительный комитет СНГ // Сведения о выполнении внутригосударственных процедур по документам, принятым в рамках СНГ в 1991 – 2007 гг. (действующих по состоянию на 1 марта 2007 г.). – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/0base/frame-rus.htm> (дата обращения: 05.05.2008).

9. Исполнительный комитет СНГ // Сведения о документах, принятых в СНГ в 1991 – 2007 гг. в разрезе государств-участников СНГ (действующих по состоянию на 1 марта 2007 г.). – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/0base/frame-rus.htm> (дата обращения: 05.05.2008).

10. Исполнительный комитет СНГ // Сведения о ратификации документов, принятых в рамках СНГ в 1991 – 2007 гг. (действующих по состоянию на 1 марта 2007 г.). – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/0base/frame-rus.htm> (дата обращения: 05.05.2008).

11. Суханова, И. Ф. Экономические противоречия в рамках Содружества Независимых Государств / И. Ф. Суханова // Вестник МГУ. Серия 6, Экономика. – 2000. – № 4. – С. 40 – 51.

12. Фурман, Е. Д. ЕС и СНГ: интеграция и ее поддержка населением / Е. Д. Фурман // Свободная мысль – XXI. – 2006. – № 7/8.

13. Яковлев, И. В. Становление интеграционных отношений в СНГ (вопросы теории, методологии, практики) / И. В. Яковлев // Вопросы теории и практики управления. – 2005. – № 10.

Информация об авторе:

Воробьев Владислав Валерьевич – аспирант КемГУ, специальность: 23.00.02, 8(3843) 54-88-82, exalibur-nk09@yandex.ru.

Vladislav V. Vorobiev – post-graduate student at Kemerovo State University.

УДК 329.058(470+571)

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕВЫХ МОЛОДЁЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ГОСУДАРСТВОМ И ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А. А. Митин

WAYS OF IMPROVING OF INTERACTION BETWEEN THE LEFT-WING YOUTH ORGANIZATIONS AND THE STATE AND CIVIL SOCIETY INSTITUTES

A. A. Mitin

В статье исследуются пути оптимизации взаимодействия левых молодёжных организаций с государством и институтами гражданского общества в Российской Федерации. Автор рассматривает левую молодёжную политику как элемент и фактор политической социализации и адаптации, стремится показать, как она становится условием сохранения политической преемственности и формирования культуры гражданского общества.

In article ways of optimization of interaction of the left youth organizations with the state and institutes of civil society in the Russian Federation are investigated. The author considers the left youth policy as an element and a factor of political socialization and adaptation, aspires to show as it becomes a condition of preservation of political continuity and formation of culture of civil society.

Ключевые слова: молодёжная политика, левые молодёжные организации, гражданское общество, государственные институты, политические ценности, идеология.

Keywords: youth policy, left youth organizations, civil society, state institutes, political values, ideology.

Молодёжную политику можно определить как систему приоритетов и методов, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации, адаптации и самореализации молодого поколения, для развития его потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие государства. Основным средством развития потенциала молодёжи является её вовлечение в социально-экономическую, общественно-политическую и социокультурную жизнь российского общества [18].

Воспитание молодого поколения в истории России – именно в этом смысле надо рассматривать проблемы массового молодёжного движения – всегда являлось важным элементом стабильности политического развития государства. Кадетские училища в

Российской империи и комсомол в СССР обеспечивали в этом отношении преемственность поколений в самом широком понимании данного явления. В 1990-х годах возник социальный вакуум в жизни молодого поколения, что стало одним из значимых факторов формирования в России абсентеизма (неучастия в выборах).

Левое молодёжное движение является одним из элементов гражданского общества и наряду с государственной молодёжной политикой реализует свои программы и методы политической социализации. Существуют разные позиции в определении понятия «левый». За рассмотрение возьмём те политические силы, которые главным принципом своих политических программ считают социальную справедливость и такую черту как интернационализм [7, с. 230]. Среди

парламентских партий сюда можно отнести КПРФ и «Справедливую Россию» и их молодёжные организации - «Ленинский коммунистический союз молодёжи РФ» (до февраля 2011 года - «Союз коммунистической молодёжи РФ» - одна из наиболее многочисленных молодёжных организаций в России) и «Молодые социалисты России» соответственно. К радикальному комсомолу относятся «Авангард коммунистической молодёжи», «Революционный коммунистический союз молодёжи (большевиков)» и троцкистские организации: «Социалистическое сопротивление - Российская секция комитета за рабочий Интернационал», «Революционная рабочая партия». «Новые левые» представлены «Автономным Действием» и радикальными экологами из «Хранителей радуги». Принципы социального равенства также разделяют анархические организации - «Конфедерация революционных анархо-синдикалистов - Международная ассоциация трудящихся», «Ассоциация движений анархистов» и другие.

Пик популярности понятия гражданского общества пришелся на конец - первую половину XIX века. Затем понятие «гражданское общество» фактически исчезло из активного политического лексикона. Возрождение идеи гражданского общества относится к середине 80-х годов XX века, когда понятие «гражданское общество» стало активно использоваться либералами, советскими диссидентами для критики сложившейся советской политической системы [2]. Это совпало и с расцветом идеалистических теорий на Западе, с возрождением гражданского общества как альтернативы рациональной модели государства.

Однако, уточним, что в России гражданское общество формируется и развивается в отличных от Запада, порой противоречивых социокультурных условиях. Прежде всего, следует отметить доминирующую роль государства в жизни общества в его историческом развитии, что определяется особыми геополитическими условиями. Государство вынуждено брать на себя решение особых задач. Одновременно процесс формирования гражданского общества сопровождается подавлением гражданских инициатив со стороны государства.

Понимание важности функционирования институтов гражданского общества демонстрирует и Организация Объединенных Наций (ООН). ООН устойчиво выстраивает свои отношения с неправительственными организациями национального и международного уровня уже на протяжении многих десятилетий, для чего выработаны соответствующие механизмы аккредитации. Если проанализировать эти отношения, то станет очевидным, что они стали разнообразнее и шире, а это в свою очередь подтверждает активную заинтересованность ООН в привлечении некоммерческих организаций (НКО) к своей деятельности. Не следует думать, что такое вовлечение НКО в работу ООН - простая процедура и не создает серьезных проблем [1].

По данным Росстата и Минюста в России зарегистрировано более 123 тыс. общественных объединений и иных некоммерческих организаций, формирующих институты гражданского общества в России.

Вместе с тем используемый в нормативных правовых актах Российской Федерации термин «институты гражданского общества» в настоящее время не нашел своего четкого определения. В этой связи следует заметить, что в современном понимании институты гражданского общества, такие, как левые молодёжные движения, религиозные организации, профессиональные объединения, союзы, ассоциации, средства массовой информации и т. д. являются своего рода «мостом» между частными интересами и государством, позволяющим объединить интересы государства, общества и составляющих его индивидов в целях защиты прав и свобод человека и гражданина.

Категория «взаимодействие» выражает характер и содержание отношений между людьми и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, т. е. отношений, различающихся по социальным позициям, статусам и ролям, функциям. Социальное взаимодействие имеет объективную и субъективную стороны. Объективная сторона взаимодействия - это связи, не зависящие от отдельных личностей, но опосредствующие и контролируемые содержание и характер взаимодействия. Субъективная сторона - это сознательное отношение индивидов друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях соответствующего поведения [12, с. 22]. Социальное взаимодействие тесно связано с понятием «социальное партнерство».

Под социальным партнерством в нашем случае понимается конструктивное взаимодействие представителей всех трех секторов общества - государственного, коммерческого и некоммерческого - при решении социально-значимых проблем (бедность, бездомность, сиротство, насилие в семье и т. п.), осуществляемое в рамках действующего законодательства и направленное на оптимизацию социальной политики.

Молодёжная политика многих левых организаций направлена на активное вовлечение молодых поколений в общественную жизнь, решает конкретные проблемы детей и молодёжи. Многие из них сотрудничают с социальными службами, ведут пропаганду здорового образа жизни, организуют спортивные мероприятия, способствуют национально-культурному возрождению, летнему отдыху, решению жилищных проблем и так далее.

Представители каждого сектора обычно по-разному осознают собственную ответственность за эти человеческие беды, имеют разные возможности и ресурсы для помощи, наконец, разные представления о самой природе социальных проблем [6, с. 30]. Но несмотря на различия и противоречия, сотрудничество необходимо, ведь ни государство, ни бизнес, ни общественные (в том числе НКО), ни молодёжные организации не могут в одиночку преодолеть социальную несправедливость и конфликты, обеспечить людям равные возможности для достойной жизни.

Электоральное поведение в таком понимании может анализироваться как объективными характеристиками - различиями социального положения, объясняющими специфику поведения отдельных групп, так и субъективными характеристиками - самоидентификация с левыми политическими партиями, символами, идеологиями, восприятие отдельных, в дан-

ный момент политических проблем, воздействие средств массовой коммуникации, личного общения и другие [9].

Объективная реальность гражданского общества содержит два типа объектов: культурные, то есть объективированные ценности, нормы и символы, регулирующие взаимодействия гражданских субъектов и, собственно, социальные, объективные формы гражданских отношений, например, ассоциации и диссоциации, конфликта и согласия. Одним из важнейших индикаторов гражданственности общества является социально-политическая активность его членов, поскольку через нее проявляется интерес граждан к общественным событиям, государственному управлению, способность и желание участвовать в общественной жизни, влиять на принятие решений, если не в масштабах всего общества или регионального сообщества, то хотя бы в пределах ближнего социального окружения и своей молодежной организации.

Деятельность левых общественных объединений призвана сократить разрыв между обществом и властью, поскольку представители властей вынуждены «сочетать свои действия с общественной инициативой граждан, избегать силовых методов решений, всемерно оберегать приоритетность статуса личности, обеспечивать гарантии ее неотъемлемых прав на свободное самовыражение своих идей» [10, с. 84].

Сегодня в России укрепляется институционализация организаций третьего сектора как активнодействующих субъектов общественно-политической жизни, однако не всегда между организациями, представляющими неправительственный сектор, и властными структурами выстраиваются конструктивные отношения. Взаимодействие власти с левыми молодежными организациями представляет собой довольно сложный процесс. Анализ существующей практики позволил выделить три варианта интеракции (взаимодействия) между органами власти и данными гражданскими структурами: сотрудничество, игнорирование и конфронтация. Модель игнорирования свидетельствует об отсутствии сотрудничества и не может выступать вариантом интеракции, поскольку последняя требует проявления активности. Сотрудничество же может быть как партнерским, подразумевающим определенное равенство сторон, так и доминирующим, вплоть до полного подчинения одной стороны. Взаимодействие органов власти и левых общественных объединений представляет собой развивающуюся во времени последовательность взаимных действий органа власти (или его представителя) и актива общественной организации.

Каждый из этих вариантов выстраивания отношений между органами власти и общественными объединениями может развиваться по нескольким сценариям, создавая определенные модели интеракции. Частными случаями партнерского взаимодействия являются «модель архитектора» и «модель диалога». «Модель архитектора» характеризуется принятием органами власти различных уровней нормативных актов и иных мер, которые способствуют появлению и развитию независимых общественных объединений. «Модель диалога», с одной стороны, демонстрирует лояльное отношение властей к общественным объе-

динениям, а с другой – позволяет оперативно получать информацию о состоянии общественного сектора и служит своего рода регулирующим клапаном для управления социальными процессами.

Доминирование органов власти может проявляться в двух моделях: умеренно патерналистской и модели «приводных ремней». В первом случае властные структуры оказывают левым молодежным организациям определенную поддержку в обмен на их политическую лояльность. Во втором случае в рамках модели «приводных ремней», наиболее ярко представленной в СССР, общественные объединения характеризовались подчиненным положением по отношению к партийно-государственному аппарату [13, с. 132]. В поле зрения руководящих органов партии попадают общественные объединения, имеющие наибольшие влияние и авторитет на своей территории.

Помимо модели сотрудничества, взаимоотношения между органами власти и общественными объединениями могут быть конфронтационными и проявляться в двух вариантах: «борьба с противником» и «гражданское неповиновение». В случае борьбы с противником представители властных структур стараются осложнить либо вовсе прекратить деятельность общественных объединений, не желающих принимать «правила игры». Эта модель стала применяться российскими органами власти после «цветных революций» на постсоветском пространстве по отношению к общественным объединениям, не готовым взаимодействовать с властными структурами в рамках предлагаемых ими процедур. Гражданское неповиновение предполагает действия политического характера, умышленное преступление закона с целью привлечения общественного внимания к проблеме и требования к изменению законодательства без использования насильственных методов (Торо, Ганди, Кинг).

Итак, сотрудничество и конфронтация между властными структурами и левыми молодежными организациями могут реализовываться в различных вариантах. При этом реальный процесс интеракции, как правило, сочетает несколько рассмотренных моделей. Использование тех или иных моделей и интенсивность взаимодействия акторов зависят от целей и задач, стоящих перед органами власти и общественными объединениями, а также конкретной общественно-политической ситуации.

Левыми же движениями должно быть осознано, что конструктивное сотрудничество предполагает профессионализм, самостоятельность и высокую степень ответственности за качество решения проблем и полноту выполнения взятых на себя обязательств. Соответствие этим требованиям должно быть предметом оценки и контроля в процессе их взаимодействия с государственными структурами [11, с. 311]. Отсутствие последовательного, стабильного взаимодействия препятствует эффективному решению общественно значимых проблем.

Властные структуры идут на контакт с организациями и группами, которые имеют широкую социальную и ресурсную базу, влияние на общественное мнение, либо с патронируемыми, «карманными» организациями. При этом «неудобные» общественные

объединения, не готовые играть по заданным властью правилам, представителями власти игнорируются, либо в отношении их применяется описанная модель «борьбы с противником». Причины неготовности, а иногда неспособности властных структур и левых общественных объединений идти на конструктивный диалог носят как объективный, так и субъективный характер, причем субъективные причины характерны как для органов власти, так и для общественных объединений.

Среди объективных причин отсутствия взаимодействия и взаимопонимания между властью и гражданскими структурами можно выделить следующие: несовершенство законодательства, которое часто становится причиной невозможности поменять существующую практику взаимодействия, и различие природы происхождения и существования органов власти и общественных объединений, что обуславливает различие их интересов [5, с. 93]. Субъективные причины внутри общественного связаны главным образом с узостью задач каждой отдельной левой молодежной организации, непрофессионализмом лидеров организаций, отсутствием соответствующего образования в сфере некоммерческого менеджмента и взаимодействия с органами власти. Субъективные причины, характерные для органов власти, таковы: несогласованность ветвей власти, узость задач каждого звена власти, межведомственные проблемы, бюрократизм, коррупция, опасение властных структур потерять сферы контроля и влияния.

Безусловно, приведенный список не исчерпывает всех причин отсутствия конструктивного взаимодействия между властью и общественными структурами, однако он позволяет сделать принципиально важный вывод: для построения эффективной интеракции между властными структурами и общественными объединениями необходимы точки соприкосновения, готовность, воля и активные действия обеих сторон. Если построению такой интеракции мешают объективные причины, то устранить их возможно, используя переговорные площадки и проводя совместные консультации с целью поиска выхода из сложившейся ситуации. Если же налаживанию конструктивного взаимодействия препятствуют субъективные причины одной из сторон (чаще всего представителей власти), другая сторона должна предпринять меры по их устранению. Например, левые общественные объединения могут выступить в качестве функционального партнера, прибегнуть к судебному воздействию на органы власти и чиновников, выразить организованный протест, провести информационную кампанию в прессе, лоббировать свои интересы или же попытаться внедрить своих агентов во власть. Роль государства в усилении партнерства с общественными объединениями в условиях формирующегося гражданского общества остается ведущей. Оно обязано обеспечить условия, при которых государственная власть совместно с общественными структурами левого толка вырабатывает стратегию и приоритеты социальной политики и организует их практическое воплощение по установленным правилам.

Понятие левой организации характеризует широкий класс явлений в обществе, обозначая в одном

случае способ объединения и взаимодействия людей на основе общих ценностей и норм, в другом – систему социальных институтов и порядок взаимоотношений между ними, а в третьем – совокупность взаимосвязанных статусов и ролей, которые реализуют индивиды, включенные в конкретную деятельность или находящиеся в рамках той или иной системы. Социальная организация есть одновременно способ упорядочения деятельности и способ упорядочения отношений или взаимодействий между людьми. Иными словами, она включает, с одной стороны, систему (комплекс) социальных институтов как организованных и стандартизированных форм деятельности людей, определяющих линию их поведения в типичных ситуациях, а с другой – социальную структуру как устойчивую, самовоспроизводящуюся совокупность взаимосвязанных статусов и ролей [4, с. 268].

С точки зрения «горизонтальной» дифференциации левой социальной организации можно выделить три уровня: социальная организация «системно-формального» мира социума (система формальных институтов и отношений между субъектами); социальная организация «жизненного» мира (система неформальных и непосредственных отношений между людьми, обусловленная биосоциальными и иными факторами); социальная организация гражданской жизни (совокупность гражданских институтов, ассоциаций и гражданских отношений).

Следовательно, гражданское общество существует внутри социальной организации совместной жизни людей. Но в отличие от общества в целом оно существует как особая часть всей общественной системы, разделяющая и опосредующая ее системные и жизненные начала.

Таким образом, гражданское общество как форма социальной организации имеет «двойственную» природу: с одной стороны, оно является частью социальной организации общественной жизни в целом, где ему соответствует определенный тип социетального сообщества, а с другой, такое общество выступает одной из трех сторон гражданской жизни (наряду с личностной и культурной), где ему соответствует исторически определенная форма социальной организации.

С точки зрения «вертикальной» дифференциации социальная организация гражданской жизни может быть рассмотрена на пяти взаимосвязанных уровнях: глобальное гражданское общество (предельно широкая общность людей, объединяющая ряд однотипных социетальных обществ и существующая в рамках современной индустриальной цивилизации); социетальное гражданское общество, объединяющее граждан отдельного социума по ряду социокультурных признаков; локальные гражданские сообщества, т. е. организованные коллективы людей, связанные общими целями или проблемной ситуацией (левые региональные организации, общественные движения и пр.); гражданские общины (самоуправляемые коллективы, объединенные общими делами и единой территорией); малые организационные формы гражданской самодетельности (группы интересов, клубы и т. д.).

Суть левой социальной организации гражданского мира состоит в том, что интересосубъективность гра-

жданской жизни реализуется в форме рационально-спонтанного (сознательно-бессознательного), взаимосогласованного, нормативно опосредованного и символически-регулируемого взаимодействия автономных субъектов, а ее объективность – в системе институтов гражданского общества, складывающихся и развивающихся во многом эволюционным, естественным путем.

В зависимости от уровня взаимодействия субъектов он дифференцируется на несколько слоев: реальность организации на социетальном уровне, образуемая совокупностью отношений между большими группами гражданского общества; реальность социальной организации на уровне частных и общественных объединений, ассоциаций; собственно интерактивная реальность социальной организации, охватывающая практику межличностных отношений.

Интерсубъективные представления характеризуют объединяющие, интегративные смыслы, значения, используемые людьми для организации совместной деятельности и взаимодействия. Чтобы стать достоянием более широкой общности людей, они должны пройти через «фильтры» и тем самым получить всеобщее признание (социальную легитимность) [6, с. 33]. Поэтому объективная идеальность левой социальной организации сосредоточена в основном в институциональной сфере, опосредованной и регулируемой при помощи гражданской культуры.

Культурная детерминация социальной организации осуществляется посредством выдвижения, обоснования и экспертизы стратегий и программ, которыми руководствуются в своей деятельности автономные субъекты гражданского общества [3, с. 37]. В свою очередь те или иные организационные формы социальной организации (национальные движения, левые молодежные организации, правозащитные ассоциации и пр.) создают реальные предпосылки для развития определенных гражданских качеств лично-

сти (солидарности, субъектности, ответственности и т. д.).

Таким образом, личность, культура и левые молодежные движения выражают в разных комбинациях субъективную, объективную и интерсубъективную стороны гражданской жизни, которые рассматриваются одновременно в модусах идеального и реального существования, естественного и искусственного происхождения.

С точки зрения идеально-реального существования гражданского мира каждую из его сфер необходимо изучать двояким путем: как идеальную конструкцию, выраженную в представлениях, образе мышления, смыслах и значениях людей, и как реальное явление, образованное совокупностью индивидуальных или коллективных, культурно обусловленных или социально-организационных действий.

Относительно возможных форм и способов участия государственных институтов в процессе формирования и поддержки институтов гражданского общества, а также особенностей их взаимодействия в перспективе необходимо сделать следующие рекомендации органам власти. Во-первых, власть не должна мешать процессу формирования гражданских инициатив, дать возможность реализоваться левым общественным начинаниям, в целом не бояться гражданской активности. Во-вторых, сама политическая система, в которую входят государство и власть, должна стать более прозрачной, понятной, доступной для контроля со стороны институтов гражданского общества. Государству необходимо отказываться от патерналистской модели позиционирования власти в отношениях с гражданским обществом. В-третьих, власти необходимо, взаимодействуя с институтами гражданского общества, привлекать последние к участию в политическом процессе, разработке социально значимых программ и проектов.

Литература

1. Аннан, К. Механизмы и практика взаимодействия неправительственных организаций в рамках всех мероприятий системы Организации Объединенных Наций / К. Аннан. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga> (дата обращения: 27.04.2012).
2. Гаджиев, К. С. Размышления о политической культуре современной России / К. С. Гаджиев // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 2.
3. Лапкин, В. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в России / В. Лапкин, В. Пантин // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 4.
4. Нэсбит, Д. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000 / Д. Нэсбит, П. Эбурдин. – М.: Республика, 1992.
5. Ольшанский, Д. В. Психология современной российской политики: хрестоматия для вузов / Д. В. Ольшанский. – М.: Социум, 2001.
6. Романенко, И. В. Социальное и экономическое прогнозирование: конспект лекций / И. В. Романенко. – СПб., 2000.
7. Славин, Б. Ф. «Правое» и «левое» в российской социал-демократии. Социал-демократы Европы в начале XXI века: время перемен: сб. ст. / Б. Ф. Славин / отв. ред. Б. С. Орлов. – М.: РАН ИНИОН, 2006.
8. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации № 1760-р от 18 декабря 2006 г.. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/press/news/3318> (дата обращения: 27.04.2012).
9. Тавокин, Е. П. Электоральное поведение как фактор политической социализации россиян / Е. П. Тавокин. – М., 2005.
10. Тарасов, А. Н. Революция не всерьез / А. Н. Тарасов. – М.: Ультра Культура, 2005.
11. Тарасов, А. Н. Страна Икс / А. Н. Тарасов. – М.: АСТ, 2006.

12. Чирун, С. Н. Молодежная политика: теория и практика взаимодействия: монография / С. Н. Чирун. – Кемерово, 2008.
13. Шестопал, Е. Б. Политическая психология / Е. Б. Шестопал. – М.: Социум, 2002.

Информация об авторе:

Митин Александр Александрович – аспирант кафедры политических наук КемГУ, 8-903-047-42-25, james_cold@mail.ru.

Alexander A. Mitin – post-graduate student at the Department of Politology, Kemerovo State University.

УДК 32.019.5

РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ (на примере сайтов «одноклассники» и «ВКонтакте»)

В. В. Шиллер, Н. Н. Шелудков

RUSSIAN SOCIAL NETWORKS AS POTENTIAL DANGER FOR NATIONAL SECURITY OF RUSSIA (as exemplified by *Odnoklassniki* and *Vkontakte*)

V. V. Shiller, N. N. Sheludkov

В статье анализируются популярные российские социальные сети «Одноклассники» и «ВКонтакте» в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности страны. Авторы акцентируют внимание на уязвимостях поисковых систем рассматриваемых социальных сетей, позволяющих собирать данные разведывательного характера и подробно рассматривает группы и сообщества через призму их социального и половозрастного состава, а также оценку аудио-, видео- и фото-контента на предмет содержания экстремистских идей и призывов.

The popular Russian social networks of *Odnoklassniki* and *Vkontakte* are represented in the article as potential danger for the national security of the country. The authors emphasize the vulnerability of the actual social networks which allow to collect the necessary data. The author examines the groups and communities through the lens of their social and sex and age structure and also through the appraisal of audio, video, and photo content concerning extremist ideas and appeals.

Ключевые слова и фразы: российские виртуальные социальные сети, угроза национальной безопасности, каналы распространения экстремистского контента; национальный, религиозный, политический, социальный и гендерный экстремизм.

Keywords: Russian social networks, danger for national security, channels of extremist content expansion: national, religious, political, social and gender extremism.

Виртуальные социальные сети обладают огромным потенциалом в качестве канала распространения разнообразной информации, включая деструктивные идеи, и обеспечивают возможности тиражирования контента, носящего экстремистский характер и представляющего потенциальную и реальную угрозу национальной безопасности страны.

Под угрозами национальной безопасности в социальных сетях согласно существующему в России законодательству [34] мы будем понимать публичную пропаганду экстремистских идей, направленных на разжигание межэтнической, межконфессиональной, межсоциальной и межгендерной розни и призывы к насильственному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, а также возможности сбора разведывательных данных о половозрастном и социальном составе, образовательном уровне, политических взглядах, представлениях и уровне политической культуры пользователей социальных сетей с помощью особенностей устройства их поисковых систем.

Для анализа мы выбрали две самые популярные российские социальные сети, охватывающие более трети всего населения России – «Одноклассники» и «ВКонтакте».

Проект «Одноклассники» был запущен в начале марта 2006 года и очень быстро набрал популярность среди российского населения, подкрепленную бурным внедрением новых технологий выхода в Интернет-пространство и появления широких возможностей приобретения дешевой компьютерной техники. В настоящее время число пользователей данной социальной сети составляет около 20 миллионов человек, объединяя не только российское население, но и граждан бывших советских республик, включая Украину, Белоруссию и Казахстан [1].

Реконструкция половозрастной структуры данной социальной сети затруднена в силу специфики устройства поисковой системы на сайте. Она сконструирована таким образом, что безличный поиск по половозрастным, профессиональным и иным критериям невозможен. В поисковое поле необходимо обязательно вводить имя и фамилию пользователя. Мы попытались преодолеть эту проблему, осуществляя сортировку по наиболее популярным мужским и женским именам. Но поскольку соотношение частоты встречаемости имен варьируется в зависимости от года рождения и, соответственно, популярности того или иного имени в тот или иной промежуток времени,

получившиеся результаты не совсем репрезентативны и не в полной мере отражают реальную половозрастную структуру этой социальной сети. В целом прослеживаются следующие тенденции: основной контингент зарегистрированных на сайте мужчин и женщин представлен лицами старше 30 лет, на долю которых приходится свыше половины всех попавших в выборку пользователей. Социальный статус, образовательный уровень, семейное положение, политические и религиозные предпочтения в силу особенностей организации поисковой системы реконструировать крайне сложно и для получения подобной информации необходимо формировать отдельную базу данных на основе данных, взятых с каждой страницы, что будет отнимать значительную часть временных и материальных ресурсов. Поэтому использовать сайт «Одноклассники» для сбора разведывательной информации с целью реконструкции половозрастной и социальной структуры конкретного населенного пункта, региона или страны в целом достаточно затруднительно и в этом отношении данная социальная сеть не несет значительной угрозы национальной безопасности страны.

Для выявления других уязвимостей мы анализировали контент, размещенный на площадке данной социальной сети. Анализу подвергались: группы, объединяющие пользователей сети вокруг какой-то проблемы и идеи; видеофайлы экстремистского содержания, свободный доступ к которым могут получить все пользователи сайта; аудиокomпозиции, имеющие экстремистское содержание и содержащие экстремистские призывы; тексты экстремистской направленности, пропагандирующие деструктивные идеи политической, социальной, национальной, конфессиональной и гендерной розни; фотографии и картинки, содержащие экстремистские призывы либо пропагандирующие деструктивные идеи.

Тщательный поиск информации по обозначенным выше критериям дал следующие результаты. Фотографий и других изображений, содержащих деструктивные материалы, мы не обнаружили. Структура сайта не предусматривает размещение текстового материала и аудиокomпозиций. Имеется возможность размещать на своей страничке ссылку на тексты статей, опубликованных на других интернет-ресурсах. Мы просмотрели больше 500 ссылок, размещенных на разных страницах, найденных нами случайным способом, и ни одна из них не содержала экстремистских идей и призывов. Их основная часть содержала интересные и забавные истории о взаимоотношениях полов, информацию о воспитании детей, психологические этюды, гороскопы и рецепты приготовления тех или иных блюд.

При поиске групп мы ориентировались на их политическую направленность и профиль. Запросы выполнялись по фамилиям президента и премьер-министра РФ, названиям: «полицейское государство», «смерть чуркам», «кавказцы», «евреи», «аллах велик», «ДПНИ», «Соппротивление», «Славянский союз», «Формат 18», «Квачков Владимир Васильевич». Основная часть найденных групп носит комплиментарный характер по отношению к В. В. Путину, Д. А. Медведеву и партии «Единая Россия» (Наиболее

часто встречаются такие группы, как «МЕГАПУТИН: СдЕлай МиР лУЧшЕ!», «В. В. Путин-красавчик!!!», «Путин наш лидер», «Владимир Путин», «Владимир Владимирович Путин», «Нам по пути!», «В. В. Путин наш лидер! ЕДИНАЯ РОССИЯ наша партия!», «ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЕДИНАЯ РОССИЯ», «ПУТИН!», «Путин и Медведев так! Общение направленное в поддержку нашего Тандема!» и др.). Число участников этих групп составляет 1376 человек. Из них 72 % женщин и 28 % мужчин, имеющих средний возраст 28,5 лет. В силу того, что все эти группы закрыты, возможность оценить контент не представляется возможным.

Групп, имеющих деструктивную направленность, критикующих деятельность Президента, правительства и партии «Единая Россия», а также призывающих к насильственному изменению основ конституционного строя России гораздо меньше, чем позитивно относящихся к существующим властям. К их числу относятся группы, направленные против В. В. Путина, Д. А. Медведева и партии «Единая Россия» [18, 30, 33] и две группы, посвященные полковнику ГРУ Квачкову В. В. («СВОБОДУ ПОЛКОВНИКУ ГРУ ВЛАДИМИРУ КВАЧКОВУ!!!» и «полк. КВАЧКОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ»), арестованному в декабре 2010 г. оперативными сотрудниками ФСБ и обвиненному в подготовке вооруженного мятежа, нацеленного на государственный переворот, смену правящей элиты, изменение внутри и внешнеполитического курса России [5, 6]. Общее число участников этих групп составляет 2364 человек, что не так много от общего числа пользователей данной социальной сети.

И, наконец, последняя брешь, которая присутствует на сайте «Одноклассники» – это опция «видео», которая пока является достаточно новой для пользователей. Она не позволяет закачивать видеофайлы непосредственно на сайт, а фактически является очень мощной поисковой системой, осуществляющей поиск по популярным видеохостингам сети, включая популярные в России сайты «youtube» и «rutube», содержащие большое количество видео, пропагандирующего национальную, религиозную и социальную ненависть, разоблачающего неблагоприятные дела и поступки крупных политиков и государственных чиновников. Кроме того, посредством этой опции можно получить доступ к видеопroduкции, которая изготавливается за рубежом и содержит компрометирующие материалы на первых лиц Российской Федерации – В. В. Путина и Д. А. Медведева.

Социальная сеть «ВКонтакте» – второй появившийся после сайта «Одноклассники» национальный интернет-ресурс, созданный для поиска друзей, одноклассников, однокурсников, соседей и коллег. Уступая на первых порах «Одноклассникам», этот сайт очень быстро набрал популярность, значительно опередив «старшего брата» и объединяя в настоящее время более 100 миллионов пользователей из бывших республик СССР и дальнего зарубежья. Зарегистрированных учетных записей российских пользователей насчитывается в настоящее время около 82 миллионов человек.

Структура сайта такова, что регистрируясь и заполняя все разделы, пользователь добровольно формирует на себя достаточно полное досье, содержащее обширную информацию, позволяющую реконструировать установочные и характеризующие данные каждого конкретного человека, а также обозначить круг кровнородственных и социальных связей.

При реконструкции половозрастной структуры пользователей этой социальной сети серьезных затруднений мы не испытывали, поскольку, в отличие от «Одноклассников», поисковая система этого ресурса позволяет осуществлять поиск по обобщенно-обезличенным критериям, без привязки к конкретному

имени и фамилии. Используя возможности этой поисковой системы мы отсортировали участников «ВКонтакте» по половозрастному принципу, используя принятый в демографии пятилетний интервал для выделения возрастных групп, и отображали полученные результаты в виде половозрастной пирамиды, представленной в рис. 1. Анализ полученной пирамиды свидетельствует, что основной контингент представлен молодежью до 30 лет, причем основная часть пользователей является учащейся молодежью, получающей высшее или среднее профессиональное образование.

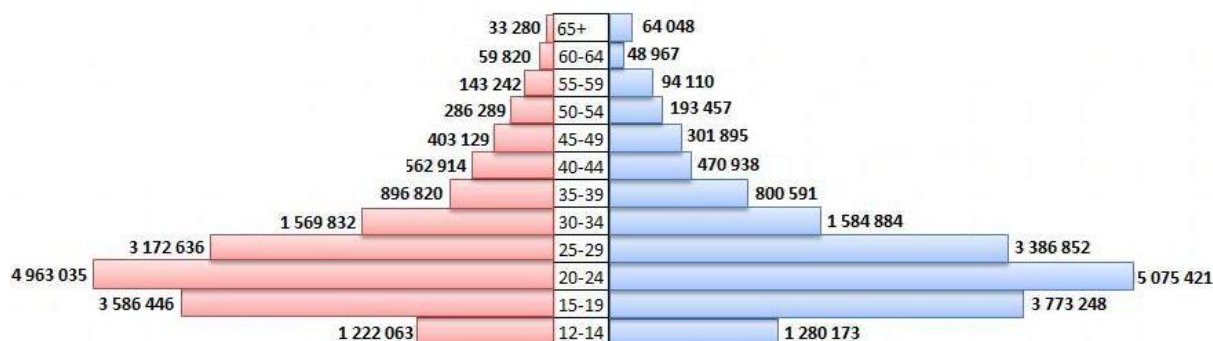

Рис. 1. Половозрастная структура социальной сети «ВКонтакте». Составлена 7.06.2011 г. по данным ресурса: www.vkontakte.ru

Именно в доминирующих возрастных группах «ВКонтакте» лучше и быстрее всего усваиваются и распространяются деструктивные идеи, носящие экстремистский характер и потенциально угрожающие национальной безопасности страны.

Легкость поиска необходимых данных, открытость этой информации для любого зарегистрированного пользователя, широкие возможности осуществления запроса по любому заданному критерию являются достаточно серьезной уязвимостью и угрозой национальной безопасности государства, поскольку из любой точки земного шара, из любой страны можно спокойно пользоваться этой базой данных, осуществляя любой необходимый запрос и получая как аналитически-обобщенную информацию, носящую стратегический характер и интересующую в первую очередь военных и спецслужбы, так и широкий круг установочных и характеризующих данных на каждую отдельно взятую персону, включая круг кровнородственных и социальных связей.

На базе этого ресурса несколько лет подряд обкатывались и совершенствовались манипулятивные механизмы организации больших масс людей и эффективного управления ими на расстоянии. Речь идет о так называемых «флэшмобах», организуемых отдельным человеком или группой людей и представляющих собой массовую акцию, нацеленную на достижение какой-нибудь цели и организуемой синхронно в ряде городов и населенных пунктов страны. «Твиттерная революция» в Египте может интерпретироваться как своеобразная флэшмоб-акция, с помощью которой на улицы городов было выведено больше миллиона человек.

Анализ других уязвимостей, несущих угрозу национальной безопасности страны мы будем осуществлять по той же схеме, что использовали при характеристике социальной сети «Одноклассники».

Все виды угроз были типологизированы нами по видам экстремистской деятельности в соответствии с существующей в законе РФ о противодействии экстремистской деятельности от 2002 года классификацией. Закон выделяет 4 вида экстремистских деяний, в том числе политический, социальный, национальный и конфессиональный экстремизм. Мы считаем, что один из видов экстремистской деятельности незаслуженно прошел мимо внимания законодателей. Речь идет о гендерном экстремизме, представленном в современном российском обществе тремя ключевыми направлениями: феминизм, маскулинизм и «ЛГБТ-экстремизм».

Весь текстовый, аудио, видео и фото контент, а также группы анализируемой нами социальной сети были распределены нами по представленным выше типологическим группам.

Политический экстремизм представлен большим количеством групп, объединяющих порядка 25 – 30 тысяч пользователей «ВКонтакте», средний возраст которых колеблется в пределах 17 – 25 лет. Основная часть этого контингента является учащейся молодежью, получающей среднее либо высшее профессиональное образование, не состоящих в браке, позиционирующих себя как коммунисты, анархисты, монархисты, являющихся по вероисповеданию христианами либо язычниками. В рамках групп обсуждаются и пропагандируются идеи свержения существующего государственного строя и изменения политической

системы, сложившейся в период после распада СССР вплоть до настоящего времени [8, 9, 10, 24]. Кроме групп, выступающих против первых лиц государства, в данной социальной сети содержится достаточно большое количество групп, созданных представителями движения «Сопrotивления». Если в «Одноклассниках» количество групп и участников этого движения было представлено ограниченным числом, то «ВКонтакте» поисковая система вывела перечень, составляющий 4451 группу, представленную числом более 200 тысяч человек. Только в базовой группе «Сопrotивление» [4] состоит 35536 человек. Это движение изготавливает и выкладывает в сеть видео и аудиопроодукцию достаточно высокого качества. В этот же типологический ряд укладывается и деятельность таких политических объединений, пропагандирующих идеи политического экстремизма, как «Народное ополчение им. Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского» (объединяет 2322 человека) [3], созданного и руководимого полковником ГРУ В. В. Квачковым, находящимся в настоящее время, как отмечалось выше, под следствием по обвинению в попытке совершения государственного переворота и политического движения «Парабеллум», созданного другом и соратником В. В. Квачкова – Юрием Екишевым. В целом эти движения объединяют в анализируемой социальной сети порядка 15000 человек. Контент групп включает в себя видеообращения полковника В. В. Квачкова, в которых он предлагает совершить революцию для изменения существующей политической системы, аудиозаписей его интервью, видеоматериалов из зала суда над Квачковым, предоставленных Юрием Екишевым, а также текстовый контент.

Национальный экстремизм. Этот вид угрозы также представлен большим количеством групп, включающих разнообразный видео, аудио, фото и текстовый контент. Сюда можно отнести такие националистические группы и объединения, как ДПНИ – «движение против нелегальной эмиграции», «Славянский союз», «Формат 18» [2] и т. д.

В целом подобные группы и направления, включая «Союз фашистов России», «Шульц 88», «Грибные эльфы», «Скинхеды России», «Мы против чернож... в России» и прочие включают в себя порядка 150000 человек, преимущественно учащуюся молодежь, получающую среднее профессиональное и высшее образование, а также младших офицеров российской армии, молодых учителей и преподавателей колледжей, техникумов и вузов, менеджеров и офисных работников. Группы содержат визуальный и текстовый контент, пропагандирующий национальную нетерпимость и призывы к физическому уничтожению выходцев с Кавказа и Закавказья, а также азиатов и негров. Наиболее показательны в этом отношении ролики, снимаемые «Славянским союзом» – «Славянский союз», «Формат 18» – «Дачная история», «Шульц 88» – «Бей черных», ДПНИ – «Русский, очнись» и прочие. Очень популярен в сети ролик «Бабка-88», являющийся фрагментом известного антифашистского фильма Павла Бардина «Россия-88». Именно размещение этого видеоролика на своей страничке «ВКонтакте» явилось основанием для возбуждения уголовного дела и при-

влечения к ответственности студента КемГМА Силина Романа, осужденного к полутора годам лишения свободы условно [7]. Аудиоконтент представлен текстами группы «Коловрат», призывающей освобождать «святую Русь» от всякой иноземной нечисти и оккупантов. Фотоконтент представлен коллажами и фотомонтажом на тему убийства или издевательств над представителями иных этнических и расовых групп, демонстрацией нацистской символики и эксплуатации образа Гитлера как харизматического лидера, кумира и знаковой фигуры для представителей ряда националистических движений. Кроме всего прочего на площадках этих групп в виде текстовых заметок содержатся полнотекстовые варианты либо цитаты и выдержки из «Майн кампф».

Материалы по религиозному и социальному экстремизму представлены в сети слабо, а вот по гендерному экстремизму их достаточно много. Основная часть этих групп представлена феминистскими и квазифеминистскими направлениями [11, 12, 13, 14, 15, 17, 20, 23, 25, 26, 28, 29, 32] и в меньшей степени маскулинистскими группами [16, 19, 21, 22, 27, 31], в рамках которых пропагандируются идеи половой нетерпимости и распространяются призывы к уничтожению либо физическому уничтожению по гендерному признаку.

Основной контингент, представленный в этих группах, составляют юноши и девушки, не достигшие 25-летнего возраста, обучающиеся в старших классах либо в учебных заведениях профессионального уровня, не имеющие опыта семейной жизни. В целом основная часть идей, представленных в феминистских группах носит деструктивный характер и серьезно влияет на становление и существование института семьи, разрушая позитивный образ представителя другого пола и позитивного восприятия семьи как ячейки общества.

Подводя итоги необходимо отметить, что сайт «Одноклассники» является достаточно защищенной социальной сетью. Проявляется это в низких возможностях ее поисковой системы при получении обобщающей информации по ряду признаков, включая реконструкцию половозрастной структуры, образовательного и профессионального уровня пользователей сайта, получения информации об индивидуальных и групповых характеризующих данных. Сайт содержит всего две уязвимости, носящие характер потенциальной угрозы национальной безопасности – создание групп, объединяющих какое-то количество пользователей и являющихся каналами ретрансляции экстремистских деструктивных идей и опция «видео», позволяющая искать на видеохостингах видео, в том числе носящее экстремистский характер. В целом уровень потенциальной угрозы национальной безопасности страны со стороны этого ресурса можно оценивать как крайне низкий.

Сайт «ВКонтакте» содержит значительно больше уязвимостей нежели «Одноклассники» и представляет не потенциальную, а реальную угрозу национальной безопасности страны, вовлекая до миллиона молодых граждан России в деструктивные группы и объединения, пропагандируя идеи политического экстремизма, национального и гендерного превосходства и нера-

венства, включая в манипулятивные игры, проводимые под видом «флэшмобов» значительные массы пользователей «ВКонтакте».

«ВКонтакте» требует вмешательства, либо правового регулирования распространения идей и контента,

носящего деструктивный характер и принятия специальных мер по информационной безопасности путем приведения поисковой системы этой социальной сети к стандарту поисковой системы «Одноклассников».

Список источников и литературы

1. <http://odnoklassniki.ru/profile/228399033> (дата обращения: 25.05.2011).
2. <http://vkontakte.ru/club19586225>, <http://vkontakte.ru/blank.php?code=42&gid=5535840>, <http://vkontakte.ru/blank.php?code=42&gid=7304715> (дата обращения: 25.05.2011).
3. <http://vkontakte.ru/club9758508> (дата обращения: 25.05.2011).
4. http://vkontakte.ru/soprotivlenie_ws (дата обращения: 25.05.2011).
5. <http://www.odnoklassniki.ru/#/group/51736264441971> (дата обращения: 25.05.2011).
6. <http://www.odnoklassniki.ru/group/51636280885477> (дата обращения: 25.05.2011).
7. <https://pravorub.ru/cases/11215.html> (дата обращения: 25.06.2012).
8. Группа «Мы против авторитарного режима Путина!». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club1091750> (дата обращения: 25.05.2011).
9. Группа «***МЫ против ПУТИНА!!!**Долой его и ЕДИНОРОСОВ!!!». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club820932> (дата обращения: 25.05.2011).
10. Группа «===== НОВОСИБИРСК Против политики правительства Путина!». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club15381301> (дата обращения: 25.05.2011).
11. Группа «Без мудаков, козлов, мужиков». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club22433406> (дата обращения: 25.05.2011).
12. Группа «Бей мужиков по е..». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club24937839> (дата обращения: 25.05.2011).
13. Группа «Все мужики сво... и козлы». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club2725356> (дата обращения: 25.05.2011).
14. Группа «Все мужики сволочи». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club5405714> (дата обращения: 25.05.2011).
15. Группа «Девушки лучше чем мужики». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club24299041> (дата обращения: 25.05.2011).
16. Группа «Для мужиков: бабы должны нам подчиняться». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club1879436> (дата обращения: 25.05.2011).
17. Группа «Женское общество без мужиков». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club20952726> (дата обращения: 25.05.2011).
18. Группа «Медведев и Путин вместе со своей "ЕР" идите на...». – Режим доступа: <http://www.odnoklassniki.ru/group/50344598765726> (дата обращения: 25.05.2011).
19. Группа «Мужик всегда прав». – Режим доступа: http://vkontakte.ru/mugik_prav (дата обращения: 25.05.2011).
20. Группа «Мужикам жизни нет». – Режим доступа: http://vkontakte.ru/club_machosracho (дата обращения: 25.05.2011).
21. Группа «Мужики круче баб». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club21529918> (дата обращения: 25.05.2011).
22. Группа «Мужики правят миром». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club24292392> (дата обращения: 25.05.2011).
23. Группа «Мужиков на х... Девушки рулят». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club4363605> (дата обращения: 25.05.2011).
24. Группа «МЫ ПРОТИВ ЕДИНОЙ РОССИИ МЫ ПРОТИВ МЕДВЕДЕВА И ПУТИНА». – Режим доступа: http://vkontakte.ru/anti_er (дата обращения: 25.05.2011).
25. Группа «Мы против мужиков». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club16699921> (дата обращения: 25.05.2011).
26. Группа «Мы против мужиков». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club23795685> (дата обращения: 25.05.2011).
27. Группа «Наш ответ женскому неадеквату». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club699202> (дата обращения: 25.05.2011).
28. Группа «Общество без мужиков». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club9510143> (дата обращения: 25.05.2011).
29. Группа «От мужиков одни проблемы и огорчения». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club6889648> (дата обращения: 25.05.2011).
30. Группа «Полицейское государство Россия». – Режим доступа: <http://www.odnoklassniki.ru/profile/-228399033#/group/51460070768738> (дата обращения: 25.05.2011).

31. Группа «Я ненавижу женщин и детей». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club22403123> (дата обращения: 25.05.2011).
32. Группа «Я ненавижу мужиков». – Режим доступа: <http://vkontakte.ru/club2638953> (дата обращения: 25.05.2011).
33. Группа народно-патриотического движения «Сопротивление». – Режим доступа: <http://www.odnoklassniki.ru/group/53936443228186>, режим доступа: <http://www.odnoklassniki.ru/group/50382951547032> (дата обращения: 25.05.2011).
34. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утверждена Указом Президента Российской Федерации: от 12 мая 2009 г. № 537. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/195521/> (дата обращения: 14.07.2012).

Информация об авторах:

Шиллер Вадим Викторович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политических наук КемГУ, shiller.vadim@yandex.ru.

Vadim V. Shiller – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of Politology, Kemerovo State University.

Шелудков Николай Николаевич – соискатель кафедры политических наук КемГУ, ffs42@mail.ru.

Nikolay N. Sheludkov – post-graduate student at the Department of Politology, Kemerovo State University.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК. 37.015.3

САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЭТАПЕ ВХОЖДЕНИЯ В ВУЗ

А. И. Алонцева, И. С. Морозова

SELF-FULFILLMENT OF A STUDENT'S PERSONALITY AT THE STAGE OF ENTERING HIGH SCHOOL

A. I. Alontseva, I. S. Morozova

В статье освещена проблема самоосуществления личности студентов на этапе вхождения в вуз. Рассмотрены выводы о развитии компетенции самоосуществления в процессе непрерывного образования. Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на оптимизацию самоосуществления личности.

The article highlights the problem of self-fulfillment of a student's personality at the stage of entering high school. The development of self-fulfillment competence in the process of lifelong education is reviewed. The results of an empirical research aimed at optimizing personality self-fulfillment are presented.

Ключевые слова: самоосуществление, личность, непрерывное образование, компетенция, активные методы обучения.

Keywords: self-fulfillment, personality, lifelong education, competence, active methods of teaching.

Современное образование, претерпевая процесс модернизации и реформирования, становится ориентированным на создание условий, обеспечивающих формирование у обучающихся знаний адекватных требованиям современного общества и развитие личности, которое позволит человеку осуществить себя и свой потенциал.

В связи с данными тенденциями, несмотря на сохранение за образованием необходимости выполнения триединого процесса: обучения, воспитания и развития – акценты смещаются на развитие обучающегося [3; 11; 15; 16].

Стоит отметить, что развитие на протяжении всей истории образования выступало важной задачей, а на современном этапе, под влиянием работ Б. Г. Ананьева, Л. И. Анциферовой, А. В. Брушлинского, Л. Н. Грановской, А. В. Запорожца, В. Т. Лисовского Я. А. Пономарева, Е. И. Степановой и др. складывается концепция «неограниченного развития», в которой

заложено представление о преемственности развития человека в процессе всей жизнедеятельности, со смещением направленности, интенсивности, характера и качества [7; 10].

Тем самым в современных психолого-педагогических исследованиях проблематика, касающаяся развития личности в процессе обучения, является актуальной.

Обратившись к анализу системы Российского образования стоит отметить, что она функционирует посредством двух самостоятельных и взаимосвязанных структур: средней общеобразовательной школы и высшей профессиональной школы, которые решают различные образовательные задачи и осуществляют обучение субъектов разных возрастных групп.

В. С. Леднев, М. В. Рыжанов, С. Е. Шишов, рассматривая компоненты, определяющие образовательный государственный стандарт, акцентируют внимание на изначальном различии этих двух структур (средней

общеобразовательной школы и высшей профессиональной школы), которое выражается в содержании целей. Цель общего образования – осуществить всестороннее развитие личности, подготовить учащихся к трудовой деятельности, жизни, выбору профессии; цель высшего профессионального образования – развить отдельные стороны личности, определяемые профессиональной направленностью и подготовить человека к конкретной профессии, сформировав профессионально значимые знания, умения, навыки.

Это отражает различия между школьным и вузовским образованием, и как следствие обнаруживают проблему преемственности средней и высшей школы.

При этом в современной ситуации модернизации образования процесс обучения в вузе ориентирован на активизацию позиции обучающегося, самостоятельное в поиске информации, самообразование, а также приближение роли обучающегося как объекта образовательного процесса к роли субъекта трудовой деятельности. В высшей школе создаются условия для максимального приближения образовательного процесса к реальной трудовой деятельности специалистов. Данная тенденция приближения процесса вузовского обучения к деятельности ещё в большей степени внесла различия между школьным и вузовским образованием [1].

Современный психолого-педагогический анализ даёт основания утверждать, что наиболее актуальным для разработки проблемы преемственности двух образовательных систем выступает первый год обучения в вузе. Это связано с резким переходом из структуры школы в структуру высшего образования. Одновременно происходит смена режима, ритма жизни, социально статуса, формы образовательного процесса. Происходит изменение в формах педагогического процесса: уход от жестко регламентированных форм обучения в сторону признания обучающегося равноправным участником процесса обучения. Появляется большая вариативность в программах, средствах, содержании обучения.

В данном аспекте возникает проблема неподготовленности выпускников школ к активной позиции, продуктивной учебной деятельности [8, с. 125 – 128]. Выпускники школ после успешного их окончания оказываются не готовыми к обучению в новых организационно-педагогических условиях, что приводит к снижению на первых курсах успеваемости, профессиональной мотивации и усложнению периода адаптации.

Конечно, стоит отметить, что обозначенные проблемы не остаются без внимания ученых и практиков. Разрабатывается много программ, способствующих сближению и преемственности системы «школа-вуз».

Выделенные А. А. Вербицким тенденции развития образования, на наш взгляд, способствуют минимизации различий, существующих на данном этапе, между средней и высшей школами. Среди них автор выделил: осознание каждого уровня образования как составной части системы непрерывного образования; индустриализацию обучения и сопровождающую её технологизацию; переход к активным формам обучения с включением элементов проблемности; стимуляцию творческой, самостоятельной деятельности обу-

чающегося; перенос акцентов с обучающей деятельности преподавателя на познающую деятельность студента [5; 6, с. 3 – 30].

Таким образом, школа и вуз, представляя собой различные ступени образования и имея различия в содержательных компонентах, имеют тенденцию к выработке единого взгляда на процесс обучения, предполагая единые принципы организации обучения, преемственность содержания и методов, взаимодополняемость учебных программ и планов, наличие единых принципов их построения. На обеих ступенях образования признается значимость развития обучающихся в триаде «развитие-обучение-воспитание», где главной задачей выступает не прямое воздействие на личность растущего человека с целью добиться желаемых результатов, а создание необходимых условий для актуализации механизмов, обеспечивающих самоосуществление.

Все вышеперечисленное послужило основанием для определения системы, обуславливающей оптимизацию перехода, как систему «школа-вуз».

Мы считаем, что в настоящее время переход обучающихся из одной системы обучения в другую можно оптимизировать в условиях так называемой надсистемной организации образовательного процесса – в условиях непрерывного образования, что позволит обучающимся, не снижая своей эффективности в учебной деятельности и не повышая цены психофизиологических затрат, переходить на следующий уровень обучения в системе «школа-вуз».

Понятие «непрерывное образование» имеет множество трактовок: как образование на протяжении всей жизни; как образование взрослых; как способ и процесс поступательного развития личности; как принцип преобразования системы образования в стране; как непрерывное профессиональное образование. Мы согласны с мнением Е. Ю. Косаревой, которая в своей работе трактует непрерывное образование как непрекращающееся, целенаправленное освоение человеком социокультурного опыта с использованием всех звеньев образовательной системы и означает преемственность ступеней формального образования [9]. Оно обеспечивает целостность образовательного процесса и объединения всех её этапов и ступеней. При этом примечательным является то, что непрерывное образование функционирует по принципу синергии, когда за счет преемственности различных ступеней образования мы можем получить образовательный эффект выше, чем в сумме на каждой образовательной стадии. Это находит отражение в трудах многих ученых (И. А. Зимняя, Б. Н. Боденко, Т. А. Кривченко, Н. А. Морозова).

Помимо этого, непрерывное образование дает возможность для раскрытия личностного потенциала. В своих работах В. И. Байденко пишет, что непрерывное образование становится гуманистической формой развертывания в человеке личностного потенциала, адаптивности человека в условиях социально-экономических изменений [2]. Мы согласны с мнением Т. И. Моисеевой, которая пишет, что содержательность системы непрерывного образования заключается в обеспечении условий для непрерывного качественного самоизменения (саморазвития) каждо-

го обучающегося за счет непрерывного изменения его собственных способностей. Следовательно, перспектива непрерывного образования связана именно с потенциалом, заключающимся в отсутствии внутреннего предела для развития (саморазвития) личности, обеспечивая созидание самого себя, своих собственных способностей и новых знаний, необходимых субъекту обучения для решения новых проблемных ситуаций и нового шага в собственном развитии [14].

Таким образом, эффективный переход в системе «школа-вуз» можно достичь за счет непрерывного образования, которое позволяет не только признать права ребенка быть субъектом учения и собственной жизнедеятельности, но и субъектом саморазвития и самоосуществления личности.

В качестве способов, обеспечивающих достижение поставленных целей, могут выступать активные методы обучения в форме цикла тренинговых занятий, в основу которых положен принцип целенаправленного формирования компетенции, более соответствующей пониманию современных целей образования, которая позволит обучающемуся на этапе вхождения в вуз обеспечить себя ресурсным состоянием и возможностями для преодоления напряженности при смене формы и стиля обучения, вхождении в новую учебную группу, принятии новой роли.

Развитие данной компетенции возможно достичь за счет создания условий для формирования личности, склонной к самоосуществлению и имеющей для этого конкретные способы достижения, которые представлены различными вариациями стратегий совладающего поведения. Именно направленность личности на самоосуществление позволит подготовить обучающихся к переходу на другую ступень образования, сформировав личностные качества, необходимые для эффективного овладения изменившихся условий учебной деятельности.

В психологической литературе проблема самоосуществления представлена в довольно большом числе работ, которые условно можно поделить на два подхода. Первый подход рассматривает данный феномен через призму других психических образований: самоактуализация (А. Маслоу, В. Франкл, Э. Шостром, Ш. Бюлер, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев); саморазвитие (К. Роджерс); самореализация (К. А. Абульханова-Славская, Л. А. Коростылева, Б. Д. Парыгин, Ф. Перлз, Э. Фромм и второй подход рассматривает самоосуществление в качестве предмета самостоятельного изучения (К. Хорни, К. Гольдштейн, Ш. Бюлер).

Определяя содержательно термин «самоосуществление» стоит отметить, что данное понятие так же имеет различные точки зрения с позиции его процессуальности, то есть нет единого мнения в определении его как динамической (процесса) или как статической (результата) категории. Например, М. К. Мамардашвили (1997) определяет самоосуществление личности как «выхожение, преодоление себя» нахождение человека в состоянии вечно свершаемого и никогда свершившегося [12, с. 7, 154]. Автор говорит, что это «путь такого прохождения жизни», в результате которого «ты приходишь к себе и реализуешь себя» [13]. Схожего мнения придерживается Л. Г. Брылева (1998), так же раскрывая категорию «само-

осуществление» как постоянное «движение». Она описывает его как процесс самореализации и самоактуализации личности, ведущий человека к самораскрытию, самосовершенствованию, преобразению и приводящий в экзистенциальные глубины сущности человека. Б. С. Братусь, определяя самоосуществление, дает следующую характеристику – это возможность «полноты своего существования как человека» [4]. Б. С. Братусь считает самоосуществление ведущим и определяющим для человеческого развития процессом, предметом которого становится родовая человеческая сущность, стремление к приобщению, слиянию с ней и обретение тем самым всей возможной полноты своего существования как человека [4, с. 48].

Отличительной от предыдущих мнений выступает позиция И. А. Трошина (1984), который, исследуя в своих работах предназначение человека, пишет о том, что самоосуществление человека представляет собой пик человеческой жизнедеятельности, т. е. данное понятие – это результат, свершившаяся категория человеческого существования.

Тем не менее, несмотря на различные взгляды при определении термина «самоосуществление личности», можно констатировать общую тенденцию, которая отражается в том, что «самоосуществление личности» подразумевает развитие индивида в направлении самосовершенствования, саморазвития и наличия высокой результативности жизнедеятельности.

В своей работе, опираясь на труды Ш. Бюлер (1962), С. Б. Братуся (1988), А. Г. Асмолова (1996), Л. В. Янковской (2000), К. А. Абульхановой-Славской (2001), Н. Ф. Хилько (2001), Л. Н. Храмцовой (2003), Е. А. Лукиной (2006), К. Л. Зайцева (2007), Е. В. Селезневой (2008), Е. В. Четошниковой (2008), А. А. Деркач (2009), Т. В. Казаковой (2009), И. О. Логиновой (2010), Э. В. Сайко (2010) и др., категорию «самоосуществление личности» мы интерпретируем как феномен, детерминирующий личностное развитие, представляющий собой одновременно непрерывный процесс и результат всесторонней реализации самого себя, предполагающий осознание личной ответственности за саморазвитие в целом и создание новых потенциалов в направлении все большей сложности. И рассматриваем феномен «самоосуществление личности» как многоуровневую иерархическую инвариантную трехкомпонентную структуру, включающую: субъективные характеристики личности, позволяющие выявить отношение личности к себе; индивидуально-психологические параметры личности, отражающие более или менее устойчивые характеристики, свидетельствующие об индивидуальности человека; характеристики субъекта деятельности, раскрывающие целенаправленную активность в направлении самоосуществления.

В качестве особенностей самоосуществления личности студента на этапе вхождения в вуз выделены: наличие формирующейся потребности в самоосуществлении, освоение элементарных навыков самодетерминации, выраженность направленности осуществления себя в различных сферах жизнедеятельности, прогнозирование траектории саморазвития, выработка индивидуального стиля самоосуществления.

Условиями, определяющими и оптимизирующими самоосуществление личности, мы рассматриваем стратегии совладающего поведения.

Для подтверждения был проведен формирующий эксперимент с целью оптимизации самоосуществления личности посредством формирующего воздействия на стратегии совладающего поведения выпускников школ. Для этого была разработана тренинговая программа «Оптимизация форм совладающего поведения», цель которой: формирование оптимальных стратегий совладающего поведения, выступающих факторами самоосуществления личности.

Цель тренинга достигалась за счет реализации поставленных задач: дополнить и систематизировать представления слушателей о формах совладающего поведения; развить умение адекватно оценивать ситуацию; способствовать развитию умения понимать себя и свои ресурсные возможности; обучить оптимальным формам копинг-стратегий; развить и повысить у каждого члена группы внимание и ответственность за совершённые или совершаемые им поступки; развить навыки оказания психологической поддержки; повысить уверенность в себе и своих силах; повысить уровень самоосуществления личности.

Программа состоит из восемнадцати занятий, продолжительностью 4 часа. Общий объем программы 72 часа. Периодичность занятий – один раз в неделю.

Критерием эффективности выступают стратегии совладающего поведения, выявленные в процессе констатирующего эксперимента (выраженность стратегии избегания проблем; выраженность стратегии

принятия ответственности; выраженность стратегии конфронтационного копинга; выраженность эмоциональной копинг-стратегии; выраженность поведенческой копинг-стратегии) и показатель самоосуществления личности.

В рамках формирующего эксперимента были сформированы две группы численностью по 25 человек каждая. Первая группа – экспериментальная, которая подвергалась формирующему воздействию, и контрольная группа, которая представляет исходный уровень показателей и помогает определить, улучшают или ухудшают экспериментальные воздействия показатели первой группы. Зависимой переменной в исследовании выступает самоосуществление личности.

Контрольная и экспериментальная группы представляют собой независимые выборки, которые эквивалентны по существенным характеристикам: полу, возрасту, учебному заведению и уровню выраженности самоосуществления личности. Эквивалентность групп по показателю «самоосуществление личности» проверялась с помощью t-критерия Стьюдента: статистически значимых различий в основной и контрольной группах по показателю самоосуществления личности не выявлено.

Для определения эффективности формирующего воздействия по окончании тренинговых занятий был проведен контрольный этап эксперимента. Полученные результаты, представленные на рисунке 1, дают возможность констатировать, что произошла динамика во всех показателях ($p \leq 0.01$).

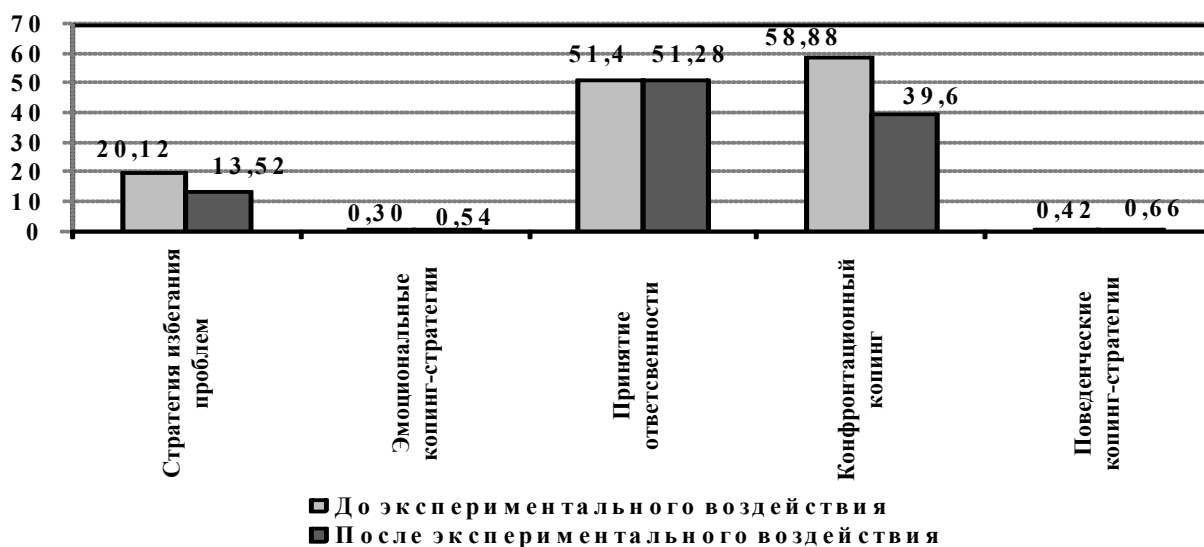

Рис. 1. Средние значения факторов, влияющих на самоосуществление личности в экспериментальной группе, до и после экспериментального воздействия

Выявленные в результате формирующего воздействия тенденции (к увеличению или снижению показателей) соответствуют планируемому для увеличения значения самоосуществления.

Среди исследуемых экспериментальной группы в ходе проведенного формирующего воздействия (тренинговых занятий) респонденты реже выбирают стратегию «избегание проблем», при которой человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем. Стоит отметить, что данная стратегия считается одной из ведущих

поведенческих стратегий, обуславливающих формирование дезадаптивного, псевдосовладающего поведения. Использование этой стратегии обусловлено недостаточностью развития личностно-средовых копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем.

Значимые различия в изменении результатов выявлены в конфронтационном копинге, который характеризуется агрессивными усилиями по отношению к изменению ситуации и предполагает определенную степень враждебности и готовности к риску. После проведенного цикла тренинговых занятий показатель,

характеризующий использование респондентами данной стратегии, снизился.

Выявленные достоверные различия позволяют констатировать улучшение качества используемых поведенческих копинг-стратегий. В начале формирующего эксперимента среди испытуемых преобладало поведение, предполагающее избегание мыслей о неприятностях, пассивность, уединение, покой, изоляция, стремление уйти от активных интерперсональных контактов, отказ от решения проблем. Применение тренинга позволило отследить качественную динамику в результате применения данной стратегии. Поведение респондентов, участвующих в эксперименте, позволило сформировать формы поведенческого реагирования, которые характеризуются сотрудничеством со значимыми (более опытными) людьми, поиском поддержки в ближайшем социальном окружении или предложением собственной помощи близким в преодолении трудностей.

В контрольной группе также наблюдается некоторая динамика результатов. Вследствие применения t-критерия Стьюдента статистически значимых различий в контрольной группе не выявлено.

Далее на основании полученных результатов показателей, обуславливающих развитие самоосуществления личности, рассчитывался показатель самоосуществления личности с помощью регрессионного анализа. Стоит отметить, что произошли значимые изменения в экспериментальной группе до и после воздействия ($t = 6,674$, $p \leq 0.01$). В контрольной группе статистически значимых различий в показателе «самоосуществление» не выявлено.

Следовательно, прирост результатов по критериям эффективности в экспериментальной группе в отличие от контрольной группы существен.

Полученные данные позволяют утверждать, что организованное формирующее воздействие по оптимизации стратегий совладающего поведения в форме тренинговых занятий оказывает влияние на выраженность самоосуществления личности. Полученные результаты дают основание считать, что использованный метод эффективно влияет на оптимизацию самоосуществления личности, формируя ориентацию на самоотдачу и личностный рост, стремление к осуществлению своего потенциала и к достижению результативности приложенных усилий.

Литература

1. Асадулин, Р. М. Формирование и развитие педагогической деятельности студентов / Р. М. Асадулин. – Уфа: БГПИ, 1999. – 146 с.
2. Байденко, В. И. Образовательный стандарт: опыт системного исследования / В. И. Байденко. – Новгород: Изд-во Новгородского гос. университета, 1999. – 440 с.
3. Баранов, С. П. Сущность процесса обучения / С. П. Баранов. – М.: Просвещение, 1981. – 143 с.
4. Братусь, Б. С. Аномалии личности: монография / Б. С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
5. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе. Контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
6. Вербицкий, А. А. Методологические проблемы непрерывного образования / А. А. Вербицкий // Новые методы и средства обучения. Непрерывное образование: методология практика. – 1990. – № 4(12).
7. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И. А. Зимняя. – М.: Логос, 2008. – 384 с.
8. Коростелев, А. А. Обеспечение готовности студентов к инновационной деятельности на основе формирования инновационно-ориентированной учебно-исследовательской среды / А. А. Коростелев // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика. Психология. – 2011. – № 3.
9. Косарева, Е. Ю. Система формирования профессионального самосознания педагогов в процессе непрерывного профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук: спец. (13.00.08) / Е. Ю. Косарева. – Самара, 2003. – 182 с.
10. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – 318 с.
11. Лихачев, Б. Т. Педагогика: курс лекций / Б. Т. Лихачев. – М.: Прометей, 1998. – 464 с.
12. Мамардашвили, М. К. Необходимость себя / М. К. Мамардашвили // Лекции. Статьи. Философские заметки. – М.: Лабиринт, 1996.
13. Мамардашвили, М. К. Стрела познания: сборник / М. К. Мамардашвили. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 264 с.
14. Моисеева, Т. И. Теория непрерывного образования и стратегия инновационной деятельности / Т. И. Моисеева. – Режим доступа: <http://www.sch1929.edusite.ru>
15. Подласный, И. П. Педагогика. Общие основы. Процесс обучения: в 2-х т. / И. П. Подласный. – М.: Владос, 1999. – Т. 1. – 574 с.
16. Шапоринский, С. А. Процесс научного познания и процесс обучения / С. А. Шапоринский. – М.: Педагогика, 1980. – 145 с.

Информация об авторах:

Алонцева Александра Ивановна – старший преподаватель кафедры психологии НФИ КемГУ, 8(3843) 77-60-54, alontsevaa@mail.ru.

Alexandra I. Alontseva – Senior Lecturer at the Department chair of Psychology, Novokuznetsk branch of Kemerovo State University.

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития КемГУ, 8(3842) 58-12-90, ishmorozova@ya.ru.

Irina S. Morozova – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology, Kemerovo State University.

УДК 159.923.2

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Немолот

VALUE-ORIENTED AND SEMANTIC COMPONENTS IN AN EDUCATION PSYCHOLOGIST'S ACTIVITY

E. V. Nemolot

В статье рассматривается ценностно-смысловая сфера психолога образования, обеспечивающая эффективность его деятельности. Акцентируется внимание на проблемах, возникающих в его профессиональной деятельности и её особенностях.

The article is devoted to the value-semantic sphere of an education psychologist, ensuring the efficiency of his activity. The problems connected with a psychologist's the professional activity of and its peculiarities are given vital importance.

Ключевые слова: психолог образования, профессиональная деятельность, этапы развития ценностно-смысловой сферы специалиста.

Keywords: education psychologist, professional activity, the stages a specialist's value-semantic sphere development.

Профессия практического психолога может быть названа одной из первых в рейтинге профессий, в которой личностное тесно взаимодействует с профессиональным. Сам факт постижения психологом своего внутреннего содержания, признания его ценности, а возможности управления им, свидетельствует о достаточно высоком уровне рефлексии специалиста, тем более, что особенностью данного вида деятельности является то, что инструментом деятельности выступает личность самого практического психолога.

Профессиональная деятельность психолога нацеливает человека на инвентаризацию своего внутреннего мира, без которой невозможно достижение результата в профессии. В качестве методологической базы, объясняющей процесс формирования профессиональных качеств специалиста и последующей их оценки, выступает культурно-историческая концепция Л. С. Выготского и его последователей, в частности А. Н. Леонтьева. Среди основных положений данной концепции, объясняющих причины, оказывающих влияние на психическое развитие личности профессионала, обращает на себя внимание следующее: психологические новообразования, возникающие у человека, производны от интериоризации исходной формы его деятельности [9]. Системная организация процесса усвоения опыта и трансформации его в качества, дальнейшая экстериоризация, направленная на преобразования окружения, сложна, динамична, непрерывна. Роль сознания в данном случае заключается в периодических рефлексивных «срезах», нацеленных на осмысление конкретного периода или события, его оценивание, селективной значимости.

Особенностью профессии психолога образования является небольшая история ее становления, что задает, по нашему мнению, продолжение формирования траектории профессионального самосознания психологов образовательных учреждений, обуславливающего их профессиональную позицию. Таким образом, невозможно говорить сегодня о сложившейся профессиональной культуре профессии педагога-психолога.

Становление профессионального самосознания психологов образования осложняется переживанием методологического кризиса в психологии. Причиной и сутью кризиса в психологии Л. С. Выготский назвал разрыв между академической и прикладной сторонами науки с первостепенной значимостью последней. Теоретическая психология переживает испытание практикой, которая заставляет перестраивать всю методологию науки [7, с. 386 – 389]. Другой причиной называют раздробление психологии на отдельные направления и школы. Среди причин кризиса указывают на отсутствие содержательной конструктивной коммуникации между представителями разных направлений и школ. Среди причин кризиса В. А. Мазиллов выделяет также отсутствие единого подхода; противопоставление академической и прикладной психологии; разрыв между научной психологией и техниками самопознания; различие между западной и восточной психологиями [15]. С ним солидарен А. В. Юревич, который также среди причин называет отсутствие единой науки; раскол между исследовательской и практической психологией; конкуренция между научной и ненаучной системами знания [19].

По нашему мнению от отсутствия истины как наиважнейшей ценности науки, а также наличия многозначности в результатах исследования и обтекаемо-

сти выводов принижается значение полезности профессиональной деятельности психолога и страдает его профессиональная репутация. Вопрос затрагивает проблему компетентности психолога, а также проблему меры воздействия психолога, оправдывающую степень проникновения в индивидуальное сознание. Таким образом, затрагиваются вопросы этики профессиональной деятельности, представляющие собой особую ценность, определяющую меру «человеческого» в профессии психолога.

Другую проблему затруднения адаптации и профессионализации психологов образования высвечивают А. Г. Асмолов, Б. Н. Бессонов, Б. С. Гершунский, Г. И. Петрова, В. Э. Чудновский, Р. М. Шамяинов. Она заключается в том, что образование пока не выполняет свою главную задачу – «развивать в людях глобальное сознание, помочь преодолеть еще присущие многим людям разрушительные индивидуалистические интересы, объединить людей прекрасным идеалом мирной, достойной, творчески целеустремленной, свободной и солидарной общей жизни на нашей Земле» [5, с. 259].

Особенности профессиональной деятельности психолога, такие как многофункциональность или неопределенность функциональных обязанностей специалиста, осложняют продвижение к результату деятельности. Хотя нередко ценностное отношение к профессиональной деятельности делает личность специалиста более уязвимой. На трудности профессии психолога образования указывают М. Р. Битянова, И. В. Вачков, И. В. Дубровина, Е. А. Климов, М. Ю. Колпакова, Н. В. Лукьянченко, В. Э. Пахальян, А. М. Прихожан, А. А. Реан, В. В. Рубцов, С. Ю. Степанов, М. А. Степанова, Л. М. Фридман и др. Они отмечают несформированность психологической культуры субъектов воспитательно-образовательного процесса; отсутствие ценностно-смысловых приоритетов, в том числе и у психологов образования; неопределенность целей и предмета службы практической психологии в системе МО РФ и, как следствие, отсутствие однозначной нормативно-правовой базы для деятельности психолога образования и др.

По роду своей деятельности психолог образовательного учреждения взаимодействует с различными категориями субъектов образовательного процесса: это и учащиеся, и учителя, родители, администрация, межведомственные связи. Работа ведется с учетом специфики запроса – это и участие в решении проблем различного уровня сложности: от развития психических процессов младших школьников до разработки программы экспериментальной площадки, требующей от психолога научных знаний; принимаются в расчет возрастные, индивидуальные, гендерные особенности клиентов.

К проблемам, связанным с особенностями профессиональной деятельности психолога образования, относятся высокий уровень ответственности за результаты своего труда при низком уровне оплаты и низком социальном статусе психолога, или, точнее сказать, неопределенности его социального статуса. Из-за вышеперечисленных причин престиж профессии крайне низок, но знания психолога неоценимы.

Вышеперечисленные особенности профессиональной деятельности психолога образования предъявляют к его личности особые требования. Обеспечивая функциональность и сохранение психологического здоровья субъектов образовательного процесса, сам психолог должен быть психологически здоров. Психологическое здоровье – это «динамическая совокупность психических свойств индивида, обеспечивающих гармонию между потребностями индивида и общества, являющихся предпосылкой ориентации личности на выполнение личности своей жизненной задачи» [10, с. 458]. По мнению авторов И. А. Свиридовой, А. В. Серого и М. С. Яницкого, индикаторами психологического здоровья личности выступают ее ценностные ориентации, а также «качество и направленность переживания человеком смысла жизненной ситуации» [18, с. 190 – 197]. Авторы предлагают вариант разрешения дилеммы между ценностями адаптации в деятельности и ценностью преобразовательной деятельности, затрагиваемой также Л. В. Бaeовой [4, с. 21]. Мы согласны с авторами данной статьи, что осознание личностного смысла профессиональной деятельности, своего места в ней в периодических актуальных временных срезах позволяет сохранять баланс между адаптационной и ценностно-смысловой составляющими профессиональной деятельности, таким образом поддерживая достаточный уровень личного психологического здоровья, позволяющего решать как личные, так и профессиональные задачи.

Любая деятельность нецелесообразна, если в её основе нет смылосодержания, являющегося составляющей целеполагания. Не существует чистого, непредметного смысла, личностный смысл, по выражению А. Н. Леонтьева – это всегда смысл «чего-то».

Проблемы ценностно-смысловой сферы личности обсуждались в трудах таких отечественных психологов как С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, М. М. Бахтин, а также современных авторов: Б. С. Братуся, Ф. Е. Василюка, О. М. Краснорядцевой, В. Е. Клочко, Г. П. Медведевой, Е. И. Головаха, И. С. Кона. Данную тему затрагивали также зарубежные психологи: А. Адлер, Г. Оллпорт, В. Франкл, Э. Фромм. Вопрос о ценностно-смысловых составляющих профессиональной деятельности психолога образования периодически возникает в трудах М. С. Яницкого, А. В. Серого, Е. А. Климова, Н. С. Пряжниковой, Е. Ю. Пряжниковой, Л. Н. Зыбиной.

В. Виндельбандт рассматривал ценности как нормы, находящиеся в основании функций культуры, а также нравственные ориентиры, должны обуславливать поведение и деятельность человека в обществе. Культура – это иерархическая выстроенность ценностей. Об иерархичности космической жизни говорил Н. А. Бердяев, иерархия наблюдается также в социальной жизни. На иерархичность ценностей указывали Г. Л. Медведева, Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжникова. Постигая ценности и смыслы, человек приобщается к культуре как часть к целому. На скрепляющий характер ценностно-смысловой сферы человека с обществом указывали такие авторы, как С. Л. Рубинштейн, А. Г. Здравомыслова, В. П. Тугаринов, С. И. Гессен. Отражаясь в области сознания человека, ценности

приобретают значение смысла. Ф. Шиллер считал ценности состоянием целостного, а не «раздробленного» субъекта. П. С. Гуревич отмечает, что в современной психологической литературе понятие ценности употребляется в различных значениях: как новая идея, выступающая в качестве индивидуального или социального ориентира; как распространенный субъективный образ или представление, имеющее человеческое измерение; как культурно-исторический стандарт; как тип «достойного поведения» или конкретный стиль жизни [8, с. 40 – 41]. Природа человека изначально задумана как созидаящая ценности.

По мнению Ш. Бюллер, жизнь человека имеет направленность или цель, и эта цель – придать жизни смысл. Согласно концепции Ш. Бюллер осуществление смысла является конечной целью человеческого существования. Осуществление смысла отличается от осуществления самого себя или самоактуализации. Самоактуализация может выступать только в качестве побочного эффекта, но не в качестве первичной или конечной цели человека. В этом мнении с ней согласны В. Франкл и А. Маслоу. В персоналистической психологии В. Штерна потенциально возможная реальность конструируется посредством смысловой составляющей, инструментом которой выступает активная деятельность субъекта. Согласно мнению А. Н. Леонтьева личностный смысл является одной из образующих системы индивидуального сознания, создающий его пристрастность [14, с. 156]. Л. С. Выготский включает личностный смысл в план сознания, «непосредственно выражающий изначально заключенные в самой природе человека внутренние движущие им силы» [14, с. 153]. Смысл, как правило, встроен в «смысловую вертикаль личности», гибко реагирующую на реалии её внутреннего и внешнего мира. Именно связующее начало смысловой иерархии обеспечивает развитие человека, поскольку выполняет регуляторную функцию. Данная иерархия содержит как прагматичные смыслы, способствующие приближению человека к целям повседневной действительности, так и смыслы более высокого нравственного порядка, сближающие психологию и этику. С позиции нравственности смыслы трансформируют оценку достигнутой цели от одобрения до порицания. Смыслы составляют тип культуры: личностной, общественной, профессиональной. Смена культуры в обществе влечет за собой смену смыслов, образа жизни, способа деятельности.

Ценностные ориентации – важный компонент мировоззрения личности или групповой идеологии, выражающий предпочтения и стремления личности или группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей (благополучие, здоровье, комфорт, познание, гражданские свободы, творчество, труд и т. д.) [6, с. 596]. Ценностные ориентации представляют собой «особые психологические образования, всегда составляющие иерархическую систему и существующие в структуре личности только в качестве ее элементов» [24, с. 29]. По мнению М. С. Яницкого, ценности личности составляют подсистему системы его «образа мира», иерархический принцип построения которых является важнейшей характеристикой системы ценностных ориентаций. Структури-

рованность ценностных ориентаций позволяет им быть полифункциональными, так как они выступают регуляторами активности личности, вынося окончательное решение в вопросах определения собственной позиции, выражении своей точки зрения, оценки чего-либо [24, с. 29 – 31]. Ценностно-смысловые ориентации – это не только отношение человека к определенным ценностям, но выражение его профессиональной позиции в деятельности. В отличие от смыслов ценностные ориентации осознаваемы, смыслы же могут и не осознаваться, так как, по мнению А. В. Серого, они «не видимы и не осязаемы, надстоят над материальными отнесениями и представляют собой метаотношения» [20, с. 32].

Рассматривая ценности относительно профессиональной деятельности, Е. И. Головаха выделяет три группы ценностей: реализующиеся в профессиональной деятельности, реализующиеся вне профессиональной деятельности, реализующиеся за счет профессиональной деятельности. Преобладание тех или иных ценностей формирует определенный тип профессиональных ценностных ориентаций, влияющих на профессиональное самосознание личности. К первой группе ценностных ориентаций относятся непротиворечивые профессиональные ценностные ориентации. Человек с подобным типом профессиональных ценностных ориентаций характеризуется высоким уровнем профессиональной активности, мотивации профессиональной деятельности, самоотдачи в профессии, высоким уровнем профессионального самосознания. Вторая группа – противоречивые ценностные ориентации – характеризует человека, представления о жизненной перспективе не сформированы, цель деятельности человека и способы её достижения не согласованы между собой. Третья группа – непротиворечивые непрофессиональные ценностные ориентации – свидетельствует о том, что интерес человека вызывает деятельность, не связанная с профессией.

А. Г. Фонарев отмечает, что смысл жизни обуславливает развитие личности профессионала, хотя при этом не всегда может совпадать со смыслом профессиональной деятельности. Смысл профессиональной деятельности может совпадать с общим жизненным смыслом, может «подгоняться» под него, или они могут существовать изолированно друг от друга.

Т. М. Буюкас в качестве одного из условий формирования личностной зрелости человека выделяет процесс «переоткрытия» для себя как культурных ценностей, так и профессиональных ценностных ориентаций, которые, по ее мнению, должны встроиться в систему личностных смыслов. На особенности ценностно-смысловой сферы зрелой личности указывает также Л. И. Божович, К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова. Профессиональные ценности значимы как для самой личности, так и для общества. В данном ключе обращает на себя внимание работа Н. В. Костенко и В. Л. Оссовского, изучающая проблему формирования ценностных установок молодежи при выборе профессии. Произведенная ими селекция ценностей профессий послужила «нормативными моделями» профессионального мира. Ценности – нормы профессиональной деятельности были класси-

фицированы по шести типам: 1) цели данной профессии как выражение её социальной функции, места в жизни общества; 2) история профессии, её ретроспектива, перспектива; 3) содержание и условия профессионального труда; 4) социальная позиция профессии по отношению к другим социальным группам и категориям в общей системе классов, групп и категорий; 5) личностный образец данной профессии; 6) профессиональная этика и обычаи, характерные для данной профессии, регулирующие профессиональную деятельность и стиль жизни её представителей [13, с. 75].

Данные ценности-нормы способны выступать в качестве факторов, обуславливающих формирование ценностно-смысловой иерархии личности, влияющих на отношение к профессии и её выбор, а также на формирование целеполагания личности специалиста в профессиональной деятельности.

По нашему мнению для изучения развития ценностно-смысловой сферы профессиональной деятельности личности психолога образования в качестве основы может выступить периодизация развития личности в процессе социализации А. В. Петровского. Ценности, формируемые на каждом из этапов социализации, в случае их осознания и осмысления содействуют позитивной динамике в профессиональной деятельности психолога образования. Они выполняют функцию её мотивации и стимуляции, обуславливая самореализацию специалиста. На осознанный характер усвоения ценностей указывали Б. И. Додонов, наличие воли в присвоении ценностей признавал Р. С. Немов, «нейтральный» вариант усвоения социальных ценностей, выражающийся в специфическом подражании, описывал В. Г. Леонтьев.

Социализация – это процесс и результат социального развития человека (Г. М. Андреева). В ходе профессиональной социализации специалист планомерно или хаотично принимает ценностно-смысловые нормы своей профессиональной деятельности. В процессе социализации может осуществляться динамика активной и пассивной позиции индивида. Активная позиция проявляется в случае воспроизводства социального опыта в качестве субъекта профессиональной деятельности; пассивная характеризуется усвоением социального опыта в качестве объекта социальных отношений; активно-пассивная – при которой индивид способен интегрировать субъект-объектные отношения. Мера активности индивида зависит от степени осмысленности отношения к своей профессиональной деятельности.

А. В. Петровский выделяет три стадии развития личности в процессе социализации: адаптация как активное приспособление человека к условиям среды посредством усвоения (ассимиляции) внешних требований и изменения (аккомодации) собственных реакций; индивидуализация как активное приспособление личности к собственным особенностям в форме самопознания, самопринятия и самореализации; а также социально – психологическая интеграция как постепенное усложнение, упорядоченность и согласование интрапсихических компонентов и функций в соответствии с требованиями социальной реальности.

С точки зрения синергетической парадигмы соотношение онтогенеза и социализации личности рас-

сматривает А. Н. Тесленко. Чешский социальный психолог А. Юровский выделяет три этапа социализации: на первом этапе индивид осваивает нормы и систему социальных отношений первичной социальной группы; на втором этапе происходит развитие социальных связей и аспектов, взаимосвязанных с ними социальных ролей, статуса; на третьем этапе происходит духовное обогащение личности, развитие способностей и индивидуального опыта [22].

А. В. Серый, отмечая факт осмысленности отношения к своей профессиональной деятельности психологов-практиков, отмечает, что если посредством профессиональной деятельности личностные смыслы «проясняются, закрепляются и корректируются», то их осознание способствует личностному и профессиональному развитию специалиста в данной области. «Необходимо отметить, что процесс функционирования системы личностных смыслов и профессиональная деятельность взаимодетерминированы и в комплексе обуславливают целостный процесс личностного развития профессионала» [19]. Данное утверждение обращает наше внимание на то, что в процессе профессиональной деятельности происходит формирование профессионала, сопровождающееся появлением психических и психологических новообразований, способствующих более эффективному выполнению данной деятельности. Закрепление подобных новообразований и развитие их до профессиональных качеств в структуре личности, по нашему мнению, можно назвать ценностями профессиональной деятельности. Они отвечают критериям ценностей, таким как значимость, надындивидуальность; желанность; к ним стремятся; они удовлетворяют потребности как специалиста, способного эффективно выполнить свою работу, так и клиента, получившего качественную профессиональную помощь, а также общества; нормируют поведение специалиста в профессиональном сообществе.

Процесс осознания предполагает рефлексию своей жизнедеятельности в целом и профессиональной в частности, что обуславливает ментальное восхождение до ценностно-идеального уровня, олицетворяющего полноту бытия и содержащегося в ней смысл. Таким образом, в ценностно-смысловой составляющей как человека, так и общества мы отмечаем наличие как иррациональной, так и рациональной сторон, объединенных в неразрывное целое. По мнению К. Ясперса, период, характеризующийся началом возникновения вопросов о смысле своей деятельности, можно назвать периодом «взросления сознания». В возрастной периодизации – это подростковый этап, результатом которого становится формирование такого новообразования, как самосознание личности. В исторической периодизации развития человечества – это период, характеризующийся преобразованием человеком окружающей действительности и совместной деятельностью. Сознание, имеющее социальные корни, выступает источником формирования ценностей гораздо более высоких по рангу, нежели бессознательное, таких как добро и красота. Наряду с ними факт утверждения жизни как ценности, источником которой названо бессознательное, на острие момента ставит человека в ситуацию выбора, и этика профес-

сиональной деятельности открывает вопрос о приоритетах.

На первом этапе вхождения в профессию важное значение приобретает процесс адаптации, основанный на механизме идентификации. В качестве ценностей профессиональной деятельности могут выступать предпосылки, способствующие её успешному овладению. Это могут быть личностные особенности, имеющие тенденцию к развитию до профессионально значимых качеств личности. О способности к той или иной профессиональной деятельности писал А. Ф. Лазурский: «Когда подходящая профессия найдена, то очень скоро она придает человеческому облику значительную определенность и законченность. Благодаря многократному повторению, укрепляются и, так сказать, кристаллизуются в определенных профессиональных проявлениях те черты, которые наиболее характерны для данного индивидуума и которые заставили его остановиться именно на этой профессии, в то время как все остальное отходит на задний план, становится малозаметным» [2]. Важность личностных предпосылок к профессиональной деятельности психологи образования отмечают М. К. Тутушкина и Н. В. Лукьянченко. Не всегда и не все личностные особенности развиваются до профессионально важных качеств. Профессионально важные качества – это «любые качества субъекта, включенные в процесс деятельности и обеспечивающие эффективность её выполнения по параметрам производительности, качества труда и надежности» [23, с. 432].

Ценности, приобретающие особую значимость для психолога образования на данном этапе, условно назовем «прагматическими». Это те значимые составляющие профессиональной деятельности, на основе которых возможно развитие более сложных ценностно-смысловых образований. Для практического психолога образования предпосылками развития профессионально важных качеств служат внимание к людям, эмпатия, коммуникабельность, независимость, креативность, флексибельность, социальный интеллект, позитивная «Я-концепция», рефлексивность, а также способность не терять собственную индивидуальность при столкновении с иным опытом клиента [24, с. 168]. По нашему мнению в данный список можно добавить способность преодолевать ситуации неопределённости, устанавливать контакты с разными категориями людей (возрастными, профессиональными), наличие предпосылок к развитию мотивации помощи, способность к кропотливой работе. Особым значением для начинающего специалиста обладает наличие высшего образования по специальности «Психология в образовании». Наличие вышеперечисленных качеств обуславливает формирование у студентов «профессиональной системы ценностей» [24, с. 171].

Смысловой составляющей данного уровня выступает желание овладеть профессией, научиться помогать другим людям и себе решать психологические проблемы. Сформированность ценностно-смысловой сферы специалиста на данном уровне позволяет ему справляться с такими задачами, как разработка психодиагностических и психокоррекционных программ, осуществление психологического просвещения, профилактики и психологического консультирования

субъектов образовательного процесса, подготовки аналитических и справочных материалов.

На данном этапе вхождения в профессию специалист приобретает первый профессиональный опыт, рефлексировать свои способности и возможности, а также принимает решение, развиваться далее в данном профессиональном направлении или сменить вид деятельности. На первых стадиях овладения профессией специалист может не осознавать смысла профессиональной деятельности, т. к. усвоение смысла может происходить и спонтанно, и осмысленно.

Таким образом, происходит проникновение специалиста на более высокий уровень развития ценностно-смысловой сферы профессиональной деятельности, который условно можно назвать «информационный».

Деление на уровни в данном случае весьма условно, так как профессиональный опыт специалист приобретает на протяжении всей профессиональной деятельности, а также на протяжении всей профессиональной деятельности формируются и развиваются профессионально значимые качества личности, а без ценностного отношения к личности клиента или коллеги невозможно освоение профессии психолога, поскольку она входит в разряд помогающих профессий и основана на гуманистических установках в отношении человека.

В теории А. В. Петровского этот уровень и следующий за ним «информационный» уровень соответствует, согласно нашим представлениям, стадии индивидуализации. Индивидуализация – процесс формирования индивидуальности человека. Индивидуальность – неповторимость, уникальность свойств человека [21, с. 148]. На данном этапе происходит дальнейшее накопление знаний и трансформация их в профессиональный опыт, это способствует формированию профессионально важных качеств, профессиональной компетентности, профессионализма, индивидуального стиля профессиональной деятельности. Смысловой составляющей выступает стремление приобрести индивидуальность, построить перспективу для профессионального и карьерного роста, повысить профессиональный статус, престиж своей профессии, стать профессионалом в данной сфере. Престиж рассматривается психологами и социологами как ценность профессиональной деятельности, способная оказывать «влияние на привлекательность профессии» [13, с. 103]. Функционирование психолога на данном уровне происходит в направлении решения таких задач, как внесение предложений по усовершенствованию методов проведения различных мероприятий, проводимых психологической службой образовательного учреждения, выявление механизмов и закономерностей целостного формирования личности.

Это позволяет психологу осознавать и закреплять свою профессиональную позицию, посредством которой специалист осваивает следующий уровень профессиональных ценностей – уровень «профессиональной коммуникации». На уровне «профессиональной коммуникации» продолжает накапливаться профессиональный опыт, может наблюдаться стагнация, профессиональное или личностное выгорание, поэто-

му открытость профессиональному опыту мы рассматриваем как профессиональную ценность. Она позволяет обмениваться профессиональной информацией, формировать и развивать профессиональные отношения, как с коллегами, так и с клиентами. Особой ценностью в коллективе единомышленников можно назвать групповое «ценностно-ориентационное единство». Основанное на механизме идентификации, оно позволяет сканировать профессиональные и личностные возможности, более свободно развиваться личности как профессионалу, активизирует творческие процессы в деятельности. Понятие «ценностно-ориентационное единство» является характеристикой сплоченности в теории деятельностного опосредствования межличностных отношений личности в группе А. В. Петровского. «Сплоченность» по А. В. Петровскому – это «мера общности взглядов, позиций, ценностных ориентаций участников групповой деятельности относительно самой этой деятельности» [6, с. 467]. «Коммуникативный» уровень формирования профессиональных ценностных ориентаций личности актуализирует проблемы её индивидуализации, решая которые в целом специалист достигает баланса во взаимоотношениях с профессиональным сообществом. Так в процессе адаптации к профессиональному сообществу, по мнению В. В. Абраменковой, учитывается мера «вклада» индивида в группу, на этой основе происходит символическое разделение на «своих» и «чужих» [17, с. 239].

Смысловой составляющей является достижение осознания своего места в профессиональной деятельности и профессиональном сообществе, а также своих профессиональных возможностей. Задачи, решаемые на данном уровне посредством функционирования, – это участие в проведении экспертной оценки прогнозов психологического климата ученического и педагогического коллективов, формирование эффективной корпоративной культуры образовательного учреждения, организация деятельности межведомственных связей, активная психологическая помощь в формировании траектории развития личности учащихся, формирование профессиональной траектории развития педагогов, повышение уровня активности в трудовом коллективе.

При переходе на следующий уровень ценностно-смысловой иерархии, который мы назвали «нравственным», психолог образования уже приобрел «коммуникативный дух», он осознает свою принадлежность к профессиональному сообществу и свои профессиональные возможности. Данная стадия в периодизации А. В. Петровского обозначена как стадия интеграции. Интеграция личности психолога образования рассматривается нами как переживание чувства осмысленной включенности в профессиональный контекст, вбирающего достижения определенного уровня в профессиональной деятельности, профессиональную социализацию, сформированность профессиональной «Я-концепции», возможность изменять окружение, а также способность к самоизменениям и саморазвитию. Данный уровень характеризуется доработкой собственных способов самореализации. В иерархической лестнице А. Маслоу этот уровень соответствует уровню самоактуализации личности. Смысловой составляющей дан-

ного уровня является переосмысление своего предназначения. В качестве задач данного уровня выступают обучение субъектов образовательного процесса умению сохранять свое психологическое здоровье, передача своего педагогического опыта молодым специалистам, а также, возможно, разработка аспектов нормативно-правовой базы системы психологического обеспечения образования.

Упоминая об относительности разделения ценностно-смысловой сферы специалиста на уровни, обратим внимание на некоторые моменты. Так, например, осознание и наличие профессиональной этики необходимо уже на первом, «прагматическом» уровне, поскольку невозможно развитие успешной профессиональной деятельности специалиста без освоения этических основ. Так же необходимым условием для самосовершенствования специалиста является наличие профессионального творчества на всех уровнях ценностно-смысловой иерархии. По мнению Р. Н. Зиядинова познавательно-творческая активность проявляется в повышении уровня квалификации, в наличии творческой составляющей профессиональной деятельности. Социальное творчество, по его мнению, есть выражение социальной и личностной зрелости, и характеризует субъекта деятельности [11, с. 146]. В. А. Иванов отмечает, что ценность деятельности для личности заключается в возможности самовыражения, применения своих творческих способностей. «Лишь в границах деятельности определенного субъекта любые реальности – действительные и воображаемые – встраиваются в смысловой ряд, в иерархию ценностей, в актуальный жизненный мир, запечатлевающий неповторимость судьбы этого субъекта» [12, с. 152]. К. А. Абульханова-Славская считает, что далеко не любая деятельность может выступать в качестве условий для самовыражения личности и не любая личность реализует свои способности в деятельности. Лишь сочетание множества факторов, формирующих систему мотивов, могут способствовать самовыражению и самореализации личности в деятельности. В этом случае деятельность приобретает характер ценности [1, с. 153]. Ценный опыт, качества личности, сформированные профессиональные качества, приобретая статус ценностей, встраиваются в его динамичную структуру ценностно-смысловой иерархии. Внешние ценности связаны с внешними объектами и благами, выбор внутренних ценностей обращает человека внутрь себя, к рефлексии своего внутреннего содержания и возможности его преобразования. Психолог образования обязан периодически решать вопрос поддержания ценностно-ориентационного баланса в повседневной профессиональной жизни. Это является неременным условием, обеспечивающим возможность выполнения своей профессиональной деятельности.

Специфика профессиональной деятельности практического психолога образования задает вектор формирования ценностно-смысловой иерархии личности специалиста, категории ценностей на каждом из уровней отличаются «плавающим» характером и способны занимать свое место сообразно временной протяженности профессиональной деятельности на каждом из них. Несвоевременность же появления какой-либо из категорий влияет на качество профессиональ-

ной деятельности психолога образования. Так же отметим, что на каждом из уровней мы можем наблюдать соответствующее данному уровню саморазвитие, самооффективность, самореализацию и самоактуализацию личности специалиста.

Профессиональная деятельность ценна также результатом или продуктом, представляющим собой материальные или духовные блага. Ценность продукта обуславливается потребностями общества. Ценность профессии определяется запросом общества на продукт, получающийся в результате этой деятельности. По выражению Н. Г. Чернышевского, «во всех отраслях человеческой деятельности только те направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностью общества»

[цит. по: 16, с. 3]. Вышеперечисленные проблемы не способствуют пока формированию конструктивного социального заказа общества на деятельность психолога образования и становлению у него осмысленной иерархии ценностно-смысловых ориентаций профессиональной деятельности, обуславливающих формирование его зрелой профессиональной позиции.

Таким образом, ценностно-смысловые ориентации профессиональной деятельности психолога образования, являясь динамической системой, запускают механизмы более качественного и активного развития его в профессиональной сфере, активизируют творческие ресурсы, способствующие не только повышению эффективности деятельности, но и профессиональной самореализации.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Акиндинова, И. А. Самоактуализация личности в различных типах организации профессиональной деятельности. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x1129.htm>
3. Александрова, Л. А. Концепции жизнестойкости в психологии. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/-x2636.htm>
4. Баева, Л. В. Генеалогия ценности / Л. В. Баева // Полигнозис. – 2004. – № 2.
5. Бессонов, Б. Н. Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий: учебное пособие. – М.: Норма, 2006. – 320 с.
6. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.
7. Причины кризиса в психологической науке // Исторический смысл психологического кризиса / Л. С. Выготский: собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика. 1982. – Т. 1. – 502 с.
8. Гуревич, П. С. Преображение ценности как чрезвычайная ситуация / П. С. Гуревич. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 120 с.
9. Давыдов, В. В. Выступление на Международной конференции «Культурно-исторический подход: развитие гуманитарных наук и образование». – Режим доступа: http://www.experiment.lv/rus/biblio/davidov-last/mezhd_konf.htm
10. Еникеев, М. И. Энциклопедия. Общая и социальная психология / М. И. Еникеев. – М., 2002. – С. 458.
11. Зиятдинов, Р. Н. Отношение к труду как ценность: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Р. Н. Зиятдинов. – Пермь, 2004. – 146 с.
12. Иванов, В. А. Человеческая деятельность – познание – искусство / В. А. Иванов. – Киев, 1977. – 201 с.
13. Костенко, Н. В. Ценности профессиональной деятельности / Н. В. Костенко, В. Л. Оссовский. – Киев: Наукова Думка, 1986. – 149 с.
14. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 302 с.
15. Мазилов, В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/mazilov.htm>
16. Носкова, О. Г. Психология труда: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Е. А. Климова. – М.: Академия, 2004. – 384 с.
17. Психологическая теории коллектива / под ред. А. В. Петровского. – М., 1979. – 239 с.
18. Свиридова, И. А. Ценностно-смысловые индикаторы психологического здоровья личности / И. А. Свиридова, А. В. Серый, М. С. Яницкий // Проблема здоровья личности в теоретической и прикладной психологии: материалы Международной научно-практической конференции, 15 – 19 сентября 2011. – Владивосток.
19. Серый, А. В. Осмысленное отношение к профессиональной деятельности как условие развития профессионально-значимых качеств психологов-практиков / А. В. Серый // Вестник КемГУ. – 2005. – № 2(22).
20. Серый, А. В. Работа со смыслами как сущностная основа личностного консультирования в постнеклассической психологии: коллективная монография // Постнеклассическая практическая психология / под ред. М. С. Яницкого, Ю. В. Пелеха. – Тернополь: Навчальна книга-Богдан, 2011.
21. Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК: ОАО ВКТ Владимир, 2008. – 490 с.
22. Тесленко, А. Н. Циклические закономерности в процессе социализации и развития личности. – Режим доступа: <http://pozdneyakov.tut.su/Seminar/a0101/a012001.htm>
23. Шапарь, В. Б. Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь, В. Е. Россоха, О. В. Шапарь / под общ. ред. В. Б. Шапаря. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 808 с.

24. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.

Информация об авторе:

Немолот Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики филиала КемГУ в г. Анжеро-Судженске; elena.nemolot@mail.ru.

Elena V. Nemolot – Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogics, Anzhero-Sudzhensk branch of Kemerovo State University.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'23

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КОНСТРУКТОВ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

(на материале писем в защиту)

О. Н. Андреева

PERSONAL CONSTRUCTS REPRESENTATION IN THE EPISTOLARY TEXTS

(as revealed in defense letters)

O. N. Andreeva

В статье исследуются когнитивные механизмы, отраженные в эпистолярных текстах. На материале открытых писем с помощью интент-анализа автор статьи стремится выявить скрытые представления адресантов о способах разрешения конфликтной ситуации, высказывает мнение об эффективности использования в письмах различных речевых тактик. На основании сделанных выводов формулируются рекомендации для тех, кто собирается опубликовать в СМИ открытое письмо.

Cognitive mechanisms reproduced in epistolary texts are surveyed in the article. The author of the article is trying to reveal the addressees' hidden expectations for the conflicts resolution ways. The author uses the intent-analysis of defense letters material to discover the speech tactics that can be used effectively in letters. Basing on the main findings, the author gives recommendations for those who have an intention to publish an open letter in press.

Ключевые слова: письмо в защиту, личностный конструкт, речевые стратегии и тактики, картина мира.

Keywords: defense letter, personal construct, speech strategies and tactics, picture of the world.

Письма в защиту кого-либо или чего-либо имеют давнюю историю. Можно сказать, что они ведут начало от древних челобитных грамот, а эпистолярный как особый стиль «зародился в недрах делового текста в виде формулярников и титулярников» [3, с. 448]. Авторы таких писем обращаются к своим адресатам, чтобы предотвратить некое действие, имеющее, на их взгляд, опасные или разрушительные последствия. Для этого они пытаются на них воздействовать: просят, требуют, советуют, предупреждают.

Вступая на путь защиты кого-либо или чего-либо, человек вынужден оценивать происходящее и поступки людей, о которых идет речь. Оценки напрямую связаны с системой ценностей. Она присутствует в сознании человека как усвоенная шкала, по которой он меряет реалии своей жизни.

Система ценностей, представленная в виде дихотомии «хорошо-плохо», была исследована психологом Д. Келли в его теории личностных конструктов. По мнению автора, внутренний мир каждого человека представляет собой сложное переплетение понятий, входящих в иерархическую конструкцию, с помощью которой мы создаем для себя непротиворечивую картину мира.

Конструкты, нашедшие подтверждение в практике, позволяют человеку формулировать оценки относительно многообразных явлений действительности, попавших в поле его внимания. Следовательно, присутствующие в речи человека такие категориальные суждения, как *полезный – бесполезный, надёжный – ненадёжный, справедливый – несправедливый, истинный – ложный, честный – лицемерный* и так далее, есть вербальное выражение личностных конструктов. Главное положение теории Дж. Келли состоит в следующем: человек стремится объяснить действительность, чтобы научиться предвосхищать события, имеющие важность для его жизни [19].

Е. С. Кубрякова считает категоризацию результатом когнитивной деятельности человека, итогом классификации (таксономии) окружающего его мира и вычленения отдельных единиц (таксонов) в произведенной классификации, «когда конечным итогом указанной деятельности оказывается формирование особой категории, позволяющей увидеть мир в главных атрибутах его бытия и функционирования» [12, с. 14]. По сути это изложение главного постулата теории Келли: люди смотрят на события через призму собственных конструктов.

Структура писем в защиту при многообразии их тем примерно одинакова: обращение к адресату, самопрезентация автора, изложение сути конфликта, характеристика противоборствующих сторон, прогноз развития событий, формулировка цели письма, подпись. Допустим, что, характеризуя обе стороны конфликта, авторы вербализуют полюсы своих конструктов. Точнее одну его сторону: в характеристике *объекта защиты* это как правило *положительный* полюс, а в характеристике *противника* – *отрицательный*. Опираясь на оценочные слова, путем подбора антонимов можно смоделировать недостающий (не обозначенный вербально) полюс конструкта и понять, в какой системе координат мыслит автор письма.

Используя метод интен-анализа, мы выделили доминирующие оценки в описании действий противной стороны, чтобы по ним восстановить второй полюс конструкта. Он будет положительным (это та модель поведения оппонента, при которой конфликт не возник бы или будет исчерпан). Нас интересует именно этот конструкт, потому что авторы-защитники, выступая против действий противников своих подзащитных, тем самым подсказывают, какое их поведение было бы в сложившейся ситуации наиболее правильным. То есть смоделированный нами полюс конструкта можно рассматривать как имплицитно выраженные ожидания говорящего.

Материалом для исследования послужили 300 писем, опубликованных в различных СМИ под заголовками «Письмо в защиту...» в 2001 – 2012 гг. По типу объекта защиты (личность, общественные интересы, объекты культуры, природа и здоровье, свои интересы) письма были разделены на пять групп. Анализ проводился отдельно в каждой группе.

Конечно, диапазон и фокус применимости конструктов индивидуальны для каждого отдельного человека. Мы в своей работе можем рассуждать только об общей тенденции, проявляющейся в речи людей, озабоченных сходными проблемами. Наша цель – по вербализованному полюсу конструкта определить его противоположную сторону, чтобы на ее основании сделать вывод о возможности разрешения конфликтной ситуации. Также мы выразим мнение насчет того, насколько соответствует ожиданиям авторов писем выбранная ими речевая тактика.

Письма в защиту отдельной личности представляют собой послания, в которых контрастно обрисовано противостояние конкретного человека и его противников. Автор, как правило, является его другом или коллегой. Большая часть таких писем – это обращения, адресованные власти в лице ее представителей.

Объекты защиты представлены в этих письмах как личности, обладающие высокими моральными и профессиональными качествами. Это писатели, журналисты, политики, общественные деятели, спортсмены, музыканты, бизнесмены, военные, ученые, учителя и так далее:

«...*чуть ли не единственная в Ленинском суде, кто вызывает уважение как профессионал среди*

обычных людей, которые сталкивались с ней в судебных заседаниях»; «Она очень заботлива и внимательна в отношении каждого работника школы, независимо от категории, должности и профессии»; «За время заключения он превратился в крупного общественного деятеля, способного стать лидером объединенного демократического движения».

Авторы встревожены тем, что в конфликте может пострадать дело, за которое ответствен защищаемый человек, или он сам. Противная сторона характеризуется в аспекте морально-нравственных категорий, для этого авторы используют тактику развенчания притязаний и дискредитации:

«*Раньше они хоть партии боялись, а сейчас чиновникам наплевать на людей, так как нет механизма реального контроля их работы, а совесть, мораль, нравственность – это тот контроль, который должен быть у них, но все это уже давно отсутствует»; «...лгали и клеветали, цинично и скабрёзно высказывались, демонстрировали дефицит нравственных ценностей»* [10].

В тех и других характеристиках выделяются частные аспекты: положительная оценка объекта защиты подтверждается сведениями о *полученных им наградах, приносимой экономической выгоде, установленных с его помощью международных связях*. В характеристике противной стороны отмечаются такие пороки, как *лицемерие, ложь, несправедливость, трусость, оскорбительное поведение*. Восстановив (предположительно) противоположные полюсы конструктов, мы можем сказать, что личности, обладающие международным авторитетом в профессиональной сфере, имеющие высокие результаты своей работы, прежде всего требуют *искреннего, уважительного и справедливого отношения честных людей к себе и своему делу*.

В формулировке цели письма звучат разнообразные намерения, но чаще всего авторы выражают их косвенно, маскируя требования безличными конструкциями: «*Эту проблему надо решить...*»; «*Следует предпринять шаги...*». В этих письмах реже, чем в письмах других групп, встречается слово «просим». Обращаясь к адресату, авторы почти в половине случаев игнорируют вежливые формы обращений и только в 30 % случаев подписываются с использованием этикетных выражений. То есть требуя уважения к объекту своей защиты, авторы очень скупно проявляют его сами. Общий тон этих писем отличает строгость, категоричность, принципиальность. Предполагаем, что ожидания авторов писем могут не сбыться.

Письма в защиту общественных интересов написаны авторами, отстаивающими права дольщиков, арестованных митингующих, коллективов закрываемых фабрик, любителей спортивных игр, автомобилистов, школьных учителей, членов религиозных сект и так далее. Ответственность за решение таких вопросов берут на себя чаще всего сами общественные объединения: именно коллективные письма составляют основную часть в данной группе, но не всегда авторы пишут о проблемах своего сообщества. Часто письма

написаны в поддержку близких по мировосприятию людей.

Авторы говорят о пользе и эффективности работы объектов своей защиты, указывая на то, почему в настоящее время этот объект требует внимания к себе: обычно это некий проект, представляющий интересы коллективов, получивший общественное признание:

«Они идут на шаг вперед и тем самым прокладывают дорогу другим Гражданам РФ»; «Они в тяжелейших условиях прекрасно справились с поставленной руководством страны задачей»; «В этих диких условиях ... коллектив продолжает выполнять ответственные задачи по снабжению Вооруженных Сил качественной продукцией».

Противная сторона (как правило это люди, имеющие право на принятие важных решений) представлена нарушителями юридических норм, идущих на прямое нарушение закона, фальсификацию документов и подобные действия. В адрес оппонентов авторы писем высказываются категорично, допуская ярлыки, оскорбления и другие тактики дискредитации:

«Кризисное состояние «Роскапа» было вызвано не только и не столько кризисом, сколько мошенническими действиями его владельцев»; «разветвленная группа оборотней в погонах и их агентуры в надзоре ЦБ, обнаглевшая от безнаказанного крышевания хищений из банков и компаний на миллиарды долларов».

Делаем вывод, что во избежание конфликтных отношений с трудовыми коллективами или представителями общественных организаций противная сторона во всех своих действиях должна неукоснительно соблюдать нормы закона, потому что именно их нарушение вызывает психоэмоциональное неприятие, является причиной противостояния сторон и может погубить деятельность, в которой заинтересовано большое количество людей.

Обращения к адресату, использованные в этих письмах, достаточно разнообразны, в большинстве своем уважительны, подписи соответствуют сложившимся нормам переписки. В словах, направленных адресату, встречаются комплиментарные выражения, но свои намерения авторы писем выражают категорично, в форме прямых и косвенных требований или просьб, которые тоже звучат требовательно. Процент упоминаний слова «требовать» в письмах этой группы самый высокий:

«В связи с изложенным требуем прекратить беззаконие, восстановить делегирование домена, строго наказать провинившихся следователей и привлечь их к уголовной ответственности, а также расследовать предполагаемый коррупционный характер совершенных ими указанных действий».

Выскажем мнение, что в отношении соблюдения закона это слово является самым правильным, потому что рекомендовать или просить соблюдать закон — значит допускать мысль, что можно поступить и противоположным образом. Считаем, что имплицитные ожидания и эксплицитно выраженные намерения авторов писем находятся в соответствии друг с другом,

но резкость оценок может отрицательно повлиять на реакцию адресата.

Письма в защиту объектов культуры мотивированы ситуацией, в которой этим объектам (музеям, храмам, архитектурным памятникам, литературным и музыкальным произведениям) грозит существенная опасность или угроза исчезновения.

В большинстве случаев они являются коллективными, чаще всего адресуются в органы власти. Такой выбор объясним тем, что защита объектов культуры относится к компетенции государства, и кардинально изменить ситуацию нельзя без распоряжений вышестоящих организаций.

Авторы, которые позиционируют себя прежде всего как мыслящие и неравнодушные люди, привлекают внимание к социальной значимости и бедственному положению защищаемых объектов (кроме важной роли в социуме, объект обладает уникальностью и международным признанием):

«Посвященный двум крупнейшим русским писателям XX-го века — Максиму Горькому и Алексею Толстому — самарский литературный музей уже давно имеет фактически всероссийское значение и хорошо известен как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Не кривя душой, можно сказать, что музей вырастил несколько поколений самарцев и был не просто визитной карточкой города, но и его душой».

В действиях противной стороны они усматривают некомпетентность, преступность и безнравственность поведения, в целом оценивая эти действия как крайне опасные:

«Подземные стоянки становятся важнее памятников, элитные дома значимее музеев..., интересы инвесторов превыше законов. Если городские власти и дальше будут идти на поводу у инвесторов, мы потеряем старую Москву безвозвратно»; «В нарушение норм и методов научной реставрации, международных хартий и конвенций о сохранении культурного наследия, общепринятых в цивилизованных странах, «реконструкция» и «реставрация» ...подменяются полным сносом памятников и их заменой на фальшивые «новоделы», лишенные художественной и исторической подлинности»; «Практикуемая сегодня в Москве строительная политика, по своей сути является преступной, антисоциальной и антигосударственной, лишаящей будущие поколения граждан России исторической памяти».

Восстановив предположительный полюс конструкта, можно сделать вывод: для сохранения важных, уникальных культурных объектов, имеющих мировое значение, необходимы действия ответственных, высоконравственных и высокопрофессиональных людей, нацеленных на созидание. При характеристике противников авторы писем чаще всего прибегают к тактике развенчания притязаний. Свои намерения они выражают в форме косвенных просьб и обращений к адресату; чаще, чем авторы других писем, используют комплименты. В обращениях к адресату соблюдают традиционные клише, подписывают послания строго, официально.

Предполагаем, что выбранная тактика воздействия на адресата соответствует имплицитно выраженным ожиданиям. Результат таких писем будет в большей степени положительным.

Примерно треть **писем в защиту природы и здоровья** написаны от лица конкретного человека, но еще большая часть предполагает открытый сбор подписей. Иногда авторы оставляют за людьми, решившими подписаться, право на изменение текста по своему усмотрению. 87 % писем адресованы лицам, наделенным властными полномочиями.

Письма этой группы отличаются выдержанностью стилевых норм и тактичностью изложения. Они направлены на защиту терпящих бедствие природных объектов. Водоемы, парки, бездомные кошки и собаки, исчезающие животные, а также грудное вскармливание, забота о здоровье новорожденных детей изображаются в этих письмах в аспекте их социальной значимости, с морально-этической стороны. Природа характеризуется с точки зрения её *уникальности как туристического объекта, как неповторимого природного объекта, как территории, созданной для специальных целей*:

«В урочище Каменная гора, в километре от будущего промышленного гиганта, находится природоохранная зона с чистейшими ключами и уникальной для наших мест флорой. Долина Осетра издавна считается заповедником и самым красивым местом в Вeneвском районе»; «И психически больным людям, и коренным жителям, и дачникам, приехавшим из крупных промышленных центров, и юным туристам, и местным фермерам нужен свежий воздух, чистая река, тишина, плодородные огороды и поля, пастбища для скота».

Противная сторона представлена *корыстолюбивыми, циничными нарушителями юридических и морально-нравственных норм*. В характеристике их действий авторы писем прибегают к тактике развенчания притязаний и навешивания ярлыков, обращая особое внимание на компетентность и умственные способности своих противников:

«...эта “некоммерческая организация”, совершенно уверенная в своей безнаказанности, легко направляющая на заведомо незаконный проект миллионы долларов, имеющая столь мощное влияние на правоохранительные и природоохранные органы, что они под этим влиянием упорно закрывали глаза в течение декабря 2008 г. и начала января 2009 г. на масштабное строительство, ими же признанное незаконным, и ежедневно наносившее уголовно наказуемый ущерб в особо крупном размере, продолжает являться арендатором земель в заказнике»; «Протесты населения... вызваны патологической жадностью доморощенных чиновников, распродающих берега Волги»; «Безусловно, забота об экологии – благое дело. Но форма реализации данного проекта не выдерживает никакой критики»; «Наши органы госвласти совершенно бессильны перед лесными пожарами».

Напрашивается вывод, что для сохранения объектов природы и здоровья людей требуется проявление

высоких нравственных чувств: *бескорыстной доброты и душевности – и строгого соблюдения закона*, иначе общество потеряет уникальные природные зоны или превратит их в ничем не выделяющиеся территории.

Целью таких писем чаще всего является просьба о помощи (в этих письмах содержится самая маленькая доля требований и косвенных просьб): *«Прошу Вас принять все меры для восстановления законности и остановить всякие работы по «освоению» территории заказчика».*

Обращаясь к адресату, авторы писем демонстрируют вежливость и соблюдение принятых норм, также используют комплименты в адрес того, к кому обращаются. В целом тональность этих писем, выбранные авторами средства оставляют впечатление взвешенной, рассудительной, мудрой речи, и есть основания считать, что такие письма будут приняты и поняты адресатом.

Самая маленькая по численности и самая правильная с точки зрения внешнего оформления группа – **письма в защиту своих интересов**. В них соблюдены все принятые в переписке нормы обращений и подписи. Авторы представляются как члены каких-либо групп или объединений.

Объясняя причину обращения, они характеризуют себя как пострадавшую от действий нарушителей закона сторону и детально изображают свое бедственное положение, то есть характеризуют себя через отрицательные категории как личность, *лишенную прав, терпящую унижения и обман*: *«В отношении меня началась «зверская» политика; вышвырнули меня с предприятия».*

Они критичны и строги к своим *корыстным* оппонентам, которые *безнаказанно нарушают закон и применяют насильственные действия*, при этом просят адресата заступиться за них и восстановить справедливость:

«Прошу уберечь мою честь и достоинство от подобных выступлений, по сути не несущих за собой ничего конструктивного».

В отношении этих писем предположительные полюсы конструкций будут положительными в обоих случаях.

Авторы скрыто выражают желание восстановить покой и порядок в своей жизни путем *справедливого наказания виновных, которых они желают видеть бескорыстными, законопослушными и милосердными*.

В аргументации авторы писем часто ссылаются на опыт других людей и на статьи закона, которые считают нарушенными. Говоря о совершенных против себя действиях, называют их абсурдными и бессмысленными. Обращаясь к адресату, выражают прежде всего просьбу или предложение разобраться; требований в данной группе крайне мало. Авторы этих писем придерживаются логического подхода к объяснению сути конфликта. Думаем, что такой подход в данном случае себя оправдывает.

Мы разделили письма на группы по тематическому признаку, их авторы, скорее всего, не знакомы друг с другом. Тем не менее письма одной группы об-

ладают неким сходством, о котором сказано выше. Предполагаем, что причиной этого явления является наличие групповых концептосфер, которые существуют в сознании человека наряду с общечеловеческими, национальными и индивидуальными [17, с. 34]. Выбор объекта защиты и защитных механизмов связан с личными внутренними устремлениями авторов писем, системой их ценностей и взглядами на происходящие события. При всей пестроте тем и способов их освещения можно заметить, что письма определенной группы отличаются выбором речевых средств, тяготением к соблюдению эпистолярных норм или к их нарушению, способами выражения интенций.

Не всегда авторы выбирают подходящую форму выражения намерений для достижения своей цели. Авторы писем (агенты), обращаясь к адресатам (суперагентам и респондентам), статус которых выше их статуса, применяют речевые стратегии и тактики, не соответствующие вектору речи. В таких случаях, скорее всего, цель письма не будет достигнута. Для достижения поставленной цели (в нашем случае ею является действие, к которому автор письма призывает своего читателя) важно учитывать, что в отсутствии других (невербальных) средств передачи информации возрастает нагрузка на слово и структурные компоненты текста.

В качестве **рекомендаций** авторам писем в защите мы предлагаем следующее.

– Нужно помнить, что цель письма заключена в том, чтобы изменить ситуацию, ставшую причиной конфликта, поэтому все усилия надо направить именно к этой цели. В аргументации допустимо использование только проверенных фактов, при этом следует избегать чрезмерной детализации и эмоциональности. Не стоит перегружать письмо экспрессивными выражениями, просторечными словами: то, что может вызвать улыбку в дружеской беседе, вполне способно стать причиной раздражения официального лица, которым часто является адресат.

– Письма в защиту в большинстве случаев публикуются в СМИ и Интернете, то есть становятся открытыми огромному числу людей на большой территории. Следует иметь в виду, что в случае возникновения интереса к заявленной теме разные издания будут многократно цитировать и перепечатывать это письмо, следовательно, много раз резкие слова будут звучать, сопровождаемые различными, иногда прямо противоположными, комментариями. Чтобы не усложнить и без того напряженную ситуацию, нужно избегать двусмысленности, сарказма, оскорбительных намеков и тому подобных конфликтных элементов речи.

– Обращение к определенному лицу говорит о том, что автор выбрал именно этого человека себе в союзники, следовательно, нужно показать, что он относится к своему адресату с уважением: соблюдать принятые нормы деловой переписки, исключить из письма негативно окрашенные слова, которые адресат может отнести к себе или к своей работе, сохранять вежливый тон до конца письма.

– Автору, формулируя цель письма в виде требования, просьбы, совета или пожелания, нужно следить за тем, чтобы формулировка интенции соответствовала статусным ролям адресата и адресанта.

– Ассертивность (умение отстаивать свои права) не должна превращаться в агрессивность, поскольку обвинительная тактика не приводит к взаимопониманию. Вместо обвинений в адрес оппонента лучше говорить о своих чувствах.

– Следует учитывать, что официальные лица ежедневно получают большое количество писем, авторы которых надеются на ответ и положительный результат своего обращения. Слишком объемное письмо имеет шанс быть невнимательно прочитанным, поэтому лучше ограничить размер текста одной страницей, соблюдая его деление на абзацы.

Литература

1. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 304 с.
2. Арутюнова, Н. Д. О стыде и совести / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 444 с.
3. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – М.: Наука, 2007. – 520 с.
4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.
5. Гак, В. Г. Истина и люди. Логический анализ языка: истина и истинность в культуре и языке / В. Г. Гак / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1995. – С. 24 – 31.
6. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М.: РГГУ, 1999. – 350 с.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – 2-е изд. / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
9. Карнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Д. Карнеги. – М.: АСТ. – 192 с.
10. Киселева, В. В. Интернет и языковая личность, теория социальных пространств / В. В. Киселева // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 4. – С. 41 – 42.
11. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация: учебник / Е. В. Клюев. – М.: Рипол классик, 2002. – 317 с.

12. Кубрякова, Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира / Е. С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка: типы категорий в языке. – М.; Тамбов: ТГУ, 2010. – Вып. VII.
13. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Структура и семантика. – М., 2001. – С. 72 – 81.
14. Лукашевич, Е. В. Взаимодействие региональных СМИ как необходимый фактор развития единого информационного пространства Алтайского края / Е. В. Лукашевич, Т. С. Магера // PR в изменяющемся мире: региональный аспект: сб. ст. по материалам научно-практической конференции / под ред. Т. Н. Голобородовой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 100 – 103.
15. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ, 2010. – 314 с.
16. Седых, Е. В. К психологическому анализу текста / Е. В. Седых // Психологические исследования: сб. науч. тр. – Самара: Универс-групп, 2005. – 120 с.
17. Стернин, И. А. Психоллингвистика и концептология / И. А. Стернин // Вопросы психоллингвистики. – 2007. – № 5. – С. 33 – 40.
18. Ушакова, Т. Н. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с.
19. Хьелл, Л. Теории личности. Основные положения, исследования и применение / Л. Хьелл, Д. Зиглер; пер. с англ. С. Меленевской и Д. Викторовой. – СПб.: Питер, 2006. – 607 с.
20. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – Вып. 3. – 1298 с.
21. Русский ассоциативный словарь (Ассоциативный тезаурус современного русского языка): в 2 кн. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. – 224 с.
22. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1986.

Информация об авторе:

Андреева Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры РКИ факультета иностранных студентов Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, 8 913 22 888 49, olga464@list.ru.
Olga N. Andreeva – Senior Lecturer at the Department of Teaching Russian as a Foreign Language of the Foreign Students Faculty, I. I. Polzunov Altay State Technical.

УДК 82Андреев.07

ПОЭТИКА ЗЕРКАЛ-МАСОК В РОМАНЕ Л. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ»

И. В. Бушмина

THE POETICS OF MIRROR-MASKS IN *SATAN'S DIARY* BY L. ANDREEV

I. V. Bushmina

В статье содержится интерпретация роли зеркал-масок в системе персонажей романа Л. Андреева «Дневник Сатаны». Анализ ролевых воплощений главного героя позволяет говорить о динамике этого образа в сюжете романа, маски же второстепенных персонажей демонстрируют принцип обнаружения внутренних сущностей изображенных героев.

The article contains the interpretation of mirror-masks function in the system of characters of *Satan's Diary* by L. Andreev. The analysis of functional personification of the main character permits to speak about the evolution of the main character's prototype in the plot of the novel while the masks of secondary characters reflect the concept of revealing the inner essence of the characters shown.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, «Дневник Сатаны», поэтика, зеркала-маски, система персонажей.

Keywords: L. N. Andreev, *Satan's Diary*, poetics, mirror-masks, system of characters.

Жанровое своеобразие романа Л. Н. Андреева «Дневник Сатаны» (1919 г.) связано с мифопоэтическим подтекстом. По мнению многих исследователей (И. И. Московкиной, Е. В. Каманиной и др.), «Дневник Сатаны» относится к жанру неомифологического романа. И. И. Московкина отмечает, что в основу романа лег «оригинально интерпретированный сюжет «Христос-Антихрист» [6, с. 235]. Е. В. Каманина го-

ворит о синтезе мифов «о Сатане ("гетевский" пласт) и мифов русской литературы рубежа веков и Серебряного века – о Сверхчеловеке (Ф. М. Достоевский), Антихристе (Д. С. Мережковский), Падшей красоте ("блоковский" пласт), вочеловечившемся Христе (символистский гностический миф)» [4]. Лежащие в основе мифы, отмеченные ранее, провоцируют появление мотива двойничества. По мнению Цв. То-

дорова, в фантастическом произведении «двойник есть всего лишь часть личности героя, своего рода воплощение его совести» [8]. Роман-миф, по типологии А. В. Миронова, способствует тому, что герой вступает в борьбу с антагонистом и «чужим миром» по своей воле. Пытаясь укорениться в «чужом мире», он изменяется сам, но не меняет самого мира [5, с. 903 – 906]. Так в романе «Дневник Сатаны» встречается двойник-ангонист главного героя Фома Магнус, который помогает раскрыть истинный замысел автора и наиболее ярко отражает ситуацию падения человечества по отношению с представителями демонического мира. Помимо этого в романе есть черт Топпи, который вочеловечивается уже не в первый раз и испытывает истинное наслаждение от земной жизни людей до такой степени, что в свое предыдущее вочеловечение получил даже сан святого. По сути этот «глупый осел» Топпи и является некой моделью развития демонического персонажа, попавшего в человеческое обличье и познавшего истинный замысел Божий. В творчестве Л. Н. Андреева уже встречался подобный представитель inferнального мира, который желает ступить на путь добра, – черт из рассказа «Правила добра» (авторское датирование – 1911 г.)

Но помимо вышесказанного в ткани романа встречаются не только двойники, но и зеркала-маски, которые играют не менее важную роль в раскрытии идеи. Примеряя на себя маски, отражаясь в разных исторических деятелях, Сатана демонстрирует читателю особенности своей вочеловеченной жизни. Как отмечает О. Ю. Осьмухина, «зеркало играет функциональную роль границы между мирами – границы одновременно материальной <...> и нематериальной» [7]. Подобное балансирование между мирами в романе связано с человеческим и демоническим началами, переплетенными в персонаже. По мнению С. Г. Исаева, именно маски способствуют наиболее полному раскрытию героя, так как благодаря «отражению» подсвечиваются тончайшие смыслы [3].

В исследуемом романе перед читателем появляется специфический герой, который стоит над пространством и временем: Сатана подчеркивает, что перед его глазами прошли множества поколений и эпох. Для наиболее яркого осмысления места в людской жизни героя Андреев прибегает именно к приему узнавания героем себя в исторических деятелях, перехода из демонического мира в мир человеческий с помощью зеркал-масок. Важное место в произведении занимают образы римских императоров: Нерона, Цезаря, Августа.

Первый, кого почувствовал Сатана, въезжая в Рим, был Нерон: «Я ощутил явственный запах *Нерона и крови*» [1, с. 139]. Нерон – один из самых жестоких Римских императоров. В период его правления были сильнейшие гонения на христиан, поэтому аналогия Сатаны с ним неслучайна, так как христиане связывают правление Нерона с пришествием Антихриста. Также важно отметить связь этого римского императора с театром. Сатана, объясняя причину своего вочеловечения, говорит о пьесе, которую собирается поставить на «земных подмостках». Светоний, древнеримский историк, утверждает, что инициатором Великого римского пожара был сам Нерон. Согласно легендам,

когда императору донесли о пожаре, он выехал в сторону Рима и наблюдал за огнем с безопасного расстояния, одетый в театральный костюм и играющий на лире. В то же время Сатана не уверен, кем является он сам: «Или я не был императором, а лишь одной из «жертв» пожара, когда горел Рим по великому замыслу Нерона?» [1, с. 139 – 140]. В романе главный герой изначально предполагает для себя роль режиссера, что пересекается с «великим замыслом Нерона», но позже отдает эту роль Магнусу и становится «жертвой пожара», таким образом, предчувствует свою гибель, которая произойдет в финале романа.

Образ Нерона появляется и в последней записи Сатаны, когда Магнус открывает истинную сущность Марии: «Но ее глубочайшая развращенность <...> подтверждают мою догадку, что она получила воспитание в лупанарии... или при дворе какого-нибудь Нерона» [1, с. 236]. Возникает очень странная перекличка: в начале романа Сатана как бы переносится во времена Нерона, а в финале образ Марии раскрывается сквозь метафорическую призму этой эпохи. Таким образом, следует отметить, что маски Древнего Рима связаны с демонической природой, а отказ от этого «отражения» становится показателем Человека.

В первую же встречу с Римом Сатана говорит следующее: «Конечно, если Я уже раньше жил в Риме, то Я был одним из его императоров», – и чувствует, словно Рим приветствует героя в начале романа: «*Vivat Caesar!* (Да здравствует Цезарь)», – устами «римских легионеров». Маска-зеркало, которое выбирает сам главный герой для себя, – Цезарь: «Я боялся, что *напомню* журналистам Ю. Цезаря» [1, с. 141]. В первую очередь Гай Юлий Цезарь прославился уникальными талантами и жесткостью правления, в результате которого он провозгласил себя римским Императором и тем самым поправил республику. Сатана неслучайно «вспоминает» себя на месте данного исторического деятеля: тем самым подчеркивается присутствие демонического начала в этом человеке через такие пороки, как властолюбие и жестокость, а уникальные способности издревле считались сверхъестественными, демоническими. Сатана приходит на землю для того, чтобы понять, почему не он является венцом творения, его пренебрежение к роду людскому видно на каждой странице, а в историческом процессе именно Юлий Цезарь занимает некую вершину: талантливый правитель и человек. Тем самым сравнение себя с Цезарем и есть еще одна попытка подчеркнуть колоссальную разницу между «бутылочкой с кровью» и самим Сатаной. Также подспудно, ассоциируя себя с Цезарем, главный герой предчувствует ситуацию предательства: особое доверительное отношение к Магнусу, который «взорвет» его в финальной сцене, связано со смертью Цезаря от рук Брута.

По мере развития сюжета появляется и другой образ, намечается стремление Сатаны дистанцироваться от маски Цезаря. В конце II части Сатана пишет следующее: «Но Я смотрел на них так, как Август из своей ложи смотрел на вереницу жертв: "Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя" <...> и бесконечно было равнодушие моего цезарского взгляда. А теперь... неужели это Я торопливо шагаю, поднимая песок арены? И это Я, этот грязный,

худой, голодный раб, что задрал вверх свое тюремное лицо и хрипло орет в равнодушные глаза Судьбы:

– Аве, Цезарь! Аве, Цезарь!» [1, с. 187].

Показательно, что Сатана называет себя не полным именем Августа Октавиана, а лишь Августом, которое в переводе с латинского языка означает "высокий, величественный". Именно при этом правителе титул императора приобрел новый оттенок: если раньше титул цезаря был связан с непобедимостью и властью над армией, то теперь он превратился в титул великого правителя. Гордыня, трусость и хитросплетенные интриги связывают зеркальную маску и Сатану. Август, упиваясь своей авторитарной властью, прикрытой законностью и республикой, обходит даже Юлия Цезаря по масштабности зрелищ гладиаторских боев (наумахий), что, безусловно, говорит о степени жестокости и властолюбии.

Показательно, что после того, как Сатана «отразился» в образе Августа, он отказывается от статуса римского императора, окончательно переступая границу между миром демоническим и человеческим. Теперь он не цезарь, а один из гладиаторов, поработанных и обреченных на унижительную смерть. Этот переход в позиции от более высокого статуса цезаря к низкому – гладиатора – подчеркивает постепенное принятие Сатаной в себе человека. В конце этой части, когда он еще «не до конца принял человека», Сатана видит эту ситуацию именно так. Это крик Сатаны, который начинает осознавать изменения в своем мировоззрении, но еще не согласного, по мнению героя, с понижением статуса, которое воспринимается как зарождение в себе «червячка».

В III части уже известная нам фраза звучит на латинском языке: «Ave, Gaesar, moriturus te salutat!» [1, с. 188]. Тем самым Сатана говорит о начале нового этапа, в котором заканчиваются его «метания» между цесарским троном и ролью раба, и он добровольно вступает на путь человека, отрекается от демоническо-цезарского титула ради человека.

Мотив гладиаторских боев продолжает развиваться и далее. В одну из разгульных ночей, описанных в конце III части, опьяненный и алкоголем, и любовью, Сатана говорит: «Помню, что я предлагал всем идти пьянствовать в Колизей, на то самое место, где когда-то умирали мученики» [1, с. 215]. Долгое время Колизей был главным местом увеселительных зрелищ, таких как бои гладиаторов, звериные травли. Именно Колизей в данном контексте подчеркивает переплетение мотивов любви, муки и мученической смерти. Мотив любви-муки объединяет Сатану и его двойника-антипода Магнуса: подобное раскрывается и в исповеди Магнуса, который сравнивает любовь к Марии с муками Прометея.

Показательно, что римляне начала XX века не замечают метаний и связей, возникших в душе Сатаны: он напоминает им Савонаролу. Савонарола – религиозный и социальный деятель, проповедник. Моральный упадок общества побудил его вступить в борьбу за духовное возрождение страны. Его проповеди возбуждали у итальянцев агрессивный настрой на борьбу за порядок и чистоту морали. Интересно, что данное сравнение было озвучено после саркастического замечания Сатаны о том, что к нему «текут на поклоне-

ние не меньшие толпы, чем к самому наместнику Христа» [1, с. 140], но раньше, чем он выступил с проповедью в свободной церковке о приобретении Царства Небесного в «рассрочку». Несмотря на то, что в начале романа аллюзия на Иисуса Христа звучит как насмешка, по мере развития сюжета подчеркивается колоссальная разница между Сатаной и людьми, так как первый оказывается на деле более духовным. Подобно Савонароле, который был повешен и сожжен, Сатану «казнят» за его «новые» идеалы и ценности. Но если для инквизиции важна была именно публичная унижительная казнь, то главного героя «взрывают» в закрытой комнате, вдали от любопытных глаз, и это уже больше похоже на убийство. Интересно отметить, что в начале романа, попадая в Рим, герой чувствует костер инквизиции, на котором, как ему кажется, он бывал уже: «Нет, это не пожар – это костер, на котором стою Я. Слышу, как змейками шипят язычки огня у Моих ног. Помню, как, напрягаясь, вытягивается вперед Моя жилистая шея и в гортани нарастает последний крик проклятия... или благословения?» [1, с. 140]. Средние века связаны с расцветом инквизиции как учреждением Римско-католической церкви, предназначенным для борьбы с ересью, ведьмами и т. п. Таким образом, совершенно не случайно, что Сатана ощущает этот костер, так как большинство жертв инквизиции обвинялось в колдовстве и связи с темными силами. Ситуация предчувствия катастрофического взрыва, а также заклинание истинного проповедника на костер. Таким образом, это связано с дуальностью образа во-вочеловечившегося Сатаны: мученическая смерть и благословение подобно фразе Христа: «Ибо не ведают они, что творят» – и проклятие, как демоническое неприятие человека.

Таким образом, интересно отметить, что у главного героя есть маски-зеркала лишь в начале его земного пути. По ходу развития сюжета он теряет такую особенность. Также важно, что если в сознании самого героя возникают параллели с Древним Римом, то образ Савонаролы как бы выламывается из вереницы исторических зеркал и по времени, и по месту развития исторических событий. Савонарола – это прототип роли, которую уготовил Сатане Магнус, взявший на себя роль режиссера, но Сатана, который сам иначе видит свою «пьесу», скидывает эту маску, обнажая истинную свою природу.

Если Сатана, во-вочеловечиваясь, теряет постепенно свои зеркала и маски, то другие герои не только не теряют их, но и сливаются с масками абсолютно.

Так, например, при знакомстве с кардиналом Х. Сатана неожиданно для себя в очередной раз понимает, кого кардинал ему напоминает: «Какого-нибудь святого, конечно?... да это просто старая бритая обезьяна!» [1, с. 150]. Постепенно этот образ «откровения» набирает силу. В Средние века считалось, что Сатана является обезьяной Бога, а Антихрист – обезьяной Христа. Казалась бы абсурдной ситуация, когда носитель священного сана является антагонистом того, кому призван служить, но таким образом раскрывается «разоблачительный» замысел автора. Но кардинал Х. похож не только на «старую бритую обезьяну», но и на «говорящего попугая»,

«цыпленка», «волка», «лисицу». Он меняет личины в зависимости от обстоятельств и служит единственно-му «Богу» – наживе. В книге «Бытие» говорится, что на пятый день «сотворил Бог рыб больших и всякую душу пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее», на шестой день «создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их» [Быт. гл. 1, ст. 21, 25]. Итогом Сотворения мира стал человек («сотворил Бог человека... по образу Божию» [Быт. гл. 1, ст. 27]), который должен был «обладать» землёй и всеми творениями Божьими. Зоологические сравнения кардинала Х. (представителя духовенства, чье призвание изначально – служить Богу и жить праведной жизнью, быть неким эталоном для мирян) говорят о том, что он отступил от замысла и веления Господнего, и это движение является не прогрессом в развитии, а скорее регрессом, ступенькой вниз. Его уже с трудом можно назвать «венцом творения». Андреев экспрессионистически подчеркивает отказ кардинала от ценностей человеческого статуса в мире, созданном Богом, не только его высказываниями, но и характеристикой его внешнего облика. Иронически он изображает его в образе старой обезьяны, обыгрывая одно из основных положений эволюционистской теории Дарвина, поставившей под сомнение подлинность религиозного предания.

Интересен образ Марии, которая явилась для главного героя как «...роковые лица, ...роковые сходства, которые смущают наш дух и ведут его к пропасти самоуничтожения» [1, с. 162]. Сатана на протяжении всего романа узнает в ней Мадонну, распознав в ее образе Вечную Женственность, в финале же романа маска, которой наделил ее сам влюбленный герой, спадает, и Магнус открывает ее истинную личину: «Она – моя любовница и была ею до вчерашней ночи... Она глупа. Но хитра. Но лжива. Очень жадная к деньгам... Глубочайшая развращенность...» [1, с. 235]. Но помимо разоблачения Магнус сразу же наделяет ее иной маской: «Теперь я смотрю на Марию без боли и даже с некоторым удовольствием, как на красивого и полезного зверька... своими зубками она выгрызла всю мою бессмысленную веру и дала мне тот... взгляд на жизнь, при котором невозможны никакие обманы» [1, с. 239 – 240]. Героиня не очищается подобно Сатане от масок и снова прячется за новую «роль».

Наиболее интересен образ Магнуса в романе. Начиная от знакомства и до финальной сцены он постепенно сливается со своей маской и немислим без нее. Притом его «масочность» имеет два уровня: первый

проявляется в сознании главного героя, автора дневника, второй – в создании вокруг себя определенной маски осознанно самим Магнусом. Сатана со дня знакомства узнает в нем палача с белыми руками, который в финале романа «взрывает» главного героя. Другая маска-зеркало появляется и «расцветает» по мере более глубокого знакомства. Доверившись Магнусу, Сатана открывает в нем необычайную похожесть на представителя демонического мира, но более того и жажду занять престол сатаны. Нам уже приходилось отмечать ранее антагонистические отношения этих двух героев, которые как бы отражаются друг в друге. Сатана даже выскажет предположение, что у его «Отца много прazдно болтающихся по свету побочных детей, лишенных наследства» [1, с. 137 – 138] и не является ли Магнус Его братом. По мере развития сюжета становится видна принципиальная разница в мировоззрении: из уст Магнуса говорит Сверхчеловек, а Сатана постигает истинный замысел Бога [5]. Осознанный выбор своей маски Магнусом раскрывается в имени персонажа: истинное имя – Эрго (от лат. Ergo – вывод, резюме). Если Фома – это имя апостола, который сомневался в своем Учителе, то теперь герой обретает иное имя, свидетельствующее об уверенности в своей философии и эксперименте. Через символику имени автор раскрывает роль героя: он наставник, он как обобщенный образ человека того времени и по сути основной двигатель событий. Для Сатаны Фома – Магнус выступает в роли Судьбы.

Таким образом, зеркальных двойников Сатаны условно можно разделить на две группы: из Древнего Рима (Нерон, Цезарь, Август, гладиатор) и из эпохи Возрождения (Савонарола). Исторические маски-зеркала Сатаны отражают изменения в сознании героя. Если в начале земной жизни он воспринимает себя как римского императора, а окружающие – как христианского деятеля, то по мере развития сюжета исторические аллюзии теряют свою силу по отношению к демоническому персонажу и переходят к характеристике людей. Отказ Сатаны от масок – показатель градуса «человеческой настойки», так как конечная цель Сатаны – вочеловечение. Представители рода людского под масками отказываются от Человека, от истинного божественного замысла, и падают в статусе Сверхчеловека ниже сатаны. Андреев показывает, что падение рода людского катастрофичнее падения демонического мира. Сатана – единственный герой, который может оценить Человека как «венца творения», а сами люди, отказываясь от этого статуса, оказываются ниже главного грешника в этой иерархии.

Литература

1. Андреев, Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. Н. Андреев; [редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков]; сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; коммент. Ю. Чирва и В. Чувакова. – М., 1996. – Т. 6: Рассказы, Повести, Дневник Сатаны, Романы (1916 – 1919); Пьесы (1916); Статьи.
2. Бушмина, И. В. Фома Магнус и Сатана-Вандергуд как герои-двойники системы персонажей в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» / И. В. Бушмина // Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы IV (XXXVI) Международной научно-практической конференции / Кемеровский госуниверситет. – Кемерово: ИНТ, 2009. – Вып. 10. – Т. 1. – С. 333 – 335.
3. Исаев, С. Г. «Сознанию незнаемая мощь...» Поэтика условных форм в русской литературе начала XX века / С. Г. Исаев. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001 – 213 с.

4. Каманина, Е. В. Неомифологический роман Л. Н. Андреева «Дневник Сатаны» / Е. В. Каманина. – Режим доступа: <http://academy.cross-kpk.ru/bank/3/005/HTML/kaman.html>
5. Миронов, А. В. Принцип исследования неомифологического романа XX века (жанровый аспект) / А. В. Миронов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2).
6. Московкина, И. И. Между «про» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева / И. И. Московкина. – Харьков, 2005.
7. Осьмухина, О. Ю. Зеркало (Зеркальность) / О. Ю. Осьмухина // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал. – 2008. – № 1 (2) – Режим доступа: [http://www.zpu-journal.ru/ezpu/1\(2\)/Osmukhina](http://www.zpu-journal.ru/ezpu/1(2)/Osmukhina)
8. Тодоров, Цв. Введение в фантастическую литературу / Цв. Тодоров; пер. с фр. Б. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1997. – 144 с.

Информация об авторе:

Бушмина Инна Викторовна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, 89235021798, inna-bushmina@yandex.ru.
Inna V. Bushmina – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th Century, Kemerovo State University.

УДК 81'22:004.823

ИКОНИЧНОСТЬ В МЕДИДИСКУРСЕ (графический уровень)

Е. В. Вильчикова, М. Ю. Рябова

ICONICITY IN MEDIADISCOURSE (graphical level)

E. V. Vilchikova, M. Yu. Riabova

В статье анализируется проявление иконичности на графическом уровне в медиадискурсе английского и нидерландского языков. Рассматривается когнитивная роль таких инструментов, как фотография, график, пиктограмма, карикатура, коллаж, а также роль фона, цвета, шрифта и кегля в кодировании реальности.

The article analyzes iconicity on a graphical level of the media discourse of the English and the Dutch languages. The cognitive role of such instruments as photography, chart, pictogram, caricature, collage, as well as the role of the background, colour, font and point in coding of the reality are examined.

Ключевые слова: иконичность, медиа-фрейм, авербальные компоненты, кодирование реальности, когнитивный инструмент.

Keywords: iconicity, media frame, averbial components, coding of reality, cognitive instrument.

Иконичность – один из модусов языкового или любого другого знака. Икона – «это знак, отсылающий к объекту, который он обозначает, просто в силу своих свойств, которыми обладает независимо от того, существует ли вообще какой-либо объект или нет» [3, с. 162 – 233]. По утверждению Т. Гивона, иконические структуры «легче хранить, восстанавливать и передавать в процессе общения» [4, с. 189].

Иконичность присутствует на всех уровнях языка, начиная с графического и заканчивая процессами номинации, как метафора, например.

На графическом уровне иконичность проявляется наиболее отчетливым образом.

Вслед за авторами монографии «Зарубежная и российская журналистика. Трансформация картины мира» (Барнаул, 2009) мы будем рассматривать организационную структуру медиа-сообщения как медиа-фрейм, отражающий «результат переработки информации и ее фиксации с целью сохранения для осуществления воздействия на других индивидов» [1, с. 189]. Медиа-фрейм – сложная комплексная структура, включающая в себя как вербальные, так и авербальные компоненты. В рамках нашего исследования мы будем обращаться к разновидности медиа-фрейма,

а именно к пресс-фрейму, т. е. структуре новостных сообщений в печатных СМИ.

В вышеуказанной монографии [1] проведен анализ внешней организации пресс-фрейма, в которой используются такие иконические знаки, как фотография, график, пиктограмма, коллаж. Все они являются когнитивными инструментами, помогающими выразить ту или иную идею и служащими не столько иллюстрацией, сколько средством придания дополнительного смысла вербальному наполнению статьи. В данной статье будет анализироваться использование иконических знаков на примере англоязычной и нидерландскоязычной прессы, а также рассмотрены и другие графические проявления иконизма.

Фотографии как когнитивному инструменту присущи такие свойства, как конкретность (непосредственно соотносится с объектом реальности), наглядность (соответствие визуальных параметров обозначаемого предмета и фотовизуального знака), документализм и эффект достоверности (симулирует перцептивное взаимодействие с репрезентируемым фрагментом реальности) [1, с. 201].

На фотографиях могут быть изображены персоналии, как правило, главные действующие лица медиа-

текста, которые «оживляют» текст, дополняют созданный вербально образ. В данном случае имеет значение размер фотографии и ее местоположение. Крупное изображение указывает на значимость персоналии либо в общем контексте картины мира, либо в контексте данного медиа-сообщения.

Фотография часто продолжает вербальный образ, усиливая его. Например, в статье «*De neusring van Barroso*» («Кольцо в носу Баррозо», рис. 1) на фотографии мы видим изображение сложенных в форме кольца пальцев рядом с носом. Содержание статьи сводится к тому, что председатель Еврокомиссии Жозе Эм. Баррозо почувствовал власть и начал ей злоупотреблять, а образ кольца в носу символически связан с образом некоего племенного вождя. Естественно, в данном случае метафора имеет негативный оттенок: как злоупотребление властью, так и отход к доисторическим временам, племенному строю, т. е. фотография в данном случае не просто иллюстрирует текст, показывая реципиенту, как выглядит герой статьи, но имеет гораздо более важную функцию, усиливая вербальный

компонент и выражая основную идею статьи – критику политики председателя Еврокомиссии.

Подобная же идея обыгрывается в следующей статье «*A tsar is born*» (рис. 2). В. В. Путин в понимании западной прессы – царь, поэтому он и восседает на троне, свисока и откуда-то издалека даже взирает на народ.

Фотографии могут быть пейзажно-событийными, т. е. изображать место действия того или иного события, описанного в тексте.

Благодаря подобным изображениям у реципиента создается эффект присутствия, соучастия. Размер изображения также имеет значение. Кроме того, охват территории – панорама ли это, или же приближенное изображение какого-то отрезка местности – способствует созданию у реципиента нужного образа. Масштабной трагедии, трансформирующейся в горе каждого участника, как в случае с мостом на рис. 3 (общая панорама и приближение части моста, на которой произошел разлом), или же крупный план умирающего человека, вызывающий немедленное сочувствие и сопричастность (рис. 4).

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

График, как правило, используется в функции дублирующей репрезентации, иллюстрируя тот или иной экономический, политический и др. феномены. График позволяет реципиенту формировать представления об объектах, явлениях и процессах реального мира, глубже проникать в их сущность. Когнитивное предназначение графика заключается в символической репрезентации комплексных динамических процессов, измеряемых в цифровых величинах, средствами легко воспринимаемых линий, которые помещаются в прямоугольную систему координат, где по осям X и Y располагаются цифровые данные [1].

Сходной с графиком структурой является диаграмма. Она также фиксирует результаты абстрактного мышления индивида, но, в отличие от графика, репрезентирующего динамический характер протекания процесса, используется для сопоставления дискретных зависимостей на основе цифровых величин [1]. Диаграммы позволяют сравнивать числовые величи-

ны при помощи площадей геометрических фигур или отрезков линий.

На рис. 5 и 6 представлены график и диаграмма, иллюстрирующие экономические процессы – рост и кризисное состояние.

И график, и диаграмма широко используются в пресс-фреймах, придавая больший вес вербальному наполнению статьи и выражая абстрактные категории мышления конкретными образами.

Иначе, чем фотография и график, реализует когнитивные функции **пресс-пиктограмма**, представляющая собой один из видов изобразительного искусства, в котором отчетливо проявляется тенденция отхода от буквального воспроизведения объекта. По данным психологии восприятия, рисунок привлекает внимание реципиента быстрее, чем фотография, а продуцируемый им образ дольше сохраняется в памяти [1].

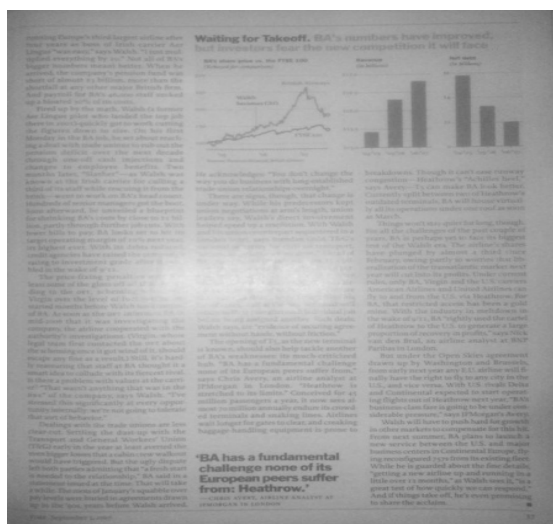

Рис. 5.

Пресс-пиктограмма позволяет технологически представлять результаты познания реальности, с одной стороны, а с другой – обеспечивать такое взаимодействие реципиента и медиа-сообщения, которое сопровождается интериоризацией визуальных фрагментов в виде образов восприятия. Пресс-пиктограмма не столько иллюстрирует какой-либо процесс экономики, политики и т. п., придавая ему выразительную, легко запоминающуюся форму, сколько раскрывает динамику процесса и характер его протекания. Как правило, пресс-пиктограмма предваряет вербальный компонент и генерирует смысл только вкуче с ним и с другими авербальными компонентами [1].

Также пресс-пиктограмма тесно связана с заголовком статьи. На рис. 7 пресс-пиктограмма буквально иллюстрирует заголовок статьи «Tokyo Tailor-Made». Мы видим, как рука портного вырезает из ткани буквы, составляющие название «Токио», и сшивает их. А на рис. 8 изображены в образе скрепивших шпаги мушкетеров два кандидата в президенты Франции – Николя Саркози и Жак Ширак. В данной картинке закодирована и информация о противостоянии кандидатов, и намек на некую театраль-

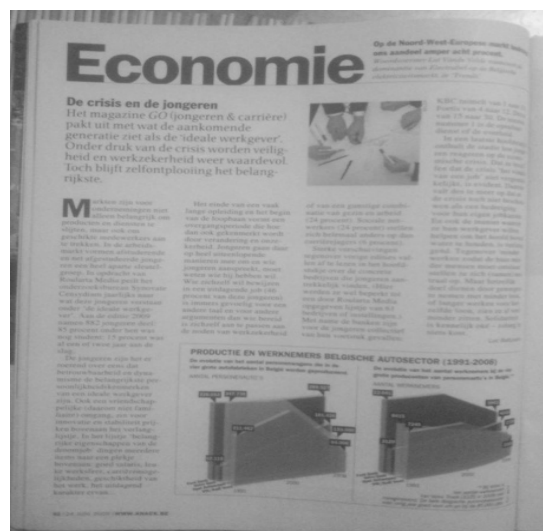

Рис. 6.

ность их борьбы. Последнее отражено и в заголовке «The Nicolas vs Jacques show».

Пресс-пиктограмма является, по нашим наблюдениям, самым эффективным средством иконического кодирования, поскольку создает очень яркий и запоминающийся ментальный образ.

Разновидностью пресс-пиктограммы является **карикатура** – «изображение какого-либо явления в смешном, нелепом виде путем намеренного искажения воспроизводимого материала, подчеркнутого нарушения привычных соотношений» [2, с. 96]. Карикатура очень часто используется в англоязычных и нидерландскоязычных медиатекстах.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

На рис. 9, например, мы видим карикатурное изображение Джорджа Буша в виде крысы из известного мультипликационного фильма «Рататуй» (в данном случае Iraquatouille, т. е. рататуй, приготовленный из Ирака). Образ поваренка, пытающегося приготовить какое-то блюдо из имеющихся ингредиентов, как нельзя лучше характеризует действия американского правительства в Ираке. Слова Буша-поваренка: «Я уже все перепробовал, ничего не получается. Кажется, чего-то не хватает». «Перепробованные» ингредиенты – это дипломатия, унилатерализм. Как правило, карикатура является самостоятельным медиа-фреймом, совмеща в себе как графические компоненты, так и вербальные.

В отличие от фотографии, которой свойственна целостная репрезентация объекта со всеми избыточными деталями, и пиктограммы-карикатуры, в гротескной форме сохраняющей черты сходства с изображением, использование **коллажа** в качестве одной из когнитивных структур пресс-фрейма дает возможность преодолеть информационную избыточность

этих иконических знаков. Это становится возможным благодаря редуцированию изображения – освобождению его от нефункциональных элементов. Особую когнитивную значимость коллажному изображению могут придавать его хроматические свойства, фиксирующие определенные смыслы. Например, универсальные хроматические значения: зеленый цвет – цвет природы, голубой – небесный, красный – кровь, огонь, любовь [1].

На рис. 10 представлен пример коллажа, составленного из фотографии архитектурных сооружений (символизирует место действия), макета международных пластиковых кредитных карт, к которым цепями прикованы фарфоровые куклы, похожие на персонажей комедии дель арте, с нарисованными слезами на глазах. Коллаж передает плачевное состояние должников по кредиту, создает очень яркий когнитивный образ растерянного узника собственных желаний и неумения правильно управлять своими доходами и расходами. Позволяющий многозначную трактовку заголовков статьи «Maximale limiet overschreden» («Мак-

симальный перерасход лимита»), проиллюстрированный ярким коллажем, создает у реципиента образ человека, вышедшего за рамки, преступившего определенную черту, лимит. За счет использования различных фактур коллаж выглядит объемным, что делает его похожим на кадр из фильма 3D – наиболее современного популярного продукта кинематографа. Здесь можно говорить о создании новой когнитивной модели у реципиента. Для кодирования реальности наиболее полно, объемно и эмоционально используется такой инструмент, как коллаж, который, с одной стороны, лишен избыточности в изображении – мы не видим реальных должников, стоящих у банкоматов или идущих под руки в тюрьму, как это было бы при использовании фотографии, или статистических данных по невыплаченным кредитам при использовании графика, а с другой стороны, позволяет воображению реципиента работать, создавая яркий ментальный образ.

Фон изображения также может иметь тот или иной когнитивный потенциал. Отсутствие фона может дополнительно акцентировать само изображение, будь то коллаж или пиктограмма.

Различные авербальные компоненты медиа-фрейма могут вступать во взаимодействие друг с другом, дополняя общий смысл статьи. Например, цифровые данные графика могут более доступно представляться пиктограммой, карикатурой или коллажем [1].

По утверждению авторов монографии «Зарубежная и российская журналистика. Трансформация картины мира», расположение авербальных компонентов относительно друг друга тоже имеет определенную когнитивную задачу. Возможны три варианта расположения:

- дистантное (авербальные компоненты отделены друг от друга вербальным, что позволяет произвести двойную экспликацию того или иного сложного экономического/политического явления);
- контактное (авербальные компоненты образуют единый блок, расположение может быть предвербальным, внутривербальным или поствербальным; облегчает реципиенту определить связи между компонентами и оптимизировать процесс интериоризации доминантного смысла медиатекста);
- взаимопроникающее (один авербальный компонент заходит на другой, что позволяет актуализировать новые взаимосвязи между репрезентантами уже рассмотренных знаковых систем) [1].

К графическим проявлениям иконичности относятся также и такие, как шрифт, оформление заголовков, цвет текста и фона, рамки и колонтитулы.

Основная функция заголовка – привлечь внимание, заинтересовать читателя, поэтому его выделяют более крупным кеглем, иногда используется и совсем другой шрифт. Возможно использование цвета по контрасту к основному цвету шрифта, например, белого на черном фоне в то время, как основной текст статьи написан черным по белому, или привлекающего внимание красного. Первая заглавная буква каждого абзаца также может быть выделена красным и быть одного кегля с заголовком.

Рис. 11.

На рис. 11, например, использован красный цвет в заголовках и в тексте для выделения основных мыслей. Красный цвет привлекает внимание в первую очередь и создает необходимый контраст со стандартным черным цветом шрифта статьи. Кроме того, основная мысль четко перекликается с заголовком, поэтому и графически отображается при помощи тех же средств. В первой статье «*Sarko's Summer of Sin*» красным выделено следующее предложение: “What really keeps this controversy growing is Sarkozy himself and his administration for money and the moneyed – what commentators are calling his original sin”.

Интересно также выделение названий страны (France/Pakistan) в цветную рамку с несколькими цветами, которые гармонируют между собой внутри одной рамки, а также взаимосвязаны с другой. Набор цветов в двух рамках одинаков – зеленый, синий, оранжевый, желтый, серый; доминантный цвет выбран для каждой рамки разный. Это также способствует привлечению внимания реципиента и создает разные образы описываемой в тексте страны.

Графические средства могут служить инструментом сравнения или противопоставления чего-либо в медиатексте. В подобных случаях можно говорить о зеркальной структуре текста. Например, в двойном некрологе о выдающихся режиссерах Ингмаре Бергмане и Микеланджело Антониони сравнение и даже некое противопоставление двух гениев происходит не только вербально, но и при помощи графического оформления (рис. 12).

Рис. 12.

При описании обоих режиссеров использована фотография/коллаж, выражающая суть образа того и другого. Структура текста построена одинаково – по пять ключевых моментов из жизни каждого, одинаковый по размеру и положению лид, а также ключевая мысль текста, вынесенная в отдельный абзац и выде-

Литература

1. Зарубежная и российская журналистика. Трансформация картины мира и ее содержания: коллективная монография / науч. ред. А. А. Стриженко. – Барнаул, 2009. – 300 с.
2. Литературная энциклопедия: в 11 т. / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. – М.: Издательство Коммунистической академии; Советская энциклопедия: Художественная литература, 1931. – Т. 5.
3. Пирс, Ч. Избранные философские произведения / Ч. Пирс. – М., 2000.
4. Givon, T. Iconicity, Isomorphism and Non-Arbitrary Coding in Syntax / T. Givon // Iconicity in Syntax. – Stanford, 1983.

Информация об авторах:

Вильчикова Екатерина Владимировна – аспирантка кафедры английской филологии № 1 КемГУ, +7(3842)353700, vilchikovae@list.ru.
Ekaterina V. Vilchikova – post-graduate at the Department of English Philology No. 1, Kemerovo State University +7(3842)353700, vilchikovae@list.ru.

Рябова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии № 1 КемГУ, 8(3842)751746, mriabova@inbox.ru.
Marina Yu. Riabova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology No. 1, Kemerovo State University.

УДК 811.11

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ FAMILIE В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Г. А. Гунышова

THE SOCIAL CONCEPT OF FAMILY IN THE GERMAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

G. A. Gunyashova

Статья посвящена описанию социального концепта «СЕМЬЯ» в немецкой языковой картине мира на материале текстов словарного нормативного и публицистического дискурсов. Представлено комплексное исследование концепта на номинативном, понятийном, концептуальном и лингвокультурологическом уровнях. Дается описание его структуры, языковых способов и средств его выражения и комплекса ценностных смыслов, приписываемых концепту в немецкой культуре.

ленная более крупным шрифтом. При помощи вышеуказанных средств автор статьи создает у реципиента четкую картинку.

Все вышеперечисленные графические иконические средства несут в себе когнитивную цель – кодирование реальности наиболее точным и доступным для восприятия способом и одновременно создание определенной когнитивной модели у реципиента, формирование его сознания. Авербальный компонент является неотъемлемой частью медиа-фрейма, дополняя вербальный в выражении общего смысла сообщения. Посредством воздействия сразу на несколько каналов восприятия: визуальный (графические средства), аудиальный (фонетические средства, которые реципиент может почувствовать при прочтении вслух, например, использование аллитерации и ассонанса в заголовках или текстах статей), и даже на кинестетический (качество бумаги) – создается более целостный ментальный образ, новая реальность. Из изображений наиболее частотным средством, служащим для выражения иконичности, является фотография как наиболее наглядный и достоверный инструмент, а из графических средств выделения текста – цвет шрифта и кегль.

The article describes the social concept of *FAMILY* in the German linguistic picture of world and is based on the dictionary and publicistic discourses. The complex study of the issue is presented on the nominative, conceptual and linguacultural levels. The description of the structure, linguistic devices and values applied to the phenomenon are given in the article

Ключевые слова: лингвокультурология, концептуализация, концепт, языковая картина мира, дискурс.

Keywords: linguistic culturology, conceptualization, concept, linguistic picture of the world, discourse.

В данной статье резюмируются итоги исследования концепта *FAMILIE* в немецкой языковой картине мира на материале текстов словарного нормативного и публицистического дискурсов.

Актуальность данного исследования, выполненного на стыке концептуальной лингвистики и лингвокультурологии, обуславливается тем, что концепт *FAMILIE* относится к ключевым концептам немецкой картины мира, является культурной универсальной и этнической доминантой в немецкой лингвокультуре. Изучение этого важного элемента национальной концептосферы немецкого этноса лингвистическими методами представляет научный интерес в связи с пристальным вниманием к проблемам семьи и её сущности в современной науке и социальной практике.

Цель исследования состоит в попытке объяснить социальный характер концепта *FAMILIE* на основе описания его структуры, языковых способов и средств его выражения и установить комплекс ценностных смыслов, приписываемых концепту в общечеловеческой и этнической, в частности, немецкой культуре.

Одним из самых перспективных направлений являются концептуальные исследования, проводимые на материале разных типов дискурса. Предполагается, что концепты как элементы картины мира носителей языка актуализируются в разных типах дискурса по-разному. Под «дискурсом» в данном исследовании понимается деятельностное культурное пространство, содержащее этнокультурно окрашенную ценностную информацию (знания), материализуемую устно или письменно, вербально и невербально.

Концепт *FAMILIE* исследуется на материале текстов двух разных типов институционального дискурса – словарного нормативного (далее – НД) и публицистического (далее – ПД), выделяемых с позиций социолингвистики. В основу социолингвистической типологии дискурса положено противопоставление личностно- и статусно-ориентированного типов дискурса. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель той или иной группы людей, определенного социального института. Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цель и участники общения.

Нормативный словарный дискурс связан с понятием языковой нормы. Словарная статья как основная жанровая разновидность этого типа дискурса наряду с лексико-семантическим толкованием слова содержит, как правило, множество дополнительных помет (стилистических, грамматических, орфографических, фонетических и т. д., указаний на сферу употребления, этимологическую, историческую, лингвострановедче-

скую и другую информацию). Норма предстаёт, таким образом, как явление языковое и одновременно социально-историческое. Цель этого дискурса – фиксировать, сохранять и культивировать языковую норму и относительно ненормативные языковые единицы с указанием отклонения от данной языковой нормы. Содержание концепта *FAMILIE* на лексикографическом уровне раскрывается в языковых иллюстрациях, контекстах употребления номинаций концепта, составленных или отобранных авторами немецкоязычных толковых словарей из классической художественной литературы, публицистики и т. д., в этом смысле НД общедискурсивен, охватывает многие сферы деятельностного культурного пространства этноса. Несмотря на то, что в словарных источниках есть примеры из конкретно указанных индивидуальных источников, НД отличается крайней институциональностью, обусловленной точным изложением справочной информации по теме, зафиксированной в названии словарного источника. Любая норма, в частности языковая, явление консервативное, известно, что язык эволюционирует медленно. Поэтому словарные источники в зависимости от их периода подготовки и выхода в свет, от типа и объема словаря хранят следы тех знаний и представлений о мире, которые были свойственны данному этносу на ранних этапах его развития

ПД представляет массово-информационный вид институционального дискурса. СМИ, как известно, моментально фиксируют стремительно меняющуюся картину окружающего мира. Это основной источник распространения как социально-политических, так и культурных идей. Данный тип дискурса не является жёстко фиксированным, он многолик, разнороден, включает элементы политического, научно-популярного (социологического, медицинского) дискурсов, что позволяет составить более полное представление о концепте, рассмотреть динамику взглядов немецкого этноса на семью, новые современные тенденции развития и переосмысления концепта в немецкой ЯКМ.

Методика исследования концепта *FAMILIE* включает четыре аналитических уровня исследования концепта (понятийный – номинативный – концептуальный – лингвокультурологический) и направлена на экспликацию характера концепта, его структуры, языковых средств и способов его объективации с привлечением лингвокультурологического уровня анализа, фиксирующего и объясняющего аксиологию концепта в немецкой культуре и ценностные варианты концепта в разных типах дискурса.

В соответствии с целью и уровнями исследования были определены основные этапы исследования.

Первый этап – исследование понятийной составляющей концепта на основе анализа словарных дефиниций номинативной доминанты концепта лексемы *Familie* и выделения семного инвентаря данной лексемы.

Анализ словарных толкований номинативной доминанты концепта лексемы *Familie* и метод компонентного дефиниционного анализа позволил выделить семный инвентарь лексемы *Familie* ‘семья человека’. Выявлены два основных значения человеческой семьи:

1) *Lebensgemeinschaft von Eltern und Kindern*,

2) *Gruppe aller miteinander [bluts]verwandten Personen, Sippe* [4] – и одно переносное: семьёй обозначаются различные социальные коллективы людей, совместно проживающие и/или работающие, занимающиеся одним делом.

Понятию «*Familie*» в словарных статьях приписывают более широкий и более узкий смыслы. Общие семы в двух прямых значениях ‘родство’ и ‘социальная группа’ обнаруживают отношения «части – целого» (меронимия): «семья как общность родителей и детей» входит в совокупность всех родственников. С другой стороны, сема ‘совместная жизнь’ разделяет эти значения, хотя совместная жизнь родителей и детей может включать и других родственников, бездетный брак в немецкой ЯКМ также входит в понятие «*Familie*». Такая диффузность значений приводит к тому, что слова *Familie* и *Verwandschaft* употребляются часто как синонимы [5, с. 67]. Аксиологический аспект понятия, зафиксированный в «*Brockhaus Enzyklopedie*», отражает социальный статус ‘ядерной’ (нуклеарной) семьи – *Kernfamilie* / *Kleinfamilie* (общность родителей и детей) – как универсального устройства, самого маленького социального единства общества, общественная ценность которого обусловлена основополагающими функциями производства и воспроизводства социальной жизни, социализации личности [1].

Таким образом, субсемы лексемы «*Familie*» – ‘*Gemeinschaft*’ и ‘*Zusammenleben*’ – определяют социальный характер концепта *FAMILIE*, конституируемый коллективной сущностью семьи, проявляющейся в совместном проживании, совместной деятельности и в системе межличностных отношений членов семейной группы, а также ролью и функциями семьи в обществе. Понятийный уровень концепта отражает, таким образом, его сложный и многоаспектный характер, являющийся сосредоточением и пересечением биологических, психологических и социальных факторов данного феномена.

В словарных дефинициях представлена этимология слова *Familie*. Этимологический анализ лексемы *Familie* показал, что слово *Familie* образовалось от лат. *famulus* (Diener ‘слуги’) и означало первоначально ‘*Gesinde, Sklavenschaft*’. В основе архаичного содержания значения слова лежало понятие «совместной работы, службы хозяину». Слово заимствуется многими европейскими языками для обозначения *всех относящихся к дому*, включая хозяев дома, детей, родителей и слуг – ‘*die ganze Hausgenossenschaft*’ [3], ‘*häusliche Gemeinschaft*’ [2]. И только с XVIII столе-

тия объединяющим признаком семейной группы становится факт происхождения, этим словом обозначают людей, родственных друг другу, в смысле ‘*Geschlecht*’, ‘*Sippe*’. Почти одновременно оно стало означать ‘*Eheleute und ihre Kinder*’, появляется обозначение для этого нового типа семьи – *Kleinfamilie*, в противовес которому вскоре возникает номинация *Großfamilie* со значением ‘*großer Familienverband*’ (der aus Vertretern mehrerer Generationen besteht) [4, с. 1 – 10]. В основу данных номинаций положен признак ‘размер’, что отражает этническое мировидение. Таким образом, в качестве основного значения в синхронии закрепилось более позднее значение, а в качестве переносного от него – перенос названия на неродственные человеческие сообщества – этимологически более древнее. Критериями объединения группы людей в семью были поочерёдно разные понятия: работа (служба) → дом (домашнее хозяйство) → кровное родство → совместная жизнь родителей и детей.

На основании анализа концепта на понятийном уровне реконструируется его внешняя структура. Внешнюю структуру составляют сегменты концептосферы, выделенные на основе гипер- и субсем лексемы «*Familie*». Выделены два субконцепта, представляющие первый уровень иерархизации структуры концепта: *FAMILIE* / *Gemeinschaftsform* и *FAMILIE* / *Zusammenleben*. Субконцепты не распадаются, они взаимосвязаны и цементируются в единую концептосферу набором концептуальных признаков. Субконцепты разложимы далее на микроконцепты, представляющие второй уровень членения внешней структуры и выделяемые на основе видовых сем субконцептов. Субконцепт *FAMILIE* / *Gemeinschaftsform* разложим на три микроконцепта: *FAMILIE* / *Kleinfamilie*, *FAMILIE* / *Verwandte* и *FAMILIE* / *nicht verwandte Sozialgruppen*. Субконцепт *FAMILIE* / *Zusammenleben* актуализирует два микроконцепта: *FAMILIE* / *Zusammenleben in der Familie* и *FAMILIE* / *Zusammenleben im Sozium*.

Описание внешней структуры концепта на уровне микроконцептов отражает актуальность и значимость нуклеарной семьи (*Kernfamilie/Kleinfamilie*) в немецком языковом сознании, её общественную ценность, обусловленную рождением и воспитанием детей. Многообразие форм нуклеарной семьи оценивается обществом по степени приближения к идеалу – традиционной семье, которая становится точкой отчёта в сравнениях и дифференциациях других современных (альтернативных) форм жизни. Выделены и описаны девять форм современной немецкой нуклеарной семьи:

- 1) традиционная семья (*klassische Vater-Mutter-Kind-Familie*);
- 2) внебрачные сожителства (*nichteheliche Lebensgemeinschaften*);
- 3) семьи с одним родителем (*Alleinerziehende*);
- 4) лоскутные семьи (*Patchworkfamilie*);
- 5) смешанные браки/сожителства (*binationale Verbindungen*);
- 6) приёмные семьи (*Adoptiv-Familie*);
- 7) бездетные пары (*kinderlose Partnerschaften*);

8) однополые союзы (gleichgeschlechtliche Lebensgemeinschaften);

9) одноличинные семьи (Ein-Personen-Haushalt).

Многообразная вербальная представленность моделей 2, 4, 5, 7, 8, 9 свидетельствует об их актуальности и распространённости в современной немецкой ЯКМ.

Микроконцепт FAMILIE / Zusammenleben in der Familie отражает способ существования различных форм семьи: систему отношений, совместное проживание, ведение хозяйства, обеспечение жизнедеятельности семьи, организацию быта, свободного времени и т. д. Мобильность и гибкость в профессиональной деятельности в условиях глобализации переносятся и на семейные отношения: Immer mehr Paare müssen mit dem Modell Wochenendbeziehung leben [17, с. 65]. Развод сегодня обычное дело, не осуждается и не порицается в обществе. Многочисленные разводы и создание новых семей прерывают совместное проживание генетических родителей со своими детьми. Важным является то, продолжают ли социальные связи в ситуации после развода. Где социальные связи оборваны, там конец и родственности, несмотря на кровное родство. Семейные отношения сортируются заново, следуя законам выбора, личной привязанности: Sie (Familienverhältnisse) nehmen den Charakter von „Wahlverwandschaften“ an [7, с. 49]. Смысл семьи, родства для каждого человека определяется в немецкой ЯКМ на основе личностных предпочтений, человек, его сознание решает, кто и что есть для него семья: ... ist es egal, wer nun mit wem blutsverwand ist. Was zählt, sind Liebe, Zuneigung und gegenseitiger Respekt [5, с. 82].

Второй этап исследования концепта заключается в анализе его номинаций. Семья как сложная многогранная сущность, явление многоаспектное может быть охарактеризовано с разных сторон. Выбор признака, по которому обозначается данное явление в языке, варьируется в разных номинациях по мере того, что ставится во главу угла, о каком аспекте семьи идёт речь.

Номинативный инвентарь понятия «Familie» представлен множеством немецких номинаций с разной грамматической, словообразовательной и семантической характеристикой. Особое свойство немецкого языка, отличающее его от других языков, связано с чрезвычайной продуктивностью в нём словосложения. Большое количество определительных сложных слов, образованных на основе номинативной доминанты концепта лексемы Familie, а также других синонимичных номинаций (композигов со вторым компонентом -gemeinschaft, -ehe, -haushalt), а также многообразие других разнотипных языковых средств, объективирующих данный концепт, отражают его детальную «проработанность» в немецком языковом сознании – как в количестве понятийных сфер, с которыми корреспондирует концепт FAMILIE, так и в многоаспектности концепта в немецкой ЯКМ. Принципы выборки номинаций семьи (далее – НС) из минитекстов двух типов дискурса различны: из ПД извлекаются для анализа только те НС, которые не зафиксированы в НД, что позволяет рассмот-

реть номинативный инвентарь концепта как динамический процесс, связанный с изменениями в немецкой культуре, новыми тенденциями в восприятии и осмыслении семьи в немецкой ЯКМ. Согласно номинируемой теме выделяются 19 соподчинённых или перекрещивающихся лексико-тематических групп (далее – ЛТГ) номинаций семьи, объединённых в три блока. Количественная наполняемость блоков и ЛТГ НС позволила выявить релевантные аспекты семейной сферы для немецкого этноса.

Все НС в **Блоке I** объединены темой – группа людей (blutsverwandte / verwandte Gemeinschaft), связанная родством, происхождением. Данный блок составляет устойчивую константную часть концепта, принципиально новых номинаций в ПД не обнаружено. Блок составляют четыре ЛТГ.

В **Блоке II** объединяются НС, актуализующие смысл концепта FAMILIE как формы жизни родителей и детей. Гиперсема трансформируется в направлении ‘совместное проживание в семье’ (Familienzusammenleben). Это самый объёмный блок, здесь выделены 12 ЛТГ.

Блок III. Неродственные социальные группы (nicht verwandte soziale Gruppen): Heime, Wohngemeinschaften, Gastfamilie, Schulfamilie, Komune, Genossenschaft, Clique, Freunde, Band и пр.

Появление большого количества новых номинаций нуклеарной семьи, не зафиксированных в словарной норме, таких как Neigungsfamilie, Teilzeitgemeinschaft, transitorische Lebensphase, Fernbeziehung, Pendlerehe, Flickenteppich (-decke), Ehe auf Probe, Doppelverdiener-Familie, Familie mit Hausmann и др., отражает направления переосмысления, изменений в восприятии семьи в современном языковом сознании представителей немецкой лингвокультуры. Переосмысление идёт в направлении отказа от традиционных параметров, конституирующих семью многие столетия – брака, союза на всю жизнь, союза мужчины и женщины и их традиционных полосоциальных ролей в семье.

Анализ номинативного инвентаря концепта, количественная представленность которого более 840 номинаций, позволил выявить универсальные и этнические особенности концепта FAMILIE. Этноспецифическое своеобразие восприятия семьи отражается в немецких номинациях Kleinfamilie, Großfamilie, Familienangehörige, Anhang, Freundschaft, Weib und Kind, mit Kind und Kegel, Firma, Netzwerk и др. Универсальное для многих культур отождествление концептов HAUS и FAMILIE в немецком культурном коде связано и с древнегерманским концептом HEIM и его символикой родного социума, «своего» защищённого места, родины.

Основу исследования концепта FAMILIE составил концептуальный анализ, который в рамках данной работы заключается в установлении и описании базисных смыслов, выраженных на уровне внешней и внутренней структур концепта. **Следующий этап** исследования концепта – выявление концептуальных признаков, составляющих его внутреннюю структуру. На основе анализа контекстуальной сочетаемости номинаций, объективирующих концепт в языке, выде-

ляются блоки и группы признаков, характерные для исследуемого концепта. Концепт FAMILIE описывается признаками живой и неживой природы, выделяются блоки и группы типологических признаков: биоморфные, предметные, признаки вещества и продукта, блок событийных признаков, признаки социального пространства, блок релятивных признаков. Анализируется количественная и качественная представленность признаков в разных типах дискурса.

Биоморфный код представлен вегетативными, зооморфными (анималистскими и орнитологическими) и антропоморфными признаками. Наряду с универсальными вегетативными признаками дерева, его корней и ветвей как символов родословных связей, орнитологических признаков гнезда, птенцов, анималистских признаков 'упряжка вьючных животных', 'плодовитость кроликов' выделяются и этноспецифичные натурморфные метафоры. Родственность происхождения, одинаковое образование и воспитание в шутку сравнивается с выходом из одной конюшни: *die beiden kommen aus demselben Stall* [4]. Выражение 'eine Kröte/-n schlucken' (букв. 'проглотить жабу') актуализирует признак сложных интерперсональных отношений в браке: *Über die Kunst, in der Ehe Kröten zu schlucken* (Bergsträßer Anzeiger 25.11.69, Frauenseite) [4]. Этноспецифичен метафорический образ жестокой матери 'Rabenmutter' (мать-ворон). По народным поверьям, эта птица бросает своё потомство на произвол судьбы. Особенно актуален этот образ в немецкой ЯКМ в отношении женщины в силу традиционно другого понимания роли матери в семье. Это слово часто мелькает в публицистике в связи с вопросами профессиональной занятости женщины-матери. Недоверие к уходу и воспитанию детей вне семьи (Fremdbetreuung) глубоко архетипично, эта установка культуры уходит корнями в реформацию, в идеи М. Лютера.

Детальную объективацию получили антропоморфные признаки концепта. Антропоцентричность в восприятии концепта FAMILIE в немецкой ЯКМ проявляется в уподоблении семьи как малой социальной группы людей одному человеку, приписыванию семейной группе антропоморфных характеристик человеческого тела, социально-статусных характеристик члена общества. Гендерно маркированными характеристиками семьи являются признаки социального происхождения, профессиональной деятельности семьи, которые определяются по мужчине. Биоморфный код концепта FAMILIE в количественном соотношении более презентативен в НД. Признаки, которые в большем количестве представлены в ПД, являются отражением актуальных моментов осмысления семьи в данный момент развития общества и культуры. Это следующие признаки: 'национальность' (актуальность межнациональных браков), 'сила/слабость', 'болезнь, самочувствие' (отражение актуальности проблематики межличностных взаимоотношений в семье и осмысления семьи как современной формы совместной жизни), 'мать-ворон' (проблемы работающих матерей). Их частотность свидетельствует об озабоченности общества по поводу данных аспектов семьи.

Признаки неживой природы объединяются в группы предметных признаков (самые частотные) и признаков вещества, продукта. Предметные признаки отражают представления немецкого этноса о групповом характере семьи через образ составного, делимого на части предмета. Объединение частей в единое целое (часто волею судьбы и случая) и составляет один из основных прагматических смыслов семьи для немецкого языкового сознания: *Aus den vom Schicksal zusammengewürfelten Fragmenten hat sich ein neues Ganzes gebildet* [10, с. 17]. Признак 'составной предмет' актуализирует яркие образные этноспецифичные метафоры: 'гарнитур', 'пазл', '(составная) подвижная конструкция': *Eltern-Kinder-Puzzle*; *Ich suche das passende Puzzle-Teil* [11, с. 112]; *Die Familie Kempowski, ich will mal so sagen, die gehörte nicht gerade zur allerersten Garnitur* (Kempowski, Zeit 29) [4]; *Das Familienmobile geriet aus dem Gleichgewicht* [10, с. 14]. Частотная метафора 'механизм' в описании концепта отражает главную суть работы любого механизма: нормально функционировать/быть сломанным: *Die Familie war offenkundig nicht intakt* (Schneider, Krise 157) [4]. Частотны имущественные признаки: *eine Familie haben*; *meine, deine, eigene Familie* [4]; признаки 'деформация / хрупкость / разрушение': *die Risse im traditionellen Modell der Familie* [7, с. 23]; *Was Hildegard ... zu schaffen macht, das ist der ... unaufhaltsam gewordene Zerfall der Familie* (Schreiber, Krise, 168) [4]. Количественный перевес предметных признаков в ПД обусловлен появлением новых концептуальных признаков, не выявленных в НД: признаки 'форма/модель/контуры', 'цвет', 'картина', 'сеть', 'подвижная конструкция', которые во многом являются элементами научного осмысления феномена семьи, проникающими в ПД: *die Palette möglicher Familien- und Lebensformen immer breiter wird* [6, с. 67]; *wechselnde Familienformen* [там же, с. 98]; *Soll man am traditionellen Bild der Familie festhalten?* [там же, с. 16].

Блок событийных признаков отражает взгляды немецкого этноса на семью как на определённый, протекающий в пространстве и времени этап в жизни человека, связанный с проживанием, сосуществованием с другими людьми. Семья концептуализируется, с одной стороны, как процесс, связанный с созданием семьи (Familiengründung), актуализирующий некий событийно-временной сценарий жизни человека: *Beruf, Heirat, das erste Kind, hießen früher die Stationen hin zur eigenen Familie* [13, с. 3]; с другой – как динамический процесс (Familienleben führen), связанный с протеканием совместной жизни членов семьи, актуализирующий признаки развития, циклов, этапов, фаз (начала, середины, завершения) семейной жизни: *Der Lebenszyklus einer Familie wird in folgenden Hauptphasen gesehen* [8, с. 88]; *Zu Beginn der Ehe tritt ferner leicht Angst auf* [9, с. 37]. Концепт актуализирует признак относительного времени, отражающийся в понятии «семейного времени» (Familienzeit), которое для представителей немецкого этноса несёт важные культурные смыслы – семья требует времени, совместно проводимое время сплачивает её членов, это гарантия успешного функционирования семьи: *Die*

Zauberformel für ein geglücktes Familienleben lautet: „*Mehr Zeit*“ [10, с. 68]. Признак времени в описании концепта отражает его социальный характер, фиксирует состояние межличностных отношений в той или иной семье: *Es gab Zeiten, da fühlte ich mich zu Hause wie ein Fremder* [16, с. 89]. Новые аспекты восприятия семьи в немецкой ЯКМ отражаются в переосмыслении признаков ‘длительность совместного проживания’, ‘брачный возраст’. Временной характер союзов – принцип „*Solange es gut geht*“, „*Bis auf weiteres*“ [6, с. 38] – становится определяющим признаком отношений между мужчиной и женщиной сегодня и вездесущий язык тут же предлагает вербальные средства их номинаций – семья как транзитная фаза в жизни человека, как *временная* общность людей, как процесс возобновляющийся: *Familie wird zur transitorischen Lebensphase, ja zur Teilzeitgemeinschaft* [6, с. 56]; *Wie viele gründen noch eine Familie, wie viele lassen es so bleiben, wie viele gründen mehrere Familie nacheinander* [6, с. 34]. Отмечается тенденция повышения реально-го брачного возраста и замедления, откладывания создания семьи: *Verzögerung der Familiengründung*. Идеал бюргерской семьи, который предписывал женщине временную последовательность этапов – сначала семья, а потом работа: *ein zeitliches Nacheinander von Familie und Beruf* [8, с. 166], сегодня трансформируется в новую временную формулу организации семейной жизни: *ein zeitliches Nebeneinander von Familie und Beruf* [8, с. 165]. Самый частотный образ для передачи несовместимости понятий «семья» и «работа», прежде всего, для женщины, связан в немецком языковом сознании с метафорой ‘шпагата’ (гимнастическая фигура): ... während dort, wo Beruf und Familie nur *im Spagat* unter einen Hut zu bekommen sind – in Spanien, Italien und Deutschland – der Nachwuchs fehlt [16, с. 30].

Продолжающиеся после развода семейные связи между родителями и детьми актуализируют темпоральные признаки с точки зрения осмысления временных отрезков совместного/раздельного существования членов семьи: *Trennungstage* – дни, когда члены семьи проживают отдельно от семьи; *Papa-Tage*; *Mama-Weekendtage* – дни, которые дети проводят вместе с папой или мамой; *Kindertag* – день общения разведённых родителей со своими детьми: *Bis heute hat Helmut einen „Kindertag“ pro Woche und verbringt manches Wochenende mit ihnen* [10, с. 79]. Соответственно номинируются и члены разведённой семьи, обозначения актуализируют временной аспект: *Alltags-Elternteil, Weekend-Elternteil; Weekendpapa gegen Alltagsmama* [10, с. 44]. Частотный признак ‘будущее семьи’ отражает озабоченность общества судьбами семьи как репродуктивной ячейки общества: *Im Zug in die Zukunft sitzen immer weniger Familien und immer weniger Kinder* [15, с. 88].

Пространственная репрезентация концепта самая объёмная как по содержанию, так и количественно. Концепт актуализируется, с одной стороны, как субъект, занимающий определённое место, пространство во внешнем мире, а с другой – как некое вместилище, внутреннее концептуальное пространство которого и нахождение семьи во внешнем пространстве (социу-

ме) структурируется целым рядом ориентационных оппозиций. Выделяются признаки социального пространства семьи, объективированные пространственными метафорами, и реляционные признаки, отражающие социальное взаимодействие внутри семьи.

Через ориентационные метафоры «верх-низ», «близко-далеко», «впереди-сзади», «рядом-около», «внутри-снаружи» осмысляются важные культурно значимые смыслы концепта, его социальный характер: кровное родство, степень родственной и духовной близости, социальные отношения в семейной группе, значимость концепта для немецкого этноса. Внутреннее пространство семьи конституируется социальным характером концепта, обуславливающим его восприятие как контаминацию трёх типов пространств: физического, метафизического и социального: *Alle diese genannten Elemente stellen einen Lebensraum dar, in dem Kinder aufwachsen und sich auf die vielfältigen Herausforderungen und Aufgaben des Lebens vorbereiten können* [6, с. 12]; *Niemand in der Familie besucht die Malklasse in der Volkshochschule (Fischer, Wohnungen 62)* [4]; *in der Familie herrscht wieder Frieden, Freude, Eierkuchen* [4]. Концепт FAMILIE актуализирует признаки закрытого, частного, ‘своего’ пространства: *Familie ist ein privater Raum, dem öffentlichen Blick und der öffentlichen Kontrolle entzogen* [13, с. 40], функционирование которого определяется механизмом социального взаимодействия его членов, межличностных (субъект-субъектных) отношений и чувственно-эмоциональной сферой: *Sicher ist jede Ehe und insbesondere jede Familie erfüllt von Schwierigkeiten, Belastungen und Krisen* [9, с. 10]. Этническое своеобразие восприятия супружеской неверности концептуализируется через выход из ‘своего’ пространства в ‘чужое’: *fremdgehen* (букв. ‘пойти к чужим’); *einen Seitensprung machen* (букв. ‘сделать прыжок в сторону’), из семьи можно выйти как из вагона поезда: *Ehe-Aussteiger* [14, с. 84].

Социальное пространство семьи репрезентируется через образы внешнего физического мира, которые аксиологически насыщены и несут оценку социальных аспектов семьи уже в самом имени пространственных реалий: глобальные образы мира: *Jeder von uns trägt den Wunsch in sich, die Familie möge eine heile Welt sein* [8, с. 13]; религиозно-мистические пространства *рая / Familienparadies* и *ада/Hölle*: *Wenn es aber schlecht geht, kann Familie auch zu einer bürgerlichen Hölle werden, die aus großer und zugleich unausweichlicher Nähe besteht* [13, с. 41]; дьявольский круг/Теуфелскreis: *Teufelskreise im Beziehungsalltag* [7, с. 12]; образы *больших* природных пространств: *im Feld der privaten Beziehungen* [6, с. 65]; *Die Landschaft des Familienlebens hat sich geöffnet...* [6, с. 26]. Самым устойчивым образом в концептуализации семьи является образ дома, универсальный символический эквивалент семьи. Дом как реальное физическое пространство, в котором обитает семья, на основе метонимического и метафорического переносов воспринимается и как социальное, и как метафизическое пространство. Образ дома попадает в контекст интерпретации семейных отношений и осмысляется как метафора, отражающая этническое мировидение: *es ist*

Qualm in der Küche/Bude; Feuer unter dem Dach haben; mit jmdm. um/über sieben Ecken verwandt sein [4]. Благодарственное изречение на стене дома, которое по традиции этноса украшало жилище, переосмысливается наивным сознанием в метафору семейных отношений, брака: bei jmdm. *hängt der Haussegen schief* (scherzh.; in jmds. Familie, Ehe hat es Streit gegeben, u. es herrscht noch eine gereizte Stimmung) [4].

Межличностные отношения в социальном пространстве семьи концептуализируются:

1) через признаки интерперсональных отношений членов семьи;

2) через чувственно-эмоциональную сферу, отражающую степень удовлетворённости / неудовлетворённости качеством социального взаимодействия в семье. Парадигму интерперсональных и чувственно-эмоциональных признаков, релевантных для успешного интерперсонального взаимодействия членов семьи и отражающих ценностные смыслы семьи для представителей немецкого этноса составляют такие признаки, как 'любовь', 'доверие', 'уважение', 'взаимопонимание', 'взаимопомощь', 'поддержка', 'верность', 'ответственность', 'сплочённость'.

В силу исторических, социально-экономических преобразований в обществе произошли изменения и переосмысление семейно-статусных ролей. Язык фиксирует эти изменения. Если в НД была обнаружена только одна номинация, актуализирующая признак социальных ролей в семье – *Hausfrauenehe*, то ПД отличает довольно большое количество НС, называющих источник содержания семьи, её функционирования, распределения социальных ролей в паре: *Doppel-Verdiener-Familie* (Paar), *Karriere-Paare*, *Familie des Hauptverdieners*, *Ernährer-Ehe*, *Familie mit Hausmann*, *Familie mit Tagesmutter*, das „Hotel-Mama“. Утверждаются и новые образцы распределения власти и ответственности в семье – демократизм, партнёрство, равноправие в семейных союзах.

Заключительный этап – исследование аксиологических характеристик концепта через анализ выраженных в языке отношений человека и общества к семье. Анализируются особенности актуализации концепта в НД и ПД на номинативном, понятийном и концептуальном уровнях на основе сопоставительных количественных и качественных характеристик данных инвариантов концептосфер.

Семья для человека в немецкой ЯКМ обладает большой ценностью, является важнейшим ориентиром в его жизненных планах и регулятором его поведения: *die Sorge für ihre Familie macht ihr Leben aus; ganz seiner Familie/für seine Familie leben* [4]. Семья воспринимается как объект заботы и ответственности, моральный и нравственный долг человека: *Was die traditionelle Familie an Zusammenhalt bietet, folgt ... häufig aus Pflicht, unter dem Druck von Gewissen, moralischem Zwang, sozialer Erwartung* [7, с. 101]. Положительная оценка семьи превалирует в сознании немецкого этноса, её значимость для человека в социальном аспекте актуализируется через признаки заботы, защиты, опоры, надёжности, уверенности, спасения от одиночества: *Familie! Menschen, auf die wir uns verlassen können. ... für über 80 % der Deutschen ist sie*

das bedeutendste Gut, das sie sich für ihr Leben wünschen – wichtiger noch als Beruf, Freunde oder Hobbys [12, с. 23]. Качество семьи для немца определяет его удовлетворённость жизнью в целом: *Ehe und Familie sind ein „Leitbild gelingenden Lebens“* [6, с. 14]. Негативное отношение к семье является, как правило, результатом нарушения межличностных отношений в семье. Отношение к родственникам человек членит по степени близости и участия в его жизни, дальние родственники осмысляются через негативные коннотации. Современные тенденции развития общества вызывают новые тенденции в восприятии семьи. Человек (особенно женщина) часто воспринимает семью как препятствие для профессиональной карьеры, самореализации личности, как потерю свободы: *Die junge Generation heute fragt sich, warum sie ihre Möglichkeit der Teilhabe an Freizeit, Mobilität und Konsum durch eine Familie mit Kindern einschränken sollte* [13, с. 41]. Индивидуализм как ведущая тенденция развития современного общества в последние десятилетия всё больше проникает в сферу семейных отношений и актуализируется через признаки страха, риска соединения в пару, сознательного отказа от детей: *Die Angst vor Bindung verhindert bei manchen, sich überhaupt in eine Paarbeziehung einzulassen* [9, с. 9].

В системе взаимодействия 'общество → семья' отражается значимость концепта *FAMILIE* как ключевой ценности немецкого этноса, актуализируются посессорные и объектные признаки концепта, отражающие заботу и заинтересованность общества в позитивном функционировании семьи. Понятие «*Familienfreundlichkeit*» (der Familie (als sozialer Gruppe) dienlich, ihr entgegenkommend, sie fördernd [4]) сегодня становится своеобразной национальной идеей, которая должна вывести страну из той демографической ямы, куда она попала: *Familienfreundlichkeit ist ein zentraler Standfaktor der Zukunft* [16, с. 91]. Отмечается консолидация государственных, политических, экономических и общественных сил в оказании помощи и содействия семье.

Один из способов концептуализации семьи в немецкой ЯКМ, репрезентирующий комплекс ценностных характеристик, – выражение концепта посредством метафоры и метонимии. Метафора выявляет как универсальные, сложившиеся в силу единства человеческого феномена и частичного совпадения объективной действительности, характерные для всех языков особенности, так и сугубо национальные черты. Культурно значимыми смыслами семьи для немецкого языкового сознания являются социальные аспекты этого явления: родство, степень родственной и духовной близости, социальные отношения в семейной группе, её сплочённость, общность, взаимопомощь, атмосфера защищённости и эмоционального комфорта. Наряду с универсальными для многих европейских культур метафорами семьи, передающими эти важные смыслы (метафорами гнезда, дома, дерева, круга, тихой пристани, нити и др.), выделены также образные этноспецифичные метафоры: 'Fels in der Brandung' (скала в прибое), 'das Mobile' (подвижная конструкция), 'die Garnitur' (гарнитур), 'das Puzzle' (пазл), 'die Falle' (западня), 'die Rabenmutter' (мать-

ворон), 'der Spagat' (гимнастическая фигура), 'Regenbogenfamilie' (семья-радуга) и др.

Деятельностные метафоры отражают представление немецкого этноса о семье как о сложном динамическом процессе, основу которого составляют различные виды деятельности, концептуализируемые в терминах пути, созидания, войны, экономического предприятия, игры, театра, государственной деятельности, школы и эксперимента. Концептуальные метафоры репрезентируют культурно значимые смыслы семьи: создание и функционирование гармоничной семьи – итог напряжённой созидательной деятельности, работы, совместных усилий всех членов этой малой социальной группы, успех семьи в её сплочённости, умении организовать функционирование семьи во внутреннем и внешнем социуме. Для ПД метафоры 'семья – игра', 'семья – экономическое предприятие' самые частотные, они отражают, с одной стороны, новые современные тенденции осмысления семьи, с другой, являются отражением традиционных для немцев ценностей: любви и стремления к порядку, отрицания стихийности и неуправляемости процессов, стремления упорядочить, отрегулировать, проконтролировать (игра, как известно, предусматривает правила, предприятие – чёткую организацию).

Сопоставительный анализ актуализации концепта FAMILIE в НД и ПД на различных аналитических уровнях демонстрирует их сходство (понятийное содержание, внешняя структура, наличие одинаковых типологических признаков) и различия (количественная представленность отдельных признаков, появление новых признаков в рамках выделенных блоков и групп признаков), что объясняется спецификой дискурсов, а также комплексом экстралингвистических факторов социально-экономического, политического и культурного развития общества, отражающихся в семантическом пространстве языка. Появление большого количества новых номинаций нуклеарной семьи в ПД отражает, с одной стороны, актуальность и релевантность данного типа семьи в данный период времени, с другой стороны, фиксирует направления переосмысления, изменений в восприятии семьи в современном языковом сознании представителей немецкой лингвокультуры. Переосмысление идёт в направлении отказа от традиционных параметров, конституирующих семью многие столетия, – брака, союза на всю жизнь, союза мужчины и женщины, их традиционных полосоциальных ролей в семье.

Литература

1. Brockhaus Enzyklopedie in 24 Bänden. Mannheim: F. A. Brockhaus, 1988. – Bd. 7. – 704 s.
2. Paul, H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 1130 s.
3. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarb. unter Leitung von Wolfgang Pfeifer. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989. – 262 s.
4. Duden. Das grosse Woerterbuch der deutschen Sprache – 2000. In zehn Baenden [elektronische Version]. – Mannheim, Wien, Zürich: Bibliographisches Institut Duden Verlag, 2000, Bd. 1 – 10.
5. Soziologie-Lexikon. – 4. Aufgabe. – R. Oldenbourg Verlag, München. Wien, 2000. – 378 s.
6. Beck-Gernsheim, E. Was kommt nach der Familie. – München: Beck, 2000. – 196 s.
7. Bossek, F. Wenn Paare auseinandergehen. Trennung ohne Verlierer. – München: Humboldt-Taschenbuchverlag Jacobi KG, 1997. – 125 s.
8. Patricia von Papstein, P. Hildegund Zimmermann-Seitz, H. So finden wir die Kinderbetreuung, die zu uns paßt. – ECON Taschenbuch Verlag GmbH, Düsseldorf und Wien, 1997. – 361 s.

Результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

Концепт FAMILIE относится к базовым концептам общечеловеческой и этнической, в частности, немецкой культуры. Выявленные в ходе исследования аксиологические характеристики концепта конституируют его как ключевую ценность немецкого этноса. Ценность концепта просматривается на всех аналитических уровнях его исследования.

В результате проведенного концептуального анализа было установлено, что концепт FAMILIE обладает сложной концептуальной структурой (внешней и внутренней). Выявленные в ходе исследования способы концептуализации немецкой семьи (номинативный инвентарь, словообразование/словосложение, синонимия, метафоризация, смысловая категоризация) отчасти универсальны, отчасти этноспецифичны. Большая часть признаков, формирующих структуру концепта FAMILIE, имеет в немецкой ЯКМ ярко выраженный социальный и оценочный характер, ориентирована на человека, его социальную сущность.

Самыми частотными новыми концептуальными признаками, отражающими появление новых смыслов в восприятии семьи в немецком языковом сознании, являются признаки: 'форма/модель', 'цвет', 'картина', 'хрупкость', 'подвижная конструкция', 'лоскутное одеяло', 'произведение искусств', 'растворимое вещество', 'возобновляющийся процесс', 'семейное время', 'будущее', 'изменения', 'страх', 'риск' и др. Своеобразие всех перечисленных способов концептуализации, большинство актуализируемых признаков концепта проявляется в ярко выраженной социальной сущности концепта.

В целом семья в немецком языковом сознании сохраняет свой традиционный статус как место, где есть родные люди, спаянность, защищённость, дом, любовь, ответственность, доверие и помощь. Решающим фактором в стремлении к созданию семьи, её сохранению являются факторы социального порядка, а не кровного родства. На смену экономико-правовому союзу, обеспечивающему передачу наследства, и институционально-правовому союзу как ячейке общества приходит новая и самая актуальная модель – das Paarsein (die Familie) zur Maximierung des persönlichen Glücks 'семья для максимизации личного счастья' [17, с. 65].

9. Willi, J. Die Zweierbeziehung / J. Willi. – Hamburg: Rowolt Taschenbuch Verlag, 2004. – 290 s.
10. ELTERN for family. Die Zeitschrift für alle Familien mit Kindern ab 5 Jahren. – 2005. – № 3.
11. Family. Das christliche Magazin für Partnerschaft und Familie. – 2006. – № 3. – Juni – August.
12. Frau im Leben. Das Frauenmagazin für Körper, Geist und Seele. – 2004. – № 7. – С. 22 – 24.
13. Fluter. Das Familien-Heft. Woher komme ich? – 2003. – № 6. – April.
14. Focus. Das moderne Nachrichtenmagazin. – 2006. – № 1. – 2. Januar.
15. Der Spiegel. Das deutsche Nachrichten-Magazin. – 2006. – № 10. – 6. März. – С. 85 – 88.
16. Stern. Das Nachrichtenmagazin. – 2005. – 9. Juni. – № 24.
17. Die Zeit. Die Wochenzeitung für Politik, Wirtschaft, Wissen und Kultur. – 2005. – № 41.

Информация об авторе:

Гунышова Галина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 89235100536, gunjaschowa@mail.ru.

Galina A. Gunyashova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

УДК 811.111-26

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТИПОЛОГИИ ЗНАЧЕНИЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО GREY / СЕРЫЙ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

М. В. Денисенко

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TYPOLOGY OF MEANINGS OF THE ADJECTIVE GREY / СЕРЫЙ ILLUSTRATED BY EXAMPLES FROM FICTION WORKS

M. V. Denisenko

В данной статье рассматривается типология значений многозначного слова, а также семантические структуры английского и русского прилагательных «серый». Сделав сопоставительный анализ значений интересующих нас прилагательных, взятых из отрывков художественных произведений, мы пришли к выводу, что, несмотря на немногочисленные случаи совпадения значений, в каждом языке есть отдельные значения этих прилагательных, присущие только данному языку.

The types of meaning of polysemantic word, semantic word structure of the English and Russian adjectives *grey* and *серый* are observed in this article. Having done the comparative analysis of the adjectives, illustrated by the examples from fiction works, we found out that only few meanings are similar and in each language there are some meanings that are only typical of it.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, семантическая структура слова, многозначное слово, значение, типы значений, прилагательное, серый.

Keywords: comparative analysis, semantic word structure, polysemantic word, meaning, types of meaning, adjective, grey.

Целью данной работы является изучение типологии значений и сопоставительный анализ значений русского прилагательного «серый» и его английского аналога. Семантика прилагательных является малоизученной и наиболее сложной темой для исследования. Это объясняется тем, что прилагательные не имеют собственной предметной отнесенности. Сочетаясь с существительными разных семантических групп, определенное прилагательное образует широкую и сложную структуру значений, многие из которых являются переносными. Мы согласны с В. В. Виноградовым в его утверждении, что «в каждом толковом словаре пропускаются сотни, если не тысячи живых значений слов и изобретается множество несуществующих значений» [10, с. 169].

В этой связи предполагается решение следующих задач:

- 1) изучить природу лексического значения слова как формы отражения действительности;
- 2) рассмотреть и описать типологию значений многозначного слова;
- 3) выявить и сопоставить значения русского прилагательного «серый» и английского прилагательного «grey» на примере художественных произведений русских и англоязычных авторов, выбранных произвольным образом.

В современном языке немало слов, которые имеют одно лексическое значение, устойчиво закрепленное за определенным звуковым комплексом. Эти слова противопоставляются другой группе слов, не менее обширной в современной лексике, словам многозначным или полисемантическим. Все значения при этом так или иначе между собой связаны, образуя довольно сложное семантическое единство, которое называется **семантической структурой слова**. Семантические

связи внутри многозначного слова организуют системность лексики, которая отчетливее всего проявляется на уровне одного слова. Учитывая, что характер внутрисловных семантических связей в языках не одинаков, можно считать многозначность одним из ярких признаков самобытной национальной лексики. В этом случае исследователи (в частности, Р. А. Будагов) говорят не просто о полисемии, а о ее законах: *"Многозначность слов естественных языков народов мира – это одна из важнейших особенностей их лексики, одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще. Именно поэтому следует говорить о законе многозначности слова, о законе лексической полисемии"* [6, с. 140]. Изучение этих законов дает, в частности, возможность активно использовать потенциальные свойства слова при переводе с одного языка на другой, т. е. при выявлении межъязыковых семантических соответствий.

Слово приобретает многозначность не сразу: иные значения появляются в процессе функционирования его в речи, затем становятся фактом языка, входят в его лексическую систему. В развитии разных значений, а затем в их утверждении существенна та речевая ситуация, в которую попадает слово, т. е. так называемая семантическая позиция. Роль контекста в данном случае не является основной: он лишь определяет, обуславливает реализацию значения слова, которое, по мнению В. В. Виноградова, *"вне зависимости от его данного употребления ... присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность"* [9, с. 21].

На процесс развития значения слова большое влияние оказывают и внеязыковые причины (социальные, общественно-политические, культурно-исторические, научно-технические и т. д.). Иногда новое значение возникает в результате переноса названия. И в этом случае разные значения возникают по-разному. Это зависит от многих причин, в частности от того, какой признак положен в основу переноса названия, каковы границы переноса (расширение, сужение).

Природа лексического значения, пути его возникновения, разнообразные способы семантического обновления слова благоприятствуют развитию всей лексической системы языка, являются важнейшим условием его функционирования и (по словам В. И. Абаева) одним из *"ярких проявлений творческого начала в языке. Это и чудесный дар обобщения, составляющий основу научного познания; это и блеск метафор с их образно-поэтическим осознанием действительности; это – и причудливая игра мысли, раскрывающая в слове все новые и новые потенции выразительности"* [1, с. 138].

Вместе с тем способность слова иметь не одно, а несколько значений узуального характера, а также возможность появления окказиональных значений создает немало затруднений. Они нередки в практике перевода. Вот что пишет Я. И. Рецкер: *"Никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить все разнообразие сочетаний слов. Поэтому теория*

перевода может лишь устанавливать функциональные соответствия, учитывающие зависимость передачи смысловых категорий от действия различных факторов. Этот принцип действителен и при определении контекстуальных значений, и при осуществлении различных лексических трансформаций" [21, с. 9], к числу которых относятся и способы развития значений в семантической структуре одного слова. Многозначность – свойство именно одного слова иметь несколько значений, ассоциативно связанных между собой и образующих сложное семантическое единство, элементы которого по тем или иным признакам оказываются близкими друг другу. Многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотносительных с одной лексемой.

Набор всех возможных лексико-семантических вариантов образует внутрисловную **семантическую парадигму** слова, называемую **семантической структурой** многозначного слова. Каждое отдельное значение слова связано с другими значениями теми или иными общими семами и в то же самое время отличается от любого из них уникальностью своей семной структуры, составом тех компонентов, из которых складывается его содержание. Это и обуславливает то, что отдельные значения, будучи особыми семантическими единицами, являются вариантами одного слова. В рамках семантической парадигмы лексико-семантические варианты с одной стороны связаны друг с другом, с другой – противопоставлены друг другу.

В словарях мы часто встречаемся с тем, что семантические парадигмы одних и тех же многозначных слов описываются по-разному, т. е. выделяется неодинаковое количество значений. Такое несовпадение отчасти обусловлено фактором лексикографическим, различием в типах словарей, но основная причина различий в трактовке многозначных слов в словарях заключается в "диффузности" отдельных значений, в том, что эти значения связаны друг с другом тонкими взаимопереходами, границы между ними нечетки и размыты. Поэтому в практике лексикографии недостаточным оказывается разграничение отдельных значений, в ней пользуются понятием разновидности значения.

Определение понятия лексического значения слова – это одна из самых неоднозначных и спорных проблем в теории языка. Этот вопрос широко освещался в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, но до сих пор не получил однозначного ответа.

Р. А. Будагов отмечает: «Значение слова – это исторически образовавшаяся связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании» [7, с. 22].

Д. Н. Шмелев определяет значение слова как «особую языковую форму отражения действительности, и как отношение между звуковым комплексом и понятием, и как отнесенность звукового комплекса к явлениям действительности» [28, с. 126].

А. И. Смирницкий трактует значение слова следующим образом: «Значение слова есть известное

отображение предмета, явления или отношения в сознании, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [24, с. 149].

В. В. Виноградов пишет: «Под лексическим значением слова обычно разумеют его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка. Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных "кусочков действительности", между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь» [10, с. 169].

Т. И. Арбекова рассматривает значение как «закрепленное за данной звуковой формой обусловленное системой данного языка мыслительное содержание, общее для данного языкового коллектива» [3, с. 52].

Нами под термином «значение» понимается содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении, присущее данному языковому коллективу.

В отечественном языкознании одна из первых типологий значений принадлежит В. В. Виноградову. Количество типов лексических значений и принципы их выделения отличаются у разных авторов, например, В. В. Виноградова [10, с. 162 – 189], А. А. Уфимцевой [26, с. 27], Т. И. Арбековой [3, с. 52], А. А. Гируцкого [11, с. 80 – 81]. Опираясь в большей степени на мнение А. А. Уфимцевой и А. А. Гируцкого, также приняв во внимание то, что отдельные значения слов различаются во многих отношениях, мы считаем, что типология значений может строиться по следующим основаниям, которые сводятся в ряд противопоставлений.

I. Основные и неосновные (производные, вторичные) значения

Семантические варианты многозначного слова определенным образом организованы в рамках внутрисловной парадигмы. Ядром или центром является основное или первичное значение, вокруг которого образуются все остальные значения, называемые неосновными значениями или вторичными. Главным признаком, по которому основные значения отграничиваются от неосновных, является минимальная зависимость этих значений от контекста. Кроме того, основные значения характеризуются как наиболее частотные, превышающие встречаемость любого варианта неосновного значения.

Неосновные значения слов могут быть противопоставлены основному, прежде всего, как значения, обусловленные контекстом, присутствие которого для реализации неосновного значения является необходимым.

Неосновные значения, как правило, бывают менее частотными, чем основные. Если же по каким-либо причинам одно из неосновных значений приобретает широкую употребительность, это может привести к изменению роли этого значения в семантической парадигме вплоть до замещения им позиции основного значения, которое переходит на положение неосновного, менее употребительного.

II. Свободные и связанные (несвободные, структурно-ограниченные) значения (связаны с синтагматическими особенностями их реализации).

Эти значения зависят от характера типового контекста, который может быть широким (не специализированным) или узким (специализированным в той или иной степени).

III. Прямое и переносное значения

Их различие зависит от наличия или отсутствия в значениях внутренней семантической двуплановости, создающей основу образности переносных значений. Данное разграничение в известной степени соотносено с разграничением основных и неосновных значений, поскольку всякое переносное значение является семантически производным, вторичным, т. е. неосновным.

По своему содержанию переносные значения бывают очень специфическими, во многих из них отсутствуют какие-либо компоненты, общие с основным значением. По мнению Д. Н. Шмелева, в толковании основных и переносных значений нет даже каких-либо общих слов, которые бы указывали на возможную связь значений. Эта связь основана на ассоциациях, обусловленных представлением о тех или иных предметах, понятиях [28, с. 127]. Именно ассоциативный характер переносных значений и делает их разными средствами. В контексте произведений можно говорить о коннотации, коннотативных оттенках значения, которые основываются в том числе и на ассоциации.

IV. Нейтральные и стилистически-маркированные (эмоционально-оценочные) значения

Их разграничение зависит от наличия или отсутствия в них дополнительных смыслов, которые не входят в понятийную часть содержания и имеют характер эмоциональных, стилистических и других "добавок". Значения, лишённые "добавок", являются нейтральными; значения, в которых они присутствуют, – стилистически маркированными (это присуще как основным, так и неосновным значениям слов).

Существует еще одна характеристика значений, которая имеет внутрисистемный характер, т. к. не может быть выявлена без сопоставления с другими словами. Эта характеристика касается преимущественно неосновных значений и выражается в том, что в неосновных значениях эти слова часто становятся синонимами других слов в основных значениях. Такие значения слов можно назвать пересекающимися или синонимичными. Наряду с пересекающимися неосновными значениями в многозначных словах имеют место и непересекающиеся неосновные значения, ко-

торые являются единственными обозначениями тех или иных явлений.

Рассмотренные характеристики значений слов показывают, насколько широк и разнообразен их набор и как органически связаны характеристики между собой.

Однако, как уже было сказано раньше, никакой словарь не может вместить всего богатства оттенков значений того или иного слова. Все эти неосновные значения, переносные, основанные на ассоциациях, коннотативные оттенки значений в полной мере раскрываются именно в контексте при употреблении данного слова. И нас в данном случае интересуют все возможные значения прилагательного **grey/gray** и **серый**, которые мы смогли найти в художественных произведениях. Попробуем выявить, проанализировать и сравнить эти значения. Общий корпус примеров составил 278 употреблений.

В одной из своих работ [15] мы уже обращались к словарным статьям, описывающим значения прилагательного **grey/gray** и **серый**. Мы выявили следующее. В словаре Мюллера дается 5 значений прилагательного **grey**:

- 1) *серый*;
- 2) *седой*;
- 3) *бледный, болезненный*;
- 4) *пасмурный, сумрачный*;
- 5) *мрачный, невеселый*.

Также **grey** используется для передачи масти лошади [19, с. 316].

В словаре, составленном А. И. Смирницким, прилагательное **серый** при переводе на английский язык используется в значении собственно *цвета* (в том числе масти лошади), а также в переносных значениях: *бесцветный, неинтересный, необразованный, пасмурный, мрачный*. В 19 веке **серый** употреблялся в значении *дикий* [22, с. 576].

Теперь рассмотрим внутреннюю структуру семантической парадигмы английского прилагательного **grey** на примере литературных произведений. Она включает в себя гораздо больше значений, нежели в словаре. Из рассмотренных примеров мы выделили 15 значений.

1. Серый цвет, полученный из смешения белого и черного; цвет свинца, пепла, дождливых облаков – grey eyes.

The grey Monster (<u>серый</u> монстр) Ennied of Sunday – in London had vanished.	Richard Aldington. "Death of a hero".

2. Серый, землистого цвета; бледный – to turn grey.

And that man's face was grey (лицо человека было <u>бледным</u>).	Oscar Wilde. "The Ballad of Reading Gaol".

3. Пасмурный – a grey day, grey sky.

The grey sky (<u>пасмурное</u> небо) made her sick.	Somerset Maugham. "Theatre".

4. Сумрачный – grey light.

There is the twilight cold and gray , Lifeless, but beautiful he lay (<u>сумрачный</u>).	Henry Wadsworth Longfellow. "Excelsior!"

5. Мрачный, безрадостный – grey thoughts.

This gorgeous fiery-coloured world of ours Seems fallen into ashes dull and grey (<u>мрачный</u>).	Oscar Wilde. "To Milton".

6. Унылый, скучный – life seems grey and joyless.

Under the guilt's many colors, gray With the dull ending of the winter day (<u>унылый</u> зимний день).	Randall Jarrell. "The Orient Express".

7. Седой – grey hair (to turn grey).

As the long train ... and the gray-haired man ... (<u>седовласый</u> человек).	William Cullen Bryant. "Thanatopsis".

8. Старый – grey-headed (to grow grey).

"Shoot, if you must, this old gray head " (<u>стреляйте в седую</u> голову).	John Greenleaf Whittier. "Barbara Frietich".

9. Стальной – steel grey.

The old lady's round, steel grey eyes... (круглые, стального цвета глаза старой леди...)	Galsworthy J. "The Forsyte Saga. Book One. The Man of Property".

10. Неопределенный, нерешительный.

Glazing the pale hair, the duplicate gray standard faces (неопределенные лица).	Theodore Roethke. "Dolor".

11. Непонятный – grey area.

I saw that the world That had seemed to me the plain Gray mask of all that was strange Behind it - of all that was – was all (мир казался мне <u>непонятной</u> маской всего...).	Randall Jarrell. "The Orient Express".

12. Лошадь серой масти – grey horse.

... after seeing him drive his greys up to the door... (подкатил к дверям на своей <u>серой упряжке</u> ...)	Galsworthy J. "The Forsyte Saga. Book One. The Man of Property".

13. Дикий (зоологич.) – grey goose.

Grey doves (<u>дикие</u> голуби) from the officious tower illsped.	John Crowe Ransom. "The Equilibrists".

14. Глянцевый, серебристый – lustrous grey, silver-grey.

Down fringed by the grey-silver sea (<u>серебристое</u> море).	Richard Aldington. "Death of a Hero".

15. Мышиный

He walked among a Trial men In a suit of Shabby grey (одет в <u>мышиный</u> цвет).	Oscar Wilde. "Ballad of Reading Gaol".

Обратимся к рассмотрению внутренней структуры русского прилагательного **серый**. Из рассмотренных примеров мы случайным образом также выделили 15 значений, где многие имеют переносное значение.

1. Серый как цвет, получаемый из смешения черного и белого – серые глаза.

Попадались вытянутые по шнурку деревни, ... покрытые <u>серыми</u> крышами...	Н. В. Гоголь. "Мертвые души".

2. Бледный (о цвете лица, коже человека) вследствие нездоровья, волнения, испуга, напряжения.

Серое <u>бескровное</u> лицо с черной бородой и сложенные на груди руки говорили о близкой смерти.	В. Ян. "Чингиз-хан".

3. Названия животных с шерстью такого цвета.

У подъезда стояла великолепная пара <u>серых</u> , запряженных в коляску.	М. Е. Салтыков-Щедрин. "В среде умеренности и аккуратности".

4. Свинцовый

Его выцветший чапан <u>свинцового</u> цвета пахнет пылью и солнцем.	М. Т. Байджиев. "Жил-был серый скакун".

5. Пасмурный (о погоде, небе, времени дня, суток).

День был сырой и <u>серый</u> .	В. Устинова. "Мокрый снег".

6. Сумеречный.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское <u>серое</u> небо.	Н. В. Гоголь. "Нос".
Он ... гуляет в праздничный день, под вечер, ... Время <u>серенькое</u> ...	Ф. М. Достоевский. "Преступление и наказание".

7. Ничем не примечательный, посредственный.

И так тянулось из дня в день <u>серое</u> , мелочное <u>существование</u> .	А. И. Kuprin. "На покое".

8. Бесцветный, неинтересный (отсутствие живых, своеобразных особенностей; о произведении, мыслях, словах, плодах человеческой деятельности), обыденный.

Живопись Поленова явилась чем-то совершенно новым на <u>сероватом</u> , тусклом фоне тогдашней живописи.	А. Головин. "Встречи и впечатления".

9. Скучный.

Неяркое, бледное письмо способно сделать <u>серым</u> и <u>тусклым</u> даже выдающееся явление жизни.	П. А. Павленко. "Писатель и жизнь".

10. Необразованный, некультурный (неодобрительная оценка, имеющая усилительное значение: совершенно нет необходимых знаний).

Вы здесь все ученые, а я – <u>серый</u> .	В. Беляев. "Старая крепость".
Человек я <u>серый</u> , <u>неученый</u> , как есть неотесанная деревенщина.	П. И. Мельников-Печерский. "В лесах".

11. Грязный.

... из голубого превратившийся в <u>грязно-серый</u> тал-лиф...	М. А. Булгаков. "Мастер и Маргарита".

12. Дикий (употреблялось в XIX веке).

...посреди деревни виднелся деревянный дом с мезо-нином, красной крышей и темно- <u>серыми</u> или, лучше, <u>дикими</u> стенами.	Н. В. Гоголь. "Мертвые души".

13. Пепельный

В знойном, добела раскаленном поднебесье целыми днями метался <u>пепельно-серый</u> канюк ...	Ф. А. Абрамов. "Пряслины. Братья и сестры".

14. Пыльный

... и была на столе чернильница, <u>серая</u> от <u>пыли</u> .	А. П. Чехов. "Дама с собачкой".

15. Солдатский

Весь пол был обтянут <u>серым солдатским</u> сукном...	А. П. Чехов. "Дама с собачкой".
... закутанный в <u>серое</u> солдатское пальто...	Ф. М. Достоевский. "Преступление и наказание".

В рассмотренных нами значениях и употреблениях английского прилагательного **grey** и русского **серый** можно отметить, что некоторые из них дублируют друг друга. Например, grey day – пасмурный серый день; grey life – серая, скучная жизнь; grey face – бледное, серое лицо.

GREY	СЕРЫЙ
Серый цвет – смешение черного и белого	Серый цвет – смешение черного и белого
Бледный	Бледный
Пасмурный	Пасмурный
Унылый, скучный	Скучный
Лошадь серой масти	Названия животных

Есть, однако, отдельные случаи, присущие только одному из прилагательных, или только английскому, или только русскому. Но все же некоторые из значений могут пересекаться друг с другом.

GREY	СЕРЫЙ
Сумрачный	Сумеречный
Мрачный	Посредственный
Седой	Необразованный
Старый	Бесцветный, неинтересный
Стальной	Свинцовый
Неопределенный, нерешительный	Грязный
Непонятный	Дикий
Дикий (зоолог.)	Пепельный
Глянцевый, серебристый	Пыльный
Мышиный	Солдатский

Таким образом, рассмотрев типологию значений, где значения выделяются по своей противоположности, мы выяснили, что отдельные значения связаны друг с другом тонкими взаимосвязями, границы между которыми нечетки и размыты. Коннотативные оттенки значений представляют не только лингвострановедческий интерес, но и практический, т. к. одно и то же явление может оцениваться по-разному или с различными оттенками.

Выяснив, что в разных словарях многозначные слова описываются по-разному, т. е. выделяется неодинаковое количество значений, и, сделав сопоставительный анализ семантической структуры английского и русского прилагательных, мы обнаружили многочисленные случаи несовпадения значений.

В результате мы пришли к выводу, что такие одинаковые прилагательные **grey/gray** и **серый** на самом деле абсолютно разные, и в каждом языке существует своя трактовка значений, где количество совпадений не слишком велико. В прилагаемой таблице видно, что из всех значений, взятых нами из примеров художественной литературы, в обоих языках совпадают только пять. Также мы выяснили, что в каждом языке есть значения прилагательных **grey/gray** и **серый**, присущие только данному языку, что обусловлено системой данного языка в данном языковом коллективе. Кроме того, мы уверены в том, что если рассмотреть большее количество примеров употреблений исследуемых прилагательных, обязательно появятся другие разновидности значений.

Литература

1. Абаев, В. И. Языкознание – общественная наука / В. И. Абаев // Русская речь. – 1971. – № 5.
2. Абрамов, Ф. А. Пряслины. Братья и сестры / Ф. А. Абрамов. – Режим доступа: <http://www.e-kniga.ru/Abramov/bratia10.html>
3. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка (практический курс) / Т. И. Арбекова. – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
4. Байджиев, М. Т. Жил-был серый скакун / М. Т. Байджиев. – Режим доступа: <http://literatura.kg/articles/?aid=1443>
5. Беляев, В. П. Старая крепость: трилогия / В. П. Беляев. – М.: Воениздат, 1986. – 446 с.
6. Будагов, Р. А. Закон многозначности слова / Р. А. Будагов // Русская речь. – 1972. – № 3.
7. Будагов, Р. А. Категория значения в разных направлениях современного языкознания / Р. А. Будагов // ВЯ. – 1974. – № 4.
8. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита: роман / М. А. Булгаков. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1987. – 137 с.
9. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.
10. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – 312 с.
11. Гируцкий, А. А. Введение в языкознание: учеб. пособие / А. А. Гируцкий. – 2-е изд., стер. – Минск: ТетраСистемс, 2003. – 288 с.
12. Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – М.: Советская Россия, 1980. – 400 с.
13. Гоголь, Н. В. Нос / Н. В. Гоголь. – М.: Рипол Классик, 2010. – 40 с.
14. Головин, А. Я. Встречи и впечатления / А. Я. Головин. – М.: Искусство, 1940. – 180 с.
15. Денисенко, М. В. Сопоставительный анализ перевода на английский язык прилагательного «серый» в Мертвых душах Н. В. Гоголя / М. В. Денисенко. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/41/4970/>
16. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание: роман / Ф. М. Достоевский. – М.: ЭКСМО, 2006. – 592 с.
17. Куприн, А. На покое / А. Куприн. – М.: Вагриус, 2002. – 176 с.
18. Мельников-Печерский, П. И. В лесах / П. И. Мельников-Печерский. – М.: Художественная литература, 1976. – 581 с.
19. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь: 53000 слов. – 23-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1992. – 844 с.
20. Павленко, П. А. Писатель и жизнь: статьи, воспоминания, из записных книжек, письма / П. А. Павленко. – М.: Сов. писатель, 1955. – 368 с.
21. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
22. Русско-английский словарь: ок. 55000 слов. С приложением кратких сведений по английской грамматике и орфоэпии / сост. А. И. Смирницким, О. С. Ахманова [и др.]; под общ. рук. А. И. Смирницкого. – 15-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 768 с.
23. Салтыков-Щедрин, М. Е. В среде умеренности и аккуратности // Собр. соч.: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Художественная литература, 1971. – Т. 12. – 752 с.
24. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит. на иностранных языках, 1956. – 260 с.
25. Устинова, В. Мокрый снег: рассказы / В. Устинова. – Рига: Латгиз, 1962. – 142 с.
26. Уфимцева, А. А. Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

27. Чехов, А. Дама с собачкой / А. Чехов. – М.: АСТ, 2010. – 240 с.
28. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература» / Д. Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 336 с.
29. Ян, В. Чингиз-хан / В. Ян. – М.: Прогресс, 1978. – 454 с.
30. Aldington, R. Death of a hero / R. Aldington. – М.: Высшая школа, 1985. – 350 с.
31. American verse in Russian translation. XIX – XX centuries. – М.: Радуга, 1983. – 667 с.
32. English verse in Russian translation. – М.: Прогресс, 1981. – 686 с.
33. Frost, R. Poems / R. Frost. – М.: Радуга, 1986. – 431 с.
34. Galsworthy, J. The Forsyte Saga. Book One. The Man of Property / J. Galsworthy. – М.: Прогресс, 1974. – 383 с.
35. Somerset, M. Theatre / M. Somerset. – М.: Высшая школа, 1985. – 223 с.
36. Wilde, O. Poems / O. Wilde. – М.: Республика, 1993. – Т. 1. – 557 с.; Т. 2. – 542 с.

Информация об авторе:

Денисенко Марина Валерьевна – соискатель, доцент кафедры иностранных языков КемГУКИ., 8-908-949-7690; denisenko.mv@mail.ru.

Marina V. Denisenko – Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Kemerovo State University of Culture and Arts.

УДК 81

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ПАРОДИРОВАНИЯ ДЕТЕКТИВНОГО ДИСКУРСА

Г. А. Завьялова

PRECEDENT TEXT AS A MEANS OF PARODYING DETECTIVE DISCOURSE

G. A. Zavyalova

В статье на материале пьес Б. Акунина «Гамлет» и «Чайка» анализируется переосмысление литературного мифа с точки зрения детективного дискурса, при этом тексты-интерпретации представляют собой поле для авторской игры как с прецедентными текстами, так и с прецедентными дискурсами.

In the article on the basis of the plays *Hamlet* and *Seagull* by B. Akunin the reinterpretation of a literary myth is analysed through detective discourse, texts-interpretations being the field for the author's play both with precedent texts and precedent discourses.

Ключевые слова: прецедентный текст, пародия, литературный миф, детективный дискурс, интерпретация, постмодернизм.

Keywords: precedent text, parody, literary myth, detective discourse, interpretation, postmodernism.

В классическом детективе правилами игры являются законы жанра, тогда как в детективе постмодерна правила нарушаются, проявляются явные признаки эклектизма. Классический детектив можно рассматривать как прототипическую модель постмодернистского детектива. Постмодернистский детектив строится на основе классического, берет основные черты своего прототипа, но выходит за его рамки, размывает границы жанра, превращает его из способа видения в объект игры.

Если в классическом и модернистском детективе истинная картина событий существует, то детектив постмодернистский представляет собой «коллаж интерпретаций, где каждая в равной степени может претендовать на онтологизацию, – при условии программного отказа от исходно заданной онтологии событий и от так называемой *правильной* их интерпретации» [5, с. 149]. Таким образом, постмодернизм отказывается от традиций жанра, предлагая вместо объективной картины событий различные варианты интерпретаций.

Такие разновидности игры со смыслом, как коллаж и пастиш, являются результатом столкновения смыслов. При этом под коллажем понимается способ организации художественного текста посредством соединения разнородных частей (текстов), тогда как пастиш – это такой способ соотношения текстов, стилей или жанров между собой, при котором наблюдается отсутствие каких-либо стилистических или аксиологических приоритетов. Пастиш имеет сходство с пародией, но отличается от нее нейтральной окраской, отсутствием негативной оценки и какой-либо альтернативы пародируемому [5, с. 149]. Пастиш, следовательно, нивелирует старый канон, но новый не создает. Н. Пьеге-Гро отмечает, что в основе пародии лежит трансформация текста, при этом изменяется сюжет, но сохраняется стиль, а стилизация или пастиш имитирует авторский стиль, тем самым снижая его, но исходный текст не подвергается искажению [6].

Наиболее благоприятной средой для постмодернистских стилизаций и пародий становятся универсально прецедентные, или «сильные» тексты, т. к. в

них актуализируются литературные мифы. «Усиленными» или «сильными» текстами В. Н. Топоров называет художественные и некоторые виды религиозно-философских и мистических текстов, рассматривая главным образом тексты, описывающие мифопоэтическое пространство [8, с. 227 – 285]. Особенность литературных мифов заключается в том, что, «представляя собой культурный фонд, запечатленный в глубине коллективной памяти, они препятствуют любому однозначному определению их собственного смысла и всегда выходят за пределы тех значений, которыми их наделяет каждая эпоха; поэтому никакая конкретная исторически обусловленная интерпретация не в состоянии их исчерпать, и они всегда сохраняют предрасположенность к тому смыслу, который в них вкладывается в том или ином произведении» [6, с. 127].

Однако, тяготея к одному смыслу, литературные мифы «обрастают» новыми смыслами, которыми их наделяют авторы-интерпретаторы, поскольку автор-интерпретатор – это тоже читатель текста, пропускающий прецедентный текст через призму своего мировоззрения.

Идиостиль Б. Акунина, автора многочисленных детективных и приключенческих романов, характеризует высокая степень прецедентной плотности его текстов, что нередко усложняет возможность их адекватной интерпретации и требует глубокой междисциплинарной компетенции читателя. По утверждению О. Исаковой, популярность текстов Акунина, «которая переносит их из поля стилистически сложной пародии в сферу популярной литературы», свидетельствует о тенденции постмодернизма к уравниванию элитных и массовых продуктов культуры [4, с. 53]. Произведения строятся на игре с классическими текстами, игре со стилями и жанрами. Так, в интерпретациях пьес А. Чехова «Чайка» и У. Шекспира «Гамлет» можно наблюдать не только игру «в классики» с известными текстами, но и пародирование некоторых жанров современной литературы, дискурса СМИ и т. д. Сами же тексты классических произведений выступают в качестве средства пародирования не каких-то конкретных текстов, но совокупности текстов, характеризующихся фиксированной композицией и высокой степенью клишированности языка, – так называемых прецедентных жанров. Понятие прецедентных жанров было введено Г. Г. Слышкиным для обозначения корпуса текстов, «обладающих сюжетно-композиционным и языковым сходством», легко узнаваемых и представляющих ценностную значимость для определенной языковой группы [7, с. 42]. В нашей работе мы можем говорить о прецедентном детективном дискурсе как более широком понятии, включающем в себя детективный жанр. Как утверждает Слышкин, тот факт, что текст становится объектом пародирования, говорит о его прецедентности. Следовательно, пародируемость дискурса является также признаком его прецедентности.

И. А. Дудина под детективным дискурсом понимает одну из разновидностей личностно-ориентированного дискурса, направленного на художественное общение и представляет его в виде схемы: «писатель – художественное расследование – чита-

тель – развлечение» [3]. Развлечение выступает в качестве основной функции детективного дискурса, поэтому игра становится ключевым фактором организации всех уровней детективного текста. Разграничивая понятия «детективный дискурс» и «детективный жанр», следует особо подчеркнуть процессуальный характер дискурса – это коммуникативное взаимодействие, процесс порождения и восприятия детективного текста. Следовательно, обращаясь к детективному дискурсу, мы имеем возможность исследовать когнитивные механизмы функционирования прецедентных феноменов в процессе порождения и восприятия текста.

Тексты Б. Акунина «Чайка» и «Гамлет» являются продолжением одноименных текстов-оригиналов. Продолжение, по Г. Г. Слышкину, это один из видов текстовой реминисценции, где автор развивает или переосмысливает художественный мир другого текста в противоположность «творению» как созданию собственного мира [7, с. 40]. Неслучаен подзаголовок пьесы Б. Акунина «Гамлет» – Версия. Версия, интерпретация – ключевые слова в понимании многих текстов Акунина. Пьеса Акунина «Гамлет» – это версия, вариация шекспировской трагедии. «Чайка» Акунина является детективным продолжением пьесы Чехова, построенной в виде серии дублей, каждый из которых представляет одну из возможных версий совершения убийства Треплева (в пьесе Акунина Треплев убит кем-то из персонажей). В обеих версиях классические тексты вписываются автором в детективный фрейм (в «Чайке» происходит расследование убийства Треплева, в «Гамлете» на первый план выступает не выяснение деталей убийства отца Гамлета, а козни сторонника норвежского короля Фортинбраса – Горация, которые раскрываются в последней сцене пьесы), и в обеих пьесах присутствует ставший легендарным персонаж многих акунинских романов Фон Дорн, играющий роль сыщика в «Чайке» (врач Дорн) и друга Гамлета в одноименной пьесе (Гораций). Комический эффект создается автором-интерпретатором путем столкновения контрастных концептов – прецедентного текста и прецедентного дискурса, «высокого» (пьеса У. Шекспира или А. Чехова) и «низкого» (детектив), при этом концепты прецедентных текстов помещаются в новый, совершенно не свойственный им контекст. Кроме того, в случае, если речь идет об универсально прецедентном тексте, авторитетность которого очень высока, стереотипное представление о нем формируется у носителей культуры до непосредственного знакомства с текстом. Такое представление может повлиять как на оценочную, так и на понятийную и образную составляющие концепта прецедентного текста [7, с. 82]. В качестве примера Г. Г. Слышкин приводит трагедию У. Шекспира «Гамлет», отмечая, что в коллективной памяти Гамлет является олицетворением трагического персонажа, в связи с чем его тучность, обычно не ассоциируемая с трагичностью, игнорируется читателем [7, с. 82]. Нас же в данном случае интересует тот факт, что Акунин, сталкивая «высокое» и «низкое», изменяет оценочную составляющую концепта прецедентного имени «Гамлет», наделяет его такими характеристиками как трусость, ограниченность, конформизм.

Акунин развивает сюжетные линии трагедии Шекспира в детективном жанре, сохранив фабулу первоисточника. Гораций Фон Дорн, называющий себя исследователем человеческой натуры, приезжает в столицу Дании и помогает принцу Гамлету выяснить, кто виновен в смерти его отца. Появление призрака, убийство Гамлетом Полония, гибель Офелии, постановка пьесы-ловушки, дуэль Гамлета с Лаэртом – все сюжетные линии сохранены, однако, события в пьесе Акунина подстроены Горацием, который печется об интересах пославшего его в Данию «норвежца» Фортинбраса с целью освобождения датского трона для короля Норвегии. И герои трагедии – всего лишь куклы в руках Горация, их образы, клишированные и гротескные, напоминают рисунки из юмористических журналов, язык беден (за исключением Горация, чей образ заметно выделяется на фоне плоских раскрашенных фигур остальных персонажей). Гамлета мучает не вопрос о смысле жизни, а скорее скука. В знаменитом монологе «Быть или не быть» Гамлет предстает трусливым конформистом, скучающим, нерешительным, боящимся выделиться из толпы:

*Есть многое на свете, что не снилось
Ученым умникам – Гораций так сказал.
Он сам из умников, ему виднее,
Но я-то, я-то здесь зачем?
Когда не явится полночное виденье,
Я буду чувствовать себя болваном полным,
А если явится, то Гамлету конец,
Беспечному юнцу и сумасброду.
Нетрудно жить, когда не видишь смысла
В потоке суток, месяцев и лет,
Тебя влекущем к смертному пределу.
Родился, пожил, умер, позабыт.
И что с того? Был Гамлет - и не стало.
Быть или не быть, сегодня или вчера
Быть перестать - ей-богу, все едино.
Как жизнь скучна, когда боренья нет,
И так грустна, а ты все ждешь,
Что ты когда-нибудь умрешь* [1, с. 71].

В этом монологе Акунин использует технику цитата, соединяя два прецедентных высказывания одной ритмико-синтаксической группы. Одно из них – это измененная начальная строка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Так жизнь скучна, когда боренья нет», а другое – измененные строки из песни К. Никольского «Кто виноват»: «И чья вина, что ты один, и жизнь одна и так длинна, и так скучна, А ты все ждешь, что ты когда-нибудь умрешь...». Эта двойная цитата усиливает пародийное начало пьесы, трагедия превращается в фарс, а трагический герой – в кривляющуюся марионетку. Появление и исчезновение призрака не обходится без дешевых спецэффектов, позаимствованных из бульварных романов или приключенческих фильмов:

Из яркого, слепящего света появляется силуэт рыцаря. Гамлет с криком шарахается [1, с. 72].

Раздается громкий крик петуха. Яркий свет меркнет, силуэт Призрака постепенно тает в темноте [1, с. 73].

Если в шекспировской трагедии, услышав новость о гибели Офелии, Гамлет восклицает:

Её любил я. Сорок тысяч братьев

*Всем множеством своей любви со мною
Не уравнились бы ...* [10, с. 353],

то в версии Акунина он не перестает кривляться:

Офелия? Дурашка утонула?

И этот грех теперь лежит на мне?

Каким я оказался душегубом!

От дяди, знать, достался мне талант [1, с. 101].

В сцене подготовки к дуэли с Лаэртом автор словно срывает шутовской наряд со своего героя – кукла, прозрев, понимает, что она лишь игрушка в чьих-то руках:

Как глупо, как бессмысленно задернет

Свой занавес насмешница судьба!

Я думал, что в трагедии играю.

А сам же в буффонаду угодил [1, с. 102].

Эта реплика усиливает пародийный эффект текста, поскольку может быть истолкована двояко – с одной стороны, как метафора, а с другой – как намек на то, что Гамлет Акунина знаком с оригиналом пьесы, героем которой является. Постмодернистский текст предлагает читателю множество интерпретаций, каждая из которых имеет право на существование.

В «Чайке» Акунин также включает классический текст в рамки детективного дискурса. Интересна композиция пьесы – она состоит из двух действий, в первом герои узнают о смерти Треплева и о том, что он был убит, начинается расследование, которое ведет доктор Дорн, а второе построено в виде восьми дублей – восьми версий убийства. Смерть Треплева представлена Акуниным как классическое убийство в запертой комнате, где убийцей может быть любой из присутствующих. Сам убитый в одном из дублей становится преступником хуже Джека Потрошителя:

Дорн ... Треплев был настоящий преступник, почище Джека Потрошителя. Тот хоть похоть тешил, а этот негодяй убивал от скуки. Он ненавидел жизнь и все живое. Ему нужно было, чтоб на Земле не осталось ни львов, ни орлов, ни куропаток, ни рогатых оленей, ни пауков, ни молчаливых рыб - одна только «общая мировая душа» Чтобы природа сделалась похожа на его безжизненную, удушающую прозу! Я должен был положить конец этой кровавой вакханалии. Невинные жертвы требовали возмездия. (Показывает на чучела.) А начиналось все вот с этой птицы - она пала первой. (Простирает руку к чайке.) Я отомстил за тебя, бедная чайка! (Дубль 8) [2, с. 66].

Отсылка к тексту-оригиналу в данном контексте является одним из способов создания комического эффекта, поскольку прецедентное имя с отрицательной коннотацией (Джек Потрошитель – серийный убийца, ставший героем многочисленных фильмов ужасов) соседствует с перефразированной цитатой из пьесы Треплева в оригинале «Чайки». Кроме того, комический эффект создается при помощи таких избитых и пафосных клише как «Невинные жертвы требовали возмездия!» и «Я отомстил за тебя, бедная чайка!».

Элементы, присущие детективному дискурсу, – это методы дедукции, к которым прибегает Дорн при расследовании преступления, знакомы читателю детективов:

Дорн. Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один – или одна из нас – убийца [2, с. 51].

Комический эффект реплики достигается путем активизации в сознании читателя концептов детективного дискурса.

Дорн (громовым голосом). Назад! (В несколько прыжков пересекает комнату, нагибается над лежащей и поднимает из-под подола ее платья шарфик, ранее оброненный Заречной). Сухой! Браво, Нина Михайловна, вы и в самом деле стали выдающейся актрисой! Теперь понятно, зачем вы сюда вернулись (Дубль 1) [2, с. 52].

Дорн ... Для того чтобы обеспечить себе алиби, в момент взрыва убийца должен был непременно находиться здесь, в гостиной, причем в присутствии свидетелей. Иначе уловка утратила бы всякий смысл. Давайте-ка припомним, кто предложил перебраться из столовой в гостиную (Дубль 3) [2, с. 56].

Речь Аркадиной и Нины Заречной вызывает у читателя ассоциации с бульварным романом:

Аркадина (недовольна тем, что разговор сосредоточен не на ней). Мой бедный, бедный мальчик. Я была тебе скверной матерью, я была слишком увлечена искусством и собой – да-да, собой. Это вечное проклятье актрисы: жить перед зеркалом, жадно вглядываться в него и видеть только собственное, всегда только собственное лицо. Мой милый, бесталанный, нелюбимый мальчик... Ты – единственный, кому я была по-настоящему нужна. Теперь лежишь там ничком, окровавленный, раскинув руки. Ты звал меня, долго звал, а я все не шла, и вот твой зов утих...

Нина (схватившись за сердце, пронзительно вскрикивает, как раненая птица, – она актриса явно не хуже Аркадиной). Что такое?! Костя! В какой страшный миг я сюда вернулась! Будто чуяло мое сердце! Бедный, бедный! На нем всегда была тень несчастья. (Плачет.) (Дубль 1) [2, с. 51 – 52].

Авторские ремарки также способствуют снижению канона классического детектива до уровня бульварного романа. В этих ремарках герои время от времени «застывают в полной неподвижности», вспышки молнии озаряют чей-то силуэт, а в конце пьесы оживает чучело чайки:

Все застывают в неподвижности, свет меркнет, одна чайка освещена неярким лучом. Ее стеклянные глаза загораются огоньками. Раздается крик чайки, постепенно нарастающий и под конец почти оглушительный. Под эти звуки занавес закрывается (Дубль 8) [2, с. 66].

Многочисленные иронические отсылки к детективному дискурсу с элементами бульварного романа, триллера, дискурсу СМИ (а точнее – желтой прессы) характеризуют текст «Чайки» Акунина как пародийный:

Дорн (махнув рукой). Какой там. Прямо в ухо, и мозги по стенке [2, с. 47].

Тригорин (нервно). ...Разве вы точно знаете время, когда произошло убийство?

Дорн. Резонный вопрос. Когда я вошел в комнату после хлопка, тело было теплым, из раны, пузырясь, стекала кровь, а по стенке еще сползали вышибленные мозги... (Дубль 5) [2, с. 60].

У каждого героя есть повод для убийства Треплева. Действительная же картина убийства не ясна, и восьмая версия, в которой Тригорин разоблачает самого Дорна, является самой нелепой – причиной убийства стало маниакальное истребление Треплевым животных.

Исследуя тексты двух «Чаяк» (оригинал А. П. Чехова и версию Акунина) О. Исакова обращается к теории открытости/закрытости произведения У. Эко, согласно которой «открытым» является произведение, содержащее в своей внешней завершенности множество потенциальных прочтений [11]. По утверждению О. Исаковой, «Чайка» Акунина подрывает канонический статус пьесы Чехова через введение элементов поп-культуры, псевдо-детективного жанра, иронического отстранения и повторения» [4, с. 57]. Исследователь приходит к выводу, что текст Акунина, представляя собой «постмодернистский коллаж разных дискурсивных практик и иронических отсылок», не является «открытым» текстом, т. к. предлагает читателю не поливалентность интерпретаций, а «парадокс, сочетающий множественность интерпретативных возможностей, замкнутых в структуре того, что можно назвать таксономией постмодернизма» [4, с. 57 – 58]. Действительно, все возможные варианты убийства Треплева исчерпываются восемью версиями, реальная картина преступления отсутствует, ответа на вопрос – кто все-таки убил – нет, да это и неважно. Такие характеристики как нагромождение абсурдных версий, смешение стилей и отсутствие истинной картины убийства указывают на принадлежность пьесы Акунина к эстетике постмодерна.

На наш взгляд, Акунин пародирует детективный дискурс, используя в качестве средства пародии прецедентный текст, поскольку снизить статус текста, обладающего универсальной ценностной значимостью сложнее, чем статус «безликого» дискурса (ведь объектом пародии не становится конкретный текст конкретного автора). Более того, в качестве объекта пародирования выступает не канонический детектив (хотя и его элементы встречаются в тексте), а его сниженная версия, полицейская история. Изначально детективные элементы были заимствованы детективом из универсально прецедентных текстов (Библия, пьесы Шекспира, трагедии Софокла и т. д.). Акунин, обращаясь к этим текстам, развивает и доводит до завершенности (гиперболизированной и абсурдной) именно детективные линии, т. е. предлагает вариант прочтения классических текстов как детективов. Детектив – один из возможных вариантов прочтения данных текстов, которые можно было бы, как нам кажется, прочитать как сказку, любовный или фантастический роман. В постмодернистских текстах автор становится читателем, так же, как читатель является автором, следовательно, возможен любой вариант интерпретации.

Итак, в текстах Акунина можно наблюдать переосмысление литературного мифа с точки зрения детектива, при этом тексты-интерпретации становятся полем для авторской игры как с прецедентными текстами, так и с прецедентными дискурсами.

Литература

1. Акунин, Б. Гамлет. Версия / Б. Акунин // Новый мир. – 2002. – № 6.
2. Акунин, Б. Чайка. Комедия в двух действиях / Б. Акунин // Новый мир. – 2000. – № 4.
3. Дудина, И. А. Дискурсивное пространство детективного текста (на материале англоязычной художественной литературы XIX – XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И. А. Дудина – Краснодар, 2008. – 24 с.
4. Исакова, О. «Чайка» Б. Акунина и некоторые проблемы поэтики постмодернизма / О. Исакова // Молодые исследователи Чехова: материалы Международной научной конференции (Москва, май 2005 г.). – М.: МГУ, 2005.
5. Можейко, М. А. «Философия детектива»: классика – неклассика – постнеклассика / М. А. Можейко. – Режим доступа: <http://topos.ehu.lt/zine/2007/1/mozhejko.pdf>
6. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности: [пер. с фр.] / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова / Н. Пьеге-Гро. – М.: ЛКИ, 2008. – 240 с.
7. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
8. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983.
9. Чехов, А. П. Три сестры: пьесы / А. П. Чехов. – Сургут: Северный Дом: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1996. – 384 с.
10. Шекспир, У. Трагедия о Гамлете принце Датском / У. Шекспир; [пер. с англ., вступ. ст., прим. М. Л. Лозинского]. – СПб: Азбука-классика, 2008. – 416 с.
11. Эко, У. Открытое произведение / У. Эко. – СПб: Symposium, 2006. – 412 с.

Информация об авторе:

Завьялова Галина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, 8-951-571-5354, zavialova1982@rambler.ru.
Galina A. Zavyalova – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Kemerovo State Agricultural Institute.

УДК 81'367

ПРИНЦИПЫ АРАНЖИРОВКИ ОДОРЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АДЪЕКТИВНОЙ ЦЕПОЧКЕ (на материале английского языка)

Е. В. Иванова

PRINCIPLES OF ARRANGING OLFATORY ADJECTIVES IN A CHAIN OF ADJECTIVES (in the English language)

E. V. Ivanova

В статье рассматриваются адъективные конструкции с несколькими одорическими прилагательными, а также цепочки, состоящие из одорического и другого перцептивного прилагательного. Приводится анализ примеров конструкций с данными прилагательными, что позволяет выявить закономерности в порядке их следования. Указывается на зависимость расположения прилагательных в предложении от когнитивно-прагматических факторов.

The article considers chains of adjectives consisting of several olfactory adjectives and those consisting of an olfactory and another perceptive adjective. As a result of the comparative analysis of various contexts, some rules of arranging those adjectives have been deduced. The author points out that cognitive-pragmatic factors influence the arrangement of adjectives in a sentence.

Ключевые слова: адъективная цепочка; одорические прилагательные; обоняние; восприятие; субъект восприятия; когнитивно-прагматические факторы.

Keywords: chain of adjectives, olfactory adjectives, olfaction, perception, subject of perception, cognitive-pragmatic factors.

Обоняние играет огромную роль в животном мире, долгое время в комплексе со зрением оно являлось основополагающим чувством в жизни человека. Для современных же людей запах не является жизненно необходимым видом перцепции. Чувствительность собак к запахам приблизительно в тысячу раз превосходит чувствительность людей [2, с. 218]. Обоняние у

человека имеет значительно меньшее значение в познании внешнего мира, чем зрение, слух, осязание. Все же оно выполняет ряд важных функций, таких как создание положительного или отрицательного эмоционального фона, окрашивающего самочувствие человека в приятные или неприятные тона, предупреждение нас о надвигающейся опасности (когда, на-

пример, мы чувствуем запах газа). Запахи добавляют много приятных моментов тогда, когда мы едим что-нибудь вкусное, и, наконец, они – основа всей парфюмерно-дезодорантной индустрии [2; 6].

В психологических исследованиях часто используется системный подход к обонянию и вкусу. Эти два вида чувственного восприятия, как правило, считаются периферийными перцепциями, их природа в равной мере остается недостаточно ясной. Расположение центров запаха в коре головного мозга так же, как и центров вкуса, не определено. Психологам неизвестны и многие другие физиологические особенности процессов обоняния и вкуса. В связи с этим данные виды перцепции рассматриваются в работах по психологии узко и специализированно [7, с. 84 – 85]. В лингвистике обонянию также уделено недостаточно внимания. Одорические прилагательные изучены весьма поверхностно, в основном, на лексическом уровне, тогда как с точки зрения синтаксиса они представляют богатый материал для исследования.

В данной статье мы рассмотрим адъективные конструкции с несколькими одорическими прилагательными, а также цепочки, состоящие из одорического и другого перцептивного прилагательного. Цель работы – выявление закономерностей в расположении данных прилагательных во взаимосвязи с особенностями чувственного восприятия.

Несмотря на тесную связь, существующую между вкусовыми и обонятельными ощущениями, последние, в отличие от вкусовых, не могут быть сведены к сочетаниям основных запахов. Поэтому строгой классификации запахов не существует [5; 7, с. 79 – 99]. «Все запахи привязывают к конкретному предмету, который обладает ими. Например, цветочный запах, запах розы, запах жасмина и др. Как и для вкусовых ощущений, большую роль в получении запаха играют примеси других ощущений: вкусовых (особенно от раздражения вкусовых рецепторов, находящихся в задней части глотки), тактильных и температурных. Острые едкие запахи горчицы, хрена, аммиака содержат в себе примесь тактильных и болевых ощущений, а освежающий запах ментола – примесь ощущений холода» [5, с. 188].

Следует отметить, что одорические прилагательные неоднородны. Среди них мы выделяем группу прилагательных, характеризующих природу запаха (*citrus, floral, musky*, etc.) и прилагательных, обозначающих признак географических объектов и явлений природы (*fresh, damp, salty*, etc.). Кроме того, к одорическим относятся прилагательные, изначально обозначающие четыре основных вкуса: кислый, сладкий, соленый и горький (*sour, sweet, salty, bitter*). Это еще раз подчеркивает тесную связь, существующую между обонянием и вкусом.

В результате проведенного исследования было рассмотрено 290 примеров. Наш анализ показал, что в цепочке одорических прилагательных прилагательные, характеризующие природу запаха, располагаются непосредственно перед существительным. Например: *He smelled of detergent. A crisp, citrus smell of clean clothes* [9, p. 233]. *Caris remembers leaning against her, watching her dip her fingers into ointment*

jars and slowly rub her face with circling fingers, and the room filling with a sweet, creamy smell [13, p. 30]. *Estée Lauder's spicy and floral Spellbound is bold and bewitching* [11]. *There were memories of sleeping three in a bed; of the dense leathery smell of the schoolroom when one returned thither after ten minutes' play; of a playground of mud and incidental sharp flints* [18, p. 14]. *It was business as usual along Cable Avenue, though several windows were shattered and boarded up, and there was a strong, peppery smell of gas in the Beta Bookshop, a favourite gathering-place for radicals into which the police had lobbed so many gas grenades it was said you could tell which students in your class had bought their books there by the tears streaming down their faces* [17, p. 193].

Рассмотрим адъективную цепочку, состоящую из прилагательных, обозначающих признак географических объектов и явлений природы, таких как море, ветер, воздух. Определенный интерес представляет прилагательное *salty*. При описании запаха моря или морского воздуха оно находится на последнем месте в адъективной цепочке: *A warm wind was coming in with the tide. She lifted her head up and the sharp, salty tang stung the inside of her nostrils* [11]. *Maggie realized that Susan meant the metallic smell. It had gone. All she could smell now was the clean salty tang of the sea* [11]. *Trejo unbuttons his cream-colored silk shirt and lets the warm salty air brush against his tattooed chest* [12].

При описании свежего воздуха, вдыхаемого субъектом восприятия, часто используется прилагательное *fresh*, которое занимает первое место в цепочке: *And memories crowded on him with the fresh, sweet savour of the spring wind – memories of his courtship* [16, p. 117]. *She refused the final glass he tried to press on her, but, even then, when they stepped outside the hotel the fresh, salty air caused her head to swim a little* [11].

Прилагательное *fresh* употребляется также в конструкциях с другими объектами, обладающими свежим запахом. Принцип аранжировки прилагательных остается прежним (*fresh* находится в начале цепочки). Например, в следующих предложениях *fresh* характеризует запах чистой кожи, недавно вымытых улиц и цветущих кустов во время дождя: *Her neck smelled fresh and sweet* [15, p. 8]. *They had arrived in Siena when the recently washed streets smelled fresh and metallic* [11]. *Buckthorn and beaked hazel bushes flanked the road to their left, smelling fresh and sweet in the rain* [12].

В случаях, когда запах свежести не является основным в процессе восприятия, *fresh* занимает последнее место в адъективной конструкции: *It still had a sweet, fresh whiff of perfume* [15, p. 265]. Данный пример описывает ситуацию, когда мужчина кутает ребенка в женское пальто, все еще сохранившее запах духов его владелицы, причем сладкий аромат духов является доминирующим.

Как уже отмечалось выше, к обонятельным ощущениям часто примешиваются тактильные. Наш анализ показывает, что в адъективной цепочке, состоящей из одорического и тактильного прилагательного, на первом месте находится тактильное прилагательное. Объяснение этому можно найти в психологиче-

ской литературе. Б. Г. Ананьев пишет: «Важно отметить, что тактильные ощущения сопровождают многие другие чувственные деятельности, что объясняется особой ролью кожи как покрова и барьера тела, а вместе с тем участников обмена веществ» [1, с. 15]. «Согласно эволюционному подходу, кожная чувствительность является исходной формой и генетической основой всех других видов чувствительности» [4, с. 199]. В процессе онтогенеза тактильные ощущения также формируются раньше других. На первых этапах постэмбрионального развития они остаются «ведущим видом рецепции, обслуживая сложную систему пищевых, оборонительных и других рефлексов» [4, с. 199]. Благодаря огромной роли, которую играет осязание в жизнедеятельности человека, тактильные прилагательные занимают первое место в исследуемых цепочках: *Vechev was promiscuous, he liked soft and perfumed flesh but, being a respectable citizen, he would hunt well away from his home in Cheapside* [11]. *The following entry begins with a description of a soft, light, and scented silk scarf too fine to dry tears* [12]. *The wind dies, the branches droop, are bent in affecting, water-weighted postures, and the rain takes on a hard, harsh, cracking sound. Everything is moist and odorous* [12].

Помимо тактильных в одной цепочке с одорическими прилагательными могут употребляться температурные прилагательные. В таких случаях на первом месте в цепочке находятся температурные прилагательные, что обусловлено физиологическими факторами. Температурные, равно как и тактильные ощущения, относятся к осязательной перцепции, на превосходство и первичность которой указывают многие зарубежные и отечественные исследователи. Еще Аристотель писал: «В других чувствах человек уступает многим животным, а что касается осязания, то он далеко превосходит их в тонкости этого чувства. Именно поэтому человек самое разумное из всех живых существ» [8, с. 16]. Следующие примеры подтверждают данный тезис: *Later, as she walked slowly downstairs, only a light blue silk dressing-gown over her skin, which was still warm and fragrant from the bath oil, Laura realised that she really didn't want to watch any television* [11]. *The warm, heady smell of spices blanketed the air, twitched noses and lifted heads* [9, p. 118]. *Or he stood by his favorite cow with his arm around her neck, nuzzling his face into her; and the warmth that came into him from her, and the hot sweet blasts of her breath on his arms and legs when she turned her head to sniff at him meant the safety of kindness* [12]. *Rhett's breath was warm and salty in her nose and on her lips* [12].

В отдельных случаях под влиянием когнитивно-прагматических факторов температурное прилагательное завершает адъективную цепочку. Рассматривая одорические прилагательные, Л. В. Лаенко пишет, что их «специфика объясняется непосредственной близостью пахнущего объекта к человеку как субъекту ситуации/события обонятельного восприятия. Поэтому налицо явление антропоцентризма, суть которого заключается в том, что лингвистические явления

рассматриваются с учетом позиции человека и его ближайшего окружения» [3].

В связи с вышесказанным, рассмотрим предложение, в котором одорическое прилагательное занимает первое, а температурное – второе место в адъективной цепочке: *Then he winked and calmly stepped out into the tainted and smelly warm water* [12]. Героям романа пришлось переходить по мелководью заросший болотистый пруд, им неприятно было входить в грязную вонючую воду, поэтому автор, подчеркивая эти отрицательные ощущения, ставит прилагательное *smelly* на первое место в адъективной цепочке.

В следующем примере описывается запах острой еды, поэтому *sharp*, как наиболее релевантное прилагательное, занимает первое место в цепочке: *A sharp, hot smell came from behind as a new passenger sat down with a meal wrapped in paper* [9, p. 101].

Иногда температурное прилагательное употребляется вместе с одорическим прилагательным *sweet* для обозначения приятного запаха цветов или вкусной пищи. В таких случаях более важную роль играет *sweet* и, соответственно, находится на первом месте в адъективной конструкции. Например: *The room was filled with a sweet hot scent of flowering azaleas* [16, p. 120]. *A sweet, warm smell filled the air. Mr. Martinez went to the stove and flipped something in an iron skillet. "Plantos maduros, sweet plantains," he said when he noticed Simon staring* [12]. *A singular fragrance, richly sweet and warm, rose from the hedge. Strange. These rhododendrons have never before given off a scent* [12].

Сочетание температурного и одорического прилагательного может характеризовать воздух. Первое место здесь, как правило, занимают температурные прилагательные, что обусловлено особой ролью, которую играют температурные ощущения в жизнедеятельности человека: *It was enough to sit and breathe the warm, sweet, pent-up air* [14, p. 83]. *He closed his eyes and took several breaths, the night air warm and sweet* [12]. *A prairie wind blew warm and sweet from the west, redolent of tall grasses and sugar in the stems, tasting of summer flowers* [12]. *Here the air was cool and sweet, perfumed with the sub-tropical vegetation that grew luxuriantly in the gardens of affluent Plotinus* [17, p. 170]. *After the christening, the children trip down the red-carpeted center aisle, out of the cool, scented air, and onto the tiers of granite steps that deliver the church to the sidewalk* [12].

Тем не менее в следующем предложении температурное прилагательное *hot* занимает второе место в цепочке: *Overly sweet hot air envelops us and disperses in an instant as she hits the glass doors again and we're back out on the sidewalk* [12]. Девушка со своим спутником ходит по отделу косметики, пытаясь найти определенную марку духов. Воздух в таких магазинах, без сомнения, сладкий, приторный, сильно отличающийся от уличного воздуха, поэтому прилагательное *sweet*, как наиболее салиентное, располагается на первом месте.

Часто предмет действительности воспринимается одновременно при помощи органов зрения и обоняния. Так мы, например, одновременно отмечаем цвет и запах цветов и т. д. В адъективных цепочках, со-

стоящих из одорического и визуального прилагательного, на первом месте находится, как правило, визуальное прилагательное, что объясняется доминантностью зрительной системы, которая также «играет роль внутреннего канала связи между всеми анализаторными системами» [1, с. 24]. Например: *Tia lights four **small scented** candles on the counter* [12]. *The professor's shaving equipment remained in the **tiny, malodorous** bathroom* [12]. *Dirty, malodorous items of clothing flowed out of open drawers, mold blossomed in spray cans, a sooty layer of grease covered the dishes* [12]. *The only snag was that **big smelly** dog Captain that kept nosing in between me and Uncle Bill, always glaring at me and showing his big white teeth* [11]. *Paolo personally made tiny cups of rich, **dark, aromatic** coffee "a la Italia", almost worth a trip in itself!* [11].

В тех же редких случаях, когда на первом месте в цепочке находится одорическое прилагательное, подчеркивается приоритетность для субъекта восприятия запаха над визуальными характеристиками. Например: *The chestnut tree in the courtyard was in bloom then, with its **scented white** flowers* [12]. Из контекста ясно, что женщина с дочерьми каждую весну ездила во Францию. Они были влюблены в Париж и задолго до самой поездки предвкушали ее. Им нравилось все в этом городе: мороженое, молочные коктейли, элегантные француженки, запах цветущего каштана, который рос во дворе их шикарного отеля. Так как запах цветов был более притягательным, чем их простой белый цвет, одорическое прилагательное *scented* расположено в начале адъективной цепочки.

В следующем предложении описывается лосьон для волос, который мужчина втирал в голову каждое утро. Судя по контексту, эта процедура не нравилась его домочадцам, и, наверное, больше всего их раздражал неприятный запах, издаваемый лосьоном, что отразилось в аранжировке прилагательных: *A bottle of this **smelly purple** mixture always stood on the shelf above the sink in the bathroom alongside all the toothbrushes, and a very vigorous scalp massage with OIL OF VIOLETS took place daily after shaving was completed* [11].

Как было указано выше, существует тесная связь между вкусовыми и обонятельными ощущениями, и очень часто при описании еды описывается одновременно ее вкус и запах. Так как для человека в норме вкус блюда важнее его запаха, в конструкциях, состоящих из одорического прилагательного и прилагательного вкуса, последнее будет находиться в начале цепочки: *A French wine, very pale and almost colourless this was **sweet and perfumed*** [11]. *Good California berries, the ones we are seeing now in the markets, are never as lushly **sweet and fragrant** as the local crop* [12]. *"A pear," wrote Edward Bunyard, "should have such a texture as leads to silent consumption." Oh yes, indeed, and*

*feel the **sweet, fragrant** juice gush down your throat, and, if you are not careful, down the front of your best bib and tucker* [11].

Помимо собственно одорических прилагательных, запах какого-либо предмета или явления может описываться при помощи оценочных прилагательных, таких как *прекрасный, странный, знакомый* и т. д. В адъективных цепочках с данными прилагательными действует общее правило расстановки прилагательных: оценочные прилагательные занимают первое место: *I took another sniff, inhaling the **familiar bitter** scent* [12]. *It smelled of the perspiration of tired horses and the **wonderful sweet** breath of patient cows* [12]. *A **strange, sour** smell pervaded the air* [11]. ***Strange sweet burning** smells were wafted into the car's interior through the open window* [10, p. 31].

Итак, в ходе анализа примеров, мы выявили некоторые закономерности в порядке следования одорических прилагательных, а именно:

- 1) прилагательные, обозначающие природу запаха, такие как *цитрусовый, цветочный* и т. д., располагаются непосредственно перед существительным;
- 2) в адъективной цепочке, состоящей из одорического и температурного прилагательного, на первом месте находится температурное прилагательное;
- 3) в адъективной цепочке, состоящей из одорического и тактильного прилагательного, первое место занимает тактильное прилагательное;
- 4) в адъективной цепочке, состоящей из одорического и визуального прилагательного, на первом месте находится визуальное прилагательное;
- 5) в конструкциях, состоящих из одорического прилагательного и прилагательного вкуса, последнее будет находиться в начале цепочки;
- 6) прилагательное *fresh*, употребляющееся для описания свежего воздуха, находится на первом месте в цепочке;
- 7) при описании запаха моря или морского воздуха прилагательное *salty* располагается непосредственно перед существительным;
- 8) оценочные прилагательные в сочетании с одорическими прилагательными занимают первое место в адъективной цепочке.

Данные закономерности обусловлены особенностями чувственного восприятия, и в первую очередь тем фактом, что обоняние не является жизненно важным модусом перцепции и занимает последнее место в иерархии системы физического восприятия. Однако в определенных ситуациях данные правила не действуют, так как порядок следования прилагательных также зависит и от когнитивно-прагматических аспектов и может быть изменен в зависимости от эмоционального, физического состояния субъекта восприятия, его чувств, настроения или других факторов.

Литература

1. Ананьев, Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека / Б. Г. Ананьев // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. – М.: Педагогика, 1982.
2. Глейтман, Г. Основы психологии: [пер. с англ.] / Г. Глейтман. – СПб., 2001. – 1246 с.

3. Лаенко, Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: дис. ... д-ра филол. наук / Л. В. Лаенко. – Воронеж, 2005. – Режим доступа: <http://31f.ru/dissertation/107-dissertaciya-perceptivnyj-priznak-kak-obekt-nominacii.html>.
4. Ломов, Б. Ф. Кожная чувствительность и осязание / Б. Ф. Ломов // Познавательные процессы: ощущение, восприятие. – М., 1982.
5. Маклаков, А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2008. – 583 с.
6. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб., 2007. – 713 с.
7. Рузин, И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – М., 1994.
8. Эпштейн, М. Н. Философия тела / М. Н. Эпштейн // Г. Л. Тульчинский. Тело свободы. – СПб.: Алетея, 2006. – 432 с.
9. Ali, M. Brick Lane / M. Ali. – London, 2004. – 492 p.
10. Boyd, W. A good man in Africa / W. Boyd. – London, 1982. – 341 p.
11. British National Corpus. – Режим доступа: www.corpus.byu.edu/bnc
12. Corpus of Contemporary American English. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca/>
13. Darling, J. The taxi driver's daughter / J. Darling. – London, 2004. – 264 p.
14. Dunmore, H. A spell of winter / H. Dunmore. – London, 2007. – 313 p.
15. Erdrich, L. Love medicine / L. Erdrich. – New York, 1985. – 272 p.
16. Galsworthy, J. The man of property / J. Galsworthy. – М., 2000. – 384 p.
17. Lodge, D. Changing places / D. Lodge. – London, 1978. – 251 p.
18. Wells H. G. Kipps / H. G. Wells. – London, 2005. – 361 p.

Информация об авторе:

Иванова Елена Владимировна – аспирантка кафедры прикладной лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета (ИГЛУ), 8-902-760-41-03, elena50682@mail.ru.

Elena V. Ivanova – post-graduate student at the Department of Applied Linguistics, Irkutsk State Linguistic University (ISLU).

УДК 801.73

МОДАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА И ПРЕСУППОЗИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОДЕРЖАНИЕМ И СМЫСЛОМ

Е. В. Ильина

MODAL ORGANISATION OF THE TEXT AND PRESUPPOSITION STRATEGY OF ITS CONTENTS-SENSE INTERACTION

E. V. Il'ina

В статье рассматривается взаимодействие содержательного и смыслового уровней при построении модальной партитуры распределения смыслов текста согласно пресуппозитивной стратегии регулирования таких отношений.

The article focuses on the study of interaction between contents and sense levels in the modal score of sense dematerializing constructed on the basis of presuppositional type of this interplay organization.

Ключевые слова: смысл-модализация, модальное значение, модальная партитура.

Keywords: sense-modalization, modal meaning, modal core.

Термины «содержание» и «смысл» применительно к исследованиям текстов художественной литературы часто используются как взаимозаменяемые или частично перекрывающиеся друг друга. Например, И. Р. Гальперин определяет содержание как «совокупность смыслов, представляющую собой некое завершенное целое, в котором отражается представление автора об описываемых фактах, событиях в их развертывании, в их характеристиках и взаимосвязях» [2, с. 210]. Таким образом, содержание представляется родовым понятием по отношению к смыслу. При таком подходе к определению роли и статуса двух ука-

занных конструктов смысл перестает быть тем, что управляет процессом текстопостроения, от исследователей ускользает момент обязательной динамичности смысла вкупе с возможностью трактовать смысл как то, что направляет речепорождение в большинстве ситуаций коммуникации и обеспечивает саморазвитие системы языка.

Поскольку и содержание, и смысл рассматриваются в большинстве работ как относящиеся к плану идеального в его противопоставлении плану материального, то еще одним термином, обнаруживающим соотносительную связь с первыми двумя будет язы-

ковое значение (лексическое в первую очередь, но также и грамматическое). Слова, составляющие собой текст, однако, не обеспечивают однозначной интерпретации конечного речевого продукта при его дальнейшей рецепции: разные люди, читающие один и тот же текст, будут выделять различные наборы смыслов в их вариативной компоновке, основываясь на данных, извлекаемых из одной и той же синтагматической цепи. В. З. Панфилов отмечал относительную самостоятельность смысла, его лишь частичную зависимость от значений языковых единиц, поскольку с помощью ограниченного для данного языка набора языковых средств в речи способны выражаться такие смыслы, которые оказываются независимыми от значения любой из образующих речевое произведение языковых форм [5, с. 35 – 37].

Г. П. Щедровицкий и вслед за ним Г. И. Богин рассматривали смысл как ту конфигурацию связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создаётся или восстанавливается субъектом, воспринимающим и осваивающим текст. Значения, или, точнее, их объединения в определенные структуры, обеспечивают сворачивание смысла, его облечение в слова, предложения, тексты при говорении с последующим распределением в процессе понимания. При этом значения и смыслы оказываются рядоположены как различные компоненты одной и той же деятельности понимания [9, с. 90 – 101].

Г. И. Богин для характеристики зависимости смысла и значения вводит понятие содержания как набора предикаций в рамках пропозициональных структур. Значение в его концепции связано со смыслом через содержание. Наиболее частотные, ставшие частью культуры носителей конкретного языка смыслы застывают в значениях, зафиксированных в словарях. Далее эти значения вместе с несущими их звуковыми образами наполняют предикационные структуры в соответствии с их типовым содержанием, при этом из получившихся структур в процессе понимания рождаются смыслы [1, с. 91 – 100]. Данная трактовка взаимозависимости понятий «содержание» и «смысл» принимается за основу в настоящей работе, поскольку в этом случае содержанию отводится более устойчивая, связанная с интерпретацией значений, семантическая функция, тогда как смысл представляется как динамический конструкт, не связанный напрямую со словом в единстве его формы и значения. Смысл при таком подходе все же можно подвергнуть научному анализу, так как его распределение при всей возможной вариативности определяется интендирующими текстовыми средствами, в которых в конкретном тексте этот смысл свернут. Содержание может, однако, определенным образом взаимодействовать со смыслом, также обуславливая определенные интерпретативные рамки.

Модальность как текстовая категория самым непосредственным образом участвует в процессе осуществления перехода от значений к содержанию и далее к смыслу, причем чрезвычайно важно указать на возможность работы такого механизма и в обратном направлении. В настоящей статье нас интересует со-

отношение содержания и смысла как основных уровней идеального в тексте с модальностью, которая рассматривается как универсальное метасредство, управляющее процессом взаимодействия указанных уровней в результате включения в ход их обработки сознанием системы языка. Наиболее важным в этой связи является аспект преломления свойств модальности и средств её выражения с целью организации деятельности смыслоопредмечивания и дальнейшего смыслораспредмечивания в тексте. При этом за основу анализа литературного текста как наиболее яркого примера указанных соответствий берется не соотношение отдельных смыслов и отдельных средств, а их партитурная взаимная конфигурация, поскольку «корреляция часто возникает не между смыслом и средством, а между смыслом и партитурной организацией средств» [1, с. 103]. Таким образом, языковая модальность рассматривается как поле языкового сознания, где хранится алгоритм формирования модальных партитур речевых сообщений (текстов).

Партитуру модальных составляющих текста или модальную партитуру будут формировать два плана компонентов. С одной стороны, это модальные смыслы, т. е. смыслы-модализации, с другой стороны, объединяемые ими в блоки смыслы безмодальные, или, точнее, пассивно модальные. В процессе рефлексивного действия с текстом каждый смысл блока активизируется, модально окрашивается под влиянием смысла-объединителя. Причем такая «окраска» может и не соотноситься напрямую со смыслом-модализацией. Речь идет о вариативности в отношении того или иного смысла при его распределении к определенной типической области рефлексивной реальности субъекта как вместилища опыта. Имеется в виду опыт из трех поясов системомыследеятельности (СМД): предметных представлений, мысли-коммуникации и чистого мышления [9].

Помимо того, принимая во внимание бытующее в филологической герменевтике различие сфер применения понятий «значение» и «смысл», представляется возможным попытаться переосмыслить понятийные основания модальности в аспекте терминологического уточнения понятий «модальное значение» и «модальный смысл». Модальные значения, как и другие виды языковых значений, есть продукт существования человека в мире смыслов. Что касается понятия «модальный смысл» или «смысл-модализация», то имеются в виду смыслы-способы преобразования мира в тексте в виде задаваемых координат упорядоченного создания/воссоздания/изменения такой реальности. Указанные смыслы-способы включают в себе возможности последующего адекватного восстановления смыслового замысла автора читателем. Смыслы-модализации включаются в кластеры модальной партитуры распределенности смыслов текста и обеспечивают направление луча рефлексии к определенной области опыта при вхождении новой онтологической картины в рефлексивную реальность субъекта. Такие смыслы-способы носят универсальный характер и распространяются по всем уровням категоризирующей их языковой системы в виде модальных значений.

Взаимодействие между блоками содержания и смысла внутри текста, по нашему мнению, может строиться согласно наиболее общим стратегиям реализации отношений *противоположности, противоречия (с парадоксальным подтипом), пресуппозиции и корреляции*. Целью настоящей статьи является описание возможностей управления процессом взаимодействия содержания и смысла при последующем понимании текста на основе только одного из заявленных типов организации модальной партитуры – пресуппозитивной стратегии регулирования отношений между содержанием и смыслом. Основанием того, что особенности взаимоотношений содержания и смысла определяются модальностью, вернее типом заложенной в текст модальной партитуры, является тот факт, что, как будет показано ниже, тот или иной вид модальной партитуры с зафиксированным способом сопоставления содержательных и смысловых связей определяет последующую категоризацию смыслов-модализаций каждого кластера в направлении определенных типовых модальных языковых значений. Последнее обеспечивает устойчивость и универсальный координирующий статус модальности как явления языка.

Для описания связей между блоками содержания и смысла, основанных на отношениях пресуппозиции, возьмем за основу философскую, а не собственно лингвистическую трактовку данного понятия. Однако в данном случае нас будет интересовать иной аспект описания роли пресуппозиции (в отличие от определения роли пресуппозиции как условия, обеспечивающего наличие у высказывания истинностного значения), а именно связь пресуппозиции с содержанием, а не со смыслом. Так, Л. А. Наумова, соглашаясь, что содержание предложений, имеющих в своей основе одни и те же пресуппозиции, не меняется при модификации прагматического типа высказывания, отмечает, что понятие пресуппозиции необходимо связано с содержанием предложения, а не со смыслом, в качестве которого выступает иллюкативная сила каждого высказывания. Причем пресуппозиция выступает как имплицитное содержание, в противовес его эксплицитной части [4, с. 243]. Можно предположить, что такая трактовка пресуппозиции на уровне предложения выглядит достаточно обоснованной. Однако на уровне текста пресуппозиция должна выступать в несколько более расширенной функции, чем быть просто условием реализации коммуникативных намерений персонажей (и автора) на фоне развертывания цепей содержательных связей. Ранее предпринимались попытки исследования пресуппозиции с точки зрения ее участия в организации текста. При этом решающая роль отводилась контексту, поскольку понимание отдельных дробей текста невозможно без рассмотрения их смысловой нагрузки в рамках целого. Функция пресуппозиции как текстовой категории заключалась в осуществлении связывания частей текста с глобальным контекстом, в котором происходит конкретизация информации, заключенной в каждом отдельном отрывке [6]. Таким образом, *пресуппозитивная конструкция модальной партитуры* может быть определена как предполагающая детерминированность блока выводимых смыслов связями внутри бло-

ка содержания. Содержание при этом предстает как необходимый ориентир, направляющий ход смысловых преобразований в нужное русло.

Приводимые далее примеры художественных текстов относятся к стихотворной форме. Такое предпочтение вызвано тем, что становится возможным провести анализ модальной партитуры в небольшом по объему, но целостном по своим содержательно-смысловым характеристикам произведении.

Следует подчеркнуть, что в случае изучения организации смыслового плана стихотворного текста, прежде всего, нас интересует динамический аспект взаимодействия блоков содержания и смысла. Такой подход обусловлен не только герменевтической научной парадигмой, в русле которой производится исследование, но и многолетней историей описания выразительных возможностей стихотворной формы. По мнению Ю. Н. Тынянова, основой принципа динамизма формы в стихе является господство некоторого конструктивного фактора формы, подчиняющего себе остальные формальные признаки. Это явление Тынянов назвал конструктивным признаком, благодаря которому формальные признаки не просто складываются, образуя совокупность, но взаимодействуют, так как реципиент осознает подчинение, деформацию факторов второстепенных одним ведущим конструктивным фактором [7, с. 28].

Представляется возможным перенести указанный принцип наличия конструктивного фактора с уровня описания формальной структуры, которая, особенно в стихах, характеризуется тесной связью с содержанием в плане направления развития сюжета и определения семантического веса каждого слова в стиховом ряду. Более существенной, с нашей точки зрения, является потребность выявления закономерностей опредмечивания смысла в тексте, поскольку смысл выступает как конструкт, в первую очередь определяющий особенности динамического соотношения содержания и формы. При этом смысл существует лишь в момент рефлексии над текстом, в котором он не имманентно, а на момент связывается с опредмечивающим его средством. При акцентировании этого аспекта оказывается, что форма предстает не в виде набора определенным образом соединенных между собой знаков, но в виде системы особым образом связанных средств текстопостроения, направляющих деятельность распредмечивания смысла в тексте с целью достижения его понимания. На уровне не только стихотворного текста, но и прозаических текстовых построений, роль организатора взаимодействия, обеспечивающего динамизм процесса понимания согласно представляемой концепции играет модальная партитура текста и смыслов-модализации, находящиеся в её узлах. Речь идет не просто о значимой форме как о материальной оболочке некоторого содержания, неразрывно с ним связанной, но о стратуме смыслов, гиперструктуре, наличие которой в тексте управляет и содержанием и формой.

В качестве иллюстрации этого положения рассмотрим стихотворение А. А. Галича «Еще раз о черте». Данный текст также может быть примером пресуппозитивной организации модальной партитуры.

Я считал слонов и в нечет и в чет,
И все-таки я не уснул,
И тут явился ко мне мой черт,
И уселся верхом на стул.
И сказал мой черт: «Ну, как, старина,
Ну, как же мы порешим?
Подпишем союз, и айда в стремяна,
И еще чуток погреем!
И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, – потом!
Но зато ты узнаешь, как сладок грех
Этой горькой порой седин.
И что счастье не в том, что один за всех,
А в том, что все – как один!
И ты поймешь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,

Когда вместе со всеми ты скажешь – да!
И вместе со всеми – нет!
И ты будешь волков на земле плодить,
И учить их вилять хвостом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, – потом!
И что душа? – Прошлогодний снег!
А глядишь – пронесет и так!
В наш атомный век, в наш каменный век,
На совесть цена пятак!
И кому оно нужно, это «добро»,
Если всем дорога – в золу...
Так давай же, бери, старина, перо
И вот здесь распишись, в углу». Тут черт
потрогал мизинцем бровь... И придвинул ко мне флакон.
И я спросил его: «Это кровь?»
«Чернила», – ответил он...

Метрическая структура стихотворения А. А. Галича «Еще раз о черте»

I. 2-1-1-2- 1-2-2- 1-1-2-1- 2-2-1-	II. 2-1-1-2- 1-1-2- 1-2-2-2- 1-1-2-	III. 2-1-1-2- 2-2-1- 1-2-2-1- 2-1-1-	IV. 2-2-2-1- 2-2-1- 2-2-2-1- 1-1-2-	V. 3-1-2-1- 2-1-1- 2-2-2-1- 1-2-1-
VI. 2-2-2-1- 2-2-1- 1-2-2-1- 2-1-1-	VII. 1-1-2-1- 2-2-1- 1-2-1-2- 1-2-1-	VIII. 2-2-1-2- 2-1-2- 2-2-2-1- 2-2-1-	IX. 1-1-2-1- 2-2-1- 3-1-1- 1-2-1-	

Относительно формы, которая имеет свой семантический вес, можно сказать, что здесь мы имеем дело с типичным для русской стихотворной традиции XX в. дольник. Чередуются четырехстопные и трехстопные стихи, которые образуют симметричные ритмико-интонационные периоды – по два в каждой строфе (в таблице строфы обозначены римскими цифрами). Количество безударных слогов между ударными не имеет системы, но, в основном, это вариации от 1 до 2 безударных слогов, и только в 5 и 9 строфах в анакрузе присутствуют 3 безударных слога.

Несомненно, не следует приписывать излишней значимости схеме чередования безударных слогов внутри стихов в каждой строфе при поиске стоящих за этим содержательных закономерностей, подкрепляющих, в свою очередь, смысловые связи внутри текста. Однако некоторые из особенностей метрической организации стихотворного текста все же могут перекликаться с общей идеей формирования содержательно-смыслового единства произведения. Подтверждением необходимости включения в анализ модальной структуры, консолидирующей смысловый строй текста, собственно языковых особенностей метрики, фонетики и строфики стихотворения, может стать уже упоминавшееся представление о том, что уже сам каркас и звуковое наполнение материала включают в себя начатки содержательно-смысловых конфигураций. В. Е. Холшевников отмечает: «... стихотворная речь семантически более насыщена, чем проза, сама стихотворная форма содержательна» [8,

с. 105]. В рассматриваемом стихотворении, например, бросается в глаза использование исключительно мужских рифм, что, как известно, делает речь более отрывистой [там же]. На смысловом, а не на содержательном уровне в контексте данного текста такой прием можно квалифицировать как средство, реализующее один из основных смыслов-модализаций модальной партитуры – смысл «уверенность в собственной правоте». Находясь вне кластерной системы (об этом ниже), данный смысл дополнительно упрочивает конструируемый в тексте смысловой мир. Он же запускает последующую категоризацию узловых смыслов-модализаций и их превращение в языковые модальные значения. Активизируемыми топосами опыта при этом будут области пояса мысли-коммуникации, так как интендирующее средство актуализирует опыт обращения с поэтическими текстами.

По первому стиху идентичны строфы 1, 2, 3 (2-1-1-2), но по остальным стихам они обнаруживают не сходства, а наоборот, антиподные отличия. Например, во втором стихе безударные слоги находятся во всех возможных комбинациях: 1-2-2, 1-1-2 и 2-2-1. Содержательно первые три строфы представляют собой целостную обрисовку ситуации в её основных действующих характеристиках: представлены два лица-персонажа – автор и черт, «друзья» как абстрактный неактуализированный субъект присутствуют лишь как ссылка на внутренний круг привычных представлений автора-героя. Временная организация данного трехстрофного отрывка предстает как постепенное «вплывание» текущего момента, как наиболее

эмоционально и содержательно насыщенного, в ход развития действия – первая строфа полностью оформлена прошедшим временем. Одновременно растягивается пространство – реципиент попадает в точку «здесь», но со ссылкой на «тогда» – этому способствуют и коннотации лексемы «старина», чем подчеркивается неформальный оттенок общения, как между старыми друзьями. Такую же функцию имеет употребление местоимения «мой» применительно к черту, что указывает на взаимность квалификации отношений между персонажами. Помимо того, само название стихотворения задает такие временные рамки. Таким образом, содержательные связи объединяют первые три строфы, создавая единство не столько на уровне содержания, сколько на уровне смысла. Содержание как в плане развития сюжета, так и в плане семантически нагруженной стиховой формы определяет пути консолидации смыслового стратума текста.

Во второй и третьей строфе акцент смещается на увеличение динамики развертывания содержательно-смысловых связей. Так, во второй строфе используются вопросительные и повелительные предложения (в данном случае речь идет об оптативности, оформленной множественным числом первого лица, что дополнительно объединяет автора и черта). Будущее время глаголов – *подпишем, погрешим* – несет в себе подчеркнутую модальную окраску желательности, квалификации этих действий как правильных с точки зрения персонажа (черта). В третьей строфе черт емко представляет все выгоды заключаемого контракта, давая оговорку относительно неизбежности, но отдаленности расплаты. При этом основным структурным элементом является составное модальное сказуемое с модальным или функторным глаголом (*можешь лгать, можешь блудить, придется...платить*). Желательность здесь сменяется разрешением.

Второй кластер модальной партитуры на формальном уровне представлен строфами с четвертой по шестую, что дополнительно поддерживается ритмико-интонационной структурой этих строф. Так, идентичным рисунком характеризуются 1-й, 3-й стихи четвертой, 3-й стих пятой и 1-й стих шестой строф. Второй кластер также регрессивно растягивается, включая в себя и третью строфу. Это происходит за счет повторения третьего и четвертого стихов третьей строфы в конце шестого четверостишия, что на уровне содержания объединяет строфы с третьей по шестую. Дейктический акцент во втором кластере смещается с настоящего на будущее (все предложения оформлены будущим), которое, однако, представляется с точки зрения черта как незначимое, слишком отдаленное, чтобы повлиять на выбор героя. Желательность будущего из второй строфы сохраняется. Таким образом, первый и второй кластеры модальной партитуры накладываются друг на друга. Местом пересечения является третье четверостишие. Следовательно, можно предположить, что именно в третьей строфе непосредственно опредмечен узловый смысл-модализация, обеспечивающий смысловое единство первого и второго кластеров. Различными же их делает разность дейктических характеристик и формально-содержательных параметров (ритмико-интонацион-

ный рисунок вкупе с развитием сюжета). Номинация данного смысла-модализации приблизительно может быть дана как «необходимость и неизбежность греха для всех». Распредмечивание этого смысла подразумевает обращение рефлексии на пояс чистого мышления, в котором хранится опыт обработки наиболее значимых моральных понятий. Помимо непосредственной экспликации (*Но зато ты узнаешь, как сладок грех...*) опредмечивание данного смысла направляется и другими содержательными ориентирами. Значения желательности и разрешения, идущие от содержания и упомянутые выше, являются ни чем иным как модификациями наиболее общих языковых модальных значений способности и волеизъявления. Таким образом, модальные значения и смыслы-модализации взаимно переплетаются благодаря взаимодействию блоков содержания и смысловых кластеров.

Последний кластер модальной партитуры состоит из трех заключительных строф. На формальном уровне первые стихи каждой из строф обнаруживают соотношение структуры: в седьмой и девятой строфах они идентичны, а в восьмой 1-й стих представляет собой их зеркальное отражение, создается структура подобная охватной рифме. В седьмой и восьмой строфах из-за преимущественного использования восклицательных риторических вопросов, собственно восклицательных безглагольных предложений узнавание дейктических координат затруднено. Во временном отношении это, конечно, момент разговора. Реципиент уверяется в этом в конечной строфе, где в прямой речи даны последние реплики героев. Однако до этого настоящий момент представляется несколько растянутым, как и личностная компонента – имеются в виду не только поэт и черт, но весь мир (*всем дорога, наш...век*). Вместе со временем расширяется и пространство, чему способствует обильное использование предложений с так называемыми интонационными жестами: *А глядишь – пронесет и так! Если всем дорога – в золу...* Все это чрезвычайно динамизирует сюжет: черт использует самые веские и всеобъемлющие аргументы. Представляется, что последние доводы черта неслучайно оформлены такого типа эллиптическими предложениями. Г. А. Золотова отмечает, что подобные предложения могут рассматриваться как «самостоятельные языковые модели, поскольку такие предложения контекстуально независимы и сами по себе могут служить семантическим минимумом для создания целого текста» [3, с. 504]. Блок содержания здесь также направляет распредмечивание смысла. Автор уже и сам не уверен в своей изначальной правоте. Он не знает, отказаться ли от греховного саморазрушительного предложения черта или принять его. Непонятно, чему бы служило самоотречение в мире, где все поставлено с ног на голову. Смысл-модализация, объединяющий безмодальные смыслы этого блока в единое целое может быть обозначен как «осознание необходимости изменения собственных ценностей», что снова активизирует опыт пояса чистого мышления. Разворачиваемая сюжетная картина особенно ярко представляет данный узловый смысл в своего рода сюжетном оксюмоне, нарушающем ожидания читателя: вместо крови

подписывать приходится обыкновенными чернилами. Данный содержательный ориентир поддерживается более частным контекстуальным оксюмороном: в седьмой строфе сразу после «атомного» века идет эпитет «каменный». Указанный смысл является следствием растяжения смысла-модализации двух первых кластеров, так как при категоризации оба смысла будут преобразованы в общее модальное значение необходимости, только уже не внешней, а внутренней. Все это еще более консолидирует план смыслов текста.

Набор подчиненных смыслов может разниться в конкретном рефлексивном акте в зависимости от наполнения содержания сознания осваивающего текст субъекта. Это могут быть для первых двух кластеров «борьба добра и зла в каждом человеке», «изначальная испорченность человека» (относительно первоначального греха и в рамках данного содержательного контекста), «представление о счастье как о комфорте только для себя», «безликость людской массы», «безнаказанность зла». Для последнего блока – «обесценивание добродетели», «обыденность греха», «регресс цивилизации».

Проведенный анализ организованностей модальной партитуры текста не является исчерпывающим, поскольку цель настоящей статьи – установление связи рассматриваемых отношений между блоками содержания и блоками смысла с модальной основой такого процесса. В тексте А. А. Галича наблюдается постоянное указывание направления распределения смыслов путем особой организации содержательных линий (пресуппозитивная организация). Если дополнительно рассмотреть возможность категоризации упомянутых смыслов-модализаций и превращение их в модальные языковые значения, то движение такой категоризации будет идти следующим образом: Вера/знание (Разрешение → Желательность → Необходимость (внешняя и внутренняя) / Возможность).

Значения веры/знание, вычленимые на основе категоризации надкластерного смысла-модализации «уверенность в собственной правоте», запускают процесс категоризации остальных значений. Однако сомнения, возникающие в конце у автора, реализуют соотносительную связь между необходимостью и возможностью, причем возможность уже начинает преобладать, но поздно – стихотворение уже закончилось. Может быть, поэтому в конце стоит многоточие, которое приглашает читателя к дальнейшим размышлениям на заданную тему.

Вышесказанное обуславливает следующие выводы.

1. В стихотворном тексте специфические для такого типа речевого построения текстовые средства (тип концевой рифмы, строфическая организация текста, особенности ритмико-метрического строения и т. п.) наиболее тесно связаны с опредмечиванием ядерных смыслов-модализаций в модальной партитуре распределения смыслов текста. Это указывает на управляющий статус последней, так как задействуются наиболее значимые компоненты формы текста.

2. Все указанные средства текстопостроения способны отображать структуру и связи не только плана смыслов, но и плана содержания, поскольку эти уровни взаимодействуют в ходе построения модальной партитуры.

3. Взаимоотношения между блоками содержания и смысла поддерживаются направлением рефлексии, прежде всего, на узловые смыслы-модализации и последующей их трансформацией в языковые модальные значения.

4. Связи между содержанием и смыслом, координируемые в тексте модальной партитурой, обеспечивают содержательно-смысловое единство произведения.

Литература

1. Богин, Г. И. Типология понимания текста. Обретение способности понимать: работы разных лет / Г. И. Богин. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009.
2. Гальперин, И. Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // Избранные труды / И. Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 2005.
3. Золотова, Г. А. Грамматика акциональности в поэтическом тексте // *Revue des études slaves* / Г. А. Золотова. – Paris, 1990. – LXII (1 – 2).
4. Наумова, Л. А. Пресуппозиция в логике и лингвистике / Л. А. Наумова // *Философия: в поисках онтологии*: сб. науч. тр. – Самара: Изд-во СаГА, 1998. – Вып. 5. – С. 236 – 255.
5. Панфилов, В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
6. Семенова, Н. Г. Пресуппозиция как способ связи между высказываниями (на материале английской художественной литературы XX века): дис. ... канд. филолог. наук / Н. Г. Семенова. – М.: 1984. – 184 с.
7. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи / Ю. Н. Тынянов. – М.: Советский писатель, 1965. – 304 с.
8. Холшевников, В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение: учебное пособие / В. Е. Холшевников – СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 1996. – 184 с.
9. Щедровицкий, Г. П. Смысл и значение / Г. П. Щедровицкий // *Проблемы семантики*. – М.: Наука, 1974.

Информация об авторе:

Ильина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Тверского государственного университета, 89266032775, lpuchkova@mail.ru.

УДК 801.161

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «DIARY»

Е. И. Калинина

STRATEGIES IN MODELING DIARY AS A SPEECH GENRE

E. I. Kalinina

Данная статья посвящена выявлению основных стратегических линий авторов личных дневников. Рассмотрение процесса ведения дневника с точки зрения теории элементарных смысловых единиц позволяет определить интенции субъектов речевой деятельности, которые обуславливают выбор стратегий коммуникативного поведения.

The article deals with strategies used by diarists to achieve their main communicative purpose. Analyzing a diary within the theory of semantic primitives allows us to reveal diarists' intentions which determine the choice of strategies.

Ключевые слова: личный дневник, речевой жанр, коммуникативная цель, коммуникативные стратегии, теория элементарных смысловых единиц.

Keywords: personal diary, speech genre, communicative purpose, communicative strategies, theory of semantic primitives.

Личный дневник, характеризующийся автокоммуникативной направленностью и интимностью, является базовой жанровой разновидностью дневникового дискурса, послужившей опорой для развития других жанров, также именуемых в настоящее время дневниками. Появление личных дневников как социокультурного феномена обычно связывают с возникновением интереса к личности человека. Стремление к самопознанию заставляет людей начинать дневниковую деятельность, хотя не все авторы признают наличие этого мотива, что не является показателем его отсутствия. Так, по мнению О. С. Иссерс, мотивы далеко не всегда осознаются субъектами коммуникации, а мотивировка, приводимая ими, часто не совпадает с реальной [3, с. 57]. Если мы попробуем взглянуть на начало ведения дневников с точки зрения теории элементарных смысловых единиц, предложенной для описания речевых жанров А. Вежбицкой [2, 68 – 80], то мы получим следующую ментальную формулу: *пишу, потому что хочу писать*.

Для начала ведения дневника достаточно просто позвать к письму, к изложению событий своей жизни и своих мыслей на бумаге. Начало дневниковой деятельности не продиктовано никакими внешними обязательствами, субъект либо хочет, либо не хочет писать, и уже на уровне мотивации деятельности проявляется та самая свобода жанра, наличие которой постулируют учёные-философы, занимающиеся изучением личных дневников [6, с. 104; 5, с. 64].

Любая деятельность, в том числе и речевая, совершаемая человеком, подразумевает наличие желания или потребности изменить существующую вокруг реципиента речи действительность. Поскольку интимный дневник является жанром автокоммуникативным, то реципиентом является сам субъект речи, а изменения, которые могут произойти в результате осуществления данной коммуникативной деятельности, обычно затрагивают его эмоциональную сферу.

Дневниковая деятельность всегда продиктована событиями извне, характер которых и влияет на желание начать вести дневник. Ролан Барт, рассказывая о своём единственном продолжительном опыте обращения к личному дневнику, упоминает тяжело протекавшую в то время болезнь его матери [1, с. 249]. Таким образом, дневник как речевой жанр оказывается типологически близким к жанрам исповеди и разговора по душам с присущей им интенцией «выговориться» и получить психологический выигрыш. Артур Понсонби, британский исследователь личных дневников, говорит об утешении как результате ведения дневника, сравнивая этот эмоциональный эффект с ощущениями после молитвы [8, с. 8]. Важной представляется мысль исследователя о полезности дневников, о которой говорят и сами авторы: *a type of therapy: it just helps to clear and relax the mind; it helps me feel better if I am angry, sad, etc; its a good way to get out emotions* (здесь и далее в качестве иллюстративного материала приведены цитаты из рассуждений респондентов о личных дневниках на сайте <http://uk.answers.yahoo.com/>, всего было проанализировано более 100 высказываний).

Таким образом, мы приходим к выводу, что одной из целей ведения дневника является достижение психологического комфорта, однако эта цель не является главенствующей в комплексе целей, присущей анализируемому речевому жанру, поскольку субъект чувствует эмоциональное облегчение после осуществления записей только определённого типа. В то же время наличие этой интенции помогает продолжить составление сценария ведения дневника в свете теории элементарных смысловых единиц:

пишу, потому что хочу писать;

думаю, что мне станет от этого лучше.

Психологический выигрыш автора личного дневника состоит в снятии эмоционального напряжения, соответственно, одной из стратегий будет являться

стратегия достижения эмоционального комфорта. Следует отметить, что наличие стратегий у авторов дневников объясняется долговременным характером коммуникации, дневником не является одна запись, соответственно, и результат, который сознательно или подсознательно желают получить авторы, не является сиюминутным. Достижение результата становится возможным только в масштабах всего текста.

Отношение к дневнику как к психотерапевтической процедуре свойственно не только авторам как носителям бытовой философии коммуникации, но и исследователям, в первую очередь, психологам [7, с. 338 – 346]. Среди авторов дневников можно встретить немало подростков (*I was 14 when I wrote my first; I have some journals tucked away from when i was a teen*), которым необходим поиск путей дальнейшего развития жизни, а также нравственных и духовных идеалов и мировоззренческих установок. Сталкиваясь с проблемами в реальной жизни, личности необходимо разобраться в себе, определить свою роль в социальной среде, утвердить себя. Для того чтобы начать разговор о себе и о значимых для себя проблемах, вопросах и темах, необходим соответствующий настрой. Авторы личных дневников обычно считают свои тексты привлекательными для прочтения своими родственниками и знакомыми, что в итоге выражается в наличии страха и тревоги из-за возможного обнаружения и прочтения их дневников. Стратегия достижения эмоционального комфорта призвана максимально снизить напряжение, которое может возникнуть у автора, и создать наиболее благоприятные коммуникативные условия. К подобным условиям можно отнести использование языкового кода, который призван обеспечить сохранность информации (здесь и далее анализируемые примеры приводятся по тексту дневника Рейфа Нёвилля).

(1) *Captin P said he understood I showed great attention to one or two of the female portion of the party, I am afraid my conscience tells me who one of them was, a passing fancy.*

Капитан П. сказал, что заметил, как я уделял много внимания двум представительницам женского пола на вечеринке, боюсь, что моё сознание говорит мне, кем была одна из них, мимолётное увлечение.

Так, говоря о девушке, к которой он испытывает сильную симпатию, Рейф избегает называния её имени. Это единственный человек, чьё описание в дневнике всегда обходится без упоминания имени или инициалов. Очевидным в таком случае кажется как наличие чувств к этой девушке, так и желание не выдать себя (авторы дневников всегда допускают возможность, часто для них нежелательную, прочтения своих текстов третьими лицами). Сам Рейф знает, что именно ему говорит сознание, но не считает нужным фиксировать эти сведения.

(2) *I cannot here put down the reason for it, but my life is a misery to me.*

Я не могу здесь обозначить причину этого, но моя жизнь для меня – страдание.

Создание комфортных для общения с собой психологических условий включает тактику умолчания, сокрытия некоторой информации (*I cannot here put down the reason for it*).

Поскольку осуществление самопознания возможно только в процессе общения, то автору дневника приходится искусственно конструировать коммуникативную среду, выстраивая диалог с самим собой. На исполнение этой задачи направлена диалогическая стратегия, которая в рамках речевого жанра личного дневника может быть названа псевдодиалогической.

(3) *I now write a few lines to say that Isabel was yesterday taken with the measles which today have "come out beautiful" to use a household expression for her face is one mass of red blotches and she is very sick, but Dr Dansey says she is progressing favourably.*

Я сейчас пишу несколько строк, чтобы сказать о Изабелл, которая вчера заболела корью, а сегодня «проснулась красавицей», выражаясь нашим домашним языком для описания её лица, представляющего собой массу красных пятен, она очень больна, но доктор Дэнси говорит, что она поправляется.

Диалогичность в рамках данного речевого жанра может проявляться в толковании информации, хорошо знакомой автору и незнакомой читателю. Рейф объясняет значение выражения (*"come out beautiful"*), рассказывая как о том, кем оно употребляется (*household expression*), так и о том, для чего. В момент осуществления записи фраза *"come out beautiful"* понятна для автора, он знает и о предпосылках её появления в домашнем обиходе (болезнь сестры). Личный дневник же предполагает отсроченное во времени общение с самим собой, пояснения в таком случае делают текст понятным для автора в будущем.

Потребность в разговоре, желание высказаться довольно явно ощущается авторами, отсутствие же в их жизни человека, которому они могли бы довериться, побуждает их к письму (*if something is bothering you and you can't speak to someone about it then its good to see it on paper and write down your feelings*). Этот факт также необходимо отразить при моделировании речевого жанра:

пишу, потому что хочу писать;

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом;

думаю, что мне станет от этого лучше.

Начиная вести личный дневник, автор определяет сам для себя, о чём и как он будет писать, то есть осуществляет выбор нарративной стратегии (стратегии создания текста). В любом дневнике автором осуществляется активное осмысление и обработка информации, появляющейся в результате взаимодействия с окружающим миром. Дневник помогает обработать этот непрерывный поток информации наиболее удобным для себя способом.

(4) *Went this evening to Cremorne gardens, not a bad place for fun, but expensive. Plenty of women, and bad drink.*

Был этим вечером в Креморнских садах, неплохое место, чтоб повеселиться, но дорогое. Много женщин и плохая выпивка.

Акцентируя внимание только на важных для себя моментах (женщины, выпивка, веселье), Рейф не вдаётся в подробное описание места. Орывочность и фрагментарность изложения облегчают восприятие информации. В сферу интересов автора входят именно перечисленные им вещи, и эта информация может

оказаться ему полезной в будущем (например, сообщение о дороговизне места).

Нарративная стратегия предполагает выбор стиля повествования, содержания записей и набора субжанров, используемых для изложения информации, а также тяготение к определённом типу речи. Набор субжанров, появляющихся на страницах дневника, довольно разнообразен. В дневнике Нёвилля нередко можно столкнуться с жалобой:

(5) I have to live in such a miserable manner, I owe some £20 or so & how the devil I am to pay it I don't know, I have given up the sitting room at Blomfield St, I have kept the bedroom at 8/- a week as the first economic step; in spite of being so often told at home that my pay & c ought to keep me well I don't find it any such case, as tho' I have not been at all extravagant, I am so hard up that I have no money, not a sound boot to my foot, & clothes becoming very shabby – I suppose things will right themselves eventually, but, it is beastly unpleasant now.

Мне приходится жить так убого, я должен около 20 фунтов, и я не знаю, как, чёрт возьми, я их верну, я отказался от гостиной на улице Бломфилд, я живу в спальне на 8/- неделю в целях экономии, несмотря на то что мне так часто дома говорят, что моих денег должно хватать на хорошую жизнь, я не вижу, как это можно устроить, ведь хотя я совсем не был расточительным, я очень стеснён в средствах, у меня нет приличной обуви, одежда уже изнашивается – полагаю, всё само образуется в итоге, но сейчас это чертовски неприятно.

Говоря о том, что плохого происходит в его жизни, субъект речи предстаёт несчастным человеком, находящемся в подавленном состоянии, и надеется на сочувствие. Рейфу не приходится надеяться на сочувствие со стороны членов своей семьи, которые не видят его проблем с деньгами (*being so often told at home that my pay & c ought to keep me well*), поэтому он находит утешение в дневнике, рассказывая о своих трудностях самому себе. Синтаксическая организация предложения делает его сложным для восприятия, что может свидетельствовать о повышенной эмоциональности в момент написания. Местоимение *I* встречается в приведённом высказывании одиннадцать раз, что позволяет привлечь внимание к тому факту, что всё вышеперечисленное выпало именно на долю автора. Жалоба предполагает восприятие себя как страдальца, то есть человека, не заслужившего трудностей.

Обращение к тем или иным субжанрам, являясь проявлением коммуникативного поведения личности, содержит информацию о субъекте речи и о его эмоциональном состоянии в момент осуществления речевой деятельности. К примеру, представление информации в виде жалобы свидетельствует о постоянном подавленном состоянии Нёвилля, о недостатке внимания и понимания к нему со стороны окружающих, характеризует его как человека, неспособного решать свои проблемы.

Личный дневник как эго-текст центрирован вокруг субъекта, поэтому вся информация, представленная в дневнике, непосредственно связана с жизнью самого автора: если он жалуется, то на свои проблемы, если осуждает, то людей, его окружающих, и т. д.

Модель речевого жанра, таким образом, дополняется ещё одной формулой:

пишу, потому что хочу писать;

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом;

пишу о том, что происходит в моей жизни;

думаю, что мне станет от этого лучше.

Личный дневник предполагает регулярное обращение к записям на протяжении долгого периода времени (*I'm going to keep my journals forever*), что может оказывать влияние на модификацию целей и мотивов автора, таким образом, текст, существующий в контексте личности автора, изменяется вместе с ним. Дневники известных людей привлекают внимание аудитории, поскольку по ним можно узнать не только о подробностях жизни интересной исторической личности, но и проследить процесс её становления. Ещё одна цель, выделяемая самими авторами дневников, связана с запоминанием той или иной важной информации (*it helps me to remember the different problems I went through; I want to be able to remember certain moments*).

Важным представляется следующий момент: авторов, возвращающихся к чтению своих записей, интересуют не столько события, происходившие в их жизни в описываемый период времени, сколько то, какими они были, и те изменения, которые произошли с тех пор в них самих. Следовательно, рассказывая о чём-то, авторы тем самым готовят своё восприятие себя, конструируют Я-образ для себя же, но для себя не настоящего, а будущего. Доказательством наличия Я-образа как продукта дневниковой деятельности служат слова самих субъектов этой деятельности (*I can read them and remember what I was like when I was younger; later look back and see how you've changed.....and how you're the same*).

Пишу, потому что хочу писать;

пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом;

пишу о том, что происходит в моей жизни;

думаю, что мне станет от этого лучше;

думаю, что в будущем захочу узнать, каким я был.

Таким образом, метаинтенцией дневниковых текстов можно считать осмысление себя, результатом которого является конструирование своего Я-образа, А. Понсонби называет это «*a detached point of view of himself*» [8, с. 7]. Каждая из оставляемых записей в личном дневнике вносит свой вклад в целостное восприятие автора. Создание Я-образа как цель проявляется на каждой странице дневника. Чтобы в конечном итоге получить образ себя, его надо создать, репрезентировав себя в дневнике. Макростратегией, обеспечивающей реализацию главной цели дневниковой деятельности, в таком случае выступает стратегия самопрезентации. О чём бы субъект ни рассказывал, какие бы события ни упоминал, какие бы языковые единицы ни использовал, всё это, в первую очередь, характеризует его самого, он предстаёт перед читателем (которым может являться и сам) в различных ипостасях, акцентируя внимание на тех или иных чертах своей личности.

Совокупность вышеперечисленных стратегий (диалогическая, нарративная, достижение эмоционального комфорта) делает возможным осуществление самопрезентации, в результате чего происходит формирование Я-образа. Таким образом, мы рассматриваем полиинтенциональный речевой жанр личный дневник в русле современной прагмалингвистической парадигмы, о которой говорит В. И. Карасик, рассуждая о человеке в аспекте его коммуникативного поведения [4, с. 45]. Дневник является коммуникативной деятельностью, обладающей своими мотивами, целями, стратегиями и способами их реализации. Каждая

из коммуникативных стратегий соответствует одной из интенций автора дневника, которые отражены в сценарии речевого жанра, рассмотренном в категориях семантических примитивов:

пишу, потому что хочу;
пишу о том, что происходит в моей жизни;
пишу, потому что у меня есть потребность поговорить об этом;
думаю, что мне станет от этого лучше;
думаю, что в будущем захочу узнать, каким я был.

Литература

1. Барт, Р. Дневник / Р. Барт // Ролан Барт о Ролане Барте. – М.: Сталкер, 2002.
2. Вежбицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / А. Вежбицка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Летягин, Л. Н. Личный дневник: самосознание жанра / Л. Н. Летягин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена – 2008. – № 10 (56).
6. Пигров, К. С. Скриптизация авось-бытия, или Апология интимного дневника / К. С. Пигров // Филологические науки. – 2008. – № 8.
7. Рейнуотер, Д. Ведение дневника / Д. Рейнуотер // Психология человеческих проблем: хрестоматия / сост. К. В. Сельчонок. – Минск: Харвест, 1998.
8. Ponsonby, Athur. English diaries: a review of English diaries from the sixteenth to the twentieth century with an introduction on diary writing / A. Ponsonby. – Methuen, 1923. – 447 p.

Информация об авторе:

Калинина Екатерина Игоревна – аспирант кафедры французского языка и методики преподавания Кузбасской государственной педагогической академии, 8-906-932-7790, iv.moro@mail.ru.
Ekaterina I. Kalinina – post-graduate student at Kuzbass State Pedagogical Academy.

УДК 811.111.2'373.611

МОРФО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ПРОИЗВОДНЫХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ДРЕВНЕ-, СРЕДНЕ- И НОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ПЕРИОДЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА Н. А. Константинова

MORPHOLOGICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE GERMAN EMOTIVE VERBS DERIVATIVES OF IN THE OLD, MIDDLE AND NEW HIGH GERMAN PERIODS N. A. Konstantinova

В статье описываются префиксы, принимавшие участие в процессе деривации эмотивных глаголов в древне-, средне- и нововерхненемецком периоде, их функции и специфика отношений между глагольными префиксами и семантикой производных эмотивных глаголов в разные периоды развития немецкого языка.

The article attempts to describe the prefixes involved in the process of derivation of emotive verbs in Old, Middle and New High German periods, to describe the functions of prefixes and to establish specific relationships between verbal prefixes and the semantics of emotive verbs derivatives in different periods of the German language development.

Ключевые слова: префикс, производный глагол, эмотивный глагол, диахронические исследования, лингвистика эмоций.

Keywords: prefix, derivative verb, emotive verb, diachronic studies, emotion linguistics.

Цель данной статьи – описать морфологически производные (префиксальные) эмотивные глаголы (далее – ЭГ) в древне-, средне- и нововерхненемецком

периоде развития языка, а также выявить изменения, приносимые глагольными префиксами в семантику ЭГ в процессе деривации.

Интенсивные диахронические исследования в области германского словообразования показали, что круг дискуссионных проблем в этой области стал намного шире. Проблемы, связанные с изучением эмотивной лексики, характеризующей психоэмоциональную сферу деятельности человека, являются в настоящее время в лингвистике тем исследовательским фокусом, который всё больше притягивает к себе интересы исследователей, поскольку в нём перекрещиваются категоризационная, текстовая, коммуникативная, культурологическая парадигмы [1, 6, 13].

Актуальность исследования эмотивных глаголов обусловлена активно разрабатываемой в лингвистике антропоцентрической концепцией языка и выдвижением на передний план проблемы изучения эмотивной лексики, а также диахронической ориентацией исследования глагольного префиксального словообразования.

Объектом исследования в данной работе являются морфологически производные (префиксальные) эмотивные глаголы в древне-, средне- и нововерхненемецком периоде развития языка. Выделенный предмет исследования анализируется на двух уровнях: морфологическом и семантическом. Морфологический уровень анализа предполагает характеристику производящей основы и описание префиксов в составе эмотивных глаголов с последующим их количественно-качественным анализом.

Заявленная цель исследования предполагает решение следующих задач: определить критерии отнесения глагольных лексем к эмотивным, описать префиксы, участвовавшие в процессе деривации эмотивных глаголов, описать функции префиксов и установить специфику отношений между глагольными префиксами и семантикой производных глаголов.

Отбор материала исследования проводился по принципу сплошной выборки из одноязычных толковых словарей древне-, средне- и нововерхненемецкого периодов. Материалом для исследования послужили тексты письменных памятников, относящиеся к древне- и средневерхненемецкому периоду развития языка, а также прозаические произведения немецкоязычных авторов XIX – XX вв. Методологической основой данного исследования являются фундаментальные положения психологической теории эмоций [2, 4, 6], лингвистики эмоций [1, 12, 13], немецкого глагольного словообразования [9, 10].

Выбор трёх исторических периодов при анализе процесса префиксального словообразования эмотивных глаголов обусловлен тем, что историю верхненемецкого языка традиционно разделяют на три периода: древне-, средне-, и нововерхненемецкие периоды [8]. В данной работе при определении границ исторической периодизации языка принимается единая концепция хронологических границ: двн. – 700 – 1050 гг.; свн. – 1050 – 1350 гг.; рнвн. – 1350 – 1650 гг.; нвн. – 1650 г.

В языке существует два способа обнаружения эмоций: интерпретационный, когда эмоциональное переживание фиксируется как объект познания в понятиях, и выразительный способ, когда языковое значение выражает эмоцию непосредственно и равно-

значно ему. Существует мнение, что семантическая категоризация эмоций происходит, прежде всего, при рассмотрении лексики, называющей эмоции, потому что в ней эмотивные смыслы эксплицитны, более устойчивы, стабильны, и такая лексика скорее эмотивна, чем нейтральна [1]. Согласно концепции панэмоциональности любое слово языка потенциально эмотивно [5, 13], что значительно затрудняет определение числа эмотивов в языке. Однако выделить эмотивы из словаря возможно, поскольку на уровне лексического значения категория эмотивности реализуется в специализированном семантическом компоненте, в эмосемах различного ранга [1, с. 47].

Глаголы располагают большими возможностями для изображения эмоций в разнообразных ракурсах и оттенках, поскольку они “ориентированы на сферу субъекта или на сферу объекта” [11, с. 57]. “Эмоции передаются глаголом как состояние (‘грустить’), как становление состояния (‘влюбиться’), как отношение (‘любить’), как воздействие (‘влюбить’) и как внешнее проявление эмоций (‘целовать, обнимать’)” [1, с. 10].

Под эмотивным глаголом в данной статье понимается глагол, в содержательном ядре значения которого выделяются “два обязательных семантических компонента:

- первый компонент – чувство;
- второй компонент – вид чувства” [3, с. 5].

“Компонент “чувство” (гиперсема) является постоянным, обязательным. Он показывает, что лексемой обозначается психоэмоциональная сфера. Компонент “вид чувства” – дифференциальный, переменный. Через наименование вида эмоционального признака репрезентируется родовая сема” [3, с. 6].

В словарном толковании эмотивных глаголов компонент “чувство”, или основной идентификатор эмотивности (термин Бабенко), выражается глаголами типа *empfinden* и *fühlen*. Компонент “вид чувства”, или дополнительный идентификатор эмотивности (термин Бабенко), выражается конкретными наименованиями эмоций типа *Liebe*, *Hass*, *Ärger*, например: (двн.) *sih ferscamen* = *Scham empfinden* [18, с. 255]; (свн.) *sich geriuwen* = *Reue empfinden* [17, с. 71]. У эмотивных глаголов внешнего проявления эмоций к основной теме номинации эмоции добавляется ещё способ выражения эмоционального состояния, проявляющийся во внешности, жесте, поведении, например: (двн.) *irweinen* = *weinen* [18, с. 314], где *weinen* = *beim Empfinden von Leid Tränen aus den Augen fließen lassen* [15, с. 607]; (нвн.) *aufjammern* = *plötzlich, kurz jammern* [15, с. 157], где *jammern* = *unter Seufzen und Stöhnen seinen Kummer zeigen* [15, с. 786].

Корпус эмотивных глаголов во всех периодах развития немецкого языка представлен корневыми (мотивирующими) глаголами, например: (двн.) *sih scamen*; (свн.) *bliden*; (нвн.) *sich freuen* и производными (префиксальными) глаголами, например: (двн.) *irweinen*; (свн.) *beweinen*; (нвн.) *erschrecken*. Однако структурно-морфологической особенностью немецкой эмотивной глагольной лексики является её производность.

Под производным глаголом в данной работе понимается глагол, в составе словоформы которого имеется словообразовательная морфема – префикс. По отношению к производным непроизводный глагол рассматривается как мотивирующий глагол. Термины “производный глагол” и “непроизводный глагол” относятся в настоящей работе к лексемам, так как глагольная словоформа (или лексема) может быть как морфологически производной, так и морфологически непроизводной.

Под префиксом в данной работе понимается служебная морфема, находящаяся перед корнем, а именно:

- 1) неотделяемые словообразовательные элементы типа *be-, ge-, er-, ver-, ent-, zer-, miss-*;
- 2) отделяемые словообразовательные элементы типа *ab-, an-, nach-, auf-, aus-, ein-, vor-, zu-, bei-, mit-*;
- 3) словообразовательные элементы в отделяемой форме типа *über-, durch-, unter-*;
- 4) словообразовательные элементы, омонимичные прилагательным или наречиям, типа *los-, nieder-* [15].

В ходе исследования выяснилось, что префиксы в составе эмотивных глаголов выполняют модифицирующую и трансформирующую функции. Префикс выполняет модифицирующую функцию в том случае, когда производный (префиксальный) эмотивный глагол семантически соотносится с мотивирующим глаголом, значение которого несущественно меняется в процессе деривации, например: (нвн.) *aufjauchzen* = *plötzlich kurz jauchzen* [15, 157], где *jauchzen* = *seiner Freude, Begeisterung durch Rufe, Schreie Ausdruck geben* [15, с. 787]. Префикс выполняет трансформирующую функцию в том случае, когда в процессе деривации значение мотивирующего глагола меняется достаточно существенно, например: (свн.) *vervären* = *jmdn. in Schrecken versetzen* [15, с. 459] (ср.: *vären* = *jmdn. strafen* [17, с. 312]).

На синтаксическом уровне выделяются транзитивные и интранзитивные эмотивные глаголы. Транзитивным считается глагол, управляющий в предложении дополнением (объектом) в винительном падеже без предлога (в немецком языке – в аккузативе) [14]. Интранзитивным считается глагол, не имеющий при себе объекта в винительном падеже [14]. При анализе производных эмотивных глаголов описываются также рефлексивные глаголы, которые выделяются только по формальному признаку. Под рефлексивным глаголом понимается любой глагол, сочетающийся с рефлексивным формантом *sich* в глагольной лексеме или его окружении, например: (двн.) *sich erbliden*; (свн.) *sich verangesten*; (нвн.) *sich zersorgen*.

На этапе семантического анализа в зависимости от знака эмоции, все эмотивные глаголы делятся на две большие группы:

- 1) глаголы, выражающие положительные эмоции, например: (двн.) *irfreuen* = *sich erfreuen* [18, с. 141]; (свн.) *geminnen* = *jmdn. lieben* [17, с. 67]; (нвн.) *verzücken* = *jmdn. in einen Zustand höchster Begeisterung versetzen* [15, с. 1676];
- 2) глаголы, выражающие отрицательные эмоции, например: (двн.) *irbrutten* = *jmdn. in Schrecken*

versetzen [18, с. 103]; (свн.) *ergramen* = *in Zorn geraten* [17, с. 50]; (нвн.) *anekeln* = *jmds. Ekel, Abscheu, Widerwillen erregen* [15, с. 106].

На основе словарных толкований были выделены семантические группы эмотивных глаголов, для которых приводятся соответствующие формулы толкования (далее – ФТ) с характеристикой наполняющих её аргументов, например: (двн.): *iregison* = *jmdn. erschrecken* [18, с. 103], где *erschrecken* = *jmdn. in Schrecken versetzen* [15, с. 458]. ФТ: *A versetzt C in den Zustand B (= Schrecken)*, где *A – Ag, C – Pt, B – Cont*; (нвн.): *erbittern* = *jmdn. in Wut versetzen* [15, с. 445]. ФТ: *A versetzt C in den Zustand B (= Wut)*, где *A – Ag, C – Pat, B – Cont*.

Если в словарном толковании эмотивного глагола содержится глагол-синоним, то дополнительно приводится словарное толкование последнего, например: *sich entzücken* = *sich erfreuen* [15, с. 442], где *sich erfreuen* = *bei / über etw. Freude empfinden* [15, с. 449]. ФТ: *A empfindet B (= Freude) bei / über C*, где *A – Exp, B – Cont, C – Caus*.

Эмотивные глаголы, описываемые похожими формулами толкования, объединяются далее в семантические классы [3]. Например, глаголы с формулой толкования *A versetzt C in den Zustand B* объединяются в семантический класс глаголов эмотивного воздействия, так называемые каузативные глаголы. Глаголы с формулой толкования *A empfindet B* объединяются в семантический класс глаголов эмотивного состояния и т. д.

Фактический материал исследования показывает, что интранзитивные эмотивные глаголы (ср.: двн. – 43 ЭГ; свн. – 64 ЭГ; нвн. – 70 ЭГ) доминируют над транзитивными глаголами (ср.: двн. – 25 ЭГ; свн. – 25 ЭГ; нвн. – 42 ЭГ) во всех трёх периодах развития немецкого языка.

Глаголы, выражающие отрицательные эмоции (“печаль”, “страх”, “гнев”), представлены в большем количестве, чем глаголы, выражающие положительные эмоции, например эмоцию “радость”. Этот факт свидетельствует о том, что человек гораздо чаще испытывал и испытывает отрицательные эмоции, нежели положительные.

В составе эмотивных глаголов в двн. периоде выделяются пять префиксов (*bi-, gi-, ir-, int-, fir-*), среди которых продуктивными и частотными являются *gi-* (28 ЭГ/47,5 %) и *ir-* (19 ЭГ/32,2 %). В составе эмотивных глаголов в свн. периоде можно выделить одиннадцать префиксов (*be-, ge-, er-, ver-, ent-, misse-, hinder-, under-, über-, spott-, schant-*), продуктивными и частотными среди которых являются префиксы *er-* (40 ЭГ/36,4 %) и *ge-* (26 ЭГ/23,6 %), менее продуктивными – префиксы *ver-* (19 ЭГ/17,3 %) и *be-* (11 ЭГ/10 %). В нвн. периоде корпус префиксов в составе эмотивных глаголов значительно обогащается. Это семь неотделяемых префиксов (*be-, ge-, er-, ver-, ent-, miss-, zer-*), двадцать один отделяемый префикс (*ab-, an-, auf-, aus-, ein-, entgegen-, mit-, zu-, hin-, hoch-, herum-, krumm-, kaputt-, krank-, lieb-, los-, tot-, wieder-, zu-, zurück-, zusammen-*) и два отделяемо-неотделяемых префикса (*über-, durch-*). Продуктивными являются префиксы *be-* (36 ЭГ/32,7 %), *ver-*

(34 ЭГ/30,9 %), er- (26 ЭГ/23,6 %), auf- (15 ЭГ/21,7 %), an- (8 ЭГ/11,6 %).

В процессе исторического развития языка увеличивается количество семантических групп транзитивных (ср.: двн. – 6 гр.; свн. – 7 гр.; нвн. – 10 гр.) и интранзитивных эмотивных глаголов (ср.: двн. – 6 гр.; свн. – 7 гр.; нвн. – 11 гр.). Производные транзитивные глаголы образуют два семантических класса:

1) глаголы эмотивного воздействия (каузативные ЭГ), например: (двн) *irscrecken* = jmdn. *aufschrecken* [18, с. 258], где *aufschrecken* = jmdn. *so erschrecken*, *dass er darauf mit einer plötzlichen, heftigen Bewegung reagiert* [15, с. 164]. ФТ: A versetzt C in den Zustand B (= Schrecken) und C reagiert darauf mit plötzlicher, heftiger Bewegung, где A – Ag, C – Pt, B – Cont + способ внешнего проявления эмоции;

2) глаголы эмотивного отношения, например: (свн.) *verhazzen* = jmdn. *hassen* [17, с. 320], где *hassen* = *Hass gegen jmdn. empfinden* [15, с. 668]. ФТ: A empfindet B (= Hass) gegen C, где A – Exp, B – Cont, C – объект эмотивного отношения.

Производные интранзитивные эмотивные глаголы также представлены двумя семантическими классами: 1) глаголы эмотивного состояния, например: (свн.) *underlachen* = *gegenseitig lachen* [17, с. 292], где *lachen* = *durch eine Mimik Freude, Erheiterung, Belustigung erkennen lassen* [15, с. 918]. ФТ: A empfindet B (= Freude, Erheiterung, Belustigung) und zeigt B (= Freude, Erheiterung, Belustigung) durch *Mimik*, где A – Exp, B – Cont + способ внешнего выражения эмоции;

2) глаголы становления эмотивного состояния, например: (нвн.) *sich erzürnen* = *zornig werden* [15, с. 463], где *zornig* = *voll Zorn* [15, с. 1787]. ФТ: A kommt in den Zustand B (= voll Zorn), где A – Exp, B – Cont.

Модифицирующую функцию в составе интранзитивных эмотивных глаголов в двн. периоде выполняют два префикса: *gi-*, *fir-*. В свн. периоде количество префиксов возрастает до девяти единиц (*ge-*, *ver-*, *misse-*, *un-*, *spott-*, *schant-*, *weine-*, *über-*, *under-*), а в нвн. периоде – до девятнадцати (*er-*, *ver-*, *miss-*, *zer-*, *ab-*, *auf-*, *aus-*, *entgegen-*, *herum-*, *kaputt-*, *krank-*, *krumm-*, *los-*, *mit-*, *nach-*, *tot-*, *zu-*, *zurück-*, *zusammen-*). Увеличение количества префиксов в составе интранзитивных эмотивных глаголов свидетельствует об обогащении эмоциональной сферы жизни человека.

Модифицирующую функцию в составе транзитивных ЭГ в двн. периоде выполняют три префикса: *bi-*, *ir-*, *fir-*, среди которых продуктивным является префикс *bi-* (13 ЭГ/52 %). В свн. периоде данную функцию выполняют уже четыре префикса: *be-*, *ge-*, *er-*, *ver-*, среди которых продуктивными являются *er-* (13 ЭГ/37,1 %) и *be-* (11 ЭГ/31,4). В нвн. периоде данную функцию выполняют восемь префиксов: *be-*, *er-*, *ver-*, *an-*, *auf-*, *wieder-*, *zurück-*, *durch-*. Тенденция увеличения числа префиксов в составе транзитивных ЭГ говорит о вовлечении в эмоциональную сферу жизни индивида других лиц, на которых индивид активно оказывал эмоциональное воздействие.

При реализации модифицирующей функции в двн. периоде префиксы в основном сохраняют нейтральную семантику, например: *gifrewen* = jmdn. *froh machen*, где *frewen* = jmdn. *froh machen* [18, с. 141], являются транзитивным показателем, например: *irbrutten* = jmdn. *in Schrecken versetzen*, где *brutten* = jmdn. *in Schrecken versetzen* [18, с. 103] и указывают на интенсивность эмоционального состояния, например: *irflougen* = jmdn. *aufschrecken* [18, с. 258], где *aufschrecken* = jmdn. *so erschrecken*, *dass er darauf mit einer plötzlichen, heftigen Bewegung reagiert* [15, с. 164].

В свн. периоде префиксы также сохраняют нейтральную семантику, например: *geminnen* = jmdn. *lieben*, где *minnen* = jmdn. *lieben* [17, с. 98], являются транзитивным показателем, например: *ergeilen* = jmdn. *froh machen* [17, с. 50], указывают на интенсивность эмоционального состояния (4 ЭГ), например: *verhazzen* = jmdn. *sehr hassen*, где *hazzen* = jmdn. *hassen* [17, с. 92]. При этом добавляется новый оттенок значения – «начало состояния», например: *erlachen* = *zu lachen beginnen* [17, с. 922].

В нвн. периоде префиксы в основном указывают на интенсивность эмоционального состояния, например: *sich kaputtlachen* = *übermäßig lachen* [15, с. 811], и придают глаголу оттенок значения «начало состояния», например: *sich erzürnen* = *zornig werden* [15, с. 463].

Ниже в таблице приводится количественный состав ЭГ с учётом значений, придаваемых префиксами в рамках модифицирующей функции.

№	Периоды развития немецкого языка	двн	свн	нвн	Всего ЭГ
	Значения, придаваемые префиксами ЭГ в рамках модифицирующей функции				
1.	Интенсивность состояния	3	4	13	20
2.	Транзитивный показатель	9	14	17	40
3.	Нейтральная семантика	13	14	1	28
4.	Начало состояния	8	24	21	53
	Всего ЭГ	33	56	52	141

Трансформирующая функция префиксов в составе эмотивных глаголов наиболее ярко реализовалась в

нововерхненемецком периоде развития языка. При соединяясь к мотивирующему глаголу, приставка су-

щественно изменяла его первоначальное значение, например: sich vergaffen = sich in jmdn. verlieben [15, с. 1642], где gaffen = (свн.) verwundert schauen [17, с. 119]. Трансформирующую функцию в составе ЭГ выполняли префиксы be-, er-, ver-, ent-, ab-, an-, aus-, ein-.

В результате проведённого исследования были получены данные об эмотивных глаголах в разные исторические периоды развития немецкого языка. Словообразовательная структура эмотивных глаголов представлена как корневой, так и префиксальной. Бы-

ло выявлено увеличение количества производных эмотивных глаголов по сравнению с непроизводными глаголами. Префиксальные эмотивные глаголы имеют в своём составе как отделяемые, так и неотделяемые и отделяемо-неотделяемые префиксы. Префиксы в составе эмотивных глаголов выполняют преимущественно модифицирующую функцию, реже – трансформирующую функцию. В процессе развития языка происходит расширение корпуса значений, придаваемых префиксами эмотивным глаголам в рамках модифицирующей и трансформирующей функций.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1989. – 190 с.
2. Дерябин, В. С. Чувства, влечения, эмоции / В. С. Дерябин. – Л.: Наука, 1980. – 220 с.
3. Жукова, Е. Ф. Эмоциональные глаголы английского языка (лексико-грамматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ф. Жукова. – СПб., 1993. – 28 с.
4. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб., 1999. – 500 с.
5. Квасюк, И. И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики (на материале разных частей речи современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. И. Квасюк. – М., 1984. – 22 с.
6. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. – М.: Наука, 1991. – 220 с.
7. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск, 1986. – 190 с.
8. Москальская, О. И. История немецкого языка / О. И. Москальская. – М.: Наука, 2000. – 280 с.
9. Пименов, Е. А. Типология транзитивированных глаголов / Е. А. Пименов. – Кемерово, 1995. – 265 с.
10. Степанова, М. Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М. Д. Степанова – М.: Высшая школа, 1984. – 264 с.
11. Уфимцева, А. А. Лексическое значение / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1984. – 287 с.
12. Фомина, З. Е. Эмотивно-оценочная лексика современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З. Е. Фомина. – М., 1996. – 42 с.
13. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. – Волгоград, 1983. – 180 с.
14. Duden. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Bd. 4 / Duden. – Mannheim: Bibliogr. Inst. 2001. – 864 s.
15. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden / Duden. – Mannheim: Dudenverlag, 1989.
16. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Sprache / W. Fleischer. – Leipzig: Bibliogr. Institut, 1989. – 327 s.
17. Lexer, M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch / M. Lexer. – Stuttgart: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 1992. – 600 s.
18. Schützeichel, R. Althochdeutsches Wörterbuch / R. Schützeichel. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. – 600 s.

Список принятых сокращений:

двн – древневерхненемецкий период,
 свн – средневерхненемецкий период,
 нвн – новеверхненемецкий период,
 рнвн – ранневерхненемецкий период,
 Ag – агенс,
 Caus – причина,
 Cont – содержание,
 Exр – экспериенцер.

Информация об авторе:

Константинова Нина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ, 8 (3842) 58-34-97, konst-nina @yandex.ru.

Nina A. Konstantinova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of German Philology, Kemerovo State University.

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА СУПРАСЕГМЕНТНОМ УРОВНЕ РЕЧИ

Е. Н. Макарова

CROSS LANGUAGE INTERFERENCE ON THE SUPRASEGMENTAL SPEECH LEVEL

E. N. Makarova

В статье обсуждаются результаты экспериментально-фонетического исследования межъязыковой интерференции в английской речи русских дикторов с разным уровнем владения английским языком: на среднем уровне, на уровне выше среднего и продвинутом. Выявлены типичные ошибки в выборе места интонационного центра. Приведён сопоставительный анализ русских и английских экспериментальных высказываний.

The article discusses the results of experimental phonetic research of cross language interference in the English speech of the Russians belonging to three groups: having Intermediate, Upper-Intermediate and Advance levels of English language proficiency. Typical errors in nucleus placement for each group are revealed. The comparative analysis of the Russian and English experimental utterances is given.

Ключевые слова: фразовая акцентуация, интонационный центр, межъязыковая интерференция.

Keywords: phrasal accentuation, sentence nucleus, cross language interference.

Межъязыковое влияние находит отражение на всех уровнях языка. Наиболее яркие проявления языковых контактов можно наблюдать на супraseгментном уровне. Интонационные ошибки в английской речи русскоговорящих, вызванные интерферирующим влиянием русского языка, описаны достаточно подробно [1; 2, с. 50 – 58; 3]. Однако, проблема выбора позиции интонационного центра в английской неродной речи является мало изученной. Среди наиболее заметных работ, посвящённых сопоставлению русского и английского языков на уровне акцентной структуры высказывания, можно отметить исследование А. А. Лебедевой [4]. Подробно описывая как общие, так и отличительные черты между двумя языками на материале неэмфатической речи, автор не рассматривает исследуемую проблему в лингвотомодическом аспекте. Вместе с тем анализ неорфоэпических смещений интонационного центра в английской речи русских, несомненно, интересен с позиций обучения английскому языку в русской аудитории.

Для выявления зон интерферирующего влияния русского языка на уровне постановки главного фразового акцента было проведено экспериментально-фонетическое исследование, материалом для которого послужили 190 диалогических единств, принадлежащих к разговорно-бытовому стилю речи. Подбор материала позволял ожидать лишь единственно возможную локализацию интонационного центра, определяемую предшествующим контекстом. Для подтверждения данного прогноза экспериментальные микродиалоги были предложены для прочтения 6 дикторам-американцам, носителям американского произносительного стандарта. После проведения слухового анализа, целью которого являлось определение позиции интонационного центра, ожидаемые позиции интонационного центра были подтверждены, а полученные реализации приняты за условные эталоны произнесения экспериментального материала. На следующем этапе микродиалоги были предложены для прочтения 30 русскоязычным дикторам, изучающим английский язык в качестве иностранного в условиях искусствен-

ного билингвизма. Испытуемые владели английским языком на разных уровнях: 10 человек на среднем уровне (Intermediate), 10 – на уровне выше среднего (Upper-Intermediate) и 10 человек – на продвинутом уровне (Advanced). Результаты слухового анализа по определению позиции главноударного слова показали, что в чтении дикторов всех групп присутствуют смещения интонационного центра фразы в сравнении с условным эталоном. В группе 1 (Intermediate) они составили 29 % от числа реализованных дикторами этой группы высказываний, а в группах 2 (Upper-Intermediate) и 3 (Advance) 27 % и 29 % соответственно. При таком результате говорить о влиянии фактора уровня владения английским языком на выбор позиции главноударного слова не представляется возможным. На следующем этапе высказывания со смещёнными интонационными центрами были предъявлены 3 аудиторам-американцам для определения нормативности/ненормативности звучания исследуемого материала по позиции интонационного центра. Все реализации со сдвигом главноударного слова были признаны аудитором ненормативными. Представляется интересным провести классификацию ошибок, выявленных в речи дикторов в каждой группе, а также сопоставить типы ошибок, допущенные русскими информантами с разным уровнем владения английским языком.

В группе 1 количество ненормативных реализаций составило 29 % от общего числа исследуемого материала, прочитанного дикторами этой группы. Максимальное количество ошибочных смещений интонационного центра высказывания было сделано в высказываниях, относящихся к категории «событийных предложений», описывающих какое-либо событие при помощи использования непереходного глагола. «Интонационный центр в таких случаях, как правило, расположен на подлежащем... даже если глагол однозначно является носителем новой информации» [5, с. 174]. К числу типичных ошибок, зарегистрированных в речи всех десяти дикторов, входящих в данную группу, можно отнести следующие примеры:

– What’s up?

ЭВ (эталонный вариант): – *John got ill* (интонационный центр выделен в тексте курсивом).

Русские дикторы смещают интонационный центр на крайний правый элемент:

ОВ (ошибочный вариант): – *John got ill*.

Или:

ЭВ: – What’s the problem?

– The *door* closed.

ОВ: – The door *closed*.

Высказывания со сдвигом интонационного центра были оценены аудиторами-американцами как ненормативные. По словам аудиторов, они звучат неестественно и нелепо. Норма английского языка допускает в таких случаях единственно возможный вариант произнесения с интонационным центром на имени существительном.

Сопоставление английских высказываний и их русских эквивалентов по позиции главноударного слова не подтверждает предположение о влиянии родного языка русских испытуемых на выбор ими главноударного слова в английской фразе, поскольку распределение фразовых акцентов в подобных случаях и в русском и в английском языке идентичны:

– Что случилось?

– *Джон* заболел.

Или:

– Что за проблема?

– *Дверь* закрылась.

В группе 2 (Upper-intermediate) наибольшее количество ошибок было допущено в интонационном оформлении предлогов. В понимании Д. Уэллса главноударность предлогов является типичной для английских высказываний с широким фокусом в двух случаях [5]. Во-первых, в специальных вопросах с предлогом в качестве последнего фразового элемента:

What’s *it for*?

Who’s *she with*?

Автор уточняет, что если в примерах подобного рода местоимения будут заменены на имена существительные, именно на них, а не на местоимениях будет реализован ядерный тон.

Примеры, относящиеся ко второму случаю, также представляют собой специальные вопросы, предлоги в которых занимают позицию после вопросительного слова:

What *of it*?

What *about it*?

Именно такой тип акцентной выделенности представляет сложности для русских, изучающих английский язык в качестве иностранного. В чтении русских дикторов в подавляющем большинстве случаев интонационный центр был реализован на последнем лексическом элементе вопроса местоимении «it»:

– The lecture is on economics.

ЭВ: – Yes, it’s *on it*.

ОВ: – Yes, it’s *on it*.

Или:

– He is late again!

ЭВ: – What *of it*?

ОВ: – What *of it*?

Аудиторы оценили такие реализации как ненормативные. Выделение в качестве главноударного элемента местоимения абсолютно неоправданно. Такие реализации, по их мнению, звучат неестественно и нелепо.

То, что позиционный фактор является главенствующим в английской речи русских информантов, не может быть объяснено интерферирующим влиянием их родного языка:

– Он опять опоздал!

– Ну, и *что* из этого?

Влияние русского языка может проявлять себя в том, что предлог в русской фразе-эквиваленте не может выступать в роли интонационного центра в рамках предложенного контекста. Разница в интонационном оформлении предлогов в двух языках значительна. В сравнении с английским языком, русские предлоги относятся к лексическим единицам, главноударность которых имеет место лишь в случае противопоставления. Поскольку позиционный фактор достаточно часто способствует акцентному выделению финального фразового элемента в русском языке, выбор русскоязычных дикторов может быть объяснён именно этой причиной. Вместе с тем логично было бы предположить, что под интерферирующим влиянием родного языка, типичным ошибочным вариантом в английской речи русских был бы следующий:

– *What* of it?

Такая реализация, однако, была зафиксирована в речи лишь одного диктора и носит случайный характер.

В группе 3, как и в первой группе, наибольшее количество ошибочных смещений интонационного центра было зафиксировано в предложениях, относящихся к категории «событийных».

Незначительно меньшее количество ненормативных вариантов произнесения исследуемого материала было зарегистрировано во фразах с наречиями-интенсификаторами в их составе. Интересно, что такие примеры составили вторую по сложности группу высказываний для дикторов всех трёх групп. Дикторы-американцы выбирают в качестве интонационного центра в таких случаях наречие-интенсификатор, например:

– I am sorry.

ЭВ: – Are you *really* sorry?

Русские дикторы выбирают в качестве главноударной единицы уже упоминавшийся в предыдущем контексте лексический элемент:

ОВ: – Are you *really sorry*?

В рамках предложенного контекста, по мнению аудиторов, такой выбор неуместен. После уже принесённого извинения второго участника диалога интересует степень раскаяния собеседника. Ошибочная реализация могла бы иметь место вне рамок заданного контекста, но не в предложенной дикторам ситуации, считают аудиторы-американцы.

Ещё один интересный пример:

– Is Jennifer looking forward to the meeting?

ЭВ: – Yes, she is *awfully* excited.

Большинство русских дикторов всех трёх групп выбрали в качестве интонационного центра последний лексический элемент реплики-ответа:

ОВ: – Yes, she is awfully *excited*.

По оценке auditors, такое смещение интонационного центра нарушает нормы расстановки фразовых акцентов в английской речи. Значение фразового глагола «to look forward to...», по их мнению, в данном примере эквивалентно по смысловому содержанию выражению «to be excited». Именно поэтому выделение главным фразовым акцентом усилительного наречия «awfully» является необходимым. Собеседнику важно подчеркнуть степень взволнованности Дженнифер, поскольку сам факт предвкушения ею встречи является предсказуемым.

Сопоставление английских реплик-ответов и их русских эквивалентов не подтверждает наличие интерферирующего влияния родного языка русских информантов на выбор ими позиции интонационного центра:

– Мне жаль.

– Тебе *действительно* жаль?

– Джейн с нетерпением ждёт встречи?

– Да, она *чрезвычайно* взволнована.

В этом случае русские дикторы выбирают в качестве главноударного элемента финальный элемент высказывания, несмотря на то, что в их родном языке правила расстановки фразовых акцентов в данных случаях совпадают с нормой распределения ударных элементов в английской речи.

Третье место по количеству ненормативных вариантов в группах 1 и 3 занимают примеры с главно-

ударными предложениями, в группе 2 – «событийные предложения».

Таким образом, проблемные с точки зрения выбора главноударного слова типы английских предложений для всех трёх групп совпадают и включают «событийные предложения», фразы с главноударными наречиями-интенсификаторами и предложениями. Незначительная разница в количестве ненормативных реализаций для дикторов каждой группы не препятствует их классификации в качестве типичных ошибок, допущенных русскими информантами с разным уровнем владения английским языком. Важно подчеркнуть, что во всех случаях ненормативные смещения интонационного центра на финальный фразовый элемент не могут быть объяснены только интерферирующим влиянием родного языка испытуемых. Такое влияние проявляет себя в акцентном оформлении английских предложений, выделение которых главным ударением для русской речи не является типичным. Вместе с тем косвенное влияние русского языка может выражаться в выборе дикторами в качестве главноударного слова финального фразового элемента, поскольку именно такое распределение фразовых акцентов является типичным для русской нейтральной речи.

Полученные данные имеют несомненное значение не только для лучшего понимания природы факторов, определяющих выбор интонационного центра в родной и неродной речи, но и для совершенствования методики преподавания английского языка в русской аудитории.

Литература

1. Вишневская, Г. М. Интерференция и акцент: (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. М. Вишневская. – СПб., 1993. – 373 с.
2. Вольская, Н. Б. Интонационные ошибки русских студентов и их оценка носителями английского языка / Н. Б. Вольская // Фонетическая интерференция: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Г. М. Вишневская. – Иваново: ИвГУ, 1985. – С. 50 – 58.
3. Кубланова, М. М. Языковая интерференция на уровне интонации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / М. М. Кубланова. – М., 2003. – 171 с.
4. Лебедева, А. А. Особенности фразовой акцентуации английского языка в сопоставлении с русским языком в синхронии и диахронии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Лебедева. – М., 2001. – 52 с.
5. Wells, J. English Intonation: an Introduction. Cambridge University Press / J. Wells. – 2006. – 286 p.

Информация об авторе:

Макарова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург), докторант кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета, 89086329229, makarovayn@mail.ru.

Elena N. Makarova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg; doctoral student at the Department of Phonetics and Methodology of Teaching Foreign Languages, St.Petersburg State University.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ЛИТОТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЛОГАХ ИНТЕРНЕТА

О. Н. Павленкова

COGNITIVE APPROACH TO THE LITOTES SEMANTICS STUDIES IN THE ENGLISH BLOGS

O. N. Pavlenkova

В статье приводятся основные постулаты когнитивной науки и показывается пример анализа семантики и стилистики литотных конструкций с точки зрения когниции. Автор также дает характеристику блогу как одному из новых видов масс-медиа дискурса.

The main postulates of the cognitive science are summarized in the article. The semantics and stylistics of the litotes constructions are analyzed through the cognitive approach. The author also characterizes the blog as one of the new types of mass media discourse.

Ключевые слова: когнитивный подход, блог, литотные конструкции, дискурс масс медиа.

Keywords: cognitive approach, blog, litotes constructions, mass media discourse.

Процесс развития лингвистической науки представляет собой смену «научных парадигм, каждая из которых характеризуется специфическим набором эвристик – исходных представлений об объекте исследования и допустимых способах его изучения» [1, с. 11]. В настоящее время в лингвистике наиболее быстрыми темпами развивается когнитивное направление. Это обусловлено тем, что результаты исследований когнитивной науки важны для многих фундаментальных наук, так или иначе связанных с языком и обращающихся к лингвистике для разъяснения стоящих в них практических и теоретических проблем. Неудивительно, что у основания данного лингвистического направления стоят такие лингвисты, как Н. Хомский, Ч. Филлмор, Р. Шенк, Дж. Лакофф, Л. Талми и др. В отечественной лингвистике когнитивный аспект изучения языка разрабатывается в работах Е. С. Кубряковой (2000), В. З. Демьянкова (1994), А. В. Кравченко (1996) и др.

Когнитивная наука начала появляться после II Мировой войны в США, где были собраны лучшие ученые Германии и всей Европы. Одной из наиболее важных задач исследований, которыми они занимались, была проблема обработки информации, в частности более быстрой и эффективной коммуникации. Это было обусловлено результатами прошедшей войны, которая показала, что только быстрые, координированные решения могут привести к успешным боевым действиям. Поэтому на первый план выходят проблемы связи, быстрой обработки и передачи информации. Научное направление, которое стало занимать этой проблемой, первоначально называлось «кибернетика». В разработке этих вопросов участвовали психологи (Дж. Миллер), лингвисты (Р. Якобсон, Н. Хомский), специалисты по вычислительной технике (Н. Винер). Они пришли к выводу, что все эти научные проблемы объединяет одно – **человеческое сознание**. В результате ученые обратились к изучению того, что называется познавательными, ментальными процессами. Позднее они стали называться **когнитивными процессами**.

Однако только с 1960-х годов началось глубокое исследование этой проблемы.

Вслед за Е. С. Кубряковой мы считаем, что **когнитивная наука** – это «наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» [7, с. 34]. Соответственно, когнитивная наука – это наука о системах репрезентаций знаний и обработке информации, которая поступает по различным каналам.

Как результат, когнитивная наука объединяет широкий круг научных дисциплин, в частности логику, психологию, философию, лингвистику, информационные технологии и др. Все эти науки тесно связаны между собой и имеют то или иное отношение к получению, хранению, обработке, использованию, организации, накоплению структур знания и формированию их в человеческом мозге.

Вне зависимости от того, в какой научной сфере и при рассмотрении каких вопросов применяется когнитивный подход, существуют такие положения (или постулаты), которые типичны для когнитивной науки в целом. Перечислим ниже некоторые из подобных характеристик:

1. Существование особого уровня ментальных репрезентаций, которые следует изучать в отвлечении от биологических, нейробиологических, социальных и культурологических особенностей человека.

2. Признание центральной роли электронных компьютеров для понимания принципов функционирования человеческого разума. Компьютеры рассматриваются как примерные модели функционирующего мозга. Аналогия между компьютером и человеческим мозгом заключается в том, что информация обрабатывается поэтапно, варьируясь по сложности от низшего к высшему уровню. Кроме того, сходство состоит еще и в способности интегрировать информацию, полученную по разным каналам.

3. Признание междисциплинарного характера когнитивного подхода. Только синтез наук может способствовать пониманию сути когниции, так как

разум слишком сложен для того, чтобы изучать его только с точки зрения одной науки.

4. Когнитивные структуры привязаны к вербальным (символьным) структурам, а основные механизмы когниции универсальны [5, с. 24].

Таким образом, когнитивная наука обратилась к решению тех проблем, которые всегда волновали философов, социологов, логиков, не говоря уже о психологии и лингвистике. Однако сегодня самые разные науки объединяются для этого, что помогает выработать «некоторую общую систему допущений (assumptions) и критически пересматривая накопившиеся по этому поводу знания в свете новейших достижений наук, которые ранее были неизвестны» [9, с. 5]. Когнитивизм предлагает свою парадигму научного знания и систему взглядов, которая не является просто суммой каких-то представлений и тем более не повторяет традиционных трактовок своих ключевых понятий.

Отличительной чертой когнитивизма также является особый подход к решению вопросов о сознании и разуме, а именно: сознание ассоциируется с материально организованным образованием – мозгом.

Итак, мы привели вкратце основные постулаты когнитивной науки. Однако указанные характеристики не являются единственно возможными. Мы их выделили, основываясь прежде всего на их очевидности и общепризнанности. Таким образом, с нашей точки зрения когнитивизм – это динамично развивающееся направление, и несмотря на большое количество исследований по данному вопросу, еще остается очень много неисследованных моментов. Это обусловлено тем, что человеческое поведение адаптивно, а когниция охватывает разные формы постижения мира, которые начинаются с первых контактов с окружающей средой, а, следовательно, это постоянно происходящий и постоянно меняющийся процесс.

Чем же обусловлено столь бурное развитие когнитивной лингвистики? Традиционный взгляд на язык изменился, прежде всего, благодаря смене структурной парадигмы в лингвистике на антропологическую. Мы согласны с З. А. Харитончиком, который считает, что «язык мыслится... как система, составляющая конститутивное свойство человека... и тесно связанная с мышлением и духовно-практической деятельностью человека, его личностью и знанием о мире...» [11, с. 99].

Неудивительно, что большинство ученых лингвистов справедливо полагают, что язык – это средство доступа к тайнам мыслительных процессов. Помимо функции «средства общения», язык еще является «орудием мысли» и «зеркалом национальной культуры».

Вслед за Н. Н. Болдыревым мы считаем, что когнитивная наука – это наука, «которая, прежде всего, занимается когницией», а когнитивная лингвистика занимается когницией в ее языковом отражении. В целом когнитивную лингвистику можно определить как «науку, изучающую соотношение когнитивных и языковых структур» [3, с. 8 – 9]. Однако это не превращает когнитивную науку ни в науку о языке, ни в науку о знании. Просто на существующем этапе развития когнитивной науки «разрешение насущных

проблем концептуального анализа видится в последовательном изучении языковых проявлений деятельности человеческого сознания и связывается главным образом с познанием той инфраструктуры мозга – когнитивной системы, которая обеспечивает всю эту деятельность. Язык же рассматривается как главная когнитивная составляющая этой инфраструктуры». Следует отметить, что «язык не просто «вплетен» в тот или иной тип деятельности человека, но образует ее речемыслительную основу, объективируя замысел деятельности, ее установки, разные компоненты деятельности. Эти объективированные и непосредственно наблюдаемые результаты деятельности образуют ту эмпирическую область данных, на базе которых могут далее изучаться такие когнитивные феномены человеческого сознания, как память, правила логического вывода и умозаключений и т. п. Исследователю приходится строить предположения о том, «какие языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание». Таким образом, язык предоставляет «доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания» [7, с. 37].

Известно, что в когнитивной лингвистике главное внимание уделяется «связи языка с познавательными процессами, со способами получения, обработки и хранения информации о мире в их корреляции с языковыми формами» [8, с. 12]. Преимущество когнитивной лингвистики, согласно Е. С. Кубряковой, состоит в том, что она открывает «широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных и многообразных связях... со всеми мыслительными и познавательными процессами, осуществляемыми человеком и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [10, с. 3].

Мы считаем, что одной из важнейших особенностей когнитивной лингвистики является «выход» за пределы языка: исследователя занимают уже не просто окружающая действительность, такая, как она отражается в языке, а сам человек, познающий эту действительность с помощью языка. Таким образом, язык осмысливается как основное средство «фиксации, переработки и передачи знания и выступает в качестве своеобразной системы различных «упаковок» знания. В результате, на первый план выдвигается вопрос о видах знания и способах их языкового представления» [2, с. 92]. Вслед за Н. Н. Болдыревым мы считаем, что язык является «тем самым высоким уровнем, на котором информация, полученная по разным каналам, обрабатывается воедино, интегрируется, осмысливается, категоризируется и классифицируется» [3, с. 7]. Поэтому только лингвисты могут объяснить, как это происходит. Лучшим доступом к сознанию человека и нации в целом является наблюдение за языком как формой отражения и выражения мыслительных процессов.

В свою очередь, когнитивный подход подразумевает рассмотрение той или иной проблемы применительно к познавательной деятельности человека и процессам мышления в определенной научной области. Таким образом, когнитивный подход предоставляет возможность исследовать семантику и стилистику языковых единиц как результат взаимодействия

мышления, языка и знания, и описать их, акцентируя внимание на особые национально-семиотические характеристики, присущие определенному народу в определенный момент развития его истории.

А что может более четко отражать язык общества на соответствующем этапе развития, чем дискурс масс-медиа? Однако следует учесть, что в наше время высоких технологий и бурного развития глобальной сети Интернет, масс-медиаальный дискурс переходит на новый уровень. Кроме того, что многие печатные журналы и газеты, также как и телевизионные и радио передачи имеют свои аналоги в сети Интернет, нельзя не заметить появление новых видов масс-медиаального дискурса, характерного именно для сети, в частности Интернет блоги. Более того, уникальность этого вида дискурса обусловлена тем, что блоги – это сайты, легко создаваемые и обновляемые пользователями, практически не имеющими технологических навыков и знаний, а значит являющимися типичными представителями своей нации. Часто авторы блогов выступают в качестве журналистов, редакторов, а иногда и экспертов в одном лице. Нельзя исключать и такие специфические особенности блогосферы как обратная связь, скорость, мультиформатность, независимость от редакционной политики издания, полная свобода в рамках действующего законодательства [12]. Согласно статистике, которую приводит А. Вейцкин, блоги – это источник информации для профессиональных блогов (91 %), сетевых журналов (68 %), печатных газет (35 %), печатных изданий (38 %) [12]. На наш взгляд представляется интересной ассоциация, предложенная Арсением: «Медиа – личность, а не издание», так как она соответствует идеям когнитивного подхода в лингвистике, когда язык рассматривается с точки зрения личности, а не изолированно.

Как результат просматриваются следующие технологические аспекты социальных сетей (М. Литвинovich):

- новые жанры (не ньюс, а история);
- новая скорость (массовое мероприятие создано за 9 часов);
- новый способ получения информации;
- право первой интерпретации;
- навязывание тем и своей повестки дня;
- формирование стандартных схем и приемов (технология Дымовского – видеообращение президенту);
- манипулирование СМИ [12].

Все вышеперечисленное отражает, с нашей точки зрения, новый этап в развитии СМИ – глобально-когнитивно-ориентированный. Однако мы считаем, что блогосфера еще не закончила своего формирования и находится сейчас в процессе своего становления.

Актуальность изучения рассмотренного выше вида масс медиаального дискурса обусловило выбор материала нашего исследования, который был отобран методом сплошной выборки из англоязычных статей блогов на сайте www.parenting.com. Объектом нашего исследования являются литотные конструкции. Уточним, что под литотой мы понимаем средство языковой номинации, которое обладает самостоятельными структурно-семантическими и прагматическими ха-

рактеристиками, которые находят подтверждение в речевом дискурсе СМИ. Следует отметить, что литотные конструкции представляют богатый материал для анализа с различных точек зрения, в частности лингвостилистической, коммуникативно-прагматической, национально-семиотической и т. д. Однако, ограничиваясь рамками данной статьи, мы остановимся только на коммуникативно-прагматическом аспекте литоты, а именно на использовании автором литотных конструкций определенной семантики для реализации своей интенции.

В частности особенно выделяются литотные конструкции с отрицанием “not”. Здесь считаем уместным привести точку зрения А. И. Гальперина, который считает, что «отрицание в литоте нельзя рассматривать как простое снятие признака, заключение в отрицаемом понятии. Здесь происходит слияние отрицательной частицы и последующего слова, что оба эти элемента становятся неотделимыми друг от друга. Они образуют новое смысловое единство» [4, с. 218]. В литотных конструкциях можно проследить интересные пути взаимовлияния формы на выражаемое содержание слова.

Рассмотрим следующий пример:

Yes, walking hurts. Running is impossible. Good thing I haven't been chased by any bears lately. So quite honestly, that's the worst of the worst to me. **Not bad** huh? There are many more things I LOVE about pregnancy but here...

Речь в статье “My Favorite (and Least Favorite) Things About Pregnancy” идет о сложностях беременности. Автор Jennifer Johnson пишет, что, несмотря на проблемы со здоровьем, которыми сопровождается практически любая беременность, в ее случае их не так уж и много. Для того, чтобы сделать акцент на том, что возможно все не так уж и плохо (“Not bad huh?”), используется риторический вопрос. Обращает на себя внимание также форма этого предложения, а именно отсутствие в нем подлежащего (it) и глагола связи (to be). Таким образом, получается своеобразный эллипсис. Автор нарочно использовал этот стилистический прием для того, чтобы приблизить письменную речь статьи к обыкновенному разговору, таким образом, став ближе к читателю.

Почему же автор использовала именно “not bad”, а не его антоним “good”, который, если рассуждать логически, и должен выражать смысл употребленной литотной конструкции? Однако семантика литот гораздо сложнее и многообразнее, чем может показаться на первый взгляд. В частности, в рассмотренном выше примере смысл литотной конструкции будет лежать где-то между значениями антонимов “bad” и “good”. Тем не менее, для того, чтобы понять точное значение литоты, нужен контекст, так как одна и та же литота может иметь различные оттенки значения в различных контекстах. Например, в следующем примере так же используется литотная конструкция “not bad”, она отличается от рассмотренного выше примера:

I'm going to have to leave work especially early on those days, in order to pick him up and get him home in enough time to spend some quality time with him and feed him dinner, before what will inevitably become an earlier

bedtime. That just means better time management at work on my part so I can leave the office early – that's not a bad thing, it's just a hard thing.

В статье “My Son is Starting Daycare and I'm Freaking Out About It” Sarah Preston Gorenstein пишет о проблемах, с которыми она предполагает столкнуться, когда ее сын пойдет в детский сад. Одной из них является более ранний уход с работы. Литотная конструкция в приведенном выше примере интересна тем, что после нее идет расшифровка ее значения “it's just a hard thing”.

Таким образом, точное значение рассматриваемой изолированно литотной конструкции определить практически невозможно. Для этого необходим контекст.

Мы также считаем, что взаимосвязь семантики антонимов “bad” и “good” в литотных конструкциях английского языка является постоянной. В частности, наравне с “not bad”, достаточно часто встречается употребление литоты “not good”. Например:

Am I over-thinking things too much though? These are real concerns, but it's not like it's going to stop me from trying for another baby...I just need to find a way to not let these things occupy my mind as much as they do. It can't be good for me, or Jay, or Preston.

В статье “Turns Out I Am Neurotic...” автор Sarah Preston Gorenstein размышляет, насколько трудно работающей маме иметь двух детей. И в конце приходит к выводу, что если слишком много думать над этими проблемами, то пользы от этого не будет никому: ни ей, ни мужу, ни сыну. Можно ли заменить здесь литоту “not good” на антоним “bad”? Конечно нет, так как в данном контексте их семантика неравнозначна. Изменение семантики слова в литотной конструкции и невозможность заменить отрицательную литоту подходящим ей по смыслу антонимом касается не только прилагательных, но и других частей речи, в частности наречий. Рассмотрим следующий пример:

There aren't enough hours in the day when you're a full-time working mom. Heck, there aren't enough hours in the day when you're a mom, period. And the sad thing is, I love taking on projects like this -- I don't have a lot of time in my life right now for anything outside of work, family, and sleep.

В статье “How Do You Chronicle Your Kids Life?” речь идет о том, что работающей маме не хватает 24 часов для того, чтобы все успеть. Можно ли заменить литоту “aren't enough” на “few”? Думается, нет. Автор даже использует стилистический прием повтора, чтобы сделать акцент именно на нехватке времени, поэтому если использовать “few”, то изменится эмоциональная окраска высказывания. В литотных конструкциях с отрицанием “not” встречаются и фразеологические обороты, которые также нельзя заменить их антонимами. Например:

Now, one night is normally not a big deal, but we brought a two-week-old baby AND our less-than-a-year-old-dog Barkley – the car was so jam-packed with “stuff” there was barely enough room for me.

В статье “Best Baby Moments 2010” идет речь о лучших моментах, которые были у автора с ее сыном в 2010 году. Одним из этих моментов была первая по-

ездка ее малыша. И хотя обычно выходные с ночевкой “not a big deal”, однако не в том случае, когда с вами едут маленький ребенок и собака. Автор использует литоту, которая уже стала фразеологическим оборотом. Заменить ее сходными по смыслу выражениями без отрицания “a common thing”, “a usual practice” нельзя, так как в этом случае также теряется ее экспрессивная окраска.

Помимо вышеперечисленных можно выделить следующие пары, в которых англоговорящие авторы предпочитают использовать слово с положительной коннотацией с отрицанием “not” вместо существующего в английском языке антонима или однокоренного слова с отрицательной семантикой: much-little; big-small; lie-truth; fair-unfair; sure-unsure; necessarily-unnecessarily и т. д.

Таким образом, из рассмотренных выше примеров видно, что в литотных конструкциях сталкиваются отрицательное и положительное значения ее составляющих, что часто достигается за счет употребления отрицательной частицы “not”. Это позволяет обогатить семантику литоты, получив, таким образом, значения, которые стоят на стыке двух противоположных полюсов и обладают различными качественными характеристиками.

В процессе сопоставительного анализа когнитивной составляющей различных литотных конструкций английского языка, которые мы взяли из англоязычных статей в блогах на сайте www.parenting.com, нас также заинтересовали случаи их использования авторами для реализации своих интенций на читателей. Мы выделили следующие виды:

1. Маскировка своих слабостей.
2. Смягчение отрицательных характеристик окружающих.
3. Избегание негативной оценки различных жизненных ситуаций.

Проиллюстрируем перечисленные выше виды конкретными примерами. В частности, в статье “My Stint as a Stay-at-Home Mom” автор Sarah Preston Gorenstein пишет о том, что хотя она и очень любит своего сына, но все равно она устает, когда проводит с малышом 24 часа без чьей-либо помощи, и поэтому она признается: *I came to the realization that I am not really cut out for stay-at-home motherhood*. Так, используя литотную конструкцию “not really cut out for stay-at-home motherhood”, автор смягчает общее впечатление, которое может сложиться у читателей о ней. А в статье “What Do You Want From a Ther-MomEter?” Kathryn Thompson делится наблюдениями за поведением своих трех детей на приеме у педиатра. Kathryn жалуется, что даже если дома они себя чувствуют очень плохо, то как только семья приходит к врачу, болезнь забывается. Однако многое приходит с опытом, и она пишет далее: *I have a better feel for childhood illnesses and how they work, I know my kids better now, they're better at letting me know what's really bothering them, and I'm just a lot less high-strung about all aspects of parenting*. Автор использует прием оксюморона для построения литотной конструкции “a lot less high-strung” для того чтобы показать, что сейчас она гораздо хладнокровнее относится ко многим аспектам материнства, чем раньше. Однако, с нашей

точки зрения, используемая литота говорит о том, что женщина на самом деле не такая спокойная, какой хочет казаться.

Рассмотрим пример, когда литота выступает для смягчения характеристик окружающих. В статье “Smack Talking Over the Michael Jackson Wii Dance Game” автор Denene Millner пишет о том, как ее увлекла игра, созданная на основе танцев Майкла Джексона. Когда она дает характеристику певцу, то использует литоту “not weird”:

More specifically, the new Michael Jackson Wii game. It's got a sparkly glove and “Remember the Time” and “Workin’ Day and Night” and “Rock With You” and dances featuring MJ when he was cute and fresh and not weird and I wanted to be his girlfriend.

Denene таким образом показывает, что, с одной стороны, она не считает певца странным, а с другой стороны не может назвать его абсолютно нормальным, адекватным человеком, так как в этом случае можно было бы просто опустить литотную характеристику артиста. Мы считаем, что литота здесь также употребляется для того, чтобы показать изменения, которые произошли с характером певца. А именно то, что в начале своей карьеры он был “not weird”, а затем стал “weird”.

Одним из примеров, когда автор старается избежать негативной оценки своей жизненной ситуации, может быть следующее предложение: “We’re at a point now, and it’s been this way for a few months, where

going to restaurants with Preston is not terribly fun for anyone.” Речь в статье “What Do You Do to Pacify Your Children” идет о поведении маленьких детей в общественных местах и о связанных с этим трудностях. Стилистический прием оксюморона, используемый для построения литотной конструкции “is not terribly fun”, усиливает ее эмоциональный компонент.

Таким образом, коммуникативно-прагматический аспект литотных конструкций в статьях блога англоязычного сайта www.parenting.com реализуется посредством взаимовлияния семантики антонимичных пар. Авторы используют рассматриваемый троп для маскировки своих слабостей; смягчения отрицательных характеристик окружающих; избегания негативной оценки различных жизненных ситуаций.

Следует отметить, что декодирование читателями значений, используемых англоговорящими авторами литот, представляет собой достаточно креативный процесс, так как он происходит синхронно в момент восприятия статьи блога. Однако когнитивные модели литотных конструкций, которые возникают в сознании интерпретатора, конструируются не только в процессе восприятия текста, но и из имеющегося у него опыта. Соответственно, можно сказать, что они являются своеобразными социокультурными идентификаторами, которые находятся в прямой зависимости от коммуникативно-прагматических целей автора текста.

Литература

1. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. Серия: Литературы и языка. – 1997. – Т. 55. – № 6.
2. Белявская, Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова) / Е. Г. Белявская. – М., 1992. – 423 с.
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Тамбовский университет, 2000. – 123 с.
4. Гальперин, А. И. Очерки по стилистике английского языка / А. И. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 448 с.
5. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
6. Кравченко, А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск, 1996. – 160 с.
7. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма / Е. С. Кубрякова // ВЯ. – 1994. – № 4.
8. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 326 с.
9. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Известия Рос. академия наук. Серия: Литературы и языка. – 2004. – Т. 63. – № 3.
10. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке) / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Серия: Литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – № 5 – 6.
11. Харитончик, З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // Язык и структура представления знаний. – М., 1992.
12. РИФ+КИБ 2010: материалы конференции [сайт]. – Режим доступа: <http://2010.rif.ru/program/social-media/allowed/181/> (дата обращения: 04.01.2010).
13. Parenting [сайт]. – Режим доступа: <http://www.parenting.com> (дата обращения: 04.11.2010).

Информация об авторе:

Павленкова Ольга Николаевна – магистр лингвистики, аспирант МГЛУ, 8(926)8-69-69-56, yallo_son@pochta.ru.
Olga N. Pavlenkova – Master of Linguistics, post-graduate student at Moscow State Linguistic University.

МОТИВ ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ОПЫТА В РОМАНАХ А. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ» И П. АЛЕШКОВСКОГО «РЫБА. ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИГРАЦИИ»

Т. А. Рытова

THE MOTIF OF KEEPING AND SHARING EXPERIENCE IN A. CHUDAKOV'S *MIST FALLS ON THE OLD STAIRS* AND P. ALESHKOVSKY'S *FISH. THE HISTORY OF A MIGRATION*

T. A. Rytova

Объектами внимания стали реалистические романы 2000-х годов писателей старшего поколения, позволяющие выявить, как отражено изменение способов хранения и передачи поколенческого опыта в литературе начала XXI века. Представление о неоднородности, динамичности культуры принципиально меняет идею о продуктивности хранения поколенческого семейного и индивидуального опыта.

The article focuses on the 2000-s realistic novels by older generation writers, the novels reflect the change in the ways of keeping and sharing experience among generations in the early XXIth century literature. The notion of heterogeneity and dynamic culture fundamentally changes the idea of the productivity of keeping family and personal experience of a generation.

Ключевые слова: русская литература 2000-х годов, реализм, связь поколений, хранение и передача опыта.

Keywords: Russian literature of the 2000-s, realism, keeping and sharing experience, generation.

Социальная история XX века отменяла смысл последовательно проживаемой жизни, и обращение прозы XXI века к осмыслению способов сохранения и передачи поколенческого опыта может быть оценено как попытка реконструкции логики человеческого существования. О том, что такой замысел присутствовал в предшествующем периоде (в русской литературе второй половины XX века), свидетельствует целый ряд произведений, различных по эстетике: от тетралогии Ф. Абрамова (1958 – 1978) до романа А. Битова «Пушкинский дом» (1971), от повести В. Распутина «Прощание с Матерой» (1975) до романа А. Кима «Отец-лес» (1987). Основания обращения писателей к ситуациям хранения и передачи поколенческого опыта различны. Обращение Ф. Абрамова, В. Распутина, А. Кима к семейным эпопеям с вымышленными персонажами («fiction») позволяло авторам создавать иллюзию включенности человека либо в поток истории (Ф. Абрамов, А. Битов), либо в родовую космос (В. Распутин, А. Ким).

В последнюю треть XX века семейная тема «уходит», главным образом, в «non-fiction», где авторы разных направлений (не только реалисты) обращаются к мемуарному изображению своей семьи (В. Катаев «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», «Кладбище в Скулянах», С. Довлатов «Наши», «Чемодан», А. Сергеев «Альбом для марок», А. Чудаков «Ложится мгла на старые ступени» и др.). Сюжетом этих произведений становится «переосмысление собственной жизни <и жизни своей семьи>, воспринимаемое как сопротивление безличной и надчеловечной истории» [3, с. 211]. Автобиография перерастает здесь в историю рода (в «фамильную» прозу, не «родовую»), то есть границы личной субъективной жизни раздвигаются.

Объектами нашего внимания стали романы 2000-х годов писателей старшего поколения, позволяющие выявить, как отражено изменение способов хранения поколенческого опыта в литературе начала XXI века. Принципиально, что в новейшей русской

литературе эти ситуации (как и многие прочие) «генерируют пограничные социокультурные явления», так как «культура перестала быть стабильной и неизменной сущностью, а общество рассматривается не как коллективный и единый концепт, а как динамическое образование, в котором постоянно происходят процессы закрепления коллективных и личных идентичностей в зависимости от контекста, ситуации и исходных условий» [5, с. 26]. Представление о неоднородности, динамичности культуры принципиально меняет идею о продуктивности хранения поколенческого (семейного и индивидуального) опыта.

Роман-идиллию А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2000) и роман П. Алешковского «Рыба. История одной миграции» (2006) при всей непохожести нарративов позволяют поставить в один ряд переклички сюжета: жизнь главных героев в обоих произведениях не только начинается с детства, проведенного в Азии, и происходит на фоне трагических изломов истории второй половины XX века (с акцентом на историю ссыльнопоселенцев), но и в обоих случаях основана на описании распада и миграции семьи и одновременно включает развернутые межпоколенческие контакты. При описании последних оба автора акцентируют ситуации восприятия «младшими» опыта «старших» (в обоих случаях – поколения дедов). В романе А. Чудакова (Александр Павлович Чудаков (1938 – 2005) – российский литературовед и писатель, специалист по Чехову. Работал в Институте мировой литературы, преподавал в МГУ, Литературном институте. Доктор филологических наук (1983), читал русскую литературу в европейских и американских университетах. Чудакову принадлежат работы: «Поэтика Чехова» (1971), «Мир Чехова: Возникновение и утверждение» (1986), «Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого» (1992), он опубликовал более двухсот статей по истории русской литературы. Роман «Ложится мгла на старые ступени» номинировался на Букеровскую премию в 2001 году) «Ложится мгла на старые ступени» саморефлексия автобиографического повествователя и его

воспоминания о себе-молодом соотнесены с атмосферой семейного микромира, который он застал в детстве в казахстанском городке Чебачинске, переполненном ссыльными разных волн и различных национальностей. В романе подчеркнута «промежуточность» пространства заштатного Чебачинска (по виду – поселок, по статусу – город; «райский уголок, курорт», «узкий язык» гор посреди голой казахской степи) и текучая многосоставность городской среды (в Чебачинске «были привлеченные по шахтинскому делу, платоновскому, делу славистов, попадались изгнанцы единичные... – музыканты, шахматисты, ...актеры, сценаристы, ...эстрадные юмористы... С Дальнего Востока привезли корейцев... Перед войной поступила латышская интеллигенция и поляки, уже в войну... немцы, ... чеченцы, ... эвакуировали Академию наук» [9, с. 25]).

В контексте разрозненных географических топов, где осуществлялась жизнь рода (упоминаются казахстанские Акмолинск, Чебачинск, Павлодар, поселок Смородиновка, Дальний Восток, Западная Украина, Германия, Белая Церковь, Саратов, Эльба, Берлин), дом ссыльного деда в Чебачинске не воспринимается как пространство рода, а лишь как место проживания деда и разрозненных членов семьи (двоюродная сестра «Катя год жила у нас, но потом ей пришлось от жилья отказать – с первых дней она подворовывала» [9, с. 12]). Во второй главе романа («Претенденты на наследство») аллюзии характеризуют «наследство», доставшееся новым поколениям от поколения деда: Великая Отечественная война – финская война – японская война – смершевцы – бендеровцы – ЧСИР (члены семей репрессированных). Все это объясняет семейную разобщенность и трагическую открытость в мир родового гнезда (этот образ в романе сохраняется, но его семантика размывается).

Герой Чудакова отчужденно вспоминает себя в процессе юношеского становления, поэтому его образ тоже динамичный – распадается на две ипостаси («Антон» и «я»). Однако в реалистическом романе дробление автобиографического образа не только моделирует проблему фрагментированного существования современного человека, но и преодолевает эту проблему: создает «протягивание» автором эмоции, мысли, поступка от автобиографического образа к себе-как-«Другому» позволяет передать течение жизни в рамках самосознания. Повествовательная структура романа подтверждает эту идею: повествование хоть и разбито главами на фрагменты, каждый из которых имеет название (знак «разбитости» жизни героя на отрефлексированные фрагменты), лишено хронологической последовательности. При этом наличие «кольцевой» рамки (роман начинается ранними воспоминаниями автобиографического героя о деде и заканчивается смертью деда) воплощает идею целостности и «дления» жизни.

То, что фрагменты воспоминаний героя не выстроены хронологически между главами и внутри глав, указывает, что автор подает жизнь семьи не как «историю рода» («истории» свойственны причинно-следственность, линейность), а как одновременность прошлого и настоящего существования близких людей (в сознании автобиографического героя). Подоб-

ная интерпретация художественной структуры романа находит подтверждение в размышлениях автобиографического героя о сущности времени: «Время, вопреки обыденным представлениям, не движется односторонне от прошлого через настоящее к будущему – все эти три потока текут одновременно и параллельно» [9, с. 72].

Поэтому логика повествования строится не на хронологии, а на том, что от главы к главе герой открывает и проверяет знания, которые выработали члены его семьи и близкие им люди (ищет достоверные знания в ситуации «информационного взрыва»). Но оттого, что «все потоки времени текут параллельно», знания прошлых поколений предстают как обрывочные и противоречащие друг другу. Например, в третьей главе («Воспитанница института благородных девиц»), посвященной бабке героя, все аллюзии репрезентируют вкусы дворянской аристократии рубежа XIX – XX веков. Так, бабушкой упоминаются в рассказах о прошлом плетеный диванчик а la Луи Каторз, актриса Гоголева в роли королевы в «Стакане воды», неприятная история с гранатовым браслетом», Зимний дворец, императрица Александра Федоровна, «граф Толстой и Пушкин с его шестисотлетним дворянством», «мадам Шанель», «кулон от Фаберже». Опереться на бабушкины знания невозможно: в четвертой главе герой перечисляет систему ценностей следующей эпохи, полностью отрицающей предыдущую: «Трактористы», НКВД, «Артек», Коминтерн, Вернадский, РОНО, Царицын, Троцкий, Лубянка. Перечисленные в таком ряду символы воплощают в четвертой главе абсурд ранней советской эпохи 1920 – 1930-х годов.

Поэтому композиционно в центре романа – интимный процесс вхождения героя-юноши в круг знаний предков. В восьмой главе этот процесс описан, например, в таком эпизоде: «Бонапартизм Антона начался еще до школы, когда дома пели «По синим волнам океана» <...> у Антона набегали слезы <...>. Пели и другую, тоже очень хорошую песню «Шумел, горел пожар московский» [9, с. 46]. У Чудакова акцент сделан на том, что знание входит в жизнь человека стихийно (в данном случае со стихией пения, из стихии «народного», ненавязчивого знания), и на том, что человек начинает «стягивать» разрозненную информацию в «пучок» (через личный интерес к Наполеону герой начинает понимать проблематику произведений Зейдлица и Гейне, Жуковского и Лермонтова).

С этой главы аллюзии в этом реалистическом романе воплощают «знания» не как «готовые» стереотипы, а в классическом смысле – как «плод учения, опыта» [2, с. 688]. То есть автобиографическим героем осуществляется ревизия «семейных знаний» не как «готовых знаний», а как результата семейного опыта. Опыт – «совокупность знаний и практически усвоенных навыков, умений. Воспроизведение какого-нибудь явления экспериментальным путем, создание чего-нибудь нового в определенных условиях с целью исследования, испытания» [6]. Перенос внимания автобиографического героя со «знания» (знаков, текстов) на «опыт» можно расценивать как сопротивление хаосу и агрессии «готовой» социальной инфор-

мации об истории, так как «опыт» – это такое живое пограничное явление, в котором органично сливаются, поверяются друг другом «знания» и «практические действия».

В названиях 9 – 12-й глав – субстанциальная определенность, так как они посвящены воспоминаниям о том, как семья осваивала материальный слой жизни: «Натуральное хозяйство XX века» (9 глава), «Землекопы и матросы» (10 глава), «Вдовий угол» (11 глава), «ООН» (12 глава). «Выращивали и производили все. Для этого в семье имелись необходимые кадры: агроном (дед), химик-органик (мама), дипломированный зоотехник (тетя Лариса), повар-кухарка (бабка), ...лесоруб, слесарь и косарь (отец)» [9, с. 49]. В отличие от первых глав, где подчеркивается, что исторические и культурные знания «старших» противостоят друг другу («самоопровергаются») и неадекватны новой эпохе (после домашних уроков деда «Антон еще долго будет... называть переносы единитной чертой и писать иногда по рассеянности в конце слова еры» [9, с. 41]), в центральных главах романа описан духовно-материальный «опыт» старших, нацеленный на выживание, то есть на совпадение с новейшими условиями жизни, а не на отвлеченное хранение знаний (культурных текстов и знаков). Упомянуты неслыханные урожаи деда-«докучаевца», домашнее производство свечей, мыла, сахара, хлеба и крахмала, выделка кож и т. д. При этом подчеркнуто, что книги (традиционный источник знаний интеллигенции) сами по себе не способствуют познанию подобного опыта («автор “Двух капитанов” ...много раз упоминал про сильный клей, ...но так и не сообщил рецепта» [9, с. 53]) – важны навыки и личные эксперименты, в результате которых объединяется семья и проверяются накопленные знания (например, делать клей пытались из «крахмала, выварки рыбьей чешуи и телячьих копыт»).

Однако, вспоминая опыт выживания своих родных, герой постоянно осознает агрессивное «физическое» давление языковой (словесной) среды на материальную жизнь:

1) словесные наименования топонимов могут дезориентировать человека не только в физическом, но и в духовном пространстве («Жизнь есть существование белковых тел, – натренированно выпалил Антон, – <...> Сказал Фридрих Пугачев». Отец... поняв, начал хохотать: за улицей Маркса в Чебачинске шла не улица Энгельса, как полагалось, а почему-то улица Пугачева, Энгельса была следующая» [10, с. 27]);

2) идеологические термины разрушают материю национального языка (на уроках казахского в Чебачинске школьники читали: «Из райкома ВКП (б) вышел аксакал. Он нес чемодан. Он шел в райком ВЛКСМ» [10, с. 29]).

Герой убеждается, что процесс вырабатывания подлинного знания (опыта) всегда мучительный, потому что, если «опыт» выходит за пределы частной жизни, на его усвоение всегда влияют «тексты» (идеология общества): в шестнадцатой главе герой вспоминает имена биологов, влиявших на формирование естественнонаучного знания и опыта: наряду с Вавиловым, Лепешинской, Костычевым, Докучаевым

в главе упоминаются фамилии Лысенко, Фиша, Вильямса, идеологизировавших науку, повлиявших на драматическую судьбу ведущих биологов. В двадцатой главе («Отец») герой вспоминает «отцовский круг знаний» и воспринимает их сегодня не как «личностные» (выработанные самим отцом), а как «готовые» (навязанные социумом середины XX века). Например, отцу героя – историку – был присущ тот интерес к «сильным мира сего», который доминировал в массах во времена тоталитаризма и вытеснял интерес к частной жизни (упомянуты Талейран, Бисмарк, Рузвельт, Черчилль, Ленин, Сталин, Людовици).

В последней главе романа проверяется «дедовский» круг знаний. Например, выделяется ряд имен писателей, которых герой обсуждал с дедом (упоминаются Некрасов, Пушкин, Рылеев, Гете, Толстой, Ломоносов, Гейне, Уайльд, Маяковский, Багрицкий). Филологическая бессистемность этого ряда имен принципиальна (ср. со стереотипной «системностью» исторических знаний отца). Бессистемность указывает здесь на хаос и равноправие той сохраненной предками информации, которую стремится усвоить современный человек. В финале можно «вычитать» несколько вариантов рассмотрения этой проблемы. Друг Юрий (человек того же поколения, что герой) отрицает возможность сохранения во всей достоверности опыта прошлого («Интеллектуальную и психическую информацию с каждого не списали, и он ушел навсегда – как целостность, а осколки ее в его текстах – именно всего лишь жалкие осколки» [10, с. 92]). Сам герой осознает, что наиболее значим хаотичный и многообразный опыт, который рождается в процессе частного контакта человека с человеком. В этом смысле дед стал для героя подлинным хранителем опыта: «Здесь лежит тот, <размышляет герой на могиле деда – Т. Р.>, кого он, <герой> помнит с тех пор, как помнит себя, у кого он, слушая его рассказы, часами сидел на коленях, кто учил читать, копать, пилить, видеть растение, облако, слышать птицу и слово; любой день детства не вспоминаем без него. И без него я был бы не я» [10, с. 94]. О значимости фигуры деда говорит то, что роман начинается ранними воспоминаниями героя о деде и заканчивается смертью деда.

Однако в романе нет мифологизации деда. Миф о деде («Дед был очень силен» [9, с. 7]) формируется и разрушается уже в сюжете первой главы «Армреслинг в Чебачинске». Итоги контактов с дедом и личных духовных поисков героя – в открытии экзистенциального опыта деда: «Старый мир ощущался им <дедом> как более реальный, дед продолжал каждодневный диалог с его духовными и светскими писателями, со своими семинарскими наставниками, с друзьями, отцом, братьями, хотя никого из них не видел больше никогда» [10, с. 96]. Таким образом, воспоминания о деде позволяют герою понять, что хаос осколочных знаний человек упорядочивает и иерархизирует в ежедневной, ежечасной индивидуальной духовной работе, поверяя их вечными ценностями (бог, смерть). Воспринятое героем от деда переживание жизни как реальной, подлинной предполагает необходимость постоянно, каждодневно, длить в себе все уходящее, но бывшее твоим. Этот процесс дления есть сопро-

тивление энтропии, «равносыльное социоантропологическому выживанию» [7, с. 24].

П. Алешковский (Петр Алешковский (1957) – печатается как прозаик с 1989 года, автор сборника рассказов «Старгород», повестей «Жизнеописание Хорька» (1993), «Институт сновидений» (2009), романов «Арлекин, или Жизнеописание В. Тредиаковского» (1995), «Владимир Чигринцев» (1995), «Рыба. История одной миграции» (2006) в романе «Рыба» (2006) дает картину иного слома эпох, но тоже в аспекте миграции семьи: «Книга «Рыба» – это история миграции, история русской женщины, которая в 1992 году драпала вместе со своей семьей от геноцида в Таджикистане и попала в Россию, откуда вышли её предки» [4]. А. Смирнов: «Роман, в сущности, о том, что случилось с советской империей, с русской диаспорой, с народом исчезнувшей страны» [8, с. 7]. В этой картине мира, как сначала кажется, вообще нет места устойчивому обитанию семьи и опоре на стариков.

Родители Веры – геологи – принадлежат к поколению тех, кто в середине XX века создавал базу постиндустриальной цивилизации. Их миграции были оправданы общественной необходимостью и ценностью их профессии: «Папа с мамой мои были геологи. Их долго носило по стране, пока не закинуло в Таджикистан» [1, с. 9]. В Таджикистане русская семья лишилась всяких опор, как только социальный «заказ» иссяк (начало 1980-х годов): «Когда развалилась геологическая партия, ... запил и глупо погиб в геологическом шурфе отец» [1, с. 12]. После смерти отца детство Веры проходит в нужде и осознании социальной несправедливости (мать пошла работать санитаркой, «нанималась на праздники» [1, с. 9]). Это фиксирует процесс превращения русских, живущих на окраинах советской империи, в маргиналов, говорит о нежелании русских обывателей встраиваться в чужой мир, жить в рамках чужой культурной традиции: «Мы всегда что-то рьяно доказывали..., прилюдно ругались. Наши девчонки заплетали две косы, их – много-много. Мы играли в лапту, в волейбол, а не в «ошечки» бараньими косточками... потребляли любой алкоголь, но покуривали и план, от которого гоготали и хихикали, и ползали на карачках – «козлили»..., кончалось это безобразие безрассудной дракой, утверждающей поганое “я”» [1, с. 10].

Переломным в жизни героини стало лето 1968 года: в жизни советской цивилизации это год социальных волнений, протестов и разочарований. В этом году со стороны старших был спровоцирован резкий кризис в самоидентификации Веры-подростка: узбек старик Насрулло напоил ее маковым чаем и изнасиловал. Восстановил справедливость таджик Ахрор, руководствуясь не только ответственностью за одинокую девочку, но и ответственностью за свою нацию. Насилие со стороны «узбека» увеличивает границы «чужого» мира вокруг героини (переживание «чужести» закрепляют косые взгляды соседок). С другой стороны, насилие со стороны «старика» рождает переживание экзистенциального одиночества, онтологической оставленности («Я переживала смерть внутри смерти... Я отказалась выходить на улицу. Забилась на своем диванчике» [1, с. 78]). Не-

смотря на то, что внешняя социальная справедливость восстановлена, внутренние ощущения остаются у Веры пограничными: «Все начиналось со старика. Он зависал надо мною, его глаза с маленькими зрачками впивались прямо в душу» [1, с. 78].

В сюжете романа Алешковского принципиальна долгая миграция современной семьи (и ее хранительницы – женщины), которая обусловлена отсутствием стабильности в бытовой жизни и крупными социальными катаклизмами начала 1990-х годов. Миграция героини из провинциального Пенджикента в «центр» (в столицу Таджикистана Душанбе) обусловлена переживанием насилия «старика», но разбивает иллюзию, что можно найти ценностное пространство: бегство Веры в столицу убивает ее мать; жизнь большого города на излете советской цивилизации ведет только к маргинальности (подругу Нинку наркодельцы изнасиловали и сделали постоянным клиентом; созданная Верой семья постепенно разрушается из-за агрессии мужа, работающего на мясокомбинате).

В 1992 году, когда в Таджикистане началась гражданская война после вывода советских войск из Афганистана (в романе эти события осмысляются метафорически – «начался исход», «Ноев ковчег», «библейская голубка»), повзрослевшая героиня с семьей (муж, два сына), дядями и их семьями уезжает на историческую родину в Россию (объединение с дядями вынужденное и кратковременное). Изображение переезда семей в Россию на современном, технизированном «Ноевом ковчеге» (грузовой машине «Урал» с выстроенным деревянным кузовом) и барачной жизни в Трехречьи в Астраханской области, где издавна жили казахи и туркмены (то есть в месте, расположенном между Азией и коренной Россией, а также на пограничье трех рек) не только закрепляет семантику «промежуточного» существования современной семьи, но и указывает, как растягивается на годы «переходный» этап в судьбе героини (так же, как затягивается на десятилетия переломный этап в развитии государства после развала Советского Союза).

В отличие от Чудакова Алешковский изображает уже современную (неразветвленную) семью, где людей связывает не только выживание в рамках скудного быта (что обусловлено, как и у Чудакова, историческими сломами), но и постоянно меняющееся место проживания (это заставляет держаться друг друга). В современном мире миграция семьи, раз начавшись, становится неостановимой: из астраханской глубинки семья Веры уезжает в подмосковный Волочок, где жила мать ее мужа Геннадия, из Волочка – в Жуково (так как бабка отказалась помогать семье). Поэтому каждый член семьи внутренне одинок и пытается сформировать внутреннюю территорию и отчужденность: муж уходит в монастырь в самый трудный момент семейной жизни (совершает побег от ответственности перед близкими), младший сын «уходит» в наркотики и умирает от передозировки, Вера, осознавая свою вину перед детьми («я, дура, проглядела» [1, с. 203]), уезжает в глухую деревню Карманово, чтобы оставить жилье старшему сыну и его жене.

Карманово – глухой хутор («карман») из двух-трех домов, окруженных лесом, вокруг которого с давних

исторических времен жило много переселенцев (латышей, эстонцев). По степени своей провинциальности и переполненности выходцами из разных национальных и сословных сред этот топос очень похож на промежуточное пространство Чебачинска в романе «Ложится мгла...». Однако Алешковский акцентирует не современную переполненность, а богатое историческое прошлое этих мест, не сравнимое с прошлым Чебачинска: «Царь Александр I, вернувшись из Парижа после войны с Наполеоном, решил даровать крестьянам свободу в прибалтийских губерниях, в России это случилось позже... В результате к 80-м годам XIX века в Лифляндии и Эстляндии образовалось много безземельных бедняков... получилось перенаселение... снимались семьями... ехали под защиту русского царя» [1, с. 207 – 208]. Алешковский выстраивает историю этой дореволюционной миграции (одна волна – за границу, другая – в Сибирь, на Алтай, третья – до абхазского поселения Пицунды пока «комары <не> прогна-ли эстонцев из абхазского рая» [1, с. 209]), потому что ему важно, происходит ли в результате массовых переселений (миграций) укоренение.

Прежде всего подчеркнута, что итогом давней миграции стало формирование смешанного языка: эстонцы освоили русский язык (причем в «коренной», диалектной, форме), но сохранили ту протяжность, которая свойственна их языку. Происходила и генетическая ассимиляция (эстонцы женились на местных). Это образование смешанной среды вело к тому, что глухой провинциальный край на долгие десятилетия стал «живым». Однако после глобальных исторических перемен XX века все изменилось. «Многие, не разучившись петь подпольно лютеранские псалмы, умудрились просочиться назад в советскую Эстонию... словом, к концу 1980-х от еще недавно живого края остались пустые поля и редкие зарастающие мхом нижние венцы изб» [1, с. 211 – 212].

Вера попадает в этих местах уже в маргинальные условия (материальная жизнь движется к энтропии, перенаселенный когда-то край опустел). Благодаря рассказам эстонской бабушки Лейды Кярт она осознает, что есть смысл проживания и в подобной ситуации. Отрабатывая всю жизнь почтальонкой, выучившая трех детей в институтах (знаки жизни сельской интеллигенции) Лейда похоронила мужа, но уезжать на историческую родину не стала: «Здесь родилась – здесь и умру. Моя бабушка рассказала, что такое переехать всей семьей. Мне работы и беды и тут хватает». Лейда живет по принципу «укорененности» и «долженствования» («Где родился – там и пригодился»), так как он усвоен из личных рассказов и трагического опыта предков-переселенцев. В этом контексте для нее не значимы частое отсутствие электричества, одинокая работа в огороде, обременительная заготовка дров и корма для животных и т. д.

Для Веры жизнь на хуторе, включение в ежедневный труд стали прежде всего физическим испытанием («На огороде плакала без стеснения» [1, с. 214], на грязном льнозаводе чувствовала, что она «лягушка» [1, с. 224], старый домик с русской печкой, сумрачный и сырой, называла «своим крематорием»). Опыт духовного и материального укоренения старой эстон-

ки не воспринят ею, так как она переживает не встро-енность в семейную цепь, а тотальное одиночество: «Сухая и звонкая, лишенная надежды снова быть нужной кому-либо, я дошла до крайней степени отчаяния-безумия» [1, с. 230]. В таком контексте длительное погружение в процесс физического выживания провоцирует отказ вообще от духовных ценностей. Степень безпорности Веры характеризует ситуация сжигания ею книг: «Я шуршала в печке... простоволосая, в грязном залежалом халате, я была похожа на ведьму, варганящую в полночь приворотное зелье» [1, с. 231].

Вследствие этого итогом «перенимания опыта» у старой Лейды становится осознанное решение Веры уйти в лес: «Мне нравилось идти по лесу – не было никакой цели, не нужно было собирать, искать, заготавливать на зиму, как заставляла меня тетя Лейда» [1, с. 236]. Однако чувство свободы, которое дало пространство леса, обманчиво, неспасительно: Вера заблудилась, борется за жизнь (не хватает еды, воды, начался холод, дождь). Ее спас старик-охотник Юку. В отличие от Лейды он владеет интуитивным знанием природы (лечит Веру травяными настоями) и опирается на личный опыт (между ним и Верой возникает понимание, так как он умеет лечить прикосновением пальцев, как и Вера). Юку пострадал от исторических перемен («в январе тридцать седьмого забрали как врага колхозного строя... В пятьдесят пятом вернулся домой из Речлага» [1, с. 248]), поэтому он стал нацелен на укоренение (отстроил избу, «стал работать в колхозе» [1, с. 248]). Юку научился жить и в колхозе, и в природной среде, и в одиночестве, так как духовную пустоту заполняло хранение традиций и уклада эстонцев.

Старик Юку осознает себя хранителем не родового, а национального опыта: он – не просто последний житель в опустевшей деревушке Куковкино, а «обломок Нутмекундии». Мотив хранения опыта и отношение Юку к «корням» символизирует образ эстонского колокола, который он спрятал в лесу в тридцать втором году, чистил и хранил. Колокол воплощает здесь множественную семантику: важен и как достопамятная вещь (материальный хранитель памяти), и как текст (хранитель национальных знаний), и как атрибут связи двух народов: «Внутри вся поверхность была исписана эстонскими буквами – Юку вырезал их ножом. Он прочитал мне начертанные фамилии, а потом много раз повторял этот список, и я всех запомнила... По верху, по самому оплечью шли буквы – кольцо эстонских и кольцо русских» [1, с. 249].

Таким образом, Юку самостоятельно создает промежуточный вариант укоренения – осознает, что «если нет земли, родиной становится язык» [1, с. 250]. Поэтому для Юку колокол становится «корнем» его жизни: когда колокол сорвался, «по юбке расплзлись трещины... голос исчез» [1, с. 256], старик умер от инсульта. Однако именно в силу полисемантической колокол становится тем предметом, который способен быть значимым для другого поколения (Вера: «Голос эстонского колокола будил во мне силу, которой, признаться, мне не доставало» [1, с. 244]). В звуках коло-

кола Вера слышит вечное движение народов, цивилизаций, то есть открывает текучую логику истории.

Таким образом, в романе Алешковского (так же, как у Чудакова) в качестве духовной опоры проверяется опыт стариков (поколения «дедов»), так как в силу возраста они уже не подвергаются миграциям, вынуждены жить оседло и укорененно. Неслучайно роман «Рыба» заканчивается еще одной встречей Веры со стариком. После смерти Юку она не боится цивилизации (так как уже понимает ее устройство) и переезжает в Москву, где властвует закон и норма цивилизации – вечное «броуновское движение» масс («столица тасует людей, как колоду карт, раскидывает» [1, с. 275]). Уже подъезд дома Веры являет целую галерею социальных типов постсоветского времени, очень похожую на то, что было в Чебачинске в романе Чудакова («Были тут и интеллигенты, тихие, едва сводящие концы с концами, были и такие, что не смогли свыкнуться со сменой строя, бывшие профессора, заслуженные артисты и народные художники, которым перестали заказывать картины о пионерах-героях» [1, с. 290]). Главные персонажи подъезда – генерал, его сын-наркоман и сожительствующая с ними обоими подружка-наркоманка.

Однако, нанявшись сиделкой к парализованной бабушке Лисичанской, героиня понимает, что именно старики всегда напоминают ей о возможностях укоренения. Лисичанская из тех женщин, опыт которых проявляется в том, чтобы укорениться (в семье и в стране) при любых исторических катаклизмах: «В сорок четвертом... вывезла двоих детей из блокадного Ленинграда, где она начала учиться в аспирантуре и, оказавшись защелкнутой в капкан, продержалась и выжила все девятьсот дней» [1, с. 341], «пережила

арест <мужа> и десятилетний лагерный срок,... писала Сталину..., отстояла квартиру» [1, с. 342], «осталась в окружении привычных книг главой разросшегося семейного клана, которым властно руководила» [1, с. 341 – 342].

В результате контакта с парализованной Лисичанской (находящейся между сном и явью, жизнью и смертью) Вера обретает не голое знание, а спасительный опыт отчуждения от собственных переживаний: «я начала вспоминать – Пенджикент, Душанбе, дорогу до Харабали, Волочок, Геннадия, смерть моего Павлика, Лейду, Юку. И пока, сидя рядом со спящей бабушкой, вспоминала, время останавливалось. Я жила в прошлом и переживала все снова... Мое “я” отделилось от тела, находилось где-то рядом, наполнялось болью и радостью – не как в жизни, а более остро и отчетливо» [1, с. 349]. Бесценность этого опыта отчуждения проявляет сцена, когда Лисичанская умерла во сне, – Вера понимает, что «так не убивалась по родному Павлику, по маме, как рыдала по ней» [1, с. 348].

Романы А. Чудакова и П. Алешковского демонстрируют динамичность и усложнение не только обстоятельств существования семьи во второй половине XX века (исторических, культурных, частных), но и способов хранения поколенческого опыта. Это вызывает у современного человека необходимость при контакте со старшими больше опираться не на внешнюю информацию (знания, тексты), а на чутье, интуицию и внимание к самым тонким нюансам их опыта и их существования.

Литература

1. Алешковский, П. Рыба. История одной миграции / П. Алешковский. – М.: Время, 2007.
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1.
3. Кукулин, И. Про мое прошлое и настоящее / И. Кукулин // Знамя. – 2002. – № 10.
4. Кучерская, М. Рыба ложиться спать против течения / М. Кучерская. – Режим доступа: http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/peter_aleshkovsky/
5. Лобачева, Д. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий / Д. Лобачева // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 8.
6. Ожегов, С. Толковый словарь русского языка / С. Ожегов, Н. Шведова. – Режим доступа: <http://ozhegov.info>
7. Руднев, В. Прочь от реальности / В. Руднев. – М.: Аграф, 2000.
8. Смирнов, А. Русский человек в поисках пристанища / А. Смирнов // НГ EX LIBRIS. – 2006. – № 45.
9. Чудаков, А. Ложится мгла на старые ступени / А. Чудаков // Знамя. – 2000. – № 10.
10. Чудаков, А. Ложится мгла на старые ступени / А. Чудаков // Знамя. – 2000. – № 11.

Информация об авторе:

Рытова Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета Томского государственного университета, 89069492098, rytova1967@mail.ru.

Tatiana A. Rytova – Assistant Professor at the Department of History of the 20th Century Russian Literature, Tomsk State University.

**ОБЫДЕННАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА
(на материале лингвистического эксперимента)**

О. В. Тваржинская

**EVERYDAY AND PROFESSIONAL INTERPRETATIONS OF THE TEXT
(the data of the linguistic experiment)**

O. V. Tvarzhinskaya

В данной статье рассматривается проблема вариативности интерпретации поэтического текста. Цель статьи – сопоставление профессиональной и обыденной интерпретации текста. Описываются результаты психолингвистического эксперимента, анализируются данные, представленные в виде индивидуальных реакций реципиентов, возникающих при чтении и осмыслении поэтических текстов. Анализ полученного материала интерпретаций поэтического текста позволяет выделить набор стратегических особенностей, которые помогают выявить основные показатели языкового сознания рядового читателя и сопоставить их с показателями, выделяемыми исследователями-профессионалами.

The problem of interpretation of the poetic text in a comparative aspect (professional and everyday interpretation of the text) in connection with the variability of its nature is the subject of this article. The psycholinguistic experiment is described, the analyzed data are presented in the form of recipients' individual reactions, which arise while reading and understanding the poetic texts. The analysis of the obtained material of the poetic text interpretations allows to select a set of strategic features, which help to bring basic indicators of the linguistic consciousness of the ordinary reader and to compare them with the figures provided by the professional researchers.

Ключевые слова: тип интерпретации, вариативность интерпретации текста, набор стратегических особенностей текста, показатели языкового сознания рядового читателя, лингвоперсонология, личность рядового носителя языка, профессиональная и обыденная интерпретация текста.

Keywords: type of interpretation, variability of text interpretation, set of strategic features of the text, figures of the linguistic consciousness of the ordinary reader, linguistic personology, ordinary native speaker's personality, professional and everyday interpretation of the text.

Каждый поэтический текст неповторим, уникален и индивидуален по своей природе. Поэтический текст функционирует в пространстве сознания читателя через механизмы его восприятия и понимания, то есть интерпретации. Проблема интерпретации поэтического текста, в частности оппозиция профессиональной и обыденной интерпретации текста, является актуальной в настоящее время. Это обусловлено тем, что позиция читателей-профессионалов достаточно хорошо известна из научного и школьного литературоведения, и при интерпретации текста она обычно выступает основополагающей. В науке есть определенные критерии, основываясь на которых, исследователь-профессионал интерпретирует поэтический текст. Однако науке практически не известны позиции, с которых рядовой носитель языка воспринимает и интерпретирует художественное произведение, существуют только наблюдения за читателем при интерпретации текстов. Следовательно, область обыденной интерпретации является малоисследованной и требует особого изучения.

Поэтому в основу нашего лингвистического экспериментального исследования положена следующая гипотеза – причина «вариативности» [2, с. 41 – 46] интерпретации текста заключается в разнообразии самой языковой личности (обычной читательской и профессиональной) и индивидуальных качеств языковой способности читателя, следовательно, есть зависимость типа интерпретации от типа языковой личности носителя русского языка.

Таким образом, проблема интерпретации поэтического текста в статье будет рассмотрена в новом лингвоперсонологическом аспекте, так как представлены различные понимания одного текста, которые зависят от интерпретационных особенностей разных типов личности (обычной читательской и профессиональной).

Профессиональная и обыденная интерпретации текста исходят от разных субъектов и строятся по особым законам, используя разные стратегии при восприятии текста. Для выявления особенностей реакций обыденного читателя в аспекте интерпретации поэтического произведения словесного творчества и сопоставления с позициями профессионалов нами было проведено экспериментальное исследование – психолингвистическое анкетирование студентов 1 – 2 курсов. Оно проводилось путем предъявления поэтического текста испытуемым, а затем анализа интерпретационного выхода. Испытуемым предлагалось прочитать два поэтических текста А. А. Фета – «Учись у них – у дуба, у березы!» и «Одним толчком согнать ладью живую», а затем ответить на вопросы, которые проясняют интересующие нас моменты обыденной интерпретации. Она выявлялась в двух вариантах. Первый вариант – это интерпретация с текстом: испытуемому предлагалось прочитать стихотворение, после прочтения текст оставался перед реципиентом, и ему предлагалось ответить на следующий вопрос: «В чем смысл стихотворения?». Такой тип вопроса предполагает, что испытуемые попытаются домыслить художественное произведение, добавить при

объяснении смысла отсутствующие, не названные прямо, а возможно и не предполагаемые текстом вообще в стихотворении детали, образы, определенные черты лирического героя и любого предмета. И второй вариант предполагает более осознанную интерпретацию без текста, в этом случае реципиенту предлагалось ответить на вопрос: «Что Вам запомнилось из стихотворения?». Этот вопрос предполагает своеобразный отзыв, помогает обнаружить определенные зоны читательского интереса, актуализируемого по ходу непосредственного чтения: что показалось более интересным для читателя, что особо бросилось в глаза, какие детали текста запомнились. Вопрос такого плана позволяет не только увидеть особенности памяти испытуемого, но и определить то, что читающий актуализирует для себя в художественном тексте. Прежде чем рассмотреть результаты данного исследования, целесообразно обратиться к основным аспектам профессиональной интерпретации текста.

Профессиональный аспект интерпретации поэтического текста

Как отмечает исследователь С. С. Гусев в своей работе по интерпретации текста, «профессиональная интерпретация отличается от непрофессиональной изначальной установкой на обязательную объективацию их и большую ролью анализа как способа проверки и обогащения первоначальных впечатлений» [4, с. 60]. Профессиональная интерпретация представляет собой особую целостную структурированную систему, где смысл выводится из отдельных элементов, поэтому большой популярностью у специалистов пользуется концепция чтения художественного текста под микроскопом, концепция «медленного чтения», где внимание сосредотачивается на каждой детали текста, осознании их смысла и выстраивании целостной системы.

Обоснование методики «медленного чтения» предложил Я. О. Зунделович еще в 50-е годы XX века. Он обозначил подлинный смысл такой работы над текстом, который проявляется в самом процессе анализа микродеталей. Вчитываясь «медленно» в произведение, «литературовед обязан глубоко погружаться во всю массу образных деталей, останавливаться перед одной из них, пытливо и вдумчиво всматриваясь в нее, обойти ее вокруг, оглядывая со всех сторон, а иной раз, когда она слишком мала, необходимо приблизить к глазам или рассматривать, взяв ее на ладони. Эта схема – схема модель медленного чтения настоятельно утверждается Самаркандскими филологами» [7, с. 66]. Данную концепцию поддержали и отечественные теоретики Л. И. Тимофеев, Г. Н. Поспелов, Г. Хоткевич, Л. В. Щерба и др.

Руководствуясь положениями концепции «медленного чтения», прибегая к анализу микродеталей, исследователи-литературоведы Ранчин, Благой, Эйхенбаум и Шанский интерпретируют стихотворения А. Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» и «Учись у них – у дуба, у березы». Рассмотрим их интерпретацию стихотворения А. А. Фета «Одним толчком согнать ладью живую...». Профессионалы, интерпретируя стихотворение, оперируют следующими литературоведческими критериями, сосредотачивая

внимание на определенных деталях поэтического текста:

- 1) мотивах, отраженных в стихотворении;
- 2) структуре поэтического текста;
- 3) образных средствах и художественных приемах стихотворения;
- 4) ключевых словах;
- 5) особенностях метра и размера стихотворения.

В сфере мотивов литературоведы в стихотворении «Одним толчком согнать ладью живую...» в первую очередь выделяют основной мотив устремления ввысь, в небо, полет, мотив отчуждения от повседневности, очищающего значения поэзии как средства выразить мучения, тягостные чувства – и этим освободиться от них: «дать сладость тайным мукам». Отражают исследователи и любимый Фетом мотив невыразимого: «избранный певец» способен «шепнуть о том, пред чем язык немеет». Многими из них отмечаются особенности синтаксической структуры стихотворения, в частности то обстоятельство, что оно состоит из девяти инфинитивных предложений («сделать/почувствовать что-то») и двух заключительных изъяснительных предложений традиционной структуры «подлежащее + сказуемое», вводимых посредством повторенной частицы «вот» («Вот в чем его и признак, и венец!»). В первом четверостишии три предложения, во втором – пять, в третьем – четыре. Благодаря такому построению текста создается эффект ускорения, убыстрения темпа, и в финале достигается упорядочение поэтического порыва.

Особое внимание исследователи уделяют художественным приемам и образным средствам: **метафора** – «наглаженные» (ровные, невыразительные) «отливами пески»; поэт принадлежит двум мирам – реальному и идеальному. Именно эта идея порождает высказывание, построенное на логическом противоречии, на **оксюморо**не: «Упитья вдруг неведомым, родным», «Усилить бой бестрепетных», то есть не быющихся, «сердец»; «Шепнуть о том, пред чем язык немеет» [9, с. 81]. Находит отражение в стихотворении прием антитезы «мир идеальный – мир земной», воплощенный посредством противопоставленных метафорических образов «этого» (его приметы – «наглаженные отливами пески») и иного миров – «берегов» (его черты – принадлежность к «вышине», «цветение», «ветр», символизирующий вяние поэтического духа) [там же, с. 81]. Повторы начальных слов в нескольких строках (анафоры), элементы синтаксического параллелизма, череду инфинитивных предложений Эйхенбаум объясняет установкой Фета на музыкальность стиха: «Естественно ожидать, что при своих тенденциях к построению музыкальных периодов, основанных не мелодическом нарастании, Фет должен избегать обычных логических форм и стремиться к образованию (интонационного) подъема... лишь при помощи системы повторений и параллелизма... нарастание создается непрерывным синтаксическим параллелизмом, повторением формы «инфинитив + его дополнение» («одним толчком согнать – одной волной подняться»). В синтаксический параллелизм вносится разнообразие благодаря инверсии во второй строфе: «дать жизни вздох – дать сладость тайным мукам» [12, с. 191 – 192].

Как правило, исследователи указывают, что поэтический словарь стихотворения намеренно архаичен – «сон» как метафора жизни, «певец» в значении «поэт», «венец» в значении «венок», «ветр» вместо «ветер». Ориентация Фета на поэтический словарь этой традиции придает стилю стихотворения особенные оттенки значения: одновременно «классичность» и «романтичность» [9, с. 82].

Заканчивая интерпретацию стихотворения, профессионалы акцентируют внимание на особенностях метра и ритма стихотворения. Стихотворение написано пятистопным ямбом с чередующимися женскими и мужскими окончаниями стихов. Во времена А. А. Фета пятистопный ямб преимущественно употреблялся в лирике с «элегической и смежной с ней тематикой» [10, с. 67]. Но от элегии в этом стихотворении осталось немного – мотивы тоски повседневного существования и отчуждения от жизни.

Аналогично литературоведы Шанский и Бухштаб интерпретируют стихотворение А. А. Фета «Учись у них – у дуба, у березы», выделяя следующие особенности стихотворения: структуру поэтического текста; мотивы, отраженные в стихотворении; художественные приемы, образные средства, образы-символы; композицию стихотворения; поэтический словарь стихотворения (ключевые слова); синтаксическую структуру стихотворения.

В первую очередь исследователи-литературоведы выделяют структуру стихотворения. По своей структуре миниатюра распадается на две неравные, противопоставленные друг другу части; две строфы приказа выстоять и, не жалуясь, вытерпеть жестокую пору жизни, как это делают деревья, с одной стороны, и одна заключительная строфа призыва верить в лучшее: возрождение, тепло и свет, ясные дни новых открытий и свершений – с другой. Так как стихотворение структурно делится на две части, то исследователи выделяют и две разновидности основных мотивов: в первой части преобладают мотивы трагедии, тревоги и неустойчивости в жизни, беспокойства, а во второй – мотивы надежды, веры в светлое будущее, красоты и гармонии.

Рассматривая особенности структуры и мотивов стихотворения, профессионалы акцентируют внимание на образных средствах и художественных приемах: метафорические образы – «напрасные застыли слезы», «за сердце хватается холод лютый»; эмоционально окрашенные эпитеты: «холод лютый», «жестокая пора», «скорбящая душа», инверсия «напрасные на них застыли слезы», во второй части сменяется и настроение эпитетов – «ясных дней», «новых открытий». Автор использует лексические повторы: «сердце рвет» – «за сердце хватается», «они молчат; молчи и ты». Этот прием усиливает ожидание развязки. Выделяют литературоведы в стихотворении и образы-символы: образ дуба – это символ стойкости, крепости, силы; образ березы – символ жизнеспособности, противостояния невзгодам, жизнелюбия; образ зимы – это символ невзгод, образ весны – это символ полнокровной свободной жизни.

Как правило, исследователи отмечают композицию стихотворения «Учись у них – у дуба, у березы». «Композиционно стихотворение строится естественно

и рационально. Двенадцать составляющих его строк семантически связаны в единое целое страстным призывом выстоять и стерпеть настоящее во имя лучшего будущего и твердой верой в то, что, как всякое будущее, оно обязательно будет» [10, с. 67].

Особое внимание профессионалы уделяют поэтическому словарю и синтаксису стихотворения. Так, Шанский отмечает: «автор использует большое количество глагольных форм. Формы повелительного наклонения (учись – молчи – верь) как ключевые образуют анафорически-рамочную конструкцию (Учись у них... – Но верь весне...) всего стихотворения и кольцевое единство первой части (Учись у них... – как начало, и Молчи и ты – как ее конец)» [10, с. 67].

«Язык стихотворения прост и понятен рядовому читателю» [10, с. 67], – пишет литературовед Бухштаб. В стихотворении используются устаревшие падежные формы – «листы», «жизнию», «сжимаясь», «каждою» вместо («листья», «жизнью», «сжимаясь», «каждой»). Автор использует такие устаревшие формы для рифмовки, которые не играют никакой стилистической роли. Своим значением в стихотворении обращает на себя внимание существительное – **гений**. В современном русском языке это слово имеет значение – «человек с высшей степенью творческой одаренности» [там же, с. 67]. А у Фета слово «гений» является синонимом к слову «весна», как средство избежать тавтологии – «гений весны» (то есть гений красоты, добра, тепла). Все остальные слова стихотворения являются либо обиходными и стилистически немаркированными, либо взяты из разговорной речи: треснула кора, застыли слезы, все злей, хватается сердце, лютый холод, дыша теплом, сердито рвет, промчится, переболит, ясные дни и т. д.

Заканчивая интерпретацию стихотворения, исследователи акцентируют внимание на особенностях синтаксической структуры. В первой и третьей строфах используются преимущественно простые, простые осложненные предложения, назывные побудительные предложения, так как Фет стремился выразить всю сложность душевной жизни человека и природы. Вторая строфа имеет иную синтаксическую структуру, в ней закрывается кульминация в душе и в природе, поэтому представлено сложное бессоюзное предложение. Короткие, информативно-насыщенные предложения придают стихотворению динамику. В третьей строфе противительный союз меняет настроение лирического героя, и за картинами жестокой зимы чувствуется возрождение надежды.

Таким образом, профессиональная интерпретация представляет собой системный синтез, построенный на логической основе.

Обыденный аспект интерпретации текста

Если профессиональная интерпретация характеризуется системностью, то обыденная всецело зависит от уровня знаний читателя (уровень осведомленности, начитанности, индивидуально-психологические особенности и т. д.). Она чаще всего стихийная, лишена логической структуры, читатель, интерпретируя текст, выделяет отдельные фрагменты, отсюда характерно наличие резких переходов от одних уровней произведения к другим, между которыми

не наблюдается никакой связи. То есть обыденное восприятие поэтического текста исходит из некоего чувственного образа, строящегося на какой-то одной детали, единичного впечатления, которому придается гипертрофированная функция. Это холистическая модель, характерная для стихийного познания. Так, в обыденной интерпретации название предмета строится на одном признаке (мотивах, композиции, теме, ключевых словах и др.), но этот признак представляет нечто целое для рядового читателя.

Далее уместно рассмотреть обыденные интерпретации текста, исходящие от рядовых носителей языка, которые доказывают вышеуказанные положения, касающиеся обыденной интерпретации текста.

Систематизация полученного при помощи лингвистического эксперимента материала интерпретаций поэтического текста позволяет выделить набор стратегических особенностей, которые помогают вывести основные показатели языкового сознания рядового читателя и сопоставить их с показателями, выделяемыми исследователями-профессионалами. Таковыми являются:

1) **показатель объема информации:** **полные** по объему ответы, в которых содержится более трех предложений; **средние** – содержат два-три предложения; **краткие** – состоят из одного предложения или нескольких фраз;

2) **варианты модальности в обращении с информацией (модус).** Данный показатель подразумевает отношение реципиента к исходному тексту; то есть, от какого лица излагается ответ на вопрос; характер и способы его оценки. Если при интерпретации текста отражается позиция от лица реципиента, то модус следует определять как **эгоцентрический**; если от лица автора – **автороцентрический**; от текста – **текстоцентрический**;

3) **содержательный показатель** (степень участия реципиента в интерпретации поэтического текста, пассивность или активность рядового читателя при ответе на вопросы, особенности вторичного текста).

При интерпретации поэтического текста читатель занимает одну из двух позиций – активную или пассивную. Данное положение отражает преобладание в интерпретациях реципиентов одной из сторон языковой способности: пассивной (лингвомнемической) или активной (лингвокреативной). Лингвомнемическая сторона – это «языковая память как способность запоминать, хранить и извлекать из памяти готовые языковые единицы» [6, с. 11]; а лингвокреативная сторона языковой способности проявляется «в умении использовать элементарные языковые единицы для создания и понимания более сложных речевых произведений как креативно-динамических структур» [там же, с. 11]. Следовательно, полагаясь на данные положения, выделяются **креативный и мнемический** типы интерпретации. В рамках **креативного** типа можно выделить следующие подтипы: **художественный** – читатель перерабатывает поэтический текст и образует новый вторичный текст при помощи ассоциаций, то есть своего рода творческий подтип. Например: «Страдания природы, которые повторяются каждую зиму. Эти страдания соотносимы с неприятностями каждого человека, которые их переносят и

наступает весенняя пора, когда человек может радоваться жизни. Так и деревья, переживают зиму, и наступает весна, когда они могут погреться под солнцем». Ответ на вопрос по внешним признакам – **полный** по объему – построен на размышлениях реципиента, отражающих его взгляды на жизнь. **Наблюдающий (рассудительный) тип – модус выделить невозможно, так как нет указания на лицо, текст или автора.** «Мне показалось, что за строками стоит человек, который причисляет себя к творцам! Что именно такой человек способен подняться над обыденным, уловить неуловимое и привести другого человека и общество к правильному пути и научить их понять и осмыслить жизнь!». Ответ по внешним признакам **полный** по объему, где реципиент эмоционально рассуждает о прочитанном, а в частности о лирическом герое и о смысле жизни. Таким образом, это **наблюдающий (рассудительный) тип с эгоцентрическим модусом.** А второй подтип – **логический**, у читателей такого подтипа при ответе выстраивается определенный сюжет и содержится поучение.

В рамках **логического типа** проявляется одна из основных интерпретационных моделей – **холистическая и элементаристская**, аналогично выделяются и одноименные подтипы. При использовании **холистической** стратегии отметим вслед за Л. Г. Ким «направление интерпретационной деятельности осуществляется от целого к составным элементам текста. Под целым понимается контекст речевого высказывания, включающий такие составляющие, как жанр (тип текста), событийная ситуация, социальный и культурно-исторический контекст», реципиент при ответе на вопрос руководствуется своим жизненным опытом [5, с. 160]. **Например:** «Смысл стихотворения заключается, на мой взгляд в том, как стойко переносит все невзгоды погоды дуб и береза. Что стоит научиться у них стойко переносить все печали, обиды и горести». **Креативный, краткий по объему, формальный (повествовательный) тип, модус – текстоцентрический.** «Стихотворение об обращении к истокам мудрости, природной. Сразу в голове возник образ Болконского, который обращал свои мысли к дубу; ...стихотворение о покорности судьбе, но в то же время и о том, что не нужно забывать о своих истинных чувствах (о весне); по видимому здесь затрагивается проблема противопоставления – сердца и разума». Ответ построен на ассоциативных связях с другим произведением и его героем, реципиент отмечает культурологические связи стихотворения А. Фета и романа Л. Н. Толстого «Война и мир», а в частности сцены с дубом, то есть в данной анкете прослеживается культурно-исторический контекст. **Креативный, полный по объему, наблюдающий (рассудительный) тип с текстоцентрическим модусом.**

При использовании **элементаристской** стратегии «адресат-интерпретатор актуализирует отдельные элементы текста, осуществляя семантизацию текста исходя из значений составляющих его единиц позволяющих выявить смысл текста в целом» [там же, с. 160]. **Например:** «Я думаю, что это стихотворение про безответную любовь. Смысл стихотворения в том, что когда-нибудь все равно все наладится и будет хорошо!». Реципиент в первую очередь отме-

чает тему стихотворения – тему безответной любви, а далее активно размышляя, читатель приходит к ощущению счастливого финала стихотворения, опираясь на свой жизненный опыт. **Это креативный, средний по объему, наблюдающий (рассудительный) тип с эгоцентрическим модусом.** «*Это стихотворение о жизни, о любви. О великом и тайном трепещущем чувстве. О выражении любви через природу, эмоции, о переплетении и сравнении начала жизни и начала зарождающегося чувства*». **Полный** по объему ответ построен на выделении таких элементов, как темы и мотивов – смысла жизни, любви, великого, тайного и зарождающегося чувства, что является показателями **креативного логического элементаристского типа интерпретации.**

Обращаясь к рассмотрению **мнемического** типа интерпретации, в его рамках также следует выделить подтипы: **цитирующий** – этот подтип основывается на цитировании строк или фраз стихотворения. Например: «*Одной волной подняться в жизнь иную Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам*» – ответ **средний** по внешним признакам, состоит из двух цитируемых строк стихотворения, в частности из третьей строки первого четверостишия и третьей строки второго четверостишия, что является показателями **мнемического цитирующего** типа интерпретации. «*Шепнуть о том, пред чем язык немеет, Усилить бой бестрепетных сердец, Вот чем певец лишь избранный владеет, Вот в чем и признак и венец!*» – ответ по внешним признакам **полный** по объему, реципиент цитирует запомнившееся строки из стихотворения, а в частности полностью последнее четверостишие, что является показателями **мнемического цитирующего** типа интерпретации.

Пересказательный – этот подтип основывается на пересказе отдельных событий, отраженных в поэтическом тексте. Например: «*Учись у них, у дуба и березы. Вокруг была зима. На сердце и душе было тоскливо. Человек переживает. За окном – снег, заметает старые следы. Хочется тепла, любви*»; «*Учись у дуба, у березы. Лютый мороз. Сильный ветер срывает последние листья. Молчат они, молчи и ты. Зима, не верь весне. Все кругом замерзло, метель*» – ответы по внешним признакам **полные** по объему, построены на пересказе событий отраженных в стихотворении, реципиент демонстрирует особенности своей памяти – это является показателями **мнемического пересказательного типа интерпретации.**

4) Показатель типа интерпретации в зависимости от мыслительной стратегии.

Все выше перечисленные типы интерпретаций сопровождаются особыми мыслительными стратегиями, связанными с описанием, повествованием и рассуждением, что находит отражение в работе П. О. Афанасьева «Краткая методика родного языка». Опираясь на классификацию «типов выражения мыслей и языка» [1, с. 271], отраженную в работе исследователя П. О. Афанасьева, выделим следующие типы интерпретаций в зависимости от показателя мыслительной стратегии, связанных с описанием, повествованием и рассуждением:

а) **описательный, пассивный, воспринимающий тип.** Данный тип связан с мыслительной страте-

гией описания. **Описание** – это «функциональный тип речи, сущность которого сводится к выражению факта сосуществования предметов, их признаков в одно и то же время. Оно служит для подробной передачи состояния действительности, изображения природы, местности, интерьера, внешности» [3, с. 263]. В содержании описательных текстов главное – предметы, свойства, качества, а не действия. Поэтому основную смысловую нагрузку несут имена существительные, прилагательные, глаголы в форме настоящего времени, которые являются показателем статичности изображаемого. Задача автора при этом состоит в описании процесса, этапов этого процесса, обычно вне зависимости от конкретного времени [8, с. 42]. Например: «*Учись у них, у дуба и березы. Вокруг была зима. На сердце и душе было тоскливо. Человек переживает. За окном – снег, заметает старые следы. Хочется тепла, любви*»; «*Смысл стихотворения в том, что дуб, береза в самые лютые морозы стоят и терпят их, они ждут весну, ждут, когда начнется новая жизнь*» – интерпретации представляют собой описание реципиентом фактов, запомнившихся в ходе чтения стихотворения. Особыми признаками описания в данных анкетах является наличие конкретных существительных и глаголов в форме настоящего времени. Таким образом, это **воспринимающий (описательный) тип;**

б) **наблюдающий, связывающий, рассудительный тип.** Данный тип связан с мыслительной стратегией рассуждения. **Рассуждение** – это «функциональный тип речи, соответствующий форме абстрактного мышления – умозаключению, выполняющий особое коммуникативное задание – придать речи аргументированный характер (прийти логическим путем к новому суждению или аргументировать высказанное ранее) и оформляемый с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики» [8, с. 43]. Данный тип речи оформляет выведение нового знания, демонстрирует ход авторской мысли, путь решения проблемы, где представлены аргументы. В качестве аргументов используются ссылки на авторитетных людей, цитаты из их произведений, пословицы и поговорки, выражающие народную мудрость, факты, события, примеры из личной жизни и жизни окружающих, промежуточные умозаключения, основанные на причинно-следственных связях. Например: «*На мой взгляд, смысл вытекает из названия, так как деревья стоят веками и видели жизнь...именно у них автор советует учиться. Они пережили страдания, боль, мороз, солнце... но жизнь не стоит на месте, движется вперед и поэтому автор заканчивает стихотворение. Переболит скорбящая душа*» – данный ответ построен на примерах из личной жизни и причинно-следственных связях, что является показателями **рассудительного типа;** «*В этом стихотворении Фет размышляет о жизни, о том, что одним движением можно улучшить себе жизнь или усугубить ее*» – в данных анкетах реципиент, размышляя над прочитанным стихотворением, акцентирует внимание на авторской позиции в стихотворении, что является показателем **наблюдающего (рассудительного) типа;**

в) **повествовательный, ученый или формальный тип**, ставящий на место наблюдения уже готовое знание [1, с. 271]. **Повествование** – это «функциональный тип речи, предназначенный для изображения последовательного ряда событий или перехода предмета из одного состояния в другое» [8, с. 43]. Большая роль в этой форме принадлежит глаголам, особенно формам прошедшего времени совершенного вида. Предложения в повествовании, как правило, не бывают слишком длинными и сложно построенными. Выразительная и изобразительная сила повествования заключается в наглядном представлении действий людей и явлений во времени и пространстве. Оно может быть представлено серией назывных предложений [11]. **Например:** «Река. Лес, закат. Песчаный берег. Комары, лето» – интерпретация построена на перечислении ряда назывных предложений, что является показателями **формального (повествовательного) типа**; «Смыслом этого стихотворения является то, что как бы не было плохо, надо терпеть и ждать когда будет хорошо», «Смысл в том, что человек должен быть мужественным в любых ситуациях и после ненастных дней, все равно будет хорошо» – реципиент на место наблюдения ставит уже готовое знание, что является показателем **формального (повествовательного) типа**;

г) **чувствующий тип**, который сочувствует и также обращает внимание на связь и значение всего, что он видит [1, с. 271]. **Например:** «Возвышенные

чувства, слияние душ», «О твердости и слабости жизни. Воодушевление отчаявшихся (чтобы люди не сдавались!)». Реципиент в данном ответе сочувствует и переживает, прочитанное из стихотворения, как наяву, что является показателем **чувствующего типа**.

Выводы

1. Рядовой носитель языка является особо значимым и актуальным объектом обыденной герменевтики, лингвоперсонологии, лингводидактики.

2. Языковые особенности сознания обыденного читателя не имеют системного изучения в лингвистической науке. Один из путей их изучения – сопоставление с положениями интерпретации читателя-профессионала (литературоведа или лингвиста).

3. Систематизация результатов эксперимента показывает, что непрофессиональный интерпретатор актуализирует внимание на отдельных составляющих, выделяя частные элементы – мотив, тему, образы, ключевые слова, которые выделяет и профессионал, но редко достигает широких и глубинных обобщений, поскольку не соотносит их с соответствующими научными положениями.

4. Профессиональная интерпретация строится под приматом элементаристской стратегии – выведении смысла целого из элементов, а обыденная – на какой-то одной детали, единичном впечатлении, что является отражением холистической стратегии.

Литература

1. Афанасьев, П. О. Краткая методика родного языка (фрагмент) / П. О. Афанасьев // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. – Ч. III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах: мат. конф. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004.
2. Голев, Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н. Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, филология, философия и педагогика. – 2004. – № 4.
3. Граудина, Л. К. Культура русской речи: учебник для вузов / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: 1999. – 560 с.
4. Гусев, С. С. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ / С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. – М., 1985. – 112 с.
5. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / Л. Г. Ким; науч. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 260 с.
6. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева [и др.]. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 420 с.
7. Михайличенко, Б. С. Проблемы литературоведения: теория литературы: монография / Б. С. Михайличенко. – Самарканд: СамГУ, 2009. – 182 с.
8. Нечаева, О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ, 1974. – 261 с.
9. Ранчин, А. М. Анализ стихотворения А. Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» / А. М. Ранчин, Б. Эйхенбаум, Д. Д. Благой // Вопросы литературы. – 1990. – № 2.
10. Шанский, Н. М. Одна из дидактических миниатюр А. Фета / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1993. – № 4.
11. Штрекер, Н. Ю. Русский язык и культура речи / Н. Ю. Штрекер. – М., 2003. – 250 с.
12. Эйхенбаум, Б. М. Мелодика русского лирического стиха / Б. М. Эйхенбаум. – М.: Директ-Медиа, 2009. – 342 с.

Информация об авторе:

Тваржинская Ольга Викторовна – ассистент кафедры русского языка и литературы, аспирант 2-го года обучения филиала КемГУ в г. Анжеро-Судженске, 8-909-522-39-89, asffilfak@mail.ru.
Olga V. Tvarzhinskaya – Lecturer at the Department of the Russian Language and Literature, Anzhero-Sudzhensk branch of Kemerovo State University.

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на примере технической терминологии)**
Н. В. Торчакова

**WORD-FORMATION MODELS OF LOANWORDS
IN THE CONTEMPORARY CHINESE LANGUAGE (case study of technical terms)**
N. V. Torchakova

В данной статье рассматриваются словообразовательные модели в современном китайском языке, в частности модели заимствований, на материале технической терминологии. Дается обзор работ, посвященных видам заимствований, освещаются теоретические аспекты словообразования в современном китайском языке в отечественной китаистике, а также в работах ведущих китайских лингвистов. Подробно описаны словообразовательные модели в рамках структурно-семантического подхода.

This article deals with problems of word formation in the contemporary Chinese language, particularly the formation of technical loanwords. A review of the works on types of loanwords is presented in the article. Theoretical aspects of word formation in the contemporary Chinese language in the works of Russian and Chinese sinologists are reviewed. A detailed description of word-formation models based on the structural and semantic approach is given.

Ключевые слова: заимствования, техническая терминология, словообразование, словообразовательные модели.

Keywords: loanwords, technical terminology, word formation, word formation models.

Активное развитие науки и техники способствует более широкому взаимодействию культур в различных сферах жизни, будь то наука, техника, культура, религия или туризм и т. п. Являясь одним из крупнейших центров промышленности, Китай расширяет контакты, обменивается опытом не только в сфере культуры, но также и в сфере промышленных технологий. Именно такое межкультурное взаимодействие способствует внедрению и адаптации слов-заимствований из исходного языка (чаще всего английского языка) в язык-реципиент (китайский) особого пласта лексики – технической терминологии.

Процесс адаптации новых слов-заимствований в китайский язык протекает более сложно и длительно нежели в другие языки, что обусловлено спецификой самого языка: использование иероглифического письма и особая фонетическая система. Тем не менее согласно статистике около 1000 новых слов заимствуется в китайский язык ежегодно [12].

Виды заимствований в китайском языке были неоднократно описаны различными учеными. Так, например, отечественные китаисты В. Г. Бурова и А. Л. Семенов, а также ряд зарубежных ученых (Жуйцин Мiao, Карстен Менде, Фэн Чжизэ и др.) выделяют четыре основных типа заимствований в китайском языке. Фонетические заимствования, при которых образование новых слов происходит по принципу передачи звучания, например 安培 [ānpéi] ампер (ампер). Семантические заимствования предполагают появление и функционирование в языке новых понятий, передача которых осуществляется путем перевода составляющих его частей, например, 智能机 intelligence machine (интеллектуальная машина). Полусемантические, полупонетические заимствования характеризуются тем, что часть термина переводится на китайский язык при помощи существующих в нем лексических единиц, а другая часть термина передает звучание, схожее со звучани-

ем в языке оригинала, например 安培计 [ānpéijì] ampere meter (амперметр). Гибридные заимствования включают элементы обоих языков. Здесь звучание и значение передаются в переводе, например 爱克斯光 X-RAY (рентген). Другая часто используемая форма гибридной передачи слов-заимствований – это непосредственное использование элементов обоих языков, например, если в исходном языке термин состоит из аббревиатуры и самого слова, то при передаче на китайский язык используется английской аббревиатуры сохраняется, а переводится только слово, например, MPA流量计 MPA flow instrument (расходомер MPA) [1; 8; 9, с. 71 – 77; 11].

Карстен Менде вместо четвертого гибридного вида заимствований пишет о так называемых «заимствованиях без изменений». В данном случае речь идет о часто употребляемых английских словах, используемых в китайском языке, например, T-shirt (футболка), E-mail (электронная почта). Однако, следует отметить, что данная тенденция более характерна для разговорного китайского языка. В государственных СМИ, печатных изданиях используется адаптированная версия заимствованного слова (T恤 (футболка), 伊妹儿 (электронная почта)) [8].

В классификации Жуйцин Мiao заимствования подразделяются на фонетические, семантические, гибридные и графические. Автор не выделяет отдельно такой вид заимствований как «полупонетический, полусемантический», называя его гибридным. В то время как термины-заимствования, содержащие буквы латинского алфавита, он называет графическими [11]. В последнее время в силу увеличения количества данного типа заимствований появилось много работ, авторы которых используют другую терминологию, называя данный вид заимствований «буквенными словами» [4, с. 15 – 22; 10; 14, с. 85 – 90]. Графическая запись слов буквами латинского алфавита делает заимствования данного вида обособленными по отно-

шению к заимствованиям, появившимся в китайском языке ранее на предыдущих этапах и записывающимися иероглифами. Буквенные слова как новый пласт лексики начали активно появляться в китайском языке в последние десятилетия благодаря повсеместному внедрению новейших информационных технологий, стремительному распространению сети Интернет и увеличению числа ее пользователей.

Более подробная и несколько отличная классификация слов-заимствований представлена китайским лингвистом Цай Мэй. Она выделяет отдельный вид заимствований, который не встречается в классификациях других авторов, это слова-заимствования, пришедшие в китайский язык из японского языка. Отличительной особенностью данного вида заимствований является то, что оба языка – как язык-донор, так и язык-реципиент – используют иероглифическое письмо. Для того чтобы стать полноправным членом языка, слово, пришедшее в язык извне, должно подчиняться законам словообразования современного китайского языка и соответствовать нормам и стандартам лексического состава современного китайского языка [13, с. 215 – 218]. Цай Мэй считает, что в современном китайском языке можно выделить пять типов заимствований, некоторые из них уже давно описаны лингвистами, в то время как другие появились в последние 10 – 20 лет. Соответственно, Цай Мэй выделяет:

1. Фонетические заимствования.
2. Фонетикосемантические заимствования (полусемантические, полупонетические заимствования в других классификациях).
3. Смешанные или гибридные заимствования. Согласно Цай Мэй для этого вида заимствований характерно как фонетическое сходство с языком-донором, так и семантическая значимость китайских иероглифов. В данном случае иероглифы не просто передают звучание, близкое к оригиналу, но их значение также позволяет более глубоко понять смысл слова или придает ему некий семантический оттенок. Например, 香波 [от английского «шампунь» shampoo: 香 (ароматный, душистый) 波 (волна, зыбь, рябь)].
4. Заимствованные словоформы. Данная группа слов включает в себя заимствования, которые пришли из японского языка. При этом сохраняется как словоформа (используются те же иероглифы), так и семантика слова, которая была присуща данному слову в японском языке. Изменению подвергается лишь фонетическая составляющая: иероглифы читаются на китайский манер, так как они изначально читались в китайском языке. Например, 手续 [でつづき → shouxu].

5. Буквенные слова. Например, GDP, DVD [13, с. 215 – 218].

Независимо от типа и способа заимствования образование новых слов-терминов в китайском языке происходит в соответствии с основным словообразовательными моделями китайского языка. «Проблема терминообразования в современном китайском языке – это часть проблемы словообразования в целом, так как терминообразование построено на фундаменте терминообразования» [6, с. 6].

Впервые большое внимание вопросам словообразования терминологии в китайском языкознании стало уделяться в 50-е гг. прошлого века, что связано с реформами стандартизации китайского языка. Лю Цзэсян в своей работе исследовал химическую терминологию и обратил внимание на важность и необходимость единообразия и удобства применения терминов [15]. Впоследствии другой китайский лингвист Лу Чживай написал большую работу, посвященную проблемам словообразования в китайском языке, в его работе представлена классификация моделей сложных слов имен существительных, прилагательных и т. д. [16].

Особый интерес представляет работа Гао Минкая и Лю Чжэнтаня, где авторы рассматривают иноязычные заимствования, сосредоточив внимание на терминообразовании. В своей работе они приближают классификацию терминов-заимствований к способам словообразования китайского языка. Авторы придерживаются мнения, что заимствованные термины подчиняются общим словообразовательным нормам языка [17].

В советской и впоследствии русской китаистике существенный вклад в теорию китайского словообразования внес В. М. Солнцев. В. М. Солнцев ввел понятия корня, аффиксов, полуаффиксов, словообразовательных моделей и способов словообразования в китайском языке. Далее в своих работах он также пишет об активизации процесса образования сложных слов, перехода полуаффиксов в разряд чистых аффиксов, перехода некоторых слов и терминов в разряд префиксов и аффиксов [3; 4, с. 15 – 22].

Н. Н. Коротков рассмотрел основные способы словообразования с морфологической и синтаксической точек зрения, выделив шесть основных моделей словообразования: сочинительную (копулятивную, или повтор синонимичных компонентов, дублирующих друг друга), атрибутивную (определятельную), глагольно-объектную, субъектно-предикативную, результативную и глагольно-предложную [2].

А. Л. Семенов и В. Г. Буров в предисловии к «Китайско-русскому словарю новых слов и выражений» пишут о том, что в современном китайском языке двусложные слова уже не могут решить проблему образования новых терминов и понятий. В силу этого появляются неологизмы в виде трехсложных и четырехсложных образований. Данные образования в количественном отношении уже превосходят двусложные новые слова. По подсчетам китайских ученых двуслоги составляют не более одной трети новых слов. С учетом этого была разработана классификация словообразовательных моделей терминов, основанная на морфологическом и синтаксическом принципах в зависимости от количества слогов в термине-слове или термине-словосочетании [1].

А. А. Хаматова, обобщив точки зрения отечественных и китайских лингвистов, предлагает выделять следующие способы образования новых слов: словосложение (основосложение), морфологический способ, полуаффиксация, морфемная контракция, лексико-семантический способ, конверсия (или морфологическо-синтаксический способ словообразования), фонетическое словообразование [7]. Согласно предложенной

А. А. Хаматовой классификации для слов-заимствований в современном китайском языке наиболее характерны такие способы словообразования как полу-аффиксация, фонетическое словообразование, лексико-семантический способ [7].

Заметное место в словообразовании слов-заимствований принадлежит аффиксам. Они могут стоять в начале слова и выполнять функцию префикса (префиксоида). Здесь имеет место следующая структура: префикс (反, 多, 非, 可, 阿, 老, 超) + первичная лексема и др., например 反中子 [fǎn zhōng zǐ] (физ.) antineutron (антинейтрон), 超声波 [chāo shēng bō] supersonic wave (ультразвуковая волна).

Другой широко применяемый способ образования заимствованных слов – фонетическое словообразование. Например, 阿米巴 [āmībā] amoeba (амеба), 镭射 léishè laser (лазер).

Лексико-семантический способ также отличается большой продуктивностью в области образования новых заимствованных слов. Он имеет место в том случае, когда для передачи заимствованного слова используются существующие слова или уже существующие слова-заимствования: 反中子 [fǎn zhōng zǐ] (физ.) antineutron антинейтрон, 二极管 [èrjíguǎn] diode (диод), 发光二极管[fāguāngèrjíguǎn] light-emitting diode (светодиод).

Интересное и достаточно подробное описание словообразовательных моделей представлено в работе видного отечественного китаиста О. П. Фроловой [6]. В своей работе О. П. Фролова использует структурно-семантический подход при исследовании биологической терминологии. Наряду с общепринятыми способами словообразования, выделяемыми отечественными и китайскими синологами (словосложение, аффиксация, конверсия и реже фонетическое словообразование), О. П. Фролова говорит об эффективности моделирования как метода исследования лексики и предлагает более подробную классификацию, подразделяя модели словообразования на базовые и частные. Следует отметить, что данные модели следует рассматривать в первую очередь для лексико-семантических заимствований. Базовые модели характерны для всей системы в целом. Частные модели – это аналоги единиц любого уровня системы именного словообразования. О. П. Фролова выделяет 4 базовые модели, продуктом которых являются именные сложные слова (ИСС) (здесь и далее сокращения О. П. Фроловой):

$$\text{ИСС-}i = \begin{cases} \text{ИКсс} + > \text{ИКсс} (1) \\ \text{ККсс} + > \text{ИКсс} (2) \\ \text{ГКсс} + > \text{ИКсс} (3) \\ \text{ИКсс} < + > \text{ИКсс} (4), \end{cases}$$

где

i – порядковый номер уровня продуктов словообразования;

Ксс – компонент сложных слов;

$+ >$ – атрибутивные отношения, стрелка направлена в сторону определяемого;

$< + >$ – копулятивные (сочинительные) отношения;

И, К, Г – символы, указывающие соответственно на именную, качественную и глагольную характер единиц. Следовательно, чем выше порядок уровня, тем длиннее эти ряды.

Для того чтобы получить частные модели слово-сложения для сложных слов достаточно заменить условный символ компонента Ксс на соответствующую корневую морфему (КМ). В этом случае частные модели для именных компонентов 1 уровня будут записаны следующим образом:

$$\text{ИСС-}1 = \begin{cases} \text{ИКм} + > \text{ИКм} (1') \\ \text{Ккм} + > \text{ИКм} (2') \\ \text{Гкм} + > \text{ИКм} (3') \\ \text{ИКм} < + > \text{ИКм} (4'). \end{cases}$$

Автор также выделяет вспомогательные базовые модели, которые служат для создания сложных компонентов именных сложных слов. В данном случае вместо именных компонентов могут использоваться глагольные и качественные компоненты. Словообразовательные модели выглядят следующим образом:

$$\text{ГСС-}i = \text{ГКсс} = \begin{cases} \text{ГКсс} < + > \text{ГКсс} (5) \\ \text{ИКсс} + > \text{ГКсс} (6) \\ \text{ККсс} + > \text{ГКсс} (7) \\ \text{ГКсс} \rightarrow \text{ИКсс} (8) \\ \text{ГКсс} \_ \text{ККсс} (9) \\ \text{ГКсс} \_ \text{ГКсс} (10), \end{cases}$$

где

ГСС – глагольное сложное слово,

$\rightarrow$ – глагольно-объектные отношения,

$\_$ – результирующие отношения.

$$\text{ГСС-}i = \text{ККсс} = \text{ИКсс} \text{ККсс} \geq (11),$$

где $\geq$ – субъективно-предикативные отношения [6].

В качестве примера приведем несколько технических терминов-заимствований. 后桥 hòuqiáo rear axle (of a car) (тех. задний мост (автомобиля)). Базовой моделью является модель (2). Первая морфема 后 hòu переводится как «задний». Это качественный компонент с корневой морфемой. С компонентом 桥 qiáo (мост) первый компонент находится в атрибутивном отношении. Частная модель выглядит следующим образом: ИСС-1 = Ккм $+ >$ Икм.

Другой пример 涡街 wōjiē vortex street (вихревая дорожка). Базовой моделью является модель (1). Первая морфема 涡 wō переводится как «водоворот; пучина, омут». Это именной компонент с корневой морфемой. С компонентом 街 jiē (улица; городская магистраль) он находится в атрибутивном отношении. Частная модель выглядит следующим образом: ИСС-1 = Икм $+ >$ Икм.

Пример с более сложной моделью: 流量仪 liúliàngyí flow instrument (расходомер). Базовой моделью является модель (1). Первые две морфемы 流量 liúliàng переводятся как расход воды (воздуха, тока) и которые, в свою очередь, по отдельности имеют следующие значения 流 liú: течь, стекать,

струиться, 量 liáng (мера, вес, объём; ёмкость; количество, величина; число) и находятся друг с другом в атрибутивном отношении. Со словом 仪 yí (инструмент, прибор) первые две морфемы также находятся в атрибутивном отношении. Частная модель выглядит следующим образом:

ИСС-2 = И[И(Гкм + > Икм) + > Икм].

Таким образом, основными способами словообразования в современном китайском языке являются словосложение, аффиксация, конверсия и реже фоне-

тический способ. Создание и адаптация слов-заимствований подчиняется общим правилам словообразования с различной степенью продуктивности. Наиболее продуктивными являются полуаффиксация, фонетическое словообразование, лексико-семантический способ. Что касается последнего способа, то образование новых слов-терминов происходит в соответствии с общими базовыми и частными моделями словообразования.

Литература

1. Буров, В. Г. Китайско-русский словарь новых слов и выражений / В. Г. Буров, А. Л. Семенас. – М.: Восточная книга, 2007 – 735 с.
2. Коротков, Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка / Н. Н. Коротков. – М., 1968 – 397 с.
3. Солнцев, В. М. Очерки по современному китайскому языку / В. М. Солнцев. – М., 1957 – 204 с.
4. Солнцев, В. М. Куда идет китайский язык? / В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева // Китайское языкознание: изолирующие языки: мат. IX Межд. конф. – М., 1998.
5. Солнцева, Н. В. Некоторые проблемы неологизмов / Н. В. Солнцева // Китайское языкознание. Изолирующие языки. – М., 2002. – С. 231 – 234.
6. Фролова, О. П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка: монография / О. П. Фролова. – М.: Восточная книга, 2011. – 168 с.
7. Хаматова, А. А. Словообразование современного китайского языка / А. А. Хаматова. – М.: Муравей, 2003. – 223 с.
8. Carsten Mende. English in Chinese and Japanese // TCWORLD (magazine for international information management), February. – 2010. – Режим доступа: <http://82.165.192.89/initial/index.php?id=141>
9. Feng Zhiwei. Standardization of Chinese Scientific Loanwords // The Multi-Faceted Nature of Language Policies that Aim to Standardize and Revive Language, Proceedings for 11th International Symposium. – Tokyo: The National Institute for Japanese Language, 2004.
10. Hansell Mark Donald. The Sino-Alphabet: the assimilation of the Roman alphabet into the Chinese writing system // Sino-Platonic Papers. – 1994. – № 5.
11. Ruiqin Miao. Loanword adaptation in Mandarin Chinese: Perceptual, Phonological and Sociolinguistic Factors. A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy in Linguistics. – Stony Brook University, 2005. – December.
12. Xing Zhigang. Purity of Chinese language debated // China Daily: национальная китайская газета. – Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-09/13/content_373918.htm
13. 蔡梅. 现代汉语外来词的新形式及其规范问题 // 人才培养模式改革和开放教育试点论文集, 北京, 2003.
14. 刘涌泉 Liu Yongquan. 关于汉语字母次的问题 – К вопросу о буквенных словах в китайском языке // 语言文字应用. № 1/2002.
15. 刘泽先. 科学名词和文字改革, 北京, 1957.
16. 陆志伟. 汉语的构词法, 北京, 1964.
17. 高名凯, 刘正. 谈现代外来词研究, 北京, 1958.

Информация об авторе:

Торчакова Наталья Владимировна – соискатель, ассистент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии КемГУ, 8 (3842) 58-34-97, tortchakova@mail.ru.
Natalia V. Torchakova – post-graduate student, Lecturer at the Department of Interpreting and Translation, Kemerovo State University.

**МЕДИАТЕКСТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ СТРАТЕГИЙ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА
(на материале текстов жанра фанфикшен как зрительских проекций медиатекста)**

Н. В. Уканакова

**MEDIATEXT AS AN INSTRUMENT FOR CREATING READERS' PERCEPTION STRATEGIES
(as revealed in fanfiction used as text projections)**

N. V. Ukanakova

Статья представляет собой исследование стратегий и особенностей восприятия медиатекста на базе текстов жанра фанфикшен как зрительских проекций медиатекста. Исследование проводилось на основе типологии стратегий, выделенных Т. А. ван Дейком и В. Кинчем. В качестве материала для анализа были выбраны фанфикшен-тексты по медиатексту (сериал «Сверхъестественное» (Supernatural)). В результате был сделан вывод о продуктивности рассмотрения текстов жанра фанфикшен в качестве реализаций читательских (или зрительских) проекций текста.

The article represents the research of mediatext perception based on pieces of fanfiction prose used as mediatext projections. The analysis was based on the perception strategies typology suggested by van Dijk and Kintsch. *Supernatural* series fanfics were researched and analyzed. The conclusion is that fanfiction material offers us great perspective at close studying of text projections, and that it is a rather productive way.

Ключевые слова: интертекстуальность, гипермедиакультура, медиалингвистика, психоллингвистика, восприятие текста, стратегии восприятия текста, проекции текста.

Keywords: intertextuality, hypermedia culture, media linguistics, psycholinguistics, text perception, text perception strategies, text projection.

Проблема восприятия текста – одна из наиболее актуальных в современной лингвистике. Это связано, в первую очередь, со стремительным развитием информационных технологий, которое привело к изменению структуры информационного пространства, превращению его в гипермедиаальное. Одним из признаков нового вида пространства является наполненность его различного рода медиатекстами. Рассматривая термин «медиатекст», Я. Н. Засурский дает его определение как «нового коммуникационного продукта», который может быть включен в разные медийные структуры вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов, а также в разные медийные обстоятельства: газеты и журналы, радио и телевидение, Интернет и мобильная связь и т. п. [7]. Большой интерес вызывают механизмы возникновения стратегий понимания текстов, необходимых для того, чтобы успешно и эффективно существовать в подобном информационном поле.

Фанфик (также фэнфик; от англ. fan – поклонник и fiction – художественная литература) – производный текст, основанный на каком-либо оригинальном произведении (как правило, литературном или кинематографическом), использующий его идеи сюжета и (или) персонажей.

Тем не менее написанные в жанре фанфикшна тексты – всегда тексты в литературной форме, построенные на тех же принципах, что и «большая литература». В настоящий момент в литературоведении актуален вопрос о том, возможно ли причислить жанр фанфик к литературе, ведь в его основе – воссоздание и пересоздание художественного мира, уже описанного в другом (оригинальном) тексте [4]. Последователи фанфика утверждают, что использование чужого текста – это основа существования мировой литературы. «Ни один текст (Пушкина, Достоевского, Джойса)

не смог бы состояться, если бы не было тех произведений, которые в нем скрыто или явно цитируются. Использование чужих героев, чужих образов, чужих слов – это есть в любой книге, стоящей на вашей полке» [5]. Таким образом, жанр фанфика полностью соотносится и с концепцией интертекстуальности, присущей современной литературе, и с общими тенденциями гипермедиаальности, присущими культуре в целом.

Как известно, рубеж XX – XXI веков характеризуется появлением нового типа культуры, гипермедиаальной, основным принципом которой является интертекст. В последнее время художественная литература приобретает все больше черт нелинейности (появление гиперлитературы, опубликование классических произведений в Сети). Таким образом, изменяется сама структура информационного пространства, в котором существует современный человек, появляются новые черты (нелинейность, неоднородность, интерактивность). В связи с этим большой интерес вызывает изучение стратегий восприятия текстов читателем. Изучение особенностей восприятия текста может производиться на базе изучения фанфик-текстов как отражений читательских проекций текста.

Типология фанфиков обширна, подобные тексты разделяются на следующие жанры [5]:

1. *Общие* («джен», от «general audience») *жанры*, – термин восходит к системе рейтинговых пометок, принятых в отношении кино, где любовная линия отсутствует или малозначима:

- экшн (action) – фанфики с динамичным сюжетом, много действий, мало загадок и отношений героев;
- юмор (humour) – юмористический фанфик;
- пародия (parody) – пародия на оригинальное произведение;

– дарк (dark, darkfic) – рассказ с большим количеством смертей и жестокостей. Одна из разновидностей – deathfic – фанфик, в котором один или несколько героев умирают;

– POV (Point Of View) – точка зрения, повествование от первого лица одного из героев.

2. Любовные жанры:

– романтика (romance) – фанфик о нежных и романтических отношениях. Как правило, имеет счастливый конец;

– драма (drama) – романтическая история с печальным финалом;

– ангст (angst) – сильные переживания, физические, но чаще духовные страдания персонажа, присутствующим депрессивные мотивы и драматические события;

– флафф (fluff) – тёплые, ничем не омраченные отношения между персонажами;

– hurt/comfort – фанфик, в котором один персонаж, так или иначе, страдает, а другой приходит ему или ей на помощь;

– Established Relationship (ER) – установившиеся отношения между героями.

Приведенная типология служит чисто практической цели, позволяя читателям выбрать интересующий вид фанфика среди их бесчисленного количества, буквально выбрать ход развития событий, происходящих с известными персонажами.

В виду цели нашего исследования полезной представляется классификация фанфиков *по степени их соответствия реалиям мира оригинала*:

– «AU» (Alternative Universal, альтернативная вселенная) – есть значимые расхождения или даже противоречия с миром оригинала;

– «не-AU» (не имеют специального жаргонизма) – расхождений с миром оригинала нет.

Кроме того, *по соответствию характера героев* фанфика их характеру в оригинале существует подразделение на:

– «ООС» (Out Of Character) – есть значимые расхождения или даже противоречия с характерами в оригинальном произведении;

– «в характере» – расхождений с характерами героев в оригинале нет.

Совершенно особый вид фанфика – «кроссовер» (crossover) пересечение нескольких произведений. Отправной точкой в этом случае являются сразу два или больше художественных мира. Примером может служить кроссовер-фанфик по произведениям С. Майер «Сумерки» и сериалу «Дневники вампира» [5].

В рамках нашего исследования особое внимание будет уделяться «non-AU», «InCharacter», «ER» фанфикам, как наиболее точно отражающим читательские проекции текста, а значит и особенности процессов восприятия.

Исследование читательских проекций текста будет производиться на основе типологии стратегий восприятия текста, выдвинутых Т. А. ван Дейком и В. Кинчем. В работе «Стратегии понимания связного текста» ими выделены [3]:

1. *Пропозиционные стратегии*, первичный этап восприятия, имеет место «стратегическое конструирование пропозиций», предположений.

2. *Стратегии локальной когерентности*, в рамках которых происходит установление значимой связи между предложениями текста.

3. *Макростратегии*, при помощи которых можно получить несколько уровней макропропозиций, в совокупности образующих макроструктуру текста (суть, общее содержание, тема, топик текста).

4. *Схематические стратегии*, которые предполагают следование определенным схемам, суперструктурам текста (например, завязка – кульминация – развязка).

5. *Продукционные стратегии* (антиципация, предвосхищение) – адресат должен представить себе тему дискурса, в то время как отправитель уже знает тему продуцируемого сообщения.

6. *Стилистические стратегии* помогают реципиенту понять, почему выбор между альтернативными способами выражения приблизительно одного и того же значения был сделан в пользу именно того средства, которое используется в тексте, и какую дополнительную нагрузку по замыслу адресанта несет это средство [3, с. 166 – 169].

Т. ван Дейк приходит к выводу о наличии двух основных типов стратегий понимания художественных текстов: *макростратегий* (отвечают за тематическое обоснование, художественное планирование, композиционное построение текста) и *микростратегий* (отвечают за смысловую цельность и семантико-синтаксическую связность) [3].

Для изучения особенностей восприятия текста нами была разработана анкета, в которой отразились основные стратегии восприятия Т. ван Дейка и В. Кинча. Были составлены следующие пункты, по которым собиралась информация:

1. Как автор определяет тему текста и его общее содержание (макростратегии)?

2. Выделяет ли автор фанфика в структуре оригинального текста завязку-кульминацию-развязку (схематические стратегии)?

3. Существуют ли в тексте знакомые автору фанфика по литературным/киноисточникам выражения/цитаты? Считает ли он их применение оправданным, соответствующим смыслу и стилю текста? Какую смысловую нагрузку оно несет? (стилистические стратегии).

4. Каким образом представляет себе автор фанфика развитие событий в оригинальном тексте? (продукционные стратегии).

В качестве материала для анкеты были выбраны «non-AU», «InCharacter», «ER» фанфики по медиатексту как неотъемлемой составляющей современного информационного мира. «Сверхъестественное» («Supernatural») – канадский телесериал, сочетающий в себе элементы мистики, драмы, детектива, комедии и ужасов, рассказывающий о приключениях братьев Сэма и Дина Винчестеров, которые путешествуют по Соединённым Штатам на чёрном автомобиле, расследуют паранормальные явления, многие из которых основаны на американских городских легендах и фольклоре. Премьера состоялась 14 сентября 2005 года на канале WB, серии нового сезона продолжают выходить на канале CW. Сериал отвечает *классическим характеристикам медиатекста* (рассчитан-

ность на массовую аудиторию, применение «медиа-языка» как собственного комплекса приемов и средств выразительности, динамический характер, многомерность, интегральность, социально-регулятивная природа).

В рамках статьи материал для исследования брался с форумов писателей фанфиков - фикрайтеров (например, <http://www.ficwriter.com>, <http://www.fanfiction.net>). Что касается *макростратегий читательского восприятия*, по анализу фанфиков, представляется возможным выделить *две основные тематические доминанты* сериала как медиатекста:

1. Тема межличностных отношений (отношения между братьями-охотниками за сверхъестественным, вопросы семейного долга, дружеских, семейных ценностей, отношения между родителями и детьми). В фанфиках, посвященных данной тематике, акцент не делается на паранормальные явления, они восприни-

маются как должное, выступая в качестве фона повествования.

2. Тема сверхъестественного как такового (борьба с проявлениями зла, помощь людям, попавшим в трудную ситуацию).

Схематические стратегии восприятия сериала зрителями выглядят довольно однородными. Для их анализа большую ценность представляют фанфики, основанные на конкретных, легко угадываемых эпизодах сериала. В подобном случае, когда происходит описание увиденного на экране, полученный результат наиболее близок к читательской проекции текста. К примеру, фанфик на один из эпизодов «Кровавая Мэри» (*Bloody Mary*) под названием «Молчим о секретах» (*Keeping Secrets*) имеет структуру, абсолютно идентичную структуре сериального эпизода [8] (рис. 1).

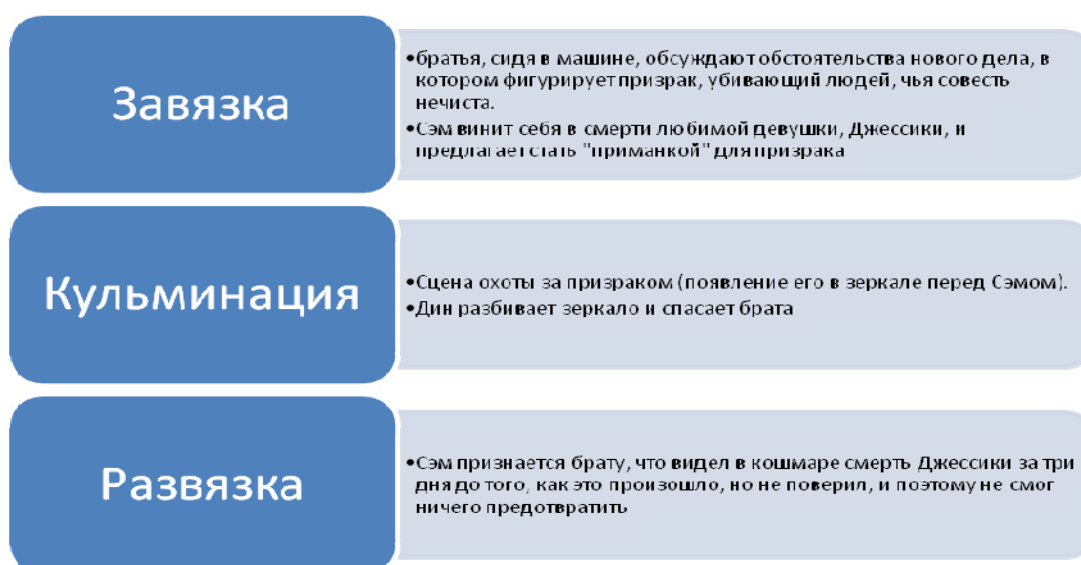

Рис. 1. Схематическая структура эпизода

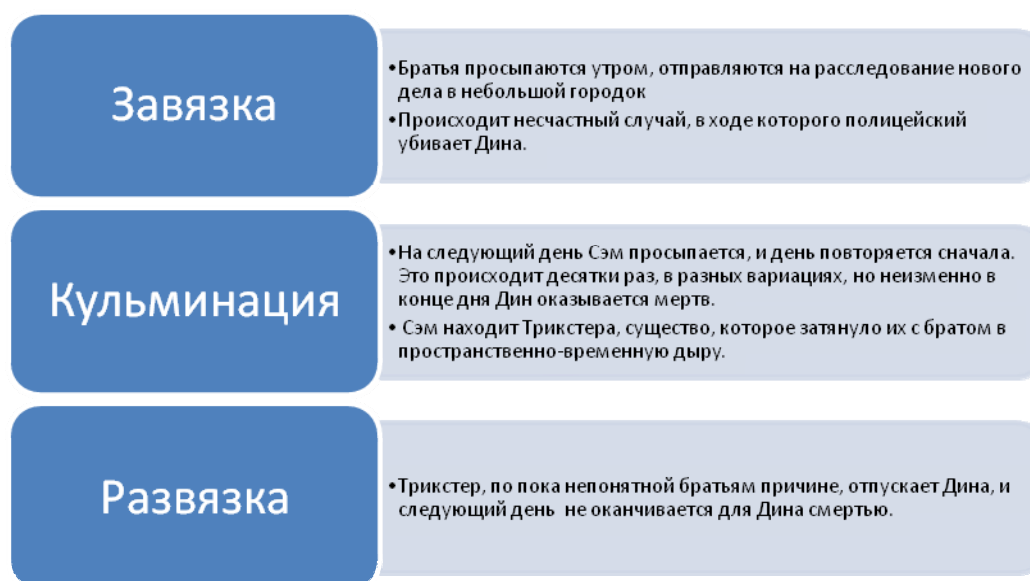

Рис. 2. Схематическая структура сериального эпизода

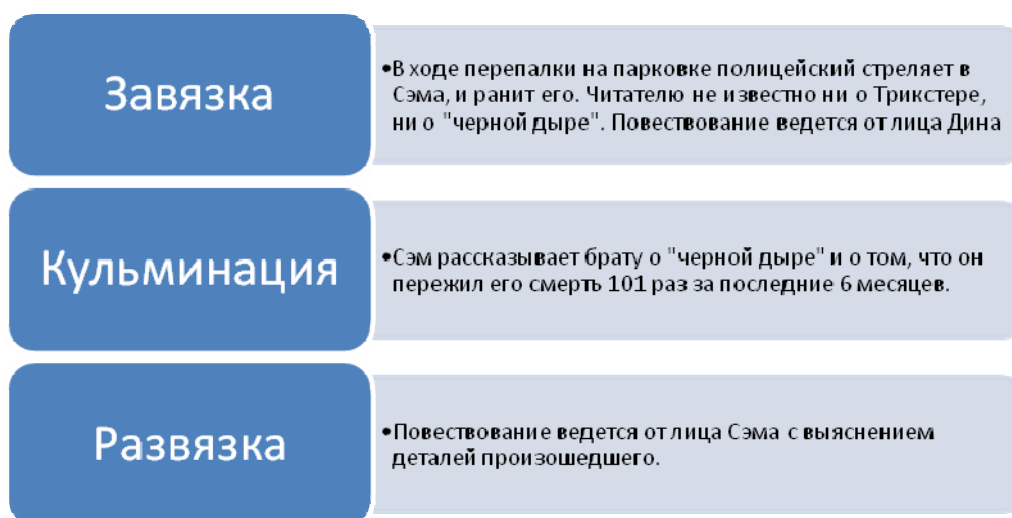

Рис. 3. Схематическая структура фанфик-текста

Возможно, это связано с тем, что сериал как медиапродукт, обладает авторитарной природой, дает зрителям меньше свободы в восприятии. Нами было отмечено, что зрители в основном придерживаются в сценариях восприятия акцентов, расставленных режиссером. Тем не менее при просмотре сериала зависимость от режиссерской интерпретации не так сильна, как при просмотре фильма, т. к. зрителю известна предыстория героев, то, что было после. Фикрайтеру легче «дофантазировать», начать повествование с любой точки в случае с сериалом, чем в случае с фильмом. Поэтому достаточно распространены фанфики, схема построения которых отличается от схемы эпизода. Автор счел нужным расставить другие акценты, нежели режиссер. Одним из примеров является фанфик «101» [14], основанный на эпизоде «Черная дыра» (*Mystery Spot*). В эпизоде сериала события выстроены линейным образом (рис. 2).

В фанфике по мотивам эпизода автор расставил совсем иные акценты [14] (рис. 3).

Автор придает больше значения психологическому аспекту, чем динамике, экшену. Само повествование (следовательно, его читательская проекция) построено как законченная история, которая уже произошла.

Стилистические стратегии восприятия медиатекста в полной мере проявляются в текстах фанфиков. Речь персонажей фанфиков звучит в том же ключе, что и в эпизодах сериала, с использованием присущих им речевых оборотов, фразеологизмов, жаргонизмов.

Например:

1. *C'mon, dude, let's get you to the hospital* [12].

(Ну же, приятель, давай отвезем тебя в больницу).

2. *He said, "Having a bad day kiddo?"* [8].

(Он сказал: «Что, не твой день сегодня, дружище?»).

3. *Dean had rolled over and said "Screw that. Let me sleep"* [8].

(Дин перекатился на другой бок и пробормотал: «Отвали. Дай поспать»).

4. *The day had gone downhill from there* [8].

(С этого момента весь день *пошел под откос*).

Все это свидетельствует о том, что стилистические стратегии в полной мере восприняты зрителями, кроме того, они играют важную роль в восприятии любого текста. Например, пособие «Как написать более или менее читаемый фанфик» [4] советует: «Основывайте диалоги и характеристики на шоу... прочтите свою историю вслух и представьте, как участники шоу произносят написанные слова. Если они звучат неправильно – переписывайте!».

Другой важный момент касательно стилистических стратегий – это использование в медиатексте знакомых автору фанфика по литературным/киноисточникам выражений/цитат, определение их смысловой нагрузки, а также использование подобных цитат в собственном фанфик-тексте. Следует отметить, что, обладая всеми характеристиками медиатекста, сериал насыщен подобного рода *отсылками* к:

1) литературным произведениям (например, к сказкам братьев Гримм, – эпизод «Сказочки на ночь» *Bedtime Stories*);

2) кино («Охотники за привидениями» (*Ghostbusters*) А. Райтмана 1984 года; кроме того, целые серии сняты в стилистике кинолент. Например, эпизод «MonsterMovies» («Страшилки») ссылается на немые черно-белые фильмы ужасов 30-х гг. Это происходит с помощью черно-белого решения эпизода, использования киноштампов, свойственных фильмам ужасов (молния освещает табличку с названием города, в который выехали герои), клишированных ситуаций (красивая девушка, которую надо спасти). Эпизод «Духоводы» (*Ghostfacers*) снят под подростковые фильмы ужасов, стилизованные под документалистику с целью придания весомости повествованию (родоначальником этого жанра был фильм «Ведьма из Блэр» *The Blair Witch Project* 1999 года);

3) явлениям музыкальной культуры. По ходу действия главным героям часто представляются под чужими именами, которые принадлежат известным людям, реально существующим музыкантам. Дин и Сэм представлялись именами Плант и Пейдж – участники группы Led Zeppelin), в другой серии – агентами Ангус и Янг

(Ангус Янг – гитарист австралийской группы AC/DC). Подобная игра поддерживается саундтреком, который играет важную роль в сериале. Позже сценаристы сериала включили в эту игру также имена-отсылки к кино и литературным произведениям.

Вышеназванные ссылки помогают сериалу стать медиатекстом, поддерживают его включенность в общемировое медиакультурное пространство, интегральность его с другими явлениями культуры.

По результатам анализа фанфик-текстов можно сделать вывод о том, что приведенные стилистические приемы сложнее всего поддаются «считыванию» в процессе восприятия медиатекста, минимальный процент подобных текстов построен с их использованием. Практически во всех случаях авторы фанфиков

используют увиденное в сериале целиком, не добавляя ничего нового. Тем не менее, существуют образцы фанфиков, построенные творчески, с использованием приемов, подобных увиденному в сериале. Например, фанфик *Supernatural Facebook Wars* (Сверхъестественное. Войны в Фейсбуке) стилизован под диалоги персонажей сериала, происходящие в социальной сети. Это позволяет автору поместить героев в пространство, хорошо знакомое и ему, и читателям, представить, как они повели бы себя в ситуации, с которой мы сталкиваемся ежедневно (общение в социальной сети). Диалоги по форме и содержанию (упрощенные, разговорные языковые формы, отказ от орфографии, использование смайликов) полностью выдержаны в стиле личных страниц (таблица) [11].

Таблица

Отрывок из фанфик-теста *Supernatural Facebook Wars*, стилизованный под социальную сеть

Gabriel wrote on Sam Winchester's wall. <i>Sammy boy I call a truce *waves white flag in air*</i> 2 hours ago. Like. Comment. See Friendship <u>Sam Winchester</u>: deal <u>Gabriel</u>: Really? о.О <u>Sam Winchester</u>: yes really!	Габриэль на стене Сэма Винчестера. <i>Сэмми старик сдаюсь *машет белым флагом в воздухе*</i> 2 часа назад. Нравится. Оставить комментарии. Перейти к друзьям <u>Сэм Винчестер</u>: заметано <u>Габриэль</u>: Правда что ли? о. О <u>Сэм Винчестер</u>: да правда!

Другой фанфикшен текст полностью стилизован под жанр японской поэзии хайку [13].

5. harsh, disturbing upbringing
 tight control
 bleak, uncertain future

overflowing heart
 stubborn image of masculinity
 single tear

(Жесткое воспитание.
 Полный контроль.
 Но будущее туманно.

Горячее сердце.
 Мужское лицо упрямо.
 Слезинка на щеке заметна).

Очевидно, что данный фанфик-текст полностью отвечает *основным внешним характеристикам хайку*, среди которых традиционно выделяют [1]:

– простоту (хайку чаще ставит вопросы, чем отвечает на них; это экспромт, моментальный набросок, «поэтический симбиоз импрессионизма с примитивизмом», требующий алогичных путей интерпретации);

– лаконичность (максимальное сжатие, удаление лишних слов);

– белостишие;

– самодостаточность (завершенность, нет необходимости что-либо добавить и нет возможности что-либо убрать, отсутствие момента «до» и «после»);

– неопределённость (неоднозначность смысла, осознанная недосказанность, приглашение читателя наполнить стихотворение смыслом самостоятельно) [6].

Автор фанфик-текста использует для выражения мыслей обыденный, простой язык, клишированные образы и выражения, что находится вполне в рамках хайку-традиций («безыскусность, граничащая с примитивностью» [2]). Например, tight control, image of masculinity, single tear. Другой неперенный элемент хайку-стихосложения – соотнесение образа автора, внутреннего мира человека с образами природы, и в данном случае с этой целью автор использует слово bleak (туманный, размытый, открытый, незащищенный от ветра, промозглый, холодный), которое чаще всего употребляется в контексте, связанном с природными явлениями. Наиболее частыми синонимами для него являются такие слова, как exposed, windswept, grim, raw, dreary [ABBY Lingvo].

Кроме экспериментов с формой подачи текста, в фанфиках по аналогии с сериалом часто встречаются ссылки на явления современной культуры, что также позволяет читателям чувствовать свою «сопричастность», пространственно-временную приближенность к действию. Например, юмор-фанфик *Phones and Apps* (Телефоны и приложения) ссылается, во-первых, на технологизацию современного мира, на то, насколько важное место занимают устройства в жизни современного человека, во-вторых, на популярный подростковый сериал «Друзья» [10]:

6. A withering glare from Sam. "They're called *apps*, doofus. As in *applications*. Don't you keep in touch with modern culture at all?"

Dean looked offended. "Of course I do! I watched an episode of "Friends" just last week."

(Критикующий взгляд Сэма. «Они называются приложения, балда. Ты что, совсем уже от современной культуры отстал?»)

Дин выглядел обиженным. «Конечно, нет! Вон на той неделе я даже эпизод «Друзей» смотрел») [10].

В текстах фанфиков можно встретить и прямые цитации, отсылки к известным людям, случаям в истории. Например:

7. Ed solemnly took up The Device in his hand. "This is one small step for mankind," he intoned, and keyed the power button on [10].

(Эд торжественно взял Устройство в руку. «*Это маленький шаг для человечества*», – медленно и серьезно сказал он, и нажал на кнопку).

Автор играет на контрасте, рассказывая несерьезную ситуацию в серьезном ключе, используя для этого перифраз известных слов Нила Армстронга «*Это маленький шаг для человека, но большой для человечества*», которые он произнес при посадке на Луне.

Довольно популярный среди фикрайтеров прием – использование прямых интертекстуальных включений (таким образом, как это делается в сериале). Широкое использование этого приема свидетельствует о том, что стилистический посыл авторов оригинального медиатекста практически полностью считан и усвоен зрителями. Например, фанфик The Greatest Challenge (Большой Вызов) имеет в тексте многочисленные включения подобного рода [12]:

8. The black impala drove down the highway one sunny afternoon, Blue Oyster Cult blasting out of the speakers.

(Солнечным днем черный шевроле импала мчался по шоссе, из колонок звучал Blue Oyster Cult).

Пример содержит отсылку к музыке американской рок-группы BlueOysterCult. Кроме того, он позволяет читателю понять, что в машине находятся главные герои сериала.

Другим интертекстуальным включением, присутствующим в данном фанфик-тексте, является отсылка к романам Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Связь этих двух текстов поддерживается на протяжении всего фанфика. В завязке, в момент обсуждения братьями обстоятельства нового дела, Дин приводит цитату из романа [12]:

9. «Turn them young, so they are raised to crave blood and flesh», – said Dean, with a smirk.

Sam looked at him, a little shocked, and a bit disturbed.

«What? I read Harry Potter. That was the main werewolf's whole philosophy».

(«Обращай в оборотней молодых, так чтобы они воспитывались, жажда плоти и крови», – процитировал Дин с горькой усмешкой.

Сэм обеспокоенно взглянул на него.

«Что такое? Я читал Гарри Поттера. В этом вся философия оборотней»).

Позже автор поддерживает эту связь, ссылаясь на персонажей романов Дж. Роулинг (Гермиону Грейнджер и Джинни Уизли) [12].

10. He looked out the window. "Man, if I had a daughter, she would be just as badass as Hermione."

Sam still looked at him, and then started chuckling. "I always imagined you having more of a Ginny daughter."

"Nah, she's too Mary-Sue."

(Он бросил взгляд в окно. «Старик, если бы у меня была дочь, она была бы такая же задиристая, как Гермиона». Сэм захихикал, глядя на него. «А я-то ду-

мал, что твоя дочь больше была бы похожа на Джинни». «Да ну, она слишком приторная»).

Подобные интертекстуальные включения помогают фанфик-тексту стать принадлежностью современной гипермедиакультуры, поддерживают его связь с другими текстами.

В рамках данного исследования наибольший интерес представляет изучение продукционных стратегий восприятия на материале текстов жанра фанфикшен. Т. ван Дейк и В. Кинч, авторы типологии стратегий восприятия текстов, признавали, что этот вид стратегий является наименее изученным. Тем не менее, основное положение их работы состоит в том, что «понимание – это не просто пассивный анализ, а конструктивный процесс. Так, важная роль переработки по принципу «сверху – вниз» в процессе понимания предполагает частичное планирование (или ожидание) структур и значений предложений и целых текстов» [3]. В свете этого особую ценность для исследования представляют тексты, созданные реципиентами медиатекста (в данном случае, сериала «Сверхъестественное») до выхода в свет, а значит, до просмотра ими очередной серии. Подобные фанфики отражают ожидания авторов насчет макростратегий (темы, событийного наполнения эпизода), схематических стратегий (структура «завязка-кульминация-развязка» эпизода), высказывают различные варианты последующего развития событий.

Каким образом происходит конструирование ожидаемых медиатекстовых структур? Можно предположить, что в первую очередь конструируются макростратегии (топик эпизода, например, смысловое продолжение предыдущей серии), направление сюжетной линии (обстоятельства, background, основные и фоновые события). Не до конца ясна роль стилистической составляющей продукционных стратегий. Возможно, её создание и стилистическая обработка текста происходит одновременно с «макроконструированием». Хотя стилистические стратегии считаются «побочными» по отношению к основным макростратегиям, мы полагаем, что они могут включаться и функционировать с ними одновременно. Кроме того, вполне разумно выдвинуть гипотезу, что *стилистические элементы могут быть определяющими* для всех прочих составляющих текста.

В качестве примера можно рассмотреть фанфик под названием Krissy In Wonderland [9], представляющий собой историю приключений обычной девушки, попавшей в пространство реальности сериала. В данном случае точно известно, что в авторском замысле первоначально появилось название (интертекст-отсылка к книге Л. Кэрролла «Алиса в стране Чудес»), так как на настоящий момент текст фанфика не носит статус завершённого. Именно название и явилось определяющим в процессе конструирования прочих элементов и составляющих текста. Интертекстуальный фрейм названия помог автору сконструировать возможное развитие событий: действие в фанфике и в книге Кэрролла развивается по параллельным сюжетным линиям. Связь текстов поддерживается на протяжении всего процесса продукции текста – как в названии глав (Down The Rabbit Hole), так и в макроэлементах текста (завязка – переход из

повседневной реальности в волшебную; героиня Кэрролла попадает в кроличью нору, героиня фикрайтера – в телевизор). В данном случае мы наблюдаем определяющее действие стилистических элементов текста над схематическими (структурой) и макроэлементами (смысловым наполнением, темой).

Таким образом, по результатам исследования в рамках статьи можно сделать ряд *выводов*:

1) рассмотрение фанфик-текстов определенных типов («non-AU», «InCharacter», «ER») в качестве читательских проекций текста представляется нам продуктивным, поскольку авторы подобных текстов склонны использовать в них всю информацию, полученную ими в ходе восприятия текста. Кроме того, произведения жанра фанфикшен дают возможность неограниченного исследования в вопросе *продукционных стратегий* читательского восприятия, что требует дальнейшего изучения;

2) результаты исследования читательских проекций медиатекста показывают, что используемые стра-

тегии восприятия отличаются однородностью. Это позволяет сделать вывод о влиянии вида текста (в данном случае это медиатекст) на процесс восприятия его человеком. Медиатекст обладает *большей авторитарностью в вопросах макростратегий и схематических стратегий* (в сравнении с печатным источником), так как практически все фанфики придерживались двух основных тематических доминант и повторяли кульминационное развитие эпизодов. Гораздо более разнообразными выглядят стилистические и продукционные стратегии зрительского восприятия. В рамках статьи нами была выдвинута гипотеза об определяющей роли стилистических стратегий среди всех продукционных стратегий восприятия, требующая дальнейшей разработки. Необходимо отметить, что исследование фанфик-текстов в качестве читательских проекций текста является перспективным и требует комплексного подхода, включенности таких наук, как психолингвистика, психология, литературоведение.

Список литературы и источников

1. Азбука хайку. – Режим доступа: <http://azbuka-haiku.livejournal.com/16905.html> (дата обращения: 20.01.2012).
2. Барт, Р. Империя знаков. – М., 2004. – С. 87 – 109; пер. с франц. Я. Г. Бражниковой. – Режим доступа: <http://deja-vu4.narod.ru/Hokku.html#vaka> (дата обращения: 20.01.2012).
3. Дейк, ван А. Стратегии понимания связного текста / А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (дата обращения: 26.07.2011).
4. Как написать более или менее читаемый фанфик. – Режим доступа: http://subtle-moral-zomby.blogspot.com/2010/08/blog-post_12.html (дата обращения: 04.01.2012).
5. Рейтинги и жанры (мир Фанфикшена). – Режим доступа: <http://allfanfics.7bb.ru/viewtopic.php?id=6> (дата обращения: 04.01.2012).
6. Хайку. – Режим доступа: <http://www.haikupedia.ru> (дата обращения: 20.01.2012).
7. Чичерина, Н. В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности. – Режим доступа: <http://edu.of.ru/attach/17/48045.pdf> (дата обращения: 26.07.2011).
8. Keeping Secrets. – Режим доступа: <http://www.ficwriter.com/MiscSupernaturalKeepingSecrets.html> (дата обращения: 04.01.2012).
9. Krissy In Wonderland. – Режим доступа: http://www.fanfiction.net/s/7707864/2/Krissy_in_Wonderland (дата обращения: 24.01.2012).
10. Phones And Apps. – Режим доступа: http://www.fanfiction.net/s/7431991/1/Phones_and_Apps (дата обращения: 04.01.2012).
11. Supernatural Facebook Wars. – Режим доступа: http://www.fanfiction.net/s/6729265/1/Supernatural_Facebook_Wars (дата обращения: 04.01.2012).
12. The Greatest Challenge. – Режим доступа: http://www.fanfiction.net/s/7740452/1/The_Greatest_Challenge (дата обращения: 24.01.2012).
13. Winchester Haiku. – Режим доступа: http://www.fanfiction.net/s/7741374/1/Winchester_Haiku (дата обращения: 24.01.2012).
14. TV Shows «Supernatural». – Режим доступа: <http://www.fanfiction.net/s/4859283/1/101> (дата обращения: 04.01.2012).

Информация об авторе:

Уканаква Наталья Валерьевна – аспирантка кафедры ФЯиМП Кузбасской государственной педагогической академии, +7 960 927 37 69, natalia-ukanakova@yandex.ru.

Natalia V. Ukanova – post-graduate student at Kuzbass State Pedagogical Academy.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.3+165.22

**ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ
ПРИРОДЫ ИНФОРМАЦИИ**

В. В. Корягин

**DIALECTICAL LOGIC AS THE METHODOLOGY BASE FOR STUDYING
THE NATURE OF INFORMATION**

V. V. Koryagin

В статье исследуется развитие концепции информационной реальности как теории, отражающей, воспроизводящей диалектическую логику.

The article considers the development of the conception of information reality, as the theory reflecting the dialectical logic.

Ключевые слова: диалектическая логика, природа информации, космические оформления, определения космических оформлений совершенства, информационная реальность.

Keywords: dialectical logic, nature of information, space perfections, identifications of space perfections, information reality.

Исследования формальной логики и существующих теорий и наук (работы А. Тарского, А. Н. Уайтхеда, А. А. Ляпунова, Р. фон Мизеса, А. Ракитова, В. Н. Садовского, М. В. Поповича, Ю. Л. Ершова, Н. М. Чуринова, Е. А. Палютина, С. А. Толкачева, и др.) свидетельствуют, что современные теории и науки во многом основываются на исторически сформировавшихся типах логик: описательные (вероятностные) теории и науки – на индуктивной логике, директивные теории и науки – на дедуктивной логике. При этом дедуктивные и индуктивные логики, теории и науки раскрывают содержание мира как Универсума, формируют метафизический проект науки, в рамках которого при изучении любого вопроса возможен плюрализм мнений, существование любых непротиворечивых теорий.

Помимо формальной логики и метафизической традиции теоретизирования исторически существует также диалектическая логика, которая в свою очередь призвана раскрывать содержание мира как Космоса, выступать в качестве основы развертывания диалектического проекта науки в форме диалектических теорий и наук. Соответственно, изучение природы информации диалектическим проектом науки должно строиться согласно диалектической логике, воспроизводить ее.

Формирование диалектической, космической модели мира восходит к трудам Гераклита, Платона, Аристотеля. Так у Платона Космос – это упорядоченная часть Вселенной. Гераклит разрабатывал учение о Космосе как «Мирострое». Аристотель рассматривал мир как взаимосвязанное целое, в котором всеобщая связь явлений находит свое завершение в «оформлениях совершенства» (Н. М. Чуринов), также называемых «космическими оформлениями» (А. Ф. Лосев), т. е. в организованности, системности, упорядоченности и пр. Таким образом, в древнегреческой философии намечилось развитие диалектической логики как науки, изучающей превращение Хаоса во взаимосвязанный, оформленный Космос.

Разработка содержательной логики явилась сложной задачей, т. к. если формальная логика требовала от исследователя только рациональности и соблюдения законов дедукции либо индукции, то содержательная логика – соблюдения единства рационального и иррационального, необходимость учитывать как объективные условия, так и субъективные факторы. Т. е. диалектическая логика должна выступать, прежде всего, образом объективной логики, которая отражает возникновение и существование предмета или явления вследствие определенной естественной закономерности. В то же время она должна учитывать определения, зависящие от сознания человека, т. е. нормы морали, совести, чести и пр. В результате в единстве объективного и субъективного должны проявляться принцип единства мира и принцип всеобщей связи явлений, возникать совершенные суждения, раскрывающие истину.

Исследуя появление и развитие диалектической логики, Н. М. Чуринов отмечает, что возможно, одним из ее первых вариантов явилось учение о грехе, развитое в трудах Византийских и Древнерусских религиозных мыслителей: Сергия Радонежского, Иосифа Волоцкого, Нила Сорского, Зиновия Отенского, Ивана Тихоновича Посошкова, Кирилла Белозерского, Епифания Премудрого, Никиты Боровского и др. Учение о грехе в какой-то мере объединило в себе объективную и субъективную логику, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни (т. е. «поступать по ситуации» и одновременно «поступать по совести»).

В трудах Древнерусских философов были разработаны идеалы соборности (идеалы гармонии светской и духовной власти), которые предстали как характеристики совершенства общественных отношений и как характеристики всеобщей связи общественных явлений (впоследствии диалектика была определена как наука о всеобщей связи явлений) [4, с. 6]. Кроме того, в иконах древнерусские религиозные философы обратились к принципу отражения:

отражение образа, имеющего свой прообраз. Принцип отражения в дальнейшем явился одним из стандартов диалектической научной рациональности: стандартом отражения реального, а не трансцендентального мира в научном знании.

Наиболее значимые попытки разработать диалектическую логику были реализованы в идеалистической философии Г. В. Ф. Гегеля и в философии диалектического материализма (Ф. Энгельса, К. Маркса, В. И. Ленина и др.). В результате были сформулированы основополагающие законы, категории и принципы диалектики. Диалектика в противоположность метафизике предстала как наука о движении и развитии, о всеобщей связи явлений, как наука о познаваемости мира.

Значительный вклад в развитие Космической модели мира и диалектической логики внесли также русские философы-космисты и религиозные философы: А. Ф. Лосев, И. А. Ильин, Н. Ф. Федоров, А. А. Богданов, А. А. Ухтомский, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, И. А. Ефремов и др. Философия русского космизма охарактеризовалась унаследованным от Древнегреческой, Византийской и Древнерусской философии осознанием всеобщей взаимообусловленности и всеединства. В исследованиях философов мир предстал организованным, упорядоченным, диалектически развивающимся. Были сформулированы требования единства научно-технического и философского знания, необходимость комплексного исследования человека и его нераскрытых возможностей, гармонизации отношений человека, общества и природы.

В то же время большинство исследований диалектической логики происходили либо с позиций идеализма, либо материализма, что было свойственно методологическим традициям метафизического проекта науки: реализму и номинализму (т. е. в исследованиях происходило смешение диалектической и метафизической рациональности). В связи с этим Н. М. Чуринов отмечает, что многочисленные попытки построения диалектической логики окончились в существенной мере безрезультатно. Точно также оказалась практически не разработанной теория отражения, и все закончилось тем, что данная теория была неявно замещена западной теорией репрезентации, т. е. теорией, на базе которой разрабатывается безобразное умозрительное содержание научного знания [5, с. 217]. Тем не менее предпринятые попытки построения диалектической логики показали, что это – логика, предполагающая определенны процесс; некоторый источник саморазвития и самодвижения, в соответствии с которым возникают и исчезают оформления совершенства всеобщей связи явлений; это логика единства мира; это логика, имеющая свой категориальный аппарат, свои законы и принципы. Все это показало, что диалектическая логика не совместима с формальной логикой [5, с. 213].

Необходимо отметить, что выводы Древнегреческих, Византийских, Древнерусских мыслителей, философов-космистов стали по-новому актуальными в связи с развитием исследований энтропии и негэнтропии. Из термодинамики (Р. Клаузиуса, Л. Больцмана и др.) понятие энтропии проникло в теорию информации (работы Р. Хартли, К. Шеннона), кибернетику (рабо-

ты Н. Виннера, Ст. Бира, Л. Бриллюэна, Э. Шредингера) и другие науки.

В 1944 г. вышла книга Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физика». Исследуя феномен существования жизни Э. Шредингер приходит к выводу о ее негэнтропийном принципе: организм «питается отрицательной энтропией, как бы привлекая на себя ее поток, чтобы компенсировать этим увеличение энтропии, производимое им в процессе жизни, и таким образом поддерживать себя на постоянном и достаточно низком уровне энтропии» [7, с. 75]. При этом для энтропии Э. Шредингер рассматривает формулу Л. Больцмана: $Энтропия = k \lg D$, где k – постоянная Больцмана; D – количественная мера неупорядоченности атомов в рассматриваемом теле.

Развивая мысль об антиэнтропийном принципе жизни, Э. Шредингер приходит к понятию «негэнтропии», которое оказывается мерой упорядоченности: «Если D – мера неупорядоченности, то обратную величину $1/D$ можно рассматривать как прямую меру упорядоченности: – (Энтропия) = $k \lg (1/D)$.

Теперь неуклюжее выражение отрицательная энтропия можно заменить более изящным: энтропия, взятая с отрицательным знаком, есть сама по себе мера упорядоченности» [7, с. 75 – 76].

Шредингер также выделяет два механизма создания, поддержания и развития всякой организации и упорядоченности: статистический механизм, создающий «порядок из беспорядка» и новый механизм, производящий «порядок из порядка» [7, с. 79 – 80].

Опираясь на исследования Э. Шредингера и Р. Хартли Леон Бриллюэн в своих работах «Научная неопределенность и информация» и «Наука и теория информации» связывает понятие информации с физическим состоянием системы, вероятностью изменения ее состояния и энтропии. Информация по Л. Бриллюэну предстает как изменение энтропии физической системы, как «отрицательный вклад в энтропию» [2, с. 34]. Это положение получило название «негэнтропийного принципа информации».

Таким образом, несмотря на то, что Э. Шредингер и Л. Бриллюэн выступили последователями западной метафизической научной рациональности, в их трудах организованность, упорядоченность, системность (т. е. оформления совершенства всеобщей связи явлений) в итоге предстали как результаты реализации антиэнтропийных процессов, а статистические и динамические законы выступили как диалектические законы развития всякой организованности, системности, упорядоченности и пр. В то же время негэнтропийный принцип информации Л. Бриллюэна охватил только термодинамические системы и термодинамическую энтропию, отождествляя ее с информационной энтропией.

Можно отметить и другие исследования, в которых информация ассоциировалась со сложностью (Дж. фон Нейман, А. Н. Колмогоров), разнообразием (У. Р. Эшби), организованностью и упорядоченностью (Н. Винер) и др. Таким образом, в науке все больше актуализировался диалектический проект науки, в дальнейшем также называемый информационным.

В связи с накопленными представлениями об информации в середине 80-х годов XX века Н. М. Чуриновым был сформирован «негэнтропийный принцип информационной реальности», рассматривающий понятие энтропии в его развитом значении: информационную энтропию, социальную энтропию и т. д. (Энтропия в этом случае выступила как мера неопределенности в широком смысле). Согласно данному принципу информационная реальность обладает онтологической модальностью, заключающейся в ее способности вносить отрицательный вклад в энтропию. Информационная реальность раскрывает содержание мира, диалектически находящего свое завершение, законченность в оформлении совершенства (космических оформлениях). При этом оформления совершенства (упорядоченность, системность, организованность, сложность и т. д.) выступают как характеристики законченности всеобщей связи явлений [6, с. 93].

Согласно концепции информационной реальности каждое оформление совершенства представляет собой определенность, т. е. имеет собственные черты, атрибуты, свойства, качества и пр., в диалектическом проекте науки называемые «определениями». Определения оформлений совершенства могут рассматриваться как соответствующие виды информации (т. е. как неинформация, коинформация, метайнформация и пр.), а их возникновение, развитие, наполнение новым содержанием, исчезновение как информационные процессы (т. е. как обработка, хранения, передача информации и пр.).

Так, в отечественной философии в рамках диалектического материализма получили развитие две основные концепции информации: функциональная (Д. И. Дубровский) и атрибутивная (А. Д. Урсул, В. С. Готт). Функциональная концепция, рассматривая такие космические оформления как «самоорганизующиеся системы», под информацией понимает «функцию высокоорганизованной материи», выделяет явление метайнформации как развитую функциональность мозга (как «информацию об информации»). Атрибутивная концепция в свою очередь, рассматривая «разнообразие», под информацией понимает всеобщее «свойство», «атрибут материи». Мы же можем отметить, что согласно концепции информационной реальности понимание природы информации и информационных процессов в обоих случаях является зауженным, поскольку оказываются не охваченными остальные оформления совершенства, а также их определения.

При рассмотрении мира как взаимосвязанного Космоса ввиду взаимосвязей и взаимовлияния определяющее значение приобретают явления аддитивности и неаддитивности, а также явления эмерджентности и синергии. В этом случае оформления совершенства предстают как неаддитивные системы, неаддитивные организации, неаддитивные упорядоченности, а их определения выступают эмерджентными определениями.

Еще А. А. Богданов, анализируя явления живой и неживой природы, явления в трудовом коллективе, в обществе и пр. замечает: «Биологи уже давно характеризовали организм, как "целое, которое больше суммы своих частей"... В разъединенном состоянии части сколько-нибудь сложного организма обладают

жизнеспособностью либо бесконечно-малой, либо настолько пониженной, что сумма ее величин, если бы ее удалось численно выразить, была бы, конечно, гораздо меньше величины, соответствующей живому целому».

...В элементарном сотрудничестве соединение одинаковых рабочих сил на какой-нибудь механической работе может вести к возрастанию практических результатов в большей пропорции, чем количество этих рабочих сил. Поскольку, во-первых, самая совместность работы действует на нервную систему работника оживляющим, ободряющим образом и тем повышает интенсивность труда; во-вторых, соединение двух сил позволяет преодолевать препятствия, каждую из них в отдельности превышающие, а многие препятствия, ее не превышающие, но для нее значительные, осиливать гораздо быстрее» [1].

Проявление эмерджентных свойств А. А. Богданов отмечает и в военном искусстве. Исследуя опыт французских колониальных войн в Северной Африке, А. А. Богданов делает вывод, что «при равном вооружении средний арабский солдат в столкновении один на один оказался не хуже среднего французского; но отряд в 200 французских солдат был уже фактически сильнее арабской дружины в 300 – 400 человек; а войско из 10 тысяч французов разбивало армию туземцев в 30 – 40 тысяч человек. Европейская тактика дала более совершенное суммирование человеческих боевых сил, и математический счет был опровергнут на деле» [1].

Итак, по А. А. Богданову организованное целое оказывается практически больше простой суммы своих частей, дезорганизованное целое практически меньше суммы своих частей, т. е. целое выступает как неаддитивное оформление совершенства, а его определения – как эмерджентные.

Проект «всеобщей организационной науки» А. А. Богданова остался во многом непонятым и непризнанным современниками, тем не менее, тектология предвосхитила кибернетику Н. Винера и общую теорию систем Л. Берталянди. В изучении систем развивались также неравновесная термодинамика, синергетика, биофизика, теории хаоса, теория катастроф и др. (работы У. Р. Эшби, Ст. Бира, Дж. фон Неймана, Г. Хакена, И. Пригожина, Дж. Мекснера, В. Н. Садовского и др.).

В настоящее время относительно наличия эмерджентности во многих направлениях науки идут дискуссии. Так, в химии выделяются две полярные точки зрения: одна из них определяет сводимость химии к физике и отсутствие свидетельств как эмерджентности (например, МакЛафлин [11, с. 49 – 93]), в то же время такие исследователи как Дж. С. Милль, К. Д. Брод, Г. Уайтсайдс, и др. («Английский эмерджентизм»), напротив уверены, что образование химической связи показывает как пример эмерджентности [3].

Воззрения о несводимости свойств биологических систем к физике и химии высказывали М. Полани [13, с. 1308 – 1312], Е. Г. Мерсер [12, с. 223], К. Денбаи [10, с. 83 – 92], П. В. Щербаков и пр. П. В. Щербаков отмечает, что «наиболее сильный аргумент здесь представляет сама последовательность ДНК, которая не может быть выведена из физикохимии нуклеотидов. Напротив, эта не выводимость – необходимое ус-

ловие, позволяющее ДНК содержать генетическую информацию, содержать код. Ни физикохимия вообще, ни энергетика в частности, не определяют живое... Онтогенез можно сравнить с многомерной детской головоломкой, в которой каждый этап сборки приводит к созданию новых конфигураций, отсутствующих среди первоначальных деталей. То есть генетический замысел – это свернутая информация о многомерной организации, где роль измерений играют уровни организации: генетический, биохимический, морфологический, физиологический, нервно-психический, интеллектуальный, поведенческий, духовный» [8]. Таким образом, живые организмы являются яркими примерами неаддитивных оформлений совершенства, а определения данных оформлений совершенства выступают эмерджентными определениями.

В экологии в биогеоценозах явления эмерджентности и синергии также имеют решающее значение: лес возникает лишь при определенных условиях – достаточной густоте древостоя, соответствующей флоре и фауне, сформированных биогеоценозах и др. Похожим примером является коралловый риф, который формируют водоросли и кишечнорастворимые животные. При каждом объединении подмножеств в новое множество возникает, по меньшей мере, еще одно новое свойство. Эмерджентные свойства экологической системы представляют собой не простой переход количества в качество, а являются особой формой интеграции, подчиняющейся иным законам формообразования, функционирования и эволюции. Такие качественно новые, эмерджентные свойства экологического уровня или экологической единицы нельзя предсказать, исходя из свойств компонентов, составляющих этот уровень или единицу. Хотя данные, полученные при изучении какого-либо уровня, помога-

ют при изучении следующего, с их помощью никогда нельзя полностью объяснить явления, происходящие на этом уровне: он должен быть изучен непосредственно [9].

При рассмотрении эмерджентных определений можно также затронуть такие часто изучаемые оформления совершенства, как «экономика» и «общество». При анализе данных оформлений совершенства мы можем обнаружить соответствующую внутреннюю структуру: в экономике это могут быть хозяйствующие субъекты в виде государства, физических и юридических лиц, а в обществе – слои населения, страты, социальные группы, политические партии и пр. При этом свойства, качества, функции субъектов экономики или отдельных социальных групп будут оказывать неодинаковое влияние на общество или экономику как на целое. В итоге целое может оказаться как больше, так и меньше простой суммы частей – неаддитивной системой, неаддитивной упорядоченностью, неаддитивной организацией.

В заключении можно отметить, что если в рамках метафизического проекта науки при изучении феномена информации в виду принципов антропоцентризма и плюрализма возможно существование многочисленных дедуктивных и индуктивных теорий, воспроизводящих соответствующие типы логик и раскрывающие мир как Универсум, то в рамках диалектического проекта науки происходит изучение мира как взаимосвязанного Космоса как информационной реальности. Исследователь в этом случае отходит от идеалов физической реальности, изучает оформления совершенства всеобщей связи явлений, их определенность, рассматривает явления взаимовлияния и взаимозависимости (аддитивность, неаддитивность, эмерджентность, синергию).

Литература

1. Богданов, А. А. Очерки организационной науки. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library>
2. Бриллюэн, Л. Научная неопределенность и информация / Л. Бриллюэн. – М.: Мир, 1966. – 272 с.
3. Скерри, Э. Редукция и эмерджентность (образуемость) в химии – два современных подхода // Концепция двух продолжений: философский портал. – Режим доступа: <http://nounivers.narod.ru/gmf/scir.htm>
4. Чуринов, Н. М. Информационная реальность / Н. М. Чуринов // Вест. Сиб. аэрокосмич. акад. им. акад. М. Ф. Решетнева: сб. науч. тр. – Красноярск: Изд-во Сиб. аэрокосмич. акад., 2000. – Вып. 1.
5. Чуринов, Н. М. Русский экономический проект – V (Построение теории и науки) / Н. М. Чуринов // Теория и история. – 2011. – № 2.
6. Чуринов, Н. М. Совершенство и свобода / Н. М. Чуринов. – 3-е изд., доп. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 93 с.
7. Шредингер, Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика / Э. Шредингер. – М., 1972. – 86 с.
8. Щербаков, В. П. Эволюция как сопротивление энтропии. – Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/430413>
9. Эмерджентность // Научно-информационный портал ВИНТИ. – Режим доступа: <http://science.viniti.ru/index.php>
10. Denbigh, K. A non-conserved function for organized systems / K. Denbigh // Entropy and Information in Science and Philosophy. – N.Y.: Amer. Elsevier, 1975.
11. McLaughlin, B. P. The Rise and Fall of British Emergentism // Emergence or Reduction?: Essays on the Prospect of a Non-Reductive Physicalism / A. Beckerman, H. Flohr, J. Kim (eds.). – Berlin, Walter de Gruyter, 1992.
12. Merser, E. H. The Foundations of Biological Theory / E. H. Merser. – N.Y.: Wiley-Interscience, 1981.
13. Polanyi, M. Life's irreducible structure / M. Polanyi // Science. – 1968. – V. 160. – № 3834.

Информация об авторе:

Корягин Валентин Викторович – аспирант кафедры философии Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М. Ф. Решетнева (СибГАУ), 8 913 588 38 93, koryagin.v.v@mail.ru.

Valentin V. Koryagin – post-graduate student at the Department of Philosophy, M. F. Reshetnev Siberian State Aerospace University (SibSAU).

УДК 141.3+165.22

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДЫ ИНФОРМАЦИИ

В. В. Корягин

FORMAL LOGIC AS THE METHODOLOGY BASE FOR STUDYING THE NATURE OF INFORMATION *V. V. Koryagin*

В статье рассматриваются причины существования многообразия концепций информации в современной науке. Для этого раскрываются методологические особенности построения индуктивных и дедуктивных научных теорий, проводится анализ концепций информации.

This article considers the reasons of the diversity information conceptions in modern science. The methodology of inductive and deductive scientific theories is revealed, the information conceptions are analysed.

Ключевые слова: формальная логика (дедуктивная и индуктивная), диалектическая логика, природа информации, концепции информации, типы научной рациональности (диалектическая и метафизическая).

Keywords: formal logic (inductive and deductive), dialectical logic, nature of information, conception of information, types of scientific rationality (dialectic and metaphysical).

В настоящее время в понимании природы информации существуют многочисленные теории, концепции и подходы: синтаксическая теория информации (Р. Хартли, К. Шеннон); семантическая теория информации (Р. Карнап - Бар Хиллел); прагматическая концепция информации (А. А. Харкевич, М. М. Бонгард, Г. Франк); концепция разнообразия (У. Р. Эшби); атрибутивная концепция (А. Д. Урсул); функциональная концепция (Д. И. Дубровский); концепция информационной реальности (Н. М. Чуринов); алгоритмический и комбинаторный подходы (А. Н. Колмогоров); информатиология (И. И. Юзвизин); теории о сверхъестественной, божественной природе информации (М. Полани, Е. Порфирьев, К. Вейцзеккер, Х. Дам, П. Киршенманн) и др.

Задавшись вопросом о причинах существования столь многочисленных концепций нужно обратить внимание на то, что их появление должно быть необходимо для развития науки и определенного типа общества, должно востребовать определенную логику становления и развертывания.

Активно проводимые на протяжении XX в. исследования философских проблем сущности и существования науки как отечественными, так и зарубежными авторами (В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, И. А. Майзель, А. А. Корниенко, В. М. Свидерский, Е. А. Мамчур, Д. Блур, Б. Барнс, С. Шейпин, К. Поппер, П. Фейерабенд, Т. Кун, Н. М. Чуринов, Н. А. Князев, Т. В. Мельникова, и др.) все чаще заставляют обращать внимание на необходимость различения двух основных традиций теоретизирования (диалектической и метафизической), поскольку каждая из них по-своему раскрывает содержание мира и соответственно влияет на результат любого исследования.

Согласно выводам Н. М. Чуринова, Н. А. Князева, Т. В. Мельниковой и др. диалектическая научная рациональность опирается на представление о мире как овзаимосвязанном Космосе, выступающем прообра-

зом отражения в научном знании его порядка, системности и организованности. В этом случае образ мира в научном знании есть результат его объективного отражения. В свою очередь метафизическая научная рациональность рассматривает мир как Универсум, который создается интеллектуально-символическими технологиями в научной деятельности с целью приведения в соответствие научных теорий по отношению к добываемым наукой фактам [8, с. 56]. В этом случае одним из основополагающих принципов выступает принцип *репрезентации*, согласно которому природа научного знания целиком зависит от интеллектуальной воли, воображения, целей и задач исследователя.

Основой репрезентации, как правило, является «тройка»: язык, аксиоматика и система доказательств. Таким образом, понятие репрезентации во многом основывается на формальной логике.

Исторически формальная логика получила развитие в двух интерпретациях: дедуктивной и индуктивной логики. Примечательно, что дедуктивная логика (силлогистика) была разработана Аристотелем, которого по праву признают одним из самых значительных диалектиков древности. В связи с этим существует определенная путаница.

Во времена Аристотеля наука в современном ее понимании только зарождалась. Цель науки Аристотель видел в познании сущности мира, в познании истины, в то время как для его современников софистов целью было достижение успехов в суде, в ораторском искусстве, в споре и пр. Комментируя их деятельность, Аристотель пишет: «Диалектика делает попытки исследовать то, что познает философия, а софистика – это философия мнимая, а не действительная» [2, с. 123]. Но, как ни странно, силлогистика оказывалась применимой и к истине, и к мнению: и в философии «действительной», и в философии «мнимой» – в зависимости от целей исследователя [12, с. 75]. Таким об-

разом, во времена античности наметилось развитие философии и науки по двум основным направлениям: диалектическому и софистскому.

В средние века схоласты, а затем и западные ученые формальной логике уделяли значительное внимание. При этом основные принципы философии софистов и юристов древности (принцип непознаваемости мира, принцип субъективизма, скептицизма, антропоцентризма), сформулированные еще в философии Протагора, Горгия, Гиппия и др. средневековыми мыслителями были сохранены, а философами Нового времени существенно переработаны и дополнены. В частности Рене Декартом был обоснован принцип дуализма, который актуализировал проблему отношений материального и идеального, послужил развитию двух версий сущностного исследовательского подхода: реализма (неореализма) и номинализма (неономинализма).

Реалистская версия сущностного исследовательского подхода предполагает первичность идеального трансцендентального субъекта, в то время как материальное только его восполняет. Данная методологическая традиция имеет истоки еще в идеалистическом учении Пифагора о переселении душ и в учении Платона о мире эйдосов. В средние века реализм активно разрабатывался схоластами при изучении «Священного писания». В Новое время его видными сторонниками выступили Р. Декарт, В. Лейбниц, Б. Спиноза, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель и др.

Номинализм в свою очередь развивался как альтернатива консервативному реализму. Первые философские системы были обоснованы в философии Демокрита, Эпикура, Филодема. Последователями номинализма Нового времени выступили Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Г. Галилей, И. Ньютон и др. Мир для данных исследователей предстал непознаваемыми материальными абстрактными сущностями, формами, в которые можно вкладывать произвольное содержание и как угодно называть.

Одну из ключевых ролей в развитии номинализма сыграли исследования Ф. Бэкона. В своей работе «Новый Органон» Ф. Бэкон предложил научный метод, основой которого явились эксперимент и метод индукции, призванные заменить методы, изложенные еще в «Органоне» Аристотеля. Индуктивный метод Ф. Бэкона предвосхитил методы математической статистики и теории вероятностей, выступил методом описания непознаваемого материального мира, в то время как реалистами использовался дедуктивный метод – метод доказательства выдвигаемых гипотез устройства мира.

В дальнейшем метафизическая научная рациональность развивалась в философии позитивизма, неопозитивизма, постпозитивизма, экзистенциализма и пр. По мере расширения тематики исследований, выявления новых отраслей знаний реализм и номинализм трансформировались соответственно в неореализм и неономинализм.

В настоящее время исследования ряда авторов (А. Н. Уайтхеда, Р. фон Мизеса, А. Тарского, А. Ракитова, А. А. Ляпунова, М. В. Поповича, В. Н. Садовского, Ю. Л. Ершова, Е. А. Палютина, С. А. Толкачева, Н. М. Чуринова и др.) свидетельствуют о пря-

мой взаимосвязи исторически сформировавшихся типов логик и существующих теорий и наук.

А. Н. Уайтхед и Н. М. Чуринов отмечают, что индуктивные логики, теории и науки часто востребуют аппарат теории вероятностей и математической статистики и тем самым принимают форму описаний действительности, в то время как дедуктивные логики, теории и науки востребуют аксиоматический метод, метод алгоритмов, создаются в формальных языках и пр. и принимают форму предписаний и логически непротиворечивых моделей действительности. Индуктивные логики оказываются востребованы в основном в эмпирических теориях и науках неоминималистами, в то время как дедуктивные логики оказываются востребованы для построения дедуктивных теорий и наук неореалистами [13, с. 173 – 222]. При этом ни индуктивные, ни дедуктивные теории и науки не могут обеспечить нас оценками правдоподобия научных выводов о действительности, о чем пишут Р. фон Мизес [6, с. 191], Р. Карнап [7, с. 72], А. А. Ляпунов [10, с. 48] и др.

Таким образом, в рамках метафизического проекта науки в настоящее время могут быть представлены, с одной стороны, неореалистские дедуктивные (доказательные) теории, с другой стороны – неономиналистские индуктивные (вероятностные, описательные) теории. Рассмотрим, насколько это может быть справедливо в вопросе изучения природы информации.

В 1928 г. Р. Хартли в статье «Передача информации» предложил математическую теорию для измерения количества информации сообщений, передаваемых по каналам связи (работе Р. Хартли предшествовали исследования Р. Фишера в 1921 г. и Х. Найквиста 1924 г.). Для определения количества информации Р. Хартли использовал формулу теории вероятностей, раскрывающую рост энтропии:

$$H = n \log S = \log S^n = n \log S,$$

где S – число символов (слов, точек, тире и пр.), возможных при каждом выборе отправителем сообщения;

n – число выборов, определяющих число последовательностей символов;

H – величина количества информации;

N – общее число возможных сообщений [17, с. 535 – 563].

Т. к. выборы символов в формуле Хартли равновероятны (т. е. $P=1/N$), то количество информации на каждый равновероятный сигнал равно минус логарифму вероятности отдельного сигнала:

$$H = \log N = \log 1/P = - \log P,$$

т. е. чем меньше вероятность получения сигнала, тем более оно информативно.

Для измерения количества информации наиболее удобным оказался двоичный логарифм, при этом полученная единица количества информации «бит» представила собой выбор из двух равновероятных событий.

Исследования Р. Хартли для неравновероятных событий были расширены К. Шенноном. В 1948 году К. Шеннон в своей статье «A Mathematical Theory of Communication» развил вероятностный подход к пониманию коммуникаций, предложил абстрактную схему связи, состоящую из источника информации,

передатчика, линии связи, приемника и адресата; сформулировал теоремы о пропускной способности, помехоустойчивости, кодировании. В качестве средства определения количества информации К. Шеннон также как и Р. Хартли, взял формулу из теории вероятностей:

$$H = - \sum_{i=1}^n P_i \log P_i,$$

где P – вероятность i -го уровня сигнала [14, с. 261].

В этом случае формула, предложенная ранее Р. Хартли, явилась частным случаем более общей формулы К. Шеннона: если в формуле Шеннона принять, что $p_1 = p_2 = \dots = p_i = \dots = p_N = 1/N$, то

$$H = - \sum_{i=1}^N \frac{1}{N} \log \frac{1}{N} = - \log \frac{1}{N} = \log N.$$

Кроме того, формула К. Шеннона оказалась очень похожа на формулу энтропии Л. Больцмана. Таким образом, энтропия в теории информации выступила как мера неопределенности, а понятие информации – как снимаемая, уничтожаемая неопределенность.

Теория информации, развитая Р. Хартли и К. Шенноном, в дальнейшем была широко востребована в технических устройствах, но ее аппарат не явился универсальным, т. к. мера количества информации не затронула ценность, смысл и содержание информации. Основанная на вероятностных, статистических закономерностях явлений теория информации К. Шеннона выступила как вероятностная, описательная теория метафизического (технологического) проекта науки, т. е. как неонеоминималистская теория.

Осознание ограниченности синтаксической теории привело к возникновению других подходов в изучении информации: алгоритмического, комбинаторного, семантического, прагматического и др.

Алгоритмический подход был предложен А. Н. Колмогоровым в 1965 г. Суть подхода заключается в том, чтобы измерять сложность объектов друг относительно друга. А. Н. Колмогоров пишет: «Относительной сложностью» объекта u при заданном x будем считать минимальную длину $l(p)$ «программы» p получения u из x . Сформулированное так определение зависит от «метода программирования». Метод программирования есть не что иное, как функция $f(p, x) = u$, ставящая в соответствие программе p и объекту x объект u » [9, с. 8]. Длина программы при этом измеряется количеством команд (операций), позволяющих воспроизвести u (последовательность). Чем больше различаются два объекта между собой, тем сложнее (длиннее) программа перехода от одного объекта к другому. Этот подход, в отличие от подхода К. Шеннона не базирующийся на понятии вероятности, позволяет, например, определить прирост количества информации, содержащейся в результатах расчета, по сравнению с исходными данными. Кроме того, В. П. Попов и И. В. Крайнюченко предлагают использовать данный метод для оценки функциональной и атрибутивной информации. Вместе с тем можно отметить, что алгоритмический подход востребовал использование аксиоматического метода, метода ал-

горитмов, получил характер предписаний, свойственный неореалистской научной методологии.

В 1960 г. А. А. Харкевич предложил связать меру ценности информации с изменением вероятности достижения цели при получении информации:

$$I = \log (p_1/p_0) = \log p_1 - \log p_0,$$

где p_0 и p_1 – вероятность достижения цели соответственно до и после получения информации [11, с. 53 – 72].

Другой подход к проблеме ценности информации был осуществлен М. М. Бонгардом [3]. Автор вводит понятие «полезная информация», связывает меру полезности сообщения с задачей, которую решает получатель, с запасом его знаний до прихода сообщения и способом истолкования сообщения. Подход М. М. Бонгарда имеет вероятностно-алгебраическую сущность и носит более общий характер, чем подход, предложенный А. А. Харкевичем. Аналогичное выражение было использовано немецким психофизиком Г. Франком для меры субъективной информации, получаемой человеком при наступлении события. Таким образом, прагматические теории информации А. А. Харкевича, М. М. Бонгарда, Г. Франка предстали как вероятностные описательные теории.

Исследования природы информации происходило не только в теории связи, но и в науках о живой природе. Так, в 1956 г. вышла книга У. Р. Эшби «Введение в кибернетику». Изучая особенности передачи информации в технических устройствах и рассматривая живые организмы как подобные, но сверхсложные системы, У. Р. Эшби раскрывает общие принципы их функционирования на основе концепции разнообразия. Разнообразие в применении к множеству различных элементов употребляется им в двух смыслах:

- 1) как число различных элементов;
- 2) как логарифм этого числа по основанию «2».

Таким образом, суть концепции разнообразия, по У. Р. Эшби, заключается в утверждении, что теория информации изучает процессы «передачи разнообразия» по каналам связи [15, с. 181 – 220].

Исходя из идей основоположника кибернетики Н. Винера и результатов, полученных К. Шенноном, У. Р. Эшби открыл закон, названный «законом необходимого разнообразия». Согласно данному закону для управления состоянием кибернетической системы нужен регулятор (R), ограничивающий разнообразие возмущений среды (D), которые могут разрушить систему, при этом регулятор допускает такое их разнообразие, которое полезно для системы. Так, биологический вид продолжает существовать, прежде всего, благодаря тому, что его представители могут блокировать поток разнообразия (рассматриваемый как возмущение), идущий к набору генов [15, с. 302].

Концепция разнообразия У. Р. Эшби внесла существенный вклад в развитие кибернетики, вместе с тем автор распространяет понятие информации, применимое к процессам связи в технических устройствах, на процессы регулирования и управления живых организмов. Данная особенность изучения живой природы была свойственна еще философии номиналистов Нового времени.

В 1993 г. вышла работа И. И. Юзвизиной «Основы информациологии», в которой автор раскрывает все-

общий вездесущий характер информации, обосновывает возможность появления информации из космического вакуума, при этом используется понятие «информационная». Информационные – это элементарно-идеальные и абсолютно безальтернативные виртуально-симметричные частицы вакуума, являющиеся первоисточниками квантов элементарного энергодействия, проявляющихся в результате нарушения симметрии полиотношений вакуума. Таким образом, вакуум рождает виртуальные и элементарные частицы в результате нарушения его симметрии, а информация приобретает характер первоосновы мира [16, с. 65 – 66]. Все явления и различного рода процессы природы сопровождаются значительными информационными излучениями (полями), которые, в свою очередь, могут проявляться (как частные случаи) в виде сильного ядерного, слабого ядерного, электромагнитного и гравитационного полей. В результате информациология выступает как «наука наук» о всех информационногенных процессах и явлениях микро- и макромира природы и общества [16, с. 19].

Информациология неоднократно подвергалась критике (А. В. Соколов, Э. П. Кругляков, Ю. Н. Столяров и др.), мы же можем отметить, что информациология является неординарным проектом, преследующим цели развития человека и общества, объединения творческого потенциала исследователей. Вместе с тем в ключе нашей работы информациология в целом строится согласно неореалистской научной методологии метафизического проекта науки, согласно которой исследователь изначально по принципу антропоцентризма формирует идеальный репрезентант и доказывает его определенность.

В настоящее время широко представлены и другие реалистские (неореалистские) теории информации, в частности теории о ее сверхъестественной, божественной природе.

В 1968 году английский физик, химик и философ М. Полани в статье «Жизнь, превосходящая физику и химию» делает вывод о том, что существование машин (компьютера, автомобиля и пр.) необъяснимо с точки зрения физики и химии, – несущие информацию, изначальные условия имеют внешний источник [4, с. 189 – 207]. К аналогичным выводам приходит Р. Генз: «Информация – вещь строго идеальная и без нее нет жизни вообще. Она не есть ни материя, ни энергия. Код ДНК – это огромная спецификация всего «оборудования» сложнейшей фабрики, которой является клетка. Творческое Слово Божие вложило в простую и неорганизованную материю (воду, землю) эту великую информацию» [1, с. 27 – 36].

К. Вейцеккер говорит об «информационном идеализме», объясняет природу информации через «трансцендентное сознание», отличное от материи и

человеческого сознания. Он приходит к выводу о взаимосвязи энергии, массы, движения, информации, считая, что материя и энергия могли быть редуцированы из информации.

Религиозные философы развивают свои представления о природе информации, опираясь на Священное писание. Так Евгений Порфирьев в книге «Православная естественнонаучная апологетика» (2006 г.) замечает, что «согласно православным догматам Божественная природа информации не вызывает сомнения, в отличие от тварной человеческой информации и дезинформации». При этом под Божественной информацией следует понимать знание, просвещение, предзнания (сверхзнания); под человеческой информацией – сообщение, осведомление, передачу, отражение сигналов в живой и неживой природе и пр.; под дезинформацией – ложную, «дьявольскую» информацию. Носителем Божественной информации выступает нетварная энергия. Информация и нетварная энергия составляют единую энергоинформацию, то есть освящающую и просвещающую благодать [5].

Неотомисты в своих рассуждениях о природе информации идут по цепочке причин и доходят до первопричины как Источника информации. Для них характерна идея о нематериальном носителе информации, содержании его в Боге, Духе, душе.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1) в рамках метафизического проекта науки в изучении природы информации в настоящее время представлены многочисленные дедуктивные и индуктивные теории, опирающиеся на исторически сложившиеся типы логик;

2) в результате информация раскрывается авторами либо в соответствии с реалистской (неореалистской) методологической традицией (в этом случае исследователь формирует гипотезу – идеальный репрезентант, а затем доказывает ее); либо в соответствии с номиналистской (неономиналистской) методологической традицией (в этом случае исследователь описывает материальную действительность – создает ее идеальную репрезентацию, применяя статистические методы, методы теории вероятностей и пр.);

3) создаваемые концепции информации в обоих случаях являются непротиворечивыми и в то же время не сводимыми к единой концепции, как не сводимы дедуктивная и индуктивная логики.

Однако помимо формальной логики существует также диалектическая логика. Соответственно, аналогично формальной логике диалектическая логика должна являться методологической базой развития диалектических теорий и наук, в том числе при изучении природы информации.

Литература

1. Алферов, Т. (свящ.) Эволюция и тление / Т. Алферов. – М.: Паломник, 1997 – 36 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1.
3. Бонгард, М. М. Проблема узнавания / М. М. Бонгард. – М.: Наука, 1967. – 320 с.
4. Гипотеза творения / под ред. П. Морлэнда. – Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2000. – 207 с.
5. Порфирьев, Е. (свящ.) Православная естественнонаучная апологетика / Е. Порфирьев. – Краснодар, 2006. – Режим доступа: http://golden-ship.ru/knigi/porfirevpravoslavnaya_en_apologetika_.html.

6. Кайберг, Г. Вероятность и индуктивная логика / Г. Кайберг. – М.: Прогресс, 1978. – 191 с.
7. Карнап, Р. Философские основания физики. Введение в философию науки / Р. Карнап. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 72 с.
8. Князев, Н. А. Философские проблемы сущности и существования науки: монография / Н. А. Князев. – Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2008 – 272 с.
9. Колмогоров, А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» / А. Н. Колмогоров // Проблемы передачи информации. – 1965. – Т. 1. – Вып. 1.
10. Ляпунов, А. А. О некоторых особенностях строения современного теоретического знания / А. А. Ляпунов // Вопросы философии. – 1966. – № 5.
11. Харкевич, А. А. О ценности информации: сб. науч. трудов / А. А. Харкевич // Проблемы кибернетики. – М.: Физматгиз, 1960. – Вып. 4.
12. Чуринов, Н. М. Православный аристотелизм: совершенные суждения / Н. М. Чуринов // Теория и история. – 2009. – № 2.
13. Чуринов, Н. М. Русский экономический проект. – V: Построение теории и науки / Н. М. Чуринов // Теория и история. – 2011. – № 2.
14. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М.: Иностран. лит., 1963. – 829 с.
15. Эшби, У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 432 с.
16. Юзвешин, И. И. Основы информатиологии / И. И. Юзвешин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2000. – 516 с.
17. Hartley, R. V. L. "Transmission of Information", Bell System Technical Journal / R. V. L. Hartley. – July, 1928.

Информация об авторе:

Корягин Валентин Викторович – аспирант кафедры философии Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М. Ф. Решетнева (СибГАУ), 8 913 588 38 93, koryagin.v.v@mail.ru.

Valentin V. Koryagin – post-graduate student at the Department of Philosophy, M. F. Reshetnev Siberian State Aerospace University (SibSAU).

УДК 1(4/9)

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СОЦИУМОВ ХРИСТИАНСКО-ИСЛАМСКОГО АРЕАЛА

В. И. Красиков, Энхтуяа Сандаг

RELIGIOUS PHILOSOPHY IN THE MIDDLE AGES CHRISTIAN AND ISLAMIC SOCIETIES

V. I. Krasikov, Enkhtuya Sandag

Статья посвящена выявлению общих закономерностей, соответствий и основных периодов в развитии философии в средние века. Рассматриваются особенности христианской и исламской философии, наиболее важные и интересные их эпизоды.

The article is devoted to identifying common patterns, correspondences and key periods in the development of philosophy in the Middle Ages. The features of the Christian and Islamic philosophy and their most important and interesting episodes are discussed.

Ключевые слова: христианская и исламская философия, рационалисты, традиционалисты, социальные основы интеллектуальной жизни, универсалии, доказательства бытия Бога.

Keywords: Christian and Islamic philosophy, rationalists, traditionalists, social basis of intellectual life, universals, evidences of God existence.

Летоисчисление от года рождения Иисуса Христа или "новая эра" действительно знаменовали собой отсчет нового периода в развитии Запада, Ближнего и Среднего Востока – эпохи массовых вероисповеданий: христианства и ислама. Ее метафизические истоки обнаруживаются в Иудее и Греции – в радикальной религиозности, ориентированной на социальный активизм, и в высокоабстрактном объективном идеализме. И христианство, и ислам – типично западные религии, имеющие общие корни и похожие ингредиенты. Они стали ядром духовной жизни, философии

Западной Европы и мусульманского Востока на протяжении полутора тысячи лет. Регионы Европы, Средиземноморья и Ближнего Востока представляют собой в принципе одно цивилизационное целое, связанное как схожими духовными чертами, так и постоянным противостоянием-взаимодействием. Поэтому феномен "средневековой философии" может быть понят в виде *параллелизма* (в заимствовании античных идей) и *рецепции* между христианством и исламом.

В противоположность другим монотеистическим движениям, таким как культ Митры, Изиды или Кибелы, христианство и ислам были *религиями священных книг*. Священное писание (Библия, Коран) являлось центром пристального внимания в ритуалах и темами проповедей, а религиозные организации воспитывали грамотных специалистов, становившихся интеллектуалами, начинавшими впоследствии разрабатывать свои религиозно-философские системы. Обе религии имели существенную мировоззренческую общность: креационизм, провиденциализм и откровение. Магистральные идеи этого времени – теологические, касавшиеся того, как понимать Бога, творение и пр., а философия считалась "служанкой богословия".

Другое важное обстоятельство, предопределившее возмозможность тотального воздействия христианства и ислама на духовную жизнь средневековых обществ, – *материальная и организационная мощь их церквей*. Языческие религии не имели ни стабильных средств, ни жрецов, отдававших все свое время вере, тогда как христианство и ислам обрели постоянные источники поддержки и устойчивые иерархии, позволявшие содержать священников, занятых полный рабочий день, посылать миссионеров, славить мучеников, поддерживать вдов и сирот тех, кто пал за веру.

Христианство появилось раньше ислама, ранее сформировало и свою самостоятельную философскую основу в виде *патристики*. Однако затем оно, вместе со всем западноевропейским миром испытало жесточайший цивилизационный "удар": как извне (перманентные экспансии-"переселения народов", натиск норманнов, арабов), так и изнутри – бесконечное государственное дробление, экономическая парциализация, свертывание городской жизни и рыночных связей. В итоге варваризация, культурный откат "темных веков" (VII – X вв.), приведший к утере многого из античного наследия, в том числе и к забвению философской традиции. Напротив, после победоносного утверждения ислама мы видим становление и расцвет мусульманской религиозной философии в VIII – XII вв., ставшей затем одним из катализаторов философского возрождения в Европе XI – XII вв. в виде уже собственно средневековой христианской философии.

Учет подобных обстоятельств задает определенную последовательность в представлении философской истории исламо-христианского мира в средние века: вначале это патристика, формирование на излете античности основ христианской философии неоплатонистской ориентации (III – V вв.); затем – формирование, расцвет и стагнация мусульманской философии (IX – XI вв.); наконец рецепция христианской философией арабо-аристотелианских идей и полутысячелетие схоластики (XI – XV вв.).

Христианские лидеры, претендовавшие на положение государственной религии Римской империи, были заинтересованы в доведении своих догматов до уровня, приемлемого не только для масс, но и для римских интеллектуалов. Последним, воспитанным на блестящих образцах греческой философии, претил примитивность и незатейливость текстов Священного Писания. К тому же необходимо было подобрать подходящее метафизическое обоснование главным

догматам, придать им упорядоченный вид. Эту функцию рационализации христианства выполняла *патристика* – философствование, сочетавшее в себе два начала: античное и христианское. Философы-христиане, впоследствии названными "отцами церкви", сознательно поставили философию в услужение религии. Они мобилизовали приемлемые философские идеи из античного наследия и проинтерпретировали основные положения христианства в их контексте.

Из восьми великих латинских и греческих "докторов" – отцов церкви – семеро жили в последней трети IV в. – начале V вв.: Амвросий, Августин, Иеремия, Василий Каппадокийский, Григорий Назианзин, Григорий Нисский и Иоанн Златоуст. Наиболее оригинальный из них, вероятно, Аврелий Августин (354 – 430 гг.), разработавший базовую философскую интерпретацию христианского вероучения в его западной версии вплоть до теоретической реформы Фомы Аквинского. С одной стороны, его успех определялся тем, что он наиболее полно усвоил и воспроизвел идеи языческой философии в христианском контексте, с другой же – тем, что он автор многих фундаментальных новаций: и для теологии, и для философии как таковой.

К примеру, это концепция "непрерывного творения", согласно которой Бог не только трудился шесть дней в начале Бытия, но и постоянно поддерживает (и обновляет) существование сотворенного мира, который не имеет под собой никакого самостоятельного субстанциального основания кроме божественной воли, из чего проистекает абсолютная божественная власть и контроль над всем тварным. Бог не только всемогущ, но и всеведущ, присутствуя везде, где Ему надо быть и особенно в душе человека, своего фаворита. Потому не имеет смысла познавать окружающее, выискивать Его где-то вовне – Он всегда рядом, тут, *в сознании* человека, и придет к тем, кто искренне, истово любит и алкает Его. Путь к Нему – только через внутреннее созерцание, благочестивые размышления и раскаяние.

Далее Августин в своей "Исповеди" (в XI книге) предложил оригинальное понимание времени, которому было уготовано блестящее будущее в философии жизни и экзистенциализме. Время не имеет субстанциального, независимого от вещей существования. Оно есть характеристика изменений, происходящих в вещах, и сотворено вместе с миром. Время, таким образом, имеет "начало", но скорее в причинном, генетическом смысле. Здесь время – отношение между вещами, порядок их следования друг за другом через момент настоящего и порядок их взаимных изменений. Это, так сказать, "объективное время" – всегда "сейчас". В строгом смысле *есть только настоящее* – то, что имеется "сейчас" в наличии. То же, что мы называем "прошлым" и "будущим", есть только состояния нашего ума, который ожидает, созерцает, вспоминает. Они существуют в нашей душе и нигде в другом месте: "настоящее прошедшего" – это память; "настоящее настоящего" – наше непосредственное созерцание и "настоящее будущего" – наше ожидание. Время создает душу, человеческое "я", собственно и формирующееся в напряжении постоянно возобновляющейся самоидентифи-

кации и надежды: памяти и ожидания-предвкушения лучшего, светлого и радостного. "Я" – это *удерживаемое внимание*, передаточный механизм трансформации будущего в прошлое – через постоянное актуальное бдение. Августин предваряет знаменитое декартово "cogito", утверждая об очевидности самосознания, с которым и соотносится все "внешнее", доставляемое чувствами, и которое фундируется божественным соприсутствием.

Особенности существования философии в мусульманском мире, как и в христианском, определялись политико-организационной спецификой господствующей религии. Ислам возник как теократия, где крупные богословские фракции являлись также и политическими партиями, а притязание на религиозную истину было равнозначно притязанию на политическое управление государством. Религиозно-философская борьба превращалась в политику. Такое было и в христианском мире в период ранних ересей – до установления папской централизации, которая обеспечила относительную автономию для интеллектуалов. Если же напомнить, что исламское общество управлялось религиозными законами, а работу судов монополизировали религиозные школы, то становится ясным большая степень зависимости сообществ ученых и философов от политизированной религии.

Период наиболее интенсивного творческого развития религиозной и философской мысли в мире ислама, когда появлялись разные интеллектуальные фракции, борьба между которыми и составляла его внутреннюю логику, продолжался полтысячелетия (IX – XIII вв.).

Спустя около ста лет после победоносных войн ислама и складывания халифата мало-помалу оформились специфические институты мусульманского мира, в том числе культурные и учебные заведения, в которых появились свои как религиозные, так и светские интеллектуалы, обратившие внимание и на философию. Кем они были и за счет каких материальных источников существовали? Как правило, это были знатоки Писания, учителя медресе, занимались они и переводческой деятельностью, когда она поддерживалась двором, астрологией, в большинстве же случаев видные философы добывали себе хлеб насущный медициной.

В течении IX – X вв. возникли, соперничали и взаимодополняли друг друга *четыре* богословско-философские фракции. Первоначально доминантами стали направления, связанные со спорами вокруг основных вопросов мусульманской теологии. Из ранее относительно единой среды знатоков Корана появились те, кто стал проверять религиозные истины разумом – рационалисты и те, кто был склонен более к нерассуждающей вере.

Первые из них – *калам*, рациональные теологи, наиболее важной группой среди которых стали *мутазилиты* в Басре и Багдаде (центральные фигуры: Абу-л-Хузайл и Абд ал-Джаббар). В описании Бога они подчеркивали его строгий монотеизм: Он субстанциален (т. е. есть единственная подлинная реальность), прост и един, имеет радикально иную природу, нежели сотворенный Им мир (трансцендентен). Всё, кроме Аллаха, имеет временный статус, состоит

из сотворенных атомов и должно непрерывно воссоздаваться. Сотворен и Коран, потому в Писании много метафорического и относительного, требует разумно-философского прояснения. Мутазилиты отрицали абсолютное предопределение: без свободы выбора человека нет и его ответственности, а Божье воздаяние было бы несправедливым. Наконец они требовали аллегорического толкования трудно совместимых с разумом мест в Откровении, утверждая об уместности сомнения.

Вторая группа – традиционалисты, специалисты по Корану, являлись и носителями исламского права. Они были далеки от всяких там умствований, т. к. ставили себе задачей воплотить в жизнь заветы Пророка по организации общественной жизни и все Богооткровение почитали за буквальную истину, которую надо принимать без всяких сомнений и интерпретаций. Ключом к толкованию Корана должны быть не выдумки ученых мужей, а воспоминания соратников Мухаммада – хадисы. *Толкователи хадисов* утверждали о тотальности Божественного контроля над миром и человеческой судьбой, об антропоморфном (кораническом) облике Аллаха. Наиболее известные школы толкователей хадисов названы по именам их основателей: ханифиты, маликиты, шафииты, ханбалиты.

Две другие фракции, также рационалистическая и иррационалистическая, образовались особняком от структур мусульманской религиозности – богословов и учителей многочисленных школ.

Движение *фалсафа* сложилось среди переводчиков, специалистов по греческой и индийской философии, вообще учености. Оно появляется в VIII в., расцветает в первой половине IX в. в так называемом багдадском "Доме мудрости", совмещавшем в себе библиотеку, академию и переводческий центр. Была переведена масса книг античности, но фаворитами сразу стали Аристотель и неоплатоники. На востоке мусульманского мира крупнейшими из перипатетиков были ал-Фараби и Ибн Сина, на мусульманском Западе (арабская Испания и Северная Африка) – Ибн Рушд. В своих учениях они причудливо сочетали и неоплатонизм, и аристотелизм: деятельный Божественный Разум эмануирует (изливает из себя) все сущее, являясь одновременно и всем универсумом в его единстве.

Суфии – вначале странствующие проповедники, сторонники особо строгих ритуалов, притязавшие на обладание опытом общения с Богом и на особое вдохновение. Они стремились к аскетизму, оставляли имущество, странствовали в нищете, были сторонниками сексуального воздержания.

Суфизм не имел устойчивой теории, однако некоторые известные радикалы, такие как ал-Халладж, смогли дать его яркие воплощения в своих речах и действиях. Бог выше всех слов и понятий, лишь мистик-суфий способен слиться с Ним. В мистическом порыве ал-Халладж как-то вскрикнул "Ана-л-Хакк" ("Я есть Истина"), что привело к обвинению в богохульстве, а затем и к казни. Другой великий суфий, Руми, позднее дал свою интерпретацию этой фразы – как великое смирение, а вовсе не высокомерие. Человек утверждающий: "Я есмь Бог", – подразумевает, что его нет, а есть только Бог. От любви к Богу человек ощу-

щает полное слияние с ним. В последующие века суфизм приобрел высокий авторитет в исламском мире, появилось более десятка суфийских монашеских орденов, однако в философии более заметных следов не было.

В XI – XII вв. под воздействием политико-религиозной борьбы состав религиозно-философских направлений меняется. В сообществе исламских интеллектуалов возникают новые комбинации и альянсы между прежними фракциями.

Ашаризм – компромисс между каламом и традицией хадисов, направление, ставшее ведущим течением суннитской традиции в исламе. Наиболее крупные представители: ал-Ашари, ал-Бакиллани и ал-Газали – продолжили "срединный путь", приписывая Аллаху некоторые неотъемлемые качества (субстанциальные атрибуты), не отличные все же от Него и не тождественные Ему. Коран извечен по смыслу, но сотворен как слово. Свобода человека была ограничена, а воля Аллаха усилена.

Шиитская фракция политического богословия (*исмаилиты*, ал-Кирмани) развивает свое собственное учение – доктрину скрытого имама, седьмого посланника (после Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса, Мухаммада), который должен принести новое знание и завершить историю физического мира. История человечества по своей сути есть, прежде всего, история общины истинной религии, исмаилизма. Интересна их метафизическая концепция, в которой развитие вселенной простираемо от Первого ко Второму Пределу. Началом служит Первый Разум (Первый Предел и Бог в одно и то же время), который эмануирует ряды последовательно связанных иерархий, завершением – совершенная метафизическая форма, которая возникает в конце истории как соединение праведных душ. Второй Предел еще не существует, и потому мироздание остается принципиально недостроенным. В силу этого история приобретает глубокое метафизическое измерение: без усилий, которые обязано приложить праведное человечество, вселенная не может существовать. Второй Предел создается своего рода "богочеловечеством", людьми, совершенными в своем знании и действии. Позднее исмаилиты участвовали в разработке схожего учения "Братства Чистоты".

Необычны размышления Сухраварди (XII в.), ключевой фигуры направления *ишракизм*, соединившего эманацию неоплатонизма и световую символику зороастризма. Универсум образуем из двух начал-миров. Свет и жизнь – это мир ангелов. Материальный мир – ночь и смерть, тела, из которых он состоит, подобны трупам. Ангелы, излучая свет, создают разнообразные виды живых существ, населяющих мир. "Восток", жилище света, – это одновременно область, где начинается рассвет знания и восходит солнце, лучи которого могут освещать душу. Храмы света возвышаются на средних уровнях космоса, с архангелами в пурпурных и таинственных зеленых одеяниях. Идеал человека – стать "совершенным мужем", мудрецом, сочетающим философские знания с мистическим опытом; такой мудрец становится столпом невидимой мистической иерархии, без которой вселенная не могла бы продолжать свое существование.

Самый знаменитый и значимый (для Запада) испанский эпизод в истории исламской философии начался тогда, когда исчезла напряженная интеллектуальная жизнь в Багдаде, Басре и Нишапуре (XI – XII вв.). Великий *Ибн Рушд* (*Аверроэс*, *Великий комментатор*) возродил учение Аристотеля в его аутентичности. На протяжении столетий Аристотель рассматривался как часть господствовавшего неоплатонического мировоззрения. Считалось, что он просто добавлял к нему некоторые логические классификации. Ранее никто и не пытался преодолеть это искажение. Аверроэс раскритиковал подобные толкования Аристотеля, сделанные ал-Фараби и Ибн Синой, и создал новый обширный комментарий на весь корпус текстов Учителя, освобождая его от оков неоплатонизма. Именно этот комментарий был вскоре переведен и получил грандиозный резонанс в христианской философии XIII – XIV вв., породив зрелую схоластику и Фому Аквинского. Именно отсюда естественно-научные и математические тексты греков, индийско-арабские алгебра и числовая система были переданы на север. Это был последний всплеск философской оригинальности арабо-исламской цивилизации, ибо позднее средневековые характеризуются уже эклектикой, а современность – поиском путей сохранения традиционной цивилизации ислама в глобализующемся социуме.

Итак, возвращаемся в Западную Европу, где с XI в. начинается новый этап развития, приведший к появлению средневекового социума с его тремя социальными институтами, оказавшими сильное воздействие на характер интеллектуальной жизни, существенным ингредиентом которой была философия. Это монастыри, папство и университеты.

Монастыри сыграли важную роль в экономическом и цивилизационном освоении ранее слабозаселенной Северной Европы. Они создавались монашескими братствами, различавшимися особенностями своей организации, целями и социальными связями. Наибольшее влияние на образование оказали цистерцианцы, бенедиктинцы, францисканцы и доминиканцы. Основой влияния папства стала монополия на грамотное администрирование в экономической сфере – составление документов, работа с ними, заключение законных сделок. Университеты же возникли в результате сочетания экспансии монастырей и папства. Монастыри давали минимальное исходное образование, поставляли грамотных специалистов, а церковь в лице централизованного папства передала университетам право официального присвоения высших степеней квалификации в тех или иных областях знания. Университеты появились, таким образом, из наиболее развитых монастырских школ, специализировавшихся на теологии и подготовительных к ней предметах.

Причем папство и университеты взаимно подпитывали друг друга: теологическое образование весьма способствовало церковной карьере, иерархи же, в свою очередь, поддерживали свои *alma mater*. Разумеется, и юристы с медиками также участвовали в формировании преподавательских гильдий, однако религиозное санкционирование было все же определяющим. Именно университеты стали центром интел-

лектуальной жизни, причем творчество в сфере абстрактных идей достигло наибольших высот в тех предметах, которые были подготовительными для получения высших степеней, то есть в логике, философии и естественных науках, входивших в учебный план младших курсов.

Таким образом, средневековая христианская философия возникает как новое в сравнении с патристикой, образование, имевшее свой, отличный от античности социальный контекст, однако все же на основе понятий греческой философии в обработке отцов церкви. Творческие конфликты, создававшие общее поле внимания *схоластики* – религиозной философии Европы XI – XV вв., были инициированы обсуждением двух специфических вопросов: о реальности универсалий и о доказательствах бытия Бога. Если первый вопрос отчасти представлен у мусульман, то второй характерен лишь для христианской традиции. Он выглядит необычным в контексте всеобщей нерассуждающей веры эпохи – кому надо было бы доказывать бытие Бога? Атеистов просто не могло быть, язычники же, иноверцы и сторонники ересей в существовании Бога не сомневались. Доказательства бытия Бога были, вероятно, свидетельством достижения философом-богословом наивысшей степени профессионального мастерства в области абстрагирования и рефлексии.

В палитре имен ранней схоластики (XI – XII вв.) можно выделить три наиболее значимые религиозно-философские позиции, несколько сходные с ситуацией в исламском мире.

Теологи-рационалисты полагали, что хотя вера первична по отношению к разуму, однако без разума она слепа, потому нужна понимающая вера: "ибо я не разумею ищущего, дабы уверовать, а верую, дабы уразуметь". Основной спор, шедший в ранней схолистике, касался вопроса об универсалиях или общих понятиях: где и как они существуют? *Номиналисты*, наиболее ярким из которых был Росцелин, утверждали, что общие понятия – имена совокупностей вещей и существуют лишь в качестве произносимых слов. На деле в мире наличествуют только единичные вещи – простые и единые, всякие же обобщения и различия выискиваются нашим мышлением, существуя лишь там и в языке. *Реалисты*, среди которых более прославился архиепископ Ансельм Кентерберийский (примас Англии, Учитель Церкви), отстаивали неоплатонистско-августинианскую позицию: универсалии – это мысли Бога и матрица творения, определяющая "железную логику мироздания". Они договаривались до довольно сомнительных вещей: даже если бы Христос никогда не существовал, все равно было бы возможно показать логическую необходимость спасения, воплощения, Троицы, даже таких деталей, как рождение от девы. Универсалии составляют необходимый логический каркас универсума, однако они существуют первично в уме Бога и составляют Его суть, т. е. зависимы от Него и производны.

Однако как доказать само Его существование независимо от всякого опыта? Ансельм полагает, что идея Бога – это "то больше чего нельзя себе представить" весь универсум. Раз в уме у нас уже есть данная идея, то мы можем представить себе, что есть она и в

реальности. Но тогда мы имеем "увеличенную" исходную идею Бога (универсум+), что противоречит ее исходному определению (то, более чего нет). Значит нечто, больше чего нельзя себе представить, сразу и изначально, существует и в уме, и в действительности. Да и откуда эта идея вообще есть у нас, как не от Бога?

Впоследствии Фома Аквинский обвинит Ансельма в необоснованном "прыжке" из мысли в реальность, Кант заявит о фундаментальном различии между 300 "мысленными" и действительными талерами, а ученик Ансельма, Гаунило из Мармутье, в качестве иллюстрации своей критики приведет пример о некоем совершеннейшем острове забытых сокровищ. На возмущение, что этого острова нет, приводит довод, что раз он совершеннейший, то он должен быть. И что таким путем можно доказать существование чего угодно. Ясно, что малообоснован сам ввод изначально "определения" Бога, сочетающего в себе две разные "сущности": онтологическую (наибольшее в мире) и ментальную (сила представления), которые затем постоянно взаимоподставляются. Однако несомненна высочайшая степень рефлексивной изощренности и философской проблематизации, достигнутые в этом знаменитом ансельмовском "онтологическом доказательстве" бытия Бога.

На противоположной стороне поля интеллектуального внимания разместились *консервативно настроенные религиозные деятели*, для которых истинность веры и ее нерассуждающая непосредственность, деятельное подвижничество во славу Господа составляли главную ценность, разум же – лишь самомнение и грех гордыни. Символическая фигура этого направления, чьими отличительными признаками были не только суровый аскетизм и жесткий фанатизм, но и возвышенная религиозно-поэтическая экзальтированность, – Бернар Клервоский (1090 – 1153). Не истина, но воля: Божья и подвижническая – создают мир и правят им. Бог превыше логики и на самом деле воля Божья легко может изменить законы логики. Своей жизнью Бернар Клервоский и утверждал подобные духовные ориентиры. В 22 года он ушел в монастырь из богатой семьи, приняв самоотречение: ел и спал на грани выживания. Притом не только делал это с неподдельной радостью, но и красочно живописал благочестие подобного существования в своих проповедях, которые имели грандиозный успех. И даже множество его родни стали монахами, что может в еще большей степени показывает глубину, чистоту и силу его религиозной страсти. Он основал монастырь нового типа в местечке Клерво, приобретший большую славу, затем по его образцу еще 163 подобных заведений. Бернар был организатором крестовых походов, вдохновителем рыцарей Храма, небезызвестного ордена тамплиеров, активно влиял на пап и светских властителей.

Дамой сердца для него навсегда стала Богородица, снизошедшая к нему в детстве откровением, которой посвящены большинство его проповедей. Романтизм религиозной экзальтации проявлялся и в большом внимании к характерному фрагменту Ветхого Завета, Песне песней, прославляющей любовь к Господу, вдохновив его на 90 проповедей. Вместе с

тем он слыл человеком непримиримым, коварным и агрессивным, печально прославился гонениями на другого своего знаменитого современника, представляющего и другую интеллектуальную позицию, и совершенно другой типаж – Пьера Абеляра.

Абеляр (1079 – 1142) своей жизнью и устроением представлял иных людей. Это профессиональные учителя, будущие университетские преподаватели, зарождающийся класс *городских интеллектуалов*. Это более светские люди, имеющие ориентиром не веру и волю, но разум, свои чувственные интересы и склонность к глубоким нравственным размышлениям (рефлексии). Они хотят и пожить в свое удовольствие, и проявить свой интеллект в ученых дискуссиях.

В споре между номиналистами и реалистами Абеляр нашел взвешенный изящный вариант *концептуализма*. Универсалии есть "схватывание" умом общего в вещах, это не сами явления мира и не слова о них, а общая связь явления и имени, выраженная звуком.

Философия и жизнь, однако, зачастую переплетаются в новое, более глубокое образование, чем каждая из них по отдельности, в некую реальную "философию жизни". Его пронзительная автобиография "История моих бедствий" стала в неменьшей степени, чем философские труды, истоком популярности Абеляра. История его любви с Элоизой Фульбер – характеристика не только жестких нравов эпохи, но и портретирование соотношения любви и рефлексии. 39-летний каноник, богатый и знаменитый, совращает 17-летнюю хорошенькую девицу с большими интеллектуальными и лингвистическими способностями. Когда связь открылась в связи с интересным положением девицы, они тайно обвенчались, однако Абеляр настоял на тайном браке – ради своей карьеры. Опекун Элоизы, однако, усмотрел в том стремление к прелюбодеяниям и жестоко отомстил: "они отсекали те части моего тела, – жаловался в своих воспоминаниях Абеляр, – посредством которых я совершил дело, ставшее причиной их огорчения". Эти трагические события повлекли обоих любовников в монастырь. Абеляр стал философом-затворником, Элоиза – настоятельницей аббатства. Спустя более 10 лет вышла исповедь Абеляра, и Элоиза сразу же написала Абеляру письмо, полное прежних чувств. Однако это уже был надломленный и усталый пятидесятилетний человек, травимый консерваторами, тем же Бернаром Клервоским, обвиняемый в ереси. Он уже воспринимал прежнее как грех и ошибку. После смерти, однако, он был похоронен согласно своему завещанию в аббатстве своей возлюбленной, которая каждый день посещала его могилу еще 22 года вплоть до своей кончины, когда она упокоилась рядом со своим философом.

Зрелая схоластика (XIII – XIV вв.) сформировалась в результате противостояния, в том числе и интеллектуального, двух великих монашеских орденов: францисканцев и доминиканцев. И хотя первые имели скорее социально-благотворительные приоритеты, а вторые – более вероохранительные – борьбу против ересей, оба претендовали на духовное, философское водительство в католическом мире. Они культивировали богословские традиции и воспитали ряд великих теологов.

Интеллектуальным лидером *доминиканцев* стал "ангельский доктор" – Фома Аквинский (1224 – 1274 гг.). Он совершает революционный переворот в самих основаниях христианской метафизики, отказываясь от платонистской установки, постулировавшей изначальность присутствия Бога в сознании человека и дедуктивное выведение следствий – многообразия материального мира. В противоположность этому вводится аристотелевская, индуктивная установка: необходимо идти от единичных вещей окружающего мира как теофаний (*следов творения*, богоявленностей) к заключению о бытии Бога. Святой Тома метафизически санкционировал тем самым правомочность научного исследования природных явлений-теофаний – как подтверждения безграничности Божественного творческого гения. Тогда как ранее, в рамках платонистско-августинианского понимания мира, познание внешнего мира объявлялось излишним для спасения.

Фома устанавливает и другую систему доводов о существовании Бога, индуктивную, исходящую "от мира". Речь идет о пяти доказательствах бытия Бога. Первые два из них сходны между собой, т. к. основаны на мысленном движении вспять от имеющегося актуального множества существующих и движущихся вещей – к одной исходной причине и источнику движения (первотолчку). Третье исходит из степеней совершенств, наблюдаемых во всем сущем, и наличия их абсолютного мерила. Четвертое утверждает: в мире много случайных событий, однако мир в целом не может быть случайным – в самом его существовании заключен смысл необходимости. Пятое строится на понятии целесообразности: все в этом мире чему-то служит и выполняет какую-то функцию; гармонизирует все цели и функции в единый порядок Бог. Как следует расценивать томистские доказательства бытия Бога? Только как достойные восхищения изощрения мысли в соответствующих времени понятийных горизонтах. Дело в том, что они работают лишь при принятии некоторых неявных уславливающих (или "постулатов"): а/о конечности мира во времени и его внеположенности по отношению к Богу; б/о невозможности рядов событий, не имеющего первого члена. Аквинат также совершает некоторые не совсем правомочные интеллектуальные операции: совершает скачок от индивидуальных вещей, единичных явлений к существованию всеобщего качества мира (исходного толчка, первопричины, необходимости), переводит человеческие свойства в статус онтологически – на основании существования красоты, добра и пр. у людей заключает о бытии Красоты, Добра как таковых.

Необычные, с точки зрения повседневного разума, характеристики Бога приводит другой доминиканец – Мейстер Экхарт (1260 – 1328): существование не может быть свойственно Богу в том же смысле, в каком оно свойственно его творениям. Бог является чистой сущностью и находится за пределами бытия. Как зрение не имеет цвета для того, чтобы можно было видеть все цвета, так и Бог лишен бытия, чтобы быть причиной всего бытийствующего. Бог столь высок, настолько трансцендентен, что нельзя сказать что-либо о его божественном единстве; сотворенное же столь низко, что является попросту ничем, это

прах и брение без малейшего основания. При всем этом существует внутренняя глубинно-онтологическая связь человека с Богом. В душе находимо божественное основание, в котором человек (сотворенный по образу и подобию) сливается с Богом. Отсюда струится вспять, от твари к Богу, поток возвращения к исходному Единому (своего рода "эманация-назад").

Конкурирующий орден *францисканцев* выдвинул своих гениев. Дунс Скот (1265 – 1308 гг.) создает индивидуалистическую метафизику, согласно которой в мире реально существуют только индивиды. Формы и сущности ("чтойности" вещей) тоже есть, но не в мире, а в Божественном разуме, и предшествуют творению. Творение и есть добавление к имеющимся сущностям особого индивидуализирующего признака – "этости". Вселенная бесконечно сложна именно в силу того, что состоит из бесчисленного количества неповторимых вещей – в том и заключается безмерное могущество Бога. Универсалии являются всего лишь следствием обобщений – попыток слабого человеческого ума хоть как-то справиться с необъятным. Человеческая картина мира из универсалий огрубляет реальность до нескольких десятков общих признаков. Если кто-нибудь смог бы удерживать в своем уме "этости" всех вещей, то он обладал бы полнейшим знанием о реальности. Но это невозможно для обыкновенного человеческого ума и доступно лишь Богу – необъятное знание необъятной конкретности. Вселенная Дунса, таким образом, весьма необычна для своего времени с его культом общего смысла и единообразного порядка. Он утверждает, что сами смысл и порядок – радикально случайны – так установил в своей абсолютно свободной и спонтанной воле Бог. Конечно, в акте творения Бог назначил каждой вещи ее суть и функции, однако Он же мог бы предписать вселенной и совершенно другие физические и моральные законы, даже сделав добро злом, а несправедливость – справедливостью и т. д. Свободная воля Бога, однако, не есть чистый произвол. Совершенство божественной воли состоит в том, что она действует лишь в согласии с божественным же интеллектом. Потому Бог желает в высшей степени разумно, не способен желать бессмысленного.

Другой францисканец, Уильям Оккам (1300 – 1350 гг.), радикализовал идеи своего предшественника о конкретности и случайности бытия. Универсалии

есть лишь интенции души или выражение ее склонности к поиску единства и простоты в вещах. Общие понятия – "естественные знаки" ума, обозначают группы сходных единичных вещей. Естественные знаки предшествуют словесным выражениям – условным или "искусственным знакам", чье значение устанавливается произвольно. Не все универсалии необходимым образом присущи человеческому сознанию, предшествующая философия породила много ложных общих идей. В целях избавления от ненужных понятий им было введено знаменитое регулятивное правило, получившее название "бритвы Оккама", которое гласит: "Сущностей не следует умножать без необходимости". Другими словами, то, что можно объяснить просто и в меньшем объеме – так и следует объяснять, не выдумывая более сложных понятий и не привлекая дополнительных аргументов. Также он развил дунсовскую концепцию "двух истин": предметом философии может быть только "рациональное", понятие же Бога в качестве актуальной бесконечности иррационально и не может быть обосновано средствами естественного знания. Поэтому философия должна заниматься своим – познанием единичных вещей в их взаимосвязи, а теология – своим (верой в Бога). Так исподволь начинался "бракоразводный процесс" философии и теологии.

Итак, мы имеем дело с совершенно особым периодом в развитии философской мысли – в контексте эпохи массовых вероисповеданий, когда общества насквозь были пронизаны духом монотеистического патернализма. История философии в Средние века есть история мысли, выбирающей Бога. Отсюда тот удивительно единый формат столь, казалось бы, исторически и культурно разных форм религиозности (католицизм, православие, ислам, иудаизм): общая платоно-аристотелевская традиция, одна умозрительно-онтологическая и этическая проблематика (единство и атрибутивность Бога, универсалии, сущность и существование, вера и знание, воля и грех и т. д.). Также мы видим существенные созвучия, переплетения и взаимные заимствования. Человечество на протяжении тысячелетия оцепенело и завороченно вглядывалось в Бога, стремясь очиститься, духовно возвыситься, наконец, спастись от неминуемого. Удалось ли это ему сделать? Вряд ли. Он был и остается молчаливым Сфинксом.

Литература

1. Августин, Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий / А. Августин. – М., 1992.
2. Арабо-мусульманская философия. Исламизм. Ишракизм. Ибн Сина. Исламиты. Сухраварди. Ибн Рушд. Средневековая западноевропейская философия. Росцелин. Реализм. Ансельм Кентерберийский. Бонавентура. Экхарт. Абеляр. Фома Аквинский. Дунс Скот. Оккам // Новая философская энциклопедия. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0243.html> (дата обращения: 25.05.2012).
3. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 514 – 594.
4. Майоров, Г. Г. Формирование средневековой философии / Г. Г. Майоров. – М., 1979.
5. Рассел, Б. История западной философии: в 2 т. / Б. Рассел. – М., 1993. – Т. 1.
6. Реале, Д. Западная философия от истоков до наших дней: пер. с итал. / Д. Реале, Д. Антисери. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. – Т. 2: Средневековье: (От Библейского послания до Макеавелли).
7. Священник Николай Ким. Офенская духовная миссия. Ансельм Кентерберийский и его "онтологическое доказательство" бытия Божия. – Режим доступа: <http://onkim.orthodoxy.ru/myworks/anselm.htm> (дата обращения: 10.06.2012).

Информация об авторах:

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии юридического факультета КемГУ, 8(3842) 58-32-31, krasikov1958@yahoo.com.

Vladimir I. Krasikov – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Сандаг Энхтуяа – кандидат философских наук, доцент кафедры философии юридического факультета КемГУ, 8(3842) 58-32-31.

Sandag Enkhtuya – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

УДК 101.1

ТЕОРИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

С. Ю. Просветов, С. Ф. Самойлов

HISTORICO-PHILOSOPHICAL EXPERIMENT THEORY

S. Yu. Prosvetov, S. F. Samoylov

В статье рассмотрена теория эксперимента применительно к философии в целом и к историко-философскому знанию в частности, а также представлены примеры из историко-философского материала, обосновывающие выдвинутые в работе теоретические положения. Разработанная автором методология историко-философского эксперимента позволяет выявить новые грани в ходе развития философской мысли.

The article considers the experiment theory as applied to philosophy as a whole and to historico-philosophical knowledge in particular. The article presents examples from historico-philosophical material giving proof to the suggested theses. The invented historico-philosophical experiment methodology allows to bring to light new sides in the course of development of philosophical thought.

Ключевые слова: мыслительный эксперимент, познание, историко-философский процесс, мировоззрение, интеллектуальное искусство, философские жанры.

Keywords: thought experiment, cognition, historico-philosophical process, world outlook, intellectual art, philosophical genres.

В современной научно-философской мысли термин «эксперимент» представляет собой многозначное понятие, допускающее достаточно широкий спектр толкований. Наиболее распространенными значениями данного термина следует признать такие определения, как: создание искусственных условий изучения предмета, проверку представления или предсказания, целенаправленное наблюдение, особую разновидность мыслительного и эмпирического опыта, воспроизведение познаваемого объекта. Многообразие и противоречивость определений эксперимента объясняется тем, что данным термином обозначают два противоположных, но вместе с тем дополняющих друг друга процесса. Первый из них направлен на создание специфических условий существования предмета, отличных от его естественной среды, тогда как второй представляет собой фиксацию этого необычного состояния самого предмета. В самом общем виде экспериментом можно назвать усложненный организованный вид наблюдения. Вместе с тем близость эксперимента к наблюдению не должна вводить в заблуждение относительно характера данного методологического приема, поскольку его предметом могут являться не только реальные, но и идеальные объекты. По этой причине принято различать эмпирический и мыслительный эксперимент.

Однако, природа экспериментального метода определяется не столько характером изучаемых им объ-

ектов, сколько собственной структурой. По своему замыслу эксперимент, если он осуществляется в рамках подлинно научного познания, предполагает получение определенных теоретических выводов из в той или иной мере чувственно наглядного процесса. Этот перевод языка явлений или событий на язык научных или философских категорий требует наличия ряда предпосылок. Лучше всего эти предпосылки были описаны Ф. В. Лазаревым в коллективном труде «Философия науки»: «Чтобы превратить эксперимент в познавательное средство, необходимы операции, позволяющие перевести логику вещей в логику понятий, материальную зависимость в логическую. Для этого нужно располагать следующим рядом:

1) принципами теории и логически выводимыми из них следствиями;

2) идеализированной картиной поведения объектов;

3) практическим отождествлением (в заданном интервале абстракции) идеализированной модели с некоторой материальной конструкцией.

Существуют два типа экспериментальных задач:

1) исследовательский эксперимент, который связан с поиском неизвестных зависимостей между несколькими параметрами объекта,

2) проверочный эксперимент, который применяется в случаях, когда требуется подтвердить или оп-

ровергнуть те или иные следствия теории» [20, с. 186].

Наличие в структуре и фундаменте эксперимента идеальной составляющей ставит вопрос о применимости данного метода к области познания, в которой идеальное начало традиционно является одним из приоритетных предметов. С другой стороны, сама постановка вопроса о совместимости экспериментальной методологии и философии может быть признана парадоксальной, поскольку философия носит ярко выраженный априорный характер, тогда как наука, к области которой принадлежит эксперимент, принципиально апостериорна. Тем не менее данный вопрос имеет право на существование, так как сама наука возникла из философии, то и истоки экспериментального метода следует искать в ней.

Но прежде чем обратиться к проблеме генезиса эксперимента, необходимо уточнить, какая именно форма данного метода – теоретическая или эмпирическая – возникла в философском знании раньше. Умозрительный характер древней философии в целом и античной в частности позволяет утверждать, что мыслительный эксперимент в историческом отношении обладает приоритетом перед эмпирическим. Подтверждением данного положения служит тот факт, что обоснование эмпирического эксперимента присутствует только в проекте новой науки Ф. Бэкона [2, с. 299 – 310], тогда как его предпосылки обнаруживаются не ранее его идейного предшественника и однофамильца Р. Бэкона [1, с. 337 – 341]. Наконец, чисто логически мыслительный эксперимент должен предшествовать эмпирическому, поскольку проведение второго предполагает наличие определенной теоретической схемы. Поэтому мыслительный эксперимент следует признать теоретической и исторической предпосылкой реального эксперимента.

Примеры использования мыслительного эксперимента в философском знании можно обнаружить уже у самых истоков его возникновения. Пожалуй, первым случаем применения данного методологического приема следует признать апории Зенона Элейского [21, с. 307 – 313], в которых с помощью воображаемых ситуаций демонстрируется необходимость существования сверхчувственного умопостигаемого бытия. Парадоксы Зенона представляют собой парадигму по отношению к большинству мыслительных экспериментов античной философии. Так, образ пещеры в произведении Платона «Государство» [15, т. 3, с. 295 – 298], где можно видеть лишь тени от реальных предметов, а также иллюстрирующий теорию атомистического строения вселенной, приводимый в поэме Лукреция [12, с. 39] пример затемненной комнаты, где в отдельных лучах света видны мельчайшие пылинки, преследуют ту же цель, что и философские медитации учения Парменида: подготовить обыденное сознание к усвоению элементов теоретического мышления. Средневековая философия также внесла вклад в развитие мыслительного эксперимента, о чем свидетельствуют парадоксы «буриданова осла» [22, с. 275; 5, с. 216; 9, с. 514], вскрывающие проблему детерминизма. В эпоху Нового времени наиболее ярким

мыслительным экспериментом следует признать один из исходных метафизических принципов Р. Декарта [7, с. 16 – 28; 8, с. 255 – 256, 268 – 269 и др.] – радикальное сомнение, нацеленное на обнаружение самоочевидной истины. В творчестве Э. Б. Кондильяка [10, с. 189 – 399] таковым экспериментом для эпохи Просвещения является статуя, приобретающая одно за другим человеческие ощущения обоняния, вкуса, зрения, слуха, осязания и возникающие при этом привычки. Но, пожалуй, наибольшее число примеров применения данного методологического приема может предложить философия прошлого столетия. Самыми известными из них являются «выбор яблок по инструкции» позднего Л. Витгенштейна [4, с. 80 – 81], «мозги в бочке» Х. Патнема [14, с. 19 – 37], «завеса неведения» Дж. Ролза [24, р. 58 – 82], «китайская комната» Дж. Р. Сёрля [19, с. 19 – 24; 17, с. 378 – 399; 18, с. 187] и т. д. Поэтому без преувеличения можно сказать, что мыслительный эксперимент становится одной из наиболее популярных форм философствования, применяемой во всех основных направлениях современной философии. Логическим завершением роста популярности данного методологического приема явилось возникновение в начале XXI века так называемой экспериментальной философии, ставящей перед собой задачу создания альтернативного «некабинетного» варианта решения философских проблем, в основании которого лежат представления простых людей.

Если попытаться дать общую характеристику применения мыслительного эксперимента в философии, то можно сказать, что он имеет своей конечной целью раскрытие сущности исследуемого предмета (бытия, сознания, языка, социального поведения, познавательной деятельности и т. д.), которая сокрыта от непосредственного чувственного восприятия. Данная задача вполне согласуется с общей целью философского знания, которая заключается в осмыслении мира и положения человека в нем. Главным средством реализации поставленной задачи со стороны мыслительного эксперимента служит создание воображаемой ситуации, которая является свидетельством того, что мыслительный эксперимент в философии направлен на постижение предельных, доопытных структур нашего сознания. Вместе с тем воображаемая ситуация не является самоцелью, она призвана раскрыть определенную философскую интуицию, позволяющую увидеть мир через призму определенной концептуальной схемы. Так, мыслительные эксперименты Зенона и Платона нацелены на восприятие мира в свете гипостазированного идеального начала, живая статуя в «Трактате об ощущениях» Кондильяка демонстрирует процесс формирования абстрактного мышления из ощущений, воображаемые ситуации, описанные в трудах Л. Витгенштейна, рисуют функциональный образ социального мира, который принципиально лишен смысла и живет по правилам языковых игр. Таким образом, мыслительный эксперимент является забавным парадоксом, курьезом только при условии его вырывания из контекста конкретного философского учения, системы, концепции. И напро-

тив, его включенность в определенный контекст придает философскому сознанию способность менять обыденный образ мира, находить его новые грани и одновременно углублять самосознание человека.

Еще большей ценностью, нежели мировоззренческая функция, обладает чисто познавательная значимость мыслительного эксперимента. К числу первостепенных задач, стоящих перед применением данного метода в философском познании, следует признать доказательство от противного, подтверждение разделяемой концепции, создание новой концепции, а также одновременное опровержение одной и подтверждение другой концепции. Практические последствия применения мыслительного эксперимента в философии весьма разнообразны, но в целом они связаны с разрушением установившегося понимания исследуемого предмета. Помимо отрицательного существует и целый ряд положительных последствий применения данного метода в философском познании. К нему принадлежат перенесение или экстраполирование доказанного положения на другие области познания, прогнозирование будущего, предотвращение негативных последствий и исправление ошибок, допущенных философской мыслью ранее. Среди положительных моментов использования мыслительного эксперимента следует назвать и его способность объяснять прошлое, которая делает возможным его применение в историческом познании в целом и в историко-философской науке в частности. Но прежде чем говорить об особенностях применения данного метода в историко-философском исследовании, необходимо обратить внимание на одну из его характерных черт, которая существенным образом отличает мыслительный эксперимент от всех других методов научного познания и сближает его с сущностью философского отношения к миру.

Речь идет о творческом аспекте мыслительного эксперимента, который проявляется в том, что данный метод не только отражает исследуемый предмет, но и существенным образом изменяет его. В этом смысле как мыслительный, так и эмпирический виды эксперимента следует признать формой практики в самом широком значении этого термина. В свою очередь, практичность несколько отдаляет эксперимент от других научных методов, поскольку они нацелены на постижение того, что есть, а не того, что должно или может быть. В этом отношении эксперимент тяготеет к собственно творческим областям человеческой духовности: к технике, искусству и философии. Раскрывая творческую природу эксперимента, болгарский философ науки Г. Гиргинов в работе «Наука и творчество» пишет: «Как форма практики, «предметной» деятельности, научный эксперимент может выступать как такое воплощение знаний, которое будет способствовать не только познанию данного явления, но и его целесообразному изменению. А это является формой научного творчества и его задачей. Весьма существенна для правильной организации и проведения научного эксперимента предварительная разработка научной системы учета изменений в объекте эксперимента под воздействием самой экспери-

ментальной обстановки... Творчество ученого заключается в его умении получить от эксперимента то, что он может ему дать, и не ожидать от него невозможного, то есть сообразовываться с реальными гносеологическими возможностями научного эксперимента» [6, с. 215 – 216].

Отсутствие предзаданности предмета философского знания, его принципиальная умопостигаемость и конструктивность открывают перед творческим аспектом мыслительного эксперимента гораздо большие перспективы, нежели предоставляет ему научное познание. Различие между научным и философским экспериментом заключается в зависимости первого от чувственного опыта. Однако это не означает, что философский эксперимент есть чистое творчество, поскольку наличие реального предмета является важнейшей предпосылкой философии как формы познавательной деятельности. Поэтому мыслительный эксперимент в философии также зависит от предметности, но последняя имеет идеальную природу и открывается не чувственному познанию, а интеллектуальной интуиции. В связи с этим возникает вопрос об общеобязательности выводов, получаемых философским экспериментом в целом и историко-философским экспериментом в частности. Данная проблема решается путем апелляции мыслительного эксперимента не к объекту, а к общечеловеческим структурам сознания. Таким образом, главным в философском эксперименте является логическая убедительность получаемых выводов.

Творческий характер философского эксперимента сближает его с искусством и делает возможной эстетическую интерпретацию философского знания. Само появление данной интерпретации независимо от ее оценок в теоретико- и историко-философской мысли представляется логически необходимым, поскольку философия, будучи осмысляющей деятельностью, с одной стороны, сама выбирает свой предмет, а с другой – во многом определена им. В историко-культурном срезе эта зависимость от предметности выглядит следующим образом. В эпоху античности философия была нацелена на осмысление и обоснование мифа, в эпоху средневековья – на оправдание религии, в Новое время – на обнаружение предпосылок и целей научного знания. В противоположность этому эстетическая интерпретация философии не охватывает какой-либо целостной эпохи, но обнаруживается в творчестве мыслителей различных эпох. Предлагая набросок основных проявлений эстетической интерпретации философии, Б. В. Яковенко, в целом негативно оценивавший ее роль в развитии философской мысли, отмечает: «...философия никогда не переживала чисто эстетической эпохи, никогда не знала действительногo порабощения своей сферы интересам искусства. Из этого не следует, однако, того, что среди бесконечно многообразных явлений философской мысли нет таких, которые носят на себе отпечаток господства эстетических идей. Эстетизм в философии совсем не редок. Его можно встретить на протяжении всей истории философии. Только его проявления почти всегда индивидуальны, единичны, отрывочны, почти ни-

когда не носят массового характера, не получают эпохального значения... Лучшими примерами в этом отношении могут служить: система Плотина, концепции немецких романтиков, особенно Шеллинга, философское миропонимание Эмерсона. Относительно романтизма можно даже сказать, что эстетизм имел в лице его недолговременную философскую эпоху. Ныне ярким выражением чистого эстетизма служит философская система Бенедетто Кроче... От упреков в эстетизме не могут уберечься и воззрения Канта, венчающего сферы теоретической и практической философии объединяющей их сферой эстетики и тем как бы подчеркивающего философское превосходство Прекрасного над Бытием и Справедливостью» [23, с. 115].

Итак, интерпретация философии в целом в качестве особого рода искусства является вполне устоявшимся, хотя и достаточно редким подходом к пониманию сущности данной интеллектуальной деятельности. В этом отношении мыслительный эксперимент, нацеленный на рассмотрение истории философии через призму данной интерпретации, представляется допустимым и даже необходимым. Прежде чем перейти к анализу понятия философского жанра, в котором эстетическая сторона философствования получила непосредственное выражение, необходимо коснуться проблемы допустимости мыслительного эксперимента в истории философии.

Если мыслительный эксперимент в теоретической философии стал обычным делом, то в области истории философии все обстоит значительно сложнее. Использование непривычных установок и умозрительных схем при анализе историко-философского материала может вызвать волну возмущения как со стороны профессиональных исследователей, так и со стороны читателей. Недопустимость подобных операций в области истории философии объясняется двумя обстоятельствами:

- во-первых, мыслительный эксперимент противоречит канонам исторической науки, требующим от исследователя отражения фактов такими, какими они представляли в прошлом,
- во-вторых, он противоречит требованиям морали.

Первое возражение основано на сугубо исторической или эмпирической интерпретации историко-философской науки. Такой подход не учитывает того обстоятельства, что *в задачу философии входит* не только отражение фактов, но и *формулирование конкретных идей*. Например, историко-философское исследование часто выступает либо предварительной, либо, напротив, завершающей стадией философствования. В этом случае оно играет роль обнаружения и обоснования той или иной идеи. Таким образом, помимо эмпирических, историко-философское исследование преследует и теоретические цели, поэтому экспериментирование с историческим материалом, его изложение через призму определенных принципов, систем или концептов является не только допустимым, но и необходимым. Без мыслительного эксперимента историко-философское исследование не

сможет предложить эмпирическому познанию гипотезы, методологические установки и программы, вне которых оно никогда не осуществляется.

Другим основанием для отрицания мыслительного эксперимента является проблема нравственной допустимости теоретического конструирования по отношению к мыслителям прошлого. Возникает вопрос: будет ли моральным представлять идеи классиков философской мысли в совершенно ином виде, нежели они представлялись им самим. На этот вопрос следует ответить утвердительно, поскольку главным для историка философии следует признать выявление скрытых закономерностей в развитии творчества конкретного философа или истории философской мысли в целом. Кроме того, личные представления мыслителя о характере своих идей часто не совпадают с тем местом, которое они впоследствии занимают в истории. Историко-философский эксперимент как раз и направлен на обнаружение такого места.

Если же говорить о нравственной допустимости проведения историко-философского эксперимента относительно творчества Платона, то здесь ответ тоже будет утвердительным, поскольку сам Платон должен быть признан первым, кто осуществил подобного рода опыт. Так, изображение Сократа в платоновских произведениях далеко от оригинала, при этом не следует списывать идеализацию образа афинского мыслителя на художественный характер диалогов. Платон прекрасно понимал, что читатели будут воспринимать его литературный персонаж в качестве исторического лица. Более того, автор рассчитывал именно на это, но заподозрить его в простом обмане было бы несправедливо. Действительно, целью Платона является научить читателя воспринимать идеальное, призвать его к добродетельной жизни и общественному поведению, и для этого он использует события недавнего прошлого, обладающие исторической и нравственной значимостью. Таким образом, платоновский Сократ – это результат проведения историко-философского эксперимента с целью решения теоретических и практических задач.

Теперь, когда применение мыслительного эксперимента в историко-философском исследовании можно считать обоснованным и с моральной стороны оправданным, необходимо более подробно рассмотреть понятие философского жанра.

Понятие «философские жанры» вне историко-философского конструирования выглядит как нонсенс. И действительно существуют формы построения речи – проза, поэзия, диалог и т. д., которые безразличны к своему содержанию. Последнее может быть философским, научным, религиозным, художественным, сам же жанр от этого философским, научным или религиозным не становится.

В противоположность этому в рамках историко-философского конструирования понятие философского жанра имеет право на существование. В первую очередь, это связано с *речевым характером греческой культуры*. Для греков речь обладала явным приоритетом над письмом. Поэтому первоначально философское мышление облекалось в различные речевые

формы: поучения, лекции, диспута, диалектической игры, поэтической декламации. Следствием речевого характера античной культуры явилось возникновение таких экзотических с современной точки зрения литературных форм, как философский эпос и философский диалог.

В своих лекциях «Античный философский эпос» З. А. Покровская дает следующее объяснение данному феномену: «Что это за вид поэзии философский эпос, причуда древних или закономерное явление античности? Как мы должны расценить этот необычный с современной точки зрения жанр? Постараемся разобраться во всем этом.

Человеку нового времени представляется само собой разумеющимся фактом, что философские истины излагаются строгим прозаическим языком, а между тем в древности все обстояло иначе: сама философия мыслила образами и эти образные мысли передавались в стихотворной форме. Если мы обратимся мысленным взором к рубежу VII – VI вв., то увидим удивительную для нас картину: почти все стороны духовной жизни общества находили выражение не в прозе, а в поэзии. Дело в том, что вся античная культура была ориентирована на устное восприятие, что обеспечивало ей широкое распространение в обществе; в последнее время ученые античники все больше приходят к этой мысли» [16, с. 3].

Под «учеными античниками» З. А. Покровская имеет ввиду таких специалистов, как М. Л. Гаспаров и С. Л. Утченко, считаем необходимым добавить к ним М. М. Бахтина, Ф. Ф. Зелинского и В. Минто. В частности последний, разясняя происхождение диалектического метода, говорит об игре в вопросы и ответы как непосредственной причине его возникновения [13, 7 – 8]. То же можно сказать и о философском диалоге, который первоначально представлял собой воспоминания учеников Сократа о беседах своего учителя. И наконец, философская проза, которую в силу скудности литературного материала традиционно обозначают именно так, без сомнения возникла как запись устной традиции философских школ.

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что, во-первых, в рамках историко-философского моделирования термин «философские жанры» является допустимым, а во-вторых – он играет роль связующего звена между речевыми жанрами и литературными формами.

Творчество Платона представляет собой яркую иллюстрацию перетекания речевых жанров в литературные, которое осуществляется в процессе поиска ответа на важнейшие теоретические и мировоззренческие вопросы. Наиболее ярко взаимодействие речевых и литературных средств выражения с философским содержанием отразила в своей статье Т. В. Васильева: «Платон – мастер, расчетливый мастер, вырабатывающий новые приемы словесного искусства, отвечающие его концепции мира истины и мира мнения, правдивого и неправдивого искусства, воспитания, вдохновения, иронии и энтузиазма. Заключительный эпизод «Федра», который в тюбингенской интерпретации свидетельствует об отказе Платона от

письменного выражения своей философии, на самом деле лишь фиксирует трудности, с которыми сталкивается философское умозрение при попытке дать словесное выражение тому, что уже за пределами языка; требуется незаурядное диалектическое искусство, чтобы умелым ведением беседы через вопросы и ответы максимально оградить высказываемую мысль от превратного или недостаточного понимания; в этом письменный текст должен сколь это возможно следовать устному диалогу: вопросы и ответы, притчи и аналогии, имитация живых характеров, воспроизведение чужих недоумений и возражений, – все это не прикрасы, не терапевтический прием подслащивания горького лекарства, как это предлагал Лукреций, это реальный платоновский «органон», средства адекватного выражения мысли, способы быть адекватно понятым» [3, с. 415].

Из вышеприведенного фрагмента следует, что до своей письменной фиксации, т. е. до своего превращения в литературные формы речевые жанры представляли собой вполне сложившееся средство установления и доказательства истины. Тем самым философские жанры в отличие от собственно литературных жанров имели своей изначальной целью достижение некоей умозрительной очевидности. Но если литературные формы фиксации философского содержания напрямую зависели от речевых, то речевые жанры, в свою очередь, были связаны с различными религиозными практиками. Но прежде чем вскрыть религиозные основания философских жанров, необходимо подчеркнуть их моделируемый характер.

В своей полемике с тартускими структуралистами А. Ф. Лосев, раскрывая различные способы понимания моделирующего характера художественного произведения, отмечал: «Ввиду огромного семантического разнообразия термин «модель» действительно может употребляться каждым исследователем так, как ему захочется. Однако мы, по крайней мере, должны пытаться вводить здесь по возможности ясность здравого смысла. Представляется, что если действительность является моделью для художественного произведения, а художественное произведение есть та или иная, пусть даже самая совершенная ее копия, то назвать художественное произведение и вообще какую бы то ни было систему знаков чем-то моделирующим уже никак нельзя. Если что-то и является здесь моделирующим, то это только сама отраженная в искусстве действительность; искусство, поскольку оно ее отражает, не может быть моделирующим, а только моделируемым. Точно также и система знаков того или иного предмета тоже никак не может быть моделирующей, а только моделируемой; если что здесь и моделирует, т. е. является моделирующим, то это только сам предмет искусства, сама действительность, так или иначе отраженная в искусстве или в системе знаков...

Если произведение искусства всерьез само себя моделирует и является моделирующим, отпадает всякая нужда в исследовании того, моделью чего же, собственно, является искусство. Если ни о какой модели художественного произведения вне художест-

венного произведения нет речи, а подлинной моделью для него является оно само, то это значит, что никакой действительности как образца не требуется, в частности, не требуется для анализа и понимания художественного произведения. Нам предлагают само же художественное произведение рассматривать в качестве той подлинной и, по-видимому, вполне самодовлеющей действительности, на которую ориентируется художник и которую изучает теоретик и историк как литературы, так и всякого другого искусства... Или действительность всерьез и на самом деле является тем, что отражено в искусстве, т. е. является для него подлинным или, по крайней мере, последним образцом, – тогда нельзя говорить о моделирующих функциях искусства, а только о моделируемых, отражаемых, изображаемых, выражаемых, подражательных. Или искусство само моделирует действительность, и мы получаем возможность говорить о моделирующих системах знаков, но тогда действительность вне творческой действительности искусства нас несколько не интересует, а единственной изучаемой нами действительностью оказывается художественное творчество, т. е. мы впадаем в объятия безвыходного формализма и субъективизма» [11, с. 221 – 223].

Проблема моделирования в искусстве, раскрытая Лосевым в своей сущности, в рамках предлагаемой статьи решается не в общетеоретическом, а в сугубо историко-философском срезе. Возникнув из недр религиозно-мифологического сознания, философские жанры представляли собой средство самостоятельного постижения человеком мира и смысла своего существования в нем. Если раньше ответы на эти вопросы содержались в мифах и религиозных ритуалах, то теперь они должны быть обнаружены с помощью собственного разума, который, в свою очередь, открывал путь к постижению индивидом умозрительной реальности. Само понятие умозрительной реальности, к которому следует отнести, помимо учения об идеях, платоновские мифы о загробном мире, а также пифагорейскую концепцию числа, натурфилософские представления о первоэлементах и т. д., было напрямую связано с мифологическим разделением действительности на мир мертвых и мир живых. Поэтому философские, также как и культовые практики – пророчество, гадание, толкование предсказаний, – пытались изобразить сверхчувственный мир. Но если в религии и мифе таким образцовым, моделирующим миром является духовная, спиритуальная реальность, то в философии в этой роли выступило интеллигибельное пространство.

Если признать философию интеллектуальным искусством, то следует перенести вышеприведенное лосевское понимание художественного творчества как моделирования действительности на характер грече-

ского философствования. Вместе с тем это не означает признания подчиненного содержанию положения художественных средств в греческой философии и зависимости самой философии только от логики развития теоретического мышления. Напротив, мышление здесь не рассматривается в качестве обладающего способностью порождать действительность, это произойдет значительно позже, в эпоху Нового времени.

В греческой же культуре мышление отражает, моделирует, изображает действительность, которая носит умозрительный характер, обладает изначальной эстетической значимостью (замысел космоса совершенен) и фиксируется с помощью символических средств, тяготеющих к изживанию образности (замена символов категориями у Платона) и к постепенной формализации (диалектика единого и многого в «Пармениде» [15, т. 2, с. 358 – 412], математизированное естествознание в «Тимее» [15, т. 3, с. 457 – 466 и др.]). Поэтому развитие античной мысли в доаристотелевскую эпоху – это подбор адекватных средств отражения реальности, служившей образцом для всех форм искусства и культуры. Отсюда следует, что в качестве подлинного субъекта развития греческой философии нужно признать не ту или иную идею, а философские жанры как художественно-интеллектуальные формы выражения действительности.

Завершая краткое методологическое обоснование возможности применения историко-философского эксперимента к античной мысли, нельзя не коснуться вопроса о причинах слитности теоретического и эстетического моментов в греческой философии. На наш взгляд, она объясняется связью философского мышления с мифологическим сознанием. Самоочевидность сверхъестественного с развитием теоретического знания начинала постепенно исчезать, что потребовало замены прежних неотрефлексированных религиозных представлений новыми религиозно-философскими взглядами, которые могли бы выдержать проверку со стороны критического мышления.

Итак, на основе рассмотренного материала мы приходим к следующим выводам. Во-первых, мыслительные эксперименты проводились на протяжении практически всего существования истории философии: от первых натурфилософских школ античности до современности. Во-вторых, целью мыслительных экспериментов являлось решение как мировоззренческих, так и познавательных задач. И в-третьих, проведение данных экспериментов позволяет признать философию интеллектуальным искусством, познающим сущность явлений окружающей человека действительности.

Литература

1. Бэкон, Р. Об опытной науке / Р. Бэкон // Избранное. – М.: Издательство Францисканцев, 2005. – Т. IV. – (Францисканское наследие).
2. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук / Ф. Бэкон // Сочинения: в 2 т. / сост., общая ред. и вст. статья А. Л. Субботина. – М.: Мысль, 1971. – Т. 1. – (Философское наследие).

3. Васильева, Т. В. Платоновский вопрос сегодня и завтра / Т. В. Васильева // Поэтика античной философии / Т. В. Васильева. – М.: Академический Проект: Трикта, 2008. – (Философские технологии: история философии).
4. Витгенштейн, Л. Философские исследования (1953) / Л. Витгенштейн // Философские работы: в 2 ч. Ч. I / Л. Витгенштейн; сост., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой; [пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева]. – М.: Гнозис, 1994. – (Феноменология. Герменевтика. Философия языка).
5. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. Кн. 3 / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1994. – 583 с. – (Слово о сущем).
6. Гиргинов, Г. Наука и творчество / Г. Гиргинов; пер. с болгарского О. И. Попова.; послесл. чл.-кор. АН СССР А. Г. Спиркина. – М.: Прогресс, 1979. – 367 с. – (Общественные науки за рубежом. Философия и социология).
7. Декарт, Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т.: [пер. с лат. и фр.] / сост., ред. и примеч. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – (Философское наследие).
8. Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т.: [пер. с лат. и франц.] / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1 – (Философское наследие).
9. Жильсон, Э. Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века: [пер. с фр.] / Э. Жильсон; общ. ред., послесл. и примеч. С. С. Неретиной. – М.: Республика, 2004. – 678 с.
10. Кондильяк, Э. Б. Трактат об ощущениях / Э. Б. Кондильяк // Сочинения: в 3 т.: [пер. с франц.] / общ. ред. и примеч. В. М. Богуславского. – М.: Мысль, 1982. – Т. 2. – (Философское наследие).
11. Лосев, А. Ф. Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа / А. Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1982.
12. Лукреций, Кар. О природе вещей / Кар Лукреций; [пер. с лат. размером подлинника И. Рачинский]. – М.: Скорпион, МСМIV. – 232 с.
13. Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – Минск: Харвест, 2002. – 352 с.
14. Патнем, Х. Разум, истина и история / Х. Патнем; пер. с англ. Т. А. Дмитриева, М. В. Лебедева. – М.: Практика, 2002. – 296 с.
15. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон; [пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи и др.]. – М.: Мысль, 1990 – 1994. – Т. 4 – (Философское наследие).
16. Покровская, З. А. Античный философский эпос: лекции по спецкурсу / З. А. Покровская. – М.: МГУ, 1979. – 96 с.
17. Сёрл, Д. Сознание, мозг и программы / Д. Сёрл // Аналитическая философия: становление и развитие (антология): [пер. с англ., нем.] / общ. ред. и составл. А. Ф. Грязнова. – М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998.
18. Сёрл, Д. Открывая сознание заново / Д. Сёрл; пер. с англ. А. Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
19. Сёрл, Д. Сознание, мозг и наука / Д. Сёрл // Путь. Международный философский журнал. – 1993. – № 4.
20. Философия науки: учеб. пособ. для вузов / под ред. С. А. Лебедева. – 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2007. – 731 с.
21. Фрагменты ранних греческих философов: в 3 ч. / изд. подгот. А. В. Лебедев; отв. ред. и авт. вступ. ст. И. Д. Рожанский. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – 576 с. – (Памятники философской мысли).
22. Штёкль, А. История средневековой философии: пер. с нем / А. Штёкль– СПб.: Алетейя, 1996. – 320 с. – Репринтное издание.
23. Яковенко, Б. В. Что такое философия? (Введение в трансцендентализм) / Б. В. Яковенко // Мощь философии. – СПб.: Наука, 2000.
24. Rawls, J. Distributive Justice / J. Rawls // Philosophy, Politics and Society / Laslett P., Runciman W. G. (eds.). – Third Series. – L.; N.Y., 1967.

Информация об авторах:

Просветов Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, 8 (928) 4402635, Prosvetov-philos@mail.ru.
Sergey Yu. Prosvetov – Candidate of Philosophy, Assistant professor at the department of Philosophy, Kuban State University.

Самойлов Сергей Федорович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, 8(918)366-00-10, samojlov75@mail.ru.

Sergey F. Samoylov – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.

УДК 101.1

**ГЕНЕЗИС АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ:
АНТРОПОГЕННЫЙ, СОЦИОГЕННЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ**
С. Ю. Просветов

**GENESIS OF ANCIENT PHILOSOPHY:
ANTHROPOGENIC, SOCIOGENIC AND CIVILIZATION APPROACHES**
S. Yu. Prosvetov

Статья посвящена раскрытию понятия историко-философского эксперимента на примере рассмотрения генезиса античной философии. В работе выявлены позитивные и негативные моменты антропогенной, социогенной и цивилизационной интерпретаций возникновения и развития древнегреческой философии. Эти концепции признают ее теоретической основой для дальнейшего развития мировой культуры и философии.

The article is dedicated to the exposition of the notion of historico-philosophic experiment applied the genesis of ancient philosophy as an example. The article studies the positive and negative moments of the anthropogenic, sociogenic and civilization interpretations of the origin and development of ancient Greek philosophy. These conceptions are acknowledged to be the theoretical basis of the further development of the world culture and philosophy.

Ключевые слова: методология, историко-философский эксперимент, античная философия, антропогенная концепция, социогенный подход, цивилизационный аспект, культура.

Keywords: methodology, historico-philosophical experiment, ancient philosophy, anthropogenic conception, sociogenic way, civilization aspect, culture.

На протяжении веков возникновение и развитие философии рассматривалось с различных точек зрения. Как правило, это производилось по определенным методикам, с помощью которых каждый исследователь находил свою интерпретацию историко-философского процесса.

Применение того или иного метода или целой методологической программы исследования предполагает наличие определенных предпосылок. Одной из них следует признать соответствие метода исследуемому предмету. Конечно же, речь не идет о полном совпадении характеров познавательных средств и познаваемых предметов, поскольку невозможно исчерпывающее умозрительное и теоретическое постижение чувственно-наглядного мира. Таким образом, соотношение между предметом и методом должно отображать как черты сходства, так и их различия.

Применение экспериментального метода в качестве средства рассмотрения историко-философских предметов может вызвать ряд возражений в силу явных различий между ними. Так, наблюдение предполагает рассмотрение предмета в искусственных условиях, тогда как исторические события и события духовной жизни неотделимы от конкретных условий их протекания. Поэтому наиболее адекватным средством постижения исторических феноменов в целом и историко-философских предметов в частности признается описание, стремящееся отразить события такими, какими они являлись в свое время. Однако при более детальном рассмотрении историко-философ-

ского наблюдения оказывается, что предлагаемые им описания предметности являются объективными с достаточной степенью условности. Например, подтверждение или отрицание объективности одного описания возможно только при его сопоставлении с другим описанием, которое также нуждается в проверке. Поэтому историко-философское наблюдение зависит не только от характера исследуемого предмета, но и от выбранной исследователем установки. Из этого следует, что предмет описания вместе с установками своего развития в определенной степени превосхищается исследователем, а, следовательно, извлекается из естественных условий. Например, в марксизме рассмотрение философских учений невозможно вне контекста классовой борьбы [14, с. 7], в абсолютном идеализме Гегеля – вне логики развития Абсолютного Духа [3, с. 70, 73, 84 и др.], в цивилизационном подходе – вне закономерностей развития цивилизаций [5, с. 85] и т. д. На основании данного обстоятельства можно сделать вывод, что любое описание содержит в себе элементы экспериментирования над историко-философским материалом, сам же материал вне какой-либо установки и теоретической модели вообще не рассматривается.

Допустимость историко-философского эксперимента не означает возможности его применения к любого рода предметам. Также как и любое другое средство познания, историко-философский эксперимент в одних случаях может давать ощутимые результаты, а в других – нет. Например, осуществлять мыслитель-

ный эксперимент над предметом, еще не получившим всестороннего рассмотрения со стороны эмпирических, теоретических, метатеоретических методов не представляется целесообразным, поскольку выявление скрытых сторон предмета будет более эффективным, если его образ уже обладает для историко-философского сознания определенной устойчивостью. Только в этом случае представляется необходимым отказ от естественной установки познания.

Одним из наиболее перспективных предметов применения метода историко-философского эксперимента следует признать проблему генезиса античной философии, поскольку она получила всестороннюю разработку в целом ряде философских школ и направлений. Итогом такого рода разработок явилось создание нескольких интерпретаций генезиса античной философии. Но прежде чем приступить к их непосредственному рассмотрению, необходимо определить само понятие «генезиса». Очень часто это понятие рассматривается в узком значении как происхождение. Однако в большинстве историко-философских концепций генезиса данное понятие предстает в расширенной трактовке «как момент зарождения, возникновения, так и процесс развития какого-либо качественно определенного предмета, явления... Как становление нового качества генезис осуществляется на базе определенных предпосылок, созданных предшествующим развитием, и представляет собой процесс ассимиляции и преобразования известных предпосылок в новую целостность, новую систему взаимодействия» [4, с. 347]. Такое расширенное понимание генезиса приводит к тому, что историко-философские концепции, рассматривая процесс становления античной философии, нацелены не только на установление непосредственных причин ее возникновения, но и стремятся раскрыть логику ее развития. Отсюда можно сделать вывод, что вопрос о генезисе античной философии есть одновременно вопрос о ее сущности.

Наиболее разработанными концепциями возникновения и развития античной философии следует признать антропогенную, социогенную, цивилизационную и другие. В каждой из перечисленных концепций определяется причина так называемого «греческого чуда», устанавливается место философской мысли в духовном космосе античной культуры и демонстрируются основные закономерности ее функционирования. Благодаря этому становится возможным взглянуть на одни и те же процессы и явления с различных точек зрения, что способствует, с одной стороны, углублению представления об античной культуре и философии, а с другой – обнаружению нового сущностного определения данных явлений. Кратко рассмотрим указанные подходы с целью обнаружения в них предметологических предпосылок применения метода историко-философского эксперимента.

Исходным пунктом антропогенной концепции возникновения и развития античной культуры и философии следует признать понимание человека в качестве неизменного природного существа, обладающего врожденными характеристиками идеального,

духовного, материального и практического порядка. Основным признаком антропогенного подхода служит представление о человеке как о самотождественном существе, природа которого остается одной и той же в различные исторические эпохи и в различных социокультурных средах. Вместе с тем подчеркивается, что далеко не каждая историческая эпоха и социокультурная среда способны выразить сущность человека.

Для антропогенного подхода античная культура имеет принципиальное значение, поскольку данная цивилизация рассматривается в качестве первой адекватной формы выражения сущности человека в социально-политической и социокультурной жизни. В свою очередь сущность человека чаще всего определяется как свобода, которая, пронизывая все формы духовной жизни, служит причиной отличия античной культуры от других цивилизаций древности. Свобода в различных направлениях антропогенного подхода может пониматься по-разному, но важнейшим ее проявлением признается независимая от религиозных и политических авторитетов критически настроенная мысль.

С точки зрения одного из наиболее известных представителей антропогенного подхода К. Р. Поппера, свобода как сущность человеческого существования проявилась в двух важнейших феноменах греческой жизни – полисной демократии и теоретической науке. Отечественный исследователь И. З. Шишков определяет логику реализации принципа свободы в античной философии и науке следующим образом: «Среди всего того нового, что принесла греческая цивилизация человечеству, важнейшей является, по мнению Поппера, «идея критики»... Само собой разумеется, что для Поппера догматическое мышление первобытного человека является пранаучным (ненаучным). Новая – критическая – установка, идущая на смену догматической, создает новую – критическую – традицию, новые институты (для критики) и ведет к созданию новых форм социальной организации. Победа греческой революции рождает «два любимых дитя Поппера» (Х. Шпиннер) – критико-рациональную науку и открытое общество... Данное локальное греческое событие, имеющее всемирно-историческое значение, по сути, затрагивает обширный процесс культурно-исторического развития, который представляет собой принципиально качественный прогресс на пути от первобытной примитивности прадогматизма к рациональности и научности. Фактически попперовская концепция прогресса сводится к формуле: «от закрытости к открытости», «от догматизма к критицизму», «от иррациональной магии к рациональной философии», «от пракритического мифа к критической науке»» [12, с. 17].

Основным аргументом в пользу признания стремления к свободе в качестве главной движущей силы развития античной культуры и философии служит тот факт, что сами греки признавали социально-политическую и духовную свободу одной из основных черт, отличающих эллинов от варварства. Не менее очевидным является и отсутствие какого-либо

диктата на философскую мысль со стороны религии, которое также свидетельствует о важной социальной и теоретической роли, выполняемой принципом свободы в греческом мире. Однако, рассмотрение свободы в качестве формообразующего принципа греческой культуры и философии встречает ряд возражений. Несмотря на высокую степень политической и духовной свободы, греческая культура и философия осознавали ее негативные последствия и потому не возводили в абсолют. Например, в области политики и социальной жизни демократия как высшее достижение свободы рассматривалась наиболее выдающимися умами античности – Платоном и Аристотелем – негативно. У Платона демократия – это ступень, предшествующая установлению тирании [9, с. 350], у Аристотеля это отклонение от правильной формы (политии) государственного устройства [2, с. 456 – 457]. Подобное сдержанное отношение к свободе сохраняется античными авторами и в оценке степени плодотворности данного принципа в области познания. Примером данного утверждения является жесткая критика софистики как воплощения интеллектуального анархизма. Главным же возражением против рассмотрения свободы в качестве определяющего принципа развития античной культуры следует признать боязнь греческого духа перед хаосом в целом и различными проявлениями хаотического в природном и социальном мире, поскольку духовная и социально-политическая свобода, возведенная в абсолют, причислялась греками к такого рода явлениям.

Что касается признания борьбы между критицизмом и догматизмом в качестве основного принципа развития античной философии, то эта борьба, с одной стороны, является логическим продолжением абсолютизации принципа свободы, а с другой – не в полной мере отражает реалии генезиса греческой философской мысли. Так, первые формы античной философии носят ярко выраженный догматический характер. Например, ионийские и италийские натурфилософы высказывают истину с той же однозначностью и непреклонностью, что и аэды, и мудрецы. Критичность первых форм философствования проявляется только в связи с их противоположностью обыденному и мифологическому сознанию, в самой же себе философия является догматичной. В связи с этим критический способ философствования, представленный учениями Сократа, софистов и скептиков выглядит как реакция на абсолютизацию определенной крайности мышления, нежели как равнозначный догматизму образ мысли. И действительно, догматизм, несомненно, является магистральной линией развития античной философии, о чем свидетельствует тот факт, что величайшие мыслители древности (Демокрит, Платон, Аристотель и Плотин) были догматиками.

В противоположность антропогенному социогенный подход полагает, что причины возникновения и закономерности развития греческой философии следует искать в социальной структуре античного общества. В самом общем виде логику обоснования социогенного подхода можно представить следующим образом. Развитие различных цивилизаций и содержание их духовной культуры определяется социаль-

но-экономическими отношениями, господствующими в них. Поэтому причины возникновения и закономерности развития античной философии следует искать в укладе социально-экономической жизни древнегреческого общества, то есть в рабовладельческой формации. Рассматривая античную философию, социогенный подход основную причину ее возникновения видит в наличии определенных социальных предпосылок в греческом обществе. Главной из них признавалось существование класса рабовладельцев, свободного от непосредственной вовлеченности в процесс производства благодаря труду рабов, и потому обладающего досугом. В свою очередь, наличие досуга позволило высшим классам греческого общества сформировать высокоразвитую духовную культуру, но констатация социально-экономических предпосылок возникновения античной философии для объяснения ее характера представляется явно недостаточной.

Этот недостаток вполне осознается сторонниками социогенного подхода. В частности один из них – А. Ф. Лосев – закономерную связь между рабовладельческим укладом социально-экономической жизни и созерцательным восприятием мира, характерным для древнегреческой культуры и философии, выразил следующими словами: «Таким образом, производственно-техническая обработка вещей, которая специфична для античной рабовладельческой культуры и носителем которой является господин, сводится, по просту говоря, к стихийно-естественному возникновению вещей одной из другой... Теперь мы можем сформулировать то, что можно было бы назвать самым простым и очевидным надстроечным результатом античной рабовладельческой формации. Античное мировоззрение, античный гений, античная культура – все это разворачивается не только по принципу вещиизма и телесности, не только по принципу исключительно производственно-технической обработки вещей, но эта последняя оказывается лишь абсолютизированием естественно-необходимого течения вещей в их совершенно непосредственной данности и в максимально возможной для них производительности. Теперь можно конкретно указать на предмет античной эстетики. Это – материальное, вещественное и стихийное бытие, организованное в своей полной непосредственности и оформленное в меру своих чисто физических возможностей... Казалось бы, что представления о таком материально-чувственном и живом космосе имеют мало общего с развитием производительных сил и производственных отношений античного общества... И тем не менее, если правильно применять марксистский социально-исторический метод, то следует признать, что только рабовладельческий способ производства и мог заставить людей представлять себе абсолют в виде именно такого космоса, что только рабовладение и сделало понятным для человека именно такого рода абсолют и что только оно и могло заставить человека любоваться именно на такого рода красоту. Конечно, раскрывая античный космос, совершенно не обязательно анализировать античную экономику. Но при этом следует помнить, что самый способ конструиро-

вания этого космоса заимствовался в античности из рабовладельческой экономики» [6, с. 45 – 46].

Объяснение логики развития греческой философии в социогенном подходе также осуществляется путем обращения к социально-экономическим особенностям античной рабовладельческой формации. Так, расцвет философской мысли с точки зрения данного подхода совпадает с расцветом полисного строя и рабовладельческой демократии, поскольку он позволяет представителям высших классов реализовать себя в социальной и духовной жизни. Благоприятные социальные условия определили характер греческой философии классического периода, которая своей конечной целью имела преобразование социально-политической жизни. И напротив, закат античной философии был обусловлен упадком полисного строя, невозможность решения городами-государствами экономических и социально-политических проблем привела античный мир к переходу от республиканской формы правления к деспотизму и плантационному рабовладению. Данное обстоятельство оказало прямое воздействие на характер философской мысли, которая, не видя перспектив познания природы и преобразования общества, сконцентрировалась на поиске путей умиротворения души. В свою очередь, отказ от познания реального социально-природного мира привел философское мышление к зависимости от религиозных и мистических идей. Таким образом, тезис об обусловленности духовной культуры социально-экономическими отношениями получает подтверждение со стороны историко-философского конструирования, опирающегося на конкретный эмпирический материал.

К числу наиболее сильных сторон социогенного подхода следует отнести то обстоятельство, что факт социальной обусловленности философской мысли прямо или косвенно признавали многие представители античной философии. Так, Аристотель полагал, что философия является достоянием свободных людей и что для занятия ею требуется досуг [1, с. 69]. Помимо Аристотеля, элитарную природу философии отстаивали пифагорейцы, Гераклит, Сократ, Платон и др. Но, пожалуй, главным аргументом в пользу данной концепции служит то обстоятельство, что философия, хотя и носит глубоко личностный характер, возможна только как форма общественного сознания. Отсюда следует, что установление причин возникновения и закономерностей развития философского знания в целом и его отдельных исторических форм в частности невозможно вне раскрытия социальных условий его существования. Поэтому признание рабовладения в качестве причины, обусловившей генезис и характер античной философии, является необходимым.

Как и любая другая концепция, социогенный подход имеет свои ограничения. В первую очередь, к ним следует отнести редукцию всего многообразия социокультурных условий возникновения античной философии только к социальным отношениям. Более того, сами социальные отношения предстают в данном подходе сведенными к отношениям между рабом и рабовладельцем, что, мягко говоря, не совсем отража-

ет социально-экономические реалии классического полиса, в котором сформировались важнейшие идеи античной философии.

Например, в греческих полисах не существовало крупного плантационного рабовладения, в мастерских рабы трудились вместе со свободными, часто домашние рабы выступали в качестве членов семьи своих господ. Но даже если согласиться с тезисом о существенной роли рабовладения в греческом полисе, то из него не следует необходимость возникновения философии. Так, древнекитайская и древнеиндийская культуры смогли создать собственные формы философии, хотя уклад их социально-экономической жизни исключал массовое применение рабов. И наконец, нужно учитывать, что социальная и идеологическая функции философии не являются определяющими для ее характера. Философия могла возникнуть в Греции под влиянием социально-экономических причин, но логика ее развития не может быть сведена к идеологическому обоснованию существования рабовладельческого общества, поскольку она, в первую очередь, определяется собственными познавательными задачами.

По своему характеру цивилизационный подход к объяснению возникновения и развития античной философии близок к социогенному. Во многом он представляет собой его логическое продолжение, поскольку детализирует социально-культурную и социально-экономическую базу, опираясь на которую сформировалась и функционировала античная философия. Для представителей цивилизационного подхода характерно понимание цивилизации в качестве саморазвивающейся и постоянно усложняющейся системы взаимодействия человека и природы, в процессе которого возникает так называемая «вторая природа», представляющая собой совокупность материальных, духовных и искусственных предметов, а также средств их производства. Философия представляет собой достаточно поздний продукт развития цивилизации, связанный с необходимостью формирования идеалов, ценностей, норм и требований, которым подчиняется жизнь и мировоззрение людей той или иной культуры. Но помимо философии, мировоззренческую, идеологическую и ценностно-нормативную функции могут выполнять и другие формы духовной жизни – мифология, религия, политическая идеология. Поэтому далеко не в каждой цивилизации возникает потребность в формировании философского знания, но только в тех, которые ставят перед собой цель воспитать в той или иной мере свободно мыслящую и действующую личность.

С точки зрения представителей цивилизационного подхода греческая культура с первых шагов испытывала потребность в индивиде, способном подвергать критической оценке имеющиеся социально-экономические и социально-культурные отношения. Благодаря этому он мог принимать нестандартные решения на различного рода вызовы, исходящие от природы, других цивилизаций и изменений в обществе, политике, экономике и культуре. По мнению Н. В. Мотрошиловой, весь уклад жизни ранней античной цивилизации предполагал возникновение рефлети-

рующего мышления, а следовательно, и философии. В своей книге «Рождение и развитие философских идей» она подчеркивает: «В историю цивилизации и культуры человечества прочно вошли и приобрели нарицательно-символический смысл некоторые слова-понятия, с помощью которых древние греки обозначали основные сферы («топосы») своей социокультурной деятельности и скрепляющие ее высокие ценности. Имеет смысл... воспроизвести в памяти обозначаемые ими реалии, что не будет для нас самоцелью, а лишь способом проникнуть к самым фундаментальным цивилизационно-культурным основаниям – или корням, или истокам – древнегреческой философии. Эти понятия – полис (город-государство), лимен (гавань вместе с портом), комы (деревни) и нижний город, агора (рыночная площадь) с экклезией (народным собранием), акрополь (верхний город), логос (слово, беседа, закон), этос (обычай, поведение) – да послужат нам направляющими логиями... к историческим жизненным истокам древнегреческого философствования...» [8, с. 39 – 40].

Если попытаться выразить логику развития античной философии с точки зрения цивилизационного подхода, то ее можно представить следующим образом. Философия есть не что иное, как самосознание античной цивилизации. При этом самосознание может пониматься достаточно широко: от восприятия действительности через призму определенных мировоззренческих установок до рефлексии познающего сознания над условиями существования природно-социального мира, к которому оно принадлежит. Первая точка зрения ярче всего представлена в творчестве О. Шпенглера [13, т. 1, с. 124], вторая – в знаменитом труде А. Дж. Тойнби «Постижение истории» [10, с. 91 – 94, 132 – 140].

С точки зрения О. Шпенглера, античная цивилизация действует в рамках восприятия идеальных, физических, психических и иных явлений в качестве завершенного и гармоничного тела. Эта своеобразная интуиция греческого духа пронизывает всю рациональную сферу античной культуры, включая в себя философию и науку. Вся история философии есть не что иное, как углубление и детализация данной интуиции. Таким образом, при кажущейся динамике античной философии она в сущности остается самодостаточной и статичной. Критикуя статичное понимание античной философии, вытекающее из идеи замкнутости цивилизаций, А. Ф. Лосев в своих «Очерках античного символизма и мифологии» подчеркивает: «...необходимо отдавать себе отчет в существовании метода, применяемого Шпенглером в анализе всемирной истории и ее отдельных эпох. Это – метод, который он сам называет физиогномическим... И сам Шпенглер настолько увлечен и пленен... физиогномикой, настолько ярко чувствует он своеобразие и индивидуальную несводимость лика каждой культуры, что он не стесняется утверждать прямо абсолютную разорванность всемирно-исторической культуры человечества..., полную непередаваемость ее на язык всякой другой культуры. Это учение можно объяснить только слишком тонко развитым чувством своеобразия каждой культуры. Эта яркость восприятия

отдельных культур помешала Шпенглеру представить ряд человеческих культур как нечто целое, как жизнь единого всечеловеческого организма. Эти же самые свойства построений Шпенглера помешали ему также и дать диалектику как всемирной истории, так и каждой культуры в отдельности» [7, с. 63 – 64].

В учении Шпенглера философия находится в прямой зависимости от этапов развития культуры. Так, философия возникает на второй, метафизико-религиозной стадии существования античной цивилизации. При этом содержание философских учений носит отпечаток героического духа и нацеливает человека на постижение мира и преобразование общества. На цивилизационной стадии развития, для которой характерно господство технократизма и этатизма, философское знание теряет интерес к рассмотрению природы и участию в социальной жизни и стремится обрести средства самопознания и умиротворения души. В завершении развития античной цивилизации философия трансформируется в религиозно-мистическую доктрину [13, т. 1, с. 537 – 549, 553 – 557, 176 – 182, 602 – 604; т. 2, с. 324 – 325].

В концепции А. Дж. Тойнби развитие философии, также как и цивилизации в целом, подчинено определенному ритму, но не имеет однозначно предопределенного характера, как и у Шпенглера. Философия, согласно Тойнби, (аналогично интерпретации Шпенглера) принадлежит к достаточно позднему периоду развития цивилизации, к ее расцвету. Творцами философского знания являются представители «интеллектуальной элиты», рефлексирующей над проблемами, с которыми сталкиваются цивилизации [10, с. 262 – 270]. Эти проблемы Тойнби называет «вызовами», «ответы» на них могут быть различными. По этой причине эмоциональное и идейное содержание философского знания может быть ориентировано на противоположные ценности и в связи с этим позволяет полагать возможность реализации социального идеала в различные моменты времени. Так, античная философия знает большое число учений, ориентированных на прошлое и идеализирующих традиционные формы социально-политической жизни. Данный вариант ответа на социальный вызов содержится в учениях Гераклита и позднего Платона, в которых прослеживается тенденция к архаизму. Напротив, тенденция к футуризму присутствует у зрелого Платона и киников, что свидетельствует об идеализации будущего [10, с. 275 – 277]. Кроме того, античная философия знает примеры решения социальных проблем, стоящих перед цивилизацией, исходя из имеющихся у нее в настоящий момент возможностей, таковы учения софистов и Аристотеля. В целом можно сказать, что концепция возникновения и развития античной философии у Тойнби представляет собой сочетание рефлексии и логики развития греческой культуры с непосредственной реакцией на проблемы, возникающие перед ней. Данная двойственность позволяет философскому творчеству сохранять определенную степень свободы. Несмотря на то, что философ определен в своем творчестве ритмами культурно-исторического процесса (возникновением, ростом, расцветом, надломом, гибелью), он обладает возможностью

как следовать духу своей эпохи, так и преодолевать его. Но при этом мышление античного философа сохраняет ряд черт, свойственных только современной ему цивилизации. Таким образом, свобода мысли является ограниченной культурными рамками.

В целом цивилизационный подход к объяснению генезиса античной философии следует признать достаточно гибким и способным преодолевать свои недостатки. Так, идея изолированных цивилизаций преодолевается Мотрошиловой путем указания на то, что философия в целом и античная философия в частности способствуют формированию общечеловеческой цивилизации. Как уже было сказано выше, культурно-исторический детерминизм в концепции Тойнби также смягчается. Английский мыслитель признает, что античная цивилизация благодаря сформированному ею духовному наследию преодолела свою культурно-историческую замкнутость и заложила фундамент цивилизации западного христианства, хотя она и не смогла избежать трагической судьбы [11, с. 86 – 92]. Но, пожалуй, главным и наименее преодолемым недостатком цивилизационного подхода является отрицание за философской мыслью собственной логики развития, отличной от отражения и рефлексии над культурно-историческим процессом.

Подводя итог всему рассмотренному выше, отметим, что историко-философский эксперимент, прово-

димый антропогенной концепцией над проблемой генезиса античной философии предполагает рассмотрение человека как имеющего неизменную природу в различные исторические эпохи. Причем сам человек стремится к свободе, понимаемой в этом подходе как независимость от политических и религиозных авторитетов, но в реалиях греческого духа имеющей определенные ограничения во избежание различных проявлений хаотического в природном и социальном мире. Доминирующими условиями возникновения греческой философии в социогенной концепции признаются рабовладение в полисную эпоху греческой истории и как следствие элитарность философского знания. Представители цивилизационной концепции генезиса философии признают, что она появляется достаточно поздно, а именно на этапе расцвета цивилизации в качестве ее самосознания. Однако философия присуща не всем цивилизациям, а лишь тем, которые стремятся воспитать свободно мыслящих активных личностей. Очевидно, что проанализированные концепции, представляющие собой мыслительные эксперименты над процессом генезиса античной философии, являются лишь различными аспектами, оценивающими «греческое чудо» как основополагающий фундамент дальнейшего развития мировой философской мысли и культуры.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1 – (Философское наследие).
2. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения: в 4 т.: [пер. с древнегреч.] / общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – (Философское наследие).
3. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. Кн. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – 350 с. – (Слово о сущем).
4. Генезис // Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – Т. 1.
5. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – 6-е изд. – СПб.: С.-Петербургский гос. университет: Глаголь, 1995. – 552 с. – (Литературное наследие русских мыслителей).
6. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – М.: АСТ: Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.
7. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев; сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
8. Мотрошилова, Н. В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты / Н. В. Мотрошилова. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
9. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений: в 4 т.: [пер. с древнегреч.] / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – (Философское наследие).
10. Тойнби, А. Д. Постигание истории: сборник / А. Д. Тойнби; [пер. с англ. Е. Д. Жаркова]. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 640 с.
11. Тойнби, А. Д. Цивилизация перед судом истории: сборник : пер. с англ / А. Д. Тойнби. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
12. Шишков, И. 3. В поисках новой рациональности: философия критического разума / И. 3. Шишков. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.
13. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер; вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; [пер. с нем. И. И. Маханькова]. – М.: Мысль, 1998. – Т. 2.
14. Энгельс, Ф. Предисловие к немецкому изданию 1883 года / Ф. Энгельс // Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1989.

Информация об авторе:

Просветов Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, 8 (928) 4402635, Prosvetov-philos@mail.ru.
Sergey Yu. Prosvetov – Candidate of Philosophy, Assistant professor at the department of Philosophy, Kuban State University.

ЭКОНОМИКА

УДК 352.072.1

РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

П. Д. Косинский, О. А. Абраменко

LOCAL SELF-GOVERNMENT REFORM: EXPERIENCE, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES

P. D. Kosinskiy, O. A. Abramenko

В статье исследован опыт реализации реформы местного самоуправления. Авторами предпринята попытка из множества проблем, сопровождающих реформу местного самоуправления, оценить накопленный опыт, выявить наиболее существенные препятствия, сдерживающие этот процесс и наметить возможные направления развития.

The article analyses the results of the reform of local self-government. The authors have made an attempt to identify the numerous problems accompanying the reform of local self-government, to assess the accumulated experience, to identify the most significant obstacles hampering the process and to outline the possible development perspectives.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальные образования; двухуровневая модель местного самоуправления; вопросы местного значения; полномочия; налоговая система и собственные доходы.

Keywords: local self-government, municipalities, two-level model of local self-government, questions of local value, powers, tax system and personal revenues.

Местное самоуправление является одним из важнейших условий формирования демократии в России. После принятия Конституции Российской Федерации, которая закрепила местное самоуправление как одну из основ конституционного строя, оно приобрело новое качество. Новая концепция местного самоуправления определила, что его органы не входят в систему органов государственной власти, не подчинены друг другу, имеют собственную компетенцию.

В то же время Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определил местное самоуправление «как выражение власти народа» [1]. По своей сути такой подход к реализации демократических принципов управления относится к государственной власти и входит в противоречия с принципами местного самоуправления.

Кроме того, в сознании населения сохраняется «советская» модель управления, которая основывалась на иерархической соподчиненности всех ступеней властной вертикали. Необходимость понимания природы и сущности местного самоуправления порождает возникновение различного рода подхода и понимания этого процесса между сторонниками «государственной» и «общественной теорий». Этим можно объяснить стремление некоторых субъектов Российской Федерации подменить систему местного самоуправления вертикалью органов государственной власти.

Накопленный опыт (с начала реализации ФЗ № 131 в 2006 году) формирования местного само-

управления показал, что осуществляется оно неоднозначно и противоречиво, сопровождается серьезными проблемами правового, экономического, финансового, социального и политического характера.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которым практически сформировалась конфигурация территориальной организации муниципальных образований, основан на двух критериях к их размерам.

1. В соответствии с демографическим критерием размеры территории сельского поселения определяется с учетом численности населения (п. 10 ч. 1 ст. 11 № 131-ФЗ). Право на самостоятельное осуществление местного самоуправления (наделение статусом муниципального образования) получают сельские поселения с числом жителей более 1000 человек, а для территорий с высокой плотностью населения – более 3000 человек.

2. Пространственный критерий определяет границы муниципального образования сельского поселения с пешеходной доступностью его административного центра (п. 11 ч. 1 ст. 12 ФЗ № 131).

Данные критерии предназначены только для сельских поселений. В отношении городских поселений и городских округов иных количественных критериев закон не установил. В соответствии со статьей 85 этого закона органы государственной власти субъектов РФ устанавливают границы муниципальных образований и наделяют соответствующее муниципальное

образование статусом городского, сельского поселения, городского округа, муниципального района путем принятия закона. Таким образом, федеральным законом определены полномочия органов государственной власти субъекта РФ в части разработки и принятия закона, определяющего статус и устанавливающего границы муниципальных образований Кемеровской области.

По закону Кемеровской области от 17 декабря 2004 года № 104-ОЗ «О статусе и границах муниципальных образований» в Кемеровской области сформировано 223 муниципальных образования, из них 16 городских округов, 18 муниципальных районов, 22 городских и 167 сельских поселения. Концептуально важным в законе является образование на территории области городских округов и муниципальных районов на основе существовавших муниципальных образований в целях сохранения преемственности организации местного самоуправления. При осуществлении нового территориального деления проводилась своего рода ревизия того, что было на этот момент в населенных пунктах, с целью избежать чрезмерного дробления органов местного самоуправления.

Таким образом, структура муниципальных образований в области отражает суть основных преобразований реформы: введена двухуровневая модель местного самоуправления, которая призвана обеспечить формирование муниципальных образований на уровне поселений и на уровне муниципальных районов; кроме того, созданы городские округа – одноуровневые муниципальные образования, выполняющие функции как поселений, так и районов. Следует отметить, что накануне принятия Федерального закона №131-ФЗ численность городского населения составляла 2536,8 тыс. человек, проживающих в 16 городских округах [2]; возросло внимание к вопросам совершенствования местного самоуправления на сельском уровне; существенно увеличился перечень вопросов местного значения по сравнению предыдущим законом о местном самоуправлении; полномочия муниципальных образований разделяются между поселениями и районными уровнями, при этом муниципальные районы решают не только вопросы местного значения, но и исполняют многие ключевые функции на территориях сельских поселений.

Анализируя прошедший период реформирования местного самоуправления можно выделить следующие проблемы, оказывающие сдерживающее влияние на этот процесс.

Одним из сдерживающих факторов, по нашему мнению основополагающим, развития местного самоуправления является его невостребованность в общественном сознании. Население городских и сельских муниципальных образований психологически не готово к реализации идеи местного самоуправления и осознанию того, что уровень социально-экономического развития территорий зависит в значительной степени от местных сообществ. Определенная часть населения пассивна и не верит в позитивные результаты реформирования местного самоуправления.

Основывается данный вывод на исследованиях ВЦИОМ, проведенных в 2006 году, когда на вопрос: «На ваш взгляд, изменится ли что-то в вашем городе

(поселке) после реализации реформы местного самоуправления?» – лишь 15 % опрошенных ответили: «Скорее изменится в лучшую сторону», «Все останется по-прежнему» – 45 %, «Скорее изменится в худшую сторону» – 17 % [3].

За прошедший период времени, по мнению авторов, отношение к местному самоуправлению изменилось незначительно. В 2009 году по заказу Общественной палаты Кемеровской области Кузбасским центром общественного мнения были проведены социологические исследования «Гражданское общество в Кузбассе – 2008». Опрос населения показал, что реформирование местного самоуправления поддерживают 70 % жителей, а готовность участвовать лично в решении вопросов местного значения готовы только 7 % [4]. Самой распространенной причиной неготовности населения к активной управленческой деятельности, по мнению кузбассовцев, была и остается привычка жить по указке сверху. Почти половина опрошенных указала данный фактор. Около 30 % опрошенных указали на пассивность, инертность, безразличие людей по своей природе.

В 2012 году студентами Кузбасского технического университета, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление», проведен выборочный опрос населения Крапивинского и Кемеровского районов Кемеровской области с целью выявления отношения населения к местному самоуправлению.

Показательно, что о местном самоуправлении не имеют представления четверть опрошенных (25 %), слабо представляют – 41 % опрошенных. То есть, две трети населения либо не знает, либо слабо представляет себе сущность, организацию, принципы и значимость местного самоуправления.

При решении вопросов местного значения подавляющее большинство опрошенных (57 %) считают деятельность органов местного самоуправления неэффективной. Только 10 % респондентов все-таки считают, что местное самоуправление эффективно, треть (33 %) полагают, что оно справляется с решением отдельных вопросов. Что же касается личного участия в решении вопросов местного значения, то их категория составила 10 %. Сравнительный анализ отношения населения к местному самоуправлению представлен в таблице 1.

Одобрив в целом идею реформирования местного самоуправления, жители Кемеровской области невысоко оценивают свою личную готовность к непосредственному участию в местном самоуправлении, считая, что население приучено к зависимости от вышестоящих властных органов управления, сетуют на недостаток времени, отсутствие инициативных организаторов и др.

Примечательно, что в процессе опроса выявлено сложившееся ошибочное мнение респондентов (70 %) о том, что муниципальный район является вышестоящим уровнем власти. Всего 17 % опрошенных ответило, что это независимые органы муниципальной власти.

Таблица 1
Результаты опросов населения
Кемеровской области

Вопросы	2008 г.	2012 г.
Да, самое активное, практически во всех вопросах, %	7	10
Да, во многих делах, но не во всех, %	17	29
Да, только в отдельных случаях, %	33	35
Нет, не готовы, %	29	18
Затрудняюсь ответить, %	14	8

Таким образом, приведенные данные подтверждают принципиальные противоречия между теоретическими представлениями о местном самоуправлении как о воплощении идеи непосредственного народовластия и фактическим отношением населения к реализации этой идеи.

Для изменения сложившегося мнения необходимо обратиться к сознанию, гражданскому долгу проживающих в населенных пунктах. Члены сообщества должны иметь социально-психологические условия, которые бы делали каждого жителя муниципального образования активным и ответственным членом социальных организаций.

По своей сути понятие «муниципальное образование» подразумевает «самоуправляющаяся община» (происходит от латинского *municipium*). Однако у большинства людей это понятие связывается скорее с территориальным разделением, чем с человеческим сообществом. Но с точки зрения восприятия своего положения и участия в управлении можно утверждать следующее: только тогда, когда жители поселения будут принимать участие в решении вопросов улучшения условий своего существования, когда они прочувствуют и осознают общность конкретных проблем, в решении которых заинтересованы все, возникает чувство причастности к самоуправлению.

Уместным будет привести мнение А. Волкова о том, что местное самоуправление должно начинаться не с города, не с района, не с поселка, а с отдельного

дома. Оно должно начинаться с малой общины [5]. Активность населения местных сообществ в настоящий период времени не стала определяющей в решении вопросов местного значения, что сдерживает процессы сближения личных и групповых интересов, формирование готовности и способности населения к ответственности на муниципальном уровне.

Финансовые проблемы муниципальных образований

Сдерживающим фактором развития местного самоуправления является существующая налоговая система, которая не обеспечивает необходимую финансовую базу для решения вопросов местного значения. Налоговый кодекс РФ к местным налогам отнес земельный налог и налог на имущество физических лиц. В соответствии со статьей 12 кодекса органы местного самоуправления не вправе устанавливать какие-либо налоги и сборы, не предусмотренные налоговым кодексом. Постоянная нехватка средств стала центральной проблемой при реализации конституционного принципа независимости местного самоуправления от органов государственной власти. Экономическая основа подавляющего большинства муниципальных образований области не обеспечивает закрепленные за ними полномочия.

Нами разделяется точка зрения А. Шевцова, что муниципальные реформы на всех этапах (1990-х, 2003 – 2006 гг.) «...не увязывали наделение конкретной территории статусом муниципального образования с социально-экономическим потенциалом территории, определяющим возможности обеспечения ее самостоятельного (согласно конституционному требованию) функционирования и развития» [6].

Доходный потенциал местных бюджетов Кемеровской области в большей степени состоит из безвозмездных поступлений других бюджетов бюджетной системы РФ. Удельный вес безвозмездных поступлений от вышестоящих бюджетов (межбюджетные трансферты) в общих доходах бюджетов муниципальных образований области в среднем составляют: для городских округов – 64 – 65 %; муниципальных районов в пределах – 80 %; сельских поселений – 52 – 55 % (таблица 2) [7].

Таблица 2
Уровень дотационности бюджетов муниципальных образований
Кемеровской области за 2009 – 2011 гг., млн руб. [7]

Годы	Показатели	Типы муниципальных образований		
		городские округа	муниципальные районы	сельские и городские поселения
2009	Доходы, всего	58050430,4	16574924,7	34299917,5
	Безвозмездные поступления	37643564,3	13227254,2	1791552,8
	Уровень дотационности, %	65	80	52
2010	Доходы, всего	63839343,1	19193331,6	4834134,3
	Безвозмездные поступления	40588346,9	15172713,5	2676297,0
	Уровень дотационности, %	64	79	55
2011*	Доходы, всего	70929538,8	21886973,3	5493624,5
	Безвозмездные поступления	46195488,0	17324624,4	2987249,2
	Уровень дотационности, %	65,2	79,2	53,4

* Источник: данные Главного финансового управления Кемеровской области.

Структура доходов местных бюджетов муниципальных образований Кемеровской области в 2011 г., млн руб.*

Вид доходов	Типы муниципальных образований					
	городские округа		муниципальные районы		поселения	
	сумма	доля в доходах, %	сумма	доля в доходах, %	сумма	доля в доходах, %
Налоговые	15349298,0	21,6	2080926,2	9,5	898882,9	16,4
Неналоговые	9384753,7	13,2	2481422,7	11,3	1607492,5	29,3
Итого: налоговые и неналоговые	24734050,7	34,8	4569348,9	20,8	2506375,4	45,7
Межбюджетные трансферты	46195488,0	65,2	17324624,4	79,2	2937249,2	53,4
Фонд компенсации	-	-	-	-	-	-
Всего:	70929538,8	100	21886973,3	100	5493624,6	100

* Источник: данные Главного финансового управления Кемеровской области.

Самая низкая обеспеченность собственными доходами – у муниципальных районов. Объясняется это тем, что муниципальные районы оказались без налогооблагаемой базы (земля, имущество физических лиц находится, в основном, у поселений).

Муниципальные районы в нынешних условиях осуществляют функцию проводника денежных потоков (региональный бюджет – муниципальный район – бюджет сельского поселения). Сложившаяся практика позволяет власти муниципального района оказывать управленческие воздействия на власть поселенческого уровня, влиять на расстановку кадров, финансирование вопросов местного значения, нарушая тем самым конституционную независимость местного самоуправления.

Приведенный выше результат опросов населения подтверждает ошибочное мнение населения о муниципальном районе как вышестоящем уровне власти. Здесь работает принцип: «У кого деньги – у того и власть».

По нашему мнению, пока будет существовать обозначенное противоречие, развитие местного самоуправления, проявление инициативы населения участвовать в решении вопросов местного значения остается проблематичным.

Если рассматривать муниципальные образования сельских поселений, то в регионе имеется поселения, у которых собственные доходы составляют менее 10 %, то есть средств явно недостаточно для решения вопросов местного значения. Например, собственные доходы муниципального образования «Преображенское сельское поселение» Тяжинского района составляют 8,2 %; муниципального образования «Сельское поселение «Звездный» Кемеровского района – 9,8 %; муниципального образования «Чебулинский район» – 9,1 % (на территории района функционируют муниципальные образования сельских поселений имеющих уровень собственных доходов 3 – 5 %).

На фоне оздоровления государственных финансов страны бюджеты муниципальных образований остаются далеки от реальной бюджетной самообеспеченности. Опыт реализации реформы местного самоуправления показал: существующие налогово-бюд-

жетные отношения не стимулируют усилия местных администраций к развитию экономики территорий по увеличению налоговой базы местных бюджетов и более эффективному ее использованию.

Установленные законом источники формирования местных бюджетов ориентированы не на хозяйственную деятельность на соответствующей территории, а на ожидания получения дотаций, не стимулируют местные администрации к развитию производственно-экономической базы территории. Здесь должна проявляться заинтересованность местных властей в поддержке и развитии малого предпринимательства, формировании благоприятной предпринимательской и инвестиционной среды.

Из таблицы 3 следует, что доля бюджетов городских округов от налоговых поступлений составляет 21,6 %, против 9,5 и 16,4 % в муниципальных районах и поселениях соответственно. Городские округа более обеспечены, чем остальные категории муниципальных образований. Общим для них является значительная доля межбюджетных трансфертов.

Низкий уровень закрепленных доходов и дотаций местным бюджетам компенсируются встречными финансовыми потоками, что устраняет противоречия между всеми уровнями бюджетной системы. Встраивание муниципальных бюджетов в «бюджетную вертикаль» повлекло распределение аккумулированных на федеральном уровне государственной власти налоговых ресурсов в интересах прежде всего федерального центра и во вторую очередь региональной администрации.

Такая ситуация поставила органы местного самоуправления, не входящие в систему органов государственной власти в бюджетную зависимость от последних.

Кроме того, такая зависимость не позволяет развиваться местному самоуправлению на уровне сельских и городских поселений, сдерживает инициативу местного сообщества и создает искусственную соподчиненность второго уровня местного самоуправления (сельское, городское поселение) первому уровню (муниципальный район). В то же время такая практика обостряет отношения между областными и район-

ными (городскими) администрациями, снижает уровень управляемости. В такой ситуации органы местного самоуправления лишаются возможности осуществлять долговременную социальную политику в интересах избравшего их населения.

Существующая практика применения системы единых нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов на местный уровень не учитывают существующую дифференциацию экономического и налогового потенциала территорий. В результате это приводит к положению, когда передача дополнительных налоговых долей в местные бюджеты минимизирована. Складывается впечатление, что такая практика применяется сознательно. Удерживая муниципальные образования в режиме глубокой дотационности, регион предпочитает восполнять недостаток бюджетных средств методом дотаций на общее финансовое выравнивание, и как следствие, стремление взять под свой контроль все процессы.

За время действия Федерального закона (№ 131 – ФЗ) произошло значительное расширение перечня вопросов местного значения, что привело к тому, что уточненных расчетов на основе соответствующих нормативов и перераспределения налогов не последовало. К сожалению, принятые поправки в Бюджетный кодекс в апреле 2007 года не только не определили увеличение налоговых поступлений в местные бюджеты, но и сократили неналоговые поступления [8].

Ограниченное количество собственных доходов в бюджетах муниципальных районов и сельских территорий не позволяет:

- изготoвить документацию территориального планирования: генеральные планы поселений, правила застройки и землепользования;
- организовать утилизацию и переработку бытовых и промышленных отходов, строительство полигонов твердых бытовых отходов.

Таким образом, желаемый результат реформирования местного самоуправления с одной стороны вроде бы достигнут: местная власть, несомненно, приблизилась к населению, с другой – фактические возможности такой власти, когда свыше 90 % муниципальных образований в нынешних бюджетно-налоговых условиях являются дотационными, могут вызвать у населения неприятие идеи самоуправления.

Исходя из этого, необходимо в сфере межбюджетных отношений урегулировать права и обязанности бюджетов всех уровней, четко определить критерии разграничения расходных и доходных обязательств, исключить нефинансируемые бюджетные мандаты, установить ответственность публично-территориальных образований за невыполнение бюджетных обязательств.

Кемеровская область характеризуется высоким неравенством экономических потенциалов муниципальных образований. Выравнивание их бюджетной обеспеченности, повышение эффективности механизмов межбюджетных отношений является важной и актуальной задачей в становлении и развитии местного самоуправления.

На наш взгляд, одним из механизмов решения проблемы может стать механизм «отрицательных трансфертов» предусмотренный статьей 142.2 Налогового ко-

декса. Механизм предусматривает перераспределение части доходов муниципальных образований с высоким уровнем бюджетной обеспеченности для поддержки муниципальных образований с низким уровнем доходов. В настоящий период этот механизм абсолютно неэффективен.

Причинами такого положения являются в том, что при расчете «отрицательных трансфертов» учитываются только налоговые доходы бюджетов муниципальных образований. Неналоговые доходы в расчете не участвуют. В тоже время целый ряд муниципальных образований имеют значительные неналоговые доходы за счет поступлений от арендной платы за землю от расположенных на их территориях предприятий (шахты, разрезы, рудники, карьеры и т. д.). Бюджеты таких муниципальных образований имеют большой профицит. Однако даже частично изъять такие неналоговые «сверхдоходы» невозможно.

Кроме того, в виде «отрицательного трансферта» можно изъять не более 50 % налоговых доходов муниципального образования, превышающих в 1,3 раза их средний уровень на душу населения по региону. Это незначительная доля изъятия, не позволяющая сформировать объем финансовых ресурсов, достаточный для предоставления дотаций муниципальным образованиям с низкой бюджетной обеспеченностью.

Следует также отметить, что с 2009 года, по окончании переходного периода на четырехуровневую бюджетную систему действует двухкратный минимальный порог превышения уровня налоговых доходов муниципального образования над их средним региональным уровнем, при котором можно требовать уплаты «отрицательного трансферта». При таких условиях практически ни от одного муниципального образования требовать уплаты «отрицательного трансферта» невозможно.

Негибкость этого механизма показывает, что он не учитывает параметры бюджетной дифференциации различных видов муниципальных образований. В связи с этим целесообразно предоставить право субъектам Российской Федерации решать вопрос об использовании механизма отрицательных трансфертов, устанавливать размеры их взимания для формирования финансовой поддержки муниципальных образований с низким уровнем доходов.

Таким образом, предшествующий опыт реализации реформы местного самоуправления свидетельствует, что все предпринятые меры, а именно: на реализацию реформы затрачены значительные финансовые и материальные средства; введена двух уровневая модель местного самоуправления (создан поселенческий уровень муниципального управления); в разы возросло число муниципальных образований (в Кемеровской области с 34 до 223) и служащих, расходы на их содержание; законодательно разделены полномочия; определены доходные источники между уровнями власти. В то же время, анализ реформы местного самоуправления за прошедший период не выявил существенных изменений в жизни муниципалитетов. А самое главное, в сознании населения местное самоуправление не стало такой близкой к ним властью, на что так рассчитывали идеологи реформы.

Литература

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Сборник законодательства РФ. – 2003. – № 35. – Ст. 3506.
2. Кузбасс: 2003 // Стат. сборник: Кемеровостат. – Кемерово, 2004. – Ч. 1.
3. Хромов, Ю. Революция или эволюция / Ю. Хромов // Российская Федерация сегодня. – 2006. – № 1.
4. Гражданское общество в Кузбассе – 2008 // Отчет Кузбасского центра общественного мнения. – Кемерово, 2009.
5. Волков, А. Самоуправление – критика без теории / А. Волков // Российская Федерация сегодня. – 2003. – № 14.
6. Шевцов, А. Экономическая рационализация выбора пространственных параметров муниципальных образований / А. Шевцов // Федерализм. – 2007. – № 2.
7. Государственные финансы Кемеровской области в 2008 – 2010 гг. // Стат. сборник: Кемеровостат. – Кемерово, 2011.
8. Федеральный закон № 63 – ФЗ «О внесении изменений в бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведения в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации», 26 апреля 2007 года.

Информация об авторах:

Косинский Петр Дмитриевич – доктор экономических наук, заведующий кафедрой налогообложения, предпринимательства и права КемГУ, 8(384-2) 58-08-92, Krishtof1948@mail.ru.

Peter D. Kosinskiy – Doctor of Economics, Head of the Department of Taxation, Business and Law of Kemerovo State University.

Абраменко Оксана Александровна – соискатель КемГУ.

Oksana A. Abramenko – post-graduate student at Kemerovo State University.

УДК 331.101.262:005.336.3

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КАЧЕСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

О. И. Кулебакина

THE MODERN APPROACHES TO RESEARCHING WORK FORCE CAPACITY

O. I. Kulebakina

В статье анализируются основные подходы к исследованию экономической категории «качество рабочей силы». Рассматриваются точки зрения современных авторов, выявляются достоинства и недостатки представленных ими определений.

The main approaches to researching the economic category of work force capacity are considered in the paper. Modern authors' viewpoints are analyzed, advantages and drawbacks of the suggested definitions are revealed.

Ключевые слова: качество рабочей силы, характеристики качества рабочей силы, человеческий капитал.

Keywords: workforce capacity, characteristics of work force capacity, human capital.

Анализ новейших научных публикаций свидетельствует об активизации усилий ученых в развитии теории, методологии и совершенствовании методического инструментария перехода Российской Федерации от сырьевого к инновационному этапу развития.

Концентрация внимания ученых на решении данной проблемы связана с определенными обстоятельствами. Во-первых, сырьевая ориентированность значительного числа регионов России в стратегической перспективе означает тупиковый путь развития, высокую вероятность надолго остаться в числе развивающихся стран. Во-вторых, сырьевая направленность приводит к высокой чувствительности и зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры на энергетические ресурсы на мировом рынке.

Изложенные и многие другие проблемы могут привести к значительной зависимости России от наиболее развивающихся стран мирового сообщества, к утрате самостоятельности. Однако в совокупности ключевых проблем развития России глобальной является проблема качества рабочей силы, обоснования направлений, обеспечивающих кардинальное повышение роли качества рабочей силы профессиональных кадров в сфере материального производства в обеспечении устойчиво-сбалансированного развития социально-экономической системы России на инновационной основе. Именно данная проблема является наиболее важной и актуальной с точки зрения стратегического развития государства и требует дальнейшего научного осмысления, а также развития теории и методологии.

Существующее научное многообразие различного рода публикаций свидетельствует о наличии большого числа категорий, терминов, понятий, а именно: качество рабочей силы, стоимость рабочей силы, человеческий капитал, человеческий фактор, качество социально-трудовой жизни и т. д. Очевидно, что основой изложенных понятий является человек как биосоциальное существо, обладающее потребительной стоимостью и стоимостью. Именно человек обладает уникальной способностью создавать добавленную стоимость, величина которой зависит от целого ряда факторов и условий.

В большой советской энциклопедии рабочая сила определяется как способность к труду, совокупность физических и интеллектуальных способностей, которыми располагает человек и которые используются им для производства жизненных благ. В такой трактовке рабочая сила является с одной стороны категорией, а с другой – понятием, носящим всеобъемлющий характер. Речь идет о том, что рабочая сила может быть отнесена с понятийной точки зрения к различным сферам жизнедеятельности индивида: материальная сфера производства, которая включает в себя предприятия по производству широкого спектра материальных ценностей, товаров. Далее сюда же может быть отнесена сфера производства различного рода услуг в торговле, снабжении, жилищно-коммунальном секторе, культуре, здравоохранении, сельском хозяйстве и т. д. Каждая из изложенных сфер характеризуется различным набором терминов. Так, например, в угольной промышленности рабочая сила характеризуется такими терминами, как рабочая сила по добыче угля, проведению горных выработок и т. д., характеризующих специфику и особенности к труду как общую совокупность физических и интеллектуальных способностей индивидов, занятых в этой сфере материально производства. В этой связи можно считать, что рабочая сила может функционировать лишь в системе определенных производственных отношений и обладать спецификой и особенностями данной сферы, являясь элементом производительных сил. Поэтому она характеризуется терминами и понятиями, присущими каждой конкретной сфере.

В контексте изложенного материала обратимся к исследованию существующих подходов к рабочей силе как категории.

По мнению *Е. Сахонько*, рабочая сила – это способность человека к производительному труду независимо от того, реализуется ли она в качестве товара или нет [7]. Однако неясно за счет каких свойств достигается эта способность, а также за счет каких внутренних характеристик создаются побудительные мотивы к повышению производительности труда. Данное автором определение понятию «рабочая сила» является ограниченным, поскольку вне поля зрения остаются способности работника, их сущность и содержание.

Е. А. Волкова и *Е. В. Калининкова* отмечают, что рабочая сила определяется как товар особого рода, производственные качества которого целиком определяют и конкурентоспособность, и прибыльность организации. Она является основным ресурсом и представляет собой совокупность физических, умственных

и духовных способностей, благодаря которым человек может участвовать в трудовой деятельности [1, с. 61].

Е. А. Волкова, *Е. В. Калининкова* отмечают, что «особенность рабочей силы как товара состоит в том, что собственником и носителем этого товара является работник. Работодатель не может использовать работника по своему произволу, он должен соблюдать общественные нормы и морали, требования государственного законодательства и международных конвенций, регулирующих рынок труда» [1, с. 62]. Кроме этого, товар «рабочая сила» отличается от других товаров тем, что его нельзя положить на склад для дальнейшего хранения. Если работник не продал свою способность к труду, то ему как собственнику товара нет никакой пользы от этого, работник не получит вознаграждения.

Положительным является то, что авторы изложенных точек зрения определяют рабочую силу как совокупность физических, умственных и духовных способностей, которые определяют конкурентоспособность и прибыльность организации. В то же время авторы раскрывают содержание физических, умственных и духовных способностей и на основе каких характеристик достигается конкурентоспособность человека.

Е. А. Волкова, *Е. В. Калининкова* в своей работе отмечают, что как и всякий товар, рабочая сила имеет потребительную стоимость, т. е. качество. Продавец фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость (качество рабочей силы). Покупателю товара «качество рабочей силы» принадлежит потребление способности к труду [1, с. 62].

В наиболее общем плане потребительная стоимость товара «качество рабочей силы» представлена следующими характеристиками [1, с. 63]:

1. Основные характеристики, определяемые предназначением товара «качество рабочей силы», – определенный уровень и содержание профессиональных знаний, навыков, умений.

2. Физические характеристики, определяемые демографическими особенностями рабочей силы, а именно пол, возраст, семейное положение, место жительства.

3. Расширенные характеристики, определяемые особенностями психолого-мотивационного механизма профессиональной деятельности (способностями и мотивами к труду), – целеустремленность и активность, работоспособность, культурный уровень.

4. Специфические характеристики, связанные с конкретными особенностями требований потребителя к качеству товара «рабочая сила». Среди таких характеристик можно выделить: уровень профессиональной гибкости, степень географической мобильности, преимущества перед конкурентами, коммуникабельность, лояльность, владение персональным компьютером и иностранным языком, наличие водительских прав.

Несомненной заслугой *О. И. Дудиной* и *В. А. Зеленкова* является позиция, согласно которой рабочая сила – это не просто совокупность навыков, знаний, способностей, которыми обладает человек. Во-первых, это запас навыков, знаний, способностей. Во-

вторых, это такой запас навыков, знаний, способностей, который целесообразно используется человеком в той или иной сфере общественного воспроизводства и способствует росту производительности труда и производства. В-третьих, это такое использование данного запаса в виде высокопроизводительной деятельности, которое приводит к росту заработка работника. И в-четвертых, увеличение доходов стимулирует, заинтересовывает человека путем вложений, которые могут касаться здоровья, образования, накопить новый запас навыков, знаний и мотиваций, чтобы в дальнейшем его вновь эффективно применить [3].

Вместе с тем нельзя не отметить, что не любой запас знаний, навыков, мотиваций способствует росту производительности труда, повышению конкурентоспособности рабочей силы. Следовательно, знания, умения, навыки, проявляющиеся в высоком профессионализме, должны постоянно совершенствоваться и обновляться. На смену старым знаниям приходят новые и новейшие знания.

В анализируемых точках зрения не отмечается очень важная составляющая рабочей силы, а именно то, что она обладает не только потребительной стоимостью, но и стоимостью. Потребление овеществленных знаний, умений, навыков, физиологических, профессиональных умений и способностей требует возмещения в виде определенной стоимости, которая проявляется в форме цены рабочей силы.

О. И. Дудина и В. А. Зеленкова считают, что качество рабочей силы – это совокупность свойств человека, проявляющихся в процессе труда и включающих в себя квалификационный комплекс и трудовую активность работника [3].

В более обобщенном виде авторы дают следующее определение: качество рабочей силы – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые активно используются в той или иной сфере производства, способствуют росту производительности и качеству его труда и тем самым влияют на рост заработка данного человека [3].

С. Трошина считает, что рабочая сила – это совокупность физических и интеллектуальных способностей человека к труду. Однако автор не раскрывает содержание и структуру физических и интеллектуальных способностей человека.

Термин «качество рабочей силы» в экономической науке не сформирован. Даже в многопрофильных и специализированных словарях данное понятие не содержится. Исключением является словарь «Труд и социальное развитие».

Качество рабочей силы – это совокупность свойств человека, проявляющихся в процессе труда и включающих в себя квалификацию и личностные характеристики работника: его физиологические и социально-психологические особенности (состояние здоровья, умственные способности), а также адаптированность, в том числе гибкость, мобильность, мотивируемость, инновационность, профориентированность и профпригодность.

Несомненной заслугой *А. А. Разумова и В. П. Дрямова* является то, что авторы определяют качество рабочей силы как экономическую категорию, которая выражает отношения между работником и работодателем по поводу формирования, развития и реализации способностей человека к труду. Эти свойства отражают профессионально-квалификационные, медико-физиологические и личностные характеристики работника: уровень образования, наличие профессиональных навыков и опыта, компетентность, состояние здоровья, умственные способности, мобильность, мотивируемость и др. [6, с. 87]. Однако авторы, раскрывая содержание профессионально-квалификационных, медико-физиологических и личностных характеристик работника не учитывают тот факт, что у работника должен быть определенный запас знаний и умений.

По мнению *М. В. Симоновой*, качество рабочей силы является единством развитых способностей к труду, условий реализации этих способностей при наличии мотивации к применению этих способностей и оказывает влияние на формирование этих условий. Положительным является то, что автор определяет качество рабочей силы как единство развитых способностей к труду. Однако автор не раскрывает содержание данных способностей индивида. Добавим, что качество рабочей силы включает в себя и уровень квалификации работников, уровень профессиональной подготовки, а также производственный опыт.

М. Я. Сонин связывает качество рабочей силы с образовательным и профессионально-квалификационным развитием работника, с его экономической подготовкой [8]. Положительным моментом в данной трактовке качества рабочей силы является то, что автор связывает данную категорию с профессионализмом и квалификацией работника, а также с уровнем его образования. Однако автор не отмечает того, что составной характеристикой категории «качество рабочей силы» является опыт работы индивида в определенной сфере деятельности.

Несомненной заслугой *Ю. А. Дмитриева* является то, что автор подчеркивает, что понятие «качество рабочей силы», помимо психологических, физических качеств и здоровья работников, включает ряд характеристик, определяющих уровень общего и специального образования, накопленный производственный опыт, общий культурный уровень развития, зависящий от всего комплекса жилищных условий [2]. Однако в данном определении автор не раскрывает содержание психологических и физических качеств работников. По нашему мнению, качество рабочей силы является обобщенной характеристикой уровня развития рабочей силы в целом.

В современной экономической теории наряду с категорией «качество рабочей силы» используется понятие «человеческий капитал». Рабочая сила – это сложно-структурированное понятие и проявляется через человеческий капитал. Термин «человеческий капитал» часто используется западными экономическими деятелями.

Термин «человеческий капитал» впервые появился в работах Теодора Шульца, который предложил следующее определение: «Все человеческие способности

являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом» [12].

На наш взгляд, следует выделить четыре группы факторов, которые оказывают максимальное влияние на формирование качества рабочей силы. Данная группа факторов представлена на рисунке.

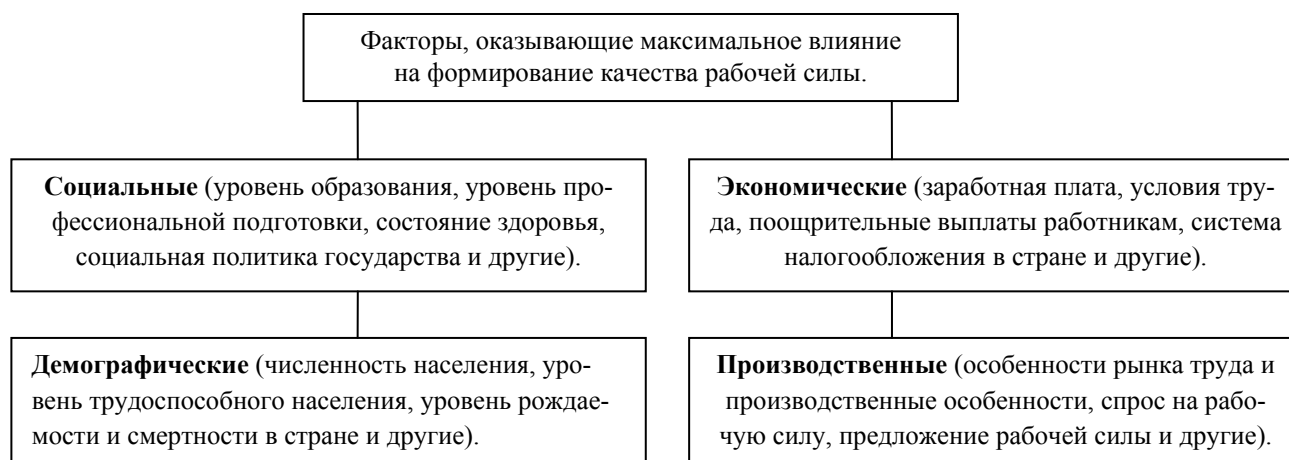

Рис. Факторы, оказывающие максимальное влияние на формирование качества рабочей силы

Мы считаем, что человеческий капитал – это совокупность созидательных способностей, личных качеств и мотиваций индивидов, находящихся в их собственности, накапливаемых за счет инвестиций и используемых в той или иной сфере общественного производства в течение всего периода трудовой жизни работника с целью получения им в будущем большего дохода.

По мнению В. Н. Хасановой и М. Ю. Шапкина, существуют объективные и субъективные факторы, влияющие на качество труда. К объективным факторам они относят технические характеристики оборудования, технологию и организацию производства, а к субъективным факторам – качественные характеристики рабочей силы, по поводу содержания которых существуют определенные разногласия в отечественной экономической литературе [10, с. 176]. Несомненной заслугой В. Н. Хасановой и М. Ю. Шапкина является то, что авторы выделяют две группы факторов, влияющие на качество труда, а именно объективные и субъективные факторы. Однако авторы не раскрывают содержание качественных характеристик рабочей силы, что является немаловажным при характеристике такого понятия как качество труда.

По мнению О. В. Стакановой, рабочая сила с качественной стороны характеризуется уровнем профессионально-квалификационной подготовки, производственного опыта, навыков, научно-технических знаний [9, с. 75]. По нашему мнению, автор абсолютно точно определяет рабочую силу с качественной стороны такими характеристиками как уровень профессионально-квалификационной подготовки, производственный опыт, навыки, научно-технические знания. Однако немаловажными характеристиками качества рабочей силы являются, например, такие характеристики как состояние здоровья работника, его возраст, уровень культурного развития.

Н. С. Яковчук считает, что качество рабочей силы – это совокупность физических и интеллектуальных способностей работников [11]. Положительным является то, что Н. С. Яковчук определяет качество рабочей силы как совокупность физических и интеллектуальных способностей работников. Однако данное автором определение, на наш взгляд, достаточно упрощенно, т. к. автор не дает четкого определения физическим и интеллектуальным способностям работника, не раскрывает их особенности и содержание.

По мнению А. Э. Котляра, качественная характеристика рабочей силы предполагает наряду с данными о физическом развитии определенный уровень образования, производственного опыта, навыков и квалификации [4, с. 24]. Положительным является то, что автор определяет качество рабочей силы физическими характеристиками, а также уровнем образования, производственным опытом, навыками и квалификацией работника. В то же время А. Э. Котляр не описывает, какие конкретно физические характеристики определяют качество рабочей силы. Добавим также, что определенный уровень знаний и умений оказывает непосредственное влияние на формирование категории «качество рабочей силы». Категория «качество рабочей силы» определяет подготовленность человека к работе, его возможность принимать участие в определенной производственной деятельности и определяет результат этой деятельности.

В российской экономической литературе рассматривается два подхода к определению понятия «качество рабочей силы». Подходы к определению понятия «качество рабочей силы» представлены в таблице [1, с. 53].

Ю. Г. Одегов, Г. Г. Руденко, Л. С. Бабынина определяют качество рабочей силы как устойчивую совокупность свойств физических и умственных способностей человека, характеризующих уровень его подготовки (профессиональный и квалификационный),

требуемый для выполнения определенного вида и сложности труда [5, с. 637].

Здоровье человека и его интеллектуальные способности являются основными заданными от природы характеристиками. На основе этих способностей и формируется в итоге качество рабочей силы. При отсутствии здоровья снижается работоспособность сотрудников. Интеллектуальные свойства, данные от природы, с течением времени претерпевают изменения в связи с состоянием здоровья и возрастом человека.

Таблица

**Подходы к определению понятия
«качество рабочей силы»**

<i>Первый подход</i>	<i>Второй подход</i>
Качество рабочей силы связывается с «образовательным и профессионально-квалификационным развитием работника» (уровень профессионально-квалификационной подготовки, производственный опыт, навыки, научно-технические знания).	Качество рабочей силы определяется совокупностью «физических и интеллектуальных способностей работника» (уровень квалификации, профессиональной подготовки и образования, навыки, производственный опыт, состояние здоровья, пол, возраст, культурный уровень развития).

Литература

1. Волкова, Е. А. Повышение конкурентоспособности предприятия на основе совершенствования качества рабочей силы / Е. А. Волкова, Е. В. Калининкова. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 229 с.
2. Дмитриев, Ю. А. Управление качеством рабочей силы в условиях перестройки / Ю. А. Дмитриев. – Ярославль. – 1988. – 232 с.
3. Дудина, О. И. Современные требования производства к качеству рабочей силы и оценка персонала предприятий / О. И. Дудина, В. А. Зеленков. – Режим доступа: http://www.rhr.ru/index/rule/employees_certification/11890.html
4. Котляр, А. Э. Формирование и использование трудового потенциала / А. Э. Котляр // Вопросы экономики. – 1987. – № 9.
5. Одегов, Ю. Г. Экономика труда: учебник: в 2-х т. Т. 1 / Ю. Г. Одегов, Г. Г. Руденко, Л. С. Бабынина. – М.: Альфа-Пресс, 2007. – 760 с.
6. Разумов, А. А. Качество рабочей силы: от теории к практике / А. А. Разумов, В. П. Дрямов // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – № 8/9.
7. Сахонько, Е. К вопросу о стоимости рабочей силы при капитализме / Е. Сахонько. – Режим доступа: <http://www.thewalls.ru/parshev/work1.htm>
8. Сонин, М. Я. Воспроизводство рабочей силы / М. Я. Сонин. – М., 1976. – 533 с.
9. Стаканова, А. В. О структуре трудового потенциала / А. В. Стаканова // Социологические исследования. – 1981. – № 2.
10. Хасанова, В. Н. Методологические проблемы оценки качества рабочей силы / В. Н. Хасанова, М. Ю. Шапкин // Экономика и управление. – 2010. – № 10.
11. Яковчук, Н. С. Воспроизводство рабочей силы и его особенности в условиях развитого социализма / Н. С. Яковчук. – М., 1987. – 321 с.
12. Shultz, T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences / T. Shultz. – N.Y., 1968. – V. 6.

Информация об авторе:

Кулебакина Олеся Игоревна – аспирантка кафедры финансов и банковского дела Кемеровского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета, 89511889567, kulebakina5@mail.ru.
Olesya I. Kulebakina – post graduate student at the Department of Banking and Finance of the Russian State Trade and Economics University, Kemerovo branch.

При характеристике понятия «качество рабочей силы» можно выделить следующие особенности:

- 1) рабочая сила в виде знаний, умений и навыков может накапливаться;
- 2) качество рабочей силы считается основным фактором экономического роста страны;
- 3) инвестиции в повышение качества рабочей силы обеспечат в итоге получение высокого дохода;
- 4) инвестиции в рабочую силу должны быть экономически необходимыми и обоснованными.

Таким образом, по нашему мнению, качество рабочей силы – это, прежде всего, непрерывный процесс накопления и использования новых и новейших знаний, навыков, умений, опыта и способностей работника. Можно считать, что качество рабочей силы определяется совокупностью образования работника, его умственных способностей, а также производственного опыта. Кроме того, качество рабочей силы зависит и от состояния здоровья, пола, возраста, культурного уровня и образа жизни работника.

КОНТРОЛЛИНГ МАРКЕТИНГА НА ПРЕДПРИЯТИИ: РОЛЬ, МЕСТО, ФУНКЦИИ *Н. Ю. Мандрик*

MARKETING CONTROLLING IN A COMPANY: ITS ROLE, POSITION AND FUNCTIONS *N. Yu. Mandrik*

В условиях стремительно развивающегося рынка руководству предприятия для сохранения своих конкурентных позиций, а также с целью приобретения новых, необходимо своевременно принимать взвешенные управленческие решения. На смену традиционной системе управления, исчерпавшей себя и уже не отвечающей требованиям современного мира, приходит новая – опирающаяся на контроллинг.

В статье определено место, которое контроллинг должен занять на предприятии, описаны функции, показатели и бизнес-процессы, входящие в сферу его деятельности. Также очерчен круг основных проблем, возникающих на этапе внедрения контроллинга, и определены способы их решения.

As the market is changing promptly, a company's managers must make correct administrative decisions for the purpose of saving competitive positions. The traditional control system at the company became out of date and does not correspond to the requirements of the modern life. It was substituted by the new management system based on the controlling. The position that should be occupied by the controlling in a the company, its functions, indicators and the business processes are defined. The basic problems which appear at the stage of introducing controlling are defined.

Ключевые слова: новая система управления, контроллинг маркетинга, этап внедрения контроллинга, информация.

Keywords: new management system, marketing controlling, stage of introducing controlling, information.

Развитие рынка со свойственными данному периоду повышенным уровнем неопределенности и нестабильностью внешней среды, предполагает трансформацию систем управления на предприятиях таким образом, чтобы у руководства появилась возможность оперативно реагировать на меняющуюся ситуацию и своевременно принимать взвешенные управленческие решения. Такую возможность предоставляет контроллинг, охватывающий и связывающий воедино все бизнес-процессы на предприятии.

В настоящее время все больше отечественных предприятий пытаются перенять зарубежный опыт и включить контроллинг в свою структуру, как правило, необходимость внедрения подобной системы чаще осознают руководители промышленных предприятий и финансовых учреждений [4]. Внедрение контроллинга на торговых предприятиях встречается реже, хотя данная отрасль также остро нуждается в современной системе управления. Эта необходимость объясняется, с одной стороны, стремительным развитием торговли и занимаемой ею одной из лидирующих позиций по темпам роста оборота (отрасль торговли по данному показателю занимает третье место среди других отраслей экономики). С другой же стороны, необходимость внедрения контроллинга обусловлена отставанием положением отечественных торговых предприятий, на которых все еще существует устаревшая система управления и разрозненность управленческих процессов. Архаичность применяемой системы управления и нежелание внедрять передовые технологии на уровне руководства оказывают лишь негативное влияние на развитие отрасли. Можно предположить, что в случае устранения всех перечисленных сдерживающих факторов посредством внедрения полноценной системы контроллинга, отрасль торговли по темпам роста оборота сможет опередить другие отрасли.

Для торгового предприятия одним из важнейших направлений контроллинга является контроллинг маркетинга, поскольку именно торговля в отличие от других сфер экономики максимально приближена к конечному потребителю. Вся маркетинговая деятельность и отдельные ее составляющие, а также иные бизнес-процессы на предприятии, связывающие его с рынком, и все, что предприятие может использовать с целью влияния на величину спроса, будь то продажи или продвижение товара или самого предприятия, должны находиться в подчинении контроллинга маркетинга. Внедрение на предприятии контроллинга маркетинга является одним из важнейших этапов формирования новой системы управления, позволяющей построить бизнес-процессы в маркетинге таким образом, чтобы достичь наилучших показателей в работе предприятия в целом и выйти на лидирующие позиции на рынке. Контроллинг маркетинга имеет в своем арсенале целый ряд функций, которые можно объединить в несколько блоков: учет, планирование, контроль и регулирование и информационно-аналитическое обеспечение. Некоторые авторы [1] выделяют также еще один достаточно специфический блок – специальные функции, включающий проведение различных маркетинговых исследований, описание состояния рынка и положения основных конкурентов, а также возможные пути развития предприятия.

Что же касается показателей, находящихся в сфере интереса контроллинга маркетинга, то следует отметить следующее. Как правило, такие категории как «потребители» и «персонал» не входят в классический комплекс маркетинга и являются элементами маркетинга услуг, но в современном мире границы часто размываются, и на рынке товаров начинают действовать те же законы, что и на других рынках. На любом рынке потребители являются одним из глав-

ных элементов маркетинга, поскольку работа всего предприятия направлена на налаживание связей и взаимодействия с ними. Поэтому при выполнении текущих задач, торговцу не следует забывать про отношения с потребителями, более того, разрабатывая систему подконтрольных показателей, одним из первых следует включить в их перечень показатель удовлетворенности потребителей.

При том что контроллинг оперирует лишь количественными показателями, общий показатель удовлетворенности должен включать и качественную и количественную оценку, хотя на рынке товаров данная процедура оказывается гораздо сложнее, нежели на рынке услуг, где взаимодействие с потребителями происходит на ином уровне. Получение основных же показателей, таких как количество постоянных покупателей, масштаб и структура рынка, степень приверженности к товару или к предприятию, не пред-

ставляется сложным. Так, например, количество постоянных покупателей можно определить путем подсчета числа предоставленных дисконтных карт или карт клиента. Также необходимо изучать мнение потребителей о предприятии и о товарах, которые оно предоставляет, а также всевозможные жалобы, выявленные в ходе опросов или поступающие на горячую линию. Предприятие также может рассчитать индекс удовлетворенности своих потребителей. Число показателей, включаемых в данный индекс, и периодичность изучения этих показателей предприятие определяет самостоятельно. Оформить подобное исследование целесообразнее в виде таблицы, в которой будут перечислены все интересующие параметры. Специалисты рассчитывают вес каждого параметра и заносят оценки потребителей по определенной шкале (таблица).

Таблица

Пример расчета индекса удовлетворенности потребителя

<i>Критерии оценки</i>	<i>Вес критерия</i>	<i>Оценка потребителя</i>	<i>Итоговый показатель</i>
<i>A</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Качество товаров	5	5	25
Уровень цен	5	3	15
Уровень обслуживания	5	4	20
Доступность информации	3	5	15
Компетентность персонала	4	5	20
Индекс удовлетворенности			95

Подобным образом могут быть представлены и другие показатели контроллинга. При этом стоит помнить о том, что единовременный расчет индекса не приведет к какому-либо результату, резонность данной работе принесет систематическое его изучение и сравнение показателей в динамике, а также сопоставление результатов с целевым их значением.

Неразрывно с уровнем удовлетворенности потребителей анализируется такой показатель, как товар, т. е. характеристики товара во многом формируют отношение потребителей к предприятию. Таким образом, наряду с изучением показателей удовлетворенности потребителей, необходимо определять показатели потребительной стоимости товаров. Прежде всего, следует изучить мнение потребителя о товаре, узнать насколько цена данного товара соответствует его реальной стоимости.

Поскольку данный показатель считается качественным, он не является «профильным» для контроллинга, но не стоит недооценивать его значение, ведь проигнорировав данный показатель, предприятию будет сложнее понять своих потребителей. Стоимость товара для потребителя следует рассматривать в комплексе с другими показателями, одним из которых может стать соотношение цены на определенные товары рассматриваемого предприятия с ценами его ближайших конкурентов. Помимо описанных параметров товара, в центре внимания контроллинга маркетинга находятся и показатели, характеризующие состояние рынка, например, эластичность спроса и предложения, величина и структура спроса и предложения. Подобные данные важны, прежде всего, при

расчете риска не востребоваемости товара и должны стать частью контроллинга.

Цена – это еще один немаловажный показатель в инструментарии контроллинга маркетинга, от которого в свою очередь зависят и другие показатели, в том числе и характеризующие эффективность деятельности предприятия. На этапе планирования целевых показателей направление ценовой политики играет довольно важную роль, поскольку именно от уровня цен предприятия зависят многие из них, такие как доля рынка, объем продаж и, в конечном счете, прибыль. Поэтому участие в процессе планирования уровня цен, включающем и планирование размера скидок на каждый конкретный период и условия продажи по отдельным товарам и по каждой розничной торговой точке, является наиболее ответственным для контроллеров. Ценовая стратегия на предприятии, уровень цен, величина скидок и других поощрений потребителей должны быть всегда под надзором контроллеров. Помимо перечисленных показателей собственного предприятия, в работе контроллерам необходимо использовать аналогичные показатели конкурентов с целью удержания лидирующих позиций, а в случае отставания от конкурентов – стремления к лидерству, если это не противоречит установленным целям.

Еще одним показателем контроллинга является показатель «продажи». Продажи, как правило, не входят в инструментарий службы маркетинга, а относятся к службе продаж (сбыта). Это достаточно спорное положение, обсуждаемое многими специалистами [3], но служба продаж и служба маркетинга однозначно должны находиться в тесном взаимодействии друг с

другом, поскольку они выполняют работу, направленную на единый результат. Хотя довольно часто подобные суждения остаются лишь в теории, а на практике между маркетологами и специалистами по продажам возникает противостояние, нередко перерастающее в конфликты [2]. Внедрение контроллинга маркетинга на предприятии, на наш взгляд, поможет избежать появления возможных противоречий по поводу отнесения «продаж» к какой-либо службе, а также других спорных вопросов между различными направлениями деятельности, так как контроллинг маркетинга способен интегрировать процессы, происходящие в различных службах предприятия. После внедрения полноценной системы контроллинга и перестройки существующей системы управления предприятием, все противоречия исчезнут. Для достижения желаемого результата контроллинг маркетинга должен органично вписываться в общую структуру контроллинга на предприятии.

Организация полноценного отдела контроллинга на предприятии требует серьезной работы и без предварительного проведения ознакомительных мероприятий и перестройки большей части управленческих процессов станет лишь неоправданной тратой финансовых и иных ресурсов. Кроме того, просчеты на подготовительном этапе формирования усовершенствованной системы управления могут стать причиной возникновения конфликтов между сотрудниками, не осознавшими в полной мере необходимость

смены устоявшегося уклада. Как показывают исследования, проведенные РБК [4], изменение системы управления на предприятии всегда сопровождается сильным сопротивлением со стороны как сотрудников данного предприятия, так и руководителей. Рядовые сотрудники в данной ситуации опасаются внесения изменений в их должностные обязанности и увеличения трудовой нагрузки, а руководители, помимо всего прочего, боятся повышения возложенной на них ответственности. Проявляется это сопротивление на разных предприятиях по-разному и зависит от размера предприятия и от степени мобильности структурных подразделений в отношении преобразований.

Прежде чем привносить на предприятие контроллинг, следует тщательно продумать и определить место отдела контроллинга в организационной структуре предприятия. Следует отметить, что несмотря на отсутствие контроллинга на современных предприятиях, функции его все равно выполняются, хотя этот процесс весьма разрознен. Так, аналитическая функция выполняется экономическим отделом, планирование и бюджетирование, как правило, осуществляются в бюджетно-расчетном отделе, итоги которых утверждаются на уровне руководства с участием глав подразделений. Контроллер, если рассматривать контроллинг на уровне всего предприятия, наравне с главами подразделений (направлений) должен подчиняться напрямую генеральному директору.

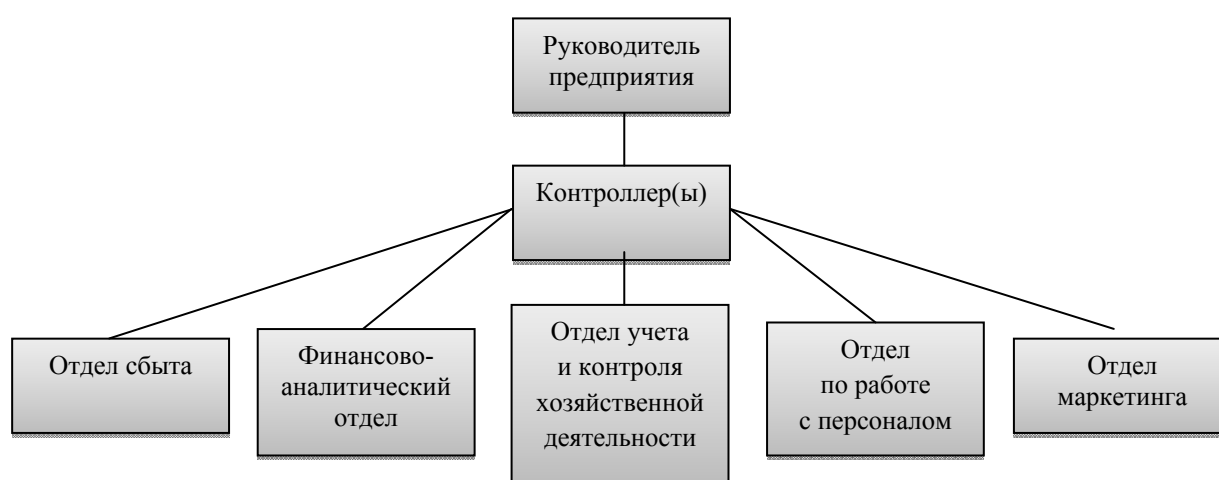

Рис. 1. Место контроллера в организационной структуре

По нашему мнению, на первоначальном этапе внедрения контроллинга на предприятии наиболее целесообразным является привлечение одного или нескольких высококвалифицированных, и главное преданных своему делу специалистов. Все зависит от размера предприятия. Так, на крупном предприятии с большим количеством бизнес-процессов логичнее привлечь сразу нескольких специалистов и организовать их работу таким образом, чтобы каждый из них курировал отдельную функцию управления на предприятии. На рисунке 1 представлена примерная организационная структура предприятия, определяющая место контроллера.

В случае привлечения нескольких контроллеров один из них должен уделять особое внимание маркетингу, что будет способствовать постепенному формированию самостоятельного отдела контроллинга маркетинга.

Отдел контроллинга должен взаимодействовать со всеми структурами предприятия с целью агрегирования актуальной в данный период информации. Сбор информации не выделяется как функция контроллинга, а является лишь частью системы информационного обеспечения, проходящей незримой нитью через весь процесс контроллинга (рис. 2). Это достаточно ответственная работа, поскольку информация должна отражать существующие тенденции и положение

предприятия на рынке относительно конкурентов и помогает в принятии управленческих решений, снижая степень неопределенности и риски. Интересую-

щие руководство показатели при этом должны быть представлены в динамике и в доступном для понимания виде.

Рис. 2. Движение информации в системе контроллинга

Для выполнения всех перечисленных условий и во избежание создания дополнительной бумажной работы отделов необходимо создание единой оптимизированной системы отчетности на предприятии. Создание подобной системы, отвечающей требованиям конкретного предприятия, позволит собрать всю информацию воедино, делая ее доступной для всех сотрудников, и даже может стать одним из конкурентных преимуществ этого предприятия.

Вопросы отчетности не являются главенствующими в системе контроллинга, основная ценность которого заключается в предоставлении возможности предприятию своевременно среагировать, а при необходимости оперативно внести изменения в какие-либо

процессы. Возможность корректировки конкретных показателей, в частности целевых, в ходе деятельности предприятия считается вполне допустимым и характеризует его как мобильную бизнес-структуру, что крайне необходимо на современном рынке.

В перспективе традиционная система сбора-использования информации с помощью контроллинга должна трансформироваться в новую, способную самостоятельно определять информационные потребности руководства или отдельных структурных подразделений, выявлять возможные угрозы развитию бизнеса, а также реагировать на них, тем самым помогая в принятии решений и управлении предприятием.

Литература

1. Багиев, Г. Л. Маркетинг: учебник / Г. Л. Багиев, В. М. Тарасевич. – СПб.: Питер, 2010. – 576 с.
2. Маркетинг и продажи: кто отвечает за результат? – Режим доступа: <http://finam.fm/archive-view/4177/>
3. Продажи и маркетинг без противоречий. – Режим доступа: <http://www.md-consulting.ru/articles/html/-article23.html>
4. Управление бизнесом: от стратегических целей к реальным результатам. – Режим доступа: <http://marketing.rbc.ru/research/562949978667186.shtml#contents>

Информация об авторе:

Мандрик Наталья Юрьевна – аспирантка кафедры маркетинга и рекламы Кемеровского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета, 8-904-969-0150, namandrik@yandex.ru.

Nataliya Yu. Mandrik – post-graduate student at the Department of Marketing and Advertising, Kemerovo institute (branch) of Russian State University of Trade and Economics.

О ТРЕХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА

Б. Г. Прошкин

THREE METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF PERSONNEL MOTIVATION

B. G. Proshkin

В статье обосновывается необходимость учета в процессе управления персоналом фактора момента времени информирования работников об условиях применения поощрений и наказаний до начала деятельности, в момент осуществления деятельности и после её завершения; характера обменности проектируемых мотивационных процессов – наличия и степени реализации принципов симметричности, эквивалентности и гарантированности; учета при оценке результативности применяемых средств и приемов мотивирования, помимо экономических, также и социальных, и психологических эффектов и последствий.

This paper shows the importance of taking into account a point of time in which personnel has been informed about incentives and penalties (personnel may be informed before the beginning of the work, when the work is being carried out or after doing the work). The importance of such characteristics of motivation process as symmetry, equivalence and guaranteeing is also stated. In addition, this paper shows that not only economic, but also social and psychological effects of motivation process are significant.

Ключевые слова: персонал, мотивация, мотивирование, стимулирование, принуждение, подкрепление, социальный обмен.

Keywords: personnel, motivation, motivation process, stimulation, compulsion, social exchange.

Современное состояние публикаций по тематике мотивации труда в литературе по менеджменту характеризуется дефицитом крупных теоретических обобщений и изобилием практических рекомендаций менеджерам, не поднимающихся порой выше уровня здравого смысла.

Между тем развитие предмета невозможно без своевременного перехода теории с методического уровня на методологический. Остановимся здесь на важности выделения трех методологических принципов мотивации персонала: принципе типа информированности персонала, характера обменности ситуации и комплексного учета всех эффектов мотивационного воздействия при оценке средств мотивации. На наш взгляд, эти принципы в совокупности образуют ядро долговременной трудовой мотивации персонала организации.

Ещё в далеком 1976 году ленинградский философ Ф. Н. Щербак в своем труде «Стимулы трудовой деятельности» отмечал информационную природу стимулов. Он показал, что стимулами «являются такие «побудительные причины», которые носят *информативный характер* и выступают как факторы управления деятельностью данной системы» [11, с. 12]. Сегодня все консультанты рекомендуют руководителям повышать информированность работников о применяемых стимулах как пути повышения эффективности их использования. Это верно, но тривиально. Пришло время обращать внимание на момент, в который работники получают эту информацию. И это требует пояснений. Дело в том, что существует, можно сказать, «информирование-до» и «информирование-после». Имеется в виду ДО начала деятельности или ПОСЛЕ завершения деятельности. И это имеет принципиальное значение для процесса мотивации работника и самой его деятельности.

Принцип учета момента времени информирования объекта управления (работника или трудового коллектива) о последствиях для него различных исходов осуществляемой им деятельности позволяет выделить в составе стимулирования две формы организации – *опережающую* (когда информирование осуществляется до начала деятельности) и *подкрепляющую*, когда информирование осуществляется после завершения деятельности, часто вместе с получением соответствующего поощрения [8].

Опережающее и подкрепляющее стимулирование имеют совершенно разные, а по ряду позиций и противоположные правила организации. Так, для повышения эффективности опережающего стимулирования обычно рекомендуется определять максимально конкретные цели для каждого отдельного работника; по возможности нормировать труд; учитывать все обстоятельства и характеристики деятельности; выбирать более четкие и понятные работникам показатели оценки деятельности; сокращать периоды планирования и полного расчета оплаты труда и, наконец, своевременно и полно информировать работников обо всех изменениях в системе премирования, нормах и расценках.

При подкрепляющем же стимулировании работникам необходимо другое – понимание миссии, предназначения, общих целей и задач подразделения, в котором они работают; знание состояния дел в коллективе и проблем, которые возникают в процессе деятельности; включенность в процесс принятия важнейших решений; уверенность в справедливости распределения благ на предприятии; доверие к другим участникам совместной деятельности и руководству. Но нет нужды разрабатывать индивидуальные нормы труда и времени, показатели для оплаты, учитывать промежуточные результаты деятельности и т. п.

Они имеют также различные результаты и последствия для организационного поведения персонала. Опережающее стимулирование изначально ориентирует работника на получение вознаграждения и тем самым сдвигает на второй план сам смысл выполняемой работы («Вознаграждение демотивирует — смещает интерес со смысла деятельности на стимул», — Р. Шпренгер [10, с. 77]), делает человека равнодушным к другим аспектам и сторонам деятельности. Действительно, если начальство определило как важнейшие и ввело в систему поощрения одни показатели деятельности, то зачем работнику обращать внимание на другие характеристики работы, производимого продукта или услуги. Это будет для него напрасной тратой сил и времени, в конце концов, потерей в зарплате, премии. Такова логика мотивации человека в пространстве опережающего стимулирования. Для того чтобы обратить его усилия на другие объекты и обстоятельства, надо вводить новые показатели (и стимулы). Приходится придумывать все более детальные и хитрые схемы связи вознаграждения с количественными характеристиками труда.

Подкрепляющее же стимулирование не требует разработки изощренных систем премирования. Оно побуждает персонал к собственному поиску тех решений, которые в конкретной ситуации данного подразделения позволят получить лучший, более ценный для организации результат и соответственно более высокое вознаграждение. Однако взамен требует от менеджмента предприятия действенных усилий в социальной системе организации, в сфере корпоративной культуры.

Обе формы организации стимулирования в конкретных условиях обладают определенными достоинствами и недостатками, а также разной эффективностью в различных сферах деятельности.

Обратим также внимание на то обстоятельство, что эти две формы организации стимулирования по-разному применимы для различных групп стимулов. Так, если материально-денежное и материальное неденежное стимулирование и стимулирование временем могут использоваться как в опережающей, так и в подкрепляющей формах организации, то моральные стимулы общего действия приспособлены исключительно к подкрепляющей форме организации.

В составе принудительной мотивации, основным средством которой является наказание, в соответствии с принципом учета момента времени информирования объекта управления следует выделять три формы организации: *принуждение-предупреждение* (когда информирование осуществляется до начала деятельности), *принуждение-подкрепление* (информирование осуществляется в момент выполнения деятельности) и *принуждение-кара* (информирование имеет место после окончания события, обычно вместе с соответствующим наказанием).

Принуждение-предупреждение является самой приемлемой формой негативного воздействия на объект управления. Это только сигнал о возможности наказания. Сигнал в чистом виде. Угроза имеет неоспоримое достоинство, что способна предотвратить нарушение и нежелательное развитие событий.

Принуждение-подкрепление также может быть эффективным, но оно сложнее осуществляется. Это уже не просто сигнал, а сигнал одновременно с применением наказания в момент осуществления нежелательных действий. Его достоинство состоит в том, что объект воздействия может сразу отреагировать, прекратить осуждаемую деятельность и тем самым снять наказание. Негативное подкрепление с надежностью психофизиологического закона научает все живое на земле, в том числе и человека, избегать действий чреватых негативными последствиями. Именно это обстоятельство не понято частью отечественных авторов по менеджменту в теории подкрепления Бэрреса Скиннера [1, с. 155 – 156; 4, с. 272; 9, с. 111]. Они не находят разницы между отрицательным подкреплением и простым (отсроченным) наказанием, являющимся третьей формой организации принуждения — принуждением-карой.

Принуждение-кара (или возмездие) — наиболее часто применяемое средство принудительной мотивации в хозяйственной практике. Наказание отделено от проступка, как правило, более или менее продолжительным промежутком времени. Только после того и в том случае, если и когда о событии стало известно субъекту управления. Недостатком такой формы управляющего воздействия становится то, что в этом случае по существу совершенного уже почти ничего нельзя изменить; дело сделано.

Между тем расчет на то, что получив наказание, работник в последующем не будет повторять нарушение, слишком часто не оправдывается. Для того чтобы желаемый эффект наказания осуществился, необходимо многое. И чтобы человек воспринял наказание как заслуженное, и чтобы он сделал «правильные» выводы, и чтобы он умел в достаточной мере управлять собой для преодоления своего недостатка, и чтобы внешние обстоятельства (например, общественные нормы микросреды) не препятствовали этому и т. д. Отсроченное, особенно на продолжительное время, наказание по психологическим законам вызывает у человека досаду, ощущение несправедливости, озлобленность на того, кто наказывает, и имеет другие негативные последствия. Он часто воспринимает наказание как кару (действие администрации назло ему), как возмездие. Для того чтобы стать актом управления человеком, отсроченное негативное воздействие должно пройти стадию осмысления в сознании и принятия. Поведенческая теория считает это большим недостатком наказания, который приводит к совершенно непредсказуемым реакциям объекта управления, а само наказание такого рода совершенно неудовлетворительным по конечным результатам. Карен Прайор так прямо и пишет: «наказание — это способ, предпочитаемый всеми, хотя он почти никогда не действует» [7, с. 100]. Поэтому надо искать любую возможность прервать нежелательное действие объекта управления в момент его осуществления. Как известно, этот принцип разрабатывается в управленческой технологии модификации поведения С. Латенса и Р. Крайтнера [2, с. 362 – 366].

Каждая из рассмотренных форм организации принуждения также обладает своей спецификой и эффективностью, достоинствами и недостатками в

различных управленческих ситуациях. Поэтому и в области принудительной мотивации фактор времени осуществления мотивационного воздействия на объект управления как управленческого сигнала играет важную роль.

Значительным потенциалом продуктивности для дальнейшего развития теории мотивации, на наш взгляд, обладает принцип подхода к изучению и совершенствованию функции трудовой мотивации с позиций концепции социального обмена. Применительно к стимулированию использование этого принципа позволяет выявить обменную мотивационную логику опережающей и подкрепляющей, а также *промежуточных форм организации стимулирования*, которая дает возможность в зависимости от необходимости плавно переводить опережающее стимулирование в подкрепляющее и наоборот.

Известно, что опережающее стимулирование базируется на принципах прямого обмена – эквивалентности, гарантированности и симметричности, ибо требует эквивалентности вознаграждения трудовому вкладу работника, строгого соблюдения контрагентами обмена (предприятием и работником) своих обязательств друг перед другом. И предполагает обменную логику мотивации – работник выполняет положенную работу только в расчете на получение от предприятия благ, а предприятие предоставляет такие блага только в расчете на получение результатов труда от работника (принцип симметричности).

При подкрепляющем же стимулировании действует только этот последний принцип обмена – работник осуществляет сверхнормативные усилия на работе в расчете на то, что они принесут ему дополнительное вознаграждение (например, в системе премирования). Однако, что конкретно и сколько он должен для этого сделать и что за это он получит, ему никто не установил. Он должен сам определить это и может только предполагать вид и объем вознаграждения. При такой форме организации стимулирования заранее не оговаривается эквивалентность и отсутствует какая-либо официальная гарантированность (выше уже говорилось о том, что эффективность мотивации в такого рода условиях обеспечивается не экономическими средствами). Такой обмен получил название квазиопосредованного. Дело в том, что ситуации, когда не рекомендуется ни один из принципов прямого обмена, относятся социологами к *опосредованному* [5, с. 8 – 12] социальному обмену – человек выполняет действия не в расчете на вознаграждение, а в силу их естественной необходимости или простого желания. Он только нечто «отдает» без мыслей о том, чтобы что-то «получить». Здесь действуют непрямообменные мотивы: помощь родному предприятию, попавшему в тяжелое положение, например, в результате аварии отстающему или недостаточно квалифицированному работнику и т. п.

Опережающее стимулирование в долгосрочном аспекте оказывает негативное влияние на формирование трудовой мотивации. Оно усиливает прямообменные мотивы и в целом прямообменность как свойство личности. Это обстоятельство интуитивно понимается большинством работников. Так, в нашем представительном социологическом исследовании тру-

довой мотивации персонала Кемеровской областной службы занятости (опрошено 96 % списочной численности персонала – 513 человек) 65 % рядовых работников и 81 % руководителей при следующей редакции вопроса «СУЩЕСТВУЮТ ДВЕ РАЗЛИЧНЫЕ ТАКТИКИ ПООЩРЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ. КАКУЮ ИЗ НИХ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ БЫ, ЕСЛИ БЫ БЫЛИ РУКОВОДИТЕЛЕМ?» – выбрали вариант – *«Выдавая задание пояснить, для чего работа необходима, и только впоследствии, если она будет хорошо выполнена, поощрить работника. Пусть прежде думает о деле, а не о вознаграждении»*. Сторонников прямообменной логики мотивации оказалось среди рядовых специалистов 21 %, среди руководителей – 14 %. Их позиция такова: *«Чтобы работа лучше выполнялась, при выдаче задания назначить подходящее вознаграждение. Пусть оно "греет душу" исполнителю»*. Остальные отвечавшие затруднились с ответом.

Но конечно, между опережающим и подкрепляющим стимулированием нет пропасти. Трудовые ситуации очень разнообразны и среди них встречаются такие, которыми можно заполнить пространство между опережающим и подкрепляющим стимулированием. Для понимания возможностей перевода в случае необходимости одной формы организации стимулирования в другую, стоит рассмотреть, какую мотивационную логику диктует человеку варьирование гарантированностью и эквивалентностью обмена в различных ситуациях.

Так, в теории, кроме прямого, выделяются также квазипрямой эквивалентный (при отсутствии гарантированности) обмен. Это ситуации конкурсов, соревнований, рискованные операции, инновационные проекты. Выделяют также квазипрямой гарантированный обмен (есть симметричность и гарантированность, но отсутствует эквивалентность) – ситуации экономической вынужденности в условиях безработицы, произвола собственников при начислении заработной платы, при плохой организации или условиях труда, когда работнику ничего не остается делать, как соглашаться на всяческие недостатки и неэквивалентность компенсации, хотя она очевидна.

Таким образом, ступеньками перехода мотивационной логики прямого обмена к квазиопосредованной и далее опосредованной обменной мотивации является последовательное исключение реализации принципов гарантированности и эквивалентности обмена и впоследствии исключение принципа симметричности (прямой обмен, квазипрямой эквивалентный, квазипрямой гарантированный, квазиопосредованный и, в конце концов, опосредованный). Соответственно, помимо опережающего и подкрепляющего стимулирования, следует выделять промежуточные формы организации – *опережающую негарантированную и опережающую неэквивалентную*.

С позиции рассматриваемого методологического принципа выделения момента времени получения объектом управления информации о стимулах переход от опережающего стимулирования в сторону подкрепляющего состоит в том, что перед началом деятельности работник получает информацию о возможности поощрения в вероятностном формате («ве-

роятно, что поощрение за выполненные действия произойдет») или с неопределенным объемом поощрения. При этом ситуации неопределенности с вероятностью получения вознаграждения и с объемом поощрения по различному воспринимаются разными категориями людей. Наблюдения показывают, что опережающие негарантированные ситуации стимулирования лучше мотивируют конкурентоспособных, уверенных в себе, готовых рисковать, конкурировать и бороться с обстоятельствами, успешных людей. Ситуации же опережающего неэквивалентного стимулирования больше соответствуют внутренней готовности лиц, низко оценивающих свои шансы на рынке труда, работников, имеющих низкую квалификацию, и тех, кто трудится не по своей специальности, неконкурентоспособных граждан, слабых, больных, инвалидов и т. п.

На наш взгляд, варьирование правилами обмена (эквивалентностью и особенно гарантированностью) обещает помочь найти новые пути совершенствования стимулирования при решении мотивационных задач в различных нестандартных ситуациях. Так, уровнем гарантированности вознаграждения можно варьировать путем изменения числа участников или числа призов в трудовых соревнованиях, конкурсах, введением страховых механизмов в рискованных операциях и при побуждении к участию в инновационных проектах.

Более того, социологическое применение теории обмена позволило выявить логику *необменной мотивации труда*, которая составляет значительную часть нематериальной мотивации. Такой подход позволяет также выделить и изучить несколько различных видов мотивационной культуры предприятия – принудительную, прямообменную, опосредованнообменную и необменную. Если под мотивационной культурой понимать конфигурацию всей совокупности применяемых на предприятии средств, приемов и принципов воздействия на персонал, то основной характеристикой принудительной мотивационной культуры следует признать преимущественное использование системы приказов и наказаний, характеристикой прямообменной культуры – преобладание опережающего стимулирования с его четкой торговой прямообменной логикой. Опосредованная мотивационная культура основывается на значительном использовании подкрепляющего стимулирования, патернализме и заботе о работниках, а необменная – на прямой мотивации труда (мотивации персонала содержанием, смыслом, объективной необходимостью, общественной значимостью выполняемых работ).

Важным представляется также рассмотрение под углом зрения обменной теории проблем принудительной мотивации, например, в деле дисциплинарного регулирования поведения персонала. О принудительной мотивации как обмене речь может идти только применительно к так называемым вынужденным ситуациям [3, с. 182], в которых имеется конкретный субъект принуждения и отношения той или иной степени зависимости между объектом и субъектом управления. Здесь также действуют принципы гарантированности, эквивалентности и симметричности. Предметом, однако, являются не поощрения, а

наказания, обменным смыслом которых является ухудшение удовлетворения каких-либо потребностей объекта управления. Отметим, что роль гарантированности как принципа принудительной мотивации также чрезвычайно высока, ибо требование реализации этого принципа лежит в основе важнейшего правила воздействия на человека в педагогике и юриспруденции – правила неотвратимости наказаний. Принцип эквивалентности находит свое выражение в понятии справедливости – соразмерности наказания проступку, одной из форм соответствия сущего должному.

Другим важным, на наш взгляд, методологическим принципом мотивации как функции управления персоналом является правило учета всей совокупности эффектов мотивационного воздействия субъекта управления на объект управления при оценке результативности средств, методов и приемов мотивации и в целом мотивационной культуры предприятия. Это положение требует выделения, помимо целевых управленческих или производственно-экономических результатов (степени достижения объектом управления поставленной производственной или экономической цели), также психологических и социальных результатов и последствий. При этом под психологическими результатами и последствиями нами понимаются направление и степень изменений, вносимых в личность подчиненного начальником в результате сильного однократного или многократного применения тех или иных мотивационных средств воздействия – развитие или, напротив, регресс качеств [6, с. 166]. Соответственно под социальными результатами и последствиями понимаются направление и степень изменений, которые производит средство мотивации в системе отношений работника к последующему труду, к руководителю, предприятию, обществу и т. п.

На это обстоятельство в отечественной литературе по менеджменту почти ничего не говорится. В основном речь идет о том, как добиться от подчиненных необходимого руководителям конечного результата. Между тем в контексте широкой задачи управления персоналом совсем не безразлично, какими методами достигается производственный результат, какие последствия примененные средства мотивации имеют для динамики качеств персонала. Ибо разные средства мотивации (поощрение или наказание, опережающее или подкрепляющее стимулирование, убеждение или приказ и т. п.) оставляют различный след в личности человека, и он завтра возвращается в производственный цикл уже другим, измененным. Поэтому можно сказать, что каждый руководитель не только организует производство для своих потребителей какой-либо профильной продукции или услуги, но также попутно производит для общества и продукцию особого рода – те или иные психологические, социальные и трудовые качества персонала. Таким образом, по аналогии с понятиями социально ответственного маркетинга или бизнеса правильно было бы ввести понятие *социально ответственного мотивирования персонала*. А оценивать эффективность мотивационного стиля конкретного менеджера и мотивационной культуры предприятия следовало бы с

учетом всех результатов и последствий для общества – и экономических, и социальных, и психологических.

Совокупность рассмотренных принципов анализа и организации мотивации типа информированности персонала, характера обменности процессов мотива-

ции и принципа комплексности оценки результатов и всех последствий мотивации составляют, на наш взгляд, методологическое ядро построения системы долговременной трудовой мотивации персонала организации.

Литература

1. Аширов, Д. А. Трудовая мотивация: учебное пособие / Д. А. Аширов – М.: ТК Велби: Проспект, 2005. – 448 с.
2. Занковский, А. Н. Организационная психология: учебное пособие для вузов / А. Н. Занковский. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ, 2002. – 648 с.
3. Зеленовский, Я. Организация трудовых коллективов / Я. Зеленовский. – М.: Прогресс, 1977. – 312 с.
4. Магура, М. И. Современные персонал-технологии / М. И. Магура, М. Б. Курбатова. – М.: Бизнес-школа "Интел-синтез", 2001. – 376 с.
5. Наумова, Н. Ф. О социологическом и экономическом подходах к трудовой мотивации / Н. Ф. Наумова // сб. трудов ВНИИ системных исследований. – М., 1980. – Вып. II.
6. Орлов, Ю. М. Восхождение к индивидуальности: кн. для учителя / Ю. М. Орлов – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.
7. Прайор, К. Не рычите на собаку / К. Прайор. – М.: Селена +, 1995. – 406 с.
8. Прошкин, Б. Г. Место стимулирования среди методов формирования мотивов трудового поведения человека / Б. Г. Прошкин // Изв. СО АН СССР. Серия: Экономика и прикладная социология. – 1986. – Вып. 2. – № 7.
9. Уткин, Э. А. Мотивационный менеджмент / Э. А. Уткин. – М.: ЭКМОС, 1999. – 256 с.
10. Шпренгер, Р. Мифы мотивации. Выходы из тупика: [пер. с нем.] / Р. Шпренгер. – Калуга: Духовное познание, 2004. – 296 с.
11. Щербак, В. Н. Стимулы трудовой деятельности (методологический аспект) / В. Н. Щербак. – Л.: ЛГУ, 1976. – 280 с.

Информация об авторе:

Прошкин Борис Георгиевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента КемГУ, 8(3842)-75-11-90, pbg41@mail.ru.

Boris G. Proshkin – Candidate of Economics, Assistant professor at the Department of Management, Kemerovo State University.

УДК 378

ОПЫТ ОЦЕНКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СТУДЕНТАМИ НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Б. Г. Прошкин, Н. В. Кленикова

THE EXPERIENCE OF STUDENTS' ASSESSING TEACHERS AT THE ECONOMICAL FACULTY OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

B. G. Proshkin, N. V. Klenikova

В статье анализируется 30-летняя практика организации обратной связи между студентами и преподавателями на базе учета общественного мнения обучающихся, раскрывается логика развития методики изучения мнения студентов, анализируется статистика оценки студентами различных групп качеств преподавателей, вносятся предложения по совершенствованию организации использования результатов.

The article provides an analysis of the 30-year experience of organization a feedback between teacher and students based on public opinion accounting. The logic of developing student-opinion research methodology is described. The assessment statistics are analyzed. In the conclusion, some recommendations which can improve the assessment procedure are given.

Ключевые слова: оценка преподавателя, профессиональные качества, мнение студентов, требовательность, объективность, доброжелательность.

Keywords: assessing teachers, professional qualities, students opinion, exactingness, objectivity, benevolence.

Идея оценки преподавателей студентами как форма обратной связи между обучающимися и обучающимися впервые была опробована на экономическом

факультете КемГУ 19 октября 1981 г. Инициатива ее реализации принадлежит коллективу социологической лаборатории, где была разработана анкета «Мне-

ние студента о преподавателе» и проведен первый опрос студентов.

Первоначально эта идея была воспринята большинством преподавателей кафедры, на базе которой работала лаборатория, настороженно. Скептики высказывали опасения, что студенты будут использовать свои оценки в качестве средства сведения счетов с требовательными преподавателями. Высказывались также сомнения в способности студентов объективно оценить преподавателей ввиду очевидного более низкого уровня их профессиональной компетентности в сравнении с оцениваемыми. Имелось в виду, что будет оцениваться профессиональная компетентность преподавателей. Однако уже первые оценки показали, что студенты в своем подавляющем большинстве не страдают мстительностью и в целом объективны в оценке своих учителей, конечно, тех их характеристик, которые они видят и которые более всего способны оценивать: темп ведения занятий, владение материалом, умение ясно излагать мысли, любовь к преподаваемому предмету, уровень благожелательности отношения к студентам и т. п.

Общественное мнение является объективным социальным процессом. То обстоятельство, что оно представляет собой субъективную форму отражения действительности, не снижает ее ценности. В ряде ситуаций и сфер общественной жизни оно дает наиболее достоверную информацию. К таким сферам относится оценка кадров. В настоящее время не создано и, как постепенно становится очевидным, никогда не будет создано более надежных методов комплексной оценки человека, чем обобщенное мнение знающих его людей.

Мнение студентов о преподавателе содержит двоякого рода информацию – информацию о действительных свойствах его личности и профессиональной деятельности (она существует в основном в рациональной форме и обладает тем или иным уровнем достоверности) и информации об отношении студентов к нему и его деятельности (существует в основном в эмоциональной форме и абсолютно достоверна). Отсюда вытекает два направления интерпретации материалов, полученных на основе изучения общественного мнения: извлечение объективной информации о преподавателе и получение информации о том, как выглядит преподаватель и его деятельность в глазах студентов. Оба вида информации важны для совершенствования учебно-воспитательного процесса.

Рациональная информация о преподавателе, полученная таким образом, обладает тем или иным уровнем достоверности, точности, объективности в зависимости от степени конкретности оцениваемых качеств, интенсивности, широты и продолжительности общения его со студентами, зрелости суждений студентов, открытости характера преподавателя и т. д. Ответы студентов на такие вопросы, как «Грамотно ли говорит преподаватель?», «Доступно ли он выражает свои мысли?», «Удобно ли вести конспекты на лекциях данного преподавателя?», «Какую атмосферу он создает на семинарах?» и др., дают информацию в высшей степени надежную, на основе которой можно строить вполне конструктивные выводы и рекомендации по совершенствованию учебного процесса.

В то же самое время часть рациональной информации в силу недостаточного социального опыта студентов и каких-либо ситуативных моментов не может обладать высокой точностью, объективностью. Например, объективность информации, получаемой из ответов студентов на вопросы типа «Обладает ли преподаватель достаточной глубиной знаний?», «Обладает ли он необходимой для преподавателя широтой интересов?», «Использует ли на лекциях новые современные материалы?», может быть подвержена большому сомнению и требует дополнительной проверки, например, оценкой со стороны коллег-преподавателей, членов методических комиссий и т. д. Однако такая информация, тем не менее нужна как выражение реально существующего явления – оценок, точек зрения, установок на преподавателя, видение его студентами, – которое оказывает влияние на обучение (восприятие информации, отношение к предмету, к учебным заданиям) и потому должно учитываться и корректировать поведение преподавателя и ход всего педагогического процесса.

Если представительное большинство студентов считает, что преподаватель не обладает достаточной глубиной знаний, то это заставляет серьезно задуматься над причинами такого мнения. Может быть, оно отражает действительное положение дел, и тогда следует принять меры по повышению профессиональной подготовки преподавателя. В противном случае следует задуматься о природе, причинах происхождения такого мнения и о том, каким образом его можно изменить. В учебно-воспитательном процессе студент всегда остается стороной подчиненной, и потому мы должны признать, что качество учебно-воспитательного процесса в подавляющей мере зависит от педагога, им определяется. Если у студентов сложилась отрицательная оценка преподавателя, то, скорее всего, виноват сам преподаватель или даже весь педагогический коллектив. Можно, конечно, игнорировать мнение студентов по той причине, что оно якобы недостаточно компетентно, но это не пройдет без последствий для конечных результатов учебной деятельности, и потому такая позиция, по меньшей мере, безответственна.

При изучении общественного мнения опрашиваемым также часто задаются вопросы, целью которых является получение именно такой информации: об эмоциональном отношении студентов к преподавателю, об эмоциональной оценке ими его отдельных качеств («Нравится ли Вам внешний вид преподавателя?», «Нравятся ли манеры поведения?», «Говорите ли Вы с гордостью знакомым, увидев его на улице: «Это мой преподаватель!»?» и т. п.). Потребителем этой информации является, прежде всего, сам преподаватель. Она призывает его к размышлению о самом себе, своих достоинствах и недостатках, о путях самосовершенствования, о том, какими мы выглядим в глазах других людей. Такая информация абсолютно необходима любому человеку независимо от того, осознает он это или нет, ищет ее или остерегается.

Так преподаватель, зная, что его не любят студенты, часто списывает это на недостатки их самих, не догадывается об истинных причинах своего низкого авторитета в их среде и чаще всего имеет в

качестве психологической защиты какое либо удобное объяснение типа: «Конечно, я требователен, а они лодыри. Поэтому и не любят» или «Я даю материал на самом современном уровне. Просто среди них мало способных людей» и т. п.

Но совершенно очевидно, что требовательность отнюдь не предполагает грубости, нетактичности, а высокая квалификация – высокомерия и чванливости, которые могут составлять истинную причину низкого авторитета преподавателя в глазах студентов.

В первой анкете социологической лаборатории экономического факультета «Мнение студента о преподавателе» оценивались 19 качеств. Здесь уместно отметить, что разрабатывалась анкета в основном силами студентов пятикурсников, выпускников факультета, членов лаборатории. В неё вошли такие качества, как глубина знаний; широта интересов; доступность выражения мыслей; грамотность речи; заинтересованность преподавателя в том, чтобы студенты лучше знали его предмет; характер атмосферы, которую он создает на семинарах; объективность в оценке знаний студентов; темп лекций; удобно ли вести за ним конспекты лекций; его качества как научного руководителя; использует ли новые современные материалы; есть ли желание работать с ним над дипломом или чтобы он был куратором учебной группы; говорят ли студенты с гордостью знакомым, увидев его на улице: «Это мой преподаватель!»; уважают ли студенты его; если уважают, то за какие качества; какие качества в преподавателе не удовлетворяют; пользуется ли он уважением со стороны остальных студентов группы; считают ли студенты его талантливым, способным, заурядным или хуже; нравится ли внешний вид преподавателя; его манеры поведения.

Как видим, анкета давала много эмоциональных оценок студентов. Она так и задумывалась и создавалась, чтобы преподаватель мог, получив обратную связь от студентов, скорректировать методику своего преподавания и поведения со студентами. Поэтому опросы по ней осуществлялись исключительно по инициативе самих преподавателей, то есть на добровольной основе. Преподаватель, заинтересованный в получении подобного рода информации от студентов, заказывал в социологической лаборатории анкетирование в конкретной группе или на курсе, просматривал анкету и добавлял в неё с помощью социологов новые вопросы или исключал не интересующие его. Результаты оценки сообщались только ему. С самого начала действия методики это было важнейшим условием, так же, как и анонимность ответов студентов. Ни администрация, ни руководители общественных организаций факультета эту информацию не получали. Ею владел только человек, занимавшийся сводкой первичных данных, и сам преподаватель. Доверие к методике полностью определялось этической безупречностью членов социологической лаборатории, занятых этой работой.

Последующие интервью с преподавателями, прошедшими процедуру оценки со стороны студентов, показали, что, во-первых, они очень напряженно и заинтересованно ожидали результатов, а во-вторых, большинство преподавателей получили какую-либо

неожиданную для себя информацию. Особенно часто это касалось образа преподавателя в глазах студентов. Этот образ часто не соответствовал представлению преподавателя о себе и манерах своего поведения. Многим требовалось обратить внимание на те вопросы, над которыми раньше преподаватель просто не задумывался. Для некоторых оказывалось совершеннейшей неожиданностью то обстоятельство, что по мнению студентов, преподаватель не всегда объективно оценивает студентов и «у него есть любимчики», относится к студентам высокомерно или «излагает материал недостаточно ясно» и нужно еще более доходчиво, простыми словами и с примерами разъяснять существо предмета.

В дальнейшем методика претерпевала изменения в зависимости от решаемых задач и понимания того, какая информация является наиболее адекватной и ценной для совершенствования учебного процесса. В 1987 году анкета изменила форму, стала называться «Преподаватель глазами студентов» [1, с. 9] и включала следующие качества: Излагает материал ясно, доступно; умеет вызвать и поддержать интерес аудитории к предмету; учитывает реакцию аудитории; побуждает к дискуссии; обладает культурой речи; обладает четкой дикцией; имеет нормальной темп изложения материала; умеет снять напряжение и усталость аудитории (шуткой или иным способом); побуждает интерес к будущей профессии; создает атмосферу совместного творческого поиска; доброжелателен и тактичен по отношению к студентам; самокритичен, требователен к себе; требователен к студентам; заинтересован в успехах студентов; объективен в оценке знаний студентов; обладает высокой эрудицией; обладает хорошими манерами поведения; следит за своим внешним видом; вызывает чувство симпатии, располагает к себе.

Как видно, из состава оцениваемых были исключены некоторые качества морального свойства. Анкета стала больше ориентированной на оценку профессиональных характеристик преподавателей. В качестве цели изучения общественного мнения студентов с её помощью назывались «демократизация отношений в университете, совершенствование работы преподавателей, улучшение кадрового состава работников факультетов» [3, с. 2]. В 1988 году решением Совета социолого-психологической службы КемГУ методика была дополнена анкетой для преподавателей, ведущих семинарские, практические и лабораторные занятия, с несколько видоизмененными формулировками качеств [3, с. 10]. К сожалению, статистики оценок в эти учебные годы не сохранилось.

В последующем процедура оценки преподавателей студентами во всем Кемеровском университете стала обязательной для переизбрания по конкурсу. В анкете было проведено дальнейшее сокращение перечня и корректировка формулировок оцениваемых качеств: 1) обладает глубокими знаниями по предмету; 2) излагает материал ясно; 3) обладает грамотной речью; 4) обладает четкой дикцией; 5) учитывает реакцию аудитории; 6) умеет снять напряжение и усталость аудитории (шуткой или иным способом); 7) стремится вызвать и поддержать интерес большинства студентов к занятиям; 8) заинтересован в успехах

студентов; 9) требователен к студентам; 10) объективен в оценке знаний студентов; 11) доброжелателен, тактичен по отношению к студентам.

В Регламенте процедуры опроса студентов по методике «Преподаватель глазами студентов» 2009 года указаны две задачи:

1. Получение преподавателями обратной связи от студентов для корректировки и совершенствования преподавательской деятельности, повышения её качества.

2. Получение документа, необходимого для прохождения преподавателя по конкурсу [4, с. 2].

За 13 лет действия этой системы оценки с 1994/1995 до 2008/2009 учебного года преподаватели экономического факультета оценивались более 350 раз. Статистика оценок за эти годы сохранилась.

В 2009/2010 учебном году, после очередной корректировки, начала действовать и продолжает действие по сегодняшний день измененная анкета. В ней также оцениваются 11 качеств преподавателя, но исключены одни, а добавлены другие характеристики: 1) обладает широтой знаний по предмету; 2) излагает материал ясно, доступно; 3) обладает грамотной речью; 4) учитывает реакцию аудитории (в т. ч. умеет снять напряжение и усталость шуткой или иным способом); 5) стремится вызвать и поддержать интерес студентов к предмету; 6) имеет нормальный темп проведения занятий; 7) умеет побуждать студентов к активной работе; 8) использует удачные примеры для объяснения сложных теоретических вопросов; 9) использует разные формы проведения занятий; 10) объективен в оценке знаний студентов; 11) доброжелателен, тактичен по отношению к студентам.

Эту статистику (оценка 82 преподавателей) мы также представляем в настоящей статье в обобщенном виде. Таким образом, с 1994/1995 учебного года преподаватели экономического факультета оценивались более 430 раз. Социологической службой проведен огромный объем работы. Станным, на наш взгляд, является только то обстоятельство, что до сих пор эта ценнейшая практика должным образом не анализировалась и не обсуждалась в педагогическом коллективе.

С 2011 года обязательность представления оценок студентов при избрании/переизбрании преподавателей была снята. Получение оценок стало снова добровольным делом преподавателя.

Что же дает краткий содержательный анализ практики оценки преподавателей студентами?

Самые высокие оценки студенты дают преподавателям экономического факультета по таким качествам как глубина (с 2009/2010 года – широта) знаний по предмету, грамотность речи, четкость дикции – от 4,3 до 4,7 баллов. Как видим, с основными профессиональными качествами преподавателя кафедры как такового все в порядке. Оценки ниже 3 баллов по этим качествам от студенческих групп получили только два преподавателя. Это составляет половину процента от осуществленных оценок.

Однако, студенты – достаточно строгие судьи труда преподавателей: «круглых отличников» среди факультетских педагогов также немного. Так за все время оценивания (т. е. из 433 оцененных преподава-

телей) набралось только 2 преподавателя, получивших по оцениваемому предмету средний балл 5 по всем качествам. А число всего отличных оценок, выставленных группами студентов преподавателям по отдельным характеристикам (напомним, их 11) составило 108 из 4763 оценок, т. е. 2 %.

Достаточно высокие оценки преподаватели факультета в среднем получают по качествам «Требователен к студентам», «Доброжелателен, тактичен по отношению к студентам» и «Объективен в оценке знаний студентов» – в основном 4,2 – 4,5 балла.

Чуть хуже обстоит дело с ясностью изложения материала и учетом реакции студентов (4,0 – 4,4 балла). И ещё хуже с качествами «Заинтересован в успехах студентов», «Стремится вызвать и поддержать интерес большинства студентов к занятиям» и «Умеет снять напряжение и усталость аудитории (шуткой или иным способом)» – 3,8 – 4,3 балла.

Конечно, обобщенные данные по факультету очень сильно усредняют студенческие оценки. Поэтому более показательны и интересны для анализа данные по отдельным преподавателям. В качестве примера рассмотрим оценки, полученные преподавателями факультета в 1 семестре 1994/1995 (табл. 1) и 1 семестре 2011/2012 (табл. 2) учебных годов.

В таблице 1 первые три качества («Обладает глубокими знаниями по предмету», «Обладает грамотной речью» и «Обладает четкой дикцией») несколько условно можно отнести к сугубо технической оснащенности преподавателя. Это те качества, без которых вряд ли можно говорить о профессиональном соответствии преподавателя. Их, конечно, теоретически можно развить или откорректировать, но практически это вряд ли целесообразно. Такому человеку лучше поменять профессию. С этой группой качеств в 1 семестре 1994/1995 учебного года в целом все было в порядке.

Следующие три качества («Требователен к студентам», «Доброжелателен, тактичен по отношению к студентам» и «Объективен в оценке знаний студентов») характеризуют разные аспекты отношения преподавателя к студентам. И в этой группе в среднем оценки были неплохими (4,2 – 4,4 балла). Однако здесь обнаруживаются важные для корректировки стиля поведения преподавателя закономерности. Во-первых, доброжелательность, тактичность по отношению к студентам может сочетаться с высокой требовательностью (см. данные преподавателей № 1, 2 и 4), но может и не сочетаться. Так, самой низкой уровень требовательности к студентам отмечается у преподавателя № 5, которому студенты дают очень высокую оценку по доброжелательности и тактичности (4,9 балла). В своей массе студенты четко фиксируют дефицит требовательности со стороны данного преподавателя. Однако связка рассматриваемых качеств может иметь и противоположный характер. Например, у преподавателей № 3, 6 и 8 требовательность особенно преобладает над доброжелательностью и тактичностью, у преподавателя № 8, которому студенты поставили самые высокие оценки по требовательности (4,9 балла), но и самые низкие оценки по доброжелательности и тактичности (3 балла).

Оценки студентами преподавателей ЭФ КемГУ в 1 семестре 1994/1995 уч. года

Оцениваемые качества	Оцениваемые преподаватели								Ср. знач.	Коеф. вариации (%)
	1	2	3	4	5	6	7	8		
Обладает глубокими знаниями по предмету	4,9	4,8	4,8	5	5	4,1	3,9	3,8	4,6	10,1
Обладает грамотной речью	4,8	4,9	4,5	4,4	4,6	4,8	4,2	3,7	4,5	6,5
Обладает четкой дикцией	4,7	4,8	4,5	4,2	4,8	4,6	4,2	3,6	4,4	7,2
Требователен к студентам	4,5	4,6	4,7	4,5	3,4	4,3	4,1	4,9	4,4	7,5
Доброжелателен, тактичен по отношению к студентам	5	4,8	3,8	4,9	4,9	3,7	4,6	3	4,3	14,6
Объективен в оценке знаний студентов	4,8	4,8	4,4	4,3	4,2	4,2	4	3,3	4,2	7,7
Излагает материал ясно	4,8	4,9	4,4	3,6	4,2	4,3	3,8	3	4,1	12,0
Учитывает реакцию аудитории	4,8	4,7	4,7	3,9	4,1	4	4,2	2,5	4,1	11,9
Умеет снять напряжение и усталость аудитории (шуткой или иным способом)	4,8	4,4	4,8	3,8	4,4	4,2	3,8	2	4	15,5
Заинтересован в успехах студентов	4,7	4,5	4,4	4,2	3,9	3,8	4,2	2,5	4	11,7
Стремится вызвать и поддержать интерес большинства студентов к занятиям	4,7	4,3	4,4	4	3,8	3,6	3,6	2,1	3,8	14,1
Среднее значение оценки	4,8	4,7	4,5	4,3	4,3	4,2	4,1	3,1	4,2	8,0
Коэффициент вариации (%)	1,9	3,7	4,3	7,7	9,3	6,6	5,2	21,5	4,8	

Надо отметить, что в целом в оценках студентов фиксируется факт: сами по себе доброжелательность и тактичность не являются прямым основанием для объективности оценки преподавателем знаний студентов. По мнению студентов, не у всех преподавателей относительно высокая объективность в оценке знаний является следствием доброжелательности и тактичности (№ 3, 6 и даже 8) и низкая требовательность к студентам не обязательно ведет к низкой объективности (№ 5) оценки знаний.

Следующая группа из трех качеств («Излагает материал ясно», «Учитывает реакцию аудитории» и «Умеет снять напряжение и усталость аудитории (шуткой или иным способом)» может быть охарактеризована как совокупность «технологической» оснащенности преподавателя и в большей степени характеризует уровень лекторского мастерства и опыта преподавателя. По-видимому, эти характеристики процесса преподавания в наибольшей степени доступны для целенаправленного научения и тренинга. Здесь возможно освоение специальных приемов и процедур, тщательная подготовка к каждому занятию, использование ранее наработанных заготовок.

Оставшиеся два качества («Заинтересован в успехах студентов» и «Стремится вызвать и поддержать интерес большинства студентов к занятиям»), скорее всего, относятся к видимой студентами стороне мотивационных усилий преподавателя в учебном процессе. Они, на наш взгляд, зависят от внутренней установки преподавателя на свою профессию, преподаваемый предмет и студентов и также внешне выражаются в манерах поведения в отношении студентов.

Важной характеристикой деятельности преподавателя является его собственная мотивация к учебной деятельности, точнее видимая студентам часть этой мотивации. Это совершенно необходимый компонент искусства преподавания. По законам психологического заражения ярко проявляющаяся заинтересованность преподавателя к освоению студентами передаваемой информации генерализуется в искренний интерес преподавателя к предмету и передается студентам. Почувствовать, что преподаватель любит свой предмет, студентам не сложно, но именно с этого может начаться их серьезное внимание к преподаваемой им дисциплине.

В целом данные таблицы № 1 подтверждают тот известный факт, что каждый преподаватель – это индивидуальность, человек со своими особенностями, и студенты отражают в видимом ими преломлении эти особенности. Поэтому можно сомневаться в объективности их оценок, но знать и учитывать их видение необходимо потому, что именно оно определяет особенности восприятия ими получаемых от преподавателя знаний и, стало быть, в конце концов, саму эффективность учебного процесса. Отсюда могут вытекать и индивидуальные рекомендации оцениваемым преподавателям.

Так, преподавателю, фигурирующему в настоящем исследовании под № 5, следовало бы поработать с психологами над требовательностью к студентам (оценка студентов – 3,4 балла), которая у него, на наш взгляд, имеет продолжение и в низких оценках других аспектов мотивирования им студентов («Заинтересован в успехах студентов» – 3,9 балла и «Стремится вызвать и поддержать интерес большинства студентов

к занятиям» – 3,8 балла). При этом сам он имеет отличную оценку глубины знаний по предмету.

Преподавателю № 4 нужна, на наш взгляд, помощь в «технологических» приемах ведения занятий, которые позволят повысить ясность изложения материала (3,6 балла), учитывать реакцию аудитории (3,9 балла), научиться снимать напряжение и усталость аудитории (шуткой или иным способом) (3,8 балла). В целом в глубине его знаний студенты тоже не сомневаются. Над своими манерами и стилем обращения со студентами стоило бы поработать преподавателям № 3, № 6 и № 8. Но больше всего проблем и больше всего усилий для их разрешения требуется в отношении преподавателя № 8. Здесь имеется полный набор профессиональных недостатков при том, что его отличает самая высокая требовательность к студентам (4,9 балла).

Отметим, что преподаватель № 8 в целом по совокупности качеств получил положительную оценку – 3,1 балла, что по принятому в 2009 году (протокол заседания Ученого совета КемГУ № 9 от 01 июля) Регламенту анкетирования студентов «Преподаватель глазами студентов» официально оставляет его в покое. Пункт 5 раздела III (Порядок анкетирования) звучит так: «Если преподаватель получил оценку 3,0 балла и ниже, он обязан пройти повторное анкетирование в следующем году». В данном конкретном случае вряд ли такое решение можно считать правильным.

В таблице 2 явно просматриваются примерно такие же общие закономерности. Сравнение качеств, отражающих характер персонального отношения преподавателя к студенту («Доброжелателен, тактичен по отношению к студентам» и «Объективен в оценке знаний студентов»), показывает, что преподаватель в глазах студентов может быть как более доброжелательным, но менее объективным, так и наоборот – объективным, но не очень доброжелательным (см. оценки преподавателей № 13, 14, 15). При этом возникает мысль, что если уровень оценки доброжелательности можно достаточно эффективно повысить, обратив внимание на манеры и стиль своего поведения со студентами, то с объективностью оценки знаний студентов дело обстоит иначе. Здесь может помочь лишь увеличение степени ясности для студентов критериев такой оценки, а для этого у самого преподавателя должна быть полная ясность о применяемых критериях. И здесь естественным образом напрашивается какая-то общая для факультета (кафедры) система критериев оценки.

Обратим, однако, внимание на степень вариации оценок, которая говорит о разнообразии изучаемых отношений. Так, согласно уровню коэффициента вариации (напомним, что статистически он представляет собой удельный вес дисперсии признака в средней величине) оценки по отдельным качествам у одного и того же преподавателя могут варьировать достаточно широко, а размах вариации может составлять 1,5 – 2 и более балла. Это, во-первых, говорит о том, что студенты способны в достаточной степени дифференцировать качества преподавателей и подходить к оценке их конструктивно. Они отдают должное достоинствам, но ставят низкие баллы тем качествам, которые

видят как недостатки. Например, у того же оцениваемого № 15 признается высоким важнейшее для преподавателя качество «Обладает широтой знаний по предмету» (средний балл, выставленный студентами группы, составил 4,6), но качество «Использует разные формы проведения занятий» оценивается как неудовлетворительное (2,2).

И во-вторых, это обстоятельство дает шанс на целенаправленную работу по совершенствованию индивидуального стиля и уровня преподавания предмета как со стороны самого преподавателя, так и со стороны педагогического коллектива (методической комиссии).

В то же самое время наибольшее единодушие у студентов имеется в отношении важнейших профессиональных качеств преподавателя – широта знаний по предмету и грамотность речи (Квар составляет 5,8 % и 7,0 % соответственно). Они же имеют и абсолютно более высокие оценки среди оцениваемых качеств – 4,6 и 4,5 балла. Так что с оценкой студентами преподавателей как профессионалов своей отрасли знаний на экономическом факультете по большому счету всё в порядке. Проблемы возникают в другом – в уровне педагогического мастерства.

Некоторые преподаватели, получившие общие низкие оценки со стороны студентов, нуждаются в методической помощи. Это видно по тем характеристикам, по которым они в большинстве случаев, получают низкие оценки. Так, оценки ниже 3 баллов от студентов преподаватели получали чаще всего по качествам «Умеет снять напряжение и усталость аудитории (шуткой или иным способом)», «Учитывает реакцию аудитории», «Стремится вызвать и поддержать интерес большинства студентов к занятиям» и «Заинтересован в успехах студентов» в списке 1994 – 2009 годов и «Использует разные формы проведения занятий», «Стремиться вызвать и поддержать интерес большинства студентов к занятиям», «Умеет побуждать студентов к активной работе» в перечне 2010 – 2012 годов. Как видим, это качества в основном «технологического» характера в труде преподавателя. Им можно и нужно учиться. Большинство из этих умений, конечно, может прийти с опытом, расточительным путем проб и ошибок. Конечно, если у человека есть хотя бы небольшие способности к этому виду деятельности. Есть и ещё одно качество преподавания, которое можно усовершенствовать за счет методического мастерства и которое часто получает достаточно низкие оценки – это умение излагать материал ясно и доступно.

Оценки студентами преподавателей ЭФ КемГУ в 1 семестре 2011/2012 уч. года

Оцениваемые качества	Оцениваемые преподаватели									Сред- нее	Коеф. вариации (%)
	1	2	3	...	11	12	13	14	15		
Обладает широтой знаний по предмету	4,9	4,8	4,9		4,5	4	4,1	4,3	4,6	4,6	5,8
Обладает грамотной речью	4,9	4,8	4,8		4,2	4,1	4,1	4,1	3,8	4,5	7,0
Имеет нормальный темп проведения занятий	4,8	4,8	4,6		4,1	3,7	3,8	4,2	3	4,4	9,3
Излагает материал ясно, доступно	5	4,9	4,8		4,1	4	3,7	3,7	3	4,4	10,7
Объективен в оценке знаний студентов	5	4,9	4,8		4,1	3,1	4	4,2	3	4,4	10,5
Доброжелателен, тактичен по отношению к студентам	5	4,9	4,8		4,2	3,6	3,9	3,7	2,9	4,4	11,4
Использует удачные приме-ры для объяснения сложных теоретических вопросов	4,8	4,7	4,8		4,1	3,7	3,7	3,4	3	4,3	11,0
Учитывает реакцию аудито-рии (в т. ч. умеет снять на-пряжение и усталость шут-кой или иным способом)	4,8	4,8	4,7		3,7	3,9	3,5	3	3	4,2	12,6
Стремится вызвать и под-держать интерес студентов к предмету	4,7	4,8	4,7		3,8	3,5	3,5	3,3	2,7	4,2	10,9
Умеет побуждать студентов к активной работе	4,7	4,6	4,8		3,8	3,6	3,6	3,2	2,9	4,1	15,7
Использует разные формы проведения занятий	4,7	4,7	4,9		3,5	3,5	3,1	3,1	2,2	4	10,7
Среднее значение оценки	4,9	4,8	4,8		4	3,7	3,7	3,7	3,1	4,3	
Коэффициент вариации (%)	2,1	1,4	1,3		5,6	5,9	6,2	11,2	12,9		3,3

Отсюда вытекает необходимость активизации учебно-методической, персональной тренинговой работы с преподавателями, имеющими недостатки в технологии ведения занятий, например, в проведении мастер-классов своих же лучших или привлеченных преподавателей. Педагогическому мастерству людей надо учить. Пока же в наших условиях высшие результаты дают преимущественно только те преподаватели, кто имеет к этому природный талант.

Но встречаются и такие случаи, в которых, по-видимому, обучением не поможешь. Нужны какие-то другие средства – это те редкие на факультете случаи, когда преподаватели получают низкие оценки по таким качествам как объективность в оценке студентов и доброжелательность, тактичность по отношению к ним.

Но она дает полезную информацию также и для руководителей кафедр и факультета, которая может быть использована не только в процессе конкретного отбора преподавателей, но и как средство совершенствования учебного процесса на факультете. К сожа-

лению, на экономическом факультете не сложилась практика анализа и обсуждения общих тенденций оценки студентами преподавателей и выработки мер целенаправленного повышения уровня педагогического мастерства преподавателей, изучения и распространения опыта лучших преподавателей, организации мастер-классов для начинающих педагогов. На наш взгляд, необходимо также вернуть практику использования оценки преподавателей студентами в качестве одного из обязательных факторов, учитываемых Советом факультета при переизбрании их по конкурсу.

Таким образом, можно констатировать, что многолетний опыт применения методики «Преподаватель глазами студента» свидетельствует о том, что она является эффективным средством обратной связи между преподавателем и студентами, позволяет определить сильные и слабые стороны организуемого им учебного процесса и сосредоточиться на преодолении недостатков.

Литература

1. Прошкин, Б. Г. Мнение студента о преподавателе (методика изучения) / Б. Г. Прошкин. – Кемерово, 1986. – 14 с.
2. Прошкин, Б. Г. Преподаватель глазами студента (методика изучения мнения студентов о качестве преподавания учебных дисциплин) / Б. Г. Прошкин, А. А. Хохлов. – Кемерово, 1987. – 15 с.

3. Прошкин, Б. Г. Преподаватель глазами студента (методика изучения мнения студентов о качестве преподавания учебных дисциплин) / Б. Г. Прошкин, А. А. Хохлов. – Кемерово, 1988. – 12 с.
4. Регламент анкетирования студентов «Преподаватель глазами студентов» («ПГС»). – Кемерово, 2009. – 13 с.

Информация об авторах:

Прошкин Борис Георгиевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента экономического факультета КемГУ, 8(3842)751190, pbg41@mail.ru.

Boris G. Proshkin – Candidate of Economics, Assistant professor at the Department of Management, Kemerovo State University.

Кленикова Наталья Васильевна – магистрант кафедры менеджмента экономического факультета КемГУ, 89133019749, ladi.90@mail.ru.

Natalia V. Klenikova – Master's programme student at the Department of Management, Kemerovo State University.

УДК: 338.22

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Р. В. Ростовский

THE INFLUENCE OF DEMOGRAPHIC PROCESSES ON THE SYSTEM OF EDUCATION IN RUSSIA

R. V. Rostovskiy

В статье анализируются факторы риска, затрудняющие реализацию стратегической цели государства – повышение уровня и качества жизни населения. Один из факторов риска, затрудняющий реализацию указанной цели, носит социально-демографический характер.

The article focuses on the analysis of risk factors hindering the realization of the state's main goal – that of improving the level and the quality of its people's lives. One of the risk factors has social demographic nature.

Ключевые слова: факторы риска, качество жизни населения, обучающиеся, демографический спад, процессы депопуляции.

Keywords: risk factors, life quality of population, education, demographic abatement, processes of depopulation.

Создание условий для активного включения детей, обучающихся (воспитанников) образовательных учреждений в экономическую, социально-политическую и культурную жизнь общества является одной из целей деятельности Минобрнауки России, которая взаимосвязана со стратегической целью, обозначенной в документах Правительства Российской Федерации, с повышением уровня и качества жизни населения. Речь идет об удовлетворении духовных потребностей и развитии культуры населения, обеспечении эффективного функционирования системы социальных гарантий (социальной защиты), удовлетворении потребностей граждан в образовании.

Реализация указанной цели обеспечивает адаптацию обучающихся к быстро меняющимся социально-экономическим условиям; воспитание успешных и ответственных граждан; активизацию их участия в общественном, государственном строительстве; способствует обеспечению занятости, созданию условий для социально значимой деятельности обучающихся, развитию их интеллектуального и творческого потенциала и международной мобильности.

Следует отметить, что один из факторов риска, затрудняющий реализацию указанной цели, носит социально-демографический характер.

В настоящее время важнейшей проблемой страны, требующей срочного государственного воздей-

ствия, остается неблагоприятная демографическая ситуация. Процессы депопуляции обострились в начале 90-х годов, ежегодно в России коэффициент рождаемости падает на 0,2 %. За 1992 – 2008 гг. население России сократилось на 6,1 млн человек [1, с. 15 – 20].

В 2009 г. впервые за долгие годы население страны увеличилось на 10,5 тыс. человек. В 2010 г. численность населения России выросла на 999,6 тыс. человек (рис. 1). Однако, этот рост был обусловлен статистической коллизией, возникшей после переписи населения 2010 г. Страна занимает место в седьмом десятке по продолжительности жизни женщин и примерно 100-е место по продолжительности жизни мужчин, очень высокой остается смертность в молодых и трудоспособных возрастах.

Прогноз демографического развития на ближайшую перспективу неутешителен. В настоящее время Россия занимает девятое место в мире по численности населения, однако при сохранении сложившихся демографических тенденций к 2050 г. переместится на девятнадцатое место, пропустив Мексику, Филиппины, Вьетнам, Эфиопию и некоторые другие страны. Темпы сокращения экономически активного населения с 2010 г. составляют до 1 млн человек ежегодно.

К социально-демографическим рискам относятся: недостаточность предпринимаемых мер по стимулированию рождаемости; слабая поддержка семьи и

профилактика сиротства; медленное преодоление последствий «демографического спада» 1990-х годов и в долгосрочной перспективе; значительное повышение

ценности рождения и воспитания детей, формирования семьи [2, с. 905].

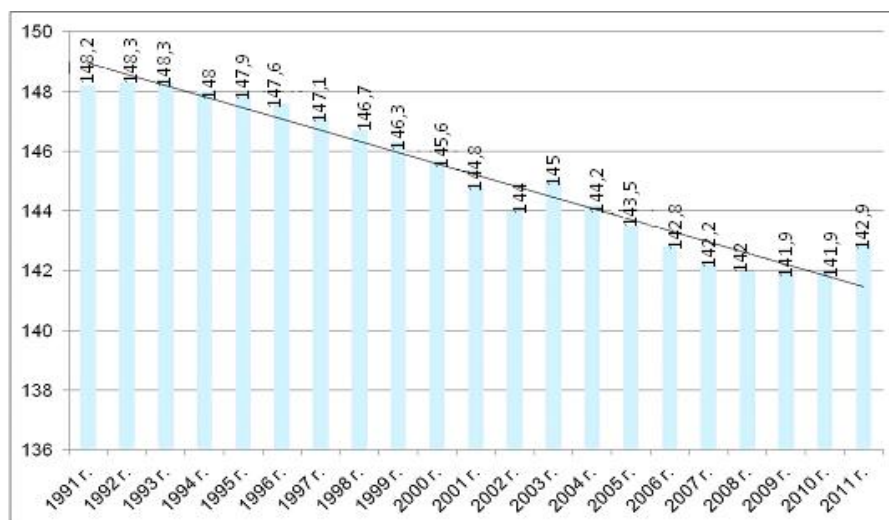

Рис. 1. Динамика численности населения России в 1991 – 2011 гг., млн человек

Сегодня уровень рождаемости в России – один из самых низких в мире, при этом уровень смертности превышает уровень рождаемости: суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,33, коэффициент рождаемости / смертности (на 1000) составляет 10,1/15,3 [3].

Эти процессы не сразу стали заметны из-за миграционного притока. Осознание демографических изменений как общенациональной проблемы произошло в конце 90-х XX века.

В 2001 г. Правительство Российской Федерации приняло «Концепцию демографического развития до 2015 года», в которой главной целью объявлена стабилизация численности населения и создание предпосылок для демографического роста. Авторы документа полагают, что к 2016 году население России сократится как минимум на 10 миллионов человек, а численность выходящих за пределы трудоспособного возраста в два раза превысит численность достигших 16 лет (см. таблицу).

Следует отметить, что до сих пор последствия демографического спада в меньшей степени отразились на системе высшего образования, поскольку убыль населения «студенческого» возраста компенсировались «образовательным бумом» конца 90-х годов, который проявлялся в стремительном росте числа высших учебных заведений (государственных и негосударственных) и студенческих контингентов: С 1991 г. по 2009 г. число вузов (с филиалами) выросло более, чем в 5,3 раза (на начало 2008/2009 гг. – 1134 вуза, из них 660 государственных, 474 – негосударственные), численность студентов с 1995 г. по 2009 г. увеличилась в 2,3 раза (на начало 2008/09 гг. – 7 513 тыс. чел., из них: 6 215 тыс. чел. в государственных и муниципальных вузах, 1298 тыс. чел. – в негосударственных) [4].

Следует подчеркнуть, что в РСФСР на удвоение числа студентов вузов с начала 60-х годов XX века потребовалось почти 20 лет, в Российской Федерации этот процесс занял менее 6 лет [5] (рис. 2).

Таблица

Основные демографические показатели Российской Федерации

<i>Численность населения в 2009 г., прогноз возрастания/убыли (млн чел.)</i>	<i>143,202; естественные потери до 1 млн в год, с частичной компенсацией за счет иммиграции</i>
Прогноз численности населения на 2025 г. (млн чел., средний вариант)	129,230
Плотность населения в 2009 г. (чел./кв.км)	8
Коэффициент естественного прироста (‰)	-0,7
Коэфф. рождаемости/смертности (на 1000 живых рождений)	10,1/15,3
Коэфф. младенческой смертности (на 1000 живых рождений)	16,9
Суммарный коэфф. рождаемости	1,33
Ожидаемая продолжительность жизни: муж.+жен=общая (в годах)	59,1+72,2=65,4
Средний возраст жителей в 2005 г. (лет)	37,3
Сальдо миграции (‰)	0,6
Сальдо миграции (тыс. чел.)	80
Коэфф. прироста населения (‰)	-0,46

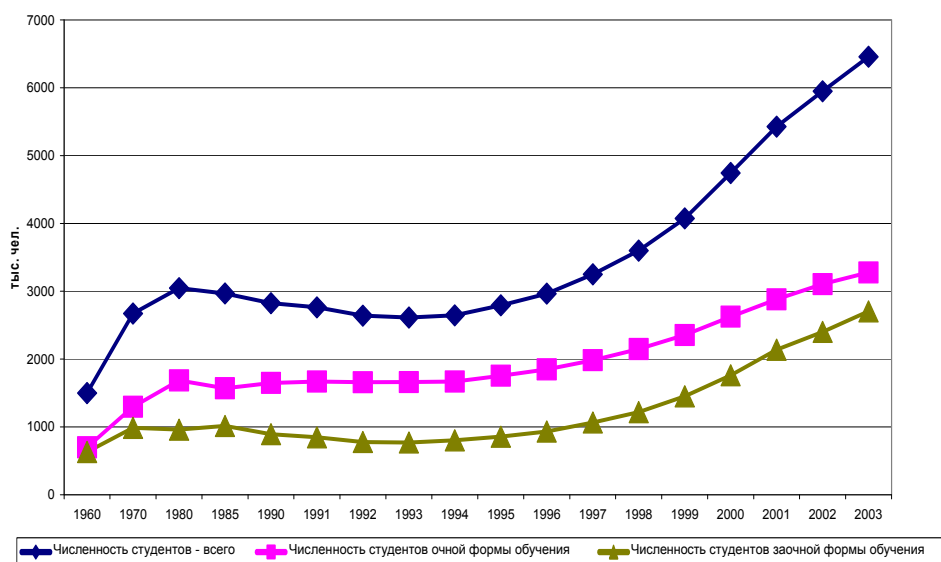

Рис. 2. Численность студентов вузов

В то же время, большинство демографов было озабочено «проблемой 2008 года». 2007 – 2008 учебный год являлся переломным и в определенном смысле пороговым для возникновения новых тенденций в высшем образовании. Это связано с кардинальным изменением демографической ситуации в России. Рост количества новорожденных в 80-х годах прошлого века привел в 2000 – 2005 годах к росту количества абитуриентов в высших учебных заведениях страны и определил повышенный спрос на высшее образование. Однако резкий спад рождаемости в начале 90-х годов в сентябре 2006 года привел к уменьшению числа выпускников средних школ на 106 тысяч человек. В связи с этим сократилось на 35 тысяч и число студентов, обучающихся за счет бюджетных средств, в основном, на заочной и вечерней формах обучения.

Расчеты показывают, что сокращение количества выпускников средних школ будет происходить на 10% в течение ближайших пяти лет. Демографический кризис не может не отразиться на структуре высшей школы в целом и повышении степени конкурентоспособности высших учебных заведений. В ситуации уменьшения количества абитуриентов, а зна-

чит, борьбы за выживание окажутся в первую очередь негосударственные вузы и филиалы с малым числом студентов. При сохранении бюджетного финансирования высшей школы будет сокращаться количество студентов, оплачивающих свое обучение. Высшие учебные заведения, заинтересованные в сохранении своего status quo и дальнейшем развитии, будут проводить более активную политику по реструктуризации содержания и структуры образования.

Таким образом, можно ожидать, что тенденциями развития российской высшей школы на ближайшие годы станут:

- реализация образовательных программ для иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья, в том числе на английском языке;
- открытие филиалов за рубежом;
- реализация программ переподготовки и повышения квалификации;
- вхождение в состав высших учебных заведений учреждений среднего профессионального образования;
- слияние двух и более высших учебных заведений в университетские комплексы.

Литература

1. Атлас демографического развития России: монография // Научный совет по Программе Президиума фундаментальных исследований Российской академии наук «Экономика и социология знания» / под ред. академика РАН Г. В. Осипова и проф. С. В. Рязанцева. – М.: Экономическое образование, 2009.
2. Осипов, Г. В. Демографические перспективы России / Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев. – М., 2008.
3. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: the 2004 Revision & World Urbanization Prospects: the 2003 Revision – <http://esa.un.org/unpp>
4. Среднесрочный прогноз до 2014 года и оценка тенденций до 2025 года / под ред. Ф. Э. Шереги и А. Л. Арэфьева. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 320 с.
5. Статистический сборник: образование в Российской Федерации. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

Информация об авторе:

Ростовский Роман Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Московского психолого-социального института, 8-903-961-43-02, RVRostovskiy@mail.ru.

Roman V. Rostovskiy – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics and Management, Moscow Psychologic-Social University.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕКТОРА ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

С. Д. Резник, Г. Б. Фомин

ORGANISATION OF THE UNIVERSITY RECTOR'S ACTIVITY

S. D. Reznik, G. B. Fomin

В статье приведены результаты мониторинга состава и содержания деятельности ректоров высших учебных заведений. Сформирован портрет действующего в настоящее время среднестатистического ректора высшего учебного заведения по таким факторам как возраст, пол, образование, ученая степень и ученое звание, стаж работы в вузах и в должности ректора и др.

Деятельность ректоров вузов проанализирована по таким факторам как повышение квалификации, работа с резервом на выдвижение, управление научной и учебной работой, организации личной деятельности.

The article presents the results of the structure and content monitoring of the university rector's activity. The portrait of the average present-day university rector has been drawn taking into account such factors as their age, sex, education, academic degree and title, duration of work at the universities and in the rector's position, etc.

The university rector's activity has been analyzed according to such factors as the professional development, work with promotion reserve, scientific and education work management, personal activity organization.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, ректор, управление, повышение квалификации, работа с резервом.

Keywords: university, rector, management, professional development, working with reserve.

Новые социально-экономические условия требуют профессионального подхода к управлению высшими учебными заведениями. В свою очередь, это предполагает необходимость соответствия руководителей вузов, особенно вновь избранных, имеющих небольшой опыт управления, профессиональным требованиям управленческой науки, соответствующим новым жизненным реалиям.

Исходя из этого, усиление деятельности ректорского (проректорского) корпуса подведомственных вузов должно опираться на ряд важных составляющих:

- создание эффективной системы управления в высших учебных заведениях и непрерывное ее совершенствование;

- повышение требований к личностным и профессиональным качествам ректоров (ректоратов), деканов и заведующих кафедрами и на этой основе – усиление вневузовской и внутривузовской систем непрерывного повышения квалификации руководящих кадров высших учебных заведений;

- повышение роли и ответственности ректоров (ректоратов), деканов и заведующих кафедрами за формирование и осуществление кадровой политики вуза, усиление на этой основе их влияния на результативность научной и учебной деятельности подведомственных вузов;

- эффективная организация личного труда и рабочего времени руководителей вузовской сферы, их способность обеспечивать и поддерживать высокую личную работоспособность.

Результаты мониторинга состава, содержания и организации личной деятельности ректорского корпуса высших учебных заведений позволили получить портрет действующего в настоящее время среднестатистического ректора высшего учебного заведения, подведомственного Рособразованию [6]:

1. Средний возраст ректора современного вуза приблизился к пенсионному – 59,4 года. При этом возраст до 40 лет имеют 0,3 % ректоров, возраст до 50 лет имеют 10,8 % ректоров, старше 50 лет – 89,2 %, в том числе старше 60 лет – 40,2 %, или более трети ректорского корпуса вузов.

2. Среди ректоров вузов докторов наук, профессоров только 62,8 %, а 37,2 % – не имеют степени доктора наук или звания профессора, что сказывается на их должностном авторитете и затрудняет деятельность.

3. Среди ректоров высших учебных заведений 95,3 % мужчин и только 4,7 % женщин.

4. Средний стаж работы в должности ректора составил 10,4 года. Более 15 лет в должности ректора работают 29,6 % ректоров, в том числе 3,5 % ректоров возглавляют вузы более 20 лет.

5. 96,1 % ректоров на предыдущей должности выполняли управленческие функции (60,1 % – занимали должность проректора, 12,3 % – заведующего кафедрой, 8,2 % – декана, 6,7 % – руководителя других организаций, 3,2 % – руководителя органов власти), и только 3,9 % работали доцентами, старшими научными сотрудниками или профессорами, что позволяет сделать вывод о том, что большая часть ректоров достигла этой должности в результате карьерного роста, имея значительный опыт руководства людьми.

6. В основном ректоры руководят вузами, профиль которых совпадает с их специальностями по образованию. Рыночные условия настоятельно требуют от руководителей вузов получения управленческого, экономического или юридического образования.

В ходе реализации проекта (проект «Научно-методическое обеспечение системы управления высшим учебным заведением на основе мониторинга содержания деятельности и организации работы с руководящими кадрами высших учебных заведений»)

(№ гос. рег. 01200603693), руководитель С. Д. Резник) проведен специальный анкетный опрос 140 ректоров высших учебных заведений, подведомственных Рособразованию, выступивших в качестве экспертов.

В 89,2 % вузов нет должности президента вуза. 51,5 % опрошенных ректоров считают, что должность президента вуза необходима, около половины ректоров пока не видят необходимости в этом институте.

Помимо выполнения основных должностных обязанностей ректора, 90,7 % ректоров занимаются преподавательской деятельностью, 93,6 % – научной деятельностью, 65,0 % – методической работой.

57,2 % опрошенных ректоров уверены, что должность деканов должна быть освобожденной. И при этом только 13,7 % опрошенных ректоров считают, что должна быть освобожденной должность заведующего кафедрой.

21,4 % ректоров считают, что преподавательская деятельность мешает качеству работы в роли ректора, но большинство (78,6 %) опрошенных ректоров отметили, что их преподавательская деятельность оказывает положительное воздействие на качество работы в должности ректора.

Большинство опрошенных ректоров (88,8 %) охарактеризовали свой стиль руководства коллективом как демократический. Относят свой стиль руководства больше к авторитарному 7,9 % опрошенных и назвали либеральным стиль руководства только 2,2 % респондентов.

66,7 % опрошенных ректоров, считают необходимым наличие в вузе рейтинговой системы учета и стимулирования результатов деятельности преподавателей (кафедр, факультетов), 33,3 % не видят в данной системе необходимости.

Повышение квалификации ректорского корпуса. Анкетный опрос ректоров показал, что 29,0 % опрошенных ректоров прошли стажировки в вузах зарубежья, 22,5 % – в других вузах России. При этом четверть опрошенных ректоров повышали свою квалификацию лишь путем участия в учебной и научной работе своего вуза. На курсах повышения квалификации (ИПК, ФПК) повысили свою квалификацию всего 13,5 % ректоров (табл. 1).

Таблица 1

Способы повышения квалификации ректоров за последние 5 лет

<i>Способы повышения квалификации ректоров за последние 5 лет</i>	<i>Всего, %</i>
Обучение в специальном центре	24,5
Путем прохождения курсов повышения квалификации (ИПК, ФПК)	13,5
Стажировки в других вузах России	22,5
Стажировки в вузах зарубежья	29,0
Самообразование	0,5
Такой возможности не было	10,0
Итого	100,0

Средняя продолжительность курсов по повышению квалификации у ректоров составляет 11 дней.

Конкретная связь программы повышения квалификации ректоров с вопросами управления вузом в полной мере отмечена только у 51,1 % опрошенных

ректоров. Частично рассматривались вопросы управления высшим учебным заведением у 39,4 %, а в учебном плане повышения квалификации ректоров вообще отсутствовали вопросы управления вузом, а рассматривались лишь общие вопросы – 9,5 %.

Работа с резервом на руководящие должности. Работа с резервом руководящих кадров призвана обеспечить совершенствование и развитие управленческого потенциала, становление руководителей современного типа, способных адекватно реагировать на изменения во всех сферах деятельности и эффективно работать в современных условиях.

Однако, только 40,9 % опрошенных ректоров отметили, что в их вузах ведется работа по формированию резерва, при том, что только в 43,9 % вузов есть конкретные люди, зачисленные в список резерв на выдвижение на должности проректоров и деканов. К сожалению, в почти 40 % обследованных вузов вообще нет конкретных работников, отобранных в резерв на выдвижение на должности проректоров и тем более – ректоров, не уделяется достаточного внимания управленческому резерву, часто он вообще не создается или не используется, а если и привлекается к реальному управлению, то лишь формально.

В 42,6 % вузов имена людей, зачисленных в резерв на выдвижение, не известны общественности. Выявленная тенденция оказывает негативное влияние на создание и развитие управленческого потенциала высшего учебного заведения. К сожалению и в вузах, где резерв на выдвижение создан, работа с людьми, зачисленными в резерв, не всегда ведется системно, а порой вообще не ведется.

В тех высших учебных заведениях, где сформирован резерв на должности проректоров, работу с ним в большинстве (90,7 %) вузов проводит лично ректор, 2,3 % исследуемых вузах ректор проводит данную работу совместно с отделом кадров. В нескольких вузах (4,7 %) есть специальный работник, который занимается данной работой (табл. 2).

Таблица 2

Ответственное лицо за работу с резервом на руководящие должности

<i>Ответственное лицо за работу с резервом на руководящие должности</i>	<i>Всего, %</i>
Лично ректор	90,7
Есть специальный работник	4,7
Ректор и отдел кадров (проректор по кадрам)	2,3
Проректор по кадровой политике	0,8
Ректор и специальный работник	0,8
Нет конкретного ответственного	0,8
Итого	100,0

Работа с резервом на выдвижение в вузах заключается в следующем:

- выпо лнение поручений, выходящих за рамки должностных обязанностей;
- личные встречи, беседы с руководителями;
- сотрудники, зачисленные в резерв на выдвижение, заменяют руководителей при отъездах в командировку;

Таблица 3

**Способы влияния ректоров
на качество учебного процесса в вузах**

<i>Каким образом вы пытаетесь оказывать влияние на качество учебного процесса в вузе</i>	<i>Ранг (среднее значение)</i>	<i>Удельный вес (%)</i>
Через проректора по учебной работе	1	21,8
Через Ученый совет вуза	2	21,5
Через деканские совещания	3	12,0
Через научно-методический совет вуза	4	10,3
Через учебное управление	5	8,9
Непосредственно через заведующих кафедрами	6	8,6
Путем работы и организации систематического повышения квалификации преподавателей	7	8,5
Посредством рейтинговой системы учета и стимулирования результатов учебной деятельности	8	8,4

Определив влияние деятельности научно-методического совета вуза на качество учебного процесса как несомненно важное и положительное, 66,7 % опрошенных ректоров отмечают, что заседания этого совета проводятся ежемесячно, 18,1 % ректоров ответили, что проводят заседания научно-методического совета по мере возникновения проблем и вопросов, входящих в его компетентность.

Влияние ректорского корпуса на результативность научной деятельности вузов. Ректорами были названы механизмы, благодаря которым они оказывают влияние на повышение эффективности научной работы в вузе. Наиболее эффективный механизм, по их мнению, – это служба проректора по научной работе (табл. 4).

Таблица 4

**Способы влияния ректоров
на качество научной работы в вузах**

<i>Способ влияния на качество научной работы в вузах</i>	<i>Ранг (среднее значение)</i>	<i>Удельный вес (%)</i>
Через проректора по научной работе	1	29,7
Через Ученый совет	2	27,0
Через научно-технический совет вуза	3	15,9
Посредством рейтинговой системы учета и стимулирования результатов учебной деятельности	4	14,2
Путем работы и организации систематического повышения квалификации преподавателей	5	13,1

– сотрудники, зачисленные в резерв на выдвижение, привлекаются к непосредственному выполнению совместных проектов.

Частота проведения аттестаций проректорского корпуса составляет у 61,8 % опрошенных ректоров один раз в год, у 25,5 % аттестация проводится раз в пять лет перед выборами ректора.

Основная форма аттестации проректорского корпуса – доклад о результатах работы на должности проректора, так ответили 80,6 % ректоров. 87,3 % ректоров считает, что результаты аттестации должны влиять на состав проректорского корпуса.

15,9 % опрошенных ректоров отметили, что они проходили аттестацию по инициативе Минобрнауки России.

В целом анализ показывает, что работа ректоров с резервом на выдвижение высших руководящих кадров нуждается в значительном совершенствовании.

Организация личной деятельности ректоров. Средняя продолжительность рабочего дня составила у ректоров около 10 часов.

Большинство ректоров и проректоров отметили, что в их вузах разработан типовой распорядок рабочей недели. Тем не менее отрицательно ответили на данный вопрос 19,3 % ректоров.

Среднее количество служебных командировок за год составило у ректоров – 10 поездок, то есть реже, чем один раз в месяц. Эти показатели достаточно низки для руководящих кадров высших учебных заведений. Командировки подразумевают осуществление внешних связей, изучение передового опыта. Без них сложно говорить о достаточном развитии самих руководителей и усилении их влияния на качество научной и учебной работы.

При этом среднее количество командировок в Министерство образования и науки и их федеральные агентства у ректоров составило 7 поездок. Таким образом, из среднего количества командировок ректоров (10 раз в год) поездки в Минобрнауки России составили 70 %, в другие организации и вузы – 30 %.

В итоге видно, что подавляющее число служебных поездок руководящих кадров осуществляются в службы Минобрнауки России и его агентства, а в другие вузы для обмена опытом, на семинары и конференции, заседания УМО ректоры ездят пока редко.

Все вышеотмеченное свидетельствует о наличии серьезных резервов для улучшения организации личной деятельности ректорского корпуса.

Влияние ректорского корпуса на результативность учебной деятельности вузов. Анализ приоритетов в содержании управленческой деятельности ректоров вузов показал, что первый ранг, по мнению ректоров, занимает управление учебной работой вуза.

При ранжировании способов влияния ректора на качество учебного процесса в вузах опрошенные ректоры присвоили первый ранг проректору по учебной работе, на втором месте оказалось влияние Ученого совет, на третьем – деканские совещания, на четвертом – научно-методический совет вуза (табл. 3).

Следует отметить, что система управления научной деятельностью преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов в региональных вузах отработана значительно слабее, чем управление учебной деятельностью, и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

В целом анализ состава и деятельности ректорского корпуса подведомственных государственных вузов свидетельствует о наличии существенных резервов для дальнейшего улучшения деятельности руководящих кадров высших учебных заведений.

В ходе реализации проекта «Научно-методическое обеспечение системы управления высшим учебным заведением на основе мониторинга содержания деятельности и организации работы с руководящими кадрами высших учебных заведений» в 2006 – 2007 гг. разработаны следующие методические документы.

1. Аналитический доклад «Результаты мониторинга состава, профессиональной карьеры и деятельности ректорского корпуса вузов, подведомственных Рособразованию». Мониторинг кадрового состава и содержания деятельности руководящих работников вузов Минобрнауки России.

2. Методические рекомендации по укреплению управленческой вертикали в высшем учебном заведении и работе с резервом на выдвижение.

3. Методические рекомендации по государственной аттестации руководящих работников высших учебных заведений.

4. Методические рекомендации по совершенствованию системы подготовки и повышения квалификации ректорского корпуса и других руководящих работников высших учебных заведений.

5. Методические рекомендации по организации и планированию личной деятельности руководящих кадров высших учебных заведений.

Результаты опроса ректоров, выступивших в качестве экспертов, позволили систематизировать и обобщить предлагаемые ими мероприятия.

Среди этих рекомендаций следует выделить необходимость:

– в концепциях развития вузов отдельным разделом выделить политику в сфере совершенствования управления вузом;

– разработать и постоянно совершенствовать организационно-функциональную структуру управления вузом, в том числе – структуру управления научной и учебной работой, на основе чего внести уточнения в должностные инструкции проректоров, деканов факультетов, заведующих кафедрами, начальников отделов и служб вуза;

– усилить подбор ректорской «команды», обратить особое внимание на перспективные направления в работе ректората (экономическая работа, международная и инновационная деятельность, информатизация);

– повысить роль Управления кадров в системе управления вузом, четко определять и разграничивать должностные обязанности руководителей вузовских подразделений;

– активнее вовлекать персонал вуза в управление жизнедеятельностью высшего учебного заведения;

– улучшить планирование и контроль деятельности подразделений вуза и их руководителей;

– стимулировать деятельность управленческих кадров вузов за реальные успехи руководимых подразделений.

В целях повышения профессионализма в управлении вузами целесообразно:

– разработать эффективные модели развития карьерного пути ректоров;

– разработать специальные требования к занятию ректорской должности;

– вести ежегодную аттестацию стратегического резерва ректорского корпуса и разработать требования по его развитию;

– продумать пути получения профессионального управленческого (экономического) образования действующим ректорским корпусом;

– разработать специальные программы по обучению резерва и вновь избираемых ректоров вузов;

– создать экспериментальный учебный и методический центр Рособразованию по переподготовке высшего звена подведомственных вузов, имея в виду подготовку преподавателей для этой системы и нормативно-методического обеспечение их работы.

Литература

1. Деканы России: социологический портрет, технологии и организация деятельности / С. Д. Резник [и др.] / под. общ. ред. С. Д. Резника. – Пенза: ПГУАС, 2008. – 252 с.
2. Ключев, А. К. Ученый совет в системе управления вузом / А. К. Ключев // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – № 5 – 6(28).
3. Подготовка и переподготовка управленческих кадров высших учебных заведений: монография / С. Д. Резник [и др.] / под. общ. ред. С. Д. Резника. – Пенза: ПГУАС, 2010. – 152 с.
4. Резник, С. Д. Управление кафедрой: учебник / С. Д. Резник. – М.: ИНФРА-М. – 2010. – 635 с.
5. Резник, С. Д. Новые приоритеты деятельности и моделирование качеств руководящих кадров высших учебных заведений / С. Д. Резник, О. А. Сазыкина // Университетское управление: практика и анализ. – 2008. – № 6.
6. Ректоры вузов России: система и механизмы управления профессиональной карьерой / Н. И. Аристер [и др.] / под. общ. ред. С. Д. Резника. – Пенза: ПГУАС, 2009. – 252 с.
7. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы. Аналитический доклад / Руководитель авторского коллектива В. М. Филиппов. – М.: Логос, 2005. – 540 с.

8. Управление высшим учебным заведением: учебник / под общ. ред. С. Д. Резника, В. М. Филиппова. – М.: ИНФРА-М, 2010.
9. Управление современным университетом: кол. монография / под общ. ред. проф. Г. И. Лазарева. – Владивосток: ВГУЭС, 2005. – 324 с.
10. Управление факультетом: учебник / под общ. ред. С. Д. Резника. – М.: ИНФРА-М, 2009.

Информация об авторах:

Резник Семен Давыдович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики и менеджмента Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, 8-927-645-54-25, disser@bk.ru.

Semyon D. Reznik – Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics and Management, Pensa State University of Architecture and Construction.

Фомин Григорий Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, начальник отдела Минобрнауки России, 8-926-712-38-42, gb_fomin@mail.ru.

Grigoriy B. Fomin – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Head of the Department, Ministry of Education and Science of Russia

УДК 331.105.24

АКТИВНАЯ ПОЛИТИКА ЗАНЯТОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РЫНКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ Т. Л. Смирнова

ACTIVE EMPLOYMENT POLICY AND NATIONAL MODELS OF LABOUR MARKET T. L. Smirnova

В статье анализируются ключевые национальные модели рынка рабочей силы, элементы системы социального партнерства с участием работника, работодателя, государства, образовательных институтов. Рассмотрены особенности активной государственной политики занятости в США, странах ЕС и России в условиях развития экономики знаний.

The article is devoted to the analysis of the key elements of national models at the labor markets. The elements and advantages of models at the USA, the EU, and Russian labour markets are researched with respect to the development of knowledge economics.

Ключевые слова: безработица, квалифицированные специалисты, образовательные институты, подготовка и переподготовка специалистов, государственная политика занятости, человеческий капитал, предприятия, система социального партнерства, инновации.

Keywords: unemployment, qualified specialists, educational institutes, training and retraining specialists, human capital, state employment policy, enterprises, system of social partnership, innovations.

Анализ экономических интересов субъектов рынка рабочей силы в национальной экономике отражает сложность выстраивания и согласования рыночных отношений, институциональную конфликтность целей, достигаемых в процессе хозяйственной деятельности. На развитие национальных рынков рабочей силы повышающее влияние оказывают взаимодействия между собой факторы: политический, социально-экономический, институциональный и глобализация, которые формируют структурную трансформацию секторов экономики и механизмов координации экономической деятельности. Инновации в высокотехнологичном секторе экономики и культурные национальные ценности определяют направления эволюции рынка рабочей силы в постиндустриальной экономике, которая характеризуется переходом к интенсивному воспроизводству и накоплению человеческого капитала, сохранением специфики пропорций разных секторов экономики, использованием мягких механизмов социализации работников, гибкими технологиями государственного регулирования и сбалан-

сированной институциональной средой для управления внутрифирменным организационным поведением, развитием форм нестандартной занятости. На рынке рабочей силы выстраиваются социально-экономические отношения между работником, работодателем и государством, которые характеризуются разным уровнем государственного регулирования трудовых отношений, объемом предоставляемых социальных гарантий работнику со стороны работодателя, трансформацией моделей социального партнерства, взаимодействием формальных и неформальных норм при заключении трудового контракта, уровнем развития профсоюзного движения, силой переговорной позиции работника, стратегиями подготовки и переподготовки работников, определяющими моделями рынка рабочей силы.

Национальная модель рынка рабочей силы каждой страны синтезирует опыт предыдущего исторического развития и выбирает приоритетные направления адаптации для повышения эффективности экономической системы в условиях глобализационных

процессов. Сочетание эволюционных и революционных инноваций, реализуемых в национальной экономической модели, обеспечивает поступательное развитие структуры рынка рабочей силы в результате поддержки баланса социальных, экономических и информационных процессов. Рынок рабочей силы как формализованный институт оказывает влияние на инновационное развитие ведущих секторов экономики через системно-ориентированное и согласованное взаимодействие с другими институтами, такими как образовательные институты, научно-исследовательские центры, федеральные и региональные органы власти. Создание институциональных условий для трансформации структуры рынка рабочей силы дополняется векторами развития технологий и системы профессионального образования, ориентированных на рост уровня конкурентоспособности высокотехнологичных секторов национальной экономики. Особую роль в формировании моделей рынка рабочей силы играет исторически сложившийся тип национальной многоуровневой системы профессионального образования, дифференциация профессиональных компетенций специалистов, возможность горизонтальной и вертикальной вовлеченности потенциального наемного работника в процессы корпоративной культуры реального сектора экономики и развитие сферы услуг.

В национальной экономической системе, в которой информация и знания становятся ведущим фактором устойчивого и долгосрочного экономического роста, рынок рабочей силы приобретает черты более гибкой и мобильной структуры, усложняются взаимосвязи между его элементами, социальная система приобретает особенности динамичной трансформации на основе реализации социальных инноваций, ориентированных на рост занятости экономически активного населения. Социальные связи на рынке рабочей силы, возникающие между работниками и работодателями, формируют элементы социальной инфраструктуры и специфику развития института, характеризующегося комплексными интеграционно-системными показателями. Дисбаланс, возникающий в функционировании системы рынка рабочей силы, ухудшает качественные характеристики развития национальной экономической модели. Структурными факторами трансформации рынка рабочей силы в национальной экономике являются дифференцированный спрос секторов экономики на инновации, экономическая активность бизнеса, способность наемных работников к созданию инноваций.

Неолиберальная (англосаксонская) модель развития рынка рабочей силы ориентирована на ценности экономической свободы экономических агентов, конкуренции, индивидуализма и профессионализма [3]. Работник вступает на рынке рабочей силы в социальные взаимодействия, оценивая выгоду от заключения потенциального трудового контракта. В такой модели рынка рабочей силы происходит быстрое создание рабочих мест в растущих секторах экономики, повышение производительности труда в результате активного внедрения технологических и технических инноваций, привлечения иностранных инвестиций, дерегулирование социально-трудовых отношений со стороны государства. Такая модель рынка рабочей силы

характеризуется созданием динамичного сектора временной и неполной занятости работников с некачественными рабочими местами без значительных социальных гарантий. Рост уровня эффективности труда достигается за счет сокращения затрат на воспроизводство высококачественного человеческого капитала для наукоемких секторов экономики, изменения подвижности структуры занятости профессионально-квалификационных групп работников за счет стимулирования территориальной мобильности специалистов, привлечения мигрантов разного профессионального уровня.

Система подготовки и переподготовки специалистов имеет устойчивые и многоуровневые связи с бизнесом, максимально ориентирована на потребности и структурные сдвиги рынка рабочей силы. Преобладание внешнего рынка рабочей силы в стране формирует низкую заинтересованность работодателей в финансировании программ подготовки и переподготовки специалистов, построенных по принципам академической модели с ориентацией на развитие общих профессиональных умений и навыков. Образовательные траектории будущих специалистов характеризуются высокой гибкостью и динамичным развитием для получения необходимых компетенций. Разнообразные многоуровневые профессиональные и образовательные программы, используемые как инструмент снижения уровня безработицы, не имеют прямого жесткого контроля со стороны государства и характеризуются децентрализованным управлением. Формы посредничества на рынке рабочей силы достаточно развиты, представлены проектами конкурирующих между собой коммерческих и некоммерческих организаций. Технологии госзаказа на подготовку и переподготовку специалистов не имеют широкого применения, а используются для отдельных специальных профессиональных групп и секторов экономики. Для англосаксонской модели характерна логика развития образовательных институтов, подчиняющихся экономической целесообразности и повышающейся эффективности подготовки специалистов для рынка рабочей силы за счет либерализации управления и интернализации.

Государственная политика регулирования занятости на рынке рабочей силы в США как пример неолиберальной модели рынка рабочей силы формировалась на основе традиций антициклической политики, в основе которой были использованы положения кейнсианцев, институционалистов, монетаристов. Активная государственная политика занятости на рынке рабочей силы ориентирована на социальную защиту и ускоренное переобучение работника, повышение его профессионально-квалификационной конкурентоспособности на протяжении всей трудовой жизни. Элементами активной государственной политики занятости в США являются адаптивная подстройка структуры предложения под структуру спроса через гибкую систему многоуровневого непрерывного образования; активная территориальная и профессиональная мобильность рабочей силы; значительная дифференциация заработной платы работников; гибкое регулирование издержек на оплату труда работников работодателями; законодательно упрощенные

формы найма и увольнения работников; усиливающаяся индивидуализация трудового контракта; высокая доля нетрадиционных форм занятости и режимов рабочего времени; непродолжительный период выплаты пособий по безработице; развитая инфраструктура рынка рабочей силы [5].

Континентальная (европейская) модель рынка рабочей силы ориентирована на сохранение социальных ценностей и гарантий работнику, высокую правовую защищенность работника и жесткие нормы трудового права, на социальную адаптацию работников через систему корпоративного образования, конструктивное взаимодействие работников с работодателем в модели социального партнерства через систему тарифного регулирования, заключения коллективных договоров и социальное страхование. Преобладающий внутрифирменный рынок рабочей силы предопределяет модели подготовки специалистов на основе развития узкопрофессиональных навыков и комплементарных компетенций с ориентацией на конкретное рабочее место. Работодатели корпоративного сектора экономики заинтересованы в финансировании начальной узкопрофессиональной подготовки и переподготовки работников, но при этом сохраняются ограничения для территориальной, профессионально-квалификационной и социальной мобильности специалиста.

Реализуемая политика «социального контракта» в континентальной (европейской) модели рынка рабочей силы включает в себя взаимодействие бизнеса, общества, государства по выполнению взятых на себя социальных обязательств [1]. Согласование социально-экономических интересов между государством и субъектами экономических отношений реализуется через систему взаимных социальных обязательств, субсидиарный принцип в перераспределении социальных благ и услуг. Социальный контракт имеет несколько форм. Одна из них представляет взаимовыгодный обмен обязательствами на основе принципа устойчивого перераспределения благ, которые определяют модель национальной экономической системы. Социальный контракт на рынке рабочей силы отвечает меняющимся потребностям устойчивого развития социально-экономических отношений между работником и работодателем, является институтом дифференциации национальной модели рынка рабочей силы, инструментом сглаживания внешних и внутренних экономических шоков, возникающих на рынке рабочей силы.

Социальный контракт как элемент активной политики занятости на рынке рабочей силы позволяет снизить уровень социальной дифференциации доходов работников за счет контроля разрыва уровня ставок заработной платы, предоставления расширенного набора качественных социальных услуг работнику, стимулирующих рост производительности труда, мотивации к труду [4]. У работника на рынке рабочей силы возникают встречные обязательства по социальному контракту, такие как обязательное повышение квалификации в период длительной структурной безработицы, происходит дополнительное профессиональное обучение по направлению работодателя, выполнение определенной оплачиваемой работы, формируется значимость рационального социально-

трудового поведения работника. В такой модели рынок рабочей силы имеет систему долгосрочной и стабильной занятости с растущими издержками для создания нового рабочего места. Модель рынка рабочей силы с запаздыванием реагирует на рост уровня безработицы, медленно создавая рабочие места, негибка к внешним экономическим шокам, имеет признаки государственного жесткого регулирования социально-экономических отношений между работником и работодателем. Достижение социальной стабильности и устойчивости занятости на рынке рабочей силы происходит за счет снижения экономической эффективности бизнеса.

В континентальной (европейской) модели подготовка и переподготовка специалистов для рынка рабочей силы осуществляется в системе воспроизводства экономически активного населения и развития социальной инфраструктуры. Вектором развития систем подготовки специалистов для рынка рабочей силы становится синтез тенденций: огосударствление и либерализация. Дифференциация национальных моделей рынка рабочей силы возникла на основе различий производственной культуры, модели социально-трудовых отношений, социально-коммуникативной практики взаимодействия на рынке, норм гражданского, трудового законодательства. Подготовка и переподготовка специалистов включает тесную преемственность между разными уровнями профессионального образования, которые расширяют функцию социализации работника на рынке рабочей силы. Технологии государственного заказа на подготовку специалистов функционируют в сочетании с прямым административным регулированием структуры профессионально-квалификационных групп для секторов экономики министерствами и другими государственными органами. Слабые связи между бизнесом и образовательными институтами формируют относительно длительный период адаптации работника и поиска рабочего места, усиление застойных форм безработицы. Консервативные законодательные процедуры и технологии взаимодействия с объединениями работодателей, централизация решений государственных органов власти о структуре подготовки специалистов для секторов экономики усиливает складывающийся профессионально-квалификационный дисбаланс на рынке рабочей силы.

Активная государственная политика занятости в странах ЕС сочетается с ранней моделью профессиональной специализации работника и выходом его на европейский рынок рабочей силы. Образовательные программы направлены на формирование прикладных навыков и востребованных компетенций. Работодатели слабо участвуют в формировании и корректировке программ подготовки специалистов, формировании государственного заказа на подготовку работников необходимых профессий. Молодые работники с невысоким уровнем профессионального образования испытывают особые трудности поиска рабочего места. Для стимулирования экономической активности женщин на рынке рабочей силы государством предоставляются дополнительные социальные льготы, финансируются специальные образовательные программы для повышения индивидуальной профессиональ-

ной конкурентоспособности. Инертность государственной политики в сфере занятости проявляется в жестком регламентировании трудовых отношений между работником и работодателем, высокими издержками при найме и увольнении работника, незначительной дифференциации ставок заработной платы. Предоставление социальных благ работнику со стороны работодателя связано со статусом, историей трудового поведения работника, уровнем заработной платы, степенью участия в профсоюзном движении.

Главной целью европейской активной политики занятости на рынке рабочей силы является повышение самостоятельности безработных, интеграция и социализация в обществе через оплачиваемую работу, снижение риска бедности и рост доходов экономически активного населения. Происходит поэтапная переориентация социально-экономического поведения безработного с модели «гражданских свобод» на модель «свободы экономического действия» при сохранении гарантий минимальных государственных стандартов в социальном обеспечении. Интеграция взаимодействия между безработным и центрами занятости населения усиливается на основе жестких нормативно-правовых взаимных обязательств, формирования модели активной индивидуальной стратегии поведения безработного на рынке рабочей силы, эффективного мониторинга контроля поиска рабочего места, развития профессиональной мобильности, оказания социальной и психологической поддержки, предоставления помощи по уходу за детьми. Активная политика занятости на рынке рабочей силы для социально уязвимых категорий безработных выстраивается с целью стимулирования их самозанятости, развития предпринимательских способностей, укрепления ресурсной основы социального страхования. Снижение уровня открытой безработицы обеспечивается государственными программами и льготами досрочного выхода на пенсию работников отдельных профессионально-квалификационных групп и секторов экономики.

Российский рынок рабочей силы имеет двухсекторную модель с преобладанием частного сектора экономики. В частном секторе экономики проявляются элементы англо-саксонской модели в подборе, найме и регулировании социально-экономических отношений. В этом секторе ниже уровень социальной защищенности работника, высокая подвижность и мобильность профессионально-квалификационной структуры, значительная дифференциация в оплате труда, низкий уровень оплаты труда для работников с невысокой квалификацией, деформализация трудовых отношений. В частном секторе экономики сложилась система отплаты труда, связанная со спецификой производства, секторной принадлежностью, степенью концентрации бизнеса и уровнем государственного регулирования теневых процессов. В государственном секторе экономики рынок рабочей силы имеет элементы континентальной (европейской) модели, характеризуется стабильной структурой рабочих мест, единой системой оплаты труда для однородных профессионально-квалификационных групп, ограниченной дифференциацией заработной платы квалификационных групп, системным государственным регули-

рованием и индексацией минимальной ставки заработной платы, жесткостью законодательства по защите занятости работников, высокими издержками найма и увольнения работников [2].

Активная политика занятости на рынке рабочей силы в регионах России проводится на основе сформированной долгосрочной стратегии инновационного и социально-экономического развития, удовлетворение спроса на высококвалифицированных специалистов для высокотехнологичного сектора экономики. На региональном уровне с помощью технологий дополнительного бюджетного финансирования используются инструменты активной политики занятости, такие как опережающее обучение и стажировки для специалистов, попавших под угрозу сокращения; профессиональная переподготовка и повышение квалификации для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет и планирующих вернуться на рынок рабочей силы; стажировки выпускников образовательных учреждений для приобретения практических профессиональных компетенций; содействие трудоустройству работников с ограниченной трудоспособностью и многодетных родителей; субсидирование бизнесу части издержек для создания рабочих мест, ориентированных на работников с ограниченной трудоспособностью; адресная финансовая поддержка работников при трудовой миграции в другие регионы страны; обучение безработных навыкам предпринимательства и содействие самозанятости.

Процессы децентрализации активной политики занятости на рынке рабочей силы в России дополняются дифференцированными многосторонними моделями социального партнерства между вузами, бизнесом и региональными органами власти. Развитие системы социального партнерства, социальной ответственности бизнеса и заключения коллективных договоров характерно для эффективных секторов экономики в первую очередь, таких как добывающая, энергетика, химическая и металлургическая промышленность. Реализующаяся активная государственная политика занятости в регионах России с разным уровнем инновационного потенциала направлена на сокращение неформальной занятости в корпоративном секторе экономики, активизацию самостоятельного поиска рабочего места безработным, профессиональную и территориальную мобильность работника, внедрение мягких технологий подстройки и перераспределения экономических эффектов структурной адаптации между работниками и работодателями, субсидирование и квотирование рабочих мест для молодых специалистов.

Для согласования социально-экономических интересов на рынке рабочей силы государство выступает посредником, выбирая методы воздействия на экономических агентов, формируя институциональную среду, поддерживая конкуренцию и экономическую активность бизнеса для создания новых рабочих мест. Социально-экономические интересы работника на рынке рабочей силы связаны с ростом уровня его социальной защищенности и сохранением долгосрочной занятости. Социально-экономические интересы работодателя связаны с необходимостью поиска компромисса между стабильностью развития бизнеса и эко-

номической эффективностью хозяйственной деятельности в конкретном секторе национальной экономики и в глобальном масштабе. Социально-экономические интересы государства на рынке рабочей силы предполагают оптимизацию бюджетных расходов, достиже-

ние баланса между экономической и социальной эффективностью в национальной экономике, сохранение и развитие человеческого капитала как источника инноваций для реального сектора экономики.

Литература

1. Каргалова, М. В. Социальное измерение европейской интеграции / М. В. Каргалова, Е. Н. Егорова. – М.: Аксиом, 2010. – 288 с.
2. Региональная программа дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряжённости на рынке труда Томской области // Постановление Администрации Томской области: от 30.12.2010. – № 287а. – Режим доступа: <http://czn.tomsk.ru> (дата обращения: 05.06.2012).
3. Рофе, А. И. Экономика труда / А. И. Рофе. – М.: Кнорус, 2010. – 400 с.
4. Eurostat [сайт]. – Режим доступа: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu> (дата обращения: 05.06.2012).
5. United States Department of Labor [сайт]. – Режим доступа: <http://www.bls.gov> (дата обращения: 05.06.2012).

Информация об авторе:

Смирнова Татьяна Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики факультета технологий управления Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», 89138008390, CTL2002@mail.ru.

Tatiana L. Smirnova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics of the Faculty of Management Technologies, Seversk Technological Institute - branch of National Research Nuclear University.

УДК 658.626:339.37

ТОВАРЫ ПОД СОБСТВЕННОЙ ТОРГОВОЙ МАРКОЙ И РОЗНИЧНЫЕ СЕТИ

Л. А. Стратуенко

RETAIL AND PRIVATE LABELS

L. A. Stratienko

В статье анализируется представленность в ассортименте розничных сетей г. Кемерово товаров под собственными торговыми марками (СТМ). Проводится сравнение позиционирования, ценообразования и способов продвижения товаров СТМ розничными сетями. Методом фокус-группы оценивается отношение покупателей к товарам СТМ розничных сетей.

It The article analyses the assortment of private labels (PL) in Kemerovo retail. A comparison of positioning, pricing and promotion PL in retail is provided. Buyers's attitude to PL products is estimated by the results of a focus group method.

Ключевые слова: ассортимент, розничная сеть, собственная торговая марка, позиционирование, цена, продвижение, фокус-группа.

Keywords: assortment, retail, private label, positioning, price, promotion, focus group.

Private label (собственная или частная торговая марка, СТМ) – это продукция, выпускаемая под маркой и по заказу конкретной розничной сети. Основная идея СТМ – отсутствие в цене маркетинговой составляющей, продажи обеспечивают внутренние ресурсы, масштаб деятельности и лояльность её покупателей. Первой СТМ внедрила британская сеть «Sainsbury». Закупщики компании постоянно путешествовали по миру, подбирая новые, часто уникальные продукты для покупателей. Постепенно они стали ассоциироваться у покупателей с самой розничной сетью магазинов «Sainsbury», дав ей неоспоримое конкурентное преимущество. Присвоив новым товарам свое имя, компания одновременно подарила миру само понятие – Частная Торговая Марка [1]. По данным ACNielsen

рост продаж СТМ сегодня более чем в два раза опережает темпы роста товаров-брендов. Сегодня под СТМ производится практически все товары массового потребления: продукты питания, косметика, одежда, товары для дома, бытовая химия и электроника.

Основные цели розничной сети при вводе в ассортиментный портфель товаров под СТМ заключаются: в создании перспективного нематериального актива, повышающего стоимость компании; в увеличении маржинальной составляющей продаж; в повышении лояльности клиентов сети; в увеличении продаж за счет развития категорий; в изменении состава покупателей.

На рынке Кемеровской области практически все предприятия розничной торговли имеют в своем ас-

сортиментном портфеле товары под СТМ. Основными игроками розничного рынка Кемеровской области являются компании: ООО «Система Чибис», развивающая сеть магазинов под брендами «Чибис» и «Спутник», ООО «РОЗНИЦА-1», развивающая сеть магазинов «Мария-Ра», ООО «Кора – ТК», развивающая сеть магазинов «Кора», «Палата», «Червонец», «Холди», ООО «Элемент – Трейд» сеть магазинов «Монетка» и компания «Metro Cash and Carry». В таблице 1 приведены показатели товаров под СТМ: доля в товарообороте компаний и SKU (Stock Keeping Unit, дословный перевод с английского – единица складского учета) СТМ в ассортиментном портфеле.

Таблица 1
Показатели СТМ в розничных сетях

<i>Розничная сеть</i>	<i>Доля СТМ в товарообороте сети, %</i>	<i>SKU СТМ в ассортиментном портфеле сети, шт.</i>
«Мария – Ра»	18	662
«Монетка»	11	240
«Metro Cash and Carry»	18	5000
ООО «Система Чибис»	8	400

Каждая из розничных компаний для товаров под СТМ разрабатывает ассортиментную линейку, ценовое позиционирование, слоган, дизайн, использует различные способы выкладки товаров, разрабатывает и реализует в соответствии с концепцией промо-мероприятия. Используя данные интернет ресурсов, анализ листовок, каталогов розничных сетей и непосредственно проводя мониторинг самих магазинов розничных сетей, можно сделать вывод, что на текущий момент:

- сеть магазинов «Чибис» в своем ассортименте имеет свыше 400 SKU товаров СТМ под брендами «Выгодный товар» и «По-Домашнему»;

- сеть магазинов «Мария-Ра» в своем ассортиментном портфеле имеет 28 собственных торговых марок, которые насчитывают 662 SKU: «Плати меньше, живи лучше», «Velada», «Эдем» «Мария», «Свежана», «Пышкин дом», «Lindo», «Коровкино», «Материн дом» и др.;

- торговая сеть «Metro Cash and Carry» выпускает СТМ под брендами «Aro», «Horeca Select», «H-LINE», «FINE FOOD», «RIOBA», «SIGMA» и др., общий ассортимент товаров под маркой СТМ 5000 SKU;

- сеть магазинов «Монетка» в своем портфеле имеет 7 СТМ: «Aland», «Parkline», «EverClean», «Magic Snow», «Чистый Дом», «Sofita», «GAZ_ON», которые насчитывают свыше 240 SKU;

- сеть магазинов «Кора» имеет в своем портфеле такие СТМ, как «Домашний повар», «Щедрый Алтай», «Милки-Пилки», «Молочные продукты», «Пражское Живое», «Уголь».

Розничные сети для товаров под СТМ в качестве основного мотивирующего посыла для покупателя выбирают направление экономии и качества товара.

ООО «Система Чибис» для товаров под СТМ, используя слоган «Выгодный товар», вкладывает в него смысл, что покупатель может приобрести товар дешевле товара-аналога; слоган «По-домашнему» используется для товаров, рецептура которых аналогична домашним блюдам, но покупатель может сэкономить свой бюджет, т.к. разница с брендом-аналогом составляет до 30 % (аналог продукции под маркой «Пиканта»).

Розничная сеть «Мария-Ра» своим слоганом – «Плати меньше, живи лучше» также мотивирует людей совершать экономные покупки.

Компания «Metro Cash and Carry» использует слоган «Дело в доверии». Предприятие качественно исполняет все регламенты, связанные с обслуживанием клиентов, работой с товаром. Приобретая товар под СТМ, покупатель всегда может быть уверен в том, что приобретает качественный товар.

Все сети используют различные цветовые решения, отличительные шрифты, геометрические фигуры и ассоциативные образы.

Сеть магазинов «Мария-Ра» для товаров разных категорий и ценовых сегментов использует различные логотипы. Основными элементами, используемыми в логотипах компании «Мария-Ра», являются сочетание цветов, использование геометрических фигур, использование отличительного шрифта и образов.

ООО «Система Чибис» для товаров под СТМ использует совмещение логотипа и слогана. В логотипах СТМ компании можно отметить использование красного цвета, геометрических фигур, отличительного шрифта.

Согласно опросу потребителей, проведенному компанией AC Nielsen, в России в сегменте СТМ наиболее востребованы такие категории, как молочные изделия, бакалея, бумажные изделия, замороженные и охлажденные продукты. Проведя мониторинг розничный сетей г. Кемерово, мы также отметили, что розничные сети развивают товары под СТМ в категориях: бакалея, консервация, замороженные товары, напитки, алкоголь, бытовая химия и др.

При сравнении ценового позиционирования товаров под СТМ в магазинах розничных сетей «Чибис» и «Мария-Ра» (февраль 2012 г.) выявлено следующее: товары СТМ ООО «Система Чибис» и СТМ «Мария - Ра» по большинству товарных категорий и имеют цены одного уровня. Однако по некоторым позициям, таким как масло растительное, пельмени, соки, товары под СТМ «Мария-Ра» стоят дороже, чем аналогичные товары СТМ ООО «Система Чибис». Сравнивая стоимость товаров СТМ в магазинах сетей «Чибис» и «Монетка», можно отметить, что товары под СТМ в магазинах «Чибис» дешевле, чем СТМ розничной сети «Монетка» по таким позициям, как кофе, майонез (900 гр.), пельмени, стиральный порошок, бумажное полотенце. Однако есть часть позиций, на которые цены одинаковые в обеих сетях. При сопоставлении цен на товары СТМ в магазинах сетей ООО «Система Чибис» и «Metro Cash and Carry» мы выявили, что товары СТМ «Metro» дороже, чем товары СТМ ООО «Система Чибис», но такие позиции, как кофе, гель для душа, в магазинах ООО «Система Чибис» дороже, чем в «Metro Cash and Carry».

Внедряя в свой ассортимент товар под СТМ, каждая из розничных сетей сталкивается с высокой брендо-зависимостью покупателей. Одним из факторов снижения брендо-зависимости является проведение промо-мероприятий на товары, выпускаемые под СТМ. Практически все игроки розничного рынка ис-

пользуют для продвижения СТМ промо-мероприятия. Основные промо-мероприятия, проводимые сетями, представлены в таблице 2, в которой знаком (+) обозначено проведение промо-мероприятия и знаком (-) – их отсутствие.

Таблица 2

Продвижение товаров СТМ в розничных сетях

<i>Промо-мероприятия</i>	<i>ООО «Система Чибис»</i>	<i>«Мария-Ра»</i>	<i>«Metro Cash and Carry»</i>	<i>«МОНЕТКА»</i>
Каталоги	+	+	+	+
Листовки	+	+	+	+
Реклама на телевидение	+	+	-	-
Реклама на радио	+	-	-	-
Дополнительные места выкладки	+	+	+	+
Обозначение специальными ценниками	+	+	+	+

Анализируя данные, приведенные в таблице 2, можно сделать следующие выводы:

- все розничные сети используют для продвижения товаров СТМ каталоги и листовки;
- для продвижения товара под СТМ в торговом зале магазина все сети используют специальные ценники;
- для увеличения продаж и привлечения внимания к товарам СТМ все сети используют дополнительную выкладку;
- рекламу на телевидение используют только две сети – ООО «Система Чибис» и «Мария-Ра»;
- рекламу на радио для продвижения товаров СТМ использует только ООО «Система Чибис».

Очень важно понять, как покупатели относятся к товарам под СТМ розничных сетей, и для ответа на этот вопрос нами было проведено качественное исследование – фокус-группа. Объектом исследования была выбрана СТМ ООО «Система Чибис» «Выгодный товар». Сущность фокус-группы заключается в глубинном интервьюировании представителей целевой аудитории, когда исследователи получают субъективные мнения о товаре, услуге и прочих объектах исследования. Нами были проведены три фокус-группы, каждая из которых проходила в несколько этапов: выявление отношения участников в целом к СТМ «Выгодный товар»; оценка восприятия дизайна, логотипа «Выгодный товар»; оценка восприятия упаковки «Выгодный товар» путем сравнения с упаковкой продукции конкурентов; проведение сравнительного анализа продукции ООО «Система Чибис» с продукцией конкурентов методом слепой дегустации.

На рассмотрение были представлены следующие товары СТМ розничных сетей «Чибис» и «Мария-Ра»:

- сок «Выгодный товар» (яблочный);
- сок «Эдем» (яблочный);
- кофе сублимированный «Выгодный товар», упаковка дой-пак (далее д/п);
- кофе сублимированный «Nescafe Gold», упаковка д/п;
- кофе сублимированный «El Grata Gold», упаковка д/п.

При изучении отношения к СТМ было выявлено, что участники знают, что такое СТМ и связывают это

понятие с магазинами «Чибис», «Мария-Ра». СТМ «Выгодный товар» в сознании респондентов ассоциируется с ООО «Система Чибис».

Мы выявили, что респонденты фокус-группы приобретают товары СТМ «Выгодный товар», а именно продовольственные товары и средства личной гигиены. Кроме этого нами было отмечено, что для респондентов основным фактором, влияющим на выбор товаров, является их цена, а не их характеристики.

Участникам фокус-группы был задан вопрос, является ли наличие СТМ «Выгодный товар» причиной для посещения магазинов «Чибис», на который был получен ответ, что наличие СТМ «Выгодный товар» не является обязательной причиной посещения данных торговых предприятий.

По мнению респондентов, товары СТМ «Выгодный товар» предназначены для людей с низким уровнем доходов. Участники отметили, что выкладка товаров является важным фактором при их выборе. Наиболее удобной выкладкой, по мнению респондентов, является выкладка товаров на уровне глаз.

На вопросы о дизайне высказывались мнения, что красно-желтая полоса ассоциируется с оградительной лентой, опасностью, а не скидкой, и предлагалось поменять цветовую гамму. Однако было также выражено мнение, что товары СТМ «Выгодный товар» невозможно не заметить, поскольку сочетание этих цветов заставляет остановиться и заострить внимание на данном товаре. Все респонденты отметили простоту дизайна.

Примерно у половины участников фокус-группы логотип вызывает положительные ассоциации. Респонденты отметили, что цена соответствует логотипу, логотип яркий и заметный. В тоже время многие не замечали ранее изображение руки на логотипе, либо не придавали ему никакого значения и не принимали никакого информативного сообщения. Некоторым изображение руки показалась невыразительным и похожим на сани.

Все участники исследования высказали мнение, что стоит внести изменения в существующий логотип:

– убрать изображение руки и полосы вокруг нее и оставить только надпись «Выгодный товар», причем увеличить размеры, поскольку оно теряется в цветовой гамме, также оставить восклицательный знак, поскольку он привлекает внимание;

– вместо изображения руки использовать изображение монетки с целью создания ассоциаций с экономией;

– заменить надпись «Выгодный товар» на надпись «Чибис» или эмблему «Чибис»;

– убрать фразу «Выгодный товар», так как потребитель сам должен решать, выгоден товар или нет;

По изменению дизайна упаковки предлагалось:

– вместо большого изображения штрих-кода представить полезную информацию;

– изменить цветовую гамму.

Для оценки восприятия упаковки «Выгодный товар» путем сравнения с упаковкой продукции конкурентов участникам исследования было предложено сравнить упаковку сока «Выгодный товар» с упаковкой сока «Эдем» (СТМ сети «Мария-Ра»).

Респонденты нашли упаковку сока «Эдем» привлекательнее: цветовая гамма приятнее для глаз; название больше подходит для сока; упаковка и крышка удобнее; было отмечено, что дизайн сока «Эдем» вызывает ассоциацию с соком «Rich». Были высказаны мнения о том, что надпись «100 % качество» на упаковке сока «Эдем» вводит в заблуждение; отсутствие информации о составе на упаковке сока «Эдем» настораживает.

В отношении сока «Выгодный товар», респонденты отметили, что дизайн прост и привлекает внимание, упаковка информативна, на упаковке сока «Выгодный товар» присутствует информация о соответствии ГОСТу и отсутствии химических добавок.

Участникам фокус-группы было предложено методом слепой дегустации оценить по пятибалльной шкале органолептические (вкусовые, ароматические, цветовые) показатели соков «Выгодный товар» и «Эдем». Результаты проведения слепой дегустации представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты органолептической оценки соков СТМ

Наименования сока	Вкус	Запах	Цвет
«Выгодный товар»	2,95	3	3,3
«Эдем»	3	2,5	3,55

Анализ данных, представленных в таблице 3, позволяет сделать вывод, что участники исследования при оценке органолептических показателей отдали предпочтение по цвету соку «Эдем», по аромату – соку «Выгодный товар». По мнению респондентов, самым приоритетным критерием при выборе сока является его вкус, и после дегустации абсолютное большинство отметило, что вкусовые качества сока «Выгодный товар» практически не отличаются от сока-конкурента «Эдем».

Также участникам исследования было предложено сравнить кофе «Выгодный товар», «Nescafe Gold», «El Grata Gold» (СТМ сети «Мария - РА»).

Участники фокус-группы оценили дизайн упаковки «Выгодный товар» и выразили следующие пред-

ложения по корректировке дизайна кофе СТМ «Выгодный товар»:

– изменить цветовое решение для упаковки и отказать от красного цвета;

– не использовать изображение банки на упаковке кофе д/п;

– изменить размер штрих-кода на упаковке;

– изменить шрифт.

При оценке по пятибалльной шкале внешнего вида упаковки кофе «Выгодный товар» получил средний балл 1,6; «El Grata Gold» – 3,8; «Nescafe Gold» – 4,7. Так же респонденты отметили, что упаковка кофе «El Grata Gold» весьма похожа на упаковку «Nescafe Gold», но им не понравилась красная лента наверху упаковки и надпись «экономичная упаковка».

Методом слепой дегустации участникам предложили сравнить кофе торговых марок «Выгодный товар», «El Grata Gold», «Nescafe Gold». Результаты оценки органолептических показателей кофе СТМ розничных сетей представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты органолептической оценки кофе

Наименование кофе	Вкус	Запах	Цвет
«Выгодный товар»	2,07	1,9	2,1
«El Grata Gold»	1,78	2,8	3,9
«Nescafe Gold»	4,2	4,7	4,5

Анализ результатов органолептической оценки кофе показал, что у кофе «Nescafe Gold» самый высокий балл по всем трем показателям. По мнению части респондентов, кофе «Выгодный товар» приятен на вкус, имеет хороший запах и похож на натуральный кофе. Все участники фокус-группы были едины в том, что кофе «El Grata Gold» практически не имеет запаха и достаточно слабый и обладает горьким и кислым вкусом. Часть респондентов сказали, что из представленных образцов кофе взяли бы тот, который дешевле на единицу массы, то есть «Выгодный товар».

Анализируя полученные данные в ходе проведенного исследования розничных сетей, можно сделать следующие выводы.

– Все розничные сети, работающие на рынке Кемеровской области, для запуска товаров под СТМ выбирают товарные категории массового сегмента, которые в большей степени востребованы покупателями. Глубина и широта линеек товаров под СТМ в каждой из розничной сети своя, это в большей степени связано с выбранными стратегиями развития СТМ. Исследовательские компании, в том числе и ACNielsen, отмечают рост числа товаров под СТМ розничных сетей в таких категориях, как яйцо, продукты быстрого приготовления, бытовая химия, соки, вода, кондитерские изделия, консервация мясная, рыбная фруктово-овощная; крупы, макаронные изделия, соусы и кетчупы, пиво, кофе, чай, растительные масла, сухофрукты, специи, алкоголь, молоко и кисломолочные продукты.

– Ценовое позиционирование товаров СТМ во всех сетях практически аналогичное, мониторинг цен показал, что разница в стоимости товаров не превышает 1,5 % либо просто отсутствует. Это говорит о

том, что все сети проводят мониторинг друг друга и активно работают с себестоимостью товаров.

– Дизайн, слоган и упаковка товаров СТМ для всех сетей является одним из важнейших вопросов, т. к. прежде чем покупатель попробует товар, он увидит дизайн упаковки товаров и от того, какое впечатление она произведет на него, и будет зависеть решение о покупке данного товара. Необходимо отметить, что все сети используют отличительные атрибуты: цветовую гамму, геометрические объекты, различные шрифты.

– Выкладка товаров СТМ в исследуемых сетях в большинстве случаев используется вертикальная, товар выкладывается первым по ходу движения покупателей, также активно используется дополнительная выкладка.

– Торговые сети используют весь комплекс продвижения для товаров под брендами СТМ, в соответ-

ствии с принятыми стратегиями развития – тематические каталоги, листовки, реклама в СМИ.

– В ходе проведения фокус-группы было выявлено, что участники знают, что такое СТМ и связывают это понятие с магазинами ООО «Система Чибис», «Мария-Ра».

– СТМ «Выгодный товар» в сознании респондентов ассоциируется с ООО «Система Чибис».

– Наличие товаров СТМ не является основной причиной посещения торговых предприятий покупателями.

– Основным фактором при выборе товаров является их цена.

– Проведенное исследование отношения респондентов к товарам СТМ «Выгодный товар» методом фокус-группы позволило выявить, что основными причинами отказа от товаров СТМ «Выгодный товар» являются неудобная упаковка товара и ее дизайн.

Литература

1. Режим доступа: www.acnielsen.ru

Информация об авторе:

Стратиенко Любовь Алексеевна – соискатель кафедры маркетинга и рекламы Кемеровского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета, 8 9043718954, sla@regionmart.ru.
Lyubov A. Stratienko – post-graduate student at the Department of Marketing and Advertising, Kemerovo Institute (branch) of the Russian State University of Trade and Economics.

УДК: 332.1 (075)

ФАКТОРЫ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННО-ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

В. А. Трифонов

FACTORS AND PRINCIPLES INFLUENCING FORMATION OF INDUSTRIAL INNOVATIVE CLUSTERS

V. A. Trifonov

Рассматривается роль предпринимателей, руководителей предприятий, органов власти и других участников инновационной деятельности в обеспечении кластерного подхода к организации деятельности промышленных предприятий г. Юрги. Выявлены факторы и принципы, влияющие на образование промышленно-инновационных кластеров.

The paper is aimed at familiarizing a wide innovative community (businessmen, company managers, authorities and other participants of innovative activity) with a cluster approach to the organization of industrial companies' activity in the town of Yurga. Factors and principles influencing formation of industrial innovative clusters are revealed.

Ключевые слова: промышленные предприятия, промышленно-инновационный кластер, кластерный подход, градообразующее предприятие, однородное предприятие, инновационно-технологический центр, инновационная деятельность, малые инновационные фирмы.

Keywords: industrial companies, industrial innovative cluster, cluster approach, monotown company, homogeneous company, innovative technology centre, innovative activity, small innovative companies.

С начала 90-х годов промышленные предприятия в моногородах оказались вовлеченными в сложный процесс реформирования российской экономики. Возникли проблемы кризисного состояния экономической и технологической базы; падения объемов выпуска продукции, массовое увольнение работников, снижение уровня жизни работающих. Спецификой моногородов являлось, как правило, то, что основной

промышленный объект – градообразующее предприятие – несет на себе не только экономическую, но и социальную нагрузку, обеспечивая условия жизнедеятельности в населенном пункте [3, с. 94 – 96; 4, с. 158 – 162]. При такой ситуации расходы на содержание социальной инфраструктуры включаются в себестоимость продукции, делая ее во многих случаях неконкурентоспособной.

В настоящее время обоснованная и общепризнанная методология устойчивого развития экономики градообразующих предприятий во взаимосвязи с жизнеобеспечением населенного пункта требует дальнейшего развития, например, в направлении становления и развития промышленно-инновационных кластеров [6]. Большинство промышленных предприятий нуждаются в неизбежной реструктуризации, сложность которой заключается в том, что все преобразования, изменения и новации в их финансово-хозяйственной деятельности необходимо оценивать через призму возможных социально-экономических последствий для работников.

Идея управления конкурентоспособностью с использованием кластерной методологии получила широкое освещение в основном в работах зарубежных авторов. Она может оказаться очень плодотворной и для российской промышленности. Следует отметить, что в отечественной литературе мало работ по формированию кластеров. В большинстве работ анализируются уже сложившиеся межотраслевые комплексы.

Согласно теории М. Портера географические масштабы кластера могут варьировать от одного города или штата до страны либо даже ряда соседствующих стран [7]. Практически отсутствуют работы по методике формирования кластеров для экономики российского города в рыночных условиях. Кластерный подход для исследования экономики российского города и управления ее развитием становится востребованным и актуальным.

Исследования важнейшей для России проблемы, связанной с развитием промышленных предприятий в городах (особенно в малых городах), позволили выявить причины, препятствующие их развитию, что делает значительную часть продукции заведомо неконкурентоспособной.

1. Отсутствие четких общих рыночных стратегий менеджмента предприятий, увлекающихся частными, противоречащими друг другу мерами.

2. Приватизация по «однозаводскому варианту» (у каждого предприятия свой владелец), которая разрушила налаженные кооперационные связи и схемы снабжения.

3. Устаревшая производственная инфраструктура линий коммуникаций, что создает большие проблемы для нормального ведения бизнеса и развития новых фирм.

4. Любое реформирование промышленных предприятий ведет к сокращению их кадрового состава и уменьшению уровня занятости работников; передача социальных объектов на баланс муниципальных образований и покупка нового оборудования для выпуска новых видов продукции без привлечения кредитных ресурсов практически невозможна.

5. Реструктуризация с помощью механизма налоговых льгот невозможна, так как промышленные предприятия города являются бюджетообразующими.

Учитывая эти проблемы, необходимо разработать механизмы организации и устойчивого развития экономики промышленных предприятий, бизнеса и инфраструктуры кластера, способствующей развитию промышленности в городе. Проследим это на примере города Юрги, выявив факторы, влияющие на образо-

вание кластера, а также сформулировав принципы его организации.

1. *Выгодное географическое положение, наличие промышленной инфраструктуры.*

Обеспеченность достаточно удобными транспортными развязками: железнодорожными, автомобильными, речными. Город Юрга расположен на Транссибирской железнодорожной магистрали и на федеральной автомобильной трассе М53 Новосибирск-Иркутск. Расстояние по автомобильным дорогам от Юрги до Кемерово – 115 км, до Новосибирска – 240 км, до Томска – 116 км. Расстояние от города Юрга до столицы РФ г. Москвы – 3496 км.

2. *Однородные предприятия по признаку сходства используемого сырья, технологии и готового продукта.*

Создаваемый промышленно-инновационный кластер согласуется с самим характером конкуренции и источниками достижения конкурентных преимуществ, лучше охватывает маркетинг, важные связи, распространение технологий, навыков, информации и осознание требований заказчиков. Именно промышленно-инновационный кластер оказывается основополагающим в конкурентной борьбе, в повышении производительности и особенно в определении направлений и мест организации нового бизнеса и внедрения инноваций, что очень важно в условиях вступления России в ВТО. Большинство участников кластера не конкурируют между собой непосредственно, просто они обслуживают разные сегменты рынка.

Город Юрга – компактно заселенный город с высокой удельной плотностью основных производственных фондов на его территории, с монопрофильной структурой экономики (68 % – машиностроение). В городе имеется крупное предприятие ООО «Юргинский машиностроительный завод», состоящее из комплекса заводов с полным машиностроительным циклом – от выплавки стали до выпуска готовых машин (горно-шахтного оборудования и грузоподъемных машин).

Имеются средние предприятия: ОАО «Юргинские абразивы», производитель абразивного инструмента на бакелитовой связке; ОСП «Юргинский ферросплавный завод», осуществляющий производство ферросилиция и микрокремнезема.

Работают малые инновационные фирмы: ООО «АртЛайфТехно», ООО «Теплоресурс», ООО «Томь», ООО «ПромТехСервис», ООО «Юрга гидроарматура», ООО «ОЮМиК», выпускающие продукцию, имеющую потенциальный спрос на рынке промышленной продукции.

3. *Значительный потенциал высококвалифицированной рабочей силы.*

Численность населения – 83,88 тыс. чел. Плотность населения – 18,7 человек/га. Удельный вес в общей численности населения: мужчин – 49 %, женщин – 51 %. Доля жителей в трудоспособном возрасте – 65,7 %. Имеется население, готовое осваивать инновационные технологии и желающее организовывать малые инновационные предприятия, являющееся одним из главных ресурсов экономики в городе Юрга.

Действия промышленных предприятий могут быть в первую очередь направлены на содействие решению наиболее насущных проблем формирующегося малого бизнеса, которыми являются недостаток оборотных финансовых средств; нехватка производственных, торговых и иных площадей; проблемы со сбытом товаров и услуг; проблемы с поиском необходимой рабочей силы; недостаточная квалификация имеющегося персонала и др.

4. *Властные и другие организации, обеспечивающие обучение, образование, поступление информации, проведение исследований и предоставляющие техническую поддержку.*

В городе имеется система высшего профессионального образования, организация по подготовке и повышению квалификации, вузовская и академическая наука в области горно-шахтного дела (юргинский технологический институт Томского политехнического университета, филиал Кемеровского государственного университета, филиал Томского государственного университета и др.), функционируют органы местного самоуправления – законодательная и исполнительная власть, заинтересованные в создании промышленно-инновационного кластера.

5. *Инновационно-технологический центр – структура для повышения квалификации и профессионализма в малом бизнесе, организации инновационных проектов.*

В целях содействия созданию новых предприятий и поддержки существующих, а также содействия взаимовыгодному сотрудничеству предприятий и городской администрации, для улучшения инвестиционного климата в городе созданы и осуществляют свою деятельность Муниципальный фонд поддержки промышленности и предпринимательства, Совет по инвестиционной деятельности, Совет по поддержке и развитию предпринимательства.

Главной связующей и координирующей организацией, обеспечивающей специальные навыки, технологию, информацию, а также любое групповое образование, в которые входят участники промышленно-инновационного кластера, является созданный инновационно-технологический центр.

Наряду с этим есть факторы, сдерживающие развитие инновационно-инвестиционной деятельности в городе: физический и моральный износ основных производственных фондов промышленных предприятий; сложное финансовое положение большей части предприятий; низкая инновационная активность промышленных предприятий; снижение инвестиционной активности органов власти в результате снижения доходов бюджетов всех уровней; снижение платежеспособного спроса населения вследствие падения уровня жизни населения.

Задачей власти является максимальное использование инновационно-инвестиционного потенциала города для повышения деловой активности субъектов хозяйствования. Поэтому одним из наиболее важных направлений развития экономики города и, следовательно, повышения инвестиционной активности является формирование промышленно-инновационного кластера, ориентированного на инновационную дея-

тельность, разработки и реализации производственных, инновационных и социальных проектов.

При создании городского промышленно-инновационного кластера соблюдены следующие принципы функционирования:

1. *Принцип цели.* Структура управления, представляющая единую систему, отражает цели и задачи промышленно-инновационного кластера. Сформулированы основные цели, включенные в причинно-следственную связь между элементами организационной структуры для эффективного функционирования промышленно-инновационного кластера: превращение предприятий и всей инфраструктуры территории в кластер промышленных технологий и инновационной продукции; обеспечение условий для создания, развития и стимулирования субъектов инновационной деятельности предприятий промышленно-инновационного кластера; создание системы образования в области инновационных технологий и промышленного предпринимательства для обеспечения конкурентоспособности городской экономики.

2. *Принцип обратной связи.* Использование промышленно-инновационного кластера как инструмента управления органов государственного управления и законодательства для достижения общих целей, обеспечивающих инновационное развитие предприятий и эффективное решение стратегических проблем муниципального образования в целом.

3. *Принцип оптимизации системы управления.* Инструментами оптимизации системы управления и повышения ее эффективности являются методики прогнозирования роста прибыли от увеличения доли инновационной продукции промышленных предприятий и управления процессами создания инновационной продукции по критерию «цена-качество» [2, 5].

4. *Принцип управления повышением квалификации.* Характерной чертой любого общества, стремящегося к процветанию, является повышенное внимание к системе образования. Рыночная экономика современной России предъявляет более серьезные требования к повышению квалификации руководителей промышленных предприятий, чем при социалистическом плановом ведении хозяйства. В первую очередь это относится к тем, кто принимает стратегические управленческие решения, кто несет ответственность за развитие предприятия, за постоянное обновление продукции и реализацию новых технологических и организационных решений.

Принцип управления повышением квалификации требует обязательного качественного повышения квалификации всех сотрудников предприятий, занятых в производственном процессе, независимо от занимаемой должности, а также предпринимателей бизнес-сообщества.

Создание инновационно-технологического центра в промышленно-инновационном кластере будет способствовать этому. Повышение квалификации происходит на конкретных инновационных проектах с изучением основ экономики, менеджмента, предпринимательства [1].

Разработана организационная структура Юргинского промышленно-инновационного кластера [5], образованная из крупного машиностроительного

предприятия, средних машиностроительных предприятий и малых инновационных фирм, соединенных между собой горизонтальными связями, устанавливаемыми на основе использования похожих специализированных факторов производств или технологий, а также на основе связей через поставки по горизонтали общей продукции и услугами через инновационно-технологический центр, координирующий деятельность членов кластера (рис. 1).

Выводы

1. Выявлены факторы, влияющие на образование промышленно-инновационного кластера: выгодное географическое положение, наличие промышленной инфраструктуры; однородные предприятия по признаку сходства используемого сырья, технологии и готового продукта; значительный потенциал высококвалифицированной рабочей силы; властные и другие организации, обеспечивающие обучение, образование, поступление информации, проведение исследований и предоставляющие техническую поддержку; инновационно-технологический центр – структура для повышения квалификации и профессионализма в малом бизнесе, организации инновационных проектов.

2. В основу организации структуры и управления инновационной деятельностью промышленно-иннова-

ционного кластера положены следующие принципы: цели; обратной связи; оптимизации системы управления; управления повышением квалификации.

3. Предложена организационная структура Юргинского промышленно-инновационного кластера, включающая крупное машиностроительное предприятие, средние, малые промышленные предприятия, малые инновационные предприятия, образовательные учреждения, а также органы государственного управления и законодательную власть. Особенность кластера – наличие инновационно-технологического центра, обеспечивающего промышленные предприятия, образовательные заведения и власть горизонтальными функциональными связями в виде обучения специальным навыкам технологических инноваций. Этот центр предоставляет техническую поддержку предприятиям кластера в области проведения исследований и внедрения конкурентоспособных технологий, поступления информации и установления общих стандартов экономического поведения совместно с органами государственного управления и законодательной власти. Это позволяет организовать эффективную инновационную деятельность в интересах всего кластера.

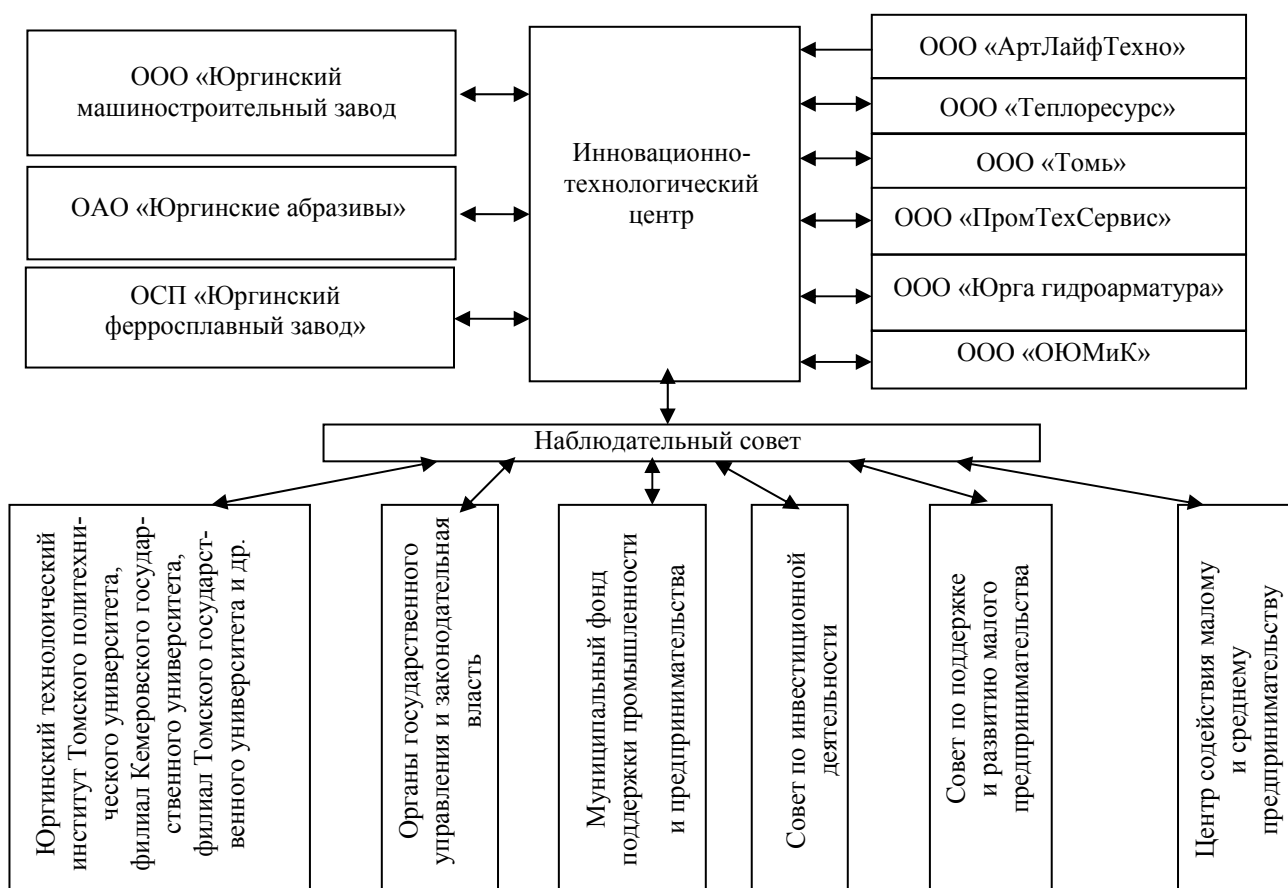

Рис. 1. Организационная структура Юргинского промышленно-инновационного кластера

Литература

1. Маслов, А. В. Автоматизированный тренажер обучения специалистов инновационной деятельности: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.10 / А. В. Маслов. – Томск, 2002.
2. Осипов, Ю. М. Конкурентоспособность наукоемкой машиностроительной продукции: экономика и менеджмент / Ю. М. Осипов. – Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2002. – 247 с.

3. Трифонов, В. А. Особенности разработки и реализации различных стратегий инновационного развития градообразующих предприятий в современных условиях / В. А. Трифонов. – М.: Инновации. – 2008. – № 3.
4. Трифонов, В. А. Инновационно-инвестиционная структура системы «градообразующее предприятие – населенный пункт» / В. А. Трифонов. – М.: Российское предпринимательство, 2009. – № 2 (1).
5. Трифонов, В. А. Градообразующие предприятия – локомотивы региональной инновационной экономики. Науч. издание / В. А. Трифонов. – Томск: STT, 2009. – 112 с.
6. Трифонов, В. А. Формирование и развитие Юргинского промышленно-инновационного кластера / В. А. Трифонов // сб. трудов VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, молодых ученых и предпринимателей в сфере экономики, менеджмента и инноваций «Импульс-2009». – Томск, 2009.
7. Ферова, И. С. Промышленные кластеры: организация, эффективность, эволюция / И. С. Ферова, М. М. Дворяшина. – Красноярск, КрасГУ, 2004.

Информация об авторе:

Трифонов Владимир Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8(384-51) 4-70-11, predsov@yurga.org.

Vladimir A. Trifonov – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics And Automated Systems Management, Yurga Institute of Technology (Affiliate) of National Research Tomsk Polytechnic University.

УДК 330.354:334.722(571.17)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА КУЗБАССА

О. А. Урбан, Н. А. Урбан

THE INNOVATIVE POTENTIAL OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS IN KUZBASS

O. A. Urban, N. A. Urban

В статье анализируется инновационный потенциал предприятий малого и среднего бизнеса (МСБ). Аргументируется вывод о недостаточном инновационном потенциале предприятий МСБ и системных ограничениях развития инновационного предпринимательства. Обосновывается положение об усилении роли государства в принятии мер институционального характера и построении эффективной инновационной системы на основе модели тройной спирали.

The article discusses the innovative potential of small and medium-sized business, and finds the lack thereof. The article also discusses the systematic limitations of innovative entrepreneurship, and substantiates the increasing governmental influence on implementation of institutional measures and development of effective innovative systems using the Triple Helix Model.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, инновационный потенциал, институциональная среда, государственная поддержка.

Keywords: small business, innovative potential, institutional sphere, governmental support.

Кузбасс относится к монопродуктовым регионам угольно-металлургического профиля специализации. С начала 90-х гг. в структуре региональной экономики усиливается доминанта базовых отраслей индустриальной эпохи. Если в 1990 году в Кузбассе угольная промышленность и металлургия «давали» 43,5 % промышленного производства, то в 2000-х г. отрасли специализации обеспечивали уже 59,3 % [1, с. 175], а в 2008 году – 70 % промышленного производства (угольная – 42 %, металлургическая – 28 %) [2, с. 147]. При этом за период 2000 – 2008 гг. ухудшаются показатели, характеризующие инновационный потенциал региональной экономики. Снижился удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций с 8,6 % до 6 % (инновационная активность). Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности изменилась с 1,5 % до 1,2 %. Затраты на исследовательские разработки с

учетом инфляции увеличились незначительно: с 141025 тыс. руб. до 529165 тыс. рублей [3, с. 793, 817, 821].

Низкий уровень диверсификации экономики и ориентация на первичный сектор экономики (добыча и первичная переработка сырья), развитие которого зависит от нестабильной конъюнктуры мирового рынка, создает риски для устойчивого экономического роста, что подтвердил мировой кризис. Несмотря на рост производства и увеличение объемов экспорта топливно-энергетических товаров и металлопродукции, в 2010 – 2011 гг. актуализировалась потребность в структурной перестройке экономики региона, когда основой устойчивого развития становятся модернизация и инновации. В соответствии с целевым сценарием Стратегии развития Кемеровской области до 2025 речь идет об изменении концепции развития отраслей специализации и увеличении доли высокотехнологичной, инновационной продукции, соответствующей

мировым стандартам, а также о создании, внедрении инноваций во всех сферах экономики региона [4]. Одним из направлений реализации инновационной модели экономики является развитие малого и среднего бизнеса (МСБ).

В программных документах, принятых еще в докризисный период, сформулированы институциональные условия перевода МСБ в новое качественное состояние. С 1 января 2009 г. вступил в действие пакет законов, закрепляющий меры поддержки инвестиционной инновационной деятельности, в том числе субъектов МСБ. С учетом задач структурной перестройки и инновационного развития региональной экономики коллегией Администрации Кемеровской области утверждены долгосрочная целевая программа «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области» на 2008 – 2013 годы, долгосрочная Концепция развития малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области на период до 2025 года. В этих документах утверждается, что МСБ должен стать эффективным проводником новых технологий в крупные корпорации с учетом развития металлургических, энергоугольных, углехимических кластеров. Разработаны механизмы, создана и функционирует интегрированная структура поддержки МСБ в регионе.

Вместе с тем инновационный потенциал МСБ во многом определяется на поведенческом уровне, а ключевые факторы, влияющие на развитие МСБ, находятся в институциональной среде. Институциональная среда представляет совокупность формальных и неформальных норм и правил, координирующих хозяйственную деятельность субъектов, а также обеспечивающих их соблюдение через соответствующие структуры, механизмы и стимулы [5, с. 36]. Институциональная среда может сдерживать либо стимулировать создание инновационных производств, выпускающих конкурентоспособную продукцию. Необходимым инструментом практики управления институциональной средой являются социологические исследования. Изучение субъекта инновационной деятельности как сегмента предпринимателей в регионе позволяет выявить институциональные проблемы в развитии инновационной деятельности МСБ.

С целью диагностики инновационного потенциала МСБ НФИ КемГУ в 2011 году провел с исследование, в основу которого положен монографический метод. Объектом исследования являлись предприятия МСБ г. Новокузнецка, самого крупного промышленного города Кузбасса, в которых осуществляется (планируется) разработка и (или) внедрение инноваций (инновационно-ориентированные предприятия). Информационной базой для выводов послужили результаты формализованного интервью с руководителями (собственниками) предприятий. Выборочная совокупность составила 146 единиц, что является достаточным для выявления основных тенденций в развитии инновационного предпринимательства, в качественном отношении отражающих общую ситуацию в регионе. Теоретической и методической основой исследования стали работы отечественных и зарубежных авторов в области инноваций, а также

материалы руководства Осло «Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям».

Описание сегмента инновационно-ориентированных предприятий осуществлялось на основе измерения следующих характеристик: виды деятельности, численность работающих, время работы на рынке, финансово-экономическое состояние, перспективы развития; политика руководства, объекты инновационной деятельности; объемы финансирования НИОКР; количество разрабатываемых и планируемых инноваций; доля инновационной продукции в общем объеме продаж продукции, услуг и др.

Совокупность характеристик предприятий целевой выборки свидетельствует, во-первых, о слабо выраженных тенденциях инновационной деятельности в производственном предпринимательстве (реальном секторе экономики). Результаты обработки открытого вопроса определили сферу услуг как преимущественный вид деятельности предприятий. Во-вторых, об ограниченном инвестиционном потенциале предприятий. Микропредприятия (до 15 чел) составили 46 % в выборке. 55 % респондентов охарактеризовали финансово-экономическое состояние предприятия как «испытывает трудности». Доля стабильно работающих предприятий составила 23 %, и только 1 % руководителей оценил состояние предприятия «на подъеме, рост». В-третьих, независимо от финансово-экономического состояния предприятия отмечается инновационная активность руководителей в настоящем и планируемом будущем. 88 % респондентов связывают рост конкурентоспособности с инновационной деятельностью и определяют перспективы трёхлетнего развития как освоение новых видов деятельности (53 %), расширение существующего бизнеса (13 %), сохранение текущего состояния (16 %). В целом инновационная продукция уже присутствует в общем объеме продаж подавляющего большинства предприятий (86 %), но ее доля, как правило, незначительна: менее 5 % отметили 47 % опрошенных руководителей; в интервале от 5 % до 15 % указали 31 %; более 15 % отметило 5 % респондентов; более 30 % определило 3 % руководителей. Доминирующий тип инноваций, осуществляемых (осуществленных) на исследуемых предприятиях, представлен продуктовыми инновациями, результатом которых является создание нового товара, услуги (66 % предприятий). Организационные (результат – новшества в управлении предприятием, кадрами), процессные, технологические (результат – новый технологический процесс), маркетинговые (результат – новые рыночные приемы продвижения товара, фирмы) осуществляются на 29 %, 28 % и 23 % предприятий соответственно. Все опрошенные руководители планируют внедрение инноваций на собственном предприятии. Потенциальными инновациями респондентами названы в первую очередь продуктовые (90 %) и процессные, технологические (66 %), организационные и маркетинговые инновации планируют осуществить 44 % и 45 % респондентов соответственно.

Количество разрабатываемых и внедренных инноваций в 2008 – 2010 гг. в среднем составило 3 на предприятие, при этом выделяются единичные пред-

приятия, на которых количество инноваций достигало 20, а на части предприятий инновации отсутствовали. Количество планируемых инноваций также в среднем достигает 3 на предприятие. Имеющимися и планируемыми результатами инновационной деятельности предприятий являются соответственно: патенты (27 % и 21 %), полезные модели (20 % и 5 %); опытные образцы (17 % и 22 %); НОУ-ХАУ (47 % и 77 %); новые управленческие процессы (16 % и 51 %); маркетинговые инновации (27 % и 30 %); новые технологические процессы (25 % и 58 %). Отмечено, что реальная и потенциальная инновационная активность в значительной степени выше на предприятиях сферы услуг, чем в производственной сфере.

Подавляющее большинство руководителей (86 %) направляют средства на научные исследования и конструкторские разработки (НИОКР). Доля расходов на НИОКР в составе общих затрат составляет менее 1 % на 21 % исследуемых предприятиях; от 1 % до 10 % на 49 % предприятиях, более 10 % на 16 % предприятий. Главным источником финансирования инновационной деятельности 96 % опрошенных руководителей назвали собственные средства, что ограничивает ее развитие, учитывая финансово-экономическое состояние предприятий. Дополнительными источниками выступают заемные средства: средства физических лиц (60 %) и кредиты банков (48 %). Значимость других источников финансирования, в том числе бюджетного, несущественна.

В целом результаты интервью с руководителями зафиксировали сформированную и реализуемую на поведенческом уровне установку на инновационную деятельность как объективную необходимость роста конкурентоспособности бизнеса. 90 % рассматривают инновационную деятельность как необходимую или крайне необходимую для роста доходности бизнеса. Вместе с тем в самооценке типологической принадлежности предприятия руководители в большинстве своем (63 %) в полной мере не идентифицируют свое предприятие с инновационно-ориентированным типом («насколько соответствует, настолько не соответствует»), несоответствие выявили 18 % опрошенных руководителей, а соответствие только 12 %, остальные затруднились с самооценкой. Отмеченный факт свидетельствует о маргинальном состоянии исследуемых предприятий, переход которого в инновационно-ориентированный тип будет определяться инновационным потенциалом.

Анализ инновационного потенциала включает исследование таких факторов, как наличие внутренних ресурсов (материальные, финансовые, интеллектуальные, информационные, кадровые и др.), их распределение в организации; внешних ресурсов (государственная поддержка, взаимодействие с научными, образовательными учреждениями, ситуация на рынке труда и др.); способность менеджмента интегрировать концепцию инновационного развития в стратегию предприятия; особенности институциональной среды, влияющие на инновационную деятельность. Для оценки факторов инновационного потенциала предприятий МСБ измеряется набор ключевых показате-

лей, отражающих развитие этих факторов для организации.

Результаты проведенного исследования отражают следующие особенности ресурсного обеспечения инновационной деятельности предприятий МСБ.

В лице опрошенных руководителей существует социальный ресурс для развития инновационного МСБ. Высокий уровень образования (90 % имеют высшее образование, в том числе 64 % – техническое, 23 % – экономическое, а у 10 % респондентов имеется ученая степень) обеспечивает интеллектуальные активы для инновационной деятельности. Принадлежность большинства респондентов (89 %) к возрастным группам (30 – 40 лет (38 %) и 41 – 55 лет (51 %)) свидетельствует о наличии профессиональных компетенций, жизненном опыте, высокой социальной активности, перспективном планировании. Актуализирована потребность в инновационной деятельности. В то же время «слабой» стороной руководителей является недостаточный уровень специальных знаний в области инновационной деятельности. По результатам самооценки лишь у 17 % респондентов знания достаточны в той или иной мере для инновационной деятельности. На практике это руководители наиболее эффективно работающих предприятий. В то время как треть (33 %) опрошенных отметили, что имеющихся у них знаний «недостаточно», а 36 % выбрали вариант «насколько достаточно, настолько недостаточно», остальные затруднились с ответом. Очевидно, что специализированная подготовка и обучение руководителей кадров для инновационного бизнеса должны стать одним из направлений господдержки МСБ.

Оценка руководителями различных видов ресурсов по шкале «достаточно – недостаточно» выявила недостаточный ресурсный потенциал предприятий для инновационной деятельности, который имеет низкие значения оценок. Обеспеченность инновационными кадрами, создателями инноваций, по мнению 71 % респондентов, недостаточная. Только 12 % руководителей отметили, что предприятие в целом обеспечено инновационными кадрами. Уровень квалификации сотрудников лишь частично соответствует инновационным задачам развития предприятия (80 %). Как «достаточный» уровень квалификации сотрудников оценили 15 % руководителей. В кадровом отношении наиболее востребованы инженеры (74 %) и экономисты (60 %). При этом отмечается недостаток квалифицированных кадров на рынке труда (72 %) и невысокое качество подготовки выпускников вузов, которое, по мнению 69 % респондентов, больше не соответствует, чем соответствует требованиям работодателя. Отчетливо прослеживается необеспеченность инновационной деятельности финансовыми (95 %) и материальными (недвижимость, оборудование) ресурсами (87 %). Существенно ограничивает возможности инновационной деятельности низкий уровень доходности предприятия, 86 % респондентов оценили доход предприятия как недостаточный. В той или иной мере недостаточными респонденты оценили информационные и нематериальные (патенты, ноу-хау и др.) ресурсы предприятия (соответственно 90 % и 80 %). Тем не менее, 83 % опрошенных руководите-

лей рассматривали ресурсную обеспеченность предприятия для этапа инициации инновации как достаточную.

Измерение рейтинга внутренних и внешних факторов, сдерживающих инновационную деятельность предприятий, выявило основные барьеры для ее осуществления. Финансовые и экономические: «недостаток собственных денежных средств для инновационной деятельности» (66 %); «недостаточная ее экономическая эффективность – 49 %»; «риск не окупить инновационные инвестиции» – 71 %. Информационные: «недостаток информации о новых технологиях, которые можно внедрить» (44 %); «недостаток информации о потенциальных покупателях инноваций» (44 %). Организационные: «сложности с поиском потенциальных инвесторов инновационного проекта» (43 %); «неразвитость научно-технических связей с другими инновационными фирмами» (37 %). Кадровые: «отсутствие квалифицированных кадров и недостаток знаний по инновационной деятельности» (32 %). С учетом особенности целевой выборки отмечается низкое значение социокультурных (ценностных) барьеров: «недостаточное понимание в предпринимательской среде значимости инноваций», «доминирование интересов текущего производства».

Выявлено наличие высоких барьеров для инновационной деятельности в институциональной среде МСБ, производной от государственно-управленческой деятельности: «административные барьеры» (86 %), «коррупция» (73 %); «слабые налоговые, таможенные, арендные льготы» (49 %); «недостаточная информационная поддержка (информация о спросе на инновации и их предложении, о потенциальных инвесторах, о формах поддержки, о новых законах)» (43 %); «несовершенство законодательства» (32 %); «нестабильность законодательной базы» (32 %); «барьеры доступа к муниципальному, государственному заказу» (29 %), «недостаточно льготные условия получения кредита на инновационные цели» (22 %). Как следствие 66 % респондентов отметили негативный для инновационной деятельности фактор «неуверенность в будущем», усиливающий предпринимательские риски.

Взаимодействие науки и бизнеса относится к необходимым условиям инновационной деятельности предприятий МСБ. Только 3 % респондентов отметили «отсутствие у обеих сторон потребности в сотрудничестве». Взаимовыгодному сотрудничеству препятствуют в первую очередь информационные и стоимостные факторы: «отсутствие информации о потенциальных возможностях взаимодействия науки и бизнеса» (69 %); «недоступная для бизнеса цена научных разработок» (62 %). В этой связи актуализируется роль региональной власти в создании эффективных институциональных форм взаимодействия основных участников инновационного процесса в рамках формирования модели тройной спирали, играющей ключевую роль в развитии экономики знаний [7, с. 35 – 61].

Таким образом, развитие инновационной деятельности предприятий МСБ имеет системные ограничения. Ключевые факторы сосредоточены в институ-

циональной среде, формирующей высокие риски для инновационных инвестиций и неуверенность в будущем, что влияет на принятие решения о старте инновационного проекта. В этом плане прямые влияния средств господдержки в сектор МСБ без институциональных изменений не могут принести долгосрочных устойчивых результатов. Недостаток внутренних ресурсов предприятия также сдерживает инновационную деятельность. Информационный «вакуум» относительно потенциальных возможностей взаимодействия науки и бизнеса, спроса на инновации, потенциальных инвесторах, недостаток знаний в области инновационной деятельности и пр. усиливает действие неблагоприятных для инновационной деятельности внутренних и внешних факторов.

Государственное регулирование институциональной среды и государственная поддержка, оказывая непосредственное влияние на факторы развития инновационного МСБ, находятся в сфере интересов бизнеса. Большинство опрошенных руководителей предприятий придают очень важное значение государственной поддержке для активизации инновационной деятельности, особенно со стороны органов муниципальной власти, которые формируют на местах институциональные условия и непосредственно взаимодействуют с бизнесом. Так, высокую значимость («очень важно») поддержки инновационной деятельности со стороны органов региональной власти отметило 58 %, со стороны органов муниципальной власти – 71 % респондентов. Следует отметить, что объектам инфраструктуры поддержки инновационного бизнеса (технопарки, фонды венчурного финансирования и др.) респондентами придается невысокое значение: только 26 % опрошенных руководителей отметили важную роль специализированных структур для активизации инновационной деятельности.

Выявлены наиболее востребованные направления государственной поддержки, которые можно одновременно рассматривать как основные проблемы для инновационной деятельности предприятий МСБ. Низкий процент ответов на позицию «трудно сказать» (от 1 % до 3 %) свидетельствует о сформированном мнении в среде опрошенных руководителей.

В области экономической поддержки приоритетными определяются льготное налогообложение (82 %) и государственный заказ на инновационную продукцию (56 %). Менее значимыми являются финансовые инструменты, связанные с венчурным инвестированием, предоставлением государственных субсидий на оплату части процентной ставки по привлеченным кредитам коммерческих банков, частногосударственное финансирование инноваций, предоставление бюджетных кредитных ресурсов, гарантии по полученным в банках кредитам. Их отметили соответственно 31 %, 29 %, 23 %, 16 %, 9 % респондентов.

Как на начальном, так и на завершающем этапах инновационной деятельности важен открытый и простой доступ к информации, нехватка которой создает риски для инновационной деятельности. Поэтому среди опрошенных руководителей востребованы различные формы информационной поддержки: предос-

тавление информации о потенциальных инвесторах» (60 %), о новых инновационных продуктах (58 %), потенциальных покупателях инновационного продукта (51 %).

В части организационной поддержки наиболее востребована помощь в проведении сертификации продукта (54 %) и в продвижении продукта на другие региональные рынки (42 %). Меньшее значение для руководителей предприятий имеют помощь в проведении маркетинговых исследований (32 %), получении патента на инновационную продукцию (27 %), организационные формы взаимодействия, такие как экономические форумы, венчурные ярмарки по вопросам инноваций (24 %).

В рамках инновационной деятельности руководители предприятий взаимодействуют с различными структурами. На основе измерения рейтинга проведения оценка эффективности сформированных институциональных форм взаимодействия. По мнению опрошенных руководителей, наиболее активное и эффективное сотрудничество складывается с научно-исследовательскими институтами, лабораториями (76 %). К эффективным формам сотрудничества отнесено взаимодействие с технопарками и вузами (48 % и 46 % соответственно). Взаимодействие с научно-техническими отделами крупных фирм оценивается как эффективное 32 % респондентов. Обращает внимание факт, что специализированные организации не отнесены к числу активных и эффективных партнеров предприятий МСБ и слабо связаны с бизнесом в рамках инновационной деятельности. Отметим как эффективные центры подготовки специализированных кадров (персонала) 18 % респондентов, венчурные фонды, бизнес-ангелы – 9 %, фонды содействия развитию малых предприятий в сфере научно-технической деятельности, фонды поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ – 4 %, органы региональной власти – 4 %, учебно-деловые центры – 3 %. По существу взаимодействие опрошенных руководителей МСБ в рамках инновационной деятельности осуществляется преимущественно с традиционными структурами, занимающимися научной деятельностью.

Подведем итоги. Развитие инновационного предпринимательства в сфере МСБ внутренне противоречиво. В предпринимательской среде существует актуальная потребность в инновационной деятельности как необходимого фактора повышения конкурентоспособности и роста доходности предприятия. В ус-

ловиях структурных изменений экономики Кузбасса государственная поддержка и создание институциональных условий для развития инновационной деятельности предприятий МСБ является важнейшим направлением структурной политики региональной власти. В то же время отмечается недостаточный инновационный потенциал предприятий МСБ как совокупность ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности. Анализ характеристик инновационно-ориентированных предприятий, внешних и внутренних факторов, влияющих на инновационную деятельность, выявляет противоречие: с одной стороны, между целями государственной политики в развитии инновационного МСБ для приоритетных видов деятельности в реальном секторе экономики Кузбасса, с другой стороны, несовершенством институциональной среды, высокими финансовыми, кадровыми барьерами для инновационной деятельности, слабо выраженными тенденциями инновационной деятельности в производственном предпринимательстве. Результаты исследования приводят к выводу об усилении роли государства на всех уровнях власти в принятии мер институционального характера в построении эффективной региональной инновационной системы, которая в мировой практике создается на основе модели тройной спирали, когда бизнес – власть – университеты способствует росту эффективности друг друга с опорой на образование. Власть осуществляет регулирующую функцию, создает благоприятные для взаимодействия науки и бизнеса институциональные условия, формирует востребованные направления господдержки. Для обеспечения необходимой динамики развития инновационной деятельности следует развивать гражданские институты, снижающие риски административных барьеров, коррупции и нарушения баланса интересов сторон отношений. Однако, все усилия, направленные на обеспечение взаимодействия в рамках задач модернизации и инновационного развития региональной экономики, будут малоэффективными, если не решать главных системных задач, направленных на поддержку и развитие кадрового потенциала предприятий МСБ. Возрастает роль университетов в формировании предпринимательского мышления. В то же время субъекты предпринимательства должны прийти к пониманию, что инвестиции в человека, в том числе и в собственное обучение, являются внутренним управляемым фактором инновационной деятельности в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Кузбасс. История в цифрах: стат. сб. / Кемеровостат. – Кемерово, 2008. – 323 с.
2. Кузбасс. 2009: стат. сб. / Кемеровостат. – Кемерово, 2009. – 284 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.
4. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года. – Режим доступа: http://www.ako.ru/PRESS/MESS/TEXT/doktrina/str25_rus.pdf (дата обращения: 15.10.2010).
5. Шабашев, В. А. Трансформация институциональной среды в условиях экономического кризиса / В. А. Шабашев // Институциональная трансформация экономики на постсоветском пространстве: сб. ст. Межд. науч. конф. Институциональная трансформация: федеральный и региональный уровни, 29 – 30 окт. / под ред. С. Н. Левина. – Кемерово: КемГУ, 2009. – С. 36 – 39.

6. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Г. Ицковиц [пер. с англ.] / под ред. А. Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.

Информация об авторе:

Урбан Ольга Андреевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Новокузнецкого института (филиала) КемГУ, 8-903-940-16-15, urban-o@yandex.ru.

Olga A. Urban – Candidate of Philosophy, Associate Professor, senior researcher at Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Урбан Николай Александрович – кандидат химических наук, начальник научно-инновационного сектора Новокузнецкого института (филиала) КемГУ, 8-903-940-16-15, urban-iq@yandex.ru.

Nikolay A. Urban – Candidate of Chemistry, Head of the Scientific Innovative Sector, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

УДК 330.34

КАТЕГОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Л. Н. Щербакова

THE CATEGORY OF ECONOMIC DEVELOPMENT AS THE OBJECT OF ECONOMIC ANALYSIS

L. N. Shcherbakova

В данной статье ставится цель обратиться к проблеме экономического развития. Это необходимо, чтобы разделить категории экономического развития и экономического роста, а также для того, чтобы учесть новые тенденции современного мира. В работе рассматриваются теории экономического развития эволюционной экономики, синергетики, институционализма, диалектический подход. В заключении делается вывод о новой природе современного экономического развития.

Economic development is researched in this article. It is necessary for distinguishing the problems of economic development and economic growth, and for considering the new trends of modern world. The economic development theories of evolution economy, synergetic, institutionalism, and dialectic method are reviewed. And, finally, the conclusion about the new nature of modern economic development is made.

Ключевые слова: экономическое развитие, экономический рост, теории развития, новая модель развития.

Keywords: economic development, economic growth, theories of development, new model of development.

Понимание проблемы экономического развития всегда являлась дискуссионной и неоднозначной. Данная проблема очень активно осваивалась в советском периоде на основе марксистско-ленинской философии. С приходом в нашу отечественную экономическую мысль западного экономикса разработка этого вопроса стала затихать, практически он был заменен проблемой экономического роста и равновесия. Разумеется, отдельные исследования по экономическому развитию ведутся [3]. В работах о развитии выделяются точки зрения, в соответствии с которыми акцент в понимании данной категории делается на цели, целенаправленности изменений; на адаптацию к окружающей среде; на противоречии как источнике развития; на линии развития – прогресс, эволюция. Профессор Н. Косолапов, поднимая вопрос о развитии, выделяет такой ряд категорий: перемены, изменения, трансформация, эволюция, развитие [5, с. 104 – 112]. В связи с той исследовательской задачей, которую мы поставили выше, считаем необходимым рассмотреть постановку вопроса о развитии во всех ныне признанных направлениях экономической мысли. Так достаточно новым и не до конца освоенным направ-

лением является эволюционная теория развития. Любопытен тот факт, что формирование основных принципов эволюционной теории сопровождается анализом позиций основных течений экономической мысли в отношении их подхода к решению проблемы экономического развития. В работах таких известных мыслителей, как Б. Мандевиль, А. Смит, Т. Мальтус, эволюционисты находят зародыши своей теории. В частности они считают, что данные экономисты говорят о спонтанном характере социально-экономического порядка и неинтенационности результатов действия отдельных людей. Идеи Б. Мандевилья и А. Смита роднятся тем, что у них действия отдельных людей – спонтанные и обособленные рожают какую-либо общественную пользу. Есть мнение, что именно Смит и шотландская школа в целом дали Дарвину идею о возникновении развития из хаотичного взаимодействия без наличия какой-либо направляющей силы. Т. Мальтус не только внес свою лепту теорией естественного отбора, борьбой за ограниченные ресурсы, но и подчеркнул роль разнообразия в динамическом развитии. Теория Ч. Дарвина о развитии биологического мира, которая включала процессы измен-

чивости, наследственности, отбора была созвучна экономической модели конкуренции за ограниченные ресурсы, однако в то время не нашла глубокого отклика в экономическом мире. На том этапе зачатки эволюционной экономики были вытеснены развитием маржинализма. Бентамовская философия утилитаризма и механистический подход Джевонса послужили основой для появления совершенно иного направления экономической мысли. Базовой становится проблема оптимизации и равновесия. Равновесие понималось экономистами как совершенное, самое желаемое состояние, при котором макроэкономические параметры сбалансированы, а полезности достигают своего максимума. В XX веке теория равновесия окончательно утверждается и достигает своего наивысшего уровня в работах П. Самуэльсона, К. Эрроу. Однако теории равновесия отводится негативное место в вопросе о развитии. Так, в литературе можно встретить такое мнение: «чистая экономическая теория отказалась от рассмотрения процессов в их историческом развитии в пользу равновесного анализа» [4, с. 626]. В работе Р. Нельсона и С. Дж. Уитнера по эволюционной экономике говорится, что «Теория, жестко ориентированная на равновесные состояния, просто не способна принести пользу при анализе экономических изменений, по крайней мере в том случае, когда эти изменения в своей основе сопряжены с неравновесием. В результате переориентации на равновесные состояния экономическая теория почти полностью утратила контакт с эмпирическими работами, посвященными техническому прогрессу, коммерческим фирмам как источнику многих инноваций в современной экономике, конкуренции в тех отраслях, где технологические нововведения играют важную роль, и институтам и типам экономической политики, оказывающим воздействие на эти ключевые процессы» [6, с. 9]. Обращение к анализу статического равновесия, по мнению сторонников эволюционной теории, оставляет науку слепой к явлениям, связанным с историческими изменениями. Сам термин «эволюционный» в широком смысле означает изучение процессов долгосрочных поступательных изменений. Причем важным объектом эволюционного мышления является роль, которую играет прошлый опыт и предшествующее обучение в формировании экономического поведения. По мнению вышеуказанных авторов в переходных экономиках должна возрастать роль эволюционной теории. В переходный период процессы убыстряются, ломаются старые институты, создаются новые, равновесное состояние несвойственно данной экономике. Главное в такой ситуации – понимание того, как происходят изменения, а в этом и состоит метод эволюционной экономики. В эволюционной теории делается акцент на постепенности развития, на важности элементов непрерывности экономического процесса, хотя они и не отрицают возможность резких изменений. Однако основной объект изучения эволюционной экономики – это совокупность фирм в конкурентной рыночной среде, эта совокупность определяется правилами отдельной фирмы, при взаимодействии фирм, при появлении новых фирм [6, с. 13].

В эволюционной теории высоко ценится вклад Й. Шумпетера. В его работах «Теории экономического развития», «Экономические Циклы» уделяется внимание вопросам развития через появление нового, так, он писал, что целью исследования является нахождение ответа на вопрос «как экономическая система производит ту силу, которая ее изменяет?» [12, с. 52]. Концепцию развития по Шумпетеру можно представить следующими положениями:

- выделение как объекта изучения изменений, которые не происходят непрерывно, это особые изменения, которые потрясают экономику;

- изменения рождены рыночным устройством общества, однако рынок у него является не простым механизмом, а сферой радикальных изменений;

- основой этих изменений выступает конкуренция, которая заставляет фирмы использовать нововведения, одни фирмы в результате растут и процветают, другие гибнут, устраняются;

- предприниматель у Шумпетера является революционной фигурой, он подталкивает развитие экономики через преодоление новаторами тех правил и норм, которые сдерживают ее движение вперед;

- главным моментом в развитии экономики ученый считал не плавные и постепенные изменения, а скачки, для которых первый тип изменений является лишь фоном.

Шумпетеру отводят роль экономиста, который объединил равновесный анализ и теорию развития: равновесие существует до определенного момента, пока не появились инновации, потом возникает переход к новому состоянию равновесия – и в этом суть развития (пунктирное равновесие). Т. Веблен в своей книге «Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?» ставил цель объяснить и доказать, почему современную науку нельзя назвать эволюционной, при этом он высказал ряд положений, весьма полезных в рамках данного исследования; так, он много внимания уделял пониманию природы развития. Веблен писал о том, что и в доэволюционный период были попытки ученых «сформулировать и объяснить логику процесса, последовательность, рост, развитие. Усилия такого рода, многократные и многообразные, предпринимались; многие схемы развития, отличавшиеся большей изощренностью и стройностью, приобрели известность в качестве теорий развития органической и неорганической природы, а также стран и народов» [2, с. 13]. Прежде всего, он критикует историческую школу, хотя именно ее концептуальная система, на первый взгляд кажется приближенной к принципу эволюционизма. Т. Веблен считал, что представители исторической школы занимались только описанием процесса промышленного развития, а эволюционная наука является теорией разворачивающейся последовательности событий. Не отрицая каузальность как таковую, ученый считал ее ограниченной в толковании классиков. Последние рассматривали ее как наличие причинно-следственных связей между фактами, но по мнению Т. Веблена, слабость в их позициях заключается в том, что любая каузальная последовательность, не соответствующая законам, считается отклонением. Сам ученый предлагает кумулятивную каузальность как основу схем развития,

генетический подход к описанию жизни, человек в его представлении должен рассматриваться не с позиций гедонизма, не как пассивная и инертная сущность, а как субъект действия

Поиск ответа на вопрос о сути экономического развития вывел исследование на такой аспект, как теория самоорганизации систем. Есть мнение, что на основе системного анализа система рассматривается как статическое образование, а в основе теорий самоорганизации лежит принцип развития [3, с. 66]. К теориям самоорганизации относятся синергетика, теория изменений и теория катастроф. Прежде всего, авторы данной теории считают, что ее возникновение связано с необходимостью разрушения ряда стереотипов в общей концепции развития экономики. Они критически относятся к следующим положениям:

- представлению о хаосе как исключительно деструктивным начале мира;
- рассмотрению случайности как второстепенного побочного фактора;
- отношение к неравновесным состояниям как изъянам экономики;
- к мнению о том, что на развитие не влияют микрофлуктуации и космические процессы;
- к предсказуемости новых витков развития;
- к теории линейного, поступательного, безальтернативного развития;
- мир связан жесткими причинно-следственными связями.

Авторы теории синергетики обнаруживают следующие различия в системных исследованиях и в своих собственных.

Во-первых, системный анализ предполагает акцентирование внимания на морфологическом и функциональном описании систем в их статическом состоянии, а синергетика изучает процессы роста, развития и разрушения систем.

Во-вторых, системный подход делает акцент на равновесный анализ, а синергетика считает, что хаос играет не деструктивную, а стимулирующую роль в развитии систем.

В-третьих, системные исследования изучают процессы организации систем, а синергетика – процессы самоорганизации.

В-четвертых, в рамках системного подхода изучается прежде всего внутренняя взаимосвязь компонентов системы, а в рамках синергетического подхода огромная роль отводится внешним взаимосвязям системы.

В-пятых, в рамках системного анализа принято считать, что источник движения находится внутри самой системы, а синергетика делает акцент на огромную роль внешней среды в процессе изменения.

Вторая концепция теории самоорганизации – это теория изменений, самым ярким элементом данной концепции является рассмотрение точек неустойчивости системы и фазы скачка. Основателем этой теории считается Илья Пригожин, который свои исследования в области термодинамики обобщил и впоследствии перевел в область философско-методологических выводов. Две вышеуказанные теории в современных условиях очень сблизились, их понятийный аппарат стал очень однородным, методология

– общей. Теория катастроф акцентирует внимание на том, что скачок может быть следствием лишь внутренних флуктуаций, что отличает ее от прочих подходов этого направления. Термин катастрофа синонимичен понятиям революции, скачка или фазового перехода.

Сам процесс самоорганизации системы означает установление в системе порядка, происходящего исключительно за счет кооперативного действия и связей ее компонентов и в соответствии с ее предыдущей историей, приводящей к изменению ее пространственной, временной или функциональной структуры. Чтобы система могла прогрессивно развиваться, она должна:

- 1) быть открытой, то есть обмениваться со средой веществом, энергией или информацией;
- 2) действия компонентов должны быть кооперативными, то есть согласованными;
- 3) быть динамичной, то есть находиться в неравновесном состоянии.

Равновесные системы не обладают способностью к развитию, так как кооперативное взаимодействие их элементов невозможно, в этих условиях они являются лишь инерционной силой, способной на количественные изменения. В закрытых системах постепенно возрастает энтропия (хаос, беспорядок), так как они не получают неэнтропийных воздействий из внешней среды. Неравновесная система изменяет такие свои параметры, как состав, структура, поведение. Будучи открытой, она получает поток отрицательной энтропии из внешней среды, равный внутренней энтропии, поэтому система должна постоянно работать в целях самосохранения. Авторы теорий самоорганизации систем отмечают такое явление как резонансное возбуждение, которое означает не равные по силе действие на систему и реакцию на это действие, причем активная ответная реакция возникает в том случае, если действие согласуется с внутренними свойствами системы. Особое место в данных теориях отводится воздействию флуктуаций (колебания, изменения, возмущения). Принято считать, что внутренние флуктуации в закрытых системах гасятся сами по себе. Флуктуации в открытых системах усиливаются воздействиями из внешней среды, могут принимать огромную силу и это необходимо для процессов самоорганизации. Влияние на систему внешних и внутренних флуктуаций осуществляется через два эффекта. Первый получил название петли положительной обратной связи. Он означает, что неравновесные системы, получившие даже незначительный толчок, могут усилить его до уровня, разрушающего систему. Этот эффект может объяснить природу циклов экономического развития. Второй эффект – кумулятивный – заключается в том, что из незначительной причины могут вырасти серьезные последствия, причем все более существенные по силе действия.

На наш взгляд, актуальным и весьма плодотворным в теории развития является выделение такого понятия как «вызовы». Данный термин опирается на теорию А. Дж. Тойнби, который говорил, что каждое «общество в своей жизни сталкивается с серией задач, которое оно решает наиболее приемлемым для себя образом. Каждая такая проблема – это вызов исто-

рии» [10, с. 22]. Вызов представляет собой возникновение новых обстоятельств или условий функционирования социума, ведущих к его эволюционному изменению. Мы согласны с мнением Д. Е. Сорокина, что речь идет об обстоятельствах, ведущих к необратимым изменениям в структуре, содержании, формах институциональной системы социума и соответственно в механизмах и траектории его движения, что данное явление можно характеризовать как «цивилизационный сдвиг» [9, с. 7]. Мы говорим о том, что в развитии человеческого общества могут возникать особые периоды, когда жить по-старому нельзя, необходимы фундаментальные изменения, причем речь идет обо всей человеческой цивилизации, а не о макро-уровне. В истории уже были такие периоды, когда человеческие сообщества по-разному реагировали на так называемые точки бифуркации. Одни общества погибали, другие еле выжили, то есть приспосабливались, но крайне слабо, в третьем случае люди приспосабливались, найдя какой-то принципиально новый путь выживания, как правило, переход в более совершенное и более высокое состояние с точки зрения усложнения структуры. Если люди в данной ситуации не заметят угрозу или не найдут достойный вариант качественно нового развития, то им грозит худшее, вплоть до полного исчезновения данной цивилизации. Интересен тот факт, что вызовы предполагают многовариантность (альтернативность) траектории развития социума. Вызовы сами по себе можно классифицировать. Одним из критериев классификации является их деление по источнику (происхождению). Вызовы при таком аспекте рассмотрения можно подразделить на естественно-природные; технологические, геополитические, институциональные.

Необходимо учитывать тот момент, что причины вызовов очень взаимосвязаны, каждая в отдельности носит ограниченный и относительный характер. Вызовы зависят и от времени их происхождения. Многие вызовы могут проявиться по причинам, которые давно сформированы и проходили стадию созревания. Вызовы можно классифицировать по масштабности: общечеловеческие, цивилизационные, национальные. Общечеловеческие или глобальные вызовы затрагивают человечество в целом. Цивилизационные вызовы относятся к существованию отдельной цивилизации или их групп. Соответственно национальные вызовы затрагивают интересы социума, ограниченного отдельной национальной территорией. Очень важным для нашего исследования является деление вызовов на внешние и внутренние, этот критерий формируется в зависимости от расположения причины к объекту вызова. Внутренние вызовы формируются из-за изменений, происходящих внутри самого социума, а внешние, соответственно, за его пределами.

В данной системе взглядов есть определенная конкретизация, а именно: причиной назревания угроз современного уровня называется тот факт, что в самой иерархической системе мира ведущей оказалась западная цивилизация с присущей ей системой ценностей. Приводятся данные о том, что еще Ж.-Ж. Руссо и его последователи говорили о возможности потенциальных угроз человечеству, которые могут возникнуть из-за огромной роли в развитии человека

машинных технологий, из-за отрыва человека от природы. Обращалось внимание на то, что угрозы порождены не самими технологиями, а той спецификой капиталистической оболочки, при которой они использовались.

Свой собственный вклад в теорию экономического развития внесла институциональная школа. Так, А. Н. Олейник считает, что анализ трех типов организаций – фирм, государств, домашних хозяйств – вплотную подводит к формулировке институциональной теории долгосрочного развития. Кроме того, он обращает внимание на необходимость выявления роли институциональных факторов в неоклассическом варианте теории развития и в неокейнсианских теориях экономической динамики для выявления принципов институциональной теории развития. По мнению А. Н. Олейника, после рассмотрения роли институтов в неинституциональных теориях роста можно формулировать требования институциональной теории развития:

- учет всей совокупности субъектов, чьи действия способны вызвать долгосрочный рост. Фигура предпринимателя – лишь одна из субъектов развития, к которым можно отнести государство, фирмы, домашнее хозяйство;

- учет институциональных условий, в которых функционируют субъекты долгосрочного развития. Данные условия могут стимулировать или тормозить деятельность новаторов;

- долгосрочный экономический рост есть функция от институциональных условий для развития инноваций [7, с. 389]. Р. М. Нуреев ставил вопрос об экономике развития, в частности, он ввел такой термин как «политическая экономия развития». В данном разделе исследования он выделил следующие аспекты. Во-первых, взаимодействие правительства и рынка. В рамках этого аспекта обращается внимание на роль человеческого и социального капиталов в процессе роста экономики. Далее говорится о том, что переход от традиционных правил к современным способствует развитию новых институтов, основанных на неперсонифицированном доверии, а значит развитию новых формальных норм и правил. Наконец, в вопросе о влиянии государства на рынок выделяются три модели взаимодействия: «невидимая рука», «грабьящая рука», «помогающая рука». В рамках механизма «невидимой руки» правительство создает институциональные предпосылки развития, само государственное вмешательство минимально, нет причин для развития коррупции. В странах с догоняющей моделью развития правительство ориентировано на создание институциональных предпосылок для процветания бизнеса, формируются условия возникновения лоббирования, так как какие-то отрасли должны стать приоритетными. Эта модель получила название «помогающей руки». Модель «грабьящей руки» относится к бывшим социалистическим странам, переходящим к рыночной системе. Второй аспект характеризует развитие как свободу. В такой постановке проблема была поставлена А. Сеном, который считал свободу выбора важной предпосылкой перехода к рыночной экономике. В ряду исследователей нет единства по поводу условий для свободного развития личности, концепцию

свободы можно разделить на позитивную и негативную, на свободу цели и свободу средств. А. Сен свободу как средство достижения целей называет инструментальной, а свободу саму по себе – истинной свободой. По его мнению, инструментальная свобода характерна теориям И. Бентама и М. Фридмена, а истинная свобода – А. Смиту, Дж. Стюарту, К. Марксу, Дж. Бьюкенену. Свобода занимает центральное место в системе взглядов А. Сена, так как, во-первых, расширение прав человека в обществе является показателем процесса развития; во-вторых, уровень развития непосредственно зависит от свободной деятельности членов общества.

На наш взгляд, совершенно необходимо в вопросе о развитии экономики обратиться к методу диалектического материализма. В современных условиях немногие авторы ведут исследования в этом аспекте. Один из последовательных марксистов А. В. Бузгалин, обосновывая актуальность теории марксизма в современных условиях, называет в качестве ценнейшего ее наследия диалектический метод. Он связывает данный инструмент исследования с теорией больших систем: «если мы ставим перед собой проблему исследования законов рождения, развития и заката «больших» систем, мы неизбежно встаем перед необходимостью использования системного диалектического метода» [1, с. 151]. Прежде всего авторы выдвигают аксиомы и теории диалектики. К аксиомам относятся следующие положения.

Первое: общественная жизнь может адекватно исследоваться лишь при помощи системного анализа. Системный анализ предполагает, во-первых, выделение групп элементов и их связей, во-вторых, системные качества, от которых зависят границы и пределы систем. Системное качество означает, что оно несводимо к сумме качеств элементов.

Второе: общественные системы развиваются, изменяются во времени и пространстве; они рождаются и умирают; в этом общественном развитии присутствуют как некоторые объективные, устойчивые, так и независимые от общественных действий субъектов черты.

Третья: объективную реальность необходимо рассматривать не просто как совокупность явлений, а как общественную практику, то есть совокупность действий и отношений индивидов в реальной экономике.

К первой теореме относится следующее. Для исследования системы необходим метод восхождения от абстрактного к конкретному, который проявит себя в генетическом развертывании системы категорий. Последний момент как раз будет отображать процесс полагания и снятия противоречий как действительное развитие системы. Данный метод позволит показать действительные процессы развития системы через выявление специфики каждого их разнокачественных элементов, субординировать их, выделять их действительное конкретное единство, показывать их неквантифицируемые связи, отобразить устойчивые закономерности развития. В рамках такого подхода выявляется отличие от функционально-математического метода, который дает результативность только в случае анализа однокачественных связей и элементов (квантифицируемых). В таком случае развитие в от-

личие от функционирования однокачественных объектов предполагает качественные трансформации. Далее авторы ставят задачу показать роль противоречия как ключа к пониманию закономерного хода генезиса, развития и заката системы. Авторы считают, что творческий марксизм уже достаточно разработал эту проблему, но считают необходимым обратить внимание на некоторые моменты. Во-первых, простейшее определение прямолинейного равномерного движения – это характеристика его как противоречия: движущееся тело и находится и не находится в любой сколько угодно малый момент времени в любой сколько угодно малой точке пространства. Во-вторых, диалектическое противоречие нельзя понимать в соответствии с упрощенным существующим подходом как всего лишь отрицающие друг друга формально-логические постулаты. При изучении диалектического противоречия необходимо акцентировать внимание на том, что это единство противоположных, отрицающих друг друга (и в силу единства самих себя) сторон предмета. Начинаясь с фиксации в виде антиномии, противоречие разворачивается в действительное, содержащее единство (тождество) и одновременно противоположность своих сторон, соединение которых возможно лишь в живом процессе разрешения противоречий. При разрешении противоречия оно снимается в новом отношении (противоречии), одновременно происходит и отрицание, и сохранение в генетическом преемнике прежнего отношения. Этот процесс повторяется на новых витках движения до тех пор, пока процесс развития (снятия) не доходит до предела, взрывается системное качество, что вызывает снятие прежней системы. Система гибнет, но возникает новое качество, «наследующее» прошлое. Современный марксизм подчеркивает идею о единстве процессов отрицания и развития как образования нового качества. Обращается внимание и на то, что в рамках диалектического метода процесс развития предполагает два одинаково важных этапа. К ним относятся как революционные, качественные изменения, так и эволюционные, происходящие без изменения качества «внутри» некоторой системы. Процесс накопления противоречий, «взрывного потенциала», не приводящий в данный момент к переходу в новое качество представляет такой же интерес для анализа диалектического развития, как и сам скачок.

Второй теоремой диалектического метода является анализ как сочетание исторического и логического методов. Реальный процесс развития общества всегда богаче, разнообразнее его теоретического описания, потому отличен от него. В то же время диалектическая логика позволяет определить некоторые закономерности общественного развития, которые отличаются от «зигзагов» истории. Диалектический метод делает акцент на принципе диалектического единства исторического и логического, когда система теоретических категорий формируется в процессе «отслеживания» объективного процесса генезиса, развития и «заката» самой материальной системы. Это может быть осуществленным посредством движения от практики к теории и обратно исследователем, погруженным в практику. В результате закономерные, неслучайные исторические этапы развития системы бу-

дуг эмпирическими основаниями для выделения теоретических абстракций, а логическая структура развитого целого отразит в своих основных пунктах историю его генезиса. Закономерно, что критерием «отсечения» исторических случайностей (зигзагов) и отображения теоретически значимых процессов служит практика функционирования зрелой системы. В том случае, если некоторый феномен генезиса воспроизводится ставшей системой – значит он теоретически закономерен, если нет – это чисто исторический феномен, «зигзаг».

Итак, не ставя цель дать новое определение развития или выделить какую-то концепцию как единственно верную, вместе с тем мы делаем следующие выводы после изложения материала данного параграфа.

Во-первых, категория экономического развития самостоятельна, ее анализ имеет смысл вне зависимости от категории экономического роста.

Во-вторых, рассмотрение концепций развития отдельных направлений экономической мысли показало, что формируется такой аспект экономического развития, как подготовка и переход современной экономики к новому качественному скачку.

Новое понимание природы современного развития, например, было обозначено в позиции Всемирного банка, который развитие характеризовал не просто как качественное изменение, а как целевую установку на развитие человека. В периодике последнего периода можно встретить такую мысль, что «развитие связано с выстраиванием человеческих способностей» [8, с. 75]. Обращается внимание на то, что до 1970-х годов под экономическим развитием понималось нарастание производства более высокими темпами, чем прирост населения. После этого периода «экономическое развитие» обогащается новыми качественными признаками, например, уровнем образования, культуры, системы здравоохранения [11, с. 24].

Литература

1. Бузгалин, А. В. Пределы капитала: методология и онтология / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М.: Культурная революция, 2009. – 680 с.
2. Веблен, Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной / Т. Веблен // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / Я. И. Кузьминов [и др.]. Высшая школа экономики. – 2-е изд. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. – 533 с.
3. Ерохина, Е. А. Теория экономического развития: (системно-самоорганизационный подход) / Е. А. Ерохина – Томск: ТГУ, 1999. – 160 с.
4. История экономических учений: учебное пособие / под ред. В. Автономова. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 784 с.
5. Косолапов, Н. Международные отношения и мировое развитие / Н. Косолапов // МЭиМО. – 2000. – № 2. – С. 104 – 112.
6. Нельсон, Ричард Р. Эволюционная теория экономических изменений [пер. с англ.] / Р. Нельсон, С. Уитнер. – М.: Дело, 2002. – 536 с.
7. Олейник, А. Н. Институциональная экономика: учебное пособие / А. Н. Олейник. – М.: Инфра-М, 2000. – 416 с.
8. Рашковская, Е. Что же такое развитие? / Е. Рашковская // МЭиМО. – 2010. – № 12.
9. Сорокин, Д. Е. Россия перед вызовом: политическая экономия ответа / Д. Е. Сорокин. – М.: Наука, 2003. – 239 с.
10. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1996. – 607 с.
11. Учебное пособие для студентов экономических вузов / под ред. Т. В. Чечелевой. – М.: Экзамен, 2003. – 320 с.
12. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

Информация об авторе:

Щербакова Людмила Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории экономического факультета КемГУ, 8(951)162-30-00, ludmilashc@yandex.ru.

Ludmila N. Shcherbakova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics, Kemerovo State University.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 340:004

КРАТКИЙ ОБЗОР ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Р. Г. Драпезо, О. Д. Сергеев, Е. В. Жариков, И. В. Лященко, Н. А. Быданцев

A SHORT REVIEW OF INFORMATION TECHNOLOGIES (IT) USED IN LEGAL ACTIVITY

R. G. Drapezo, O. D. Sergeev, E. V. Zharikov, I. V. Lyashchenko, N. A. Bydantsev

В данной статье авторы сделали попытку отразить признаваемые и применяемые в настоящее время в юридической деятельности ИТ-технологии. Авторы делают предположение, что эффективное развитие юридической науки невозможно без применения существующих ИТ-технологий. Авторы дают краткий обзор применяемым ИТ-технологиям и показывают, каким образом ИТ-технологии внедряются в юридическую жизнь, внося порой свои специфические изменения.

In this article authors made attempt to reflect the IT recognized and applied now in legal activity. The authors make the assumption that effective development of jurisprudence is impossible without use of the existing IT. The authors give a short review of IT used and show how the take root into legal life, sometimes bringing specific changes.

Ключевые слова: информационные технологии, информационный подход, цифровые доказательства, информационные системы, технические устройства и мобильные средства, правовые порталы.

Keywords: information technologies, information approach, digital proof, information systems, technical devices and mobile means, legal portals.

На современном этапе развития науки информационный подход является одним из доминирующих методов получения и использования знаний. Юриспруденция не является исключением. В этой связи особую значимость приобретают специальные технологии, направленные на получение, обработку, передачу и хранение информации, определяемые как информационные технологии (ИТ-технологии).

Так, например, в уголовном процессе влияние информационного подхода проявляется в частности на таком ключевом понятии как доказательство. В ст. 74 УПК РФ доказательства определяются как «любые сведения», то есть по сути информация. Более того, можно отметить, что процессуальная наука в значительной степени заинтересована в эффективных методах обработки информации. Так как речь идет о ее сборе, накоплении, оценке, передаче и хранении, важным является недопущение искажения информации в процессе обработки. Можно предположить, что эффективное развитие процессуальной науки невозможно без применения существующих ИТ-технологий и, к сожалению, следует отметить, что эти технологии внедряются в процессуальную сферу крайне медленно. Возможно даже следует сформировать в рамках процессуальной науки отдельное направление, систематизирующее существующие ИТ-технологии и адаптирующее их для достижения процессуальных целей.

В рамках данной статьи осуществим попытку отразить признаваемые и используемые в настоящее время в юридической деятельности ИТ-технологии.

1. Справочно-правовые системы (СПС)

Первым и, пожалуй, самым значимым достижением в ИТ-технологиях в юридической деятельности,

которое бесспорно изменило жизнь юристов, является создание СПС.

В 60 – 70-х годах XX столетия на Западе в виде бумажных носителей скопился огромный слабо структурированный информационный массив законодательной информации (документы внутреннего, международного права, парламентские материалы и т. п.). Примерно в это же время в общественную жизнь стали проникать компьютерные технологии. Растущий массив правовой информации, которым становилось все сложнее и сложнее управлять и систематизировать, с другой стороны, растущие возможности компьютерных технологий побудили западных юристов обратиться к специалистам в области ИТ-технологий. Запрос был простым и заключался в том, чтобы облечь правовой информационный массив в некую компьютерную оболочку, которая по определенным критериям упорядочивала, систематизировала и в короткие сроки находила любую правовую информацию.

Сложность такой задачи состояла не в том, чтобы разработать компьютерные технологии отвечающие требованиям юристов, а в том, чтобы провести смысловой анализ всего массива правовой информации на основе изучения значений единиц юридического языка (выявление синонимов, омонимов, антонимов, многозначных юридических слов и конструкций, анализ изменения значений единиц языка при их различных сочетаниях). На помощь пришел семантический анализ, позволивший назначать каждому правовому документу одну или большее количество «связей» (указатели на другие документы) [1, с. 117]. Примерно через двадцать лет подобная техника стала называться гипертекстом. Поэтому с определенной долей уверенности, можно сказать, что своему появлению

СПС обязаны в первую очередь созданием гипертекстовых технологий.

В 1967 году в Европе появилась первая электронная картотека для компьютерного поиска юридической информации – бельгийская система «Credos». В нашей стране первые СПС появились в 1975 году на базе созданного при Минюсте Научного центра правовой информации (НЦПИ). База НЦПИ вплоть до начала 90-х годов оставалась закрытой и не имела широкого доступа. В конце 80-х – начале 90-х годов ситуация изменилась коренным образом. В 1989 году появляется СПС «ЮСИС», в 1990 г. – «Гарант», в 1992 г. – «КонсультантПлюс» и т. д. [2, с. 113].

В настоящее время, начиная с 2011 года, стали появляться так называемые мобильные СПС. Это те СПС, которые доступны для работы с мобильных устройств: КПК, iPhone, iPad и т. п. Дело в том, что в мобильных устройствах установлены специфические операционные системы. На сайтах соответствующих СПС (например, «КонсультантПлюс», «Гарант») появились мобильные версии сайтов СПС с законодательной базой.

Можно видеть, что начиная с середины 60-х годов XX столетия развивается следующая тенденция: юридическая деятельность стала под свои специфические нужды приспособлять информационно-компьютерные и иные технические средства. Однако, как мы покажем далее, тенденция в XXI веке измениться зеркальным образом, когда информационные технологии начинают воздействовать на юридическую информацию, качественно меняя ее.

2. Автоматизированные информационные системы (АИС)

Другим весомым достижением можно считать внедрение практически во все виды юридической деятельности АИС. АИС успешно внедряются в процессы информатизации различных сфер государственного и муниципального управления [3, с. 23], систем судопроизводства (ГАС «Правосудие»), правоохранительной и экспертной деятельности и т. д. Более того, в условиях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации наблюдается постоянно возрастающая тенденция к интеграции государственных информационных систем и ресурсов.

В структуре АИС различают информационные технологии, применяемые в правоохранительной деятельности, пригодные для электронного доказывания (например, АДИС, АГИПС, АИЛС и т. п.) либо для целей розыска (например, ГИС «Зеркало», АГИПС «Сова»), в экспертной деятельности, где информация обрабатывается с помощью диалоговых решений (фотороботы), систем по принятию решений и т. п. («автоэкс», «балэкс», «наркоэкс» и др.), в судебной деятельности, на базе которых создаются автоматизированные банки судебных решений, ведется внутренний электронный документооборот и т. д. В. А. Ниесов и С. В. Зубенко [4, с. 55] причисляют вышеописанные технологии к информационным технологиям доказывания.

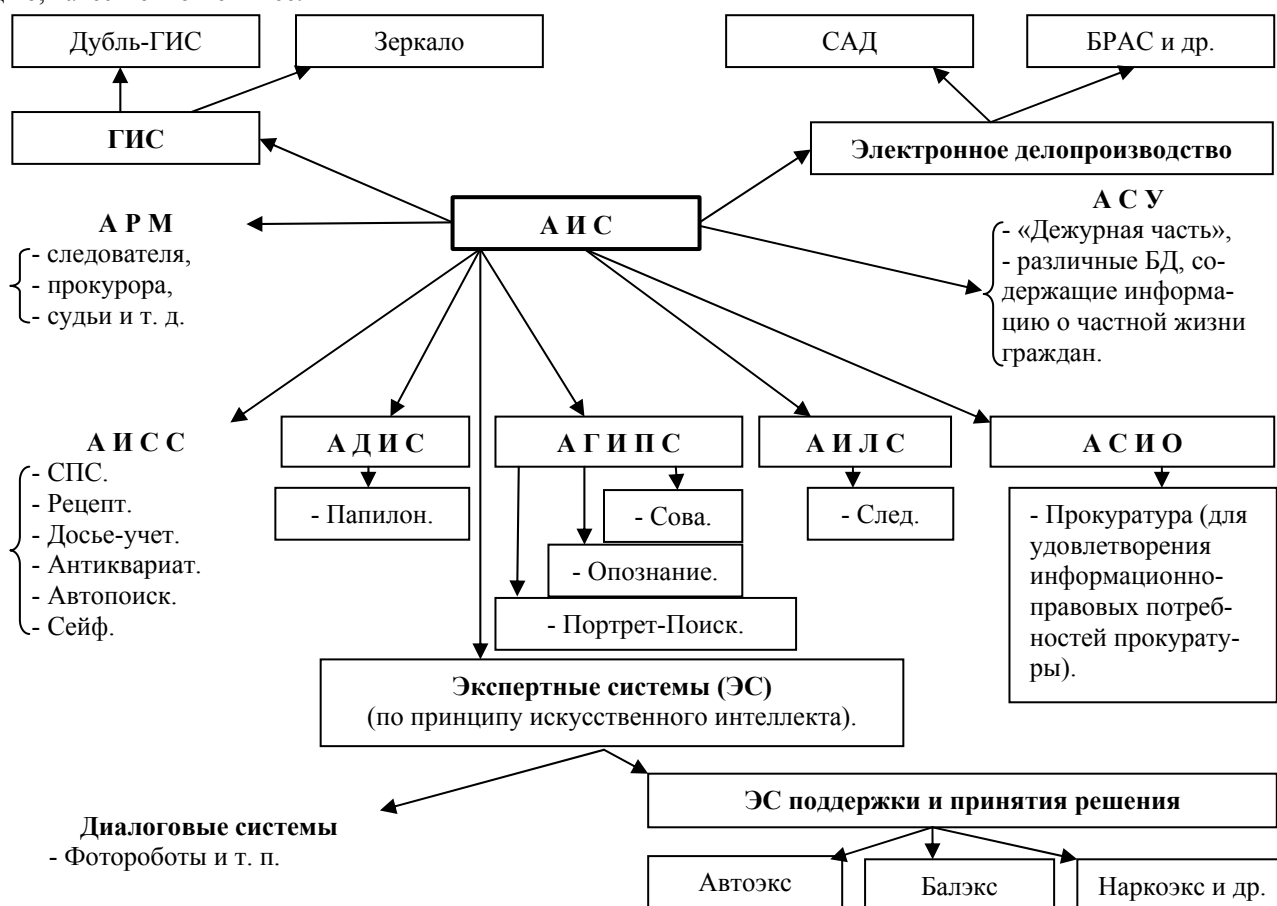

Рис. 1. Классификация существующих автоматизированных информационных систем, применяемых в юридической деятельности

Из рисунка 1 можем видеть, какое разнообразие среди АИС, созданных специально для информатизации работы юристов, среди которых выделим те АИС, которые появились недавно. К таким АИС будем относить ГИС, САД, БРАС, некоторые экспертные системы, базы данных с информацией о частной жизни граждан, о юридических лицах. САД и БРАС – это информационные системы, для внутреннего электронного документооборота, функционирующие в системе арбитражных судов и о которых много сказано [5, с. 10; 6, с. 33; 7, с. 40]. В противовес такой известной ГИС как Дубль-ГИС информация, полученная с этой системы, для арбитражных судей имеет вспомогательное значение в случаях, когда необходимо установить местонахождение организации.

Широкое распространение начиная с 2005 года в правоохранительных органах получили автоматизированные рабочие места (АРМ) «Следователя» и АРМ «Руководителя следственного подразделения». В этот период программные комплексы были установлены в следственные управления восьми федеральных округов. К концу 2006 года такое обеспечение было установлено уже в 37 регионах РФ. Сделано это было в рамках программы создания Единой Информационно-Телекоммуникационной Системы МВД России. Указанные программные комплексы созданы на платформе Microsoft.NET Framework 1.1. В качестве системы управления базами данных может использоваться Microsoft SQL Server 2000.

Эти программы предназначены для комплексной автоматизации деятельности руководителей и следователей подразделений органов предварительного следствия МВД России. Основной задачей данного прикладного программного обеспечения является оказание информационной поддержки сотрудникам органов предварительного следствия любого уровня при выполнении ими своих функциональных обязанностей в рамках доказывания при расследовании уголовных дел.

3. Электронный документооборот и электронная подпись

Соответственно, третьим и четвертым достижениям ИТ-технологий, изменившие жизнь юридической общественности стали электронный документ (ЭД), электронный документооборот (ЭДО) и электронная подпись (ЭП). ЭД, ЭДО и ЭП были разработаны, апробированы и внедрены в общественную жизнь нашей страны благодаря Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010). Не вдаваясь в подробности описанных выше технологий, так как это не входит в рамки настоящей статьи, скажем, что сейчас ЭД, ЭДО и ЭП постепенно трансформируются в электронные доказательства и в электронную систему их оценки. Подобные доказательства и их оценка в настоящее время допускается нормами УПК, ГПК и АПК РФ.

ЭД, ЭДО и ЭП могут выступать в процессуальном производстве в виде двух форм: 1) форма электронных доказательств, 2) форма электронной системы оценки доказательств. В первом случае электронные

доказательства (видео-, аудиозаписи, SMS-сообщения, электронная переписка и т. п.) выступают в качестве традиционных доказательств, которые несут на себе следы правонарушения. Например, SMS-мошенничество, письма с угрозами, поступающие на электронный адрес потерпевшего [8, с. 3], использование в качестве письменных доказательств в арбитражном процессе электронных документов, подписанных ЭП (ст. 75 АПК РФ) и т. п. Во втором случае, ЭДО и ЭП совместно представляют собой элементы информационной безопасности при защите персональных данных, данных, содержащих коммерческую и иную тайну. Обеспечивает информационную безопасность как сама ЭДО посредством инженерно-технического (ИБП, кодовые замки, сигнализация, камеры видеонаблюдения и т. п.), аппаратно-программного (сетевые адаптеры, фаервол, антивирусные программы, система паролей и логинов), правового и других уровней защиты, так и ЭП. В последнем случае ЭП в гражданском и арбитражном процессе как аналог собственноручной подписи позволяет обеспечить аутентификацию и идентификацию [9, с. 23]. Первая функция связана с подтверждением авторства документа, вторая – повышает его доказательственную силу. Другими словами, вторая форма как элементы информационной безопасности способствуют поиску доказательств проникновения в систему, изменения, уничтожения документов, персональных данных и т. п. То есть вторая форма может выступать и в качестве доказательств и в качестве инструмента доказывания.

4. Некоторые технические устройства

Трудно спорить с тем, что технические устройства изменили юридическую жизнь в плане добывания, фиксации и исследования доказательств. Другой разговор, что подразумевать под техническими устройствами. В первую очередь это технические средства, применяемые в разведывательной работе (средства аудио, видеозаписи и т. д.), которые органы госбезопасности активно применяют с момента их создания. Далее идут современные средства, такие как мобильные устройства коммуникации (мультимедийные смартфоны iPhone, iPad, планшетные ПК), мобильные средства защиты свидетеля. Начиная с 2011 года стали появляться так называемые мобильные СПС, мобильные версии правовых порталов. В настоящее время получить любую правовую информацию, включая информацию о судебных делах, оперативные сводки возможно не только с помощью компьютера, но и с помощью, например, мультимедийных смартфонов iPhone. Так, по адресу www.arbitr.ru/e-justice2/ikad находится бесплатное приложение «Мобильная картотека». Ее основная функция: экспресс-получение информации о движении практически любого арбитражного дела.

Еще одно новейшее средство – это мобильное средство защиты свидетеля. Последнее представляет собой комплекс технических решений, в который входят следующие элементы: плазменная панель, web-камера, микрофон, колонки, устройство по изменению речи свидетеля. Само мобильное средство располагается в смежной от зала судебного заседания

комнате. Можно думать, что следующий положительный шаг со стороны правоохранительных органов будет заключаться в организации подобных специально оборудованных помещений вне мест проведения судебных заседаний.

5. Видеоконференцсвязь (ВКС)

Данный вид ИТ-технологий юристам известен давно. В настоящее время ВКС обеспечивает проведение судебных заседаний в режиме удаленного участия осужденных, свидетелей и потерпевших в судах общей юрисдикции и между участвующими сторонами в арбитражных судах. Эффект от ВКС очевиден – экономия средств, времени и сил. В самом деле, нецелесообразно этапировать (что предполагает задействование внутренних войск, спецвагонов, других спецсредств, колоссальная трата времени) подсудимого из другого города ради уточнения некоторых обстоятельств дела. Ближайшая эволюция ВКС, по крайней мере в арбитражных судах, проведение ВКС в режиме on-line и off-line. То есть трансляция судебного заседания в режиме реального времени либо просмотр архивных видео-файлов.

Интересно отметить сходство в технике проведения и техническом оснащении ВКС и мобильных средств защиты (МСЗ). Однако имеются и принципиальные различия:

1) ВКС – это всегда двусторонняя связь, тогда как МСЗ предполагает одностороннюю связь;

2) в МСЗ есть устройство, изменяющее голос свидетеля, во всех остальных технических средствах ВКС и МСЗ совпадают;

3) различные цели применения.

Для ВКС это установление удаленного диалога, для МСЗ – обеспечение физической безопасности свидетеля. В таблице 1 мы приводим активность использования в арбитражном суде Кемеровской области технологии ВКС. Виден рост активности ВКС с 2011 года, что также прослеживается при сравнении двух последних месяцев 2010 и двух первых месяцев 2012 годов. Причем активность проведения заседаний с помощью ВКС наблюдается как по поручению арбитражного суда Кемеровской области, так и по поручению других судов.

Таблица 1

Статистика судебных заседаний в арбитражном суде Кемеровской области с помощью видеоконференцсвязи (ВКС)

Проведение заседаний с помощью ВКС	2010 г. (с 01.10.2010)	2011 г.	2012 г. (на 06.02.2012)
По поручению других судов	2	596	67
По поручению АС Кемеровской области	-	85	12

Таблица 2

Общая характеристика некоторых правовых порталов

Название и адрес портала	Предназначение
1. Официальный интернет-портал правовой информации (http://pravo.gov.ru)	Официальный интернет-источник правовой информации
2. Портал ВАС РФ (http://arbitr.ru)	Размещаются интегрированные системы, такие как картотека арбитражных дел; календарь судебных заседаний; решения арбитражных судов; бесплатное приложение «Мобильная картотека» и т. п.
3. Портал правоохранительных органов (http://112.ru)	Размещение таких сервисов, как «найденные дети»; «участковые»; «проверка автотранспортного средства»; «розыск» и т. д.
4. Портал Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (http://sudrf.ru)	Содержит такие подсистемы, как «банк судебных решений (судебной практики)»; «видеоконференц-связь»; «документооборот»; «обращения граждан» и т. п.
5. Портал Правительства Российской Федерации (http://правительство.рф)	– содержит ссылки на сайты исполнительной власти, президента РФ, на порталы «Госзакупки», «Госуслуги», «Общественных экспертиз законопроектов РФ»; – оснащен интерактивным общением с гражданами и т. д.
6. Портал «Почта России» (http://почта-россии.рф)	Снабжен поиском отделений почтовой связи, сервисом по отслеживанию почтовых отправлений.
7. Информационный нотариальный портал (http://notary.ru)	Содержит базы данных о нотариальных палатах и частнопрактикующих нотариусах России, судебную практику нотариусов и Нотариальных палат.

6. Правовые порталы

В настоящее время насчитывается несколько самых востребованных официальных правовых порталов, то есть интернет-сайтов, содержащих разнооб-

разную правовую информацию и полезные для юристов ссылки на другие сайты Интернета. Ценность для юристов таких порталов – в наличии автоматизированных банков оперативной информации (оперативные сводки, сводки официального опубликования и

т. п.), судебных актов, обеспеченность мобильными каталогами и т. д. В таблице 2 мы даем общую характеристику нескольких основных правовых порталов, с которыми чаще всего сталкиваются юристы и обычные граждане.

Отметим, что в зарубежных странах на базе государственных (правовых) порталов реализуется программа, когда гражданин или юридическое лицо может в интерактивном режиме подавать документы (исковое заявление и т. п.) в суд не только своей страны, но в суды других стран. Данная программа предусмотрена пока только для арбитражных судов.

7. Электронное правосудие

По мнению некоторых авторов, электронное правосудие представляет собой совершение процессуальных действий в цифровой форме [10, с. 5; 11, с. 3; 12, с. 16]. Кроме того, в настоящее время посредством цифровых технологий возможно совершение не только процессуальных, но и иных юридически значимых действий, например: интерактивные онлайн-сервисы ФНС, оформление загранпаспорта и виз, получение различных лицензий, электронная запись на прохождение ГТО, регистрация и снятие с регистрации транспортных средств, электронная запись на сдачу документов для государственной регистрации права собственности и сделок с недвижимым имуществом и т. п. Поэтому, как нам думается, электронное правосудие представляет собой составную часть концепции

электронного государства наравне с электронным правительством, электронным бизнесом, электронным документооборотом и т. п.

Для нашей страны электронное правосудие – это явление новое. В зарубежных странах попытки внедрения ИТ-технологий в правосудие наблюдались уже в конце двадцатого столетия [13]. Хотя это явление и новое для России, тем не менее, как можно видеть из таблицы 3, документы (исковые заявления, первичные документальные доказательства, предъявляемые сторонами и т. п.), подаются в арбитражный суд Кемеровской области преимущественно в электронной форме. Подача документов осуществляется пока посредством одной ИТ-технологии – через личный кабинет системы «Мой арбитр» (<https://my-arbitr.ru>). Подача документов через мобильные устройства (мобильные телефоны, мультимедийные смартфоны) сопряжена на данный момент с определенными трудностями в основном технического характера. Поэтому как видно из таблицы 3 личным кабинетом системы «Мой арбитр» в процессуальных целях посредством персонального компьютера пользуются чаще, чем посредством мобильных устройств. Кроме того, мобильные устройства, как показывает практика арбитражного суда Кемеровской области, в основном используются для поиска и отслеживания арбитражных дел с помощью бесплатного приложения «Мобильная картотека».

Таблица 3

Статистика поданных документов посредством ИТ-технологий в арбитражном суде Кемеровской области за 2011 год

Характеристики	Поступление электронных документов в 2011 г.	
	через личный кабинет (http://my.arbitr.ru)	через мобильные устройства (http://pda.kemerovo.arbitr.ru)
Количество документов	2773	1180

8. Доступ к иным интегрированным базам данных официальной правовой информации

Интегрированные базы данных, применяемые в общественной жизни, следует разделить на два вида:

1) это базы данных или реестры федеральной собственности и государственной собственности субъектов Российской Федерации; реестры муниципальной собственности и т. п. Информация, содержащаяся в них, официальная и может быть использована в качестве доказательств в суде. Иногда, предоставление информации из указанных реестров является необходимым условием для обращения в суд;

2) базы данных ЕГРЮЛ, ЕГРИП, земельный кадастр и т. п. Информация, также как и в первом виде баз данных, может быть использована в качестве официальных доказательств. Например, при обращении в арбитражный суд заявитель (в силу ст. 125 и ст. 126 АПК РФ) должен представить в качестве приложения к заявлению выписку из приведенных реестров на каждого из лиц, участвующих в деле.

В отдельных видах процессов (например, в административном, в том числе, когда административные дела рассматриваются арбитражным судом), информация, содержащаяся в указанных базах данных (рее-

страх), не всегда может быть использована в качестве непосредственных доказательств. А предполагает предание ей статуса доказательства («легализация») в рамках процедуры предусмотренной КоАП РФ.

Например, при установлении факта самовольного занятия земельного участка (или пользования без правоустанавливающих документов) может быть использована информация, находящаяся в земельном кадастре. Зачастую факт подобного правонарушения устанавливается органами земельного контроля посредством сопоставления информации, содержащейся в земельном кадастре (в графической форме) с картами-схемами, полученными посредством спутниковой связи. Однако подобное сопоставление должно быть произведено в соответствующей процессуальной форме: с выездом на место, осмотром участка с участием лиц, которые им пользуются, в присутствии понятых и свидетелей, составлением необходимых процессуальных документов. Например, когда миграционная служба фотографирует мигрантов на рынках без объявления, что они придут, без оформления процессуальных документов, без свидетелей и понятых, без описания технических характеристик видеоуст-

ройства. Это в процессе не будет рассмотрено как допустимые доказательства.

Данную процедуру зачастую официальные органы не делают, что в последующем приводит к невозможности привлечения к административной ответственности лица, совершившего правонарушение, либо к отмене постановления административного органа о привлечении к административной ответственности.

Другими словами, информационные технологии без знания административного, уголовного, арбитражного, гражданского процесса не приводят к достижению значимого юридического результата. То есть информационные технологии – это средства, которые современному юристу надо уметь использовать в соответствующей юридической деятельности, уметь их инкорпорировать в юридические процессы и процедуры.

Таким образом, информация, содержащаяся в официальных базах данных, может быть использована в качестве доказательств, а сопровождающее их информационно-телекоммуникационное оборудование – в качестве электронных инструментов доказывания.

9. Возможность использования в качестве доказательств цифровой информации, полученной регистрирующими приборами, работающими в автоматическом режиме

Существуют банки видеoinформации, которые формируются в автоматическом режиме и хранится фиксированное количество времени. Такая информация получается с помощью, например:

- а) видеокамеры на дорогах;
- б) авторегистраторы, которые можно установить на транспортные средства;
- в) видеокамеры в подъездах, возле банкоматов, в местах общественного пользования, в госорганах и т. п.

Информация, содержащаяся в этих банках данных, тоже может быть использована в качестве доказательств.

Научно-технический прогресс благоприятным образом сказывается и на совершенствовании средств и методов борьбы с преступностью. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 186¹ УПК РФ при наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. Указанное следственное действие появилось в арсенале следователя, благодаря Федеральному закону от 1 июля 2010 года № 143-ФЗ, который внес соответствующие изменения и дополнения в УПК РФ. К слову следует отметить, что это пример полезного нововведения в уголовно-процессуальный закон, который претерпел уже множество изменений.

Литература

1. Чубукова, С. Г. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): учебное пособие / С. Г. Чубукова, В. Д. Элькин. – Изд. 2-е, испр., доп.; под ред. М. М. Рассолова, В. Д. Элькина. – М.: КОНТРАКТ, 2007. – 287 с.

Укажем, что перед авторами не стоит задача рассмотреть процессуальные или криминалистические особенности проведения следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», определить круг связанных с этим теоретических и практических проблем. Интерес представляет само значение для современного уголовного процесса России данного следственного действия, которое также именуют «биллинг» или «детализация», в свете теории доказывания.

Общеизвестно, что результатом любого следственного действия является получение доказательства – информации, имеющей значение для установления обстоятельств по уголовному делу. Так, полученная в результате рассматриваемого следственного действия информация позволяет подтвердить или опровергнуть не только факт самого соединения между определенными абонентами или абонентскими устройствами, что может иметь существенное значение для доказывания виновности или невиновности подозреваемого или обвиняемого, но и указывать на место нахождения лица, подвергаемого уголовному преследованию, в момент совершения преступления, его дальнейшее перемещение, локализацию места нахождения.

Так, сигнал абонентского устройства пеленгуется станцией сотового оператора, которая наиболее приближена к месту нахождения такого устройства. Таким образом, возможно проследить маршрут передвижения подозреваемого, обвиняемого от места совершения преступления до его конечной точки. Например, завладев сотовым телефоном в микрорайоне «Красная горка» в пределах зоны действия станции, расположенной по адресу: г. Кемерово, ул. Краснофлотская, д. № N, преступник проследовал до микрорайона «МЖК», где сигнал сотового телефона был запеленгован последний раз станцией, расположенной около торгового центра «РАДУГА». Тем самым, можно предположить, например, что преступник сбыл похищенный сотовый телефон в какой-либо комиссионный магазин, ломбард, расположенный как в самом торговом центре, так и рядом с ним.

Появление подобной информации в распоряжении следователя позволяет выстраивать наиболее вероятные версии, позволяющие оперативнее и эффективнее раскрывать и расследовать преступления. К тому же в качестве примера мог бы рассматриваться и иной вариант, например, когда совершено преступление, связанное с похищением человека, посягательством на его половую неприкосновенность, жизнь.

Современная правоприменительная действительность подтверждает актуальность описанного следственного действия, что иллюстрируется примерами судебной и следственной практики (примерно в 70 % от всех рассматриваемых дел применялось данное следственное действие) [14], а также свидетельствует о его реальной пользе в деле борьбы с преступностью.

2. Введение в правовую информатику. Справочно-правовые системы КонсультантПлюс: учебник для вузов / под. общ. ред. Д. Б. Новикова, В. Л. Камынина. – М.: КонсультантПлюс – Новые Технологии, 2009. – 256 с.
3. Амелин, Р. В. Автоматизированная информационная система как источник права / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов // Информационное право. – 2008. – № 2.
4. Нисов, В. А. Правовое и информационное обеспечение доказательственной деятельности в уголовном процессе / В. А. Нисов, С. В. Зубенко // Российская юстиция. – 2009. – № 5
5. Вдовина, Е. Развитие принципа гласности в гражданском и арбитражном процессе / Е. Вдовина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 10.
6. Брановицкий, К. Л. Судебное решение в электронной форме (правовое регулирование в ФРГ) / К. Л. Брановицкий // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 4.
7. Доржиев, Э. П. Организация работы помощника судьи арбитражного суда в условиях электронного правосудия / Э. П. Доржиев // Юрист. – 2011. – № 9.
8. Иванов, Н. А. Использование компьютерных доказательств при расследовании убийств / Н. А. Иванов // Российский следователь. – 2009. – № 24.
9. Ворожбит, С. П. Проблемы представления и исследования электронных почтовых сообщений в арбитражном процессе / С. П. Ворожбит // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 1.
10. Фоков, А. П. Об итогах деятельности арбитражных судов Российской Федерации в 2010 г. и о перспективах развития электронного правосудия / А. П. Фоков // Российский судья. – 2011. – № 6.
11. Федосеева, Н. Н. Электронное правосудие в России и в мире / Н. Н. Федосеева, М. А. Чайковская // Администратор суда. – 2011. – № 3.
12. Решетняк, В. И. Электронное правосудие и судебное представительство в гражданском и арбитражном процессах / В. И. Решетняк // Адвокат. – 2011. – № 5.
13. Allen, T. Computer Simulation of Judicial Behavior / T. Allen, M. Aikenhead, R. Widdison // Web Journal of Current Legal Issues. – 1998.
14. Архив Заводского районного суда г. Кемерово за 2011 год.

Информация об авторах:

Драпезо Роман Григорьевич – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8960-909-9144, Uri_nit@kemsu.ru.

Roman G. Drapazo – Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Сергеев Олег Дмитриевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8905-074-0356, Uri_nit@kemsu.ru.

Oleg D. Sergeev – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Жариков Евгений Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8903-907-7251, Uri_nit@kemsu.ru.

Evgeny V. Zharikov – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Лященко Илья Владимирович – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8906-928-3796, Uri_nit@kemsu.ru.

Iliya V. Lyashchenko – Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Быданцев Николай Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8903-943-8814, Uri_nit@kemsu.ru.

Nikolay A. Bydantsev – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

СУБЪЕКТЫ КАЧЕСТВА ТРУДА

Н. Н. Ломовских

THE PARTIES TO LABOUR'S QUALITY CONTROL

N. N. Lomovskikh

Социологическое исследование, проведенное на предприятиях Западной Сибири, показало, что в организациях региона сложилась система общественных отношений, которая обеспечивает качественное ведение технологического процесса, выпуск качественной продукции. Участниками (субъектами) таких отношений являются органы и должностные лица общей и специальной компетенции, наемный работник (непосредственный исполнитель), первичный производственный коллектив. В локальных нормативных правовых актах закреплены их права и обязанности, которые условно можно классифицировать на четыре группы.

A sociological study carried out in Western Siberia found that in organizations of the region, a system of social relations is formed, ensuring the high-fidelity conduct of the technological process. The parties to such relations are: organs and office holders of general and special competence, the employee (a particular practitioner), the primary production collective. Their rights and duties are fixed in local normative legal acts which can be divided into four groups.

Ключевые слова: качество труда, технологический процесс, права и обязанности субъектов, обеспечивающих качество труда в организации.

Keywords: labour's quality, technological process, parties to labour's quality, rights and duties.

Выпуск конкурентоспособного продукта обусловлен, прежде всего, качеством процесса труда в организациях, занятых его производством. Собственный формулирует цели, задачи деятельности предприятия, определяет вид и содержание технологического процесса, обеспечивает его качество посредством применения определенных правовых норм, которые обычно закреплены в локальных нормативных правовых актах. Каждое трудовое действие (бездействие) программируется работодателем в документах технологического процесса (технологических инструкциях, технологических регламентах, операционных листах, картах эскизов, ведомостях материалов и оборудования и других).

Современные исследователи не уделяют должного внимания вопросам правового регулирования качества труда. Большинство авторов связывают это понятие с его сложностью, квалификацией, ответственностью, напряженностью, тяжестью, самостоятельностью, соблюдением работником трудовой, производственной и технологической дисциплины, отношением к труду [1, с. 334; 2, с. 404 – 405; 3, с. 259; 4, с. 352 – 353]. Поэтому в литературе по трудовому праву рассматриваются проблемы правовой регламентации условий, способствующих обеспечению надлежащего качества труда, его повышению. В основе правового регулирования качества труда лежат отношения по организации и ведению технологического процесса. Прежде всего, необходима правовая регламентация последовательности и содержания технологических операций, совершаемых работником, процедуры осуществления контроля за соблюдением требований технологического процесса (технологических норм), оценки работодателем конечного результата труда.

В организациях Западно-Сибирского региона изучены локальные нормативные правовые акты, содержащие нормы, обеспечивающие качественное ведение технологического процесса, выпуск качествен-

ной продукции. Социологическое исследование позволило сделать вывод о наличии в системе трудового права специального института, который можно назвать «качество труда». Системе норм, составляющих этот институт, свойственна нормативная обособленность, правовой механизм их реализации и определенный субъектный состав. Круг субъектов определяется общественными отношениями, которые составляют предмет данного института трудового права.

Нормы института качества труда регулируют отношения, возникающие в организации при разработке, установлении, корректировке технологических норм; формировании и определении содержания компетенции органов и должностных лиц, контролирующих качество труда наемного работника, первичного производственного коллектива; осуществлении контроля работодателем за соблюдением наемным работником, первичным производственным коллективом требований технологического процесса; корректировке трудового процесса; оценивании работодателем конечного результата труда.

Участниками (субъектами) таких отношений являются наемный работник (непосредственный исполнитель), первичный производственный коллектив; должностные лица и органы в структуре организации, обеспечивающие качественное ведение технологического процесса. По сути, речь идет об основных субъектах трудового права – работнике и работодателе (его представителях). Реализуя процесс изготовления качественной и безопасной для жизни и здоровья человека продукции (оказания услуги, выполнения работы), они наделяются определенной совокупностью прав и обязанностей, что позволяет рассматривать эти субъекты в ином качестве.

Социологическое исследование показало, что наиболее широко система органов, контролирующих качество труда наемного работника, представлена в структуре производственных предприятий. В органи-

зациях, занятых в сфере оказания услуг, функции по обеспечению качественного ведения технологического процесса выполняют заместители руководителя, начальники структурных подразделений, главные и ведущие специалисты. Например, в Сибирском филиале Международного института экономики и права (СФ МИЭП, г. Новокузнецк) обязанность по осуществлению контроля качества проведения преподавателями всех видов учебных занятий возложена на ведущую соответствующей кафедрой (п. 2.3 должностной инструкции зав. кафедрой СФ МИЭП). Контроль за выполнением преподавательским составом учебной нагрузки и ее корректировка осуществляется заместителем директора филиала по учебной работе (п. 2.5 должностной инструкции зам. директора СФ МИЭП по учебной работе). За качество содержания юридических документов, подготовленных юристконсультами ЗАО «Корпорация права «Фемида» (г. Новокузнецк), несет ответственность ведущий юристконсульт (п. 2.4 должностной инструкции ведущего юристконсульта). В учреждениях могут формироваться и структурные подразделения, ответственные за качество труда и его результаты. Так, в Кузбасской педагогической академии создано специализированное подразделение – Центр менеджмента качества, в обязанности которого входит разработка механизмов оценки качества работы профессорско-преподавательского состава и, как следствие, качества подготовки выпускников.

Система органов, обеспечивающих качество труда наемного работника, опосредована в локальных нормативных правовых актах.

Руководитель уставом организации наделен правом утверждать положения о структурных подразделениях, должностные инструкции, документы технологического процесса. Стандартами предприятия на директора возлагается обязанность по руководству разработкой политики в области качества и осуществлению контроля за ее реализацией всеми структурными подразделениями.

Наличие в структуре предприятия отдела технического контроля (ОТК), заводской лаборатории, отдела качества, технологической службы предусмотрено правилами внутреннего трудового распорядка крупных производственных компаний. Так, в ООО «Новокузнецкий домостроительный комбинат» – это отдел главного технолога и контроля качества; в ООО «Завод Промаш» (г. Прокопьевск), ООО «Управляющая компания «Кузнецкий машиностроительный завод» (г. Новокузнецк), ОАО «Завод Универсал» (г. Новокузнецк) – отделы технического контроля; в ОАО «Завод Гидромаш» (г. Новокузнецк) сформирована служба качества.

В положениях о специализированных подразделениях конкретизируются их задачи, порядок взаимодействия с другими подразделениями, закрепляются права, обязанности, ответственность руководителя. На производственных предприятиях отделы, контролирующие качество работы, нередко имеют дополнительно в своей структуре подразделения, ответственные за систематизацию и хранение документов технологического процесса. Так, в ООО «Новосибирскпромаш» специалисты Службы по документо-

обороту ответственны за своевременное обеспечение работников локальными нормативными правовыми актами, содержащими требования техпроцесса.

Функции отделов технического контроля реализуют начальник отдела (инженер по качеству), специалисты отделов технического контроля (контролер ОТК, мастер ОТК).

Разветвленную структуру имеют заводские лаборатории, на которые локальными нормативными правовыми актами организации возложены функции по проведению различных видов контроля качества работы и испытаний изготовленной продукции. В состав центральной заводской лаборатории в зависимости от специфики производства могут входить химическая лаборатория, электротехническая лаборатория, механическая лаборатория, металлографическая лаборатория, лаборатория пластмасс, санитарная лаборатория и другие. Права и обязанности по проведению контрольных мероприятий возложены на начальников лабораторий, лаборантов.

Организацию контроля качества работы рабочих и служащих осуществляют должностные лица, отнесенные к категории руководителей. В зависимости от специфики технологического процесса на предприятии учреждаются должности главного инженера, ведущего (главного) конструктора, главного технолога, главного механика и другие.

Соответствие трудовых действий (бездействия) наемного работника требованиям, установленным нормами документов технологического процесса, контролируют руководители цехов, участков, отделов (начальник участка, начальник цеха, бригадир, мастер). Такими полномочиями указанные лица наделяются должностными инструкциями.

Штатным расписанием в организациях большинства производственных предприятий вводится должность технолога. Он устанавливает порядок осуществления технологических операций и контролирует их качество, оформляет ряд документов техпроцесса (маршрутные карты, операционные листы, ведомости материалов и оборудования).

В организациях малого бизнеса качество труда обеспечивает руководитель. Так, в ООО «Цех лакокрасочных изделий» (г. Киселевск, Кемеровская область) заняты три работника: инженер-химик, технолог и колорист. Правилами внутреннего трудового распорядка предусматривается обязанность работников сдавать готовую продукцию директору. В ООО «Кузнецк Инжиниринг» (г. Новокузнецк) согласно штатному расписанию трудятся четыре человека: два фрезеровщика и два жестянщика. Руководитель лично проверяет качество готовой продукции. В ООО «Стома» (г. Новокузнецк) согласно положению о качестве оказания медицинских услуг (п. 4.4) директор проверяет амбулаторные карты, содержание назначенных пациентам процедур врачом стоматологом-терапевтом, стоматологом-ортопедом.

В зависимости от целевого назначения можно выделить органы и должностные лица специальной компетенции и общей компетенции. Первые сформированы для осуществления контроля за качеством работы, корректировки трудового процесса, оценивания конечного результата труда. К ним относятся отделы

технического контроля, заводские лаборатории и их работники, технологи, специалисты по качеству. Вторые наделены контрольными полномочиями в силу их правового положения в структуре организации (руководитель организации, главный инженер, главный конструктор, главный механик, руководители структурных подразделений, мастера, бригадиры).

Локальными нормативными правовыми актами закрепляются права и обязанности субъектов, обеспечивающих качество труда в организации. Условно их можно подразделить на четыре группы.

Первая группа – это права и обязанности по организации качества работы. Как правило, их реализуют органы общей компетенции (руководитель, главный инженер, главный конструктор, главный механик, руководители структурных подразделений). Они вправе вносить предложения о формировании в структуре организации специальных субъектов для осуществления контроля качества работы; проверять готовность структурных подразделений организации обеспечить неукоснительное соблюдение наемным работником требований технологических норм, качество его труда. Такие органы обязаны обеспечивать своевременную и качественную подготовку к эксплуатации оборудования, используемого работником в процессе труда; организовывать разработку и реализацию планов внедрения новой техники и технологии, проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; организовывать обучение и повышение квалификации работников для качественного выполнения поставленных перед ними задач по производству продукции, оказанию услуг, выполнению работ. Такие права и обязанности закреплены в должностных инструкциях главного инженера, главного механика ООО «Новокузнецкий домостроительный комбинат»; главных специалистов (механика, энергетика) ЗАО «Томь-Усинский завод железобетонных конструкций» (г. Мыски, Кемеровская область); начальника производства, ведущего инженера-конструктора ООО «Новосибирскпродмаш».

Вторая группа объединяет права и обязанности по разработке, принятию, введению в действие документов техпроцесса. Такими полномочиями наделены должностные лица как общей, так и специальной компетенции: руководитель организации, главный инженер, главный конструктор, главный технолог, инженеры отделов технического контроля, работники заводских лабораторий, руководители структурных подразделений (начальники участков, цехов, отделов), технологи. Они вправе вносить предложения о необходимости принятия технологических норм, согласовывать их, изменять (пересматривать). Например, Уставом ЗАО «Кузбасспромсервис» (г. Новокузнецк) на генерального директора возлагается обязанность по утверждению и введению в действие локальных нормативных правовых актов организации. Должностными инструкциями главного технолога и главного конструктора этого предприятия предусматривается обязанность этих лиц проводить экспертизу документов технологического процесса и согласовывать принятие соответствующих нормативных правовых актов. В положении об отделе технического контроля ЗАО «Кузбасспромсервис» закреплено право инжене-

ра ОТК вносить предложения о необходимости совершенствования техпроцесса, разработки новых технологических требований. Должностные лица, ответственные за организацию технологического процесса, обязаны обеспечивать своевременную подготовку технологической документации (технических условий, технологических инструкций, технологических карт, карт эскизов и других). Так, в ООО «Управляющая компания «Кузнецкий машиностроительный завод» (г. Новокузнецк) начальник Технической службы завода обеспечивает конкретный заказ необходимой конструкторской и технологической документацией (п. 6.3 руководства по качеству).

Третья группа включает права и обязанности по оценке соответствия трудовых действий наемного работника, первичного производственного коллектива требованиям технологических норм и корректировке технологического процесса. Ими обладают должностные лица специальной компетенции (мастера отделов технического контроля, специалисты службы качества, лаборанты, технологи, мастера, бригадиры, руководители структурных подразделений, непосредственно занятых в ведении технологического процесса). Они вправе требовать соблюдения исполнителем технологических норм, то есть качественного выполнения порученной ему работы. В нормативных правовых актах закреплены обязанности этой группы должностных лиц: осуществлять контроль за соблюдением работником требований технологических документов; разрабатывать и контролировать выполнение планов (графиков) осмотров оборудования, инструментов, ведения записей в операционных журналах; выявлять нарушения технологических норм и приостанавливать совершение технологических операций в случае недопустимых отклонений от требований документов техпроцесса. Например, в ООО «АЗОТ-Черниговец» (г. Кемерово) технолог и лаборант в структуре цеха производства взрывчатых веществ не выделены в отдел технического контроля, но осуществляют функции по контролю качества изготавливаемой продукции. В соответствии с требованиями Регламента технологического процесса изготовления эмульсии нитронита на установке СЭМП (РТП 002-58995878-2007) в течение процесса смешения компонентов лаборантом берутся пробы на каждой стадии приготовления, о чем делается отметка в листе оператора. На основании записей лаборанта технолог осуществляет операционный контроль. Если в результате проб выявлены отклонения от параметров, установленных технологическими документами, то процесс приготовления эмульсии приостанавливается и корректируется с участием лаборанта и технолога. Форма листа оператора введена и утверждена распоряжением главного технолога.

В состав четвертой группы включаются права и обязанности по оценке качества результата труда наемных работников субъектами специальной компетенции. Они вправе вносить предложения об устранении причин некачественного выполнения исполнителем работы и, как следствие, изготовления бракованной продукции. Их обязанности также закреплены в нормативных правовых актах: оформлять результаты приемочного контроля и испытаний готовой про-

дукции, вести их учет, изучать причины, вызывающие брак, и принимать меры по их устранению; своевременно извещать соответствующие подразделения предприятия о результатах контрольных мероприятий. Например, качество готового продукта (взрывчатой смеси) в ООО «АЗОТ-Черниговец» проверяется при зарядании скважин для взрыва. Требования Регламента технологического процесса изготовления промышленных взрывчатых веществ нитронитов в смесительно-зарядной машине "Универсал" и зарядания ими скважин предписывают делать замеры плотности взрывчатой массы (именно она характеризует качество взрывчатого материала) сразу после зарядания скважины, затем через 15 минут, затем через 30 минут. Показатели замеров, выявленные отклонения фиксируются лаборантом или технологом уже в сопроводительном листе. При проведении взрыва с неудовлетворительными параметрами, создается комиссия по установлению причин некачественно проведенных взрывных работ. Порядок создания и деятельности комиссии установлен Положением о работе комиссии по установлению причин отклонений от качественных показателей при проведении взрывных работ. Положение утверждено генеральным директором, согласовано с инженером по охране труда, главным инженером, главным технологом и начальником взрывного участка.

В некоторых организациях права и обязанности субъектов специальной компетенции, условно отнесенные к третьей и четвертой группе, закрепляются в локальных нормативных правовых актах, разработанных в рамках системы менеджмента качества. Обычно – это планы качества определенного вида продукции, услуги, работы; стандарты предприятия «Организация и проведение входного контроля», «Контроль и испытания в процессе производства», «Корректирующие и предупреждающие действия» и другие. Такими документами руководствуются при осуществле-

нии контроля качества труда в ОАО «Новокузнецкий завод резервуарных металлоконструкций» (г. Новокузнецк), в ООО «Управляющая компания «Кузнецкий машиностроительный завод» (г. Новокузнецк).

Цель собственника организации по производству конкретной продукции, оказании услуги, выполнении работы реализует наемный работник, соблюдая требования, установленные технологическими нормами. Работник несет ответственность за качество процесса труда и его результат. Выполняя обязанность незамедлительно сообщать о выходе из строя оборудования, об отклонениях от норм техпроцесса, осуществляя самоконтроль, непосредственный исполнитель становится субъектом института качества труда. Так, резчик металла в ООО «Новокузнецкий домостроительный комбинат» не вправе приступать к работе при «неисправности зажимных и транспортных устройств, предназначенных для зажима и подачи материала» и обязан сообщить об этом непосредственному руководителю работ, если неисправность не может быть им устранена самостоятельно (п. 3.10.6.9 Инструкции по охране труда для резчика металла на пилах-ножовках и станках). Инструкцией также закреплена обязанность работника сообщить своему сменщику и непосредственному руководителю работ об отклонениях от требований технологического процесса (п. 5.3).

Для выполнения однородных или взаимосвязанных технологических операций работодателем организуется первичный производственный коллектив. От того, насколько точно каждый работник будет соблюдать установленные документами технологического процесса требования, зависит качество работы бригады, смены и, как следствие, качество технологического процесса в организации. Наряду с наемным работником первичный производственный коллектив можно отнести к субъектам качества труда.

Литература

1. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). Новая редакция / отв. ред. М. О. Буянова, И. А. Костян. – Изд. 5-е перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2007.
2. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. Л. Гейхман, Е.Н. Сидоренко. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007.
3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. проф. Ю. П. Орловский. – М.: Контракт-Инфра-М, 2007.
4. Трудовое право: учебник / под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой. – М.: Проспект, 2009.

Информация об авторе:

Ломовских Наталья Николаевна – аспирантка юридического института Томского государственного университета, 8-903-942-12-49, leo-lom@mail.ru.

Natalya N. Lomovskikh – post-graduate student at the Institute of Law, Tomsk State University.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов – через запятую).
5. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках:** полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, редакция журнала «Вестник КемГУ»
Телефон: (3842) 58-13-01;
Факс: (3842) 58-38-85
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

- Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).
- Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944.
- Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 15.03.2013 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 40. Уч.- изд. л. – 37,98.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.